

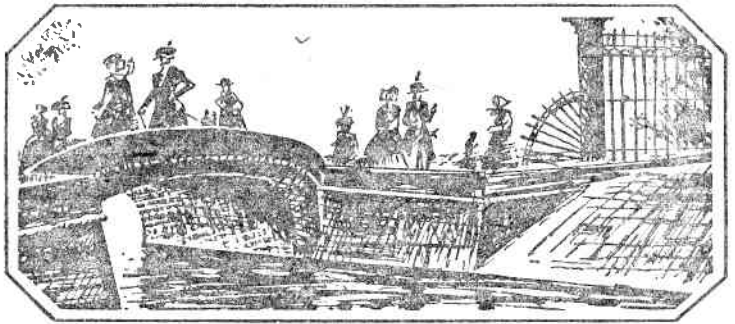

СО ШПАГОЙ
И
ФАКЕЛОМ

1725-1825

Дворцовые перевороты
в России

СО ШПАГОЙ
И
ФАКЕЛОМ

Дворцовые перевороты
в России

1725—1825

МОСКВА
«СОВРЕМЕНИК»
1991

ББК 63.3(2)46
С54

Составление, вступительная статья,
комментарии *М. А. Бойцова*

С54 **Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в
России 1725—1825 /Сост., вступ. ст., коммент.
М. А. Бойцова.— М.: Современник, 1991.— 590 с.
ISBN 5—270—01369—X**

В сборник вошли первоисточники — мемуары, дневники, письма, материалы официальных расследований, относящиеся к событиям «эпохи дворцовых переворотов».

Перед читателем пройдут драматические эпизоды, начиная с интриг вокруг смерти Петра I и кончая убийством Павла I. Большинство материалов, включенных в книгу, не переиздавалось в годы Советской власти, некоторые — публикуются на русском языке впервые.

С 4702010101—130 38—91
М106(03)—91

ББК 63.3(2)46

ISBN 5—270—01369—X

© Составление, вступительная статья,
комментарии М. А. Бойцова; 1991, художе-
ственное оформление С. Соколова.

«...КЛИИ СТРАШНЫЙ ГЛАС»

Каждое столетие оставляет потомкам не только документы и книги, картины и технические приспособления, дворцы и надгробия, но еще и свой образ, легенду о самом себе, живущую в памяти поколений. Легенде необязательно во всех деталях отвечать строгим требованиям исторической достоверности. А потому сложившийся в сознании наших современников облик российского восемнадцатого века кажется профессиональному историку, по крайней мере, неполным и не вполне точным. Зато этот образ красочен и эмоционален. Каждый вспомнит славные победы при Полтаве, Кагуле, Чесме и Рымнике, непреклонного Петра, Андреевский флаг над балтийскими волнами и шпиль Петропавловского собора... Есть в нашей памяти и каторга демидовских заводов, кровавый пожар пугачевщины, «прелести» Тайной канцелярии и подобных ей учреждений, всегда хорошо приживавшихся на отечественной почве. Но помимо успехов российской государственности, помимо социальной розни было в XVIII веке что-то вызывающее ностальгию у современного человека, делающее то столетие милым нашим сердцам. Галантный век с его придворной мишурой, нанудренными париками, необозримыми кринолинами и потрясающими декольте похож на праздник, на маскарад, на театральное действие. Хрупкая изысканность стиля той жизни увлекает своей подчеркнутой отрешенностью от грубости окружающего бытия. В наше время, когда все подчинено принципу строгой целесообразности, расчету и удобству, так тянет полюбоваться (немножко снисходительно и чуточку с иронией) затейливым, почти кукольным мирком, построенным вроде бы совершенно по иным законам. Искусственность жестов, одеяний, причесок и светской речи. Эта искусственность по-своему совершенна. Мы готовы следить за хитросплетенной интригой при елизаветинском или екатерининском дворе с жадным любопытством и не испытывать негодования от лживости, коварства и жестокости ее зачинщиков — нас интересует прежде всего тонкость работы. Ну а если вдруг дело кончится казнью и кровью, мы готовы чуть ли не обижаться — почему в таком остроумном, филигранном спектакле допущены столь грубые натуралистические сцены?!

Прелесть эпохи состоит для нас, наверное, еще и в том, что это молодость, героический век становления современной, отчасти европеизированной России. Мы видим здесь цельные героические характеры энергичных фаворитов, блистающих бриллиантовыми звездами и в про-

межутке между «машкерадами» присоединяющих к империи обширные земли. Мы завидуем в глубине души удачливым авантюристам, на которых так богато позапрошлое столетие. Артистизм, изящество, с какими избегали на высшие ступени власти вчера еще совершенно безвестные люди, подходят скорее сюжету авантюрного романа, чем реальной жизни. Кажется, что никто тогда не был в разладе с самим собой, не мучился гамлетовскими вопросами, не боялся глядеть в будущее. Под вычурным, несколько декадентским нарядом, заимствованным из Европы, оказывались цельные, здоровые человеческие типы — достойные представители народа, переживающего национальный подъем.

Ну и конечно, мы ждем от любого рассказа о XVIII веке пикантных историй, подробного описания вольных придворных нравов, легких сердечных побед и непринужденных измен «в стиле рококо» — на фоне роскошных дворцовых интерьеров и райских куц петергофского парка. Нас, наверно, огорчит, если мы узнаем, что еще при Елизавете в царских дворцах гуляли сквозняки, двери скрипели и плохо закрывались, грязные потеки то и дело портили дорогую обивку стен, а блистательные придворные весьма редко посещали баню...

В числе привычных черт столетия — и частые смены лиц на российском престоле. Вряд ли каждый из нас легко назовет все перевороты на протяжении трех четвертей века между смертью Петра Великого и вступлением на престол Александра I. Судьба возносила на вершину государства то отрока или грудного младенца, то целую череду женщин — случай, больше никогда в русской истории не виданный. Бескровность и легкость этих перемен хорошо соотносятся с набросанной выше картиной легкомысленного и непостоянного придворного мирка, затерянного в бесконечных просторах патриархальной России. «Эпоха дворцовых переворотов» — термин, придуманный В. О. Ключевским, стал чуть ли не синонимом для российского XVIII века или, по крайней мере, для послепетровской его части. Давайте внимательно взглянемся в эту «эпоху», прочитаем в рожденные ею документы и мемуары и проверим, насколько близки сегодняшние стереотипы к самоощущению того времени или же, напротив, далеки от него. Не предстанет ли прошлое перед нами более строгим, жестким и похожим на наше время, чем казалось нам априори?

Составить список «дворцовых переворотов» не так легко. Включать ли в него только низложения государей или же еще и скандальные отставки министров, удаление всемогущих фаворитов? Как быть с теми случаями, когда всего лишь угрозы применить силу оказалось достаточно, чтобы одна «партия» восторжествовала над другой? Куда отнести неудачный мятеж В. Я. Мировича? Или же «дело Лопухиных», когда следствие усмотрело попытку организовать переворот там, где ее, очевидно, не было?

В. О. Ключевский кончал «эпоху» 1762 годом, что и повторяется в наших учебниках. Но ведь основанием для такой хронологии послужи-

ло не только относительно спокойное царствование Екатерины в течение тридцати с лишком лет. В. О. Ключевский не мог в публичной лекции, читавшейся в середине 80-х годов, упоминать о перевороте 1 марта 1801 года — это было категорически запрещено. Еще в 1897 году солиднейшая из отечественных энциклопедий в статье о П.-Л. фон дер Палене применяла изящный эвфемизм: «Вместе с Зубовым присутствовал при кончине Павла I». Но сейчас как можно обойтись, размышляя о дворцовых смутах в России, без классического заговора, приведшего к свержению и гибели Павла?

Вряд ли стоит пренебрегать и событиями 1730 или 1764 годов. В них ярко проявились отношения между властью и подданными, создававшие подходящую атмосферу (не только политическую, но и культурную, психологическую) для осуществления дворцовых переворотов. Так сложилась структура книги, посвященной лишь одной из сторон богатой политической истории России XVIII века, но зато едва ли не самой характерной. Дворцовые перевороты — не случайные эпизоды нашего прошлого, не результат стечения редких и не слишком серьезных обстоятельств, а проявление глубоких процессов в общественном и политическом развитии страны, тесно связанных с попытками реформ рубежа XVII и XVIII вв.

Споры о значении для судеб России преобразований Петра I начались еще при жизни реформатора, но конца им не видно, пожалуй, и сегодня. За триста прошедших лет не раз менялись имена, которыми называли себя «сторонники» и «противники» Петра, но суть обсуждения была одна и та же — судьба России.

Многим обязана общественно-политическая мысль прошлого, да и нынешнего, века «теме Петра»! Направил ли Петр Великий Россию к свету европейской образованности, ввел ее в число великих держав и открыл перед ней путь в блистательное будущее? Подверг ли он жестокому испытанию национальную самобытность русского народа, заразил его скверной подражательства чужому и влечением не к духовным ценностям, а к жизненному комфорту на западный лад? Или, может быть, реформы Петра при всей их шумности и внешней выразительности лишь скользнули по поверхности народной жизни, не всколыхнув ее глубин, — подумаете, сменили в столице покрой кафтанов да бороды обрили?! Вряд ли стоит с легким сердцем утверждать, что какая-либо из этих точек зрения не имеет ничего общего с истиной, другое дело, что в подобных дискуссиях, как правило, партийные симпатии берут верх над желанием спокойно разобраться в проблеме, и публицистика оттесняет историю на задний план. Наверное, любой новый зигзаг в нашей жизни будет множить аргументы той или иной стороны, а то и всех участников полемики сразу. Всерьез углубляться в общую оценку реформ начала XVIII века здесь нет возможности, да и вряд ли уместно. Но все же об одной стороне наследия первого российского им-

ператора необходимо сказать достаточно определенно. Нам нужно попробовать выяснить, как связана деятельность Петра с последующими «дворцовыми переворотами», в какой мере политическая нестабильность в Российской империи XVIII века — результат политики Петра? Вопрос может показаться, по меньшей степени, странным, ведь именно Петр, казалось бы, не жалел усилий для укрепления центральной власти, для формирования политической системы, которую мы называем абсолютизмом.

И тем не менее нам кажется, что «эпоха переворотов» — прямое следствие реформ Петра, своеобразная расплата за них, свершившаяся не над самим реформатором, но над его преемниками на российском престоле. На чем основано такое суждение?

Прежде всего, очевидно, что в любую эпоху крупных преобразований усиливаются трения между разными группами в тех слоях общества, которые непосредственно затрагиваются этими новшествами. Тут дело даже не в принципиальных взглядах, а в том, что реформы приводят к выдвижению на главные роли в государстве новые социальные типы. В нашем случае это, скажем, неродовитое дворянство или же «иностранцы», окружившие трон. Естественно, что потесненная у кормила государственной власти аристократия не вполне довольна происходящим. В зависимости от политических обстоятельств эти условно выделенные крупные «партии» начинают дробиться на всевозможные «фракции», как говорили тогда, спланивающиеся вокруг влиятельных лиц. Соперничество в придворных кругах принимает особенно ожесточенный характер, поскольку политика целых групп оказывается окрашена сильными и единодушными эмоциями. Конечно, и при «тишайшем» Алексее Михайловиче боярин обижался, если его лишали милости, и дрожал за свое место. Но в эпоху реформ опасения за собственное, личное, будущее накладываются на, пусть даже неосознанную, тревогу о судьбе всей социальной группы, к которой человек принадлежит. Ощущение общей опасности спланивает и побуждает активно и совместно противодействовать ей. В условиях самодержавного правления это означает борьбу за то, чтобы посадить на престол ставленника своей «фракции» или хотя бы не допустить подобного успеха для враждебной партии.

Раз в период реформ корона неизбежно становится объектом настоячивых притязаний борющихся за свое выживание групп, то для политической стабильности в стране крайне важно существование сильной династии, способной сглаживать противоречия или играть на них. Но именно такого наследия Петр после себя не оставил. И причины тому отнюдь не в случайных совпадениях. Династический кризис возник из-за того, что сын и законный наследник Петра не разделял его политических взглядов, не принимал его реформ. Ситуация, когда оппозиция собирается вокруг преемника правящего государя, подчиняет его своему влиянию и использует как символ и знамя, вполне типична. Нетипичен

способ разрешения возникшего конфликта, который нашел Петр. Лишение Алексея прав на престол, затем суд над царевичем и его казнь прервали естественный порядок передачи короны.

Мы уже никогда не узнаем, как могла сложиться судьба нововведений Петра I, если бы ему наследовал Алексей. Но заявить, что «эпоха дворцовых переворотов» решительно ускорила осуществление начатого Петром, вряд ли кто-нибудь решится. Все-таки, скорее, наоборот. Император пожертвовал сыном ради реформ, но отсутствие общепризнанного наследника затянуло Россию, развороченную петровскими новшествами, в водоворот политических кризисов, делавших весьма сомнительным само продолжение начатых реформ...

Петр способствовал грядущим смутам и своим указом о престолонаследии от 5 февраля 1722 года. Преобразователь вводил правило, согласно которому государь по своему усмотрению назначал себе преемника. Это должно было укрепить абсолютистскую власть российского монарха, но как оказалось на практике,— отнюдь не способствовало прочности трона. Поскольку не существовало четких правил наследования, согласно которым порядок передачи короны определялся бы старшинством в царствующей фамилии, то получалось, что весьма неблизкие родственники скончавшегося государя могли в принципе иметь не меньше права на престол, чем, скажем, старший сын покойного,— лишь бы существовало соответствующее распоряжение монарха или хотя бы намек, по которому можно было истолковать его волю. Тем самым число возможных претендентов на престол значительно увеличивалось. В пользу каждого из них заранее плели интриги его сторонники, добываясь благоволения для него со стороны царствующей особы. Соперничество при дворе усиливалось, оно было намного острее, чем в случае, когда корона передавалась автоматически по принципу: «Король умер, да здравствует король!» Даже при условии, что преемник назначен заранее и соответствующий документ, подтверждающий волю государя, не фальсифицирован, уверенности в том, что ему удастся долго и благополучно править страной не было. Несмотря на распоряжение монарха, общественное мнение временами оказывалось на стороне совершенно иного претендента, более «законного», чем тот, кого уже назначили. Так случилось, например, с воцарением Елизаветы. Анна Иоанновна давно и недвусмысленно дала понять, что не дочери Петра владеть после нее российской короной. И тем не менее Елизавету считали обойденной, имеющей моральное право добиваться справедливости силой. Указ Петра 1722 года в значительной степени развязывал руки претендентам, провоцировал авантюрные предприятия при каждой смене лиц на российском престоле.

Если вначале правило, введенное в 1722 году, вызывало, по меньшей мере, непонимание в России, то к концу столетия оно стало настолько привычным, что отменить его было уже совсем нелегко. Общество свык-

лось с практикой произвольного назначения наследника, а значит, не дошло до понимания необходимости укрепить монархию введением строгих правил передачи власти. К тому времени империя испытала уже несколько дворцовых переворотов, и очевидно, что в массовом сознании отнюдь не возникло отвращения к подобному способу разрешения династических споров. Скорее, наоборот: люди привыкли к смутам при передаче престола и не видели в них ничего особенно устрашающего. Если верить французскому послу при русском дворе Сегюру, будущий император Павел I однажды спросил у него: «Объясните мне наконец, отчего это в других европейских монархиях государи спокойно вступают на престол один за другим, а у нас иначе?» Сегюр сослался на закон 1722 года как на главную причину этого «иначе». «Это так, — ответил французскому великому князю, — но таков обычай страны, который переменить небезопасно». Итак, то, что было неслыханным и раздражающим новшеством в 1722 году, к 1789 году превратилось в норму. Тем не менее в день своей коронации 5 апреля 1797 года Павел I издал закон о престолонаследии, порывавший с традицией Петра I и способствовавший упрочению династии. Впрочем, самого Павла не защитили никакие правовые акты.

Петр I серьезно осложнил судьбу своих преемников на российском престоле еще и тем, что тесно связал свою фамилию с рядом княжеских родов Германии. Матримониальные связи служили для императора средством достижения вполне определенных политических целей — прежде всего для закрепления России в системе европейских международных отношений, а также усиления ее значения в Балтийском регионе. Однако новые родственники Романовых получали возможность серьезно влиять на расстановку сил при русском дворе и выдвигать собственные кандидатуры на российский престол. Завязывался новый узел противоречий: с одной стороны, петровские реформы и военные победы усиливали национальное сознание русских, с другой — политика царя позволяла иностранцам не только толпиться вокруг трона российского, но даже посягать на него. «Царь-немец» — совершенно новое явление в отечественной истории, рожденное именно в XVIII веке благодаря политике Петра I. Почва для конфликта налицо — неудивительно, что национальные лозунги выдвигались при свержении Петра III, а ранее — при аресте регентов — Бирона и Анны Леопольдовны с ее мужем. В манифесте, заготовленном Мировичем, тоже специально подчеркивалось иностранное происхождение Екатерины. Правда, в качестве альтернативы «немке» предлагался Иоанн Антонович, которого, вообще-то говоря, трудно назвать русским, но этого Мирович принимать во внимание не стал...

Появление «царя-немца» было вполне закономерным, всецело в логике петровских преобразований. Общественное сознание даже предвосхитило реальное возникновение правителей-иностранцев на политическом горизонте России — ведь о самом Петре ходили упорные слухи, что

настоящего сына царя Алексея Михайловича подменили на немца то ли в Кукуе, то ли за границей. Вот он и гонит все «расейское» и привечает иноземцев. Придав столь большое значение укоренению в русском обществе европейского образа жизни, Петр создал пропасть между монархом и подданными. Придворная среда стала отличаться от всей остальной страны платьем, нравами, речью. Чужеземные заимствования, к тому же внедряемые со свойственной Петру резкостью и агрессивностью, естественно, вызвали непонимание, отчуждение, протест у широких слоев россиян. Петр противопоставил друг другу две культуры — традиционную русскую и западноевропейскую, причем они довольно четко разделились по разным уровням общественной иерархии. Государственная власть в России в лице монарха, высших чиновников, двора, гвардии, губернаторов предстала перед изумленными соотечественниками в непривычном и подозрительно «люторском» обличье. Понадобились десятилетия, чтобы европейская культура шире распространилась в русском обществе и космополитический облик высших сословий перестал вызывать неприязнь. Но сразу после смерти Петра о подобном «примирении» не могло быть и речи. Европеизированный (по крайней мере, по виду) двор противостоял всей остальной империи, и ожидать от массы российских подданных умиленно-сыновнего, патриархального преклонения перед «царем-батюшкой» в это время вряд ли стоило.

Петр нарушил связь между монархом и массой его подданных и фактически изолировал себя и своих преемников в воздвигнутом им призрачном Петербурге. И это имело самые серьезные последствия для судеб власть предержащих в России. Государь оказывался в зависимости от своего ближайшего окружения, от нескольких сотен человек: придворных, сенаторов и гвардейцев. Остальная страна на протяжении всего века оставалась совершенно равнодушной к тому, какие «перемены» вдруг случались по воле кучки офицеров или аристократов в столице. Разве что всплывали иногда через много лет имена «исчезнувших» государей в народных мечтах о «доброем царе», и тогда начинали смущать души православных своими рассказами всевозможные самозванцы.

Петр заставил служить дворян — именно при нем сложилось в особое сословие российское «шляхетство» и принесло к подножью трона свои требования. Однако почтительность к власти отнюдь не была самой характерной чертой рвавшихся к должностям, доходам и землям дворян, почувствовавших свою значимость в делах Российского государства на гражданской и военной службе. Дворянство в России становилось самым политически активным сословием, в котором легко рождались как верноподданнические, так и крамольные идеи. «Шляхетству» прежде всего обязана Анна Иоанновна возвращением себе самодержавной власти, чуть было не отнятой у нее аристократическим Верховным Тайным Советом. Но и гибель Павла I стала закономерным итогом его конфликта с дворянством, посягательства императора на сословные привилегии

этого слоя. Дворянство — главная опора трона, но ведь и главная угроза для российского монарха на протяжении ста лет исходила именно от дворянства. Слишком неоднородно в имущественном, социальном, образовательном плане было это сословие, слишком значительны в нем были слои, по разным причинам не удовлетворенные своим положением. Не случайно «золотой век» дворянства стал в то же время веком постоянных дворянских смут, приводивших к государственным переворотам. Павел I и особенно Николай I серьезно изменили облик монархии, расширили ее социальную базу, создав мощное чиновничество, ослабили значение дворянства как сословия, несущего на себе главные правительственные функции, — и дворцовые перевороты прекратились. Конфликты между властью и подданными стали принимать иные формы.

Петр I создал и силу, на протяжении всего XVIII века выступавшую в качестве главного вершителя судеб монархов и претендентов на престол — гвардию. Петровская гвардия была не просто привилегированным воинским отрядом — она выступала, кроме того, своеобразным органом управления, очень близко стоящим к особе государя. Всевозможные ответственные и тайные поручения сплошь и рядом выполняли именно гвардейские офицеры, а не официальные административные службы. В условиях, когда правительственный механизм реформировался, постоянно менял свой вид, работая к тому же отнюдь не самым блестящим образом, император нуждался в «верных слугах», не связанных с какими бы то ни было правительственными учреждениями и вместе с тем подчинявшихся исключительно его личной воле. Гвардия как раз и была таким инструментом личной, не опосредованной государственными учреждениями власти российских государей на протяжении большей части XVIII века. Это означало, что между гвардией и личностью монарха устанавливались особые отношения, гвардейская казарма и царский дворец оказывались тесно связанными друг с другом, и, как свидетельствует история дворцовых переворотов, многие офицеры начинали путать то и другое. Верхушка гвардии была таким же постоянным и обязательным участником всей придворной жизни, как высшие чиновники, сенаторы, члены дипломатического корпуса и прочие государственные мужи. Офицеры были в курсе всех дворцовых сплетен и интриг, не питали никаких иллюзий относительно того, какие именно пружины задают тот или иной ход государственной машине. Не стоило от них ожидать и священного трепета перед особой монарха — у них было слишком много поводов убедиться, что государи не свободны от самых заурядных человеческих недостатков. Поэтому любое ущемление интересов российских «преторианцев» (Бирон сравнивал гвардейцев даже с янычарами) было чревато для коронованной персоны весьма серьезными неприятностями. Гвардия была единственной военной силой, к которой император мог спешно обратиться за помощью в чрезвычайных обстоятельствах, — никаких противовесов ей не существовало. А следовательно, никто не мог

помешать и гвардейцам сменить правительство, если на то была их воля. Страховкой могло послужить либо формирование особых частей, не связанных с российской аристократией или дворянством, а набираемых лучше всего из наемников-иностранцев, либо же простое увеличение числа гвардейских полков. Первый способ пытались использовать Петр III и Павел I (вспомним их голштинские и гатчинские отряды), а по второму пути хотел пойти еще Бирон, создавая Измайловский полк, чтобы хоть немного уравновесить два первых гвардейских полка. Судьба Бирона, Петра III и Павла I, впрочем, лучшее свидетельство того, что их попытки остались без серьезных последствий и нейтрализовать гвардейцев им так и не удалось. Правда, в 1825 году численность гвардии, размещенной в Петербурге, сыграла свою роль, ведь поднявшие мятеж гвардейские части были окружены и разбиты тоже гвардейцами — только из других полков.

Итак, стоит, наверное, согласиться, что долгий период политической нестабильности в Российской империи XVIII века — в значительной мере плата за реформы начала столетия. В этом утверждении меньше всего желания принизить значение преобразований, предпринятых Петром, или же дать им сугубо отрицательную оценку. Просто традиционная структура власти в России, способ ее взаимодействия с подданными подверглись резкой и стремительной перемене. Дело не только в том, что возникли новые государственные учреждения или несколько сместилась социальная опора правительства. Не менее важно и другое — были всерьез задеты массовые представления о власти, разорваны многие психологические нити, связывавшие народ и трон. Изменения в политической культуре общества не поспевали за реформами; облик, стиль поведения и властвования верхушки новой, императорской России настолько не соответствовали прочно укоренившимся стереотипам массового сознания в отношении царя и его окружения, что породили глубокое отчуждение (не социальное — оно и так издавна было, а именно психологическое) подданных от петербургской власти. Преодолеть его пришлось довольно долго — пока новшества не стали привычными и не породили новые стереотипы. Еще Николаю I надо было искать способы возродить «исконные» (в его представлении) патриархальные отношения между государем и народом, в чем он, похоже, и преуспел. Но пока был найден николаевский, консервативный вариант «народности» российской монархии, прошло столетие, за которое империя несколько раз ярко продемонстрировала слабость своих корней, когда свержение главы государства не вызывало в народе никаких протестов.

За реформы Петр заплатил судьбой своей династии. Дом Романовых, возведенный на царство Земским собором, пресекся в середине XVIII века. По мужской линии последним его представителем был внук Петра Великого — Петр II, по женской — Елизавета. Европеизация России логично вела к замене земской, национальной династии космополити-

ческой. С 1761 года Россией правила Голштейн-Готторпская династия, принявшая имя родственного ей, но уже угасшего дома Романовых. Впрочем, судьба императорского семейства словно подтверждала мысль А. Шумахера о том, что едва ли какой-нибудь иностранный принц сможет спокойно править Россией. Над новой царственной фамилией, быстро обрусевшей, воспринявшей национальные традиции, тем не менее как будто тяготело некое проклятие. Убиты Петр III, Павел I, Александр II, Николай II. Таинственные слухи связаны с кончинами Александра I и Николая I. Пожалуй, только смерть Екатерины II и Александра III кажутся всем без исключения вполне естественными и, если можно так сказать, благополучными...

В атмосфере политической нестабильности, поиска новых оснований государственной власти, ломки традиционной политической культуры череда дворцовых переворотов кажется совершенно естественной и даже закономерной. В исторической литературе нередко приходится встречать несколько пренебрежительные оценки этих переворотов как всего лишь результата конфликтов между различными группами господствующего класса. Можно подумать, что серьезного внимания заслуживает лишь такой переворот, в результате которого на трон в Зимнем дворце воссел бы Емельян Пугачев! Смена «различных групп господствующего класса» у кормила власти приводит к серьезным изменениям во внешней и внутренней политике державы и составляет существеннейшую часть политической истории любой страны. К сожалению, в советское время комплексных монографических исследований о политической борьбе в высших правительственных сферах России на протяжении XVIII века почти не было. Тем больше теплых слов заслуживают вышедшие сравнительно недавно книги Е. В. Анисимова о временах Петра I и Елизаветы или Н. Я. Эйдельмана о царствовании Павла I. Что же касается других легендарных эпизодов отечественной истории XVIII века, то с ними широкому читателю приходится знакомиться скорее по беллетристике, чем по работам историков. Это относится и к «дворцовым переворотам».

Среди разнообразных политических событий, объединяемых по традиции этим не вполне точным термином, можно выделить прежде всего два различных типа. В одном случае отстранение государя, регента, важнейшего сановника от власти или же, наоборот, возвышение претендента происходили вполне мирно. Роль гвардейских частей при этом была значительна, но они больше запугивали своих политических противников, чем применяли насилие. При возведении на престол Екатерины I полки лейб-гвардии провели эффектную демонстрацию, но смысл ее был неведом даже многим офицерам, не говоря уж о рядовых солдатах. Свержение А. Д. Меншикова не потребовало даже такого вмешательства военных. Еще более мирно и по видимости дружелюбно сместили много лет спустя и Миниха. Громкие голоса недовольных офицеров (а не приказы их командиров) слышны нам впервые только в 1730 году, когда

угрозы гвардейцев, их решимость на крайние действия принесли самодержавную власть Анне Иоанновне. Но о штурме дворцов пока еще не было и речи. Соответственно мягкой по сравнению с грядущими годами была и участь потерпевшей стороны. Речь шла, как правило, лишь о ссылке, причем жертва политических обстоятельств не сразу подвергалась жестоким репрессиям, а как бы постепенно спускалась с высот власти к положению заключенного или ссыльного. Так было с Меншиковым, покидавшим Петербург еще со всем блеском своего миновавшего величия, так было с Долгорукими, получавшими сначала довольно почетные назначения, правда в отдаленных краях, и лишь затем подвергавшимися аресту...

Перелом наступает на рубеже сороковых годов, возможно, не без влияния строгостей царствования Анны Иоанновны, изрядно ожесточивших общество. Возникает новый, классический для русской истории, тип военного переворота. Гвардия уже главный и единственный участник передачи власти одного лица другому. Офицеры теперь выходят на политическую сцену не для того, чтобы оказывать давление на гражданские, так сказать, «конституционные» органы власти, а чтобы подменить их. Они насильно свергают одних правителей и возвышают других, ставя остальное общество перед свершившимся фактом. Эту новую традицию в политической жизни России, отличающуюся от предшествующих мятежей, заговоров, дворцовых интриг и восстаний, заложил фельдмаршал Миних в 1740 году. В тени пяти знаменитых гвардейских выступлений, произошедших с 1740 по 1825 год, уже как-то теряются всевозможные отставки известнейших министров, падения фаворитов, смены кабинетов, хотя и их иногда имеют в виду, говоря об «эпохе дворцовых переворотов».

Жертвы военных мятежей не встречают той предупредительности, на которую могли рассчитывать опальные вельможи предшествующих десятилетий. При этом от переворота к перевороту нарастает и жестокость к особам царствующего дома. Бирон в одну ночь превратился из правителя России в заключенного государственного преступника. Но его просто ссылают, хотя и не таким кружным «щадящим» маршрутом, как Меншикова. Брауншвейгская фамилия оказывается в строжайшей изоляции. При убийстве Петра III, если верить А. Шумахеру, заговорщики готовили комбинации с поджогом дворца, чтобы смерть императора произошла по возможности скрытно. В итоге законный государь был действительно убит, но как-то застенчиво и стыдливо, вроде бы случайно. В 1801 году все было куда откровеннее. Хотя большинство участников заговора потом хотели представить убийство Павла I незапланированным, но в данном случае заслуживают, вероятно, наибольшего внимания хладнокровные и циничные признания П.-Л. Палена, не оставляющие сомнений относительно возможной судьбы императора. Тогда же впервые прозвучала мысль о необходимости убить всю царскую фамилию. Ее высказал офицер Бибиков, никто его не поддержал, но ха-

рактарно, что сами родственники императора в ночь на 12 марта вовсе не исключали именно такого исхода событий. К 1825 году идея убийства царя и изничтожения его семейства обсуждалась не однажды, и вполне возможно, что была бы осуществлена в случае победы восставших.

Справедливости ради надо сказать, что в самодержавном государстве убийство монарха — единственный верный способ лишить его власти. Отсутствие конституционной процедуры смены правительства оборачивалось опасностью для государя. Конфликт с властью, с государством превращался в конечном счете в конфликт с личностью монарха. Если при конституционной монархии несогласия между властью и подданными снимались отставкой первого министра или изменением состава кабинета, в России при аналогичной ситуации требовалось, по меньшей мере, убить царя.

В ситуациях переворота заговорщики нуждались в авторитетном правительственном институте, который мог бы санкционировать их действия, придать им видимость законности и государственной необходимости. Еще Екатерина II, решив использовать в этом качестве Сенат, тем самым подсказала будущим заговорщикам первой четверти следующего века один из элементов их тактики. В тех же целях — для придания законности происходящей смены власти важно было вовремя составить манифест, которым российские подданные извещались бы о жизненной необходимости для страны состоявшегося государственного переворота. Здесь важнее всего было срочно огласить собственную интерпретацию событий и вызвавших их причин, не допустить распространения в обществе иных версий «петербургских действий». Поэтому подготовке текста манифестов уделялось так много внимания. Над ними порой начинали работать задолго до того, как складывалась организационная структура заговора. Идейное обоснование переворота было не менее важно для его успеха, чем сам захват власти. Декабристы, много сил потратившие на подготовку своего манифеста, следовали долгой традиции XVIII века.

От раза к разу росло число участников заговоров. Миних совершил свой переворот практически в одиночку. У Елизаветы было несколько активных сторонников. Заговор в пользу Екатерины связал примерно 30—40 человек. Против Павла I интриговало приблизительно 180—300 офицеров. К следствию о восстании 1825 года привлечено уже около 600 человек (правда, примерно половина из них признана невиновной). Эти цифры, впрочем, не вполне отражают размах каждого из переворотов. Раз начавшись, выступление против правительства втягивало, как в водоворот, все новых и новых людей, вовсе не причастных первоначально к тайным замыслам кучки заговорщиков. Немногочисленные гвардейские офицеры могли повести за собой десятки и сотни нижних чинов. Но и отнюдь не только рядовые были увлекаемы стремительным разворотом событий,

когда страх за жизнь или карьеру, пример друзей, мгновенный безрассудный порыв толкали достаточно солидных по своему положению людей в политическую авантюру. Неожиданность, стремительность и главное — решительность действий не только парализовали способность свергаемого регента или государя к сопротивлению, но и молниеносно превращали «узкопартийный» заговор в «волеизъявление всей нации».

Любопытная деталь состояла в том, что неожиданность каждого из выступлений была весьма относительной. По-настоящему внезапным можно назвать, пожалуй, лишь свержение Бирона. Да и то по городу заранее ходили тревожные слухи. Но никто не мог ожидать, что именно Миних, верный слуга режима, к тому же сам немец, да еще и причастный к тайному сыску, вдруг решится на арест герцога Курляндского. Во всех остальных случаях говорить о глубокой тайне, окутывавшей замыслы заговорщиков, не приходится. Конспирация тех времен вызвала бы снисходительную усмешку у «нелегалов» XIX или XX веков, но справедливости ради стоит сказать, что и власти отнюдь не проявляли чудеса бдительности. Ни один из заговоров с 1741 по 1825 год не успел вполне «дозреть» — выступление начиналось вынужденно намного раньше, чем первоначально планировалось. И основной причиной этого становилось опасение, что конспирация уже провалилась и правительство готово отразить нависшую над ним опасность. Для подобных страхов были все основания. О предстоящем свержении Петра III говорили повсюду еще до того, как он принял корону. Анну Леопольдовну предупреждали даже из-за границы, где ходили упорные слухи о планировавшемся перевороте. Иностранные посланники в России неоднократно пытались открыть правительнице глаза на грозящие ей неприятности — но все без толку (в ее бездеятельности, правда, чудится внушающая симпатию нравственная позиция. Анна словно не желала любыми способами цепляться за власть и была готова скорее принять любую участь, даже стать жертвой переворота, чем рисковать причинить несправедливость великой княжне Елизавете и заточить ее, поверив несправедливому, возможно, доносу).

Павел I все годы своего правления прожил под угрозой свержения и, по некоторым сведениям, уже готов был принять решительные меры против заговорщиков — но не успел. Здесь он также словно подражал своим несчастливым предшественникам. Антон-Ульрих все настаивал на скорейшем пострижении в монахини Елизаветы, Петр III собирался арестовать свою супругу. Даже Бирон готовился выслать из России Брауншвейгскую фамилию. Но... всякий раз подобные намерения лишь ускоряли переворот. Заговорщики бросались в атаку, ломая собственные планы, положившись на импровизацию, на свою удачливость. Страх потерять жизнь придавал им необычайную решимость, и они разворачивали кипучую деятельность. Создается впечатление, что, не возникши угроза раскрытия заговора, его участники еще долго собирались бы с духом

и все откладывали осуществление своих намерений до благоприятного момента, который бы все не наступал и не наступал... Поэтому такие события, как крупный разговор Анны Леопольдовны с Елизаветой накануне мятежа, или арест Пассека, или же напоминание Павла о 1762 году в беседе с Паленом и срочный вызов в столицу Аракчеева с Линденером, сыграли важную роль в успехе мятежников. Внезапно отпущенная тугая пружина заговора с удвоенной силой приводила в движение механизм государственного переворота. Борьба становилась стремительной и бескомпромиссной.

И все-таки власти, похоже, были последними, кто узнавал о заговоре. Вечером 11 марта все петербургские извозчики только и судачили что о предстоящей этой ночью смерти императора. Заговорщики, конечно, иногда и специально распускали слухи о своих замыслах, чтобы подготовить общественное мнение к предстоящим переменам, но вряд ли они рассчитывали на особую поддержку своих замыслов со стороны извозчиков. А возможно, болтливость накануне решительных событий и не пресекалась особенно руководителями мятежа. Если все известно уже целому городу, то отступать некуда.

Вообще в истории русских дворцовых переворотов всевозможным слухам принадлежит особая роль. Они рождались отнюдь не только как отражение какого-то реально существующего замысла свергнуть регента или государя. Общество привыкло уже после событий 1740 и 1741 годов ожидать с минуты на минуту какой-нибудь новой авантюры в подобном же духе. Она казалась вполне естественной и легко осуществимой, исчезли и психологические запреты типа «нельзя думать о столь страшном и невероятном деле» — и вот открылась новая постоянная тема для глубокомысленных рассуждений в светских салонах и окраинных кабаках: кто кого скоро свергнет и когда это произойдет. При всей верхушечности переворотов они все же не были исключительно «дворцовым» делом. Династические проблемы, споры о преимуществах в праве наследования престола, рассказы о подложных завещаниях, отвратительных интригах отечественных вельмож и происках иностранных дворов выносились на всеобщее обсуждение в официальных манифестах, оправдывавших очередную насильственную смену власти. Тем самым вольно или невольно подданных приглашали к рассуждениям о таких предметах, кои отнюдь не признавались ранее доступными для умствований черни. И теперь уже лакеи и мастеровые разрешали себе иметь собственные взгляды на то, кого можно считать законным государем, а кого ни в коем случае нельзя. В перепутавшихся ветвях родословного древа семьи Романовых легко находились кандидаты в «добрые цари».

Непрекращающиеся разговоры об Иоанне Антоновиче преследовали двух императриц — Елизавету и Екатерину II — и создавали особый настрой общественного мнения, при котором только и стали возможны

возникновение дела Турчанинова и авантюра Мировича. В результате государственный переворот как естественное, вполне обычное средство решения общественных, а главное — личных проблем был признан и «узаконен» обществом. Более того, оно создавало условия, подталкивавшие на решительные действия в духе фельдмаршала Миниха. По нашему мнению, не столько неизвестные сторонники Мировича будоражили Петербург бесконечными угрозами свергнуть Екатерину и возвести на престол Иоанна Антоновича (от великого поста до «шлиссельбургской нелепы» Мировича было более 12 таких случаев) сколько, наоборот, Мирович оказался восприимчивым к подобным настроениям и под воздействием слухов о готовящемся перевороте сам же на него и решился. Каждый успешный заговор создавал почву для подготовки следующего, и один переворот влек за собой другой. Психологическое состояние общества не препятствовало, а способствовало постоянным конвульсиям политической системы Российской империи. Николай I суровыми по своим временам мерами против «людей 14 декабря» попытался переломить этот психологический настрой...

Перевороты XVIII века — такая же характерная черта российского абсолютизма этого времени, как, скажем, фаворитизм. По сути своей это различные проявления одной и той же модели управления обществом, одной концепции власти (пусть даже эту концепцию никто из современников осознанно не формулировал), одного типа политической культуры. Сюда же следует отнести знаменитое российское самозванчество и всевозможные легенды, относящиеся к обстоятельствам рождения и смерти государей. Если верить распространявшимся в России слухам, чуть ли не все коронованные особы происходят вовсе не от тех родителей, детьми которых они официально считаются, а в то же время по России бродят какие-то их родственники, которые не то просто скрываются, не то ждут своего часа. Кончина монарха также покрыта тайной — тут либо убийство, либо исчезновение государя с имитацией его похорон.

В основе всех этих по видимости разнородных явлений лежит одно и то же — недостаток публично-правового начала в политической жизни России. Петровские реформы после многих экспериментов привели к созданию ряда государственных учреждений, но отнюдь не четко действующего механизма государственной власти. Не правовая норма определяла в конечном счете способ функционирования правительственных органов, а личные взаимоотношения сановников между собой и с государем. И до тех пор, пока власть представляла не в виде безличного аппарата, действующего на основании закона, а как качество персоны монарха, при императоре неизбежно должны были появляться «сильные люди», получавшие свое могущество непосредственно от него самого. Обязательно были силы, связывавшие надежды на изменение всего состояния дел с возведением на престол другого лица. При этом недовольные из

верхов общества устраивали заговоры и перевороты, а из низших социальных слоев — тешили себя смутными догадками о непростой биографии императора или же выдвигали против него своего, мужицкого, царя.

В дворцовых переворотах XVIII века много общего между собой. Иногда кажется, что их организаторы сознательно подражали друг другу. Не случайно же юная княгиня Дашкова несколько наивно перечитывала сочинения историков о заговорах прошлого, чтобы составить план свержения Петра III. Россия накапливала опасный опыт борьбы с собственным правительством, а правительство все никак не могло найти надежные средства защиты...

Несколько слов о составивших эту книгу материалах. Мы старались отбирать наиболее интересные свидетельства очевидцев или участников событий. Популярный характер издания не позволяет комментировать каждую неточность или лукавое умолчание документов. Нет возможности и подробно сопоставлять между собой разные версии одного и того же происшествия, предлагая читателю более достоверную, тем более что, как правило, любая из реконструкций будет страдать некоторой условностью. Пусть лучше каждый сам ищет дорогу к истине, как он ее увидит, и, услышав подлинные голоса людей не столь уж далекого от нас прошлого, попробует, не прибегая к посредническим услугам интерпретаторов — историков или романистов, — создать свой облик Восемнадцатого века.

Жаль лишь, что наше историческое хозяйство в столь скверном состоянии. Издания, которыми приходится пользоваться, оставляют желать много лучшего, текстологическая критика, как правило, отсутствует, сверка опубликованных в прошлом веке записок с их рукописями в наши годы не проводилась, переводы страдают неточностями, а оригиналы на иностранных языках часто вообще не изданы, новых публикаций архивных источников о дворцовых переворотах чрезвычайно мало, справочников совершенно недостаточно...

Ну что же, давайте познакомимся хотя бы с тем, что есть, и пусть муза истории Клио не пугает нас страшным гласом, а милостиво покажет кое-что из своих драгоценностей.

М. А. БОЙЦОВ

Пролог

«ОТДАЙТЕ ВСЕ...»

**Смерть Петра I
1725 г.**

Петр I скончался 28 января 1725 года, так и не назначив себе наследника. Единственный сын царя, доживший до зрелых лет, — царевич Алексей — в 1718 году был приговорен к смерти верховным судом из генералитета, сенаторов и духовенства. 26 июня, накануне очередной годовщины Полтавской победы, Алексей Петрович, как записано в книгах гарнизонной канцелярии, «преставился» в Петропавловской крепости. Детей Алексея — Петра и Наталью — император не жаловал ни особым вниманием, ни ласковой заботой. Однако указ Петра I от 5 февраля 1722 года удивил привыкшую, казалось бы, к необычным идеям своего монарха российскую публику. Петр не только недвусмысленно давал понять, что его внуку царствовать не придется, он требовал от подданных признать государем любого, кого укажет им сам император. «Заблагорассудили мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле правительствующего государя: кому оный хочет — тому и определит наследство, и [наоборот] — определенному, видя какое непотребство, паки отменит».

Первый в русской истории закон о престолонаследии совершенно расходился с вековыми традициями, но послушные россияне без ропота принесли своему государю странную присягу — признать повелителем того, кого назовет им Петр. Но император не торопился с объявлением своей воли. В 1724 году Петр торжественно удостоил помазанием и короной свою вторую жену — Екатерину за ее «к Российскому государству мужественные труды». Но увидеть в этом акте указание на то, к кому предстоит перейти трону, было русскому человеку слишком трудно. Мало того, что видеть на престоле женщину он не привык, что вдова никогда не признавалась главной наследницей своего умершего мужа. Как на российский престол может претендовать иноземная крестьянка Марта Скарронская, неразведенная жена шведского драгуна, достав-

шаяся в качестве военной добычи сначала фельдмаршалу Шереметеву, затем Меншикову, а потом уж долгие годы без церковного благословения сожительствовавшая с Петром?

Впрочем, самого Петра подобные соображения вряд ли остановили бы. Государственная целесообразность, необходимость продолжения реформ и способность возможного наследника возглавить дальнейшие преобразования — вот главное, над чем, по-видимому, размышлял Петр. Однако подозрение в супружеской неверности, павшее на Екатерину осенью 1724 года, оказалось для императора слишком большим потрясением. Современники рассказывают о страшных сценах, последовавших между супругами. Заподозренный в связи с императрицей Виллим Монс (родной брат первой фаворитки Петра — Анны Монс) сложил свою голову на плахе, якобы как неисправимый взяточник. Говорят, что Петр возил жену любоваться отрубленной головой ее камергера и пристально следил при этом за выражением лица Екатерины. Императрица была спокойна. Толки о супружеской неверности остались неподтвержденными и непровергнутыми, но былой теплоты между царственными супругами уже не замечали. И перед кончиной Петр ничем не подтвердил свое намерение (если оно действительно было) передать престол именно Екатерине.

Никто из возможных наследников Петра не мог его по-настоящему удовлетворить. За внуком Петром Алексеевичем стояли те, кто тосковал по дореформенным порядкам. Любимая дочь — Анна, чей характер напоминал отцовский, вышла замуж за герцога Голштинского, причем брачный контракт, подписанный 24 ноября 1724 года, отказывал этой чете в каких-либо правах на российскую корону. Была в контракте, правда, и секретная статья, по которой Петр мог призвать в наследники кого-нибудь из детей, родившихся от этого брака, но воспользоваться ей императору уже не было суждено.

Великой княжне Елизавете в 1724 году исполнилось пятнадцать лет. Передать ей корону — означало, что всем в стране будет заправлять муж ее сестры — герцог Голштинский, а вернее, его министр Бассевич. В государственных талантах обоих у Петра, очевидно, были сомнения. Следовало опасаться, что Голштинская фамилия затянет Россию в бесперспективную войну с Данией из-за территорий герцогства, занятых в ходе Северной войны датчанами.

Для русского общества было немаловажно и то, что обе дочери Петра родились до заключения брака между Петром и Екатериной.

В качестве возможных наследников могли рассматриваться дети брата Петра — царя Иоанна, с которым Петр делил трон в первые годы правления. Правда, у Иоанна тоже не было мужского потомства. Старшая дочь — Екатерина по воле августейшего дяди вышла замуж за герцога Мекленбургского, но из-за скверного обращения мужа в 1722 году снова вернулась в Россию с маленькой дочерью Елизаветой. (Кстати, Елизавета после крещения в православие получила имя Анны Леопольдовны — это будущая правительница России.)

Вторую племянницу — Анну — Петр выдал за герцога Курляндского, но он умер через два месяца после свадьбы, похоже, не выдержав бесконечных и неумеренных пиров и развлечений, устроенных Петром. С тех пор вдовствующая герцогиня влачила тихое существование в Митаве, изредка наезжая в Россию. Третья дочь Иоанна — Прасковья — была весьма слаба здоровьем, да к тому же вышла замуж тайно (правда, все-таки с ведома Петра) за сенатора И. И. Дмитриева-Мамонова.

Петр явно не видел подходящих кандидатур для занятия престола Российской империи после своей смерти — притом не только среди родственников, но и в кругу сподвижников, чьи характеры он слишком хорошо себе представлял. Нарушение обычного порядка наследования указом 1722 года, изобилие женского потомства, неблагоприятное отношение императора к единственному представителю мужской линии — все это грозило династии серьезнейшими опасностями.

После смерти Петра его соратники не стали распутывать затянувшийся узел династических проблем — они разрубили его. Своим воцарением Екатерина была обязана позиции, занятой офицерами гвардии и ловко проведенной придворной интриге. В обществе, да и среди рядовых солдат гвардейских полков, существовала уверенность, что по праву престол должен принадлежать внуку Петра.

Избрание Екатерины не решило династических проблем, но создало важнейший прецедент участия гвардии в передаче престола — в полном самых неожиданных перемен русском XVIII веке такое участие стало удивительно прочной традицией. Меншиков знал, что делал, когда бросал с балкона дворца деньги солдатам-гвардейцам...

Современники писали об избрании Екатерины по-разному: одни хотели больше подчеркнуть насильственный характер передачи ей власти, другие, напротив, пытались сказать, что никакого существенного сопротивления ее возвышению и быть не могло, никто даже не осмеливался спорить. В любом случае видно, что власть в стране была не столько отдана, сколько взята — и это стало лейтмотивом всей политической жизни России в XVIII веке.

Из записок Г.-Ф. фон Бассевича

1725. Очень скоро после праздника св. крещения 1725 г. император почувствовал припадки болезни, окончившейся его смертью. Все были очень далеки от мысли считать ее смертельною, но заблуждение это не продолжалось и восьми дней. Тогда он приобщился св. тайн по обряду, предписываемому для больных греческой церковью. Вскоре от жгучей боли крики и стоны его раздались по всему дворцу, и он не был уже в состоянии думать с полным сознанием о распоряжениях, которых требовала его близкая кончина. Страшный жар держал его почти в постоянном бреде. Наконец, в одну из тех минут, когда смерть перед окончательным ударом дает обыкновенно вздохнуть несколько своей жертве, император пришел в себя и выразил желание писать. Но его отяжелевшая рука чертила буквы, которых невозможно было разобрать, и после его смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: «Отдайте все...» Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтобы позвали к нему принцессу Анну, которой хотел диктовать. За ней бегут; она спешит идти, но когда является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвращались. В этом состоянии он прожил, однако ж, еще 36 часов.

Удрученная горестью и забывая все на свете, императрица не оставляла его изголовья три ночи сряду. Между тем, пока она утопала там в слезах, втайне составился заговор, имевший целью заключение ее вместе с дочерьми в монастырь, возведение на престол великого князя Петра Алексеевича и восстановление старых порядков, отмененных императором и все еще дорогих не только простому народу, но и большей части вельмож.

Ждали только минуты, когда монарх испустит дух,

чтобы приступить к делу. До тех же пор, пока оставался в нем еще признак жизни, никто не осмеливался начать что-либо. Так сильны были уважение и страх, внушенные героем. В этот промежуток времени Ягужинский, извещенный о заговоре и движимый, с одной стороны, искреннею преданностью Екатерине (преданностью, которой тогдашние обстоятельства покамест не позволяли ему показать открыто), с другой — дружбою к графу Бассевичу, — явился к последнему переодетый и сказал ему: «Спешите позаботиться о своей безопасности, если не хотите иметь чести завтра же красоваться на виселице рядом с его светлостью князем Меншиковым. Гибель императрицы и ее семейства неизбежна, если в эту же ночь удар не будет отстранен». Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, он поспешно удалился. Граф Бассевич немедленно побежал передать это предостережение убитой горем императрице. Наступила уже ночь. Государыня приказала ему посоветоваться с Меншиковым и обещала согласиться на все, что они сочтут нужным сделать, присовокупив, что уверена в их благоразумии и преданности и что сама, убитая горем, ничего предпринять не в состоянии. Меншиков всю предшествовавшую ночь провел подле императора и потому спал глубоким сном, ничего не подозревая о готовившейся катастрофе. Бассевич разбудил его и сообщил ему об опасности, грозившей им и их покровительнице.

Два гениальные мужа, одушевленные сознанием всей важности обстоятельств, не замедлили порешить, что следовало сделать. Меншиков был шефом первого гвардейского полка, генерал Бутурлин — второго. Он послал к старшим офицерам обоих полков и ко многим другим лицам, содействие которых было необходимо, приказание явиться без шума к ее императорскому величеству и в то же время распорядился, чтоб казна была отправлена в крепость, комендант которой был его креатурой. Между тем Бассевич отправился с донесением обо всем к императрице и постарался привлечь на ее сторону Бутурлина, который по личной неприязни был против предводителей партии великого князя. Все приглашенные в точности исполнили полученное ими предписание. Извещенная об их прибытии Екатерина вместо того, чтобы спешить навстречу им и скипетру, продолжала без пользы обнимать своего умирающего супруга, который ее уже не узнавал, и не могла от него оторваться.

Граф Бассевич осмелился схватить ее за руку, чтоб

ввести в кабинет, где Бутурлин и другие ждали ее появления. «Присутствие ваше бесполезно здесь, государыня,— сказал он ей,— а там ничего не может быть сделано без вас. Герой короновал вас для того, чтоб вы могли царствовать, а не плакать, и если душа его еще остается в этом теле, которое ему уже не служит, то только для того, чтоб отойти с уверенностью, что вы умеете быть достойной своего супруга и без его поддержки». — «Я покажу, что умею,— и ему, и вам, и всему миру»,— сказала она, быстро делая над собой усилие и стараясь овладеть своими чувствами, на что способны только люди с сильным характером. Она величественно вошла в кабинет и отерла слезы, которые еще более трогали сердца всех, а затем обратилась к присутствующим с краткой речью, где упомянула о правах, данных ей коронованием, о несчастьях, могущих обрушиться на монархию под управлением ребенка, и обещала, что не только не подумает лишить великого князя короны, но сохранит ее для него как священный залог, который и возвратит ему, когда небу угодно будет соединить ее с государем, с обожаемым супругом, ныне отходящим в вечность.

Обещания повышений и наград не были забыты, а для желающих воспользоваться ими тотчас же были приготовлены векселя, драгоценные вещи и деньги. Многие отказались, чтоб не сочли их усердие продажным. Но архиепископ Новгородский² не был в числе таких, и зато первый подал пример клятвенного обещания, которому все тут же последовали,— поддерживать права на престол коронованной супруги Петра Великого*. Архиепископа Псковского³ не было при этом. Его как ревностного приверженца государыни не было надобности подкупать, и она не хотела, чтоб он оставлял императора, которого напутствовал своими молитвами. Собрание разошлось, оставив других вельмож спокойно наслаждаться сном. Меншиков, Бассевич и кабинет-секретарь Макаров в присутствии императрицы после того с час совещались о том, что остава-

* Когда воцарилась Екатерина, архиепископ Новгородский, видя, что она несколько не ослабляет узды, наложенной ее супругом на власть духовенства, начал действовать против нее и даже осмелился оказывать ей неуважение и говорить, что бог сократил дни Петра Великого в наказание за его вину против духовенства. В мае 1725 г. по ее указанию он был сослан и заключен в Корельский монастырь на берегах Двины, а Феофан назначен вместо него архимандритом Невского монастыря и архиепископом Новгородским — главою первой епархии в империи.

лось еще сделать, чтоб уничтожить все замыслы против ее величества.

Князь полагал, что необходимо безотлагательно арестовать всех главных злоумышленников. Но Бассевич представлял, что такая мера может произвести смятение и что если противной партии удастся восторжествовать, то участь императрицы и ее приверженцев будет тем плачевнее. По его мнению, следовало прибегнуть к хитрости и уклоняться от всякого предприятия, которое могло бы обнаружить все дело перед глазами черни. Макаров был того же мнения, а императрица никогда не любила крутых мер. Поэтому немедленно общими силами составлен был план для действия в решительную минуту, которая последует за смертью императора, и так как тут необходимо было содействие многих лиц, то каждый обязался дать надлежащее наставление тем, которые были ему наиболее преданы или находились в его зависимости. Так прошло остальное время ночи.

Император скончался на руках своей супруги утром в другой день 25-го января*. Сенаторы, генералы и бояре тотчас же собрались во дворец. Каждый из них, чтоб быть вовремя обо всем уведомленным, велел находиться в большой зале своему старшему адъютанту или чиновнику. В передней они увидели графа Бассевича. Большая часть из них смотрела на него как на опального, и даже друг его Ягужинский не решался подойти к нему. Но он сам протеснился вперед, чтоб приблизиться к нему, и сказал вполголоса: «Примите награду за предостережение, сделанное вами вчера вечером. Уведомляю вас, что казна, крепость, гвардия, Синод и множество бояр находятся в распоряжении императрицы и что даже здесь друзей ее более, чем вы думаете. Передайте это тем, в ком вы принимаете участие, и посоветуйте им сообразовываться с обстоятельствами, если они дорожат своими головами».

Ягужинский не замедлил сообщить о том своему тестю — великому канцлеру графу Головкину. Весть эта быстро распространилась между присутствовавшими. Когда Бассевич увидел, что она обежала почти все собрание, он

* Он умер на 53 году своей жизни, родившись 30-го мая 1672 г. Императрица, по словам ее, родилась 5-го апреля 1689 г., принцесса Анна — 27 января 1707 г., принцесса Елизавета — 18 декабря 1709 г.; император сочетался браком с императрицею в присутствии нескольких свидетелей 19-го февраля 1706 г., но титул царицы и величества дал ей только тогда, когда у нее обнаружили признаки беременности⁴.

подошел и приложил голову к окну, что было условленным знаком, и вслед за тем раздался бой барабанов обоих гвардейских полков, окружавших дворец.

— Что это значит? — вскричал князь Репнин. — Кто осмелился давать подобные приказания помимо меня? Разве я более не главный начальник полков?

— Это приказано мною, без всякого, впрочем, притязания на ваши права, — гордо отвечал генерал Бутурлин. — Я имел на то повеление императрицы, моей всемилостивейшей государыни, которой всякий верноподданный обязан повиноваться, не исключая и вас.

Всеобщее молчание последовало за этою речью; все смотрели друг на друга в смущении и с недоверием. Во время этой немой сцены вошел Меншиков и вмешался в толпу, а немного спустя явилась императрица, поддерживаемая герцогом Голштинским, который провел ночь в комнатах великого князя. После нескольких усилий заглушить рыдания она обратилась к собранию с следующими словами: «Несмотря на удручающую меня глубокую горестъ, я пришла сюда, мои любезноверные, с тем, чтобы рассеять справедливые опасения, которые предполагаю с вашей стороны, и объявить вам, что, исполняя намерения вечно дорогого моему сердцу супруга, который разделил со мною трон, буду посвящать дни мои трудным заботам о благе монархии до того самого времени, когда богу угодно будет отозвать меня от земной жизни. Если великий князь захочет воспользоваться моими наставлениями, то я, может быть, буду иметь утешение в моем печальном вдовстве, что приготовила вам императора, достойного крови и имени того, кого только что вы лишились».

Меншиков как первый из сенаторов и князей русских отвечал от имени всех, что дело, столь важное для спокойствия и блага империи, требует зрелого размышления и что потому да соблаговолит ее императорское величество дозволить им свободно и верноподданнически обсудить его, дабы все, что будет сделано, осталось безукоризненным в глазах нации и потомства. Императрица отвечала, что, действуя в этом случае более для общего блага, чем в своем собственном интересе, она не боится все, до нее касающееся, отдать на их просвещенный суд; и что не только позволит им совещаться, но даже приказывает тщательно обдумать все, обещая со своей стороны принять их решение, каково бы оно ни было.

Собрание удалилось в другую залу, двери которой за-

перли. Князь Меншиков открыл совещание, обратившись с вопросом к кабинет-секретарю Макарову, не делал ли покойный император какого-нибудь письменного распоряжения и не приказывал ли обнародовать его. Макаров отвечал, что незадолго до последнего путешествия в Москву государь уничтожил завещание, сделанное им за несколько лет перед тем, и что после того несколько раз говорил о намерении своем составить другое, но не приводил этого в исполнение, удерживаемый размышлением, которое часто высказывал, — что если народ, выведенный им из невежественного состояния и поставленный на степень могущества и славы, окажется неблагодарным, то ему не хотелось бы подвергнуть своей последней воли возможности оскорбления; но что если этот народ чувствует, чем обязан ему за его труды, то будет сообразовываться с его намерениями, выраженными с такою торжественностью, какой нельзя было бы придать письменному акту⁵.

Когда Макаров умолк, архиепископ Феофан, видя, что вельможи несогласны во мнениях, обратился к собранию с просьбою позволить и ему сказать свое слово. С трогательным красноречием указал он присутствовавшим на правоту и святость данной ими в 1722 году присяги, которою они обязались признать наследника, назначенного государем. Некоторые возразили ему, что здесь не видно такого явного назначения, как старается представить Макаров, что недостаток этот можно принять за признак нерешительности, в которой скончался монарх, и что поэтому вместо него вопрос должно решить государство. На такое возражение Феофан отвечал точною передачей слов императора, сказанных у английского купца накануне коронации императрицы, которыми его величество, открывая свое сердце перед своими друзьями и верными слугами, подтвердил, что возвел на престол достойную свою супругу только для того, чтоб после его смерти она могла стать во главе государства. Затем он обратился с вопросом к великому канцлеру и ко многим другим, при которых сказаны были эти слова, помнят ли они их.

Отдавая долг истине, те подтвердили все приведенное архиепископом. Тогда князь Меншиков воскликнул с жаром: «В таком случае, господа, я не спрашиваю никакого завещания. Ваше свидетельство стоит какого бы то ни было завещания. Если наш великий император поручил свою волю правдивости знатнейших своих подданных, то не сообразоваться с этим было бы преступлением и против

вашей чести, и против самодержавной воли государя. Я верю вам, отцы мои и братья, и да здравствует наша августейшая государыня, императрица Екатерина!» Эти последние слова в ту же минуту были повторены всем собранием, и никто не хотел показать виду, что произносит их против воли и лишь по примеру других. После того князь Меншиков в сопровождении всех прочих возвратился к императрице и сказал ей: «Мы признаем тебя нашей всемиловитивейшей императрицей и государыней и посвящаем тебе наши имущества и нашу жизнь». Она отвечала в самых милостивых выражениях, что хочет быть только матерью отечества. Все целовали ей руку, и затем открыты были окна. Она показалась в них народу, окруженная вельможами, которые восклицали: «Да здравствует императрица Екатерина!» Офицеры гвардии заставили повторять эти возгласы солдат, которым князь Меншиков начал бросать деньги пригоршнями. Таким образом Екатерина овладела скипетром, которого она была так достойна. Сенаторы, генералы и знатнейшие духовные лица в тот же час составили и подписали манифест о провозглашении ее императрицей.

И. Лефорт — Я. Г. Флемингу

С.-Петербург, 30 января (10 февраля) 1725 года

Третьего дня между 4 и 5 часами утра скончался этот великий монарх, ко всеобщему сожалению. Вот что я мог узнать о его болезни и смерти. Когда Горн, знаменитый хирург, 15 лет служивший в госпиталях Франции, был призван для операции зондом, все полагали, что причиною задержки мочи был камень, но он доказал, что это вовсе не камень, а большое количество материи, которую операция заставила вытечь, и что эта едкая материя, разъедаясь, образовала нарывы в мочевом пузыре, закрывавшие проход для мочи. И так как эти нарывы были очень воспалены, то это походило на антонов огонь и было уже поздно делать надрезы, которые могли раньше спасти жизнь царю. Во вторник 6-го числа его величеству дали немного кашицы. Это теплое вещество в желудке пришло в брожение, и с царем сделались судороги. Это всех встревожило. Тотчас были призваны все вельможи из Сената и коллегий. Полудни его величеству сделалось лучше, и казалось, он

хотел даже привести в порядок некоторые свои дела, отдал несколько словесных приказаний, между прочим советовал не пренебрегать иностранцами, живущими в его государстве и в Петербурге. Ночью он спал с трех до семи минут пятого. 7-го числа антонов огонь усилился и не было более никакой надежды. С царем сделался бред, он встал с своей постели, прошел три комнаты, жалуясь, что окна были нехорошо пригнаны. После такого волнения силы его начали упадать. Ночью ему захотелось что-нибудь написать, он взял перо, написал несколько слов, но их нельзя было разобрать. Наконец, ночью с 7-го числа на 8-е между четырьмя и пятью часами утра, когда ее величество царица, молившись около него и приготавливая к смерти, сказала: «Господи, открой твой рай и прими душу праведную», великий монарх скончался, не успев сделать никакого распоряжения. При таких обстоятельствах Сенат вместе с военным и гражданским начальством составили совет, на котором решено было объявить ее величество царицу самодержавною императрицею.

Около восьми часов это собрание отправилось во дворец, где князь Меншиков представил их ее величеству. Они преклонили перед нею колена, клялись в верности и представили письменно верноподданническую присягу. Ее величество отвечала им очень ласково, обещая быть матерью отечества. Затем она отдала приказание объявить о смерти царя гвардейским полкам, собравшимся перед дворцом, и о восшествии ее на престол. Это печальное известие было очень трогательно, солдаты вскричали: «Если мы лишились отца, то мать наша еще жива». Во все это время царица выказала много твердости и величия души; она даже сама объявила детям о смерти царя и представила Сенату герцога Голштинского¹. Прежде всего она наградила присутствующие войска и флот, освободила много узников, даже заплатила их долги, и совершила еще много добрых дел. Все думают, что царствование этой царицы будет тихо и счастливо.

Вчера около полудня тело царя было перенесено на парадное ложе в большую залу дворца, где оно и теперь стоит. Ее величество царица, в. княжны и вельможи сопровождали это шествие.

Генерал-лейтенанту Вейсбаху приказано отправиться в Украину заменить генерала Голицына, который должен быть тут.

Все затрудняются глубоким трауром, который должны

надеть. Царский двор и двор герцога Голштинского забрали все, что было в магазинах, почему все стоит теперь очень дорого. Иностранные министры хлопочут об траурных экипажах и ливреях своей прислуге, хотя нам еще не объявили ни о смерти, ни о порядке траура. В эту минуту полковник Вельяминов, заседатель из коллегии иностранных дел, в сопровождении переводчика Келлермана пришел объявить мне о смерти русского императора Петра I, скончавшегося 28-го января (ст. ст.) в 5-ть часов утра, и что ее величество, коронованная императрица Екатерина была провозглашена и признана императрицею и самодержицею всея России.

До сих пор еще не упоминается о сыне царевича², предмете, требующем многих размышлений.

Меншиков пользуется все тем же расположением. Не знаю, что дворянство думает об этом. Бассевич уверяет, что он с Меншиковым причина всего происшедшего. Не сомневаются в славном царствовании, хотя сердца на стороне сына царевича. <...>

Из «Краткого очерка, или Анекдотов о жизни князя Меншикова и его детях» Н. П. Вильбоа

<...> Действительно, царь хотел показать в осуждении любимца своего грозный пример правосудия и строгости, но смерть положила тогда предел его царствованию, так что он не успел даже распорядиться наследством престола. Меншиков, остававшийся при всех своих почестях и достоинствах, ободрился. Как фельдмаршал он начальствовал войсками, окружил ими дом, где собрались рассуждать сенаторы о том, кому наследовать престол, и, вступив в собрание их, где звание его* первого сенатора давало ему первое место, сколько силою убеждений, столько и приня-

* Канцлер и другие сенаторы не соглашались с Меншиковым и желали возвести на престол внука Петра I-го. Видя себя стесненными, угрожаемыми Меншиковым, они хотели требовать мнения Сената, даже некоторые предлагали отворить окно и спросить у народа, толпами собравшегося около дворца, но Меншиков ввел в залу вооруженных офицеров, бывших в передней, и не допустил открыть окно, говоря хладнокровно, что «на дворе не лето» и что лучше всего передать власть Екатерине и немедленно отправить к ней депутацию с известием о том, что и было исполнено, так что никто не осмелился более противоречить.

тыми мерами способствовал он возведению на престол супруги императора. Находившись некогда в доме Меншикова прежде, нежели сделалась супругою царя, императрица следовала в начале царствования своего советам Меншикова. <...>

Из Записок Б. К. Миниха

25

После смерти этого великого государя все сенаторы и сановники империи согласились возвести на престол великого князя Петра Алексеевича, внука императора. На другой день рано, прежде нежели прибыл князь Меншиков, они собрались в императорском дворце. Все вообще ненавидели князя, и в особенности генерал-прокурор Ягужинский. Перед залой, где собрались сенаторы, была поставлена стража. Князь Меншиков явился туда, но его не впустили; тогда он, не делая никакого шума, возвратился в свой дворец, в котором ныне помещается кадетский корпус, позвал к себе Ивана Ивановича Бутурлина, подполковника гвардейского Преображенского полка, и попросил его привести поскорее роту гвардейцев. Когда это было исполнено, князь Меншиков пошел с ротою прямо к императорскому дворцу, выломал дверь комнаты, где находились сенаторы и генералы, и объявил императрицею и законною русскою государыней Екатерину, коронованную императором в Москве в мае месяце предшествовавшего года. Никто не ожидал такого смелого поступка от князя Меншикова, и никто не решился воспротивиться объявлению Екатерины императрицей, которой в тот же день принесли присягу на верность гвардия, полевые полки и гарнизон, а равно сенаторы, министры, высшее дворянство, наконец, коллегии и проч., проч.

Часть первая
**«ЧИНОВ ЛИШИТЬ
И КАВАЛЕРИИ ВЗЯТЬ»**

**Падение А. Д. Меншикова
1727 г.**

Падение Александра Даниловича Меншикова открывает череду дворцовых переворотов в России XVIII века. Это был действительно чисто дворцовый переворот, в котором не пришлось участвовать даже гвардейцам, — еще совсем недавно всемогущий временщик запутался в сетях хитро устроенной интриги. Сколько раз собирались тучи над головой светлейшего князя, но очередной поворот судьбы не давал ему пропасть. Петр I в последние годы жизни весьма охладел к своему Алексашке, и мало кто сомневался, что Меншикову грозит опала. Смерть сурового государя не только спасла светлейшего от больших неприятностей, но и позволила ему вновь занять место первого человека у трона. Пришедшая благодаря его усилиям к власти Екатерина до конца своей жизни испытывала сильное влияние Меншикова. Однако даже два кратких года правления супруги Петра не были вполне безоблачными для князя. Слишком много врагов нажил он себе, слишком часто демонстрировал свое властолюбие как потомкам Рюриковичей, так и тем, кого из безвестности подняла на вершину власти в империи признательность Петра за помощь в его трудах. Иностранцы передают слухи о том, что Меншиков чуть было не потерял расположения Екатерины после своего грубого вмешательства в дела Курляндии, герцогом которой он желал стать. Говорили, что самовластные действия светлейшего в Риге и Митаве в июне 1726 года привели к тому, что вдовствующая герцогиня Курляндская Анна Иоанновна лично жаловалась на Меншикова Екатерине, и та уже совсем было решила принять меры...

В тот раз князь снова удержался. Но Екатерина болела, и многим было ясно, что Меншиков может скоро лишиться высокого покровительства. Светлейший князь, однако, вновь продемонстрировал великолепное политическое чутье и изворотливость, превратившись из противника юного великого князя Петра Алексеевича в рьяного его

сторонника. Вообще при дворе немало думали о том, как не допустить, чтобы приход к власти законного, по общему мнению, наследника престола — великого князя Петра — привел к полному торжеству поклонников дореформенной «старины». А. Н. Остерман выдвигал проект женитьбы юного Петра Алексеевича на Елизавете Петровне. То, что это был бы почти кровосмесительный брак, Остермана не смущало — интересы династии выше канонических правил. Для него гораздо важнее казалось, что великий князь чрезвычайно расположен к своей очаровательной тетке.

Возникновение другого матримониального проекта приписывают австрийскому и датскому посланникам в Петербурге. Самой лучшей партией для Петра Алексеевича казалась им одна из дочерей Меншикова. У светлейшего было немало оснований, чтобы всерьез заняться столь рискованным предприятием как завязывание родственных уз с правящей династией. Дело состояло не только в безграничном честолюбии и самомнении Меншикова. При всем своем «полудержавном» могуществе он оказывался со смертью Екатерины перед весьма неприятным выбором. Если престол достанется одной из дочерей Петра I и Екатерины — Анне либо Елизавете, то при дворе неимоверно вырастет значение мужа принцессы Анны — герцога Голштинского. Отношения герцога и Меншикова были таковы, что светлейшему не стоило ждать для себя ничего хорошего от подобной перемены. В том же случае, если трон перейдет к юному Петру, Меншикову грозила месть со стороны императора за участие князя в деле царевича Алексея. Так что Александру Даниловичу, чтобы не скатиться с головокружительных высот, надо было искать неожиданные, дерзкие решения. И он предпочел рискнуть — подняться еще на одну ступеньку, — вместо того чтобы смиренно дожидаться одного из двух равно нежелательных исходов.

Помолвка старшей дочери Меншикова Марии с сыном литовского гетмана Петром Сапегой (кстати, пользовавшегося особым расположением Екатерины I) была расстроена. В завещании Екатерины недвусмысленно выражалась ее воля (вернее, воля Меншикова) — корону наследует великий князь, которому она принадлежит по старшинству, а дочери Анна и Елизавета получают крупные суммы денег и другие ценности. Петру Алексеевичу следует жениться на дочери князя Меншикова. Еще при жизни

императрицы составила партия в пользу дочерей Петра, в частности принцессы Анны. Это заставило Меншикова сурово расправиться с противниками передачи престола Петру Алексеевичу и женитьбы его на княжне Марии. 24 апреля умиравшая Екатерина подписала указ об аресте генерал-полицеймейстера графа Девиера (бывшего денщика Петра I). За день до смерти Екатерины — 5 мая все замешанные в деле Девиера были приговорены к строгим наказаниям. Меншикова не остановило даже то, что мужем за Девиером была его, Меншикова, родная сестра.

При прошлой перемене правления — зимой 1725 года — светлейшего князя, если верить Бассевичу, удержали от применения крутых мер. На этот раз дело Девиера должно было показать всем несогласным, насколько тяжела рука Меншикова.

Завещание Екатерины (в подлинности которого, впрочем, кое-кто высказывал сомнения) восстанавливало традицию, существовавшую до указа Петра I от 1722 года, — передачи короны не по воле монарха, а по наследству, что не могло не нравиться любителям «старинны». Завещание было оглашено на другой день после смерти императрицы — 7 мая. Под окнами дворца опять стояли гвардейские полки. Но демонстрировать силу не было необходимости — великого князя единодушно признали императором Петром II. Одиннадцатилетний император пожаловал будущего своего тестя званием полного адмирала, а позже и генералиссимуса. 16 мая состоялось погребение императрицы, а 22-го числа все члены Верховного Тайного Совета, созданного еще в феврале 1726 года и фактически правившего Россией, без каких бы то ни было возражений согласились с волей покойной, касавшейся будущей женитьбы Петра II. 24 мая архиепископ Феофан Прокопович совершил обручение юного царя и княжны Марии Александровны. Меншиков, казалось, достиг всех своих целей, к тому же ему удалось избавиться от герцога Голштинского, по сути дела, выслав его с женой из России. Но 19 июня светлейший князь захворал, а когда через пять недель с трудом выкарабкался из опасной болезни, — все переменялось до неузнаваемости.

За это время Петр II оказался целиком и полностью под влиянием семейства Долгоруких, за спиной которых угадывалась фигура Остермана. Царь пропадал на бесконечных охотах со своим любимцем, девятнадцатилетним Иваном Долгоруким. К своей невесте он никогда не был

особенно расположен, а тут и вовсе остыл. Против Меншикова его настроили так, что он и видеть не желал генералиссимуса...

А сам Александр Данилович в состоянии какой-то столь чуждой ему апатии безучастно наблюдал, как клонится к закату его звезда. Энергия и бодрость духа вернулись к Меншикову лишь тогда, когда он понял, что дело его решено. Петербург не видел ни до, ни после, чтобы опальный вельможа отправлялся в ссылку с такой вызывающей торжественностью и пышностью. Собственная свита светлейшего чуть ли не в два раза превосходила караул. Невзгоды не заставили согнуться князя, напротив, дух его окреп, и даже похоже, на какое-то время улучшилось расшатанное здоровье. Записки Вильбоа во многом вызывают сомнения, но о твердости и выдержке сосланного в Сибирь князя они свидетельствуют, по-видимому, достоверно.

Из записок К. Г. Манштейна

16-го мая 1727 г. скончалась Екатерина (возведенная на престол пристрастием к ней Петра I), и преемником ее был Петр II, законный наследник этой обширной империи. Этот государь родился в 1715 году от брака царевича с принцессою Вольфенбютельскою и в момент вступления на престол ему было только 11 лет с половиною. Ввиду этого обстоятельства вторым пунктом своего завещания Екатерина учредила над молодым государем до достижения им 16-летнего возраста опеку регентства, которое составляли царевны, ее дочери Анна и Елисавета Петровны, герцог Голштейнский, муж Анны, принц Голштейнский — епископ любский и жених Елисаветин¹ — и верховный совет, состоявший тогда из шести членов, а именно: из князя Меншикова, генерал-адмирала Апраксина, государственного канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана, действительных тайных советников князей Дмитрия Михайловича Голицына и Василия Лукича Долгорукого. Это регентство только однажды собралось в полном составе, а именно в день кончины императрицы Екатерины: занятия его ограничились утверждением духовного завещания, которое через два же часа потом было нарушено. По завещанию требовалось положительно, чтобы все дела решались не иначе как большинством голосов, но

это не нравилось князю Меншикову; он хотел всем управлять один, распоряжаться по своему усмотрению, представляя другим только честь повиноваться его приказаниям. Ему не трудно было успеть в этом намерении, так как никто не смел ему противоречить, не подвергаясь гибели. Тотчас же после кончины Петра I Меншиков захватил власть в свои руки, и, чтобы удержать ее за собою, он склонил императрицу Екатерину к принятию одной из дочерей его в супруги императору. В ее завещании есть об этом статья. В самый день кончины императрицы Меншиков перевел государя на жительство в свой дворец для того, чтобы никто не имел доступа к е.в. без его, Меншикова, позволения. Между тем герцог Голштейнский и министры радовались своей удаче, чрез завещание императрицы Екатерины давшей в их руки регентство; они воображали, что на их стороне будет лежать перевес голосов, так как в главе управления и председательницею совета была герцогиня². Однако Меншиков перехитрил их и заблаговременно принял свои меры.

В России есть обычай при каждой перемене царствования или министерства давать свободу нескольким заключенным. Следуя этому обыкновению, Петр II приказал освободить свою бабушку, императрицу Евдокию Федоровну, из рода Лопухиных. (В 1696 г. Петр I развелся с нею и заключил ее в монастырь.) Император назначил ей приличный сану ее двор и приглашал ее в Петербург. Однако она предпочла остаться в Москве, потому что не любила новой столицы, да и министры, по-видимому, не хотели допустить ее вмешиваться в дела. Так она провела жизнь свою в уединении. Близкие родственники ее, Лопухины, тоже были вызваны из изгнания, в котором находились уже несколько лет. Эти милости были оказаны против желания Меншикова, по внушению некоторых членов верховного совета, которым удалось расположить молодого государя в пользу бабушки и ее родственников и склонить его к требованию, чтобы они были освобождены из заточения. Все это не нравилось князю Меншикову, однако он не осмелился открыто противиться этим распоряжениям. Зато уж он сам не имел ни минуты покоя. Зная общую к себе ненависть, он ежеминутно страшился какого-нибудь неожиданного удара.

Еще в предыдущее царствование несколько знатных лиц составили было заговор против Меншикова. Хотели склонить императрицу, чтобы она удалила его от дел. Лица,

вступившие в этот заговор, были все употреблены Петром I в деле царевича; опасаясь за это мщения Петра II, если он вступит на престол, они намеревались убедить Екатерину, чтобы она отправляла его за границу для науки, но тайно решили в случае смерти Екатерины в его отсутствие исключить его от наследства и возвести на престол герцогиню Голштейнскую.

Дело происходило во время отсутствия Меншикова, находившегося в Курляндии³. Опасаясь, как бы по возвращении он не уничтожил их замысла, они постарались и успели внушить императрице такое дурное о нем мнение, что ее величество подписала указ об арестовании Меншикова на пути его в Петербург. Но по какому-то особенному для Меншикова счастью граф Бассевич, первый министр герцога Голштейнского, находил, что нужно непременно вступить за этого любимца; он успел склонить к тому своего государя, который и выпросил у императрицы прощение Меншикову. Возвратясь ко двору, Меншиков узнал о кознях своих врагов; приказал произвести розыскания, и все приверженцы Голштейнского дома были арестованы и строго наказаны. Зять Меншикова, португалец по имени Девьер, также генерал Писарев были наказаны кнутом и сосланы в Сибирь, а имение их конфисковано. Действительный тайный советник Толстой, да сын его, и генерал Бутурлин, и другие еще лица были отправлены в Сибирь. Граф Александр Нарышкин и генерал Ушаков сосланы в их поместья. Говорят, что граф Бассевич, слишком доверяясь Меншикову, передал ему слышанное им от некоторых знатных лиц уверение в их добром расположении к герцогине. Меншиков тотчас же воспользовался сообщением и пресек все их меры. Это чрезвычайно устало прочие лица, которые еще оставались привержены голштейнскому двору, но в то же время исполнило их не только недоверия, но даже презрения к графу Бассевичу. Меншиков не удовольствовался наказанием своих врагов; он хотел оставить память о том всей России и тем отнять у всякого охоту вредить ему и впредь. Вследствие этого, верховным советом издан был манифест, которым предостерегали вступать в опасные сношения, угрожая виновным еще строжайшим против прежних примеров наказанием. Этот указ подписан 6-го июня, и в тот же день состоялось обручение молодого императора с дочерью князя Меншикова⁴. Отец невесты воображал себя на вершине блаженства. Только еще один план оставалось ему выполнить, после

чего он мог считать себя вне всякой опасности; а именно: он хотел женить своего сына на великой княжне Наталии, сестре императора. Таким образом он надеялся передать русский престол своему потомству. План был ловко обдуман, однако не удался. Между тем Меншиков пожаловал себя в генералиссимусы сухопутных и морских сил. Одни только герцог и герцогиня Голштейнские возбуждали его подозрения; он опасался, как бы не образовалась в пользу герцогини партия, которая могла разрушить его великие, обширные замыслы. Полагая, что, напротив, если они принуждены будут уступить ему поле битвы, то уже никто не осмелится бороться с ним, Меншиков вдруг перестал их щадить. Делая им всяческие затруднения, он заставил их наконец выехать из России⁵. Но отъезд их не уменьшил числа его врагов; вся нация уже успела возненавидеть его.

Меншиков постарался окружить императора своими приверженцами, людьми, обязанными ему своим счастьем. Тем не менее доступ к государю имели многие лица, принадлежавшие к тем старинным фамилиям, которых Меншиков не пощадил. Скорбя об изгнании своих родственников, эти лица не упускали случаев обратить внимание молодого государя на самовластные действия Меншикова, на его надежды упрочить свою власть чрез брак императора с его дочерью, так как и на то, что, судя по его честолюбию, он, пожалуй, вздумает завладеть и престолом. Императора просили не выдавать тайны, что он и обещал, скрывая покуда свои намерения до первого удобного случая. Случай этот представился по легкомыслию или ужасной неосторожности самого Меншикова.

Не помню по какому случаю, цех петербургских каменщиков поднес императору в подарок 9 тысяч червонцев. Государю вздумалось порадовать ими сестру, и он отправил к ней деньги с одним из придворных лиц. Случилось последнему повстречаться с Меншиковым, который спросил его, куда он несет деньги? На ответ придворного Меншиков возразил: «Государь по молодости лет не знает, на что следует употреблять деньги, отнесите их ко мне, я увижусь с государем и поговорю с ним». Хорошо зная, как опасно противиться воле князя, придворный исполнил его приказание. На другое утро царевна Наталия, по обыкновению, пришла навестить брата. Только что она вошла к нему, как государь спросил ее, разве не стоит благодарности его вчерашний подарок? Царевна отвечала, что не получала ничего. Это рассердило императора. Приказав при-

звать придворного, он спросил его, куда девались деньги, которые ему велено было отнести к княжне? Придворный извинялся тем, что деньги отнял у него Меншиков. Это тем более раздражило государя. Он велел позвать князя и с гневом закричал на него, как смел он помешать придворному в исполнении его приказа? Не привыкший к такого рода обращению князь был поражен как громом. Однако он отвечал, что по известному недостатку в деньгах в государстве и истощению казны он, князь, намеревался сегодня же представить проект более полезного употребления этих денег и прибавил: «А если вашему величеству угодно, то не только прикажу возвратить эти девять тысяч червонцев, но даже дам из собственной своей казны миллион рублей». Государь не удовольствовался этим ответом. Топнув ногою, он сказал: «Я покажу тебе, что я император и что я требую повиновения». Затем, отвернувшись, ушел; Меншиков пошел за ним и так упрасивал его, что он на этот раз смягчился; но мир продолжался недолго.

Спустя несколько дней Меншиков опасно заболел, чем и воспользовались его враги для окончательной его гибели. Князя Долгорукие, в особенности князь Иван, в то время уже входивший в большую милость, совершенно погубили его в мнении государя. Все эти козни были известны Меншикову, так как и потеря его значения, но он надеялся не сегодня завтра снова войти в милость и произвести впечатление на императора своим обычным повелительным тоном.

По выздоровлении своем Меншиков сделал другую ошибку. Вместо того, чтобы отправиться в Петергоф, куда переехал двор во время его болезни, он поехал в Ораниенбаум, загородный дворец свой в восьми верстах от Петергофа. У него тут строилась церковь, которую он хотел освятить. На эту церемонию приглашены были император и весь двор. Но как врагам Меншикова недаром грозила месть его в случае примирения его с государем, то они научили последнего отказаться от приглашения под предлогом нездоровья, что он и сделал. Меншиков, однако, еще не видел в этом доказательства совершенной немилости; он снова поступил неосторожно, заняв во время церемонии место в виде трона, предназначенное для императора. И это обстоятельство выставили на вид его враги и тем довершили его погибель.

Вечеру того же дня Меншиков поехал в Петергоф, но

не застал там императора, которого увезли на охоту. Обратившись к Остерману, он завязал с ним резкий и грубый разговор. Этот день и следующий Меншиков остался в Петергофе, но император не возвращался туда. Между тем, встречая всюду холодное выражение лиц, Меншиков решился возвратиться в Петербург, может быть в той уверенности, что там он будет грознее, нежели в среде придворной. Действительно, прибыв в столицу, он вместо того, чтобы разыгрывать роль впавшего в немилость царедворца, напротив, все утро провел в посещении коллегий и в отдаче разных приказаний; особенно занялся он распоряжениями для приема императора в своем дворце, полагая, что государь по-прежнему будет жить у него по возвращении своем в город. Но около полудня приехал генерал Салтыков с приказанием взять из дома Меншикова царскую мебель и перенести ее в Летний дворец. Это сразило князя как громом, он совершенно потерялся, особенно когда в довершение удара ему возвратили мебель его сына, который по должности обер-камергера жил при государе.

В своем смятении он худо сделал, что распустил по квартирам свой Ингерманландский полк, который он оставил было для своей безопасности близ своего дворца на Васильевском острове*. Этот полк, которого Меншиков считался полковником с самого начала его образования, был вполне ему предан, и то верно, что он внушал немало уважения врагам князя.

На другой день император возвратился в Петербург. Снова послан был генерал Салтыков с объявлением Меншикову, что он арестован. Жена его и дети поспешили в Летний дворец, чтобы броситься к ногам императора, но их не допустили до него.

Между тем князя уверили, что его лишают только должностей, но имущества его не тронут и ему дозволят провести остаток жизни в Раненбурге, хорошеньком городке на границе Украины, им же построенном и даже несколько укрепленном. Пока князь оставался в Петербурге, ему не мешали распоряжаться своим именем, так что когда он выехал отсюда, то по обозу его нельзя было заключить, что едет опальный вельможа. С ним ехало все его семейство и большое число слуг. По всему обра-

* Васильевский остров составляет часть города Петербурга. Петр I-й подарил его даже весь Меншикову, но потом взял его обратно, полагая выстроить на нем весь Петербург; но план этот не состоялся.

нию с ним в первые дни путешествия казалось было, что ему не желали большого зла. Когда же он прибыл в Тверь, город, лежащий на пути из Петербурга в Москву, то нашел там повеление наложить печати на все его имущество с оставлением ему только необходимого. Стражу его удвоили и стали внимательнее наблюдать за ним в дороге. Едва прибыл он в Раненбург, как ему подали кипу бумаг с обвинениями против него, и по следам его ехали лица, назначенные судить его. Его приговорили к ссылке в Березове, самом отдаленном местечке Сибири. Жена его, лишившись зрения от слез, умерла в дороге, остальное семейство провожало его до места ссылки. Он перенес свое несчастье с твердостью, которой в нем не предполагали, и из худосочного, каким он был прежде, стал здоровым и полным. На его содержание было назначено по десяти рублей в день; этой суммы так было достаточно, что сверх собственных нужд он мог откладывать из нее на расходы для постройки церкви, над которой сам и работал с топором в руке. Меншиков умер в ноябре месяце 1729 г. от прилива крови, так как во всем Березове не нашелся человек, который сумел бы пустить ему кровь.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I

С.-Петербург, 1 (12) июля 1727 года

⟨...⟩ Болезнь Меншикова до того усилилась, что он уже соборован и без чуда нельзя больше надеяться на исцеление его. К чахоточному кашлю присоединилась лихорадка, и притом припадок так силен, что медики считают его болезнь неизлечимой при преклонных летах его.

Не подлежит сомнению, что смерть князя Меншикова повлечет за собою большие перемены в государстве. Впрочем, невозможно предсказать что бы то ни было раньше, чем покажется, способен ли кто-нибудь из старых русских господ овладеть всеми государственными делами и занять этот пост с тем же успехом и авторитетом, как князь.

Остерман поддерживает систему покойного императора и стремится сохранять славу сего государства и приобретения его, а также поставить молодого императора в такое же положение относительно его союзников и всей остальной Европы, какое занимал его дед; при этом заботится

вести более разумное государственное хозяйство и поднять торговлю. Этот план всеми силами поддерживается и Меншиковым.

Старорусская партия, напротив, в которой главную роль играет старый князь Дмитрий Голицын и его брат фельдмаршал князь Михаил Михайлович с их сторонниками, видят в основании этого города, флота и в других учреждениях и расходах покойного императора причину разорения всей России и вместе с большинством русских готовы бросить все это, если бы им только удалось вернуться в Москву и пользоваться там в спокойствии своими домами и имениями. Старый князь Голицын сравнил даже Петербург с частью тела, охваченною антоновым огнем и которая должна быть отсечена; чтобы не заразилось от нее все тело. С первую санною дорогою решено отправиться в Москву, и многие умные люди придерживаются того мнения, что со временем можно ожидать обратное перенесение резиденции туда. Другие же полагают, что император оставит оба города столицами, а также нимало не уклонится от системы августейшего деда своего касательно его приобретений и условий, заключенных с остальными державами Европы. Любовь и доверие императора к барону Остерману все еще возрастает.

Августейшей бабушки императора не было еще здесь, но достоверно, что она приедет сюда.

Отплытие герцога Голштинского с супругою в Киль окончательно назначено на средину августа месяца.

И. Лефорт — Августу II

С.-Петербург, 12 (23) августа 1727 года

Меншиков дошел до крайних пределов, его скупость дошла до крайности. Он так себя поставил, что царь не может ни видеть, ни слышать его. Недавно этот старый воркун спросил лакея, которому было дано три тысячи рублей для мелких расходов монарха, сколько он истратил? Видя, что он дал царю сумму, хотя и очень умеренную, он выбрал слугу и прогнал его. Царь, узнавши это, поднял страшный шум и принял обратно слугу. Другой раз царь послал спросить у Меншикова 500 червонцев. Меншиков полюбопытствовал узнать их употребление. Царь отвечал, что они ему нужны, и, получив их, подарил сестре. Узнав об этом, Меншиков разгорячился, как бесноватый, и отнял деньги у ве-

ликой княжны. Вот новая метода заставить полюбить себя. Бог знает, какие желания составляют они для счастливого освобождения. Царь иногда мстит на сыне Меншикова, которого он бьет, пока тот не попросит пощады. Лихорадка не покидает Меншикова. Молодой Меншиков назначен членом военной коллегии.

И. Лефорт — Августу II

С.-Петербург, 30 августа (9 сентября) 1727 года

День именин великой княжны¹ прошел в споре между царем и Меншиковым. Как только последний хотел с ним говорить, тот поворачивал ему спину. Царь поддерживает свою власть. Он сказал одному из своих любимцев после нескольких исканий со стороны Меншикова, на которые он не отвечал: «Смотрите, разве я не начинаю его вразумлять». Меншиков его выговаривал, что он мало заботится о своей невесте и женитьбе. Царь отвечал: «Разве не довольно, что я в душе люблю ее; ласки излишни, а что касается до женитьбы, то Меншиков знает, что я не имею никакого желания жениться ранее 25 лет».

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I

С.-Петербург, 5 (16) сентября 1727 года

Как новость отсюда можно сообщить, судя по многим спорам и рассказам, что весь двор находится в ожидании важной перемены. Я полагаю, что император будет объявлен совершеннолетним, ибо князь Меншиков, пользуясь несовершеннолетием государя во вред государству, завладел могуществом и авторитетом правителя и старается слишком ограничить значение особы императора и администрации. Так как нет никого, кто мог бы состязаться с ним, то нет более действительного средства к его унижению как придать полный авторитет самодержавной власти царя, причем министры, а в особенности Остерман, будут значительно сильнее его уже потому, что он в настоящее время пользуется гораздо меньшею милостью у императора, чему служит доказательством все, что приходится слышать или видеть ежедневно.

Говорят за достоверное, что администрация отдала приказ князю Меншикову с запрещением располагать более чем 1000 рублями из императорской казны, вместо того, что он до сих пор дозволял себе располагать всеми фондами вообще и соглашался или отвергал ассигновки администрации.

Любовь императора к своей невесте все более и более ослабевает, и я полагаю, что князь Меншиков весьма задумался бы теперь приступить к этому слишком поспешному делу, если бы представилась возможность начать его снова.

И. Лефорт — Августу II

С.-Петербург, 7 (18) сентября 1727 года

Раздосадованный, что у монарха более пронизательности, чем он желал бы видеть, и что мало действовало его низкопоклонство, чтобы заставить царя приехать в Ораниенбаум, куда тот не поехал, Меншиков приехал ночевать в Петергоф. Насилу он мог добиться свидания с царем, твердого в своем решении свергнуть иго. На другой день, в печали видя себя лишенным в своих надеждах о властолюбивых целях, видя, что царь утром уезжает на охоту, а сестра его выпрыгнула за ним из окна, не желая видеть Меншикова, он обращается к великой княжне Елизавете, лукавит, рассказывая ей о своих услугах и неблагодарности царя, и кончает тем, что решается уехать в Украину и там начальствовать, видя здесь свои труды потерянными. Может быть, сознавая, что царь не вернется, пока он в Петергофе, Меншиков приехал сюда со всем своим семейством.

Вечером прибыл из Петергофа майор гвардии с собственноручным приказом царя Верховному Тайному Совету приготовить новый Летний дворец, где царь будет жить, также и Зимний. Его желание, чтобы не слушались никакого приказа касательно денег, если он не подписан его рукой.

На следующий день Верховный Тайный Совет велел перенести из дома Меншикова все вещи царя и снять караул.

Итак, царь избавлен от соседства своей любезной Елизаветы, оставляя Меншикова в страшном бешенстве. Я ни-

когда не сомневался, чтобы это кончилось таким блестящим ударом, он этого и заслуживает. Царь сказал барону Остерману, старавшемуся его успокоить, что он покажет, кто император, он или Меншиков. Он запретил всему двору ходить к Меншикову. Десять дней тому назад жители Ярославля поднесли царю серебряный подарок. Он отдал его сестре. Узнав об этом, Меншиков три раза посылал за ним. Великая княжна отсылала назад посланного с приказанием сказать Меншикову, что она знает разницу между царем и человеком, как он, и поклялась никогда не быть у него в доме. Касательно желанья Меншикова уехать в Украину известны его нежное сердце и склонности; я скорее того мнения, что его не упустят из виду, а уж тем более не поручат ему начальствование. Интересно знать, потрудятся ли заставить его отдать отчет? Кто знает, не подаст ли повод курляндское дело лишить его всякой власти? Этот переворот — причина здесь всеобщей радости, не исключая даже самых верных его любимцев.

Из Журнала Верховного Тайного Совета

1727 года сентября в 8 день Его Императорское Величество изволил быть в Верховном Тайном Совете, а при том были: генерал-адмирал граф Апраксин, канцлер граф Головкин, вице-канцлер и действительный тайный советник барон Остерман.

Перед приходом Его Величества послан был к князю Меншикову генерал-лейтенант и майор гвардии Семен Салтыков с объявлением ареста, чтоб он со двора своего никуда не съезжал.

А прибыв в Верховный Тайный Совет, изволил подписать приготовленные два указа: о бытности и присутствии Его Величества впредь в Верховном Тайном Совете и о неслушаний указов или писем князя Меншикова и других. И который оставлен в Верховном Тайном Совете, тот подписан и от министров, а который послан в Сенат и в печать велено издать, тот токмо за единою собственною рукою Его Императорского Величества отправлен.

А. Д. Меншиков — Петру II

Санкт-Петербург, 8 сентября 1727 г.

По вашего императорского величества указу сказан мне арест, и хотя я никакого вымышленного перед вашим величеством погрешения в совести моей не нахожу, понеже все чинил я ради лучшей пользы вашего величества, в сем свидетельствуюсь не оцененным судом Божиим, разве, может быть, что вашему величеству или вселюбезнейшей сестрице вашей, ее императорскому величеству, учинил забвением, или нерадением, или в моих вашему величеству для пользы вашей представленийх. И в таком моем неведении и недоумении всенижайше прошу за верные мои к вашему величеству службы всемилостивейшего прощения и дабы ваше величество изволили повелеть меня из-под ареста освободить, памятуя речение Христа, спасителя нашего: да не зайдет солнце во гнев вашем. Сие все предаю на всемилостивейшее вашего императорского величества рассуждение. Я же обещаюсь мою к вашему величеству верность содержать всегда до гробу моего.

Также сказан мне указ, чтоб мне ни в какие дела не вступаться, так что я всенижайше прошу, дабы ваше величество повелели для моей старости и болезни от всех дел меня уволить вовсе. <...>

А. Д. Меншиков — в. кн. Наталье Алексеевне

Санкт-Петербург, 8 сентября 1727 года

Всемилоостивейшая государыня!

Сего числа прислан ко мне генерал-лейтенант Салтыков и объявил Его Императорского Величества указ, чтобы мне ни в какие дела не вступать и из дому не отъезжать до указу, на что я послал к Его Императорскому Величеству нижайшее прошение, о чем и Ваше Величество, Всемилоостивейшую Государыню, всенижайше прошу о милостивейшем к Его Императорскому Величеству предстательстве, дабы из-под ареста был освобожден и для моей старости и болезни от всех дел уволен вовсе. Буде же недоумением моим в чем пред Вашим Величеством погрешил, в том прошу милостивейшего прощения; я же обещаюсь мою к Вашему Величеству верность содержать до гроба моего.

В 9 день сентября Его Императорское Величество паки в Верховном Тайном Совете быть изволил, а при том были все вышеупомянутые особы и сверх и действительный тайный советник князь Голицын.

Докладывано Его Величеству о князе Меншикове и других по приложенной записке руки вице-канцлера барона Остермана, которая сочинена была пред приходом Его Величества по общему совету всего Верховного Тайного Совета. И Его Величество по тому чинить и указы свои приготовить и посылать указал, кроме Алексея Волкова и Варвары Арсеньевой, о которых отложено впредь.

Указ Петра II

Божиею милостью мы, Петр Второй, Император и Самодержец всероссийский и прочая.

Указали мы князя Меншикова послать в Ораниенбург¹ и велеть ему жить там безвыходно, и послать с ним офицера и капральство солдат от гвардии, которым и быть при нем, а чинов его всех лишить и кавалерии взять, а имению его быть при нем.

Дан сентября 9-го 1727

Петр.

И. Лефорт — Августу II

С.-Петербург, 9 (20) сентября 1727 года

В прошлое воскресенье князь Меншиков велел освятить ораниенбаумскую церковь, по этому случаю там делались большие приготовления для принятия его величества и двора; но этот нашел ненужным при этом присутствовать. На другой день накануне именин великой княжны Елизаветы князь приехал в петергофский дворец, где едва он мог видеть его величество. Во вторник, когда его величество рано утром уже был на охоте, князь Меншиков приехал сюда со всем своим семейством в шести придворных каретах, каждая запряженная шестеркой.

В этот же самый день, так как князь не приказал делать

иллюминации по случаю петергофского праздника, был дан бал, на котором его величество был недолго, жалуясь на усталость после охоты. В этот же день прибыл курьер из Петергофа с приказанием Верховному Тайному Совету перевести все экипажи его величества в Летний дворец из дома Меншикова и поставить там его караул.

Среду его величество провел на охоте, на ночь приехал в мызу Стрельну. В этот же день князь Меншиков приказал прекратить все работы на Васильевском острове (который более не называется Преображенским) и шести полкам, бывшим там в лагерях, перебраться на зимние квартиры, что и было исполнено.

В четверг его величество прибыл пополудни в Летний дворец. Вечером его невеста княжна и ее сестра пришли поздравить его величество с приездом, но не были радушно приняты, что и заставило их удалиться.

Вчера в пятницу генерал-лейтенант и гвардии майор Салтыков был послан к князю Меншикову внушить ему, что он может оставаться у себя дома и не вмешиваться ни в какие дела, причем у него отняли почетный караул генералиссимуса.

В праздник его величество был в церкви св. Троицы, где причащался. Возвращаясь во дворец, он нашел там княжну Меншикову, мать с сыном и невесткою Арсеньевой. Эта дама, которую все сожалеют, пала на колени и просила помилования своему мужу, но не имела успеха. После обеда был опубликован приказ, содержание которого следующее <...>

Р. S. Когда царь сюда прибыл, он послал приказ гвардейским полкам не слушаться ничьих приказаний, как только его собственных, которые будут передаваться через гвардии майоров Юсупова и Салтыкова. Царь отправил курьера воротить Ягужинского, бича Меншикова. Царь сказал: «Меншиков, может быть, думает обходиться со мною как с моим отцом, но ему не придется давать мне пощечины».

Вчера утром царь послал гвардии майора Салтыкова объявить Меншикову домашний арест. Меншиков упал в обморок, ему пустили кровь. Его супруга и сын отправились к царю просить помилования, она встала на колени, но царь остался на своем и, не произнеся ни слова, вышел вон. То же самое она делала у великой княжны Елизаветы и великой княжны Натальи Алексеевны, но они также удалились. Барон Остерман остался в выигрыше. Эта от-

личная дама, о которой все сожалеют, целых три четверти часа стояла на коленях перед бароном, и ее нельзя было поднять.

Когда царь велел перенести свою мебель в Летний дворец, Меншиков сделал то же самое и со своею, желая там поселиться. Тотчас же получен был приказ мебель отвезти обратно.

Чтобы погубить Остермана, Меншиков выговаривал ему, что это он наущает царя принять иностранную веру, за что он велел бы его колесовать. Нетрудно было оправдаться. Остерман отвечал, что за его поступки его нельзя колесовать, но он знает, кого следовало бы этому подвергнуть.

Салтыков не покидает более Меншикова. <...> Доступ ко двору закрыт для всего семейства и прислуги Меншикова. Он уже написал царю и просил позволения ехать в Украину. Ему отвечали: *non concedo*². Приказано лишить дворянства и орденов все семейство и отнять у невесты экипажи и прислугу царя. Меншиков должен ехать завтра под конвоем со всем своим семейством, но не знают куда.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I

С.-Петербург, 9 (20) сентября 1727 года

Честь имею всеподданнейше донести вашему величеству, что князь Меншиков впал в большую немилость у своего государя и вчера заарестован в собственном доме.

Должно сознаться, что князь принял все меры, которые должны были ускорить его падение и легкомысленно отказывался от всего того, что ему советовали добрые люди для его охраны, следуя единственно своей страсти к деньгам и необузданному честолюбию. Ему следовало бы действовать заодно с Верховным Тайным Советом, поддерживать хороший государственный строй, им самим заведенный, и этим приобрести и удержать за собой расположение императора и великой княжны [Наталии Алексеевны]. Его действия прямо противоположны всему этому: он присвоил себе права правителя, прибрал к своим рукам все финансовое управление и располагал всеми делами, как военными, так и гражданскими, по своему усмотрению, как настоящий император.

Его величеству императору и великой княжне он до-

саждал самым чувствительным образом и отказывал обоим в самом необходимом в том ложном мнении, что таким образом он их будет держать под своей ферулой. Перед отъездом в Петергоф он по этой причине поссорился с молодым императором, для поправления чего он и предложил ему это увеселительное путешествие. Император, однако, продолжал свое холодное с ним обращение, что понудило князя вернуться с дачи сюда 2-мя днями раньше. Между тем императором был прислан сюда приказ перенести все вещи из дома князя в Летний дворец. Одновременно был опубликован гвардейским полкам указ, что император сам намерен командовать ими, чтобы они впредь слушались приказаний одних только генерал-лейтенантов Юсупова и Салтыкова.

Генерал-лейтенант Салтыков объявил Меншикову об его аресте, после чего князь вышел в приемную и жаловался всем присутствующим, что вот как его награждают за верную службу государству и молодому императору.

Княгиня Меншикова с молодым князем припали вчера к стопам императора, что возбудило к ней большое сочувствие, ибо она весьма благочестивая и добродетельная особа и так слаба, что многократно при этом падала в обморок. Сам император поднял и утешал ее. Затем пошла она к великой княжне Елисавете Петровне, чтобы передать ей просьбу своего супруга заступиться за него перед императором.

Вот как это дело обстояло вчера, и я буду иметь честь всеподданнейше донести дальнейший ход его с ближайшей почтой. По всем вероятностям, несовершеннолетие императора скоро кончится; многие будут замешаны при падении князя, а многие из сосланных вернутся опять сюда.

И. Лефорт — Августу II

С.-Петербург 12 (23) сентября 1727 года

Князь Меншиков обязан был следовать приказу его величества и уехать третьего дня в четыре часа пополудни со всем своим семейством и обозом, состоящим из сорока двух повозок, тридцати лошадей, верховых и упряжных и из четырех карет, каждая в шесть лошадей. В первой сидел сам князь, его супруга и невестка. Во второй — его сын с одним только карликом. В третьей — две дочери

Меншикова и две служанки. В четвертой — брат княгини Меншиковой Арсеньев и другие из придворных. Затем следовали десять колясок в две лошади каждая. Все эти экипажи были конвоированы гвардии капитаном и 120 человек солдат.

Никогда не видали такое множество собравшегося народа, как при этом внезапном падении Меншикова. Все были в трауре. От князя были отняты все кавалерские ордена, говорят, что после того было поступлено так же и с его семейством. Меншиков получил позволение жить в изгнании в Ораниенбурге, поместье в 300 верстах от Москвы, принадлежащее князю. Не знают еще, может быть, на дороге придет указ, который изменит их положение.

С Меншикова взяли подписку никогда не иметь с кем бы то ни было переписки. Бабка его величества прибыла в Москву и поступила в Девичий монастырь. Генерал Миних назначен в военную коллегия. Удивлялись поведению барона Остермана во время этого переворота; он выказывал чрезвычайную осторожность во всех своих поступках и постоянное внимание к царю и общественному благу.

Так как его величество большой любитель охоты, он мне подарил сегодня утром бедро лосихи, убитой им недавно в Петергофе, и арбузы, только что привезенные из Астрахани.

Р. S. Трудно описать всеобщую радость, причиненную падением Меншикова. Все начинают свободно дышать. Капитан, сопровождающий Меншикова, получил приказание следовать за ним, пока не получит новых приказаний. Если он будет в Москве, Ромодановский не замедлит угостить его по-своему, и мне кажется, его изгнание кончится в отдаленных пустынях. Я сомневаюсь, чтобы он был в состоянии перенести то, что ему предстоит. Его любимцам будет не лучше. Нашли 70 указов, которые он дал царю подписать без ведома о содержании их, в том числе были и относящиеся к великому адмиралу¹, открывшему это плутовство, чтобы сослать его в Персию, также и о Ягужинском. <...>

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I

С.-Петербург, 12 (23) сентября 1727 года

Тайный Верховный Совет, в котором присутствует лично сам император, собирается теперь почти ежедневно по

делу князя Меншикова. Последний лишен всех своих должностей; как у него, так и у свояченицы его Варвары Михайловны [Арсеньевой] отобраны их ордена и приказано ему отправиться в двое суток в путь в местечко, близлежащее от Казани. Однако уважили его просьбу сослать его в Ораниенбург в Украине, где ему принадлежит в прекрасной местности красивый и крепкий замок. Стражею сопровождают его один капитан с несколькими солдатами.

Говорят, будто у него отобрали 500 тысяч рублей. Я, однако, полагаю, что этим дело не кончится, ибо он совершил много уголовных преступлений и имеет много врагов. Я только недавно узнал весьма секретным и достоверным образом, что именно больше всего способствовало его падению, а именно: из зависти большого расположения императора к барону Остерману князь намеревался низвергнуть последнего. Так как он не мог найти ничего, за что придрататься к Остерману, то употребил религию как орудие для своих целей и обвинял его в том, что он препятствует императору в частом посещении церкви, что нация этим недовольна, ибо она не привыкла к такому образу жизни своего монарха, что Остерман старается воспитывать императора в лютеранском вероисповедании или оставить его без всякой религии, так как он сам ни во что не верит. Хотя Остерман и назначен был воспитателем великого князя, но с тех пор как последний стал императором, он уже не может больше занимать этой должности. Наконец, князь намеревался в этом деле привлечь на свою сторону духовенство.

Когда же Остерман в Петергофе хотел объясниться с кн. Меншиковым и ему представил все вышесказанное, князь разгорячился и думал его испугать своею властью. Он ему повторил опять то же обвинение, обругал его атеистом и спросил его, знает ли он, что он [Меншиков] его сейчас может погубить и сослать в Сибирь.

Тут не воздержался барон фон Остерман и наговорил ему много сурового и между прочим сказал ему, что князь ошибается, полагая, что он в силе сослать его в Сибирь. Он же, барон, в состоянии заставить четвертовать князя, ибо он и вполне заслуживает того.

Исход этого дела ясно доказывает неразумность поступка князя, и дай бог, чтобы исход этот не сделался еще более печальным, чем он теперь. Ибо преступления его уж слиш-

ком тяжки. Припоминаю одно то, что он держал у себя фальшивого монетчика, отчеканил много тысяч рублей из низкой пробы серебра и пустил бы их действительно в оборот, если бы не императрица, [которая] по настоянию герцога Голштинского не допустила этого. Впрочем, он их все-таки отослал в Персию для уплаты жалованья войскам¹, что возбудит сильные жалобы туземцев и вызовет молву, будто русские хотят их обмануть фальшивыми монетами. Полагают также найти между его письмами известие о том, что он дал обоим генералам при отправлении их в Курляндию денег и инструкций, чтобы ему помочь получить герцогство. Это он, однако, принял без ведома Верховного Тайного Совета и, следовательно, не иначе как под страхом строгого наказания.

Князь просил отсрочку отправления на 8 дней, в чем ему, однако, отказали, и он отправился в путь третьего дня после обеда. Он и его семейство ехали в каретах, запряженных шестеркой; его сопровождали 50 или 60 багажных телег, а также все его слуги из немцев. Выезд случился в воскресенье, стояла прекрасная погода, отчего и обе стороны улиц были наполнены огромными толпами народа.

Говорят, что к генералу Миниху отправлен курьер и что он призывается сюда для председательствования в военной коллегии.

И. Лефорт — Августу II

С.-Петербург, 16 (27) сентября 1727 года

Князь Меншиков продолжает ехать и, как уверяют, около Москвы. Его, должно быть, очень беспокоило харканье кровью; сомневаются даже, чтобы он долго прожил.

Генерал Миних назначен вице-президентом военной коллегии.

Р. S. По сделанным открытиям видно, что Меншиков не желал быть только герцогом, но имел виды и на корону. Меня уверяют, что найдено письмо, написанное им прусскому двору, в котором он просит дать ему десять миллионов займы с обещанием отдать вдвое больше, как только он вступит на престол русский. Кроме того, нашли прика-

зание отрешить от должности под разными предложениями гвардейских офицеров Преображенского полка и заметить их любимцами Меншикова. Приняв еще во внимание его сокровища, набранные из денег царя, можно заключить, как далеко простирались его планы.

Может быть, дело о завещании вдруг обнаружится, но пока еще царь ничего не знает; думают о способах обратить его внимание на это. Так как великая княжна Елизавета подписывала все от имени царицы, герцог Голштинский и Меншиков заставили ее подписать завещание, о котором покойная царица ничего не знала. (...) Приказано воротить драгоценные вещи, посуду и деньги, утащенные Меншиковым; всего наберется более трех миллионов. Было назначено следствие. Макаров, Шаховской и Фаминцын, комендант крепости, арестованы. Меншиков и Варвара¹ сосланы в глубь Сибири; жена и дети получили свободу и могут жить, где хотят, но до сих пор они еще не разлучены, тем более что им не долго осталось жить вместе.

И. Лефорт — Августу II

С.-Петербург, 25 сентября (4 октября) 1727 года

В среду вечером прибыл из Москвы фельдмаршал князь Голицын.

P. S. Кроме того, что он [Меншиков] ограбил своего государя, опустошил его казну, присвоил себе драгоценные вещи, принадлежавшие двору, требовал от подданного в силу своей власти земли и имения, тысячу раз злоупотреблял подписью и словом своего царя, узнали, что он для своей выгоды злоупотреблял при монетном деле. Его обвиняют в приказании вычеканить пятикопеечные монеты, которых появилось такое огромное количество, что они будут уничтожены. Эти монеты, однако, ходили как настоящие деньги, а в них чистого металла было только семь лотов на одну марку. Нашлись еще многие другие притеснения.

Уверяют, что у Меншикова оковы на руках и ногах. У него несметные богатства. Одни говорят, что вещи, отнятые у него в дороге, превышают 20 миллионов, другие же говорят, что только пять¹ (...)

Протокол Верховного Тайного Совета по делу
кн. А. Д. Меншикова о ссылке его с семейством в Березов
и о конфискации его имущества

4 апреля 1728 г.

1728-го марта в 27 день его императорское величество изволили быть при присутствии всех особ Верховного Тайного Совета и слушать письма подметного, которое прибито было 24-го дня марта у Спасских ворот¹, и указал о том подметном письме выдать свой указ во всенародное известие, который того же дня сочинен и явствует ниже сего.

О Меншикове изволил определить: послать, обобрав его все пожитки, в Сибирь, в город Березов с женою, и с сыном, и с дочерьми. И дать ему из людей его мужеска и женска пола десять человек из подлых. И дать ему в пристава поручика или подпоручика от гвардии, которые ныне тамо с Мельгуновым, которому в дорогу для провожания до Тобольска взять двадцать человек солдат отставных батальону Преображенского, которые ныне в Аранибурхе². И ехать ему водою до Казани, до Соли Камской, а оттуда до Тобольска. А в Тобольск приехав, отдать его, Меншикова, со всеми губернатору, а самому, взяв солдат, ехать в Москву. А губернатору, приняв его, отправить в вышепомянутый город, выбрав доброго офицера и придав солдат, которому офицеру и с солдаты и жить при нем. И как в дороге, так и тамо будучи, над ним иметь крепкое надсмотрение, чтоб ни он никуда, и ни к кому, и ни к нему писем никто не писал, и никакой пересылки ни с кем не имел. А ежели б какие письма от кого явились, и те ему брать к себе, и присланных к нему и от него посланных держать за караулом, и о том писать сюда без умедления, и дать ему обо всем том инструкцию. А давать ему, и жене, и сыну, и дочерям корму по рублю, да на людей по рублю ж на день, всего по ш [ес] ти рублей из тамошних доходов. А на нынешний год, с того времени как он из Аранибурха повезен будет, дать из отписных его, Меншикова, денег, которые у Мельгунова оставлены. Да сверх того в дорогу офицеру на прогоны, и на наем судов, и на прочие дорожные расходы дать тысячу рублей из тех же денег, которым велеть держать расход с запискою. У жены его, Меншиковой, кавалерию³ взять и прочие пожитки, остальные сверх описи Ивана Плещеева которые явятся и которые он

в бытность свою у него, Меншикова, оставил, забрав, привезть Мельгунову в Москву и объявить в Верховном Тайном Совете. А команду ему свою от гвардии солдат взять с собою, кроме тех, которые ради провожания возьмутся, а прочих, которые взяты с Воронежа, и тех отпустить туды по-прежнему.

Барвару Арсеньеву послать в Белозерский уезд в Горский девичь монастырь и тамо ее постричь при унтер-офицере, который ее повезет в тот монастырь; и давать по полуполтине на день, и велеть ей тамо потому ж быть неисходной. И игуменье смотреть над нею, чтоб никто ни к ней, ни от нее не ходил и писем она не писала, а о том к ней, игуменье, послать указ. А людей, которые ныне при ней, прислать в Москву, и письма, какие при ней ныне есть, велеть тому унтер-офицеру, отобрав, прислать за печатью в Москву в Верховный Тайный Совет. А когда она, Варвара, пострижена будет, то и ему оттуда ехать явиться в Верховном Тайном Совете и о всем известие подать на письме.

Люди мужеска и женска пола, которые у него, Меншикова, ныне тамо и останутся от тех, которые с ним поедут, велеть Мельгунову выслать их в Москву и привезть им с собою роспись и оную подать в Верховном Тайном Совете. Аранибурх и к нему тысяча дворов, которые было велено оставить во владение за ним, Меншиковым, отписать на его императорское величество и велеть Мельгунову переписать: что чего останется какого заводу и хлеба и прочего, и сколько числом дворов крестьянских и однодворцев или других каких чинов с крестьян; и в тех однодворцах есть ли такие, которые собственные свои деревни имели. А когда он, Меншиков, из Аранибурха повезен будет и выедет несколько верст от Аранибурха, тогда капитану Мельгунову осмотреть его пожитки: не явится ли чего у него утаенного сверх описи Ивана Плещеева, и те все пожитки у него отобрать и, переписав, привезть с прочими его пожитки в Москву и объявить в Верховном Тайном Совете.

О вышепомянутой даче кормовых из тамошних доходов, где кто будет, об ассигнациях послать указ в Сенат. А пожитки его пересматривать, и опись оным чинить, и запечатывать обще с другими офицеры и с людьми его, Меншикова, и опись тем пожиткам подписать им обще. А деревни приказать смотреть кому из людей его Меншикова, по рассмотрению Мельгунова обще с старосты, дабы

удобного времени к севу упущено не было и чтоб все было под добрым охранением. Генерал-адмирал граф Апраксин. Канцлер граф Головкин. Князь Василий Долгорукий. Князь Дмитрий Голицын. Князь Алексей Долгорукий. Василий Степанов. Подписано в 4 день апреля 1728-го.

Из «Краткого очерка, или Анекдотов о жизни князя Меншикова и его детях» Н. П. Вильбоа.

⟨...⟩ Вскоре скончалась императрица, и едва сомкнула она глаза навеки, великий князь был провозглашен под именем Петра II. Первое, что сделал Меншиков как искусный политик, было уверение юного царя в важности заслуги, ему оказанной, и внушение недоверчивости ко всем, так что царь не мог уже считать себя безопасным, не передавши Меншикову звания правителя государства и генералиссимуса армии, на что приготовлен уже был им предварительно патент. Царь подписал его. Другое дело Меншикова состояло в немедленном обручении царя с своею дочерью. Церемония совершилась без всякого явного спора со стороны сенаторов и других знатных людей, к ней приглашенных. Они присутствовали, не смея дать ни малейшего внешнего знака скрываемого ими неудовольствия. Для достижения сего успеха без насилия Меншиков удалил от дел и от двора многих, не скрывавших отвращения своего от предложенной женитьбы царя и могших тому воспротивиться; иные даже сосланы были в Сибирь за выдуманные преступления. Но или не знал Меншиков нерасположение к нему князей Долгоруких и графа Остермана, из робости и для выигрыша времени казавшихся оправдывавшими все его намерения, или не считал он их опасными, но только он не предпринимал ничего против них и не боялся их, повелевая ими как властитель, не знавший других законов, кроме своей воли. Неприлично обращался он и с самым царем, который был еще весьма юн. Меншиков стеснил его в самых невинных удовольствиях и не допускал иметь сношений с людьми, наиболее им любимыми прежде, когда он был еще великим князем. Словом, Меншиков правил вполне Россиею. Он думал, что меры и предосторожности, взятые им, дабы утвердить свое могущество, позволяли ему никого не опасаться, и он занимался только приготовлениями к свадьбе своей дочери, когда неожиданно сделался болен весьма опасно. Тогда те, кому вверил он

попечение о царе, допустили более свободы юному монарху. Они позволили принцессе Елизавете и молодым Долгоруким приходить иногда для забавы царя. Бывши одних с Долгоруким лет, царь находил более удовольствия в разговорах и шутках с ними, нежели в важных занятиях, какие советовал ему Меншиков. В обществе Долгоруких с царем явилась короткость, так что царь не мог уже без них обойтись, особливо без молодого Долгорукого. Едва оправился Меншиков, как начал снова строгий надзор за всеми окружающими царя, не одобрил, что допустили принцессу Елизавету часто посещать юного государя, дал разуметь ей, что частыми беседами с племянником отвлекает она его от учения и что она должна ограничиться свиданиями с ним в праздники. Но Меншиков все еще ничего не подозревал касательно дружбы царя с молодым Иваном Долгоруким, не считая отца его довольно смелым что-либо предпринять, ни сына довольно ловким внушить царю решимость избавиться от принуждения, в каком его держали. Меншиков обманулся своею проницательностью и своим предубеждением в сем случае, ибо хотя действительно Долгорукие были не важны сами по себе, но обладали всеми свойствами, потребными вести интригу, придуманную людьми более их хитрыми. Остерман, министр умный и просвещенный, знал их за таких и ждал только для внушения им желания погубить Меншикова, коим был он недоволен*, удобного случая. Он выбрал время, когда царь был в Петергофе**, куда увезли его под предлогом занятия охотою. Остерман, находя сие время удобным для исполнения своего плана, переговорил с сенаторами и гвардейскими офицерами, узнавая их наклонность. Видя в каждом отдельно расположение на все решиться, только бы избавиться от тирании Меншикова, он сообщил другим свой проект и отдельно каждого вразумил, что надобно делать. Начал он внушением князьям Долгоруким для увлечения их в предположенные уже им с сенаторами и гвардейскими офицерами меры, что если бы могли они воспрепятствовать супружеству царя с дочерью Меншикова, все порадовались бы ссезу его потом с княжною Долгорукою. Далее

* Вследствие противоречия при одном из совещаний, когда Меншиков погрозил ему, что при другом подобном случае он велит казнить его.

** Петергоф — увеселительный дворец царский, в 6-ти лье от Петербурга. Сады его великолепны; они устроены по образцу версальских, но превзошли бы их, если бы Петр I-й прожил долее, ибо положение места и вода давали к тому все средства.

говорил он, что надлежало только убедить царя удалиться тайно от Меншикова и явиться Сенату, который Остерманом будет вполне собран в загородном доме канцлера графа Головкина в 2-х лье от Петергофа. Молодой Долгорукий, ободренный отцом, взял на себя обязанность привезти царя. Он всегда спал в комнате е. в., и едва увидел он, что все заснули, то предложил царю одеться и выпрыгнуть в окошко, ибо комната была в нижнем этаже и невысоко от земли. Царь согласился и выскочил таким образом из комнаты так, что стража, охранявшая дверь, ничего не заметила. По садам перебежал царь с Долгоруким на дорогу, где ждали его офицеры и чиновники. С торжеством препроводили они его в Петербург, куда Меншиков, уже поздно узнавший об удалении царя, поспешил за ним. Найдя по прибытии в Петербург все караулы перемененными и гарнизон под ружьем без его приказа, отправился он в свой дворец, желая сообразить, что надобно было ему делать? При входе арестовал его отряд гренадеров, окружавший дом его. Он просил позволения переговорить с царем, но ему предъявили приказ царский отправиться на другой день в свое поместье Раненбург, со всем семейством. Офицеры, у коих под стражей находился Меншиков, обходились с ним весьма вежливо и сказали ему, что он может взять с собою драгоценнейшие вещи и столько служителей, сколько ему угодно. Он так и поступил, хотя и сомневался, что его окружают хитрою сетью, но он выехал, однако ж, из Петербурга днем в богатых каретах, с обозом и свитою столь великими, что поезд его походил более на шествие министра, нежели отправление преступника, осужденного в ссылку.

Арестованный от имени царя Меншиков сказал офицеру, его арестовавшему: «Я виноват и сознаюсь в том, что я заслужил наказание, но не царь осудил меня!» Проезжая улицами петербургскими, он кланялся направо и налево из своей кареты и, видя в сбежавшихся толпах народа своих знакомых, прощался с ними так весело, что никто не заметил в нем ни малейшего смущения. Но едва отъехал он две лье от Петербурга, как встретил его отряд солдат, и офицер, им начальствовавший, потребовал у него именем царя ленты орденов св. Александра*, св. Андрея, Слона, Белого Орла и Черного Орла. «Я ожидал,— отвечал Мен-

* Орден св. Александра второй в России; лента его огненного цвета, и ее носят слева направо.

шиков, — что их у меня потребуют, и положил их для того нарочно в особую коробочку поближе — вот она: тут найдешь ты их все. Если ты, кому препоручили отнять их у меня, будешь со временем облечен ими, научись из моего примера, как мало служат они к нашему счастью». Иногда случалось прежде, что Меншиков в торжественные дни вдруг надевал все свои ордена. Все кресты орденов его были, кроме того, украшены дорогими бриллиантами. Никогда не видали другого человека, столь великолепно одетого.

Взявши у Меншикова коробочку с орденами, офицер сказал, что препоручение его не ограничивалось отображением орденов, но что ему приказано отослать все экипажи и всех слуг, с Меншиковым бывших, пересадить его самого, жену его и детей из карет в повозки, для того приготовленные, и на них довести их в Раненбург.

«Исполняй свою должность — я на все готов, — отвечал Меншиков. — Чем больше у меня отнимут, тем меньше останется мне забот. Скажи только тем, кто возмет отнятое у меня, что я нахожу более достойными сожаления их, нежели себя». Потом вышел он спокойно из кареты и, садясь в покрытую повозку, для него изготовленную, шутливо сказал: «Да здесь еще гораздо удобнее, нежели в карете!» В таком бедном экипаже довели его до Раненбурга* в сопровождении жены и детей, бывших в особенных повозках. Только случайно мог он их видеть дорогою, ибо ему не позволяли с ними говорить, когда ему хотелось. Но, находя украдкою к тому случаи, Меншиков ободрял их своими речами, столь же христианскими, сколь и героическими, прося мужественно претерпевать бедствие, тяжесть коего, говорил он, гораздо легче переносить, нежели бремя правления государственного.

Хотя считают около 150 лье расстояния от Москвы, где находился тогда царь, до замка Раненбургского, где содержался тогда Меншиков, но враги все еще считали его слишком близким к царю и боялись его хитростей, почему и решились послать его далее, с лишком за 1500 лье, в пустыню, называемую Иконна¹, на краю Сибири. Отправили

* Раненбург — поместье с великолепным замком между царством Казанским и Украинскою областью. Меншиков правильно укрепил сей замок и учредил там ярмарку, на которую всякий год ездил он в июне месяце. Татары из всех орд, персияне, казаки и русские съезжались тогда сюда торговать товарами своих земель.

его туда с женою, детьми и восемью слугами, назначенными для прислуги Меншиковым в ссылке.

Княгиня Меншикова* в самых юных летах и среди величайшего блеска знатности всегда отличалась своими добродетелями, кротостью, благочестием и множеством благодеяний бедным. Она умерла на дороге между Раненбургом и Казанью, где ее и похоронили. Заступая место священника при ее смерти, супруг ее показал при сем случае более скорби, нежели при потере почестей и свободы. Но он не упал под бременем горести и спокойно продолжал путь свой от Казани до Тобольска, столицы Сибири, где весь народ, предуведомленный об его прибытии, нетерпеливо ожидал минуты, когда увидит человека, перед которым еще столь недавно трепетали сильные.

Два первые предмета, представившиеся зрению Меншикова, были два чиновника, сосланные им в Тобольск. Они осыпали его упреками. Не останавливаясь на пути до тюрьмы, куда везли его, Меншиков обратился к одному из ругателей и сказал: «Если в том состоянии, в каком я нахожусь, ты не находишь другого средства удовлетворить себя, кроме оскорбительных ругательств,— продолжай: я выслушаю тебя, не порицая твоей досады. Мщение твое справедливо, но оно недостойно человека, которым пожертвовал я только политике, ибо считал тебя чиновником с достоинствами, но видел, что ты не согласишься с моими намерениями. Что касается до тебя,— сказал он, обращаясь к другому,— право, я не знал, что ты здесь находишься, и не моя вина, что ты сделался несчастлив. Припиши бедствие свое какому-нибудь тайному врагу твоему, бывшему в моем доме или в моей канцелярии, который именем моим удалил тебя, когда я и не думал о том. Не зная причин твоего отсутствия и размышляя иногда, почему я тебя не вижу, я чувствовал даже тайную досаду против тебя. Впрочем, если, удовлетворяя твоему неудовольствию, ты вздумаешь обременять меня еще большими упреками и ругательствами, продолжай, мой друг,— я согласен!» Тут один из ссыльных, одушевляемый таким же, как его товарищи, негодованием, пробился сквозь народную толпу, схватил ком грязи и бросил в сына Меншикова и сестер его. Меншиков обратился к нему и сказал:

* Она была из почетного в России рода Арсеньевых и прекрасна, но сестра ее, напротив, была весьма некрасива, хотя так же умна, как безобразна собою.

«В меня надобно было бросить; если ты требуешь возмездия, требуй его от меня, но оставь в покое бедных, невинных детей моих!»

Во время кратковременного пребывания, какое позволили ему в Тобольске, Меншиков заботился только о средствах смягчить лишения и нужды, которым, как он предвидел, подвергнутся он и семейство его в ужасной пустыне, куда должно было препроводить их. Вице-король Сибирский прислал ему в тюрьму 500 рублей. Царь приказал выдать сию сумму Меншикову на содержание его с семейством. Меншиков отвечал принесшему деньги, что царская милость будет для него бесполезна в такой стороне, где с деньгами делать нечего, если не позволят ему употребить деньги в Тобольске на вещи, необходимые для облегчения жребия его в дикой стране, куда его везут. Просьбу сию удовлетворили, и он купил себе топор и другие орудия для рубки и обработки деревьев и для обработки земли; запасся также разного рода семенами для посева, сетями для рыбной ловли и некоторым количеством мяса и соленой рыбы, дабы просуществовать, пока хозяйство, какое хотел он устроить, будет прокармливать его с семьею. Остаток денег по его приказанию был роздан бедным в Тобольске.

Из сей сибирской столицы повезли его и детей в маленькой открытой повозке, везомой одною лошадью, а в иных местах собаками до Березова². Перед отъездом из Раненбурга сняли с Меншикова его обыкновенное платье и вместо того дали ему мужицкое, а также одели и детей его в баряньи шубы и шапки, под которыми скрыты кафтаны грубого сукна³. Путешествие Меншикова от Тобольска до Березова продолжалось пять месяцев, в течение коих беспрерывно переносили странники ужасы климата, но здоровье Меншикова и детей его от того не расстроилось, хотя дети его были весьма нежного сложения. Однажды, когда остановились в хижине какого-то сибиряка, бывшей на пути, вошел в ту хижину офицер, возвращавшийся из Камчатки, куда послан он был в царствование Петра I-го для исполнения комиссии, касавшейся путешествия Беринга*

* Беринг был датчанин, капитан в морской службе у Петра I-го, который послал его в Камчатку учредить на Охотском море судоходство и построить корабли, на коих можно было осмотреть тамошние места и узнать, соединяется ли земля за Камчаткою с Америкой и есть ли там, как утверждали многие, проезд из Ледовитого в Северное море.

и открытий, какие препоручено было ему сделать по берегам Охотского моря. Офицер этот был некогда адъютантом князя Меншикова и не узнал его, обросшего длинною бородою и в мужицком платье. Меншиков, напротив, тотчас узнал его и назвал по имени. Офицер спросил, по какому случаю знает он его имя и кто он такой?

— Да разве ты не узнаешь меня, Александра? — сказал Меншиков.

— Какого Александра? — сердито вскричал офицер.

— Александра Меншикова, — отвечал ему мнимый мужик.

— Уж очень я знаю его светлость и должен знать, — сказал офицер, — да ведь он не ты.

— Нет! Это я сам, — отвечал Меншиков.

Офицер, почитая подобную встречу вовсе невероятною, подумал: «Не с ума ли сошел этот мужик?» — и не заботился о словах его. Тогда Меншиков взял офицера за руку, отвел его к окну, которым проходил в хижину свет, и сказал:

— Вглядись в меня хорошенько и припомни черты твоего прежнего генерала!

Офицер, посмотревши внимательно несколько времени, начал узнавать Меншикова и с изумлением воскликнул:

— Ах! Князь! Каким событием подверглись вы, ваша светлость, печальному состоянию, в каком я вас вижу?

— Оставим князя и светлость, — прервал его Меншиков. — Я теперь бедный мужик, каким я родился. Господь, возведший меня на высоту суетного величия человеческого, низвел меня в мое первобытное состояние.

Все еще сомневаясь в том, что слышит и видит, и заметив в углу молодого мужика, который подшивал нитками подошвы поношенных сапогов своих, офицер тихонько спросил у него:

— Не знаешь ли ты человека, с которым я сейчас говорил?

— Да, знаю, — гордо и угрюмо отвечал молодой мужик, — он мой отец Александр; разве и ты также не хочешь узнавать нас в нашем несчастье, ты, который так долго и так часто ел хлеб наш?

Слыша слова сына, отец велел ему замолчать и, попросивши офицера подойти к себе, сказал ему:

— Извини, брат*, несчастному юноше грустную досаду его. Этот молодец точно сын мой, которого прежде часто качал ты на своих коленях. Вот и дочери мои,— прибавил он, указывая на двух молодых крестьянок, сидевших на полу. Между ними стояла деревянная чашка с молоком, в котором размачивали они куски сухарей и ели деревянными ложками.

— Старшая из них имела честь быть невестою императора Петра II-го,— продолжал Меншиков.

При неожиданном имени царя офицер смешался. Меншиков заметил его смущение и продолжал:

— Ты удивляешься и не знаешь, что подумать о моих речах, потому что ты не знаешь, что произошло у нас в государстве в эти три года, которые провел ты за 2 500 лье от столицы, но удивление твое прекратится, когда рассказать тебе обо всем.

Тут начал он пересказывать печальные приключения, последовавшие одно за другим в России с 1725 по 1728 год. Начавши смертью царя Петра I-го, о чем офицер еще не знал, перешел он к тому, как Екатерина, пережившая своего супруга, воцарилась; объяснил участие, какое принимал в сем событии, пересказал подробности дел после ее кончины и восшествие на престол юного внука Петрова. Он присовокупил рассказ об обручении старшей своей дочери с царем, не скрывая, что именем будущего зятя своего захватил он верховную власть, употреблял ее насильственно, принужденный по необходимости совершать преступление за преступлением, дабы поддержать на степени власти, им достигнутой.

Когда дошел он до сего места в рассказе, то глубоко вздохнул и сказал:

— Я думал, что от людей мне уже нечего опасаться и остается спокойно наслаждаться плодами забот моих, или, лучше, моих преступлений, когда вероломные Долгорукие, одушевленные и руководимые иноземцем (графом Остерманом), еще более их вероломным, в одно мгновение низвергли меня с высоты величия в то бедственное со-

* В русском языке есть разные ласковые выражения. Говоря с человеком старше летами, обыкновенно называют его батюшка, а старуху — матушка, то есть *mon père* и *ma mère*; человеку одинаковых лет говорят брат, т. е. *frère*. Такие выражения употребляются даже между незнакомыми. Учетное употребление множественного числа, говоря одному лицу, ввелось при русском дворе со времен императрицы Анны Ивановны, а до того времени и низший, говоря с высшим, употреблял простое ты.

стояние, в каком ты меня видишь. Я заслужил его — признаюсь в том пред Богом и перед людьми! Дивись превратности дел человеческих: я родился мужиком, и вот теперь я более прежнего бедный мужик после того, когда я восходил на высочайшую степень славы, богатства и могущества. Но лишение всех благ земных и свободы не причиняет мне никакой скорби, а вот (он указал на детей своих со слезами), вот, — продолжал он, и голос его прервали рыдания, — предметы печали моей. Видеть их, невинных, несчастными, их, рожденных в изобилии, видеть их всего лишенными, разделяющими со мною наказание за мои преступления, когда они не участвовали в них! Если справедливо, что в здешнем мире жизнь представляет непрерывные перевороты, надеюсь, правосудное небо возвратит их некогда в недра отечества и нынешнее бедствие послужит им только уроком, что должно удерживать свои страсти и желания в пределах чести! (Предчувствие его исполнилось.) Ты едешь отдать отчет в своем деле и будешь иметь сношения с Долгорукими. Ты не найдешь в них людей, исполненных любви к отечеству*, имеющих необходимые качества для исполнения славных предположений императора Петра I-го. Скажи им, что на обратном пути своим видел ты меня и что трудности путешествия, когда непрерывно подвержен я свирепству здешнего климата, не только не ослабили моего здоровья, но и, кажется, еще укрепили его так, что никогда не был я так здоров, как ныне, и в неволе моей наслаждаюсь свободою духа, которой не знал, когда правил делами государства.

Офицер, которому события, рассказанные Меншиковым, были неизвестны, слушал их с таким же изумлением, как и жадностью, и все-таки почел бы он их бреднями большого воображения, если бы солдаты, под стражею коих находился Меншиков, не подтвердили ему истины всех его рассказов по мере того, как офицер спрашивал их. Грустно расстался он с Меншиковым, и прежде отъезда своего видел, как с ясным и смеющимся лицом сел Меншиков в небольшую открытую повозку, в которой совершил большую часть своего пути. Офицер не мог отказать в слезах бедному состоянию, в коем нашел Меншикова и его се-

* Всегда надобно уменьшать несколько смысл того, что говорит недруг о своем недруге. Долгорукие не были такими бездарными людьми, какими представлял их Меншиков, и легко видеть, что пристрастие входило в речь его.

мейство, не без удивления видя его более великого в крайнем бедствии, нежели прежде в благоденствии. Долго провожал его взорами своими офицер.

Едва прибыл Меншиков в место своей ссылки, как начал помышлять о средствах усладить суровость ее. Он нарубил деревьев для постройки дома, удобного более сибирских хижин, из коих одну отвели ему на житье. Не только заставляя работать восьмерых своих мужиков, которых позволили ему взять с собою, но и сам работая неутомимо, он трудился непрерывно с топором в руках наряду с ними. Устройство жилища начал он построением часовни и к ней приделал сени и четыре комнаты. В одной из них поместился он с сыном, дочери его были в другой, мужики-служители в третьей, а четвертая служила для складки припасов. Старшая дочь, бывшая невеста царя, приняла на себя вместе с одною крестьянкою заботы о приготовлении для всех кушанья, а вторая дочь (ныне супруга господина Бирона) починку платья и мытье белья, также с помощью одной крестьянки⁴.

Какой-то добродетельный друг, имени коего ни Меншиков, ни его дети никогда не могли узнать, нашел средство доставить им из Тобольска через степи, какие лежат далее к северу, быка, четырех коров и птицу всякого рода, так что из всего образовался хороший скотный дворик. Меншиков устроил, кроме того, достаточный огород, так что у семейства его целый год были овощи. Все находившиеся в доме его должны были ежедневно присутствовать при молитве в часовне, отправляемой постоянно четыре раза в день: поутру, в полдень, вечером и в полночь.

Таким образом полгода прожил Меншиков в своей ссылке, не смущаясь духом, когда вдруг дети его заболели оспою. Она началась с старшей дочери. За неимением лекаря и священника отец заступал ей место того и другого, и, тщетно употреблявши средства, какие считал приличными для исцеления больной, он увещевал ее встретить смерть с верою и мужеством христианки и героини. Дочь отвечала ему, что она не только не боится перехода от сей жизни в другую, но даже желает, чтобы час кончины ее настал скорее: и он не замедлил. Изгнанница скончалась на руках отца своего.

Он изъявил тяжкую горесть свою только тем, что, когда скончалась дочь его, преклонил он лицо свое на минуту к лицу умершей дочери, а потом, обратясь к другой дочери своей и сыну, при том бывшем, твердым голосом сказал

им: «Научитесь умирать, не скорбя о суете мира сего!» Потом зашел он с людьми своими молитвы, которые по обрядам греческой церкви поются над покойником. По прошествии суток он перенес тело дочери с одра, на котором скончалась она, в часовню, где и похоронил ее своими руками.

Брат и сестра несчастной княжны не замедлили подвергнуться болезни, погубившей ее. Отец был врачом их и беспрестанно сидел подле них. Труды при таком бедствии разрушили его здоровье так, что он терзался после сего медленною лихорадкою, через месяц доведшею его до гроба. Он все еще ходил, или, лучше сказать, влачился, пока силы ему позволяли, но, видя себя наконец совершенно истощенным, призвал он детей своих и сказал им спокойно, так что они думали, что смерть его совсем не столь еще близка, как он воображает себе: «Дети мои! Я приближаюсь к моему последнему часу. Никогда не помышлял я о смерти прежде, пока не был здесь, и ничего не представляла бы она для меня, кроме утешения, если бы, являясь перед лицом господя, я должен был отдать ему отчет только о времени, протекшем в моей ссылке. Ум, а паче вера, пренебрегаемая мною во дни моего благоденствия, вразумляют меня, что если правосудие божие бесконечно, то и милосердие его, на которое я уповаю, также беспредельно. Совершенно довольный расстался бы я с миром и с вами, если бы оставил я здесь только пример добродетелей. Сердца ваши доньше были чужды разврата, пребывают невинны, и вы легче сохранили бы невинность свою среди сих пустынь, нежели там в мире. Потому не желаю я даже возврата вашего туда и всегда прошу вас вспоминать о примере, который подавал я вам здесь в заточении. Может быть, не один раз будете вы сожалеть об нем среди сует большого света*. Силы оставляют меня. Приблизьтесь, дети мои, чтобы я мог благословить вас!» Он хотел протянуть руку свою, но сил у него не достало; голова его упала на подушку, легкие судороги сжали его тело, и он скончался. Дети похоронили его в часовне подле дочери, по желанию, какое многократно изъявлял он в последние дни жизни.

По смерти Меншикова и старшей дочери его офицер, под надзором коего находилось сие несчастное семейство,

* Возвратясь ко двору, княжна Меншикова (ныне г-жа Бирон) признавалась сдвгой из своих подруг, что часто бывали ей случаи вспоминать о сих словах отца ее.

видя, что ему нечего более опасаться интриг от двух остальных сирот, его составлявших, сам начал стараться об устройстве хозяйства, начатого отцом их. Он дал им притом несколько более свободы, нежели имели они прежде, позволяя иногда прогуливаться вне селения и от времени до времени бывать у обедни в городской церкви.

Однажды, когда княжна Меншикова шла по дороге, ведущей из домика их в церковь, она заметила, проходя близко мимо одной из хижин, человека, который выставил голову в окошко хижины. Она не обратила большого внимания, считая глядевшего в окно каким-нибудь бедным мужиком, ибо он был с длиною бородою и в мужицкой шапке. Она заметила однако ж, что мужик, не распознавший ее сначала в ее крестьянской одежде, показал, взглядевшись ближе в нее, знаки внезапного изумления, которого не постигала она причины.

Возвращаясь из церкви домой, принужденная идти прежнею дорогою, она увидела незнакомого мужика в прежнем положении и могла видеть по выражению лица его желание начать с нею разговор. Она отделилась немного от хижины, избегая каких-нибудь шуток, может быть не совсем благопристойных, которых, как всякой молодой девушке свойственно, она боялась. В желании знакомого поговорить с нею не ошиблась она: мнимый мужик был князь Долгорукий, узнавший ее и полагавший, что и она также его узнала. Подумавши, что она нарочно свернула с дороги для избежания разговора с человеком, бывшим виною ее несчастья и заслуживавшим негодование с ее стороны, он назвал ее по имени.

Княжна изумилась, слыша свое имя в таком месте, где она почитала себя совершенно незнамою. Остановясь, дабы разглядеть внимательнее того, кто произнес ее имя, она хотела уже продолжать свой путь, когда незнакомец сказал ей: «Княжна! Для чего вы бежите? Неужели должно сохранять неприязнь в тех местах, где, и в том состоянии, в каком мы теперь находимся?»

Слово неприязнь возбудило любопытство юной княжны; она подошла распознать поближе мнимого мужика, с ней говорившего.

— Кто ты? — сказала она ему, — и какая причина мне ненавидеть тебя?

— Разве ты не узнаешь меня? — отвечал ей мужик.

— Нет! — сказала она.

Я князь Долгорукий!

При имени Долгорукого, изумясь, смешавшись, княжна приближается, вглядывается в физиономию незнакомца, и ей кажется, что она узнает действительно Долгорукого. Невольно восклицает она:

— В самом деле, мне кажется, что ты Долгорукий! Давно ли, каким преступлением против бога и царя увлечен ты сюда?

— Не говори о царе,— отвечал Долгорукий,— он скончался через неделю после обручения с моею дочерью, которую видишь ты здесь умирающую, простертую на бедном одре. Ты кажешься удивленною? Разве ты не знаешь всех подробностей последних событий?

— Я вижу, что ты только что приехал сюда,— отвечала Меншикова.— Как хочешь ты, чтобы в здешних пустынях, где нет у нас сообщения ни с кем в мире, мы знали, что там далеко делается?

— Да, правда,— сказал Долгорукий.— Знай же, что царь Петр II-й скончался. Трон его заняла принцесса, которой мы предложили его, вопреки прав законной наследницы⁵, потому только, что не знали ее характера и из-за нее думали править государством. Как жестоко обманулись мы! Едва приняла она власть, дела наши причтены были нам в преступление, и мы посланы умереть в здешней пустыне! Нас везли сюда жестокие гонители и враги наши, как величайших злодеев,— лишали нас даже самого необходимого в жизни. Жена моя умерла дорогою, дочь моя умирает и, конечно, не избегнет смерти. Но несмотря на бедствие, в каком я нахожусь, я надеюсь еще дожить до того, что увижу здесь врагов моих, погубивших по злобе своей меня и мое семейство!

Видя, что Долгорукий воспламенился яростью, казалось, забыл об ее присутствии и вышел из себя, Меншикова спешила удалиться. Возвратясь домой, в присутствии офицера, у которого были она и брат ее под стражею, рассказала она брату о встрече своей и обо всем, что слышала. Всегда одушевляемый духом мщениия против Долгоруких, выслушав с величайшим удовольствием рассказ об их бедствиях, брат княжны смеялся тому, что она убежала столь поспешно, не узнала ничего более, не плюнула на своего врага*, как он того стоил, и в жару гнева своего приба-

* Плевать на кого по-французски не имеет того смысла, какой придают ему в русском языке. Русские, даже почетные люди, употребляют сии слова, выражая ими презрение к кому-нибудь. Оно происходит

вил он, что не разделается с злодеем своим так легко, если только будет ему случай с ним встретиться. Это ожесточение навлекло на Меншикова выговор офицера, который, опасаясь, чтобы юный страдалец, за поступки которого он отвечал, не исполнил на деле угроз своих, объявил, что он не позволит впредь ни ему, ни сестре его свободы, какую пользовались они со времени кнечины отца своего; что если бы отец их был жив, то, вместо одушевления злобою против Долгоруких, он, конечно, пожалел бы о бедственном состоянии, в каком они ныне находятся.

Меншиков, пристыженный выговором и неуместным гневом своим, обещал, если встретится с Долгорукими, быть скромным и стараться даже убежать встречи с ними. Он держал слово свое до тех пор, пока наконец офицер, посланный от двора привезти его обратно в Россию вместе с сестрою, явился к ним известить их, когда они меньше всего о том помышляли, что царица Анна Ивановна возвращает им свою милость и свободу.

Первое дело Меншиковых после сего известия было идти в городскую церковь и благодарить бога. Возвращаясь домой, проходили они мимо хижины Долгорукого и увидели старого князя. Выставив из окошка избы своей голову, призывал он их, хотя они не отвечали ему ни слова.

— Неужели вы еще сохраняете злобу против меня в нынешнем нашем состоянии? — сказал он им наконец. — Если ваш пристав дозволяет вам несколько свободы, которой совершенно лишают меня, подойдите ко мне, поговорим, утешим взаимно друг друга сходством жребия нашего и рассказом о наших бедствиях.

Меншиков подошел к окну и сказал ему:

— Признаюсь, я сохранил еще злобу, но, видя тебя в несчастном состоянии твоём, чувствую, что ненависть погасла в душе моей, и я прощаю от всего сердца, тем более что покойный отец мой простил тебя. Может быть, за пожертвование им богу всех его горестей одолжены мы теперь нашу свободу и тем, что нас снова призывают ко двору.

— Да разве вы получили позволение туда возвратиться? — спросил их Долгорукий, несколько удивленный и с глубоким вздохом.

(как говорили мне) от того, что в старину, рассердясь, русские плевали друг на друга, но потом сменили это слишком выразительное изъятие гнева более скромным образом и плюют на землю, сопровождая такой знак презрения бранью.

— Да,— отвечал Меншиков,— и чтобы нам не причили в вину, что мы говорили с тобой, не почти неприязнью, если мы принуждены удалиться.

— Когда же вы едете? — спросил Долгорукий.

— Завтра,— отвечал Меншиков,— с тем офицером, который привез нам милость царицы и для возвращения нашего приготовил телеги немного получше прежних, в каких мы сюда приехали.

— Прощайте же,— сказал им Долгорукий,— желаю вам счастливого пути. Забудьте все причины неприязни, какие можете вы иметь против меня. Вспомните иногда о несчастливце, которого оставляете здесь, бедняка, лишенного всех необходимостей в жизни, которого вы никогда более не увидите. Чувствую, что мы погибнем под бременем нашего бедствия. Говорю вам истину, и если вы еще сомневаетесь, подойдите, взгляните в окошко, посмотрите на сына моего, дочь мою, невестку^б. Вот они все лежат на полу, удрученные болезнью, которая лишила их сил держаться на ногах,— не откажите им в утешении — проститесь с ними!

Меншиков и сестра его не могли видеть сего печального зрелища, не тронувшись им. Они сказали Долгорукому, что не могут, не подвергая себя обвинению, говорить в пользу его там, куда они возвращаются, но что, оставляя место ссылки, желают доставить ему все, что могут, для улаждения его бедствий, и потому отдают ему домик, построенный их отцом.

— Он довольно удобен для житья,— говорили они,— и при нем есть маленькое хозяйство, скотный дворик, птичник, запасы, присланные от добрых людей, которых и имен мы не ведаем, не зная, кого должны мы благодарить за благодеяние, нам оказанное. Примите подарок наш с таким же добрым расположением сердца, с каким мы вам отдаем его. Завтра вы можете уже перейти в новый дом ваш, потому что мы едем завтра рано поутру.

Действительно, на другой день рано утром Меншиковы пустились в путь на столицу Сибири Тобольск. Ничего не случилось с ними замечательного в дороге, кроме того, что они не переменили своего мужицкого платья во все время путешествия от Березова до Тобольска*.

* Княжна Меншикова (ныне госпожа Бирон) хранила, как драгоценность, сию одежду в богатом сундуке и каждую неделю раскрывала сундук и смотрела на нее.

Когда прибыли они в Москву, их едва могли узнать: так они переменялись*. Царица встретила их изъявлениями удовольствия и милости. Она взяла к себе княжну Меншикову во фрейлины, а потом выдала ее за Бирона, брата великого камергера российского двора и впоследствии герцога Курляндского.

В описях имения и бумаг Меншикова нашли, что у него находились значительные суммы в банках амстердамском и венецианском. Русские министры неоднократно требовали выдачи сих сумм на том основании, что все имение Меншикова принадлежало правительству русскому по праву конфискации. Но требования не были исполнены, ибо директоры банков, строго следуя правилам своих заведений, отказывались отдать капиталы кому бы то ни было, кроме того, кто положил их, и отдали их тогда только, когда уверились, что наследники Меншикова были на свободе и могли распоряжаться своим достоянием. Полагали, что сии капиталы, простиравшиеся более нежели на полмиллиона рублей, обращены были в приданое княжне Меншиковой и что сему обстоятельству юный князь Меншиков одолжен был местом штабс-капитана гвардии и получил пятидесятую часть недвижимых имений, коими обладал его отец.

Кто не вполне знает изумительные события, совершившиеся в России в царствование Петра I-го, государя во всем необыкновенного, тот почтет все описанное здесь романом, придуманным для удовольствия читателей, а не истинною историею. Но, напротив, здесь не приведено ни одного обстоятельства, которое не было бы решительно достоверно. Что касается до разговоров, здесь помещенных, они взяты из того, что молодой Меншиков и сестра его, г-жа Бирон, пересказывали особам, заслужившим их полную и совершенную доверенность, имевших попечение о воспитании их с самого нежного детства и бывших потом наставниками их по возвращении ко двору. Разговор офицера, встретившего князя Меншикова на дороге из Тобольска в Березов заимствован из рассказа особы, которой передал сей разговор сам офицер по возвращении своем в Москву.

* И брата и сестру нельзя было узнать; они выросли почти на полфута, и черты лица их изменились сообразно тому. Не менее перемены были и в их характере: прежде были они горды, тщеславны, но сомневаюсь, чтобы теперь нашли кого-нибудь скромнее и любезнее их.

Часть вторая
«ЗАТЕЙКА
ВЕРХОВНЫХ ГОСПОД»

Воцарение Анны Иоанновны
1730 г.

События 1730 года не принято называть «дворцовым переворотом». Но, по сути дела, за считанные недели в Москве произошли два переворота, значение которых для отечественной истории, как думается, еще не вполне осознанно. Первый из них предприняли члены Верховного Тайного Совета сразу после неожиданной смерти в ночь с 18 на 19 января 1730 года не достигшего даже пятнадцатилетнего возраста императора Петра II. Смысл начатых ими преобразований сводился к введению в России ограниченной, конституционной, монархии. Такая форма правления просуществовала в России пять недель — до 25 февраля, когда новая императрица прилюдно разодрала подписанные ею «кондиции». В сущности, это был контрпереворот, возвращавший страну к ничем не ограниченному самодержавному правлению.

Какие-то замыслы относительно желательности умерить императорскую власть зарождались уже при Екатерине — слишком свежи были воспоминания о деспотизме Петра, слишком сомнительны некоторые из начинаний Екатерины или Петра II. Не в меньшей степени раздражал русских аристократов фаворитизм — неизбежный спутник абсолютистской власти. Казалось, что общество испытало уже все мыслимые неприятности от потакания государей своим любимцам. Примеры Меншикова и Ивана Долгорукова многим представлялись кошмарными. Мало кто мог подумать, что страна только вступает в эпоху всемогущих фаворитов, перед которыми померкнет сама память о «самовластных» временщиках времен первой Екатерины и второго Петра.

Сколь ни внезапна оказалась смерть Петра II, но члены Верховного Тайного Совета молниеносно наметили первые шаги по ограничению монаршьего самовластья. А это означает, что такие мысли давно уже посещали их головы. Со всей уверенностью можно сказать, что особенно глубо-

ко возможные пути политической реформы обдумывал князь Дмитрий Михайлович Голицын — признанный вождь «старобоярской» партии и влиятельнейший из членов Верховного Тайного Совета. Голицын совершенно непохож на хрестоматийный образ дремучего боярского консерватора, слепо верящего в старорусские традиции и не способного понять величие замыслов Петра. Голицын получил образование в Италии, был посланником в Константинополе, воевал в Польше и Саксонии. По его заказу переводились на русский язык книги Пуфендорфа и Гуго Гроция, в большой библиотеке князя среди многих изданий на разных языках были сочинения Макиавелли, трактаты о политическом устройстве многих европейских стран. Человек, настроенный против петровских новшеств, приверженец российской старины, сам стал инициатором попытки важнейшей политической реформы по образцу западноевропейских «конституций».

Чтобы задуманный план удался, на престол нужно было возвести слабую фигуру, во всем зависящую от членов Верховного Тайного Совета. Голицын и его сторонники решили, что подобным кандидатом может быть мало известная при русском дворе вдовствующая курляндская герцогиня Анна, время от времени отягачавшая российское правительство просьбами о денежных подачках. Верховники согласились с предложением князя, игнорируя при этом как судорожные попытки Алексея Долгорукого привлечь внимание к якобы составленному Петром II завещанию, так и «тестament» Екатерины, согласно которому в случае смерти Петра II бездетным престол должен был перейти к одной из ее дочерей — вероятнее всего, к Елизавете.

Получив согласие на кандидатуру Анны, Голицын неожиданно добавил: «Ваша воля, кого изволите. Только надобно и себе полегчить». — «Как это себе полегчить?» — спросил великий канцлер граф Гаврила Головкин. «А так полегчить, чтобы воли себе прибавить». Кто-то высказал пророческое сомнение: «Хоть и зачнем, да не удержим того». — «Право, удержим», — стал подбадривать Голицын.

«Кондиции», то есть условия, на которых приглашали Анну Иоанновну занять российский престол, представляли собой еще не саму «конституцию», а временные ограничения, позволявшие спокойно разработать обширный план преобразования всей политической системы России. По странной российской привычке заглядываться на по-

рядки и учреждения в той стране, которая в данный момент является главным противником России, верховники стремились перенять модель устройства, сложившегося после Северной войны в Швеции. Впрочем, среди них не было единства. Кто-то питал иллюзии относительно возможности перенести на отечественную почву английский парламент, другие же — польские вольности. Канцлер Головкин втайне вообще был сторонником самодержавия.

В своих попытках ввести в России конституционную монархию верховники совершили немало серьезнейших ошибок, но главная из них состояла в том, что они не смогли найти общий язык с многочисленным дворянством (или, как тогда говорили на польский лад, — шляхетством), съехавшимся в Москву на свадьбу Петра II, а оказавшимся на похоронах царя и при явлении новой царицы. Шляхетство, взбудораженное таинственными приготовлениями верховников, усмотрело в них угрозу себе и потребовало участия в разработке государственного устройства. Разные группировки дворянства представили почти полтора десятка проектов, содержащих в основном узкосословные требования. Но в самодержавном государе они видели более надежного защитника собственных интересов, чем в олигархическом правлении верховников или в сословно-представительных учреждениях. Во главе шляхетства встал князь Алексей Черкасский.

В числе противников верховников оказались такие яркие люди, как Феофан Прокопович, Антиох Кантемир, Василий Татищев. Не получив места в Верховном Тайном Совете, на что очень рассчитывал, к оппозиции переметнулся Ягужинский. Д. М. Голицыну и его сторонникам не удалось преодолеть столь массового сопротивления своим планам прежде всего потому, что у правительства не было опыта обхождения с собраниями «чинов»: оно действовало в логике чисто дворцовой интриги — и проиграло. Реформы, намеченные верховниками, в случае их осуществления могли вызвать далеко идущие последствия для судеб страны. Говорить о том, что «затейщики» действовали исключительно из узкокорыстных интересов, движимые безмерным честолюбием, — значит просто повторять доводы и обвинения их политических противников, воспроизводившиеся впоследствии верноподданническими историками.

Как и в других случаях, решающее слово осталось за гвардией. На этот раз, похоже, поведение офицеров было более вызывающим, чем в 1725-м или тем более в 1727 го-

ду. Они, кажется, вполне осознали свое значение для судеб престола в такие смутные, переходные мгновенья истории.

В итоге двух торжественных аудиенций 25 февраля (на первой Анна Иоанновна подписала прошение дворянства о создании комиссии для пересмотра представленных проектов и установления на их основе угодной «народу» формы правления, а на второй — отказалась от всяких ограничений своей власти) первая в истории России попытка не просто ограничения власти государя, но установления конституционной монархии потерпела полный крах. Вероятно, у многих дворян, участвовавших в событиях 1730 года, были поводы раскаяться в проявленном тогда рвении за время наступившего десятилетнего царствования Анны — едва ли не самого мрачного в XVIII веке.

Вскоре после 25 февраля в Москву из Митавы прибыл любимец царицы — обер-камергер Эрнст Иоганн Бирон...

Из записок К. Г. Манштейна

Во все время царствования Петра II Россией управляли только Меншиков да Долгорукие. Первого ненавидело все государство за притеснение старинных фамилий и за безмерное честолюбие. Заменявшие его в милости и власти князья Долгорукие переняли и его пороки, и конец их был еще трагичнее первого.

Долгоруких обвиняли в том, что они от всех скрывали болезнь императора до последней возможности; когда же увидели, что ему уже не встать, они сочинили завещание, которым обрученная невеста императора объявлялась императрицей и наследницей государства. Князь Иван подписал завещание от имени императора, так как и при жизни государя он привык уже подписываться за него по его приказанию.

Лишь только Петр II закрыл глаза, как князь Иван вышел из комнаты и со шпагою наголо закричал: «Да здравствует императрица Катерина!» Но как на этот возглас никто не отвечал, то он увидел тщетность своего плана, вложил шпагу в ножны, отправился домой и сжег завещание.

Очень многие уверяют, что никакого завещания не существовало, что это измышлено недругами Долгоруких с целью погубить их. Но так как в манифестах, изданных против этих князей, именно включено это завещание как

одно из главных предметов обвинения, то я и счел нужным упомянуть о том. Впрочем, это обстоятельство о выходе князя Ивана со шпагою в руке, совершенно верно. Оно сообщено мне человеком, достойным доверия и к тому же принадлежащим к семейству Долгоруких. Вполне верно и то, что если бы в самом этом семействе не происходили ссоры, то княжна Катерина непременно вступила бы на престол. Но несогласие, господствовавшее между старшими членами семейства, повело к гибели их всех.

После смерти императора в одной из комнат дворца Лефорта, местопребывания Петра II в последние месяцы его жизни, собрались: Верховный Совет, Сенат и главные генералы армии, находившиеся в Москве. Государственный канцлер граф Головкин объявил собранию о кончине императора; после него князь Дмитрий Михайлович Голицын встал и сказал: «Так как со смертью Петра II потомство Петра I пресеклось в мужской линии¹, а между тем Россия страшно пострадала от деспотической власти, чему содействовали иностранцы, в большом числе привлеченные в страну Петром I, то следует верховную власть ограничить полезными законами и поручить царствование той императрице, которая будет избрана не иначе как под некоторыми условиями».

Князь спросил, все ли собрание принимает предложение, и все дали свое согласие без малейшего противоречия. Затем князь Василий Лукич Долгорукий предложил вдовствующую герцогиню Курляндскую, объясняя это тем, что если короне приходится перейти в женское поколение, то справедливость требует отдать предпочтение дочерям царя Иоанна, старшего брата Петра I, а не дочерям последнего и что хотя герцогиня Мекленбургская* и старшая, однако надобно иметь в виду, что она находится в замужестве с иностранным принцем, тогда как герцогиня Курляндская в настоящее время вдовствует и ей только тридцать шесть лет, так что она может вторично сочетаться браком и дать наследников престолу.

Истинная же причина, почему предпочтение дано герцогине Курляндской, была та, что она находилась на ту пору в Митаве, и самая эта отдаленность позволяла уст-

* Герцогиня Мекленбургская в то время уже несколько лет проживала в Москве. Она разошлась с своим супругом в 1719 г. и возвратилась в Россию.

роить на досуге республиканскую систему правления.

По соглашению всех голосов решено было, что вся власть будет принадлежать Верховному Совету, состоявшему из семи лиц (в этом числе большинство составляли Долгорукие и их родственники), и собрание постановило следующие условия:

1) Императрица Анна будет управлять не иначе как согласно с заключениями Верховного Совета.

2) Она не будет ни объявлять войны, ни заключать мира.

3) Она не будет налагать новых податей, ни раздавать важных должностей.

4) Не будет казнить смертью дворянина без явной улики в преступлении.

5) Не будет конфисковывать ничьего имущества.

6) Не будет располагать казенными землями, ни отчуждать их.

7) Не вступит в брак и не изберет себе преемника без соглашения по этим предметам Верховного Совета².

Собрание назначило трех лиц для объявления императрице о призвании ее на престол и для предположения ей условий, на которых ей следовало царствовать. Депутатами были: от Верховного Совета — князь Василий Лукич Долгорукий, от Сената — князь Михаил Голицын, от дворянства — генерал-лейтенант Леонтьев. Депутатам поручено было предложить императрице, чтобы она подписала вышеозначенные статьи и не брала бы с собою в Москву своего любимца, камер-юнкера Бирона.

Граф Остерман, не покидавший ни на минуту императора во время его болезни, как только он скончался, уехал к себе усталый и сказался больным, чтобы не участвовать в собрании Совета и Сената, хотя он был вице-канцлером империи. Благодаря этим своевременным болезням, Остерман так долго держался в этой империи.

Несмотря на распоряжения Верховного Совета, царица Елисавета была бы императрицею, если бы она в первые минуты послушалась совета своего доктора, ныне графа Лестока. Как скоро Лесток узнал о кончине императора, он вошел в спальню царицы, спавшей в то время, разбудил ее, стал ее уговаривать собрать гвардию, показаться народу, ехать в Сенат и там предъявить свои права на корону. Но она никак не соглашалась выйти из своей спальни. Может быть, в то время она еще не имела достаточной твер-

дости для исполнения такого великого предприятия. Впоследствии, как мы видели, она приобрела больше смелости. Но в то время она предпочитала свои удовольствия славе царствовать; и очень вероятно, что и впоследствии не подумала бы вступить на престол, если бы ее не тревожили в царствование Анны, а оставили бы жить спокойно по-своему. В это же время партия ее была почти бессильна; некоторые из вельмож империи открыто говорили, что Елисавета слишком молода для сана императрицы и что ее больше занимают удовольствия, нежели необходимые заботы о правлении.

Распорядившись, чтобы вся армия принесла присягу служить императрице не иначе как совместно с Советом, члены этого учреждения думали, что этим они достаточно оградились от деспотического правления. До распухания собрания последовало еще запрещение под страхом смерти уведомлять новую императрицу о том, что было обсуждено и решено собранием. Только через депутатов государыня должна была узнать о своем избрании и об условиях, при которых она должна вступить на престол. Несмотря на то, генерал-поручик граф Ягужинский в ту же ночь отправил своего адъютанта Сумарокова в Митаву известить обо всем императрицу. Он ей писал, прося ее выехать из Митавы немедленно после данной депутатам аудиенции, принять все условия, какие ей будут предложены, и довериться его советам, а он между тем до прибытия ее в Москву постарается увеличить ее партию, которая не удовлетворяется правлением Совета; что великий канцлер граф Головкин уже на ее стороне, так что, когда ее величество приедет в Москву, все окончится по ее желанию.

Все дороги, идущие от столицы, так зорко стерегли, что Сумарокову стоило немало труда пробраться. Прохожих обыскивали, нет ли при них писем. Однако Сумароков так искусно перерядился, что его не узнали и пропустили. Таким же опасностям подвергался он на границе Курляндии у караулов, которым велено было задерживать всякого, кто прибыл бы по московской дороге. Он сделал большой объезд и, несмотря на препятствия, благополучно прибыл в Митаву. По милости всех этих задержек в дороге, он едва успел передать императрице свои депеши, как приехали депутаты и стали просить аудиенции.

Не знаю, какими путями князь Долгорукий узнал, что из Москвы приезжал посланный и имел свидание с импе-

ратрицей до депутатов. Он приказал разыскать его и, слыша, что посланный уже отправился обратно, послал за ним в погоню; его и привезли обратно в Митаву. Господа депутаты избили его, велели заковать в железа и отправить в Москву, где и Ягужинский был арестован и заключен в тюрьму.

Были люди, которые ставили в вину императрице выдачу Сумарокова депутатам, которым она открыла и причины, почему он был послан к ней. Я в этом постоянно сомневался. Однако справедливо и то, что во все время царствования Анны Сумароков оставался без должности и жил в нищете.

Императрица без труда согласилась подписать все, что ей представлено было от имени Верховного Совета, не противоречила требованию оставить любимца своего в Митаве и распорядилась немедленным отъездом.

20-го февраля³ императрица прибыла в село Всесвятское в четырех верстах от Москвы, где она пробыла пять дней. Тотчас по ее приезде члены Совета с великим канцлером во главе отправились туда. Последний поднес императрице на золотом блюде Андреевскую ленту со звездой. Увидев орден, императрица сказала: «Да, ведь я и забыла надеть его». Она взяла ленту и просила кого-то из окружающих надеть на нее, не допуская до этого никого из членов Верховного Совета; когда же великий канцлер вздумал сказать ей речь, она велела ему замолчать. В тот же день она произвела в подполковники гвардии Преображенского полка графа Салтыкова, близкого родственника царицы-матери⁴. Вот первые ее меры по вступлении на престол. Судя по ее действиям в первые дни по прибытии в Москву, многие члены Совета и Сената полагали, что императрица вполне удовлетворена ограничениями, положенными самодержавию. Она снова подписала все, чего требовал Верховный Совет, показывая вид, что охотно покоряется всем условиям. Но тайно она действовала иначе. Оставленный было в Митаве по требованию Совета любимец ее прибыл в Москву. Она употребляла всевозможные средства, чтоб составить себе большую партию. Гвардию старалась задобрить щедрыми подарками, которые раздавала офицерам, стоявшим каждый день на карауле при ее особе. Словом, она не упускала ничего, что вело ее прямо к цели, а цель эта была — возбудить несогласие между членами Верховного Совета. Все удалось ей по желанию. Им дали понять, что князя Долгорукие и их родственники одни извлекут

пользу из ограничения могущества императрицы, что они для того и связали ей руки, чтобы утвердиться во власти, захваченной ими при Петре II; что из их семейства и так уже много членов находятся в составе как Верховного Совета, так и Сената и что со временем и того больше их будет; что не следует забывать их поступков после кончины императора, когда они пытались передать царскую корону в свое семейство; а как это им не удалось, то не теряли надежду успеть в своих планах со временем, посредством ограничения верховной власти. Вместе с тем старались возбудить недоверие и в низшем дворянстве (которого численность велика в России), уверяя их, что, пока власть будет находиться в руках Верховного Совета, никто из среды этого дворянства не удостоится мало-мальски значительной должности, потому что каждый член Совета норовит как бы раздать лучшие места своим родственникам да прихвостням; так что, собственно говоря, дворянство будет в рабстве у Верховного Совета, тогда как если императрица провозглашена будет самодержавною правительницею, то последнему дворянину будут открыты пути к первым государственным должностям, совершенно наравне с первыми князьями; что примеры тому представляет царствование Петра I, когда уважались только истинные заслуги, и что если этот государь и бывал строг, то его к этому принуждали; низшее же дворянство никогда не страдало при нем, напротив, в его царствование оно снова поднялось. Подобные тому соображения, выраженные кстати, конечно производили желаемое действие.

Начались сборища гвардейцев, которые, начиная с офицеров до последних рядовых, принадлежат здесь почти все к дворянству; сотни помещиков-дворян собирались в домах князей Трубецкого, Барятинского и Черкасского, как лиц, к которым они имели наиболее доверия, и как сторонников императрицы. Эти господа продолжали разжигать их до 8-го числа марта, когда они нашли, что все подготовлено как следует. В этот день названные князья, став во главе шестисот дворян, отправились к императрице и, получив аудиенцию, стали ее просить о созвании Верховного Совета и Сената для нового просмотра некоторых пунктов относительно управления. Императрица дала свое согласие на это, и вместе с тем поручила графу Салтыкову (генерал-поручику и подполковнику гвардии) расставить стражу у всех выходов и не позволять никому выходить из дворца. Кроме того, караулу велено зарядить

ружья пулями, и всех, приходивших во дворец, предупредили о принятых мерах. Между тем Верховный Совет и Сенат успели собраться, и императрица велела допустить их к ней. Она приняла их в тронной зале. Тут граф Матвеев⁵ подошел к ее величеству и сказал, что имеет поручение от всего дворянства империи представить ей, что депутаты Верховного Совета ввели ее в заблуждение; что так как Россия в продолжение веков была управляема царями, а не каким-либо советом, то все дворянство умоляет ее взять в руки бразды правления; таково желание и всего народа, чтобы дом ее величества царствовал над ним до скончания веков. На эту речь императрица отвечала притворным удивлением. «Как,— спросила она,— разве не по желанию всего народа я подписала поднесенный мне в Митаве акт?» — «Нет»,— отвечало собрание едиводушно. Тогда она обратилась к князю Долгорукову со словами: «Так ты меня обманул, князь Василий Лукич?» Затем она приказала великому канцлеру принести подписанные ею бумаги; заставив его прочесть содержание вслух, она останавливала его после каждого пункта, спрашивая присутствующих, удовлетворяет ли это условие нацию? Но когда на каждый такой вопрос собрание отвечало отрицательно, императрица взяла бумаги из рук канцлера и, изсрвав их, сказала: «Следовательно, эти бумаги лишние». И тут же прибавила: «Так как до сих пор русским государством постоянно управляло одно лицо, то и она требует тех же преимуществ, какими пользовались ее предки, что она вступает на престол не по выбору, как объявлял Совет, а по праву наследства и что всякий, кто осмелится восставать против единовластия, будет наказан как государственный изменник». За этими словами последовало общее одобрение, и во всем городе раздавались крики радости. Императрица прибавила еще уверение, что и при полновластии своем она намерена управлять со всевозможною кротостью, что для нее не будет ничего дороже блага ее народов; что она всегда будет пользоваться благонамеренными советами своего Сената, в котором заседают такие опытные и дознанной честности лица, и что она будет прибегать к строгости только в крайних случаях. В предупреждение злонамеренных попыток на всех улицах были расставлены караулы. Войска приведены были к новой присяге, и во все губернии были разосланы курьеры с объявлением о принятии императрицею самодержавия.

Первым делом императрицы по объявлении себя са-

модержавною государынею было выпустить графа Ягужинского из тюрьмы, куда его засадили по приказанию Верховного Совета. Однако ему не тотчас возвратили его должности, а позже, по ходатайству графа Левенвольде у императрицы, как это рассказано будет ниже.

Вслед за объявлением Анны самодержавною императрицею, когда и в столице все успокоилось, граф Остерман совершенно выздоровел. Глаза перестали у него болеть и стали зорки, как никогда, и он был в состоянии исполнить все то, чего от него хотели. Ловкий политик, он сумел увернуться от заседания в Верховном Совете, собравшемся после кончины Петра II; а когда императрица прибыла в Москву, она поручила Остерману составить план интриги, которая повела бы ее к самодержавию. Остерман согласился и, несмотря на болезнь свою, так хорошо повел дело, что оно имело тот счастливый конец, о котором рассказано выше. Бывший впоследствии посланником в Копенгагене г. Корф имел поручение все советы графа Остермана передавать Бирону, а секретарь канцелярии Хрипунов как посвященный в тайну сообщал обо всем великому канцлеру. Услуга Остермана доставила ему благорасположение и доверие императрицы, которые он сохранил во все время ее царствования. <...>

В речи, сказанной императрицею по случаю принятия ею самодержавия, она обещала править государством с кротостью и прибегать к строгим наказаниям только в крайних случаях. А между тем она не могла забыть, что князья Долгорукие осмелились мечтать о короне для княжны их дома, а когда это не удалось, то пытались подорвать самодержавное правление, чтобы продолжать господствовать под другим именем.

Все князья Долгорукие, замешанные в деле Совета, были арестованы одновременно. Нарядили над ними суд и обвинили их в разных преступлениях, между прочим в том, что они отклоняли покойного императора от изучения полезных для него наук и обогащения себя сведениями, необходимыми для управления, что они расстроили его здоровье частыми поездками на охоту и тем были причиною его преждевременной кончины; кроме того, они из видов честолюбия намеревались женить государя до его возмужалости на княжне своего дома и наконец раздавали важнейшие должности своим родственникам и клеветам и проч. На этот раз императрица даровала им жизнь. Бывшую невесту императора заперли в монастырь. Князь Иван,

бывший обер-камергер и любимец императора, его отец, дяди, вообще все ближайшие их родственники были сосланы: кто в свои поместья, кто в Березов или другие отдаленные места Сибири. Запрещена была всякая переписка с ними без особенного разрешения двора. Фельдмаршал Долгорукий и брат его, тайный советник, не подверглись опале. Но спустя немного времени случилось фельдмаршалу высказаться несколько свободно, за это он был арестован и отвезен в крепость Ивангород, близ Нарвы. И брат его не удержался. Несколько лет спустя арестовали и его и отправили в Шлиссельбург. Оба они оставались в тюрьме до восшествия на престол Елисаветы. (Доносчиком на фельдмаршала Долгорукого был принц Гессен-Гомбургский, который, подольщаясь ко двору, донес о несколько непочтительных словах, сказанных Долгоруким об императрице.) Кабинет издал приказ, которым воспрещалось повышать военным чином кого-либо из Долгоруких без непосредственного повеления двора.

Это несчастное семейство провело восемь лет спокойно в своей ссылке, как вдруг императрице понадобился один из них. Князь Сергей Григорьевич уже несколько раз был в различных посольствах во Францию, в Вене и Лондоне. Его призвали в Петербург, намереваясь отправить в Англию. Накануне его отъезда какой-то тайный враг притянул его к суду, и не его только, но и все семейство. Не дав ему уехать, его арестовали и увезли в Новгород, а заодно и семейство его. Возобновили старое обвинение в составлении подложного завещания императора в пользу княжны Катерины, и хотя оговорили, что завещание это не было представлено собранию Совета и Сената, однако оно доказывало их вредные замыслы; мало того, они из ссылки своей поддерживали незаконную переписку с иностранными землями и пр. Князей Василия и Ивана (того, что был любимцем) колесовали, двое других четвертованы, еще двое или трое наказаны другого рода смертию.

Этот переход от освобождения к казни, без сомнения, покажется странным; я постараюсь несколько объяснить дело. Пока Долгорукие оставались вдали от дел, враги их не трогались; но едва императрица вызвала одного из них, как это возбудило в противной стороне опасения, как бы они снова не восстали от падения и не взяли силу. Поэтому все было употреблено для их гибели, и с успехом, как мы видели. Говорят, будто Волинский всего более содействовал их гибели, но истинная причина все-таки будет

заключаться в злом сердце Бирона, который никогда не мог им простить их требования, чтобы императрица не брала его с собою из Митавы; притом же он опасался, как бы они не положили преграды тем великим планам, которые он задумал при объявлении его герцогом Курляндским.

Фамилия князей Голицыных, родственников и свойственников князей Долгоруких, тоже пострадала от падения последних. Сначала никого из них никуда не сослали, но их удалили от двора и от дел и дали в управление области около Казани и в Сибири. Во все время царствования императрицы Анны Голицыны не могли оправиться.

Когда водворилась прежняя тишина, императрица короновалась в Москве, в соборной церкви, 28-го апреля ст. ст. Венчал на царство архиепископ Новгородский⁶, в качестве митрополита Российской империи.

Бирон, несколько лет служивший камер-юнкером в бытность императрицы герцогинею Курляндскою, был пожалован в графы, получил голубую ленту⁷ и должность обер-камергера, которая оставалась вакантною после ссылки князя Ивана Долгорукова.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I

Москва, 15 (26) января 1730 года

Российский император заболел оспою, но она так часто и хорошо вышла наружу, что его величество находятся вполне вне опасности и ночью спали спокойно.

Семейство князей Долгоруких приложило много стараний, чтобы уговорить императора сочетаться браком в прошлое воскресенье, ибо они опасались, чтобы болезнь не приняла опасный оборот, и имели в виду, что в случае смерти императора настоящая невеста его по совершении брака не встретила бы препятствия в наследии под предлогом вероятной беременности. Барон фон Остерман, однако, действовал против этого несвоевременного бракосочетания под тем предлогом, что от этого пострадает здоровье императора; сам царь был одинакового мнения с ним.

По секретным известиям, полученным мною, в случае смерти этого молодого монарха обратились бы взоры на великую княжну Елисавету [Петровну], которая представляется белавою, и на вдовствующую герцогиню Курляндскую. Выбор, впрочем, упал бы, вероятно, на первую, ибо

от последней, хотя ее и любят, нельзя ожидать наследников. <...>

Из донесения де-Лирия

Москва, 19 (30) января 1730 года

Никак не думал я, чтобы мне пришлось ныне посылать курьера Мануэля де-Лекароса к королю, нашему государю, с известием о преждевременной кончине его царского величества. Царь заболел 17 числа этого месяца. На третий день выступила оспа в большом обилии, и до ночи 28 числа все показывало, что она будет иметь хороший исход; но в этот день оспа начала подсыхать, и на больного напала такая жестокая лихорадка, что стали опасаться за его жизнь. Вчера весь день он чувствовал себя весьма дурно, лихорадочные припадки повторялись, вечером составили его завещание и принесли ему для подписи; но было уже не время, потому что у него отнялся язык, и после непродолжительной агонии он испустил дух в полчаса второго пополудни.

В пять часов утра в Кремле собрался Верховный Совет, для чего были повешены все генералы. Собрание открыл речью князь Дмитрий Голицын как самый старший. Хотя при этом и находился великий канцлер, но он имел такое сильное воспаление в горле, что не мог говорить. Он сказал, что так как бог наказал их, взявши к себе царя, и так как эта монархия не может остаться без главы, которая бы управляла ею, то он думает, что никто не может скорее быть государынею, как герцогиня Курляндская Прасковия¹, дочь царя Ивана, брата Петра I, и тетка покойного, принцесса, которую, так как она одной и той же крови с древними государями и украшена всеми необходимыми качествами, он считает наиболее достойною этого, и что если они того же мнения, пусть выразят это виватами, каковые всем собранием и повторились три или четыре раза, вследствие того, что все главные министры и генералы признали ее царицей и присягнули ей в верности. <...>

Выбор Курляндской герцогини обманул все ожидания, и мои, во-первых, как вы увидите из прилагаемого при этом дубликата письма, которое я писал вам прошлую почту. Мы никогда и не думали, чтобы корона досталась кому-нибудь другому, кроме четырех лиц, упоминаемых в ска-

занном письме, именно: царицы-бабки², принцессы Елисаветы, княжны-невесты³ и сына герцога Голштинского⁴. Но на собрании нынешнего утра не говорили, даже не упоминали об этих четырех лицах.

Могу уверить Его Величество⁵, что русская нация не могла выбрать лучшей государыни. Герцогиня Курляндская тридцати шести лет от роду, очень величественной представительности, очень любезна, отличается большим умом и истинне достойна трона. Считаю себя счастливым, что я отнесся к ней с особенным вниманием не только в бытность мою в Курляндии, но также и здесь, когда она приезжала в эту столицу, чтобы присутствовать на коронации покойного царя, и она меня почтила особенным отличием.

Фамилия Долгоруких больше мертва, чем жива, исключая фельдмаршала Долгорукова, который как умный человек предпочел благо своей нации интересу своей фамилии. Отныне же падет все величие этой фамилии и поднимется фамилия Голицыных.

Благодарение богу, все произошло с величайшим спокойствием, и все так тихо, как будто ничего и не бывало.
(...)

Верховный Тайный Совет — Анне Иоанновне

[Москва, 19 января 1730 года]

Премилостивейшая государыня!

С горьким соболезнованием нашим Вашему Императорскому Величеству Верховный Тайный Совет доносит, что сего настоящего году генваря 18 пополуночи в первом часу вашего любезнейшего племянника, а нашего всемилостивейшего государя, Его Императорского Величества Петра II не стало, и как мы, так и духовного и всякого чина светские люди того ж времени заблагорассудили российский престол вручить Вашему Императорскому Величеству, а каким образом Вашему Величеству правительство иметь, тому сочинили кондиции, которые к Вашему Величеству отправили из собрания своего с действительным тайным советником князь Василием Лукичом Долгоруким, да с сенатором тайным советником князь Михаилом Михайловичем Голицыным, и с генералом майором Леонтьевым и всепокорно просим оные собственною своею ру-

кою пожаловать подписать и не умедля сюды в Москву ехать и российский престол и правительство воспринять.

Вашего Императорского Величества всеподданнейшие рабы: канцлер граф Головкин, князь Михайла Голицын, князь Василий Долгоруков, князь Дмитрий Голицын, Андрей Остерман, князь Алексей Долгорукий.

«Кондиции»

Понеже по воле всемогущего бога и по общему желанию российского народа мы по преставлении всепресветлейшего державнейшего великого государя Петра Второго императора и самодержца Всероссийского, нашего любезнейшего государя племянника, императорский всероссийский престол восприяли и, следуя божественному закону, правительство свое таким образом вести намерена и желаю, дабы оное вначале к прославлению божеского имени и к благополучию всего нашего государства и всех наших верных подданных служить могло, того ради через сие накрепчайше обещаемся, что наиглавнейшее мое попечение и старание будет не токмо о содержании, но о крайнем и всевозможном распространении православной нашей веры греческого исповедания, такожде по принятии короны российской в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять. Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный Тайный Совет в восьми персонах всегда содержать и без оного Верховного Тайного Совета согласия:

- 1) Ни с кем войны не начинать.
- 2) Миру не заключать.
- 3) Верных наших подданных никакими новыми податями не отягощать.

4) В знатные чины, как в статские, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного Тайного Совета.

5) У шляхетства живота и имения, и чести без суда не отымать.

- 6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) В придворные чины как русских, так и иноземцев без совету Верховного Тайного Совета не производить.

8) Государственные доходы в расход не употреблять. И всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской.

Из донесения де-Лирия

Москва, 20 (31) января 1730 года

Пока мне недостает способов для отправки Лекароса, я продолжаю узнавать новые обстоятельства, которые сопровождали смерть царя. Когда Долгорукие увидели, что он уже не встанет, они задумали женить его по всей форме, чтобы таким образом корону обеспечить княжне-невесте. Но этому с героическим бескорыстием воспротивился фельдм. Долгорукий, несмотря на то, что он ей дядя. И так как с ним соединился и барон Остерман, то они и не могли исполнить задуманное. <...>

Хотя принцесса Анна, герцогиня Курляндская, провозглашена и признана царицей, но еще сомневаются, примет ли она выбор, потому что этот выбор сделан с некоторыми ограничениями, несколько тяжелыми. Но я не сомневаюсь, что примет, потому что, не говоря уже о приятности царствовать, однажды получивши власть, она легко сбросит иго. <...>

Все продолжает быть покойно, и ныне я ездил поздравить старшую сестру будущей царицы, герцогиню Мекленбургскую, которая, хотя ей и досадно, что не выбрали ее, притворяется довольною и веселою. <...>

Три дня тому назад приехал фельдм. князь Голицын, присутствие которого весьма усилит партию его дома, потому что этот человек весьма решительный и обожаем войсками. Итак, внешнее спокойствие продолжится, а придворные интриги умножатся, потому скоро начнут думать, чтобы выдать царицу замуж за какого-нибудь отличного подданного, но я еще не могу предположить, на ком бы могли остановиться. <...>

Москва, 22 января (2 февраля) 1730 года

В настоящее время еще нельзя знать, какова будет эта новая форма правления и будет ли она составлена по образцу Англии или Швеции. Однако относительно намерений старинных русских фамилий известно, что они воспользуются столь благоприятной конъюнктурой, чтобы избавиться от того ужасного порабощения, в котором находились поныне, и поставят пределы той безграничной власти, в силу которой русские государи могли по своей доброй воле располагать жизнью и имением своих подданных, без различия в составе и форме суда, так что в этом отношении вельможи русского государства не имели сравнительно с простым народом никаких преимуществ, которые ограждали бы их от кнута и лишения всех чинов и должностей. Итак, не может быть сомнения в том, что русские вельможи прежде всего обратят внимание на это обстоятельство. По крайней мере, если они не сделают этого, нельзя будет не сказать, что они пропустили удобный случай по недостатку мужества.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I

Москва, 22 января (2 февраля) 1730 года

⟨...⟩ Мне также в настоящее время сообщают, что герцогиня Мекленбургская [Екатерина Ивановна] и сестра ее великая княжна Прасковья [Ивановна] тайно стараются образовать себе партию противную их сестре-императрице. Однако мне трудно поверить этому, ибо успешный исход невозможен и они этим делом нанесут наибольший вред самим себе. ⟨...⟩

Р. S. Во время болезни покойного императора никого не пускали к больному государю, исключая любимца его, отца последнего, барона фон Остермана и дежурных придворных кавалеров, так что камергер Лопухин часто сам разводил огонь.

Любимец¹ был во время этой болезни редко при императоре, а почти все время проводил у своей невесты графини Шереметевой. Барон фон Остерман, напротив, постоянно при нем был, и этот печальный случай ясно доказал вы-

сокую степень любви и уважения к нему российского императора. В последние дни, потеряв уже почти зрение, он беспрерывно спрашивал, тут ли Андрей Иванович (это имя русские дают барону фон Остерману), и когда тот ответил и спросил, что прикажут его величество, царь говорил, что все прекрасно, если он только при нем останется. Остерман также не допустил совершение бракосочетания императора раньше полного его выздоровления, но, несмотря на это, полагают, что если бы император остался в рассудке еще несколько часов, то семейство князей Долгоруковых решилось бы на все, чтобы добиться исполнения этого обряда.

По слухам, барон фон Остерман составил три проекта, как должно поступить после смерти молодого государя. В первом престол назначается невесте императора. Во втором предлагалось больному государю назначить наследника, и в третьем предлагалось избрание настоящей государыни Анны Иоанновны. Первыми двумя проектами он успокоил Долгоруковых, высокомерие и гордость которых были нетерпимы. Касательно последнего проекта он тайно заключил союз с Голицыными и, по общему мнению, был главным двигателем в этом деле, хотя когда и собраллись члены Тайного Верховного Совета вместе с фельдмаршалами [Голицыным и Долгоруковым], чтобы после смерти императора решить выбор, и его туда позвали, он извинил свое отсутствие тем, что он иностранец и что он соглашается на все то, что решат столь мудрые и опытные мужи; но если, против его ожиданий, нуждаются в его мнении, то он немедленно явится. (...)

Дурное обхождение второй русской великой княжны² наверно является причиною, что ее при выборах обошли. Герцогиню же Мекленбургскую они исключили по причине своенравности, как говорят русские, супруга ее.

Настоящая императрица обладает большим умом и в душе больше расположена к иностранцам, чем к русским, отчего она в своем курляндском придворном штате не держит ни одного русского, а одних только немцев.

Из донесения Маньяна

[Москва, февраль 1730 года]

Что касается самих русских, их расчеты в этих обстоятельствах не подлежат сомнению. Недавний пример случая

Долгоруких заставляет их бояться власти фаворитов, которые всегда могут властвовать над ними, доколе русские государи будут столь полновластны, и потому русские хотят или уничтожить монархию, или до крайности ослабить власть государя, поставив ее под влияние аристократии.

В этих видах для России предлагаются различные формы правления: одни хотят ограничить права короны властью парламента, как в Англии, другие — как в Швеции; иные полагают учредить избирательную форму правления по образцу Польши. Наконец, некоторые предлагают совершенно разделить власть между вельможами страны, образовав аристократическую республику. Таким образом, план их при предоставлении русского престола герцогине Курляндской заключается как бы в том, чтобы дать ей корону в пользование и вверить ей престол лишь до той поры, пока они согласятся между собою в том, какую учредить форму правления. Отсюда легко понять, что намерение нации состоит в том, чтобы постепенно возвратиться к своему прежнему состоянию и своим прежним обычаям.

Из донесения де-Лирия

Москва, 26 января (6 февраля) 1730 года

План управления, которое хотят установить здесь, отнимает у ее царского величества всякую власть. Она не будет иметь никакой власти над войском, которым будут распоряжаться фельдмаршалы, давая во всем отчет Верховному Совету, и царица будет иметь в своем распоряжении только ту гвардию, которая будет на действительной службе во дворце. Она не будет иметь ни одного слуги, который бы по форме не был утвержден Верховным Советом. Последний будет составлен из двенадцати членов, и все дела будут восходить к этому трибуналу. Сенат будет составлен из тридцати лиц, и он будет заниматься делами судебными. Кроме этих двух трибуналов будет еще один из 200 лиц мелкого дворянства и вроде нижней палаты. Будет один великий казначей, который подает отчеты только Верховному Совету. Вот проектируемая доселе идея в плане управления. Бог знает, будет ли она строго развита как есть, или что-нибудь в ней изменят, но то верно, что ни

в каком случае не хотят оставить царице какой-нибудь авторитет.

Два голштинские министра (один граф Бонде, который еще не уехал), находящиеся здесь, представили протест против всего того, что сделано вопреки прав сына их государя¹, который должен быть действительным наследником. Я думаю, что им не дадут никакого ответа, а если дадут, боюсь, это будет объявление покойной герцогини Голштинской и ее сестры принцессы Елизаветы незаконно-рожденными, родившимися вне брака и в публичном сожителстве. Весьма много врагов имеет эта бедная государыня-принцесса, чего она и не заслуживает, потому что не делает зла никому, отличается прекраснейшими качествами, и ее недостатки не вредят никому, кроме ее самой.

Среди всего этого барон Остерман притворяется больным и не хочет мешаться ни в какие дела до самого приезда царицы.

Партий бесчисленное множество, и хотя после смерти царя все продолжает быть в величайшем спокойствии, но еще не все кончено, и, пожалуй, может произойти какая-нибудь вспышка.

Говорят, что потребуют от Долгоруких, отца и сына, фаворитов царя, отчета в громадных суммах и драгоценностях, которые прошли чрез их руки, и я весьма боюсь, что они будут поставлены в величайшее затруднение, не будучи в состоянии выдать их. Княжне-невесте, как меня уверяли, назначат не более как пять тысяч рублей вдовьего пансиона, что составит около шести тысяч песов нашей монеты.

Почти незаметно, чтобы жалели о смерти царя, по причине удовольствия, которое доставило всем падение Долгоруких, которые всех, даже самого царя, трактовали с гордостью и невыносимым самовластьем. <...>

К известиям в других нынешних письмах я могу прибавить только то, что во время своей болезни его царское величество объявил свое помилование детям князя Меншикова, не только освободив их из заточения в Сибири, но и наградивши каждого из них майоратами из деревень и крестьян в десять тысяч рублей, по каковому предмету Верховный Совет сделал уже надлежащие распоряжения.

И. Лефорт — Августу II

Москва, 26 января (6 февраля) 1730 года

⟨...⟩ Новый образ правления, составляемый вельможами, подает повод к волнению в мелком дворянстве. Они говорят между собою: «Знатные предполагают ограничить деспотизм и неограниченную власть. Эта власть должна быть умерена советом, который мало-помалу захватит в свои руки бразды правления. Кто нам поручится, что несколько времени спустя вместо царя мы [не] увидим в лице каждого члена этого совета тирана, своими притеснениями сделавшего нас рабами пуще прежнего? У нас нет законов, которым бы должен был следовать совет,— они сами издают законы, и потому во всякое время могут их уничтожить, и в России будет господствовать анархия».

Судьба насмехается над Алексеем¹ и его сыном: они ничтожны и презираемы.

И. Лефорт — Августу II

Москва, 29 января (9 февраля) 1730 года

⟨...⟩ Все заняты теперь мыслью о новом образе правления. Планы вельмож и мелкого дворянства доходят до бесконечности. Первые желают присвоить себе верховную власть в форме аристократической. Они предполагают устроить три государственных верховные учреждения, именно: Верховный Тайный Совет, состоящий из 12-ти членов, есть глава правления; Сенат из 60-ти и для мелкого дворянства собрание из 100 [человек] с ограничением, что эти три учреждения никогда не должны в важных случаях собираться вместе, и Верховный Тайный Совет сохраняет право совещательного голоса. В таком случае мелкое дворянство останется при своем прежнем положении. Где же законы? На чем все основывать? Их-то у них и нет. Я уверен, что когда ее величество вступит на престол, то заставит их петь другое. Она примет сторону мелкого дворянства, не желающего никаких перемен и уже начинающего составлять различные факции¹. Это не мешает постараться предупредить некоторые злоупотребления, происходящие от верховной власти, как, например, не должно допускать целому народу быть в зависимости от вспль-

чивости и капризов фаворита, а в остальном они зашли уже слишком далеко. Некоторые сомневаются, чтоб царица согласилась на их предложения. Я же совершенно противного мнения: она согласится на все, а между тем сделает то, что хочет. <...>

Из донесения Маньяна

Москва, 2 (13) февраля 1730 года

Г. Остерман по-прежнему притворяется больным, чтоб освободить себя от необходимости принимать участие в этом трудном деле, и за последнее взялся, как говорят, старик князь Голицын, член Верховного Совета. Уверяют, что план этого министра заключается в следующем: власть государыни не должна распространяться далее внутренне-го управления двора, а вся власть верховная должна быть предоставлена Верховному Совету, составленному из десяти членов, которые одни могут располагать должностями и войсками. Сверх этого совета должно учредить еще три собрания: Сенат, состоящий из тридцати шести членов, дворянскую палату из двухсот человек и, наконец, третью палату, составленную из выборных от каждого города. Но так как многие из мелкого дворянства (которое при подобном изменении старых порядков управления было бы поставлено в безвыходное положение), как говорят, наемкнули под рукою, что при принесении по русскому обычаю присяги новой царице легко могут произойти неожиданные затруднения, то это обстоятельство, по-видимому, расстроило первоначальный проект князя Голицына.

К тому же здесь образуется ежедневно множество различных факций, и в них, несомненно, участвуют и наименее покорные из духовенства, которое оскорблено презрением к нему, обнаруженным тем же князем Голицыным, вследствие чего ни одно из духовных лиц не было призвано в собрание государственных чинов для избрания новой царицы под тем предлогом, что духовенство опозорило себя, сказав после смерти царя Петра I содействие из корыстных целей к возведению на русский престол в ущерб законному наследнику лица, которое должно было остаться совершенно чуждо ему.

Все эти соображения внушают здесь довольно сильные опасения, и из того заключают, что или мысль об измене-

нии формы правления будет покинута, и власть новой государыни будет сохранена в том виде, как было при ее предшественнике, или же предполагаемые нововведения осуществляются нелегко, не без того, чтобы породить в этой стране внутренние беспокойства. Все это тем более усиливает общее нетерпение, и все хотят знать, может ли предстоящее прибытие царицы успокоить общественные беспокойства.

Из донесения де-Лирия

Москва, 2 (13) февраля 1730 года

Если в эти два дня случится что-нибудь особенное, я пошлю с известием нарочного до Риги, чтобы Его Величество вовремя получил известие. Я весьма боюсь, что с обнаружением нового плана произойдет какое-нибудь возмущение, потому что офицеры гвардии открыто говорят, что они-де желают лучше быть рабами одного монархатирана, чем покоряться стольким главам, тирания которых будет невыносима. Через несколько дней узнаем все, а между тем б[арон] Остерман продолжает держаться своего заключения, из которого он не выйдет до приезда царицы. Со всею поспешностию занимаются приготовлением всего необходимого для погребения царя, которое будет через пять дней. <...>

Теперь все заняты составлением проектов, но еще не остановились ни на одном, и эти господа-магнаты так разделены между собою, что невозможно сказать что-нибудь положительное о их системе. По-видимому, с приездом царицы примут какое-нибудь решение, но какое, угадать трудно. Я могу легко обмануться, но мне кажется, что теперь не согласятся между собою те, которые думают переменить форму правления, и что мы увидим царицу такую же неограниченную, какими были ее предшественники; но в продолжение ее царствования они будут образовывать и совершенствовать свою систему, чтобы установить ее после ее смерти.

Между тем кажется, что хотят удалить всех иностранцев, и многие думают, что Остерман будет отставлен от министерства. Если случится это, не стоит тогда и обращать внимания на эту страну, потому что Остерман единственный человек, который доселе поддерживал идеи вели-

кого Петра Первого и давал этой монархии значение во всех делах Европы. По удалении его не будут думать ни о чем, как только о возвращении к своим старым обычаям. Между ними будут постоянные несогласия, и они дойдут до той ничтожной роли, которую они играли до царствования Петра Первого.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I

Москва, 5 (16) февраля 1730 года

Тайный Верховный Совет с Сенатом и генералитетом собираются и занимаются ежедневно, чтобы только успеть окончательной выработкой новых основных законов империи еще до приезда императрицы. Сильное сопротивление этому оказывается, однако, не только со стороны генералитета и низшего дворянства, но и члены Тайного Верховного Совета, в особенности фельдмаршалы князя Долгоруков и Голицын, придерживаются не одного мнения в этом деле, так что оно еще находится в сильном брожении и может иметь весьма дурные последствия.

Обе партии стараются привлечь на свою сторону барона фон Остермана и поэтому посещают его ежедневно. До сих пор он, однако, не объявился еще ни на чью сторону, а строго держится в стороне под предлогом, что он иностранец, которому не подобает вмешиваться в подобные дела, и что постоянное бдение ночью у особы покойного императора до того расстроило его душевное состояние, что он не мог еще оправиться и сосредоточить свою мысль.

Ягужинский содержится несменно под строгим караулом во дворце, и никого к нему не пускают. С него уже сняли орден св. Андрея и публиковали во всех полках, что он арестован из-за тяжких преступлений против ее величества императрицы и против государства. Его секретари и один из его клиентов также арестованы, и полагают, что на днях, пожалуй, еще некоторые из его приближенных и приверженцев будут посажены под арест. В письме, которое он послал императрице через камер-юнкера Сумарокова, он необдуманно образом хотел представить ей средства к успешному сопротивлению намерениям членов Тайного Совета, но не подписал его, а в конце только прибавил, что податель сего откроет ей составителя и еще 20 человек, питающих одинаковые чувства с ним.

Говорят, что он в течение нескольких дней будет приговорен как изменник отечества, и приговор пошлется на встречу императрице для конфирмации его, а также будет исполнен до прибытия ее сюда. Тесть его, великий канцлер Головкин, не может ему помочь в этом деле и поэтому доброю волею устраняется от заседаний Тайного Верховного Совета. Отец любимца покойного императора находится в подозрении, барон же фон Остерман болен, а следовательно, все зависит там в настоящее время от обоих Голицыных и фельдмаршала князя Долгорукова.

Генерал-майор Леонтьев, отряженный от генералитета к императрице, вернулся оттуда и впредь до утверждения его императрицею произведен Тайным Верховным Советом в генерал-лейтенанты.

Тайный Верховный Совет отдал приказ, чтобы 30-тысячное вспомогательное войско, обещанное римскому императору¹, было готово к походу. Многие, однако, полагают, что этот приказ только отдан для того, чтобы показать, что Россия в случае введения ограниченной монархии в состоянии будет действовать с тою же силою и энергиею, как при неограниченном самодержавии. Другие же полагают, что русские желают иметь под этим предлогом этот корпус наготове в других видах, относящихся к внутренним делам империи.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I

Москва, 12 (23) февраля 1730 года

⟨...⟩ Все русские вообще желают свободы, но они не могут согласиться относительно меры и качества ее и до какой степени следует ограничить самодержавие. Семья князей Голицыных и Долгоруковых стоят во главе крайней партии. Великий канцлер Головкин, напротив, находится во главе умеренной. На первое время крайняя партия, пожалуй, возьмет верх, ибо она начальствует над войском, но если императрица сумеет хорошо войти в свое новое положение и послушается известных умных людей, то она возвратит себе в короткое время полное самодержавие, ибо русская нация хотя много говорит о свободе, но не знает ее и не сумеет воспользоваться ею.

Москва, 16 (27) февраля 1730 года

Наконец приехала новая государыня. На другой день прибытия ее в Всесвятское отправили туда батальон гвардии Преображенского полка и эскадрон кавалергардов для занятия почетных караулов. Видя желание их поздравить ее, она вышла к ним. Приняв поздравление майора Нейбуша, она обратилась к отряду войска, хвалила их усердие и верность, просила их продолжать так же служить и в ее царствование и, дабы поощрить их, объявила себя шефом этого полка.

Услыша это, весь отряд бросился перед ней на колена с криками и со слезами радости. Затем она призвала в свои покои отряд кавалергардов, объявила себя начальником этого эскадрона и каждому собственноручно подносила стакан вина.

В пятницу огромная толпа людей явилась с поздравлениями, с различными подарками, между прочим фабрикант Милютин поднес ей различные куски лент своего изделия. Увидя ленты ордена св. Екатерины, ее величество взяла их и подарила герцогине Мекленбургской со словами: «Сестра, прошу вас, передайте это вашей дочери¹, чтобы она сберегла это до тех пор, покуда я пожалуй ей орден св. Екатерины». Ей поднесли еще различные куски материй, которые она всем раздавала. Когда в первый раз великая княжна Елизавета приехала ее поздравить, она обратилась к ней с следующими словами: «Сестра, мало осталось членов нашего семейства, мы многих потеряли, так будем же жить мирно, в полном согласии, и я употреблю все старания не нарушать сго».

Великая княжна поблагодарила ее величество и рассказала ей все, что потерпела в последнее время; она не хотела выйти замуж за князя Ивана² и за то должна была переносить все неприятности. Ее величество обещала ей все это исправить.

Третьего дня, в субботу, члены Тайного Верховного Совета и Сената отправились к ее величеству благодарить за то, что она согласилась подписать поднесенные ей пункты. Они клялись ей в своем усердии и верности ей и всему отечеству. Так как главный канцлер по причине своей старости не мог изъясниться как следует, вместо него князь Дмитрий Голицын произнес речь. Ее величество отвечала: «Я со-

благоволила подписать пункты, предложенные вами, уверена будучи в неизменном усердии и верности вашей к государю и отечеству. Я постараюсь только склониться к тем советам, которые бы показали, что я ищущу лишь блага моего отечества и верноподданных моих. Прошу вас помогать мне в том; пусть правосудие будет предметом попечительнейшего внимания вашего, и пусть мои подданные не терпят никакого угнетения».

Затем главный канцлер как старший кавалер ордена св. Андрея Первозванного обратился к ее величеству с следующими словами: «Так как государи российские всегда считаются гротмейстерами ордена св. Андрея Первозванного, их долг предписывает поднести ей вышеупомянутый орден». И в то же самое время обер-церемониймейстер возложил на нее орден. <...>

Из донесения де-Лирия

Москва, 16 (27) февраля 1730 года

21 числа этого месяца царица приехала в одно местечко, отстоящее от города на одну милю. Тотчас же отправились к ней туда для целования руки все магнаты, дворянство, военные и клир. Она оставалась там до вчерашнего дня, а вчера имела свой торжественный въезд в город в той же форме и с теми же церемониями, как имел его и Петр Второй.

22 числа совершилось погребение сказанного царя с пышностью и великолепием, как вы увидите из прилагаемой при сем реляции, которую я посылаю вам для любопытства Его Величества, считая нужным прибавить, что среди прекрасного ясного солнечного дня, в то время как выносили из дворца труп, на небе показалась радуга, которая была видима около полудня.

23 числа царица объявила себя капитаном кавалергардов и полковником Преображенского полка, что было принято этими двумя полками с величайшей радостью и удовольствием. Эта решимость многих поразила, потому что это формальный акт самодержавия.

25 числа министры Верховного Совета, Сенат, генералитет и дворянство отправились все ко двору и представили ее царскому величеству орден св. Андрея, который возложил на нее как старший из кавалеров великий канцлер

граф Головкин, признавая ее за Великого магистра сказанного ордена. Это было сделано с намерением, чтобы дать ей понять, что и в этом она должна зависеть от них.

Признаюсь вам, не умею сказать ничего положительного о том, что выйдет, потому что есть признаки, что желают, чтобы царица была самодержавною, и мы видим, что те, которые не желают этого, еще не согласились между собою. Впрочем, они, верно, примут какое-нибудь решение на этой неделе.

Барон Остерман находится в таком положении, что весьма боится за его жизнь, и третьего дня он был причащен своим лютеранским пастором.

Хотя я достал копию с проекта князя Черкасского, но не посылаю ее вам, потому что его артикулы именно те самые, которые я представил вам с прошлою почтою. Проекта генерала Матюшкина я еще не мог достать. О генерале Ягужинском не говорят ничего. Думают, что, приняв решение о новом плане управления, примут какое-нибудь решение и относительно его.

Утром, перед тем как царице отправиться в торжественный въезд, я был с поздравлением у ее царского величества, впрочем как частный человек, и она удостоила меня особенного внимания.

И. Лефорт — Августу II

Москва, 23 февраля (6 марта) 1730 года

Тайный Верховный Совет, который становится гидрой относительно проектов и предметом ужаса для народа, не может установить точного образа правления, чем пользуется государыня для укрепления своей власти. Законодатели между собою не согласны, и народу не нравятся резкие нововведения.

Фельдмаршал Долгорукий предложил Преображенскому полку присягнуть царице и Верховному Тайному Совету. Они отвечали ему, что переломают ему все кости, если он снова явится к ним с подобным предложением. Вследствие этого приказано было изменить форму присяги.

Дела родственников Алексея Долгорукого идут плохо: ослепленные гордостью, не знающей пределов, каждый за-

служивает наказания. Кто бы мог подумать, что невесте совсем неуютно было видеться с государынею. Долгорукие порядком очистили царский двор: взяли драгоценные вещи, посуду, уборы, наряды, мебель, экипажи, охотничьи принадлежности — все, не оставив и следа. За это им готовится теперь благодарность. Полагают, что Иван легко может отправиться в Дербент, а отцу готовится путешествие в страну соболей. <...>

Из донесения де-Лирия

Москва, 26 февраля (9 марта) 1730 года

Дворянство удалилось в свою обычную залу собраний и решило тотчас же отправить к царице депутацию благодарить ее за ее благосклонный прием.

Между тем возмутились офицеры гвардии и другие, находившиеся в большом числе, и в присутствии царицы начали кричать, что они не хотят, чтобы кто-нибудь предписывал законы их государыне, которая должна быть такою же самодержавною, как и ее предшественники. Шум дошел до того, что царица была принуждена пригрозить им; но они все упали к ее ногам и сказали: «Мы верные подданные вашего величества, верно служили вашим предшественникам и пожертвуем нашу жизнь на службу вашему величеству, но не можем терпеть тирании над вами. Прикажите нам, ваше величество, и мы повергнем к вашим ногам головы тиранов».

Тогда царица приказала им, чтоб они повиновались генерал-лейтенанту и подполковнику гвардии Салтыкову, который во главе их и провозгласил царицу самодержавной государыней. Призванное дворянство сделало то же. Так всеобщий голос провозгласил царицу такою же самодержавною, какими были ее предшественники. <...> Это было страшным ударом для Верховного Совета, который хотел управлять по своей фантазии, почему он старался не допускать никого до царицы, ни говорить с ней, ни делать какого-нибудь внушения. Но этот трибунал был обманут некоторыми женами важных дворян, преданных ее царскому величеству, которые за невозможностью своих мужей могли извещать ее и расположить вещи так, как это и исполнено.

Москва, 2 (13) марта 1730 года

Верховный Совет решил было арестовать князя Черкасского, но он посредством своей жены, своей свояченицы и герцогини Мекленбургской, царицыной сестры, подготовил и руководил в согласии с царицею всем, что совершилось 8-го числа. Князь Черкасский, не смея приехать во дворец со всем дворянством, приказал своим друзьям поодиночке явиться в передней и затем сомкнуться немедленно по его прибытии. Князь Юсупов, подполковник Преображенского полка, сделал то же с гвардейскими офицерами. Князь Черкасский приехал ко двору в десять часов утра и испросил у государыни аудиенцию. Ее величество велела позвать Верховный Совет для присутствия при том. Князь Черкасский подал прошение, подписанное многими из дворянства, а князь Юсупов представил другое, такого же содержания, подписанное гвардейскими офицерами. Царица приказала их прочесть. Затем члены Верховного Совета заявили, что ее царскому величеству следовало бы удалиться в свой кабинет для обсуждения этого предмета. Но герцогиня Мекленбургская, сестра царицы, подошла к ней с чернильницею в руке и сказала, что нечего рассуждать, а должно подписывать. Царица немедленно же это и исполнила и в то же время приказала офицерам гвардии принимать приказания только от их подполковника, генерал-лейтенанта Салтыкова.

Дворяне удалились и, собравшись в одной из зал дворца, постановили предоставить царице самодержавную власть в благодарность за благосклонное подписание их прошения. Они испросили себе другую аудиенцию в тот же вечер, на что царица и дала свое согласие, удержав между тем к обеду членов Верховного Совета, чтобы они не разъехались по домам.

В три часа пополудни дворянство возвратилось. Князь Черкасский предоставил другое прошение, которое царица приказала прочесть вслух и затем, поблагодарив дворянство, приказала великому канцлеру принести немедленно пункты, подписанные в Митаве, и другие подписанные ею акты в пользу Верховного Совета. Великий канцлер принес их и подал царице, которая разорвала их в куски в присутствии всех.

11 марта был обнародован собственноручно подписан-

ный царицей указ о принесении ей новой присяги как самодержавной государыне.

Члены Верховного Совета счастливы были, что не шлохнулись 8-го числа, ибо если б они оказали какое-либо сопротивление решению дворян, то дворяне и гвардейские офицеры положили выбросить верховников за окно. Ныне все спокойно, и царица очень весела и довольна.

И. Лефорт — Августу II

Москва, 2 (13) марта 1730 года

⟨...⟩ В прошлый вторник, за день до того решительного времени, когда волновались все партии, несколько раз уже просили ее величество отправиться в Тайный Верховный Совет утвердить составленный образ правления, но она не соглашалась. Находясь под постоянным надзором и не имея права говорить со своими верноподданными, даже с самыми близкими родными, она находилась в большом затруднении. С ней была только сестра ее, герцогиня Мекленбургская, с которой она могла говорить свободно и своими вздохами и слезами выразить все свое горестное положение. В этот вторник члены Тайного Верховного Совета, видя, что ее величество не соглашается явиться в Тайный Верховный Совет, и что их противные партии начинали соединяться, и что происходят различные волнения по поводу ареста Ягужинского, решились объявить ее величество самодержицею, что и исполнили все члены, собранные вместе. Она отвечала им, что для нее недостаточно быть объявленною самодержицею только восемью лицами.

В этот же день по причине своей усталости она просила своего двоюродного брата подполковника гвардии Салтыкова взять на себя обязанность принимать доклады. Капитану, содержащему караул Преображенского полка, приказано было слушаться только его одного. Вследствие этого пала при дворе власть князя Василия Долгорукого.

На другой день генералитет и дворянство собрались около Кремля в числе 800 человек, из которых 150 депутатов вошли в покои под предводительством фельдмаршала Трубецкого, требуя у ее величества аудиенции. Тогда государыня послала князя Василия Долгорукого просить членов Верховного Совета явиться ко двору, и в то же время

было послано за князем Черкасским, управлявшим всеми этими делами (я еще напоминаю вашему величеству, что это тот самый Черкасский, который не думая более увидеться с своею женою, которая известна вашему величеству, простился с нею). Когда все были собраны, князь Юсупов, подполковник Преображенского полка, подал ее величеству от имени генералитета и дворянства бумагу, содержащую в себе чрезвычайно умеренные условия касательно образа правления. Они просили ее подписать их; ее величество передала бумагу князю Черкасскому и просила его прочесть вслух написанное. По окончании чтения он сказал приличную тому случаю речь. Требуя молчания, князь Василий Долгорукий спросил его, кто позволил ему присвоить себе право законодателя? Черкасский отвечал: «Делаю это по причине обмана ее величества, в который она была вовлечена вами, сказавшими ей, что условия, подписанные ею в Митаве, составлены с согласия всех чинов государства, но это было сделано без нашего ведома и участия».

Князь Василий Долгорукий обратился к государыне и спросил, не желает ли она удалиться в свой кабинет и спокойно там обсудить условия, предложенные ей для подписи. Услышав это, герцогиня Мекленбургская, которая уже запаслась пером и чернилами, сказала государыне: «Сестра, не нужно так долго думать над этим, подпиши, я отвечаю за это. Если нам придется поплатиться жизнью, я первая приму смерть». Ее величество подписала условия, я не мог еще их достать. Затем дворянство и генералитет удалились в другую комнату для составления благодарственного адреса. Рассуждая таким образом, как бы они могли поблагодарить ее величество, они единогласно решили объявить ее самодержицею. Они возвратились тотчас же в аудиенц-залу и в присутствии членов Верховного Тайного Совета объявили ее самодержицею, что она великодушно и приняла.

Затем ее величество велела канцлеру Головкину принести бумагу, подписанную ею в Митаве, и, получив ее, разорвала в присутствии всего собрания. Вслед за этим она приказала освободить генерала Ягужинского из-под ареста. Генерал-лейтенант Чернышев был послан за ним. Фельд-маршал Долгорукий получил приказание встретить его в дверях передней и возвратить ему его шпагу и орден. Ягужинский тотчас же пришел к государыне и бросился ей в ноги, проливая слезы благодарности и верности.

На другой день, день родственных поздравлений, по-полудни в присутствии моей жены настоятель Донского монастыря был приглашен на аудиенцию ее величества. Она спросила у него известную бумагу, которую насильно заставили подписать, и, разорвав ее, сказала: «Вы должны считать мое присутствие здесь только со вчерашнего дня, так как до этих пор я не имела самостоятельной воли». С этого дня князь Василий Долгорукий более не жил при дворе.

10-го числа в пятницу в соборе служили молебен в присутствии членов упраздненного Верховного Тайного Совета, генералитета и дворянства. В четверг было приказано дать три дня праздника с иллюминацией, но праздновали только два дня, так как в субботу был сороковой день смерти Петра II и по этому случаю служили панихиду.

Провидение так устроило, что все обошлось без резни, благодаря твердости войска и дворянства. Этому также много способствовали исправность орудий и приказания, отданные для истребления противящихся.

Князь Черкасский оказывал чудеса: накануне он рисковал быть захваченным, а третьего дня князь Бярятинский, зять канцлера, подвергся не меньшей опасности, так как фельдмаршал Долгорукий послал ему сказать, что если он не примет их сторону, то будет брошен с моста в реку Москву. Тот отвечал ему, что смеется над их угрозами и рад бы был погибнуть за правду. <...>

Из донесения Маньяна

Москва, 5 (16) марта 1730 года

Чтобы скорее побудить к тому государыню, в этот день ко двору собралось более восьмисот человек с решимостью прибегнуть к силе, если члены Верховного Совета окажут какую-либо попытку сопротивления. Говорят, что дело легко могло дойти до печальных крайностей, что могла совершиться одна из трагических сцен и что все зависело от одной минуты — именно когда императрица отказалась удалиться по просьбе князя Василия Долгорукого в свой кабинет для обсуждения прошения, представленного дворянством в собрании государственных чинов. От этого она была удержана герцогиней Мекленбургской, которая сказала ей: «Нет, государыня, теперь нечего рассуж-

дать; вот перо — извольте подписать». И царица действительно подписала прошение дворянства, сказав при том одному капитану гвардии: «Я вижу, что я здесь не в безопасности. Повинуйтесь приказаниям, которые передаст вам от моего имени генерал-майор Салтыков, и не слушайте никого более». Члены Верховного Совета, видя себя, таким образом, окруженными со всех сторон вооруженными людьми, остались на месте, и царица, как я имел честь сообщить вам неделю тому назад, велела подать себе пункты, подписанные в Митаве, разорвала их и бросила к своим ногам.

Из донесения Маньяна

Москва, 23 марта (3 апреля) 1730 года

Русские упустили удобный случай освободиться от своего старинного рабства лишь по собственной своей ошибке и потому, что дурно взялись за дело. Так как государыня приняла и подписала кондиции, предложенные ей депутатами государственных чинов, то для сохранения их на будущее время русским оставалось только согласиться между собою о такой форме государственного правления, которая соответствовала бы желаниям и интересам мелкого дворянства. Но это-то и оказалось невозможным по двум главным причинам: во-первых, по недостатку согласия и единства между знатнейшими фамилиями и, во-вторых, вследствие предыдущего, по упорству членов этих фамилий, которые непременно хотели, чтобы совет состоял только из восьми или десяти членов, между тем как все дворянство, справедливо предвидевшее, что оно будет всемерно угнетаемо, если власть останется в руках двух или трех фамилий, требовало, чтоб число членов этого совета было увеличено до двадцати одного и чтоб в состав его не принималось более одного или двух лиц из одной фамилии.

Г. Остерман, который уже видел себя совершенно устраненным от дел, был настолько ловок, что не преминул воспользоваться беспорядком, порождаемым среди чинов этими разногласиями. Поэтому Остерман, полагаясь на то важное обстоятельство, что ни Голицыны, ни Долгорукие не могли воспользоваться властью Совета над гвардией, состоящей почти исключительно из того же

дворянства, вместе с Ягужинским и князем Черкасским внушил государыне, что так как она достигла трона по праву рождения, то и не должна допускать, чтоб на нее налагали кондиции, тем более тягостные, что они не были предложены даже императрице Екатерине, несмотря на ее происхождение из ничтожества; также, что по известному свойству русских следует ожидать, что они как скоро достигнут безумной свободы, так и предадутся лени и праздности, из чего, без сомнения, последует падение государства, и последнее вскоре возвратится в свое прежнее состояние.

Между тем как императрице делались эти внушения посредством путей, о которых упомянуто в моей депеше от 9-го сего месяца¹, некоторые наиболее хитрые люди из духовенства, оскорбленные тем, что их исключили из собрания государственных чинов, делали всякие усилия, чтобы восстановить мелкое дворянство против Верховного Совета, и главных членов последнего изображали злодеями, желавшими изменения формы правления только для того, чтобы самим завладеть верховною властью, вследствие чего рабское положение дворянства станет еще несравненное менее выносимым, чем при сохранении самодержавия государя. Когда же таким образом императрица возвратила себе верховную власть, то разрушились не только все проекты об изменении формы правления, но и значение тех лиц, которые составляли их, так как они должны были ограничиться сенаторским званием, которое, в сущности, не дает им никакого влиятельного участия в делах. <...>

Царевна Елизавета не проявилась никаким образом при этом случае. Она наслаждалась в это время деревенскою жизнью, и тем, кто хлопотал здесь в ее интересах, не удалось добиться даже того, чтоб она прибыла в Москву ради такой конъюнктуры. Так как несколько нарочных, посланных к ней, не успели прибыть вовремя, то Елизавета могла возвратиться в Москву только по избрании герцогини Курляндской. Но даже если б цесаревна и ранее находилась здесь, я не полагаю, чтоб ее присутствие могло послужить к чему-либо по следующим трем причинам, одинаково важным и препятствующим ей иметь полезных друзей в какой-либо из значительнейших русских фамилий: во-первых, вследствие вольности ее поведения, которое русские весьма не одобряют, несмотря на недостаток в них светского образования; во-вторых, вследствие неприятного воспоминания о царствовании Екатерины, когда

голштинцы действовали во всех отношениях с крайнею заносчивостью, что делает мысль о возвращении их столь ненавистною, что ее одной достаточно для устранения цесаревны Елизаветы от трона при всем несомненном праве ее. Отсюда видно, что цесаревна Елизавета не может никоим образом смущать новое правительство,— так, по крайней мере, видится мне. И потому голштинские министры, предполагавшие, как уверяют, предьявить протест против избрания герцогини Курляндской, заблагорассудили воздержаться от того.

Из донесения Маньяна

Москва, 13 (24) апреля 1730 года

Казалось, что по восстановлении здесь самодержавия царица не сохранила никакого нерасположения в отношении тех, кто во время междуцарствия задумал было изменить форму правления. Но теперь видно, что так было сделано лишь для принятия действительнейших мер и что она лишь медлила нарушить свое молчание по этому поводу, так как в последний четверг, 20-го числа сего месяца, государыня после тайных совещаний с г. Остерманом в своем кабинете в течение нескольких дней повелела обнародовать распоряжения об удалении от двора шести главных лиц из фамилий Долгоруких и несколько других лиц... Может быть, как думают многие, вскоре станет известным еще большее ухудшение их участи. Но достоверно то, что все они уже выехали из Москвы, где им не дозволено было пробыть долее 24-х часов, и что их повезли по дорогам столь различным, что им нельзя иметь сношения друг с другом.

Из донесения де-Лирия

Москва, 13 (24) апреля 1730 года

Чего ждали для фамилии Долгоруких, то случилось прошлую неделю. Эта фамилия совершенно убита. Кн. Алексей Долгорукий и его сын Иван — оба фаворита покойного царя — лишены всех почестей, должностей и орденов и сосланы в Сибирь со своими женами и детьми. Кн.

Василия Долгорукого, бывшего министром Верховного Совета и посланником в Дании, Франции, Польше и Швеции, также лишили всех должностей и сослали в Сибирь. Кн. Михаила Долгорукого, брата фельдмаршала, послали в Персию. Кн. Сергея и Ивана Долгоруких, братьев Алексея Долгорукого, сослали в Сибирь. Генерала Бутурлина сослали в Персию, а генерала Еропкина — в провинцию Гилян. Уже все эти несчастные отправились, никто не пожалел о них, потому что, когда они были в счастье, они не старались приобрести себе друзей. Говорят, что ссылки этим не ограничатся.

Из записок Н. Б. Долгорукой

По нескольких днях после погребения [Петра II] приготавливали торжественное восшествие новой государыни в столичный город со звоном, с пушечною пальбою. В назначенный день поехала и я посмóтреть ее встречи: для того полюбопытствовала, что я ее не знала отроду в лицо, кто она. Во дворце, в одной отхожей комнате, я сидела, где всю церемонию видела. Она шла мимо тех окон, под которыми я была, и тут последний раз [я] видела, как мой жених командовал гвардию. Он был майор, отдавал ей честь на лошади. Подумайте, каково мне глядеть на сие позорище! И с того времени в жизни своей я ее не видала. Престрашного была взору. Отвратное лицо имела. Так была велика, когда между кавалеров идет, всех головой выше, и чрезвычайно толста.

Как я поехала домой, надобно было ехать через все полки, которые в строю были собраны. Я поспешила домой — [они] еще не распущены были. Боже мой! Я тогда света не видела и не знала от стыда, куда меня везут и где я. Одни кричат: «Это отца нашего невеста!» Подбегают ко мне: «Матушка наша, лишились мы своего государя!» Иные кричат: «Прошло ваше время, теперь не старая пора!» Принуждена была все это вытерпеть, рада была, что доехала до двора своего — вынес бог из такого содому.

Как скоро вступила государыня в самодержавство, так и стали искоренять нашу фамилию. Не так бы она злобна была на нас, да фаворит ее, который был безотлучно при ней, он старался наш род истребить, чтоб его на свете не было. По той злобе, когда ее выбирали на престол, то между прочими пунктами написано было, чтоб оногo фа-

ворита, который был при ней камергером, в наше государство не ввозить: потому что они жили в своем владении. Хотя она и наша принцесса, да была выдана замуж. Овдовевши, жила в своем владении, а [при избрании потребовали от нее] оставить и его в своем доме, чтоб он у нас ни в каких делах не был, к чему она и подписалась. Однако злодеи многие, недоброжелатели своему отечеству, все пункты переменили, и дали ей во всем волю, и все народное желание уничтожили, и его к ней по-прежнему допустили. Как он усилился, побрав себе знатные чины, первое возымел дело с нами и искал, какими бы мерами нас истребить из числа живущих. Так публично говорил: «Дома той фамилии не оставлю!»¹

Что он не напрасно говорил, но и в дело произвел. Как он уже взошел на великую степень, он не мог уже на нас спокойными глазами глядеть. Он нас боялся и стыдился: знал нашу фамилию, за сколько лет рожденные князья имели свое владение, скольким коронам заслужили. Все предки наш род любили за верную службу к отечеству, живота своего не щадили; сколько на войнах головы свои положили! За такие их знатные службы были от государей отменно награждены великими чинами, кавалериями, и в чужих государствах многим спокойствие делали, где имя их славно. А он был самый подлый человек, а дошел до такого великого градуса, одним словом сказать, только одной короны не доставало!

Уже все в руку его целовали, и что хотел, то делал. Уже титуловали его «Ваше Высочество», а он не что иное был, как башмачник: на дядю моего сапоги шил. Сказывают, мастер превеликий был, да красота его до такой великой степени довела. <...>

Не знал он, чем начать, чтоб нас сослать. Первое, всех стал к себе призывать из тех же людей, которые прежде нам друзья были. Ласкал их, выспрашивал, как мы жили и не делали ли кому обиды, не брали ли взятки? Нет, никто ничего не сказал. Он этим недоволен был — велел указом объявить, чтоб всякий без опасности подавал самой государыне челобитные, ежели кого чем обидели. И того удовольствия не получил.

А между тем всякие вести ко мне в уши приходят. Иной скажет, в ссылку сошлют, иной скажет, чины и кавалерии оберут. Подумайте, каково мне тогда было, будучи в шестнадцать лет? Ни от кого руку помощи не иметь, и не с кем о себе посоветовать[ся] — а надобно и дом,

долг и честь сохранить, и верность не уничтожить. Великая любовь к нему весь страх изгонит из сердца, а иногда нежность воспитания и природа в такую горечь приведет, что все члены онемеют от несносной тоски.

Куда какое это злое время было! Мне кажется, при Антихристе не тошнее того будет. Кажется, в те дни и солнце не светило. Кровь вся закипит, когда вспомню, какие столбы поколебал, до основания разорил,— и доднесь не можем исправиться. Что же до меня касается, в здешнем свете навеки пропала.

Из донесения де-Лирия

Москва, 20 апреля (1 мая) 1730 года

Для оправдания ссылки Долгоруких обнародован род манифеста, в котором кн. Василий Долгорукий объявлен изменником и предателем. Он и все другие лишены орденов. И хотя в манифесте говорится, что они ссылаются в свои имения, но никто не сомневается, что они будут отправлены в Сибирь. У них еще не конфисковали имений, но этого ждут в скором времени. О кн. Михаиле Долгоруком, брате фельдмаршала, не говорится в манифесте. Думают, что его пошлют губернатором в Астрахань. Кн. Василий находится под арестом. Иностранные ордена, отобранные у ссыльных, царица приказала возвратить посланникам тех дворов, чей орден. <...>

Из донесения де-Лирия

Москва, 22 апреля (3 мая) 1730 года

Царица назначила обер-гофмейстериной княг. Голицыну, жену фельдмаршала князя Голицына, и 8 статс-дам: баронессу Остерман, гр. Ягужинскую, княг. Черкасскую, генеральшу Чернышеву, гр. Головкину, г-жу Бирон, Лопухину и Салтыкову. Также назначены шесть фрейлин из незамужних. Его Величество видит, что здесь нет никого из Долгоруких: фамилия Голицыных торжествует. Это сделано по интригам гр. Левенвольда, обер-гофмаршала, и г. Бирона, камергера и фаворита царицы. Оба они немцы, и русские их ненавидят, но они управляют царицею, как

хотят. Для того чтобы лучше поддержать себя, они послали сказать фельдмаршалу Голицыну, что, если он и его брат хотят держаться их стороны, они помогут им и будут им верными друзьями. Голицыны приняли предложение и за это в большом почете, между тем как фамилию Долгоруких преследуют с величайшей жестокостью. Оба фаворита царицы, будучи немцами, поставили барона Остермана опять на ту же высоту, на которой он был прежде, и, пожалуй, он имеет теперь еще больше власти, чем когда-нибудь.

Феофан Прокопович

История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской

Преставился Петр II 1730 года января 18 дня во втором часу пополудни (...). И долго разглагольство было о наследнике государе с немалым разгласием. Князь Алексей Григорьевич Долгорукий, невесты новопреставленного государя родитель, дочери своей скипетра домогался, которой его дерзости, яко весьма нечаянной, многие удивились. Но он, властолюбием ослеплен, не устыдился показать и некое письмо, якобы Петра II завет, прежде кончины своей написанный, которым будто бы он державы своей наследие невесте Екатерине укрепил.

Дивное всем стало князя Алексея бесстыдие (кроме одних, часо, свойственников его), и на требование его, весьма непристойное и смеха достойное, никто не посмотрел. Понеже отнюдь не могло быть вероятно, дабы учинил то государь — до болезни своей отрок, крепким составом цветущий и толь сильное имеющий здравие, что многолетнего весьма жития надежду подавало, — как же бы он мог и подумать о близкой своей смерти? А когда пришла ему болезнь (которая, не более двенадцати дней удручая его, умертвила), во все то время делали ему потешку скорого к первому здравию возвращения — не то чтоб ему о будущей смерти повещать, хотя бы и подлинно ведано, что ему прочее живу не быть.

По отвержении же того домогательства требовано других господ мнения. Разные были голоса, однако же вне фамилии государей не выходили. Некто приговаривал и за бабкую Петра II, недавно из заточения освобожденною. Но сие прочие судили яко непристойное и

происшедшее от человека, корыстей своих ищущего, самым молчанием притушили. А когда произнеслось имя Анны, вдовой Курляндской герцогини; дщери Иоанна царя, бóльшего Петра I брата, купно с ним до кончины царствовавшего, между Екатериною и Параскевою средней сестры, тотчас чудное всех явилось согласие, которому спорить не посмели и оные, коим закладенная и, по мнению их, неотъемлемая уже в руках была высочайшая власть, а тогда от них уходила.

О перемене формы или образа царствования (чего неции из оных господ и прежде сего желали и желания в себе утаить не могли, как уже ясно о том покажется) в сем тогда же собрании (хотя не при всех, но по выходе оттуда многих прочих) говорено, и, что о том умышлено, ниже сего известно будет. <...>

Здесь же, во-первых, надобно, кажется, изъяснить, кто они и сколько их было, которых в повести сей нарицаем верховными? При императрице Екатерине I сверх установленного Петром I Сената новое и от Сената высшее правительство учреждено, и украшено оное особливим именем Верховного Совета.

Сее ж собрание в том вящую от Сената имело силу, что и некую власти часть, Сенату отнятую, приняло к себе и что большую важность возымело; однако же, что ни хотел бы Верховный Совет вновь уставить, не волен был сделать то без изъявления императрицы. А когда сей не стало, а настал Петр II, двенадцатилетний тогда отрок, тогда Верховный Совет, получив себе, по своему мнению, совершенную и свободную власть, и мог и дерзал делать, что хотел. Да и тогда еще правительство оное не могло ничего учинить без воли князя Меншикова, который его член был, наипаче когда сей дочь свою Петру II в невесту отдал публичным обручением.

Всех совета того членов девять человек было, а по изгнании в ссылку Петра Толстого, потом же Меншикова, собрание оное умалилось. А после того новым прибавлением стало в числе осьмиличным.

Именно же сии были: великий канцлер Гаврило Иванович Головкин — первый, другой неизвестного, почитай, порядка князь Дмитрий Михайлович, да брат его князь Михаил Михайлович, фельдмаршал, Голицыны; князь Василий Лукич, князь Василий Володимирович, князь Михаил Володимирович, князь Алексей Григорьевич и сии четыре единой фамилии Долгорукие. Один еще из нации не-

мецкой Андрей Иванович Остерман. Добавил бы число Феодором Матвеевичем Апраксиным, адмиралом, но не стало его тогда, когда еще не все здесь упомянутые ко оному правительству причтены были.

Именованные же Долгорукие, каковое ни заседали место в том собрании, однако же других товарищей своих весьма были сильнейшие, имея основание на сродстве своем, князе Алексее Григорьевиче, который в руках своих имел Петра II и его же, государя, по всякому примеру Меншикова, приводил к понятию в жену дочери своея уже обручения совершением, и потому один он всего Верховного Совета сильнейший стал.

Еще же и сын его, князь Иван Алексеевич, о котором в народе слух обносился, что в великой у Петра II милости, много Долгоруких фамилии придавал можности. Но скоро явилось, что Иван сей пагуба паче, нежели помощь, роду оному приносит. Понеже бо и природою был злодерзостен, еще к тому толиким счастием надмен, и ни о чем, яко бы себе не доводилось, не думал. Не только весьма тех презирал, но и многим зело страх задавал, одних возвышая, а других низлагая по единой прихоти своею. А сам на лошадях окружен драгунами, часто по всему городу необычным стремлением, как бы изумленный, скакал, но и по ночам в честные дома вскакивал — гость и досадный и страшный!

И до толикой продерзости пришел, что кроме зависти нечаянной славы, уже праведному всенародному ненавидению, как самого себя, так и всю фамилию свою аки бы нарочно подвергл. <...>

Тии же то верховные господа, собрав первее по кончине Петра II, как уже выше показано, Совет, когда царевне Анне императорская власть согласиен всех присутствовавших присужена стала, многих домой отпустили, а сами советовали: как бы власть государеву сократить и некими установлении малосильнее учинить? На что наипаче Долгорукие настояли, показуя вид, будто бы они нарочно к некоей пользе служат, а самым делом желая получить себе хотя часть царской власти, когда целой оной достигчь не могли. <...>

На другой день по представлении государевом выправили в Курляндию князя Василья Лукича Долгорукого, придав ему будто бы двоих товарищей (один же из них был Голицын кн. Михаил Михайлович меньшей), но с такою скоростью, что на расставленных нарочно для того частых

подводах, казалось, летели они, паче нежели ехали. Тщались же то пред всеми утаить, но тотчас по всему городу ведомо учинилось.

В то же время по всем дорогам, которыми можно бы кому в Курляндии пробираться, крепкие заставы расположили, дав оным солдатам указ, дабы оттуда к Москве идущих пропускали, а от Москвы туда шествующих удерживали бы и письма бы у них обирали.

И от такого их действия не токмо догадливые люди, но тупые простолюдины явно уже видеть могли, что господа верховные затевают. И не трудно было разуметь, что они вымышленный от себя новый царствования порядок хотят государыне поднести именем всего народа, аки бы всенародным согласием утвержденный. Опасаясь же и боясь, дабы от кого уведомена государыня коварства их не познала, старались каким-то обережением, чтоб она о том знать не могла, покамест сама в руки им не достанется. Многие же и проклинали таковой поступок, яко к презлейшему обычаю образец, что они так делали с ожидаемым государем своим, как по нужде делают с наступающим неприятелем.

Жалостное же везде по городу видение стало и слышание. Куда ни прийдешь, к какому собранию ни пристанешь, не иное что было слышать, только горестные нарекания на осьмиричных оных затейщиков. Все их жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие. И везде в одну, почитай, речь говорено, что если по желанию оных господ сделается (от чего сохранил бы бог!), то крайнее всему отечеству настоит бедство. Самым им, господам, нельзя быть долго с собою в согласии: сколько их есть человек, чуть ли не столько явится атаманов междоусобных браней, и Россия возымеет скаредное оное лицо, каковое имела прежде, когда, на многие княжения расторгнена, бедствовала.

И не ложные, по моему мнению, были таковые гадания, понеже русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владением храним быть может. А если каковое-нибудь иное владение правило воспримет, содержаться ему в целостности и благосостоянии отнюдь не возможно. Но о сем намерение наше есть особливые доказательства написать.

Между же тем произошло в слух, что другой родился союз, осьмиличному противный. Знатнейшие, сиречь из шляхетства сноситься и советоваться начали, как бы

действительно вопреки стать верховникам и хитрое их строение разрушить, и для того по разным домам ночью порою собирались.

Я в то время всяким возможным прилежанием старался проведать, что сия другая компания придумала и что они к намерению своему лучше усмотрели. И скоро получил я известие, что у них два мнения спор имеют. Одно — дерзкое на верховных господ. Когда они в место своего [собрания] соберутся, напасть незапно оружною рукою и, если не похотят отстать умыслов своих, смерти всех предать. Другое мнение кроткое было: дойти до них в собрании и предложить, что затейки их не тайна; всем известно, что строят, не малая вина одним и не многим государства состав переделывать. И хотя бы они преполозное нечто усмотрели, однако же скрывать то перед другими, а найпаче и правительствующим особам не сообщать, неприятно то и смрадно пахнет.

Оба же мнения сии не могли произойти в согласный приговор. Первое яко лютое и удачи неизвестной; а другое яко слабое и недействительное и своим головам беду наводящее. И тако некоего другого средства искать надлежало.

Достал же я и о том еще ведомость, что сии верховников супостаты и между собою не единогодушны были, но весьма противного хотения. Некоторые из них тщались старое и от прародителей восприятое государства правило удерживать непременно. А другие, да еще сильнейшие, того же хотели, что и верховники. Досадно им было, что они их в дружество свое не признали. И потому нетрудно мне было прорицать, что сии верховных противники ничего не сделают. И поистине все их действие день к дню знатно протывало.

Хотя же и другая сия факция зело старалась собрания свои утаить, и один заклинал, дабы нишхнуть о сем, и все великие на себя налагали клятвы, если бы кто вынести советы дерзнул; однако же от верховников утаиться не могло. Были в толиком множестве (понеже до пятисот человек себя исчисляли) непостоянные и вероломные. <.. >

Не без страха же было верховным, когда еще не знали они, как дремливое было противников действие. Нарочно от них рассевался слух о страшных на противников своих угрожениях, и что мятежная их сонмища Верховному Совету гораздо ведома, и что непокойные оные головы судятся яко неприятели отечества, и скоро пошлется или

уже и послано, ловить их за арест, и что дурно они на множество свое уповают, понеже в числе верховных и главные полководцы обретаются, и никому из них утаиться и бежать беды нельзя, понеже немногие пойманные покажут на пытках и прочих, и явится, кто каковой казни достойны будут.

И хотя таковые вести пошептом в народе обносились, однако ж толикий страх делали новым союзником, что многие из них, особливо малосмощные, и в домех своих пребывать опасались, но с места на место переходя в притворном платье и не в своем имени, по ночам только, куда кого позывала нужда, перебегали.

Однако же верховники, поражая страхом суперников своих, сами еще не ощущали в себе бесстрастия. Смущала их злая совесть и что неизвестно было, чем окончится дело их толь дерзновенное. Начали же призывать к себе первых из противной компании, и принимать с ласкосердием, и к общему сословию преклонять, клянясь и присягая, что они за собственным своим интересом не гонятся, и жаловались, что напрасно то в грех им постановлено, что они совета своего всем прочим не сообщили тогда того вину, что хотели они первее искутить и отведать: какую себя покажет на их предложение избираемая государыня? А то уздав, они имели намерение всех членов созвать и просить ответов, что кому заблагорассудится к полезнейшему впрямь состоянию государства, обещевая вскоре то учинить и себя яко неповинных перед теми оправдать.

Таковые же верховных выправки, кто из опасных и неверных мужей слышал, ведал, что то обманное ловительство; но другие, и числом множайшие, сими пленницами уловлены остались.

Когда же тако чрез двенадцать дней, а не больше, с обою сторону различно мятется, а мы, что-то со временем хочет быть, ожидаемся. И во второй день февраля посланные от Верховного Совета по сенаторским, архиерейским и прочих чинов домам разносят повестки, что Верховный Совет на утренний день всех в собрание призывает (нарочно удерживаясь от наречия «указывает», и указ их словом п р и з в у умягчивая). Те же вестники и приносили собрания того вину, будто о государственном установлении советовать будут.

Чудно же поистине сказать, каковые многих тогда явились разгласия! Одни, да и множайшая часть, говорили,

что уже в затейках своих Верховный Совет раскаялся и хочет просить себе в том прощения, как то члены его в незапных разговорах и обещались. А другие все иное помышляли, и как сами оного к собранию призыву не любили, так и всем ходить туда весьма не советовали, прилежно внушая, что новая то верховников хитрость и злое изобретение, как бы им прочих или к согласию затеек своих сильно понудить, или противящихся себе вдруг придавить.

В тот же день какая тайная нашлась поговорка, будто из Курляндии пришло письмо в Верховный Совет. И когда сие опаснейшие оные услышали, и паче тщились всех от повешенного собрания отводить, ибо они, присматриваясь тогда, каковым лицом являют верховники, примечали, что не только сами они, но и слуги их необычно веселы и радостны были. И потому не было уже сумнительно, что ухищрение верховников удалось, и Анна-государыня, ложным якобы всего народа именем сведенна, на подложные их договоры пристала. И сей многих догад непогрешительный был, но большая часть перемогла лучшую.

В третий день февраля превеликое множество к назначенному месту собралось. Где когда ожидало, что таковое к советованию от верховников произнесется, тогда они, указав молчание, и велели читать присланное из Курляндии письмо. И делом явилось сущее то, что опаснейшие прорицали. Было то послание Императрицы Анны и содержало в себе следующее...¹

Никого, почитай, кроме верховных, не было, кто бы, таковое слышав, не содрогнулся. И сами те, которые вчера великой от сего собрания пользы надеялись, опустили уши, как бедные ослики. Шептания некая в множестве оном пошумливали, и с негодованием откликнуться никто не посмел.

И нельзя было не бояться, понеже в палате оной по переходам, в сенях и избах многочинно стояло вооруженное воинство, и дивное было всех молчание. Сами господа верховные тихо нечто один с другим пошептывали и, остроглазами посматривая, притворялись, будто бы и они, яко неведомой себе и нечаянной вещи, удивляются.

Один из них только, кн. Дмитрий Михайлович Голицын, часто погаркивал: «Видите-де, как милостивая государыня, и каково мы от нее надеялись, таковое она показала отечеству нашему благодетяние. Бог ее подвинул к писанию сему; отсель счастливая и цветущая Рос-

сия будет». Сия и сим подобная до сытости повторял.

Но понеже упорно все молчали, и только он один кричал, нарекать стал: «Для чего никто ни единого слова не проговорит? Изволил бы сказать, кто что думает, и хотя нет-де ничего другого говорить, только благодарить толь милосердой государыне». И когда некто из кучи таким голосом с великою трусостию примолвил: «Не ведаю-де и весьма чуждуся, из чего на мысль пришло государыне тако писать?» На которые его слова ни от кого ответа не было.

Потом кн. Алексей Михайлович Черкасский предложил словесно, дабы ему и прочей его братии дано время порассудить о том свободнее. И на то соизволили верховные, желая паче отпустить прочь упрямых и себя от страха освободить, нежели вменя то в пользу свою.

Архиереи же синодальные учили домогаться, чтобы, больше не отлагая, собраться и совершить благодарственное молебствие, чему уже и не спорил никто. Повелел же Синод диаконам возносить государыни имя с полною монаршескою титулою, самодержавие в себе содержащую. Что и сделано; да то ж верховным весьма нелюбо стало, и каялись, что о том прежде запомывали посоветовать. И когда же в тот день Синод посылал во все страны письменные титулования государыни формы, посылали и они, но титулы самодержавия, уже прежде оброненной, переменить не посмели.

Из оного времени видеть было можно, что всякого, почитай, чина и звания люди, якобы дряхлы и задуманные ходили и будто нечто глубокое размышляли. И не можно было иначе поступить, у кого здравый смысл и разум был. Понеже, хотя затейка верховных господ и не тайна была, однако же никто не надеялся, дабы они отважились так рабские и тесные владения уставы на императрицу накинуть. <...>

В десятый день февраля получена ведомость, что государыня от Москвы уже недалече. И скоро потом от чина церковного три архиерея да три сенатора от гражданского на встречу ее величества выправлены.

Да тут жалостное нечто и примечания достойное явилось. Когда оные сенаторы и архиереи по определению Верховного Совета именем всех чинов императрицу приветствовать в дорогу наряжались, нужда им была требовать пашпорта от Верховного Совета, и получили. А когда

доехали до заставы (о чем прежде упомянуто), понеже еще далече того места была государыня, тогда капитан, заставу держащий, с объявлением от них пашпорта как самих господ, так служителей считал и потом далее шествовать пропустил.

Вместе ли и совокупно сенаторы к государыне; которая, тогда в селе Чашниках остановилась, прибыли или порознь и особно, я о том неизвестен и не проводывал, яко ненужного, а о сем от неких из свиты князя Василия Лукича после я уведомился, что, когда как архиереи, так и сенаторы государыню приветствовали, тогда оный князь Василий весьма прилежно на глаза их присматривался и на все их движения и мгновения остро наблюдал. Толико сиречь трусливо и опасно было оное властолюбивое шатание. А правилам политическим сходна ли была хитрость оная, иным на рассуждение оставляю.

Еще же и сего проронить ненадобно, что когда некоторые из приветствовавших, откланясь государыне, прежде ее походу к Москве возвращались и зело скоро бежали, и уже три версты проехали, тогда государыня, из квартиры выехав, тотчас их миновала и незадолго из глаз вышла. И в том бо господа оные имели понечение, чтоб елико можно спешить, которое поспешение так жестокое было, что в десять дней (а если нужные в Риге, Пскове, Новгороде и Твери остановки выключить, то разве в восемь дней) больше тысячи верст убегли с немалым здравия государыне нарушением.

И того же дни прибыла императрица в село Всесвятское, семь верст от Москвы расстоянием. И zde для успокоения останувшись, приказала Петра II до своего в град пришествия погребению предать,— что в утре совершилось.

Но и тут приключилось нечто непростое и такое, что трудно сказать, удивлению ли паче или смеху оное подлежит? Дванадесятого дня февруария на восходе солнца все чины в дом представлявшегося государя сошлись. Но долго ничего не делано, и неведомо, чего ожидали. Мы думали, что к церемонии оной не все изготовлено, однако ж ничего, что б не готово было, усмотреть не могли. И когда некто из знатных особ, стужив долгим сидением, спросил у одного действия того управителя: «Для чего поход до селе не начинается?» Он ему отвечал, что еще не дождались от Верховного Совета определения: где и как быть в церемонии покойного государя невесте. А она-де требу-

ет себе как места, так и наряда и всей славы императорской.

И то многие слыша, великим негодованием возроптали, браня и проклиная необычное тех людей бесстудие. И ничего дожидаться не веля, устроились все к погребальному походу, в котором мечтанная императрица нигде не явилась.

Всяк же может тут видеть, что князя Алексея, родителя помянутой невесты, и других им сродников и сие дельце было, и что они, видя у себя отнятое, которое мечтали в руках своих иметь — монарший скипетр, не оставляли ничего, что бы ни показалось к высокости их угодное. Прежде уже мы показали, как бесстыдно князь Алексей оный показывал хартию, якобы прямой завет, от Петра II написанный. А когда то не удалось, то избрали они императрицу, да без власти и силы, чтоб сами тем завладели и они бы делом царствовали, а государыня царским только именем тешилась. Но дабы и вид славы царской не весьма от дому их отлучался, сию-то штучку употребить затеяли. Понеже если бы Катерина их в погребальной церемонии императорское место заняла, сделали бы оную, если не равною самой государыне, то хотя второстепенною, да еще, чаю, и на том не остановились.

Того же февраля в день², который тогда воскресный был, императрица Анна в Москву вошла с великою славою, да и сама не имела чем веселиться, и многие о бедном ее состоянии тужили и печалились. Когда вошла в дом царский, тотчас узнала, что она якобы полонена и заключена в честную тюрьму. И нельзя сей было иначе думать, понеже князь Василий Лукич Долгорукий, который из Курляндии привез ее в Москву, у самых дверей светлиц, ко пребыванию ее уготованных, занял себе другие светлицы, так что никому невозможно было доступить до государыни без его позволения. Да и кого допускал, за тем и сам вхаживал, и никто отнюдь, ниже сестры ее величества, не волен был, что ни есть поговорить, разве присутствующу и слышащему ему.

Между тем верховные господа прежнюю присяги форму, которою народ на верность государю своему себя обязует, переменя, новую выковали, вымарав многие как обносилась речь, самодержавие заключающая. И потом февраля в день всех чинов созвали для присяги к первопрестольной церкви, которая вокруг по площади многим воинством обставлена была. И тогда в собрании Верховного Совета некоторые из шляхетства о переменной присяжной форме спорили. А в палате синодской первый

член, архиепископ Новгородский³, как к товарищам своим, так и ко всем прочим архиереям и архимандритам (а было многое число), увещательную речь имел, ясно показывая, что великое весьма дело есть присяга, и вечно наводит бедство, если кто присягает на то, что противно совести, или чего и сам не хочет, или не ведает. И для того настоял, дабы Синод от Верховного Совета новосоставленной, как слышно, присяжной формы पहले требовал, чтоб знать, что в ней содержится.

И тако из Синода в Верховный Совет секретари посылаемы, ходили, и возвращались один по другому, и доносили, что господа верховники не отрицают прислать в Синод требуемую форму, однако ж не присылали. И когда того синодальные многократно чрез посылаемых секретарей домогались, а верховные многократно прислать обещались, внезапно в Синод повещено, что господа верховные в церковь вошли и духовных тамо ожидают. Новгородский тою ведомостию смущен, советовал не ходить туда, но как увидел, что все идут, будто бы некоею силою влекомы, и сам за ними пошел.

Только же что вошли архиереи в церковь, тотчас господа верховные стали ласкательно просить их, дабы первые они учинить присягу изволили, яко всего народа пастыри и в духовных делах предводители. И тогда Новгородский, воспросив у собранного народа молчания, которое и сделалось, в той же силе, как говорил в Синоде, всем вслух о присяге проповедовал. Великое собранных было множество, и все из шляхетства. И на слова архиерейские краткие из кучи ответы с воздыханием произнеслись, что истинное тое наставление и что присяга дело страшное!

Увещевал же всех архиереев, дабы никто безрассудно присягать не торопился, и домогаться стал, чтоб पहले форма присяги всем вслух и с амвона прочтена была, чтоб все могли ведать, на что присягать надлежит или не надлежит. Прекословил же Новгородскому князь Дмитрий Голицын, но из речей его архиереев оный вящие к делу своему доказательства выводил. Но прочие из верховных, опасаясь, чтобы не пришло до смутки, скоро на требование Новгородского позволили. Да и тут вещь весьма чудная приключилась: когда велено секретарю взойти на амвон и формулу присяги прочесть, и се ни у него и ни у кого не было формулы, которых многие тысячи напечатано. Из чего можно видеть, что факция она все торопко и непо-

рядочно делала и в затейках своих больше имела страха, нежели упования.

Когда же принесли и прочли формулу, стало явно слышашим, что хотя некие прежние речи, самодержавие означающие, выключены, однако же не включено других, которые бы ясно изображали новый и от прежнего разнствующий владения образ, и осьмоличные оные владетели не именованы (чего найпаче весь народ, ожидая, дрожал), и о подверженных государыне договорах ничего не упомянуто. И вся присяги перемена в сих речах была, что присягают отечеству и государыне.

Того ради, как архиереи, так и из мирских начальнейшие, порассудив, что формула верховникам не к пользе и впредь к раздружению намерения их помешки сделать не может, приговорили принять оную снисходительно. И тако по словам оной формы присягу исполнили. Обносится же, что сочинена была формула иная, затейкам верховных господ служащая весьма, да произнестъ ее господа не посмели.

Видно же из сего, что господа верховные никакой себе выторжки не получили, однако ж как они, так сродники и друзья их, якобы в некоем благопоспешении своем, торжествовали. Учинилась из того другим немалая тревога и разные догады родились: одни думали, что господа оные притворяют себе вид веселия, чтоб себя побежденных не показать; а другие радость их в том быть рассуждали, что противная их факция кое-как затихла и таковая тишина угодна им к вящему дерзновению. Простые и трусливые говорили, что в новой оной присяжной форме некое содержится таинство, самим только творцам ведомое, а прочим непостижимое. Что же то ни было, только нахальная оных господ бодрость всем была с досадою.

Паче же всего беднее самой государыни состояние, аки бы пред очима ходящее, на гнев и ярость позывало. Не приходит она, не видит, не поздравляет ее народ. А когда тому всюду весть приносилась, что кн. Василий Лукич как бы некий дракон блюдет неприступну, и что она без воли его ни в чем не вольна, и неизвестно, жива ли, а если жива, то насилу дышит, и что оные тираны имеют государыню за тень государыни, а между тем злейшее нечто промышляют, чего другим и догадываться нельзя.

Сия и сим подобная, когда везде говорено, ожила другой компании ревность, и жестокае, нежели прежде, воспрянулась. Видеть было на многих, что нечто весьма странное

умышляют, но тихомирные головы к тому всех приклонили, дабы мятежное оное господство упразднить правильным и безопасным действием. Сшедшись в едино собрание, многие из шляхетства написали государыне челобитную, в которой объявили, что бывшее в Курляндии посольство не только без согласия всех чинов, но и без ведома и нарочно скрытно устроено от частных осьми человек для домашних их интересов, и покорно просят ее величество, чтоб договорное курляндское письмо, ей подверженное (хотя она, лживому доносу простотою поверя, и подписала), изволила отвергнуть и уничтожить, яко некий незаконный изверг и урод, на гибель отечества от многих затейщиков изданный.

И скоро великим множеством в палаты царские вшед, стали требовать, дабы до ее величества приступить им позволено. Сие услышав, выбегл к ним князь Василий Лукич и, притворясь, будто бы во всем том с ними согласен, стал сочиненной от них челобитной просить, обещавая тотчас оную подать в руки ее величества. Но никто так нечувствительный не был, кто бы коварства его не узнал. Все вопить стали, что подданных от государыни и сынов от матери отрывать не надлежит, а кто не так мудрствует, тот враг есть и государыни и государства. И тако он, стыда, страха и ярости исполнен, отошел от них.

Была тогда у государыни сестра ее, царевна Екатерина, и она прежде о таком шляхетства намерении уведомлена, слыша ныне о собрании их, все, что сделалось, государыне донесла, увещевая войти к ним и послушать их челобитья. И свободно было о сем говорить, понеже князь Василий Лукич на слух оного собрания выходил, как уже упомянулось.

Вышла государыня в залу и, стоя под балдахином, впустить просителей и прошение их прочесть повелела; а по прочтении того приказала тотчас подать себе письмо курляндское. Потом произнесла краткую речь в таковой силе, что, хотя весьма тяжелые поданы ей были царствования договоры, однако же, веруя, как ей докладывано, что оные от всех чинов и от всего российского народа требуются, для любви отечества своего подписала. А понеже ныне известно является, что лжею и лестию сделан ей обман, того ради оные договоры, яко сущею неправдою от себя исторженные, уничтожает и рукописание свое никому впредь иметь за важное приказует. И то сказав, тотчас упомянутое письмо, до рук ее поданное, разодрала и на зем-

лю бросила. Воскликнуло предстоящее всех множество, зело ее величество благодарствуя и кланяясь.

Были же при том некоторые и от верховников, и когда просители оные, благодаря государыню, кланялись, тогда и сии поклонились,— кое действие их, понеже паче всякого чаяния показалось, подало в народ довольную смеха материю.

Записка В. П. Степанова

Всемилоливейшая Государыня!

По повелению и указу Вашего Императорского Величества доношу яко верный раб чистосердечно, что могу вспомнить.

В прошлом 1730-м году генваря в 18 день, егда Его Императорское Величество Петр Второй зело прискорбел, то прислал по меня Андрей Иванович Остерман.

И как я туды приехал, то велел мне тамо быть неотлучно.

И потому к вечеру съехались все Верховного Тайного Совета министры и несколько из генералитету и из тогдашнего высокого Сенату.

Его Императорского Величества не стало после полуночи в 1-м часу.

И Верховного Тайного Совету министры пошли во особливую камору, а что у них происходило, о том я неизвестен, понеже тамо не был, оставался в тех покоях, где Его Величества не стало. А вышед, спросили меня и велели взять чернилицу, и отошед в палату ту, которая пред тою, где Его Императорское Величество скончался, посадя меня за маленький стол, приказывать стали писать пункты, или кондиции, и тот и другой сказывали так, что я не знал, что и писать, а более приказывали иногда князь Дмитрий Михайлович, иногда князь Василий Лукич. Увидя сие, что за разными приказы медлитца, Гаврило Иванович и другие просили Андрея Ивановича, чтобы он яко знающий лучше штиль диктовал, который отговаривался, чиня приличные представления, что так дело важное и он за иноземничеством вступать в оное не может, а какие подлинно чинил представлении, объявить за минувшим долгим временем не упомню, и потом он как штиль весть сказывал, а пункты более диктовал князь Василий Лукич, и я с их слов списал; а были тамо Гаврило Иванович, князь Ми-

хайло Михайлович, князь Василий Володимирович, князь Дмитрий Михайлович, князь Василий Лукич, Андрей Иванович Остерман, князь Алексей Григорьевич, князь Михайло Володимирович.

Написав, заехали на малое время по домам, а поутру 19-го все приехали в мастерскую в тогдашний Верховный Тайный Совет, и тамо собраны были, как духовного чина знатные, так и светского генералитет, и Сенат, и прочие из коллегий немалое число; и сперва всем тем собранным объявили о Вашем Императорском Величестве, что довольны ли? Которые все тому возрадовались и были довольны, а о пунктах или кондициях, каковы оные, ничего им не объявили.

А отпустя их, стали те сочиненные в слободе¹ пункты читать, и многие прибавки привезши с собою, князь Василий Лукич и князь Дмитрий Михайлович вписывать велели, которые именно значат в черных²; а Андрей Иванович Остерман заболел и при том не был и с того времени уже не ездил. И учиня прибавки и написав вчерне, к Вашему Величеству письмо велели переписать и ради подписи по домам к себе привезть, с которыми я для подписи ездил, а подписав, привез в дом князя Василья Лукича, где меня дожидались Анисим Маслов и Матвей Кузмин, и, все тамо заключа, вручили князю Василью Лукичу, с чем он того вечера и поехал.

У Андрея Ивановича был, и он только одно письмо подписал, а кондиций не подписывал, и хотя я к нему и после по приказу ради подписания оных ездил, но он не подписывал, и потом уже спустя, и, как помнится, по приезде Леонтьева, как послан к нему был я с тем, что разве он не хочет быть с ними сообщником, что не подписывает, то тогда подписал.

По отпуске князя Василья Лукича Гаврило Иванович говаривал в Совете, сколько я упомянуть могу, что отпустили они только одни пять человек письмо и кондиции, а другим не объявили: надлежало бы объявить другим. Понеже когда Ваше Величество прибудете в Святское, то придут к Вашему Величеству многие и скажут, что они о том не знали, и говаривал о кондициях, что тяжки. А особливо о лишении короны, но прочие о тех кондициях не хотели объявлять; а иногда что говаривали между себя втайне, того знать не могу, понеже нас высылавали вон.

Изъяснение, каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия в призове на престол Ее Императорского Величества

⟨...⟩ Надобно же изъяснить помянутых осьми лиц каковое в затейки сей было и намерение, и действие, и к общей ли народа пользе или к приватным неким интересам простиралось.

Невозможно затеечного сего дела не назвать самым злейшим преступлением, хотя бы какие кто вымышлял отговорки, а то ради следующих причин:

1) Делали сие не многие и весьма число не токмо не довольное, но малое и скудное. А если бы искалося от них добро общее, как они скажут, то бы надлежало от всех чинов призвать на совет не по малому числу человек.

2) Делалось же и весьма тайно, что надобно было всем объявить, а хотя бы не всему народу, то хотя начальнейшим духовным, Сенату, генералитету, коллежским членам; все ли сии неискательны добра общего; все ли не добротны и не верны своему Отечеству; одни ли они и мудры, и верны, и благосовестны? И хотя бы и прямо искали они общей государству пользы (что весьма можно есть), то, однако ж, таковым презрением всех, которые и честию фамилии, и знатными прислугами не меньше их суть, обесчестили и зело опорочили, понеже ни во что всех поставили или в числе дураков и плутов имели.

3) Делалось же то и скоро, и очень торопко. А толь важное дело требует многого и долгого рассуждения. Партикулярные дела обретаются, которых скоро рассудить и производить нельзя; а как государю царствовать и переменить форму государства — показалось дельце легкое. И невозможно так скоро пива сварить, как скоро они о сем определили.

4) Две на то сошлись фамилии: кто же не видит, что они партикулярных и приватных себе интересов искали; сие и утайки и скорости требовало: и для чего о сем не думано по смерти блаженной памяти государыни Екатерины; Петр Второй млад был, мощно было ему как некое учение предлагать о исправлении государства. Скажут, что опасно было, если бы не послушал: если же то скажут, то является страшная их затейка, и вина следующая:

5) Что они думали о Ее Величестве Анне, уже в народ деклярованной императрице; если бы она требованию их

отказала; нельзя что б не что думали легкое: а из того какие бы в народе восстали мятения, смуты, междоусобия; и чуть не пришло бы государство к крайнему разорению.

6) Если бы намеренная свадьба смерть государеву предварила: не минуло бы скипетро оставшей по нем вдовице. А отнимали бы у ей самодержавство, о том и думать дурно.

7) Великая их дерзость, что сами собою Верховного Совета вновь членов определили, государыни не дожидаясь. А сие дело едино государей есть. И тако они уже в чин царский самозванием вступили.

8) Прибавку же туую не из стороны, но из их же фамилий сделали. И се уже не подозрение, но явный вид, что они за приватными своими интересы гонялись. Им бы и самим надлежало прочь отступить и власти себе данной лишиться или, дабы отставлены были, просить государыни, чтоб от подозрения приватных искательств чисты быть могли; а то еще от себя же себе числа прибавили.

9) Да и посольство к государыне из своих же фамилий выправили. Кто ж так туп и глуп, кто бы zde не догадался, что делалось.

10) Бегло же посольство оное скоро так, что безмерный труд понесли — для чего ж таковое поспешение и прыткость? Ведь не для чего иного, только чтоб никто не упредил собою или письмом и не донес бы государыне, кто и с чем идет к ней. А сим сами и не хотя показали, что обмануть Ее Величество хотели, как было и сделали. Говорила же им их же самая совесть, что требование их злое: понеже к доброму обманное проводить не нужда. А труд их толикий в толь жестоком бегу даровый ли; явно, что интересы их приватные так их жестоко погоняли.

11) К тому же и сие делали, что все дороги заставами осаждали и заключили, и никого пропускать из Москвы, и письма обыскивать и обирать велели. Что было с великим народа удивлением. И сим опасством своим навели на государыню весьма недобрый порок, будто она, как малый отрок, что от кого ни услышит первее, тому и поверит. Да сим же своим поступком сделали всей нации Российской у иностранных народов стыд нестерпимый.

12) Доехав государыни, требование свое приватное и тайное и малого факции их числа нарекли народным, будто весь народ того требует. Которая же ложь может быть вяще бесстудная да и которая большая сия дерзость

быть может; так бесстыдно лгать, чтоб государыню обольстить.

13) Да еще обманы то сии способ другой придумали таковою дерзостию, каковой никто век бы не наделся. Сочинили письмо в Москве от лица Ее Величества, аки бы в Курляндии Ее секретарем писанное. Преклонили же, или, паче, понудили государыню свою подданные, чтобы письмо оное своеручно подписала. Подписанное скоро прислали в Москву, и тут, созвав народ, вслух прочтено: все же удивлялись: «И с чего писать так пришло на мысль государыне?» — а вероятно было, что письмо Ее Величества.

Еще же, и как Ее Величеству, сверх имени своего Анна, нечто пространшими речами оное письмо утвердить своеручно, по их прихотям и домогательствам, надлежало, и то сами сочинив на особливой бумажке подали Ей. И тако они господа именем народа обманули государыню в Курляндии, а именем государыни обманули народ в Москве; думай же кто хочет, что сие дело маловажное, непорочно же рукоподписание Ее Величества. Понеже она, поверив (а кто ж бы так дерзостной лжи надеялся), что того от Ее весь народ требует, не щадя славы и чести своей и много лишая себе владетельской свободы, подписалась; в чем Ее бесприкладное явилось к народу благоутробие, и от нас должное благодарение. А понеже Ее Величество по прибытии своем на престол узнав обману и подлог, тое ж письмо публично раздрать изволила, того ради и сугубо Ее Величеству благодарить мы должны.

14) Но что в оном письме написано и чего требовано; кроме их весьма тяжестных одолжений, положено и сие, чтоб она не шла замуж и по себе нарекла и оставила наследника. Видно же было из преждереченных, что приватные сих господ интересы искались: а от сего видно уже, и каковы интересы. Там же придано, что если подписанных артикулов государыня не исполнит, то была бы лишена короны Российской. О терпения твоего, боже! Кому бы и весьма пьяному сие могло взыйти на мысль, не то что дерзнуть писать, да еще предлагать именем всего народа, будто с государя содрать корону так легко, как с простого мужика мошеннику шапку схватить. Кто же не видит, куды затейки сии намерены были?

Сиричь не трудно государя подлогом навесьть на погрешение, не трудно же коварным людям и доброе государево дело на преступление протолковать, и так не трудно было

бы государыню на лишение короны осудить, которая казнь горшая смерти. Да и весьма опасно лишенного короны государя в живых оставлять. Вот куды шли умыслы сих отечества поборников! Да кто ж бы казни той экзекутором был; кто бы государыню с престола сводил и короны обнажал? И как бы сие могло стать без кровавого везде смущения, и придумать невозможно. Не посматривано ли где на низложение царя Василия Ивановича Шуйского? Да то таковое дело, что надобно бы оное у всех и наших и иностранных людей, если бы мощно, из памяти вынять и вечному забвению предать.

А если кто из оной факции себе исконникам своим в утверждение привел суд англичанский на короля их Карола первого, которого неслыханным дерзкой злобы прикладом окаянные подданные публично казнили смертью¹, то дабы мощно познать, как безбожный был тот у наших советник, надлежит вкратце известить, как рассуждали об оном нечестивом англичанском деле и разные народы, и сами англичане, которые ослеплены не были тьмою своих изменников.

Когда пойман и в заключении держан был король оный, а слух носился, что на смерть судят Его, многие из духовного и мирского чина лица знатные в Англии и словесно, и письменно тому спорили, яко пребеззаконному начинанию, за что многие от изменников грабления, изгнания и темницы страдали. Да некие и из темниц писали и противу богомерзкой оной затейки. Много же и от иных государств нарочно изданными книгами англичан от того отводили; и приходили из Шкоции² и Голландии послы, народов своих именем унимая оных клятвopеступников.

А когда уже о казни королевой всюды ведомости загремели 1649 года, везде по всем государствам и имя англичанское мерзостно стало, все народы не могли довольно удивиться тому и бесчисленные везде изданы книги, показуя, что злодеяние оное бесприкладное было, богомерзкое, бесовестное, безбожное и убиению Христову подобное. Сами же англичаны во вечное омерзение толикого беззакония устави́ли годовый праздник да печальный, в который с великим покаянием, постом и слезами богу молятся, да не отмстить им за толикий грех предков своих и за кровь помазанника своего. Празднуется то у них по всегодно, генваря в 30 день, как в их же требнике положено. Из чего мощно знать, что если в Совете наших сих затейщиков на пример заимствовано дело оное английское, равно и zde безбожная некая душа была, которая то похваляла. Но что бы ни было,

то известно, что снимать корону с государя есть дело весьма подобное помянутому делу англичанскому.

15) Да надлежало же сим требователям и на себя за преступление хотя штраф какой положить. Не положили никакого. Государыню самодержавию лишив, лишить намерены и короны за преступление: а себя ни суду, ни наказанию не поддали, и потому на свою компанию самодержавие перенесли. Где такие контракты делаются и между равными, не то что между подданными и государями? Нельзя сказать, что они, как и все прочие, подлежали бы наказанию по прежним уложениям: понеже в переменной владательства форме, не мощно бы знать, что осталось непреременное, и надлежало им о том помянуть. А если бы когда все они на некое зло согласились (а так малому числу согласиться нетрудно), кто бы их в так твердой властительской крепости достать возмог? Государыня, как то они же узаконяли, ничего важного без их соизволения делать не могла бы: то кольми бы паче не могла соцарствующих себе казнить или наказывать без их же соизволения, а на то их соизволения долго бы, чаю, дожидаться.

16) К так дерзкой и бесстыдной обмане придали еще они же господа явственно тиранское насильствие. Ибо не только, слышав Ее Величества приход, опять дороги оружными заставами заключили, будто бы неприятель на насшел, и опасаться бы, дабы кто к нему не перекинулся, но еще и всякими угрожения тем, которых думали себе в том противных, претили и знатных персон арестовали, и одного из них кавалерии обнажили. Чего как никто, кроме государей и отнимать не может. И тако они, господа, всячески в дела царской власти вступить не усумнились. И такой по Москве страх был, что ныне, как дело их затеачное упразднилось, один другого взаим поздравляют, аки бы самих себя воскресением своим.

17) Напоследок что и се, что и в дороге везли Ее Величество, слово в слово как бы пойманную зело виноватую персону: необычною скоростию, нимало не опасаясь нарушения здравия Ее, и в одних с нею санях сидели, и, что горшее, приехав в Москву, за караулом, почитай, держали, сами во дворце дневно, аки бы в другой свой дом переселясь, пребывая и ни с кем Ее Величество не допуская поговорить без своего их присутствия. И когда сие в государстве нашем бывало? И да помыслит всяк, для чего так делалось.

18) Слышно же, что они же, господа, формовали фор-

му присяги иную, от показанной февраля 20-го дня; и иную форму объявить они и их секретари должны, чтоб и вяще еще умыслы их увидеть можно.

19) Не надобно и сего умолчать, что некоторыми из них же фамилий и компании превеликие скарбы из дворцовой государевой казны похищены. А прочим им не могло то быть неизвестно. А однако, к тому не оспорено, за страх или не ведомо для чего. Какого же от них ожидать было полезного обществу правления?

Сие же все видя, да рассудят прочие Ее Величества верные подданные и добра народного рачители, каковым именем толь страшное умышление и действие назвать надлежит, и чего оно достойно, и каковое впредь от таковых затейщиков подобает иметь опасение, как всем нам, так и самой Ее Величества государыне милостивейшей.

Часть третья
«УСЛУГА ОТ ФЕЛЬДМАРШАЛА»

Арест Э. И. Бирона
1740 г.

В отечественной истории имя Бирона — одно из самых одиозных. С ним связывают все мрачные стороны царствования Анны Иоанновны — засилье иностранцев в органах управления, необыкновенный (разумеется, по скромным меркам XVIII века) разгул тайного сыска и преследований. Здесь не место всерьез анализировать эти обвинения, пытаться выяснить, что в них от истины, а что от досужей традиции. Критика в адрес царствующей особы часто принимает вид нападок на ее первого министра и фаворита. К тому же о ряде русских «правительствующих особ» мы знаем преимущественно от тех людей, которые были в высшей степени заинтересованы в создании им наиболее скверной репутации. Бирон, пожалуй, первый в этом ряду, но за ним следует Анна Леопольдовна, Иоанн Антонович, Петр III, Павел I... Удачливые организаторы дворцовых переворотов раздували до немыслимых размеров все политические ошибки свергнутых государей и регентов, как и непривлекательные черты их личностей. Историки, как правило, учитывают эти искажения, но в массовом сознании глубоко укореняются стереотипы, созданные в свое время отнюдь не ради объективной оценки того или иного исторического персонажа.

Что касается Бирона, то уже записки Натальи Долгоруковой показывают, как начинают создаваться легенды вокруг его имени, — вспомните рассказ о башмачном ремесле, которым якобы в совершенстве владел будущий регент. Говорили и о том, что он конюх, всем обязанный симпатии одинокой вдовствующей герцогини Анны. На самом деле род Бирона, хоть и небогатый и, возможно, не слишком древний (правда, к XVI веку он все-таки восходит) заметен в истории Курляндии. Его представители, как правило, выбирали военную службу в самой Курляндии или в Польше, нередко оказывались в окружении герцога, занимали придворные должности. Что касается будущего фаворита,

то он даже обучался какое-то время в Кенигсбергском университете. Но столь впечатляющей карьере он обязан, разумеется, тому, что нашел дорогу к сердцу дочери царя Иоанна, при скромном дворе которой он появился впервые в 1718 году. Бирон сразу же пустился интриговать, но не слишком удачно и потерял место. Только в 1724 году он возвращается в окружение Анны Иоанновны и теперь уже не покидает его вплоть до смерти императрицы. Ему легко далось то, чего тщетно добивался Меншиков, — в 1737 году он получил корону курляндского герцога. Руками Бирона и его сына осуществился план Петра I, стремившегося поставить прибалтийское герцогство в зависимость от России. В конце века Курляндия утратила и следы былой независимости, превратившись в одну из губерний Российской империи.

Бездетная Анна Иоанновна уже вскоре после вступления на престол стала задумываться о том, кому в будущем может перейти российская корона. В качестве возможной наследницы стала фигурировать дочь старшей сестры царицы — той самой Екатерины Мекленбургской, что заставила Анну Иоанновну немедленно подписать прошение дворянства на памятной аудиенции 25 февраля 1730 года. Юная принцесса Елизавета-Екатерина-Кристина по распоряжению тетки приняла православие в 1733 году и получила новое имя в честь венценосной родственницы — Анна. Однако отношения императрицы с племянницей складывались непросто и в итоге после кончины старшей Анны корона в обход младшей и ее супруга — принца Антона-Ульриха — перешла к их только что родившемуся сыну Иоанну. Родители наследника даже не получили регентства или хотя бы участия в регентском совете — эти права сосредоточил у себя Бирон.

Конечно, не стоит доверчиво относиться к рассказу свергнутого Бирона о том, как ему чуть ли не силой навязали регентство, но нет оснований и считать, что он его сам узурпировал. Немало высших лиц в государстве были заинтересованы в сохранении власти у герцога, другое дело, что он был весьма непопулярен и среди гвардейцев, и у многих статских чиновников в государственных учреждениях. Что касается покорителя Хотина и Очакова фельд-маршала Миниха, то он также сыграл свою роль в утверждении Бирона регентом. Миних успел послужить чуть ли не в половине европейских армий, прежде чем оказался на русской службе. Сближение с Остерманом сильно помогло

ему выдвинуться при Анне Иоанновне. В качестве командующего русскими войсками Миних первый в плеяде российских полководцев, успешно воевавших против Турции в течение почти всего XVIII века. Он смыл горечь поражения Петра I в Прутском походе, но смыл потоками русской крови — потери от боев и болезней его войска несли чудовищные. Трудно сказать, отказался бы Миних от принятого решения свергнуть Бирона в случае, если бы ему вовремя передали желание регента заплатить за него все долги. Но в любом случае неожиданное решение фельдмаршала стать на сторону Брауншвейгской фамилии — то есть Анны Леопольдовны и ее мужа в их конфликте с Бироном — говорит прежде всего о том, что Миних хорошо понимал зыбкость положения нового регента.

Склонности Миниха к эффектным поступкам, о которой говорит его адъютант Манштейн, мы обязаны созданием, так сказать, образца военного дворцового переворота. При последующих насильственных переменах правления в России заговорщики сознательно или невольно следовали этому образцу. Менялось число участников авантюры, приносились какие-то особенности в ход событий, но схема, «составленная» Минихом, оказалась удивительно живучей.

Блеск переворота Миниха состоял и в том, что Бирон давно опасался претензий военных влиять на высшую власть в империи. Предосторожностью герцога объясняется создание в 1730 году третьего гвардейского полка — Измайловского. В противовес петровской лейб-гвардии в Измайловский полк брали преимущественно «из лифляндцев и курляндцев и прочих наций иноземцев». Кроме того, Бирон надеялся умерить политические аппетиты гвардии, изменив ее социальный состав. «Проявляя заботу» о российском дворянстве, он считал зазорным службу для него в гвардейских полках не на офицерских должностях. Если раньше в гвардии и рядовые были дворяне, то Бирон стремился таких рядовых переводить офицерами в армейские полки, а вместо них набирать в гвардию обыкновенных рекрутов. Замысел был неплох, но дворцовые перевороты 1741 и 1762 годов показали, что «крестьянская» гвардия политизируется не хуже, чем «дворянская». Занятно и то, что Измайловский полк, создававшийся именно для гарантии от смут внутри гвардий, первым поднимет мятеж против Петра III в 1762 году.

Миних, похоже, обладал даром политической демагогии.

Если верить материалам следствия, проводившегося уже при Елизавете, фельдмаршал морочил голову солдатам, объясняя, что в их воле ставить и низлагать императоров, что править будет тот, кого они сами укажут — будь то принцесса Елизавета или герцог Голштинский, ее племянник. Воспользовавшись популярным у гвардейцев именем дочери Петра, фельдмаршал повел их на переворот, несколько не соответствовавший интересам Елизаветы. Но гвардейцы запомнили слова Миниха о своей власти менять династии, что они хорошо доказали спустя всего лишь год. Такие последствия можно было предвидеть уже из того, что Анна Леопольдовна жаловала деньгами солдат караула Бирона за то, что они *не выполнили свой прямой долг* — следовать присяге. Это поощрение ярко показывает подлинное место гвардии — она не столько вооруженная сила в руках правительства, сколько продолжение придворного штата, руководствующееся законами интриги, а не воинским уставом.

Судьба зло посмеялась над «изобретателем» военного дворцового переворота в Российской империи — впоследствии Миних дважды оказывался в лагере тех, кого как раз свергали именно таким образом. Мы не сочли возможным выделять в самостоятельный раздел рассказ о том, как Миних был отстранен от власти, хотя и это иногда называют «дворцовым переворотом». Мирно прошедшая отставка Миниха являлась, в сущности, наградой за проявленную инициативу: слабое правительство Анны Леопольдовны не могло не опасаться человека, продемонстрировавшего в высшей степени убедительно способность с кучкой солдат произвести государственный переворот. К тому же и Бирон, ожидавший удара откуда угодно, но только не от Миниха, не мог простить предательства и так расписывал при допросах коварство фельдмаршала, его двуличие, что, похоже, запугал как следователей, так и правительницу созданным им ради отмщения образом Миниха.

Говорили, что Бирон каждую ночь спустя много месяцев после ареста просыпался в холодном поту в тот самый час, когда в его спальню вломился Манштейн со своими гренадерами...

И Миних, и Бирон вернулись в Петербург одновременно, и, как записал очевидец в своем дневнике под датой 31 марта 1762 года, «граф Миних и Бирон курьезно увиделись в первый раз во дворце». Наверное, это было действительно курьезно.

⟨...⟩ Она¹ умерла в полном сознании, не думая, что жизнь ее находится в опасности. Последние произнесенные ею слова были: «Прости, фельдмаршал!»

Она придала своему двору пышность, построила императорский дворец, умножила гвардию Измайловским и Конногвардейским полками, значительно увеличила артиллерию, содержала в блестящем состоянии войско и флот, учредила кадетский корпус и, умирая, оставила в своей казне два миллиона наличными деньгами.

Герцог Курляндский, граф Остерман и князь Алексей Михайлович Черкасский составили от имени императрицы духовное завещание.

Остерман, который под предлогом, что болезнь ног мешает ему ходить, в течение многих лет не выезжал из своего дома, приказал внести себя в креслах во дворец к изголовью постели императрицы за несколько часов до ее кончины. Здесь он вынул из кармана бумагу и спросил государыню, не угодно ли ей позволить, чтобы он прочитал ей ее завещание. Императрица спросила: «Кто писал это завещание?» Доказательство, что она не приказывала этого и что духовная была составлена без ее ведома.

Остерман приподнялся с кресел и, поклонившись, отвечал: «Ваш нижайший раб».

Затем он начал читать завещание, и когда дошел до той статьи, которою герцог Курляндский назначался регентом на шестнадцать лет до совершеннолетия юного государя Ивана Антоновича, то императрица спросила герцога Бирона: «Надобно ли это тебе?» Доказательство, что императрица не думала готовить подобную будущность для герцога.

Предполагают, что императрица, находившаяся в большой слабости, подписала это завещание, а герцогиня Курляндская заперла его в шкаф², где хранились драгоценности государыни.

После этого Остерман приказал перенести себя в приемную императрицы, где уже собрались все вельможи, извещенные врачами о том, что императрица была при смерти. Адмирал граф Головин и обер-штальмейстер князь Куракин, обратясь к Остерману, сказали: «Мы желали бы знать, кто наследует императрице?» — «Молодой принц Иван Антонович», — отвечал Остерман, но при этом ни слова не сказал

ни о завещании, ни о назначении герцога Курляндского регентом империи, и потому все ожидали, что императрица назначит своею наследницею племянницу свою принцессу Анну Мекленбургскую. Но это не согласовалось с видами Бирона, который, не довольствуясь тем, что сделался герцогом Курляндским, хотел управлять Российской империею, а Остерман и Черкасский рассчитывали устроить через это свое благосостояние.

45

На другой день, 18 октября 1740 года, когда все вельможи собрались во дворец, Остерман по-своему объявил им о кончине императрицы. Вышеупомянутое духовное завещание было прочитано; войска стояли под ружьем; герцог Курляндский был признан регентом России, а принц Иван — императором. Все сановники подписали присягу в верности, к которой были затем приведены гвардейские войска, коллегии и проч. согласно с обычаем, установленным в России. <...>

ПРАВЛЕНИЕ РЕГЕНТА ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКОГО

48

Мы видели выше, что 18 октября 1740 года этот вельможа был признан и объявлен регентом Российской империи в силу завещания императрицы Анны. Он принес присягу в качестве регента перед фельдмаршалом графом Минихом.

Он лично председательствовал в кабинете, членами которого тогда были граф Остерман, князь Черкасский и Алексей Петрович Бестужев, во всем содействовавший герцогу и по его указанию назначенный императрицею кабинет-министром для того, чтобы уравновесить власть Остермана, о котором ее величество говорила всегда, что он лукав и не может никого терпеть около себя.

В одном из пунктов завещания императрицы было сказано, чтобы герцог-регент обходился с племянницей ее, принцессой Анной, и принцем, ее супругом, почтительно и сообразно с их положением и званием; но герцог поступал совершенно напротив: он обращался с ними высокомерно, постоянно осыпал угрозами, и я видел сам, как принцес-

са трепетала, когда он входил к ней. Так как герцог уже стоил империи многих миллионов в бытность свою только обер-камергером, то сановники внушили принцессе, что теперь, сделавшись на шестнадцать лет регентом и правителем империи, он, по всем вероятностям, вытянет из России, по крайней мере, еще шестнадцать миллионов, если не более. Так как другим пунктом того же завещания герцог и министры были уполномочены по достижении молодым принцем Иоанном семнадцатилетнего возраста испытать его способности и обсудить, в состоянии ли он управлять империей, то никто не сомневался, что герцог найдет средство представить молодого принца слабоумным и, пользуясь своей властью, возведет на престол сына своего принца Петра, который два года тому назад должен был, как говорили, жениться на принцессе Анне. Таким образом, принцессу убедили, что для блага государства следует арестовать регента Бирона и отправить его с семейством в ссылку, а вместо него сделать герцогом Курляндским принца Людовика Брауншвейгского.

Вследствие этого регент, как мы увидим ниже, был арестован в ночь с 7 на 8 ноября.

ХАРАКТЕР РЕГЕНТА ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКОГО БИРОНА

49

Этот человек, сделавший столь удивительную карьеру, не имел вовсе образования, говорил только по-немецки и на своем природном курляндском наречии; он даже довольно плохо читал по-немецки, в особенности же если при этом попадались латинские или французские слова. Он не стыдился публично говорить при жизни императрицы Анны, что не хочет учиться читать и писать по-русски для того, чтобы не быть обязанным читать ее величеству прошений, донесений и других бумаг, присылавшихся ему ежедневно.

У него были две страсти: одна весьма благородная — к лошадям и верховой езде; в бытность свою обер-камергером он отлично выезжал себе лошадей и почти каждый день упражнялся в верховой езде в манеже, куда императрица очень часто приезжала и куда, по ее приказанию, иногда являлись министры для представления к ее подписи государственных бумаг, изготовленных в кабинете. Герцог убедил ее величество сделать большие издержки на устройство конских заводов в России, где был недостаток

в лошадях. Племенные жеребцы для заводов доставлялись из Испании, Англии, Неаполя, Германии, Персии, Турции и Аравии. Было бы желательно, чтобы эти великолепные заводы поддерживались и после него.

Вторая страсть его была — игра. Он не мог провести ни одного дня без карт и играл вообще в большую игру, находя в этом свои выгоды, что ставило часто в весьма затруднительное положение тех, кого он выбирал своими партнерами.

Он был довольно красивой наружности, вкрадчив и очень предан императрице, которую никогда не покидал, не оставив около нее вместо себя своей жены. Императрица не имела вовсе стола, но обедала и ужинала с семейством Бирона и даже в комнатах своего фаворита. Он жил великолепно, но вместе с тем был бережлив, весьма коварен и крайне мстителен, доказательством чему служит жестокая участь кабинет-министра Волынского и его друзей, вся вина которых заключалась только в том, что они желали удалить Бирона от двора.

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ РЕГЕНТЕ ГЕРЦОГЕ БИРОНЕ

59

Регент, как мы уже сказали выше, в гл. 48, каждый день присутствовал в кабинете. Его министрами были те же лица, которые занимали эти должности в царствование императрицы Анны, т. е. граф Остерман, Черкасский и Бестужев.

Он был уверен в преданности к нему гвардии; я командовал Преображенским полком, а моим помощником был майор Альбрехт — его креатура и шпион; Семеновский полк находился под начальством генерала Ушакова, весьма преданного Бирону; Измайловским полком командовал Густав Бирон, брат герцога, а Конногвардейским — сын его принц Петр, но так как он был еще очень молод, то обязанности полкового командира исполнял за него Ливен, курляндец, впоследствии фельдмаршал.

Однако тотчас же как Бирон сделался регентом, против него составил заговор, в котором принял участие секретарь принца Брауншвейгского Грамматин, что было одною из причин грубого обращения герцога с принцем и принцессой Анной. Секретарь и его сообщники, подверг-

нутые допросу и пытке, сознались во всем. Этим началось регентство Бирона.

Будучи врагом прусского короля, он вступил в новые сделки с венским двором, оставшиеся, однако, без последствий, потому что регентство его продолжалось только двадцать дней, с 18 октября по 7 ноября, когда он был арестован и на другой же день отправлен в Шлиссельбург, а затем в Пелым в Сибири. Место его заключения было выбрано ему мнимым другом его князем Черкасским, который прежде находился губернатором в Тобольске и знал все места, где обыкновенно содержались лица, навлекавшие на себя немилость.

ПРАВЛЕНИЕ ПРИНЦЕССЫ АННЫ МЕКЛЕНБУРГСКОЙ

51

Выше мы видели, что поведение регента герцога Бирона побудило благонамеренных лиц представить принцессе Анне, матери юного императора, что для блага государства необходимо удалить Бирона и его семейство.

Принцесса, подвергаемая вместе с принцем, своим супругом, постоянным оскорблениям со стороны Бирона, одобрила это предложение. Так как регент жил в Летнем дворце и имел при себе караул от Преображенского полка, которым я командовал, то принцесса в ночь с 7 на 8 ноября приказала мне арестовать его, что и было исполнено в полночь. Герцог был отвезен в Зимний дворец, где жила принцесса, а на другой день отправлен в Шлиссельбург.

В тот же день 8 ноября, когда все сановники собрались во дворец, принцесса Анна, племянница императрицы Анны Ивановны, была объявлена великой княгиней и правительницей российской империи. Все государственные сословия принесли ей, а равно и молодому императору Ивану Антоновичу, присягу на верность; когда гвардия исполнила этот долг, то молодой принц был показан ей в окно.

Из записок К. Г. Манштейна

На следующий день после кончины императрицы Анны Сенат, духовенство и все сколько-нибудь знатные люди Петербурга были созваны в Летний дворец (где императрица провела последние месяцы своей жизни). Войска были

поставлены под ружье, и герцог Курляндский обнародовал акт, которым он объявлялся регентом империи до тех пор, покуда императору Иоанну III не исполнится семнадцати лет. Все присягнули новому императору на подданство, и первые дни все шло обычным порядком, но так как герцог был всеми вообще ненавидим, то многие стали вскоре роптать.

Регент, имевший шпионов повсюду, узнал, что о нем отзывались с презрением, что несколько гвардейских офицеров, и преимущественно Семеновского полка, которого принц Антон-Ульрих был подполковником, говорили, что они охотно будут помогать принцу, если он предпримет что-либо противу регента. Он узнал также, что принцесса Анна и супруг ее были недовольны тем, что их отстранили от регентства. Это обеспокоило его, и он приказал арестовать и посадить в крепость нескольких офицеров; в числе их находился и адъютант принца по имени Грамматин. Генералу Ушакову, президенту Тайной канцелярии, и генерал-прокурору князю Трубецкому было поручено допросить их со всею возможною строгостью; некоторых наказали кнутом, чтобы заставить их назвать других лиц, замешанных в этом деле. Во все время этого регентства почти не проходило дня, чтобы не было арестовано несколько человек.

Принцу Антону-Ульриху, бывшему генерал-лейтенантом армии, подполковником гвардии и шефом кирасирского полка, было приказано написать регенту просьбу об увольнении от занимаемых им должностей; но этого было еще недостаточно. Регент велел дать ему совет — не выходить из своей комнаты или, по крайней мере, не показываться на публике.

Регент имел с царевною Елисаветою частые совещания, продолжавшиеся по нескольку часов; он сказал однажды в присутствии многих лиц, собравшихся у него вечером, что если принцесса Анна будет упрямиться, то ее отправят с ее принцем в Германию и вызовут оттуда герцога Голштейнского, чтобы возвести его на престол.

Герцог Курляндский (давно уже желавший возвести на престол свое потомство) намеревался обвенчать царевну Елисавету со своим старшим сыном и выдать свою дочь за герцога Голштейнского, и я думаю, что если бы ему дали время, то он осуществил бы свой проект вполне счастливо.

Принцесса Анна и супруг ее находились все это время в большой тревоге, но она вскоре прекратилась.

Фельдмаршал Миних, бывший в числе людей, принимавших самое живое участие в том, чтобы предоставить регентство герцогу Курляндскому, вообразил, что, лишь только власть будет в руках последнего, он может получить от него все, чего ни пожелает; что герцог будет только носить титул, а власть регента будет принадлежать фельдмаршалу. Он хотел руководить делами с званием генералиссимуса всех сухопутных и морских сил. Все это не могло понравиться регенту, знавшему фельдмаршала слишком хорошо и слишком опасавшегося его для того, чтобы возвести его в такое положение, в котором он мог бы вредить ему; поэтому он не исполнил ни одной из его просьб. Видя фельдмаршала Миниха простирались еще далее при жизни императрицы Анны; когда он вступил с войском в Молдавию, еще до покорения этой страны он предложил ее величеству сделать его господарем этой провинции, и если бы она осталась за Россией, то он, вероятно, получил бы этот титул. Но вынужденный по заключении мира вернуться в Украину, он задался гораздо более странным намерением. Он просил себе титул герцога Украинского и высказал свое намерение герцогу Курляндскому, подавая ему прошение на имя императрицы. Выслушав об этом доклад, государыня сказала:

— Миних еще очень скромен, я думала, что он просит титул великого князя Московского¹.

Она не дала другого ответа на это прошение, и о нем не было более речи.

Видя свои надежды обманутыми, фельдмаршал принял другие меры. Он предлагал принцу Антону-Ульриху от имени герцога Курляндского просить об отставке; он же велел своему секретарю написать записку, и так как регент часто поручал ему дела, касавшиеся принцессы и ее супруга, то это доставило ему случай говорить с ними о несправедливостях регента.

Однажды, когда Миних снова объявил принцессе какое-то дурное известие от имени регента, она стала горько жаловаться на все неприятности, которые ей причиняли, прибавляя, что она охотно оставила бы Россию и уехала бы в Германию со своим супругом и сыном, так как ей приходится ожидать одних лишь несчастий, покуда бразды правления будут находиться в руках герцога Курляндского. Фельдмаршал, выжидавший только случая, чтобы открыться ей, отвечал, что ее императорское высочество действительно не может ничего ожидать от регента, что, однако, ей

не следует падать духом и что если она положится на него, то он скоро освободит ее от тиранства герцога Курляндского. Принцесса приняла не колеблясь его предложения, предоставив фельдмаршалу вести все это дело, и было решено, что регента арестуют, как только представится к тому благоприятный случай.

Фельдмаршал продолжал усердно угождать регенту, выказывая к нему большую привязанность и даже доверие, и герцог со своей стороны хотя и не доверял графу Миниху, но был чрезвычайно вежлив с ним, часто приглашал его обедать, а по вечерам они беседовали иногда до десяти часов. При разговорах их присутствовали лишь немногие пользовавшиеся доверием лица. Накануне революции, случившейся 18-го ноября (7-го ноября ст. ст.), фельдмаршал Миних обедал с герцогом и при прощании герцог попросил его вернуться вечером. Они засиделись долго, разговаривая о многих событиях, касавшихся настоящего времени. Герцог был весь вечер озабочен и задумчив. Он часто переменил разговор, как человек рассеянный, и ни с того ни с сего спросил фельдмаршала, не предпринимал ли он во время походов каких-нибудь важных дел ночью. Этот неожиданный вопрос привел фельдмаршала почти в замешательство; он вообразил, что регент догадывается о его намерении; оправившись, однако, как можно скорее, так что регент не мог заметить его волнения, Миних отвечал, что он не помнит, чтобы ему случалось предпринимать что-нибудь необыкновенное ночью, но что его правилом было пользоваться всеми обстоятельствами, когда они кажутся благоприятными.

Они расстались в 11 часов вечера, фельдмаршал — с решимостью не откладывать долее своего намерения погубить регента, а последний твердо решил не доверять никому, отдалить всех, кто мог бы возбудить в нем подозрение, и утвердить все более и более свое полновластие, возведя на престол царевну Елисавету или герцога Голштейнского, так как он видел, что иначе ему будет невозможно сохранить свою власть, ибо число недовольных увеличивалось вокруг него с каждым днем. Но так как он не хотел ничего предпринимать до похорон императрицы, то враги его успели предупредить его. Фельдмаршал Миних был убежден, что его сошлют первого, поэтому он хотел нанести удар, не теряя времени.

Возвратясь из дворца, фельдмаршал сказал своему адъютанту подполковнику Манштейну, что он будет нужен

на другой день рано утром; он послал за ним в два часа пополуночи. Они сели вдвоем в карету и поехали в Зимний дворец, куда после смерти императрицы был помещен император и его родители. Фельдмаршал и адъютант его вошли в покои принцессы через ее гардеробную. Он велел разбудить девицу Менгден, статс-даму и любимицу принцессы; поговорив с Минихом, она пошла разбудить их высочества, но принцесса вышла к Миниху одна; поговорив с минутой, фельдмаршал приказал Манштейну призвать к принцессе всех офицеров, стоявших во дворце на карауле; когда они явились, то ее высочество высказала им в немногих словах все неприятности, которые регент делал императору, ей самой и ее супругу, прибавив, что так как ей было невозможно и даже постыдно долее терпеть эти оскорбления, то она решила арестовать его, поручив это дело фельдмаршалу Миниху, и что она надеется, что офицеры будут помогать ему в этом и исполнять его приказания.

Офицеры без малейшего труда повиновались всему тому, чего требовала от них принцесса. Она дала им поцеловать руку и каждого обняла; офицеры спустились с фельдмаршалом вниз и поставили караул под ружье. Граф Миних объявил солдатам, в чем дело. Все громко отвечали, что они готовы идти за ним всюду. Им приказали зарядить ружья; один офицер и 40 солдат были оставлены при знамени, а остальные 80 человек вместе с фельдмаршалом направились к Летнему дворцу, где регент еще жил. Шагах в 200 от этого дома отряд остановился; фельдмаршал послал Манштейна к офицерам, стоявшим на карауле у регента, чтобы объявить им намерения принцессы Анны; они были так же сговорчивы, как и прочие, и предложили даже помочь арестовать герцога, если в них окажется нужда. Тогда фельдмаршал приказал тому же подполковнику Манштейну стать с одним офицером во главе отряда в 20 человек, войти во дворец, арестовать герцога и в случае малейшего сопротивления с его стороны убить его без пощады.

Манштейн вошел и во избежание слишком большого шума велел отряду следовать за собой издали; все часовые пропустили его без малейшего сопротивления, так как все солдаты, зная его, полагали, что он мог быть послан к герцогу по какому-нибудь важному делу; таким образом он прошел сад и беспрепятственно дошел до покоев. Не зная, однако, в какой комнате спал герцог, он был в большом затруднении, недоумевая, куда идти. Чтобы избежать шума и не возбудить никакого подозрения, он не хотел также ни

у кого спросить дорогу, хотя встретил нескольких слуг, дежуривших в прихожих. После минутного колебания он решил идти дальше по комнатам в надежде, что найдет наконец то, чего ищет. Действительно, пройдя еще две комнаты, он очутился перед дверью, запертою на ключ; к счастью для него, она была двустворчатая и слуги забыли задвинуть верхние и нижние задвижки; таким образом, он мог открыть ее без особенного труда. Там он нашел большую кровать, на которой глубоким сном спали герцог и его супруга, не проснувшиеся даже при шуме растворившейся двери.

Манштейн, подойдя к кровати, отдернул занавесы и сказал, что имеет дело до регента; тогда оба внезапно проснулись и начали кричать изо всей мочи, не сомневаясь, что он явился к ним с недобрым известием. Манштейн очутился с той стороны, где лежала герцогиня, поэтому регент соскочил с кровати, очевидно, с намерением спрятаться под нее; но тот поспешно обежал кровать и бросился на него, сжав его как можно крепче обеими руками до тех пор, пока не явились гвардейцы. Герцог, став наконец на ноги и желая освободиться от этих людей, сыпал удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладов, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его голого до гауптвахты, где его накрыли солдатскою шинелью и положили в ожидавшую его тут карету фельдмаршала. Рядом с ним посадили офицера и повезли его в Зимний дворец.

В то время, когда солдаты боролись с герцогом, герцогиня соскочила с кровати в одной рубашке и выбежала за ним на улицу, где один из солдат взял ее на руки, спрашивая у Манштейна, что с нею делать. Он приказал отвести ее обратно в ее комнату, но солдат, не желая утруждать себя, сбросил ее на землю в снег и ушел. Командир караула нашел ее в этом жалком положении, он велел принести ей ее платье и отвести ее обратно в те покои, которые она всегда занимала.

Лишь только герцог двинулся в путь, как тот же подполковник Манштейн был послан арестовать младшего брата его Густава Бирона, который находился в Петербурге. Он был подполковником гвардейского Измайловского полка. Это предприятие следовало исполнить почти с большими предосторожностями, нежели первое, так как Бирон пользовался любовью своего полка и у него в доме был караул

от полка, состоявший из одного унтер-офицера и 12-ти солдат. Действительно, часовые вначале сопротивлялись, но их схватили, грозя лишить их жизни при малейшем шуме. После этого Манштейн вошел в спальню Бирона и разбудил его, сказав, что должен переговорить с ним о чрезвычайно важном деле. Подведя его к окну, он объявил, что имеет приказание арестовать его. Бирон хотел открыть окно и начинал кричать, но ему объявили, что герцог арестован и что его убьют при малейшем сопротивлении; между тем вошли солдаты, остававшиеся в соседней комнате, и доказали ему, что ничего не оставалось делать, как повиноваться. Ему подали шубу, посадили его в сани и повезли также во дворец.

В то же время капитан Кенигфельс, один из адъютантов фельдмаршала, догнавший его в то время, когда он возвращался с герцогом, был послан арестовать графа Бестужева. Герцога поместили в офицерскую дежурную комнату, брату его и Бестужеву были отведены отдельные комнаты, где они оставались до четырех часов пополудни, когда герцог с семейством (исключая старшего сына, который был болен и оставался в Петербурге до выздоровления) был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, остальных арестантов отослали в места, мало отдаленные от столицы, где они пробыли до окончания следствия.

Лишь только герцог был арестован, как всем находившимся в Петербурге войскам был отдан приказ стать под ружье и собраться вокруг дворца. Принцесса Анна объявила себя великой княгиней России и правительницей империи на время малолетства императора. В то же время она возложила на себя цепь ордена св. Андрея, и все снова присягнули на подданство, в каковой присяге была упомянута великая княгиня, чего не было сделано прежде по отношению к регенту. Не было никого, кто бы не выражал своей радости по случаю избавления от тирании Бирона, и с этой минуты всюду водворилось большое спокойствие; на улицах были даже сняты пикеты, расставленные герцогом Курляндским для предупреждения восстаний во время его регентства. Однако нашлись люди, предсказывавшие с самого начала революции, что она не будет последнею и что те, кто наиболее потрудились для нее, может быть, падут первыми. Впоследствии оказалось, что слова их были справедливы.

Великая княгиня отдала в тот же день приказание арестовать также генералов Бисмарка и Карла Бирона; пер-

вый был близкий родственник герцога, женившись на сестре герцогини, и занимал в Риге должность тамошнего генерал-губернатора. Второй был старшим братом герцога и начальствовал в Москве; он был величайшим врагом брата во время его могущества, но, несмотря на это, разделил его падение.

Герцог Курляндский, подозревавший, как я сказал выше, что против него намерены что-то предпринять, приказал караульным офицерам никого не пропускать во дворец после того, как он удалится в свои покои; часовым было приказано арестовать тех, которые могли прийти, и в случае сопротивления убить на месте того, кто стал бы противиться. В саду под окнами регента стоял караул из одного офицера и 40 человек солдат, и вокруг всего дома были расставлены часовые. Несмотря на все эти предосторожности, он не мог избежать своей судьбы.

Я знал очень близко того, кто принимал главным образом участие в этом деле; он признался мне, что не мог понять, как все это могло обойтись так легко, ибо, судя по всем принятым мерам, дело это не должно было удасться: если бы один только часовой закричал, то все было бы проиграно.

Удивительно даже, каким образом гр. Миних и его генеральс-адъютант были пропущены в Зимний дворец, так как по ночам вокруг него расставлялся также караул и часовые, которые не должны были пропускать туда кого бы то ни было. Правда, фельдмаршал избрал для ареста герцога тот день, когда у молодого императора и регента стоял в карауле тот полк, в котором он был подполковником, и генеральс-адъютант его был известен каждому солдату в этом полку. Но несмотря на это, если бы один только человек исполнил свой долг, то предприятие фельдмаршала не удалось бы; это-то нерадение гвардейцев, на которое не было обращено внимание при великой княгине, и облегчило тот переворот, который год спустя предприняла царица Елисавета.

Гораздо легче было бы арестовать герцога среди бела дня, так как он часто посещал принцессу Анну в сопровождении одного только лица. Графу Миниху или даже какому-нибудь другому надежному офицеру стоило только дожидаться его в прихожей и объявить его арестованным при выходе от принцессы. Но фельдмаршал, любивший, чтобы все его предприятия совершались с некоторым блеском, избрал самые затруднительные средства.

22-го ноября принцесса пожаловала несколько произ-

водств и наград. Супруг ее принц был объявлен генералиссимусом всех сухопутных и морских сил России. Граф Миних получил пост первого министра. Граф Остерман — незанятую уже много лет должность генерал-адмирала. Князь Черкасский был пожалован в канцлеры; место это не было занято со смерти графа Головкина. Граф Михаил Головкин, сын покойного канцлера, был возведен в вице-канцлеры. Многие другие получили большие награды чистыми деньгами или поместьями; все офицеры и унтер-офицеры, принимавшие участие в аресте герцога, получили повышения* . Солдатам, стоявшим в карауле, дано денежное вознаграждение.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 25 октября (5 ноября) 1740 года

⟨...⟩ Герцог Курляндский, расточая подобные милости всякого рода, утверждает, кроме того, свою власть и принудительными мерами. Внимание, которого герцог Брауншвейгский мог бы, по-видимому, ждать от него, не только его не останавливает, а как бы подстрекает. Может быть, он охотно воспользовался случаем дать почувствовать этому принцу зависимость, в которой тот находится. Его генерал-адъютант был заключен третьего дня в крепости, так же как значительное число гвардейских офицеров, вместе с Яковлевым, бывшим секретарем коллегии иностранных дел. Он же был назначен тайным советником при крещении принца Ивана.

Питейные дома, которые были закрыты в течение нескольких дней, теперь снова открылись. Шпионы, которых там держат, ежедневно хватают и ведут в тюрьму всех тех, кого раздражение или водка побуждает отважиться на малейшее неуместное выражение.

Так как гвардия не пользуется доверием, то было приказано ввести в город шесть батальонов армии, два из которых находятся уже здесь, а кроме того, двести драгун. Боясь, однако, чтобы гвардейцы не заподозрили питаемого к ним недоверия, фельдмаршал Миних обратился к ним с

* Подполковник Манштейн получил полк и прекрасные поместья, которые отняли у него при восшествии на престол императрицы Елисаветы.

речью и выставил при этом странный предлог, что они находятся на службе лишь при особе монарха, и герцог Курляндский решился на такую меру ради того только, чтобы облегчить их и уменьшить тягость их службы. Такой довод не произвел, по-видимому, желаемого действия.

Драгуны непрерывно совершают ночью разъезды. Другие войска, явившиеся уже сюда или здесь ожидаемые, предназначаются для отбывания караулов, достаточно близко друг от друга для того, чтобы подать в случае надобности помощь друг другу; их расположили и расположат в различных кварталах города.

Прибегать к таким предосторожностям тем более может быть благоразумно, что брожение среди народа весьма сильно. Гвардейские солдаты говорят смелей, чем когда бы то ни было, и им не смеют ничего сделать: как народ, так и солдаты высказываются довольно открыто, что ничего не надо предпринимать до тех пор, пока «матушка», их царица, не будет опущена в землю. Тогда, исполнив должное по отношению к монархической власти, вся гвардия соберется вместе, и там видно будет, что произойдет. <...>

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 1 (12) ноября 1740 года

<...> Полагают, что в гвардии Преображенского полка составилась заговор; это первый полк, и командует им граф Миних. Цель заговора, как присовокупляют, состояла в убийстве герцога Курляндского и фельдмаршала Миниха. Девять офицеров этого полка были заключены в крепость, подверглись самому жестокому наказанию кнутом и, как уверяют, раздражение графа Миниха дошло до того, что, находясь свидетелем этого наказания вместе с генерал-прокурором и генералами Ушаковым и Бироном, он не мог вдоволь упиться страданиями, причинявшимися этим офицерам. <...>

Милости, пожалованные до сих пор, произвели значительную перемену течения. Лица, которые, как я знал, ратовали против герцога Курляндского и клялись его погубить, заговорили теперь, как мне сообщают, совершенно иным языком. Этот принц, по их мнению, подходит более всякого другого для звания регента, так как уже давно он находится во главе всех дел; принц Брауншвейгский слабоумен, а со-

вет регентства лишь ускорил бы возникновение смуты. Они также замечают в похвалу герцогу Курляндскому, что с его стороны необходимо много трудолюбия и заботы о государственных делах, чтобы заведовать разом столькими отраслями управления и не упускать их из виду. Это обстоятельство служит гарантией для вышеупомянутых лиц, что начинания регента будут сопровождаться и другими мерами, которые все более и более обеспечат благополучие подданных относительно устройства их общественных дел, в этом случае можно заметить, насколько здешние жители делаются легковверны и увлекаются фантазиями, как только им дают возможность вздохнуть. <...>

Из записок Э. Миниха

8 числа ноября пред полуднем поехал он¹ к принцессе, представил ей, какой опасности не токмо все верные служители императорских родителей, но также и сама она подвержены в случае, когда герцог Курляндский далее в регентстве останется, и вызвался, буде ей токмо угодно, предать герцога арестантом в ее руки. Но дабы офицерам и солдатам, которых он к тому употребить намерен, придать большей бодрости, просил он благоволения присутствовать ей при том персонально. Чем меньше принцесса такового предложения ожидала, тем приятнее оное ей было. Но только не могла решиться, чтобы самой туда поехать. Между тем договорились, чтоб отец мой в наступающую ночь приехал опять к принцессе, взял от нее с караула потребную команду и с оною регента арестовал. После чего отец мой, присоветовав ей никому, и даже ее супругу, ни слова о том не сказывать, откланялся и поехал прямо к герцогу почтение свое отдать и, что того страннее,— в тот же самый день у него обедал.

После стола отец мой, возвратясь в свой дом, ожидал ночи с великою нетерпеливостью. Между тем жена моя, которая столь же мало, как и я, о том ведала, обще с бароншею Менгден, свояченицею моею, поехала к герцогине, ужинала у нее вместе с регентом и почти до полуночи с ними просидела. При сем случае герцог приказал чрез жену мою сказать ее свекру, а моему отцу, что как скоро погребение императрицы отправлено будет, то он повелит выдать ему нарочитую сумму денег на уплату его долгов. Когда же жена моя поздно домой приехала и считала, что

отец мой уже спит, то исполнение своего препоручения отложила до другого утра.

Около двух часов пополуночи отец мой с одним токмо тогдашним генеральс-адъютантом своим подполковником Манштейном, после бывшим генерал-майором в прусской службе, поехал во дворец, вошел в задние ворота, которые нарочно на то отверсты стояли, — и прямо в покои принцессы. Принцесса легла уже опочивать с своим супругом, но наперед наказала жены моей сестре фрейлине Юлиане Менгден, как скоро отец мой придет, войти к ней и ее разбудить. Сия, сколько ни старалась, не могла исполнить оное так скромно, чтобы и принц от того не пробудился. Но как сей спросил у принцессы, что ей сделалось и зачем она встает, то в ответ сказала она, что ей занемоглось и чтоб он остался в постели, а она тотчас назад будет.

Вышед к отцу моему, говорил он ей, что теперь настоящая пора дело свершить, и вторично просил, дабы она вместе с ним поехала. Она ни под каким видом на то не соглашалась, почему отец мой советовал, чтоб она по крайней мере приказала позвать наверх караульных офицеров и объявила им о сем предприятии, сделав увещевание, дабы они верно во всем поступили и за ним следовали.

Сей совет принят, и когда офицеры вошли, то она вещала, что она надеется на них как на честных людей, что не отрекутся малолетнему императору и его родителям важнейшую оказать услугу, состоящую в том, чтобы арестовать герцога, которого насильствия сколько им ненавистны, столько и известны. Почему и просит она все, что от фельд-маршала приказано будет, доброхотно исполнять и уверену быть, что их верность без награждения оставлена не будет. Наконец обняла она отца моего, допустила офицеров к руке и желала им благополучного успеха.

После сего пошел он с ними в кордегардию, взял 30 человек с караула с тремя офицерами и направил стопы свои прямо к Летнему дворцу, в котором регент тогда находился.

В сие самое время лежал я, не ведая ничего, в передней комнате у малолетнего императора, будучи тогда дежурным камергером, в приятнейшем сне. Почему немало ужаснулся, как вдруг, пробудясь, увидел принцессу, на моей постели сидящую. Я спросил о причине — она с трепещущим голосом отвечала: «Мой любезный Миних, знаешь ли ты, что твой отец предпринял? Он пошел арестовать регента. —

К чему присовокупила еще: — «Дай боже, чтобы сие благополучно удалось!»

— И я того же желаю,— сказал я и просил, чтоб она не пугалась, представляя, что отец мой не преминул надежные на то принять меры.

Потом принцесса обще с фрейлиною Менгден, которая одна при ней находилась, пошла в спальню малолетнего императора, а я скорее выскочил из постели и оделся. Немного спустя пришел и принц, которому принцесса тут во всем открылась.

С какою теперь нетерпеливостью ожидали мы известия об успехе означенного предприятия, оное всяк легко себе вообразить может.

Из записок Я. П. Шаховского

И как теперь помню, что тот-то был день тогдашних счастливых моих поведений последний, в который я, заблагорассудя, чтоб прежде формальной в кабинет к министрам оного моего доклада подачи приватно его высочеству герцогу Бирону как моему патрону представить к апробации, приехал во дворец в покои герцога Бирона перед вечером, когда он обыкновенно один или с немногими своими приятелями несколько часов препровождал. И хотя, как я и выше описал, имел дозволение к нему во внутренний его покой без доклада всегда ходить, но, однако, спросил у камердинера, который готов был двери отворить, кто у его светлости. Он с почтением отвечал, что тут сидят генерал-фельдмаршал граф Миних и камер-коллегии президент его свойственник барон Менгден, с которыми, как я знал, он особое приятство имел. Я тогда, не рассудя за благо с таким моим делом к ним войти, поехал домой, ибо тогда было уже не рано.

Я всю ту ночь долго не спал, делая в мыслях своих расположения, как бы мне наутрие прежде, нежели герцог пойдет в министерское собрание в кабинет, оный мой доклад к апробации представить и изъяснить.

Сия ночь, в кою я, как выше описал, о многих моих по должности предприятиях и скором оных исполнении размышлял и сочиненный доклад подать изъяснить к утру приуговлялся, как помнится мне, была 1740 году в нояб-

ре, которая не только мои поведения, но и все государственное правление инаково обратила. Я поздно в оную заснул, но еще прежде рассвета приезжим ко мне полицейским офицером был разбужен, который мне объявил, что во дворец теперь множество людей съезжаются, гвардии полки туда же идут и что принцесса Анна, мать малолетнего наследника, приняла правление государственное, а регент герцог Бирон с своей фамилиею и кабинет-министр граф Бестужев взяты фельдмаршалом Минихом под караул и в особливых местах порознь посажены.

Вы сами узнаете, благосклонный читатель, ни малого воображения о том в мыслях прежде не имея, в каком смятении я тогда был. Итак, спешно оделся и ко дворцу приехал; увидел множество разного звания военных и гражданских (городских) жителей, в бесчисленных толпах окружающих дворец так, что карета моя, до крыльца не возмогши проехать, далеко остановилась, а я, выскоча из оной, с одним провожающим моей команды офицером спешно продирался сквозь людей на крыльцо, где был великий шум и громкие разговоры между оным народом; но я, того не внимая, бежал вверх по лестницам в палаты и, как начала, так и окончания, кто был в таком великом и редком деле начинателем и кто производитель и исполнитель, не зная, не мог себе в мысль вообразить, куда мне далее идти и как и к кому пристать. Чего ради следовал за другими, спешно меня оббегающими. Но большею частью гвардии офицеры с унтер-офицерами и солдатами, толпами смешиваясь, смело в веселых видах и не уступая никому места ходили, почему я вообразить мог, что сии-то были производители того дела.

В таких сомнениях вошел я в дворцовую залу и в первом взгляде увидел в великом множестве разных чинов и по большей части статских, теснящихся в дверях и проходах к придворной церкви, которая также была наполнена людьми и освещена множеством горящих свеч. Я несколько поостановился, чтоб подумать, как бы и в которую сторону подвинуться и найти кого из моих приятелей, от коих бы обстоятельства узнать, и по тем бы поступку мою удобнее употребить мог; но в тот же миг один из моих знакомых, гвардии офицер, с радостным восторгом ухватил меня за руку и начал поздравлять с новою нашею Правительницею и, приметя, что я сие приемлю как человек, ничего того не знающий, кратко мне об оном происшествии рассказывал и проговорил, чтоб я, нимало не останавливаясь,

протеснился в церковь, там-де принцесса, и все знатные господа учинили ей уже в верности присягу, и видите ль, что все прочие то же исполнить туда спешат.

Сие его обстоятельное уведомление, во-первых, поразило мысль мою, и я сам себе сказал: «Вот теперь регентова ко мне отменно пред прочими милостивая склонность делает мне, похоже, как и после Вольнского, толчок; но чтоб только не худшим окончилось. Всевидящий, защити меня!» В том размышлении дошел я близ дверей церковных; тут уже от тесноты продрасться в церковь скоро не мог и увидел многих моих знакомых, в разных масках являющихся. Одни носят листы бумаги и кричат: «Извольте, истинные дети отечества, в верности нашей всемилостивейшей Правительнице подписываться и идти в церковь в том Евангелие и крест целовать», другие, протесняясь к тем по два и по три человека, каждый только спешит, жадно спрашивая один другого, как и что писать, и, вырывая один у другого чернильницу и перья, подписывались и теснились войти в церковь присягать и поклониться стоящей там Правительнице в окружности знатных и доверенных господ.

Таким способом скоро участвовал и я на одной из таковых разносимых бумаг подписаться и, продравшись в церковь, поцеловав Евангелие и крест, учиня пристойный поклон Правительнице, стал позади окружающих ее господ, воображая себе, что я в таком чине, коему теперь отдаляться не надлежит, и могут мне быть о касающихся по полиции в теперешних обстоятельствах потребных делах повеления.

Но увы! Вскоре потом инаковую приемность почувствовал. Некоторые из тех господ, кои в том деле послужить участвовали, весьма презорные взгляды мне оказали, а другие с язвительными усмешками спрашивали, каков я в своем здоровье и все ль благополучен. Некоторые ж из наших площадных звонарей неподалеку за спиною моею рассказывали о моем у регента случае и что я был его любимец. С такими-то глазам и ушам моим поражениями, не имея ни от Правительницы, ниже от ее министров, уже во многие вновь доверенности вступивших, никаких приветствий, ниже по моей должности каких повелений, с прискорбными воображениями почти весь день таскавшись во дворце между людьми, поехал в дом свой в смятении моего духа.

С.-Петербург, 10 (21) ноября 1740 года

Ваше величество, события только что оправдали мнение, которого я держался, что раз явится насилие, каким бы образом ни смотрели на то, что произошло 29 октября, то всякое положение, приобретенное силой, не может длиться продолжительное время. Герцог Курляндский, давая свободный ход своему честолюбию, лишь тем скорее стремился к своей гибели. Он не мог, вероятно, надеяться удовлетворить это честолюбие сверх своих ожиданий, как бы ни было значительно стечение обстоятельств в его пользу. Он должен был для этого удержаться и утвердиться на занимаемом посту в течение года.

Вчера в два часа утра он был арестован. Болезнь графа Остермана, которую я приписывал в последнем письме другим причинам, послужила — или я сильно ошибаюсь — к тому, чтобы лучше прикрыть принимавшиеся им тайные меры в то время, как он делал вид, что ни с кем не имеет сношений. Таким образом он и всегда поступал; вдобавок верный и смелый способ, которым был нанесен удар, может явиться лишь результатом и следствием его политической опытности¹. Я полагаю также, что, дабы действовать более безошибочно, он сообщил о своей тайне принцессе Анне лишь в тот момент, когда потребовались открытые действия. На том же основании и гр. Миниху было сообщено об этом плане лишь в ту минуту, когда предприимчивый характер этого фельдмаршала делал его одного способным к выполнению переворота.

Правда, уверяют, что принцесса Анна умела скрывать свои чувства и решила назначить сына гр. Миниха гофмаршалом своего двора лишь затем, чтобы привлечь на свою сторону отца и держать его в руках. Утверждают также, что последний, желая войти в состав министерства, встретил затруднения со стороны герцога Курляндского, которые оттолкнули его от интересов регента. Говорят, наконец, что фельдмаршал перед совершением решительного шага спрашивал лишь позволения у принцессы Анны и с согласия, данного последней, он и приступил к действиям. Но эти подробности, несомненно имеющие целью или возвеличить принцессу Анну, или оправдать фельдмаршала, или же придать сущности дела характер законности при помощи формы, в которой оно совершилось, нисколько не изменя-

ют, по моему мнению, причины этого события, которую я считаю должным обнаружить. <...>

Герцог Курляндский был отправлен немного ранее трех часов в дормезе, запряженном, впрочем, придворными лошадьми; правил ими кучер и почталъон в царских ливреях, а впереди следовал генеральс-адъютант фельдмаршала Миниха. Спереди и сзади дормеза находились гвардейские солдаты с примкнутыми к ружьям штыками; внутри повозки был помещен доктор и два офицера, из которых каждый был снабжен двумя заряженными пистолетами. На герцога Курляндского кроме его халата была накинута мантия, подбитая горностаем, которую он обыкновенно носил. Уезжая, он бросил взгляд на окно, где находились принцесса Анна и принц Брауншвейгский. Шапка, закрывавшая верхнюю часть его головы и отчасти лицо, дала повод черни кричать Бирону, осыпая его оскорблениями, чтобы он открылся и дал на себя посмотреть.

Почти тотчас в другие дормезы были посажены у Летнего дворца герцогиня Курляндская, ее дочь и младший сын, принц Карл. Болезнь старшего сына заставила его перенести в дом, находящийся против моего; в нем жили особы, составлявшие двор герцога Курляндского. К принцу приставили караул, чтобы держать его под арестом, мать его, брат и сестра были отправлены таким же способом, как и отец, в лавру св. Александра Невского, расположенную за шесть верст отсюда. Там они провели ночь, а сегодня утром перевезены в Шлиссельбургскую крепость у Ладожского озера.

Генерал Бирон, также энергично защищавшийся в первый момент своего ареста, был отвезен вчера вместе с Бестужевым вскоре после остальных. Он был отправлен в придворном дормезе, а Бестужев на простых крестьянских саях, — неизвестно куда их повезли. <...>

Сегодня утром гвардейцы были собраны в пять часов против Зимнего дворца и разошлись по своим казармам лишь в четыре часа пополудни. Как в тот момент, когда герцог Курляндский был провозглашен регентом, они выразили своим молчанием и сдержанностью чувство уныния и скорбного удивления, так теперь они изъявили свою радость и удовольствие несмолкаемым криком и непрерывным подбрасыванием шапок на воздух. Как только была дана присяга, соответствующая указу, который я не решился отправить с нынешней почтой г. Амело, как принцессой Елизаветой, так и лицами, занимающими первое место по

своему званию и должностям, каждый гвардейский батальон собрался в круг и также принес присягу у знамени. Принцесса Анна при этом церемониале была признана великой княгиней всероссийской и Правительницей на время малолетства своего сына. Затем это решение было возведено народу посредством трех залпов крепостной артиллерии, чего не было сделано в честь герцога Курляндского.

Здесь не бывало примера, чтобы двор собрался в таком большом количестве и выказывал бы такое ликование, какое замечалось сегодня утром на всех лицах. Оно еще усилилось благодаря милостям, которые были пожалованы. Принц Брауншвейгский был объявлен генералиссимусом, фельдмаршал Миних — первым министром и подполковником конной гвардии на место наследного принца Курляндского, супруга фельдмаршала Миниха — первой дамой при дворе после принцессы, граф Остерман — генерал-адмиралом с оставлением, однако, при вверенных ему делах, а кабинет-министр князь Черкасский назначен канцлером, обер-гофмаршал получил пенсион из соляных доходов в 16 тысяч экю, кроме того, было назначено несколько других менее значительных пенсионов. <...>

Э. Финч — лорду Гаррингтону

С.-Петербург, 15 (26) ноября 1740 года

<...> Адьютант фельдмаршала Вольфрод, посланный 12-го к герцогу за драгоценностями, рассказывает, будто в Шлиссельбурге встретил картину полного отчаяния; он, не проливший ни единой слезы при смерти отца и матери, которых искренно любил, не мог удержаться от потока слез. Офицер этот прибавляет, что, когда он показал приказание о выдаче драгоценностей и пригласил заключенных подписью засвидетельствовать, что ими выдано все, герцог изменился в лице и не сказал ни слова, герцогиня же бросилась к ногам Вольфрода и, по здешнему обычаю обнимая его колена, молила ходатайствовать о милости несчастной семье.

Адьютанту приказано было также оставить заключенным только надетые на них черные одежды, немного белья и четырехста рублей из четырехсот (приблизительно) тысяч, захваченных ими было с собою. Остальные деньги он привез сюда обратно, а вместе и часы герцогини с простой репети-

цией, ее золотую табакерку и кошелек со 170 дукатами, взятый из кармана принца Карла. При возвращении Вольфрода три последние вещи великая княгиня отдала ему.

С уничтожением регентства уничтожены и титулы «Hoheit» «altesse sèrènissime»¹, все акты, подписанные бывшим регентом, уничтожаются и заменяются новыми, дабы имя его никогда не попадалось ни в одном учреждении. Полагают, что пожалованные регентом ордена св. Андрея и Белого Орла будут отобраны. <...>

Я слышал, будто еврей Липман, покупавший драгоценности для герцога, высказал, что ценность их, если они все налицо, доходит до трех миллионов рублей, т. е. более чем до 650 000 ф. ст., — сумма огромная, почти невероятная, даже если стоимость их удвоена <...>

Теперь, вероятно, подумают и о погребении усопшей государыни, так как река, через которую еще вчера после полудня переезжали на лодках против дверей моего дома, теперь замерзла настолько, что я еще поутру видел из окон, как пешеходы переправляются через нее по льду.

Принц Брауншвейгский в качестве генералиссимуса всех сухопутных и морских сил со вчерашнего дня назначает пароль гвардии* и морякам. Вчера пароль был «Иоанн», сегодня — «Анна». <...>

Э. Финч — лорду Гаррингтону

С.-Петербург, 18 (29) ноября 1740 года

Я медлил сообщением вашему превосходительству подробностей ареста регента, которые рассказывались очень различно, пока, сравнив рассказы между собою и переговорив с лицами, которые должны знать правду, не получил возможности изложить дело, по источникам, достойным доверия.

Вследствие сделанного расследования могу уверить ваше превосходительство, что в замысле о низвержении регента участвовали исключительно великая княгиня и фельдмаршал Миних; оно предложено было и выполнение его решено едва накануне переворота. Сейчас возвращусь к этому предмету, но считаю нужным предпослать очерк положения, предшествовавшего нанесению главного удара. Здешнее правительство таково, что никто не смеет даже подумать, не только хотя бы с глазу на глаз сказать, что бы то ни было

неприятное господствующей власти. Осторожность особенно необходима была и строго соблюдалась при чрезвычайно подозрительном и ревнивом к власти герцоге Курляндском, который в качестве регента облечен был силою самодержавною.

Весьма осязательное доказательство такого положения дел представило устранение герцога Брауншвейгского от всех его должностей по армии, и притом под предлогом, совершенно несогласным с действительностью. Собственно, его высочество удалился со службы, дабы не состоять под непосредственным начальством регента, дабы принять положение независимого принца иностранного дома, хотя и был вместе с тем супругом русской принцессы и отцом царствующего монарха. Он желал избавиться от непрестанных оскорблений со стороны регента и получить полную возможность возвратиться в отечество в случае, если бы дурное обращение с ним герцога Курляндского не прекратилось. Очень вероятно, что его высочество останавливался на этом решении и выполнил бы его, будь это в его власти и если бы регентство не было устранено.

Кроме того, если принц Брауншвейгский никуда не являлся, не делал шагу из Зимнего дворца, и это объяснялось его желанием не затенять собою бывшего регента, то в действительности замкнутость эта была следствием известного рода домашнего ареста, наложенного на принца герцогом Курляндским под благовидным предлогом, что вследствие нескромных и мятежных речей (такowymi их, по крайней мере, признавали) адъютанта его высочества и других офицеров его полка принц, выходя, подвергался бы опасности испытать неудовольствие народное. Герцог по какому-то роковому самоослеплению, которое поддерживалось лестью приближенных, был твердо уверен в чрезвычайной своей популярности, в общем к себе расположении людей всякого чина и звания, объясняя лично к себе привязанностью то, что являлось безотчетною покорностью его власти.

Точно так же частые свидания регента с принцессою Анною Леопольдовной принимались за доказательство их добрых отношений, приписывались заботам ее высочества о прекращении личным посредничеством неудовольствий между принцем-супругом и регентом по делу адъютанта и других арестованных офицеров; между тем за свиданиями этими таились не переговоры, не желание предупредить толки частных людей о размолвке регента с принцем; свидания

эти, как оказалось, проходили в весьма горячих постоянных препирательствах, при которых бывший регент, говорят, забывался до того, что однажды высказал даже Анне Леопольдовне, будто от его воли зависит выслать и ее, и супруга ее в Германию, а также — что есть на свете герцог Голштинский, которого он, регент, если будет к тому вынужден, выпишет в Россию.

После такого заявления всякое соглашение стало невозможным, так как принцесса слишком тонко и жизненно глядит на вещи, чтобы не понять, чего можно ожидать при таких обстоятельствах, а также слишком умна и решительна, чтобы не почувствовать и не предупредить неосмотрительных и смелых замыслов герцога Курляндского.

В этом положении стояло дело в субботу поутру 8-го ноября, когда граф Миних явился к Анне Леопольдовне, дабы представить ей нескольких кадет для выбора пажей ее высочеству. При этом свидании они оказались одни, и не знаю, принцесса ли начала разговор или фельдмаршал подал повод к разговору, спросив о причине озабоченного вида ее высочества (хотя причин ее озабоченности он не мог не знать).

Ваше превосходительство легко представите себе, что, раз принцесса решилась открыться фельдмаршалу, она при своем живом характере нашла и достаточно сильные выражения для изображения своего положения в самых ярких и трогательных красках. Она рассказала фельдмаршалу, что с первой минуты кончины покойной государыни и она, и принц-супруг непрерывно подвергаются величайшим оскорблениям и обидам; что они живут под непрерывным опасением насилия со стороны регента, и, кажется, им не остается другого выхода, как выехать из России; что они, вероятно, вскоре и примут такое решение, потому просят фельдмаршала употребить всю свою силу и влияние у герцога, дабы в таком случае им разрешено было взять с собою сына, с целью охранить самодержца всероссийского от опасностей, которыми он оказался бы окруженным, оставаясь в руках лиц, враждебных и ему, и его родителям.

Фельдмаршал спросил принцессу: не открывала ли она свою душу когда-нибудь кому бы то ни было по этому поводу? «Ни одной живой душе, — отвечала принцесса, — да и не знаю никого, кому бы, кроме вас, могла довериться с такой важной тайной». Тогда граф спросил, не удостоит ли ее высочество его чести вполне довериться ему, и именно ему одному. Принцесса уверила графа в своей готовности

на то и другое. «В таком случае,— сказал фельдмаршал,— узы долга по отношению к моему государю, в верности которому я присягал, привязанность к вашему высочеству и к принцу — вашему супругу, как к родителям государя, полное отвращение к резкому и самовольному поведению регента (между тем фельдмаршал сам много содействовал водворению регентства в твердой уверенности, что, не имея герцог в виду регентства, он никогда бы не склонил покойную императрицу назначить наследника, и Россия подверглась бы всем ужасам и потрясениям споров о престолонаследии, способным довести страну до совершенного разорения) — все вместе внушает мне решимость,— вопреки опасности потерять жизнь, имущество, погубить семью,— послужить вашему высочеству, вырвать вас и семейство ваше из окружающих затруднений и опасностей, освободить Россию раз навсегда от тирании пагубного регентства».

Анна Леопольдовна поражена была горячностью таких уверений и напомнила фельдмаршалу, какой опасности он подвергает себя и все ему дорогое за людей, которым, прибавила принцесса, быть может, никогда не представится случая доказать ему свою благодарность или наградить его за услуги. В то же время ей несомненно должны были прийти на мысль также опасности, которым она подвергает и себя, и близких; тем не менее, собрав всю решимость и твердость духа, ее отличающую, принцесса сказала фельдмаршалу: «Если что-либо сделать возможно, надо действовать быстро, так как времени терять нельзя». Принцесса предложила было посоветоваться с обер-гофмаршалом Левенвольде, но фельдмаршал напомнил ей обещание довериться ему вполне, исключительно и прибавил, что к тому же не желает, в случае неудачи, напрасно вовлекать кого бы то ни было в опасность, на которую идет ради ее высочества; что ему остается только обдумать и сообразить средства, а затем привести дело в исполнение; что он еще раз посетит ее высочество вечером.

Все эти подробности переданы мне фельдмаршалом лично, а так как многие склонны думать, что он много обязан регенту и всегда выказывал ему большую привязанность, фельдмаршал снизошел до рассказа о том, как герцог, опасаясь его, всегда мешал ему исподтишка; как два года тому назад герцог высказывал своим приближенным, что если с ним когда-нибудь приключится беда, он будет обязан ей Миниху. То же он повторял близким людям уже и во время регентства, видя в фельдмаршале

единственного человека с головой и волею, способной к великим предприятиям, почему признал необходимым строго следить за ним. Еще в течение недели, предшествовавшей аресту герцога, фельдмаршал предложил и отправил на просмотр генералу Бирону проект порядка приветствия гвардиею юного государя, его родителей, регента, но проект отвергнут был генералом с запальчивостью и с презрением; при споре же, возникшем по этому поводу, герцог горячо стоял за брата. (Могу прибавить в скобках, что после падения герцога конфиденциально рассказывают, и, кажется, не без оснований, будто регент призывал своего брата из Москвы и свойственника, генерала Бисмарка, из Риги, думая по приезде их возвести обоих в звание фельдмаршалов и таким образом устранить графа Миниха.) Граф рассказал мне также, что 9-го ноября первый гвардейский — Преображенский — полк, в котором он состоит подполковником и на который может положиться, содержал караул в последний раз, а затем на шесть дней кряду караул должен был перейти к двум другим полкам (в караул наряжается ежедневно по одному батальону, а каждый полк состоит из трех батальонов); следовательно — повремени граф выполнением своего замысла до новой очереди преображенцев — недоверчивый, подозрительный регент, ввиду недавних несогласий графа с генералом Бироном, принял бы новые предосторожности и поставил себя в условия, при которых не оказалось бы возможности добраться до него никакими человеческими средствами, или, по крайней мере, лишил бы фельдмаршала всякой возможности предпринять что-либо против него. Все это и заставило графа привести свое намерение в исполнение в ту же ночь.

Буду, однако, продолжать рассказ о событиях предшествующего дня (8-го ноября). Поутру принц Брауншвейгский, выехав из своего дворца в первый раз после восьмидневного заключения, посетил герцога в Летнем дворце, с одной стороны, по собственной воле, предполагая, что посещение его будет хорошо принято, но, с другой стороны, и потому, что, нигде не видя его, простой народ стал выражать недоумение и роптать. Из Летнего дворца принц вместе с герцогом посетили младенца царя, а затем принцессу Анну Леопольдовну; от нее же они опять вместе отправились в прилегающий ко дворцу манеж герцога. После всего этого принц возвратился в Зимний дворец, а герцог, захав по дороге к брату, генералу Бирону, — в Летний дворец к обеду. Кроме регента и его семьи за стол сели

фельдмаршал Миних со всей семьей и президент коммерц-коллегии Менгден, тоже с семьей.

Рассказывают, будто герцог, разъезжая поутру, заметил, что на улицах очень мало народу. Это произвело на него сильное впечатление, которым он и поделился с собеседниками. Даже те, которых герцогу удалось встретить, все имели вид печальный, удрученный, мрачный, будто недовольный. Герцог имел слабость приписать это явление неудовольствию против поведения герцога Брауншвейгского, не подозревая, что долю общего уныния можно бы отнести и на счет регентства. Присутствующие, само собой разумеется, отвечали, что все это или ничего не доказывает, или же должно быть приписано печали народной вследствие кончины ее величества. Тем не менее во все время обеда герцог оставался очень задумчивым и молчаливым, а когда встали из-за стола, фельдмаршал откланялся, хотя семья его еще осталась во дворце. Граф приехал домой, а вечером еще раз посетил Анну Леопольдовну, дабы спросить, не имеет ли она сделать каких-либо распоряжений, так как план его созрел и он намерен выполнить его в ту же ночь. Принцесса поражена была этой быстротой, важностью принятых решений и хотела расспросить — как фельдмаршал думает действовать. Он просил извинения, во-первых, в том, что уклонится от объяснений, а во-вторых, в том, что разбудит принцессу и потревожит в три часа ночи. Подумав с минуту, ее высочество сказала: «Отдаю себя, мужа, сына вполне в ваши руки и полагаюсь на вас. Да направит вас и сохранит нас всех милость божия!»

От принцессы фельдмаршал вместе с графом Левенвольде отправился ужинать к герцогу, которого нашли все еще задумчивым; он жаловался на упадок духа, на подавленность, неловкость, которой не ощущал до сих пор никогда в жизни. Оба гостя отвечали, что это легкое расстройство, которое пройдет после спокойной ночи. Тем не менее за ужином и затем в течение всего вечера обыкновенно довольно болтливый герцог едва ли вымолвил слово. Чтобы сколько-нибудь оживить присутствующих и поддержать разговор, фельдмаршал стал рассказывать о сражениях, о делах, в которых бывал в течение сорокалетней службы. Под конец граф Левенвольде совершенно ненамеренно спросил его, случалось ли ему быть в деле ночью? Странность такого несвоевременного вопроса при данных обстоятельствах несколько поразила фельдмаршала, но он скоро пришел в себя и, оправившись, отвечал с напускным равно-

душием, что при множестве дел, в которых ему довелось бывать, конечно, находилась работа для любого часа суток, так как время схватки нередко зависит от неприятеля. Граф рассказывал мне, будто герцог, лежавший на диване, при вопросе графа Левенвольде несколько приподнялся и, опираясь на локоть, поддерживая голову рукою, оставался в этой позе и в глубокой задумчивости с четверть часа.

Около десяти часов все разошлись. Фельдмаршал возвратился домой и лег в постель, хотя, как приходится, естественно, предположить, да как граф и сам сознается, он не смыкал глаз. Около двух часов он встал, послал за старшим адъютантом Манштейном и объявил ему, что, зная его за храброго и честного человека, решается положиться на его верность и мужество, на то, что Манштейн всюду последует за ним, разделит с ним риск в любом предприятии, как бы оно ни было смело и опасно.

Хотя адъютант и изумлен был таким вступлением, значения которого понять не мог, однако ответил, что давно желал найти случай убедить фельдмаршала в верности лестного мнения, которого удостоился; его сиятельство может быть уверенным, что он с восторгом ухватится за первую возможность доказать ему это, что под начальством графа самые опасные предприятия перестают быть опасными. «Хорошо, если так,— сказал фельдмаршал.— Отправляйтесь немедленно в Зимний дворец и дождитесь меня там. Скажите и караульным офицерам, что я приду, чтобы они вывели караул мне навстречу и находились во главе его, так как я имею сообщить им нечто очень важное». Манштейн отправился, а фельдмаршал немедленно последовал за ним в мундире и нагруднике. Первый же часовой хотел было остановить его, но фельдмаршал распахнулся и сказал, что пришел переговорить с принцессой Анной Леопольдовной по делу чрезвычайной важности. «С Богом, ваше сиятельство,— немедленно отвечал часовой.— Я не узнал вас. Идите. Господь с вами».

Достигнув наконец главного караула, фельдмаршал обратился к офицерам с краткой речью и, получив от них уверение в готовности следовать за ним для защиты отечества и безопасности государя, предложил им выбрать сорок лучших гренадер, на которых можно вполне положиться, а затем вместе с Манштейном подняться в покои Анны Леопольдовны и там ожидать, пока их позовут. Затем граф сам немедленно поднялся к принцессе и велел доложить ей о своем приходе. Она немедленно вышла из спальни;

граф рассказал ей о сделанных распоряжениях, прибавив, что решился во главе собранного отряда отправиться в Летний дворец и схватить герцога. Он просил ее высочество только допустить к себе офицеров и сказать им, что фельдмаршал действует по ее приказанию и чтобы они его слушались. Это было немедленно сделано. Когда же офицеры удалились, фельдмаршал предложил принцессе самой сесть в карету и отправиться вместе с ним под его конвоем, дабы присутствием своим одушевить отряд. Принцесса колебалась принять это предложение, а граф, сообразив, что такое участие в деле, пожалуй, действительно слишком выдвинет ее высочество, настаивать не стал, простился и, став во главе отряда, объявил ему, что регент — злодей России, враг своего государя и всей императорской фамилии и его приказано арестовать. Слова эти были приняты с таким же увлечением, как были сказаны, и отряд с фельдмаршалом впереди немедленно двинулся. Все офицеры караула были тут же. Когда они подходили к первому посту Летнего дворца, граф отправил Манштейна вперед предупредить часовых, что фельдмаршал идет с конвоем принцессы Анны Леопольдовны, которая и сама следует за ним в карете, дабы сообщить регенту известия чрезвычайной важности для всей России, и чтобы их пропустили. Затем адъютанту велено было идти к главному посту с тою же речью, а также с инструкцией офицерам: не выводить караула, так как принцесса освобождает караул от этой обязанности, а выйти навстречу фельдмаршалу в аллею, ведущую к самому дворцу. Все было исполнено согласно такому распоряжению. Фельдмаршал передал офицерам приказания, с которыми явился, и потребовал содействия. Когда же ему отвечали готовностью повиноваться, он направился прямо к герцогским апартаментам. Часовые, узнав его, не оказали никакого сопротивления.

Граф отправил Манштейна прямо в спальню герцога. Дверь оказалась не запертою ни на замок, ни на задвижку. Манштейн вошел с двенадцатью гренадерами, немедленно в постели схватил герцога, заявив, что пришел арестовать его и отвезти в Зимний дворец. Герцогиня стала звать караул, но Манштейн заметил, что караульных с ним довольно. Герцог пытался было сопротивляться, но подоспели гренадеры. В борьбе они разорвали рубашку герцога и вообще обращались с ним грубо. Одолев его, ему завязали руки и заткнули рот. И он, и герцогиня вынесены были на улицу почти в рубашках; когда же герцогиня услышала, кто привел

отряд, она разразилась странным восклицанием: «Я скорее поверила бы, что всемогущий Бог умер на небеси, чем такой услуге от фельдмаршала». Впрочем, видя, что арестованные почти наги, с постелей сняли два одеяла и набросили на них. Их затем посадили в карету фельдмаршала и пленными привезли в караульную комнату Зимнего дворца. Манштейн немедленно отправлен был арестовать генерала Бирона, а другой флигель-адъютант — арестовать кабинет-министра Бестужева. Их обоих тоже привезли в Зимний дворец. Герцогиню, однако, вскоре отправили обратно в Летний, приказав собрать вещи для немедленного выезда. Она полагала — в Курляндию, между тем в четвертом часу после полудня ее с двумя младшими детьми отправили из Летнего дворца, а герцога — из Зимнего под строгим караулом в Шлиссельбург, генерала же Бирона и Бестужева — в Ивангород.

Я уже писал вам, как, собравшись поутру того же дня ко двору, все сановники объявили ее высочество великой княгиней и просили ее принять на себя охрану сына и правление на все время его несовершеннолетия, а также возложить на себя орден св. Андрея Первозванного; писал также и о наградах и милостях, розданных правительницей, и не вижу надобности повторять сказанное, если бы даже имел на то время.

Почта скоро отправляется, потому могу прибавить только, что вчера поутру дипломатический корпус имел честь в полном составе приветствовать великую княгиню и принца Брауншвейгского; а также, что вчера с фельдмаршалом был сильный припадок колик; всю ночь и сегодня поутру опасались воспаления кишок и мизерера, но после полудня, как уверяет меня лицо, только что прибывшее прямо от него, ему стало лучше, и явилась полная надежда на выздоровление, в возможности которого было вовсе отчаивались.

Городской дом генерала Бисмарка, в котором живет прусский посланник и который стоит неподалеку от дворца, великая княгиня подарила своему обер-гофмаршалу, графу Миниху-младшему.

Адъютант фельдмаршала Манштейн также получил поместье в Ингерманландии, приносящее около 2000 рублей ежегодного дохода. Оно прежде принадлежало Мусину-Пушкину, а по конфискации перешло от него к генералу Бирону.

С.-Петербург, 22 ноября (3 декабря) 1740 года

⟨...⟩ Генерал Карл Бирон арестован в Москве, где проживал в качестве начальника всех местных войск. По слухам, когда слуга доложил ему, что с ним желает переговорить адъютант московского губернатора Салтыкова, он немедленно сказал: «Знаю, что ему надобно. Дайте мне мою шпагу, дабы я мог передать ее ему; он пришел отобрать ее у меня и арестовать меня». Когда же адъютант вошел, генерал протянул ему шпагу, прибавив: «Вот она!.. Как жестоко, что я, который — не помешай мне брат — еще два года тому назад оставил бы русскую службу и возвратился на родину, теперь должен стать навеки несчастным из-за человека, поведение которого я всегда порицал и которому всегда предсказывал печальный конец».

Фельдмаршал¹, говорят, теперь вне опасности, хотя по-прежнему еще очень слаб. Ему было очень плохо: в понедельник, 17-го вечером болезнь так усилилась, что, не подействуя средство, данное доктором в ту же ночь, фельдмаршал, вероятно, не дожил бы до следующей.

Показание супруги Бирона

Когда Фульферат с кондуктором поутру рано пришел, и тогда мы еще все спали, а он прямо вошел и сказывал, что имеет он словесное повеление от Ее Императорского Высочества, дабы все наши пожитки у нас отобрать, и я в тот час при нем встала с постели и отперла сундук мой, в котором были мои алмазные вещи. Он спрашивал про портрет Ее Величества, и мужа моего гарнитуру алмазных пуговиц и большого перстня, и большой моей тресулки, и мужа моего и старшего сына алмазных шпаг и всех орденов, тако ж и моего ордена, и моего ж с жемчугами вышитого платья; я ему все показала, а только платье одно осталось в Петербурге, и как он усмотрел, что все наши алмазные вещи, тако ж и все табакерки в сундуке были, то он сундук замкнул и взял к себе оный. Еще спрашивал он, где наше золото, и тот сундук я ему показала и сказала ему, что мужа моего верховой конский убор с алмазами в том же сундуке находится, и он отвечивал: «Хорошо-де».

Еще ж спрашивал он, где наши письма, и я показала ему сундук и говорила, что, кроме курляндских дел, привилегий и документов, касающихся до земель и наших местностей в Шлесинге, других никаких писем здесь не имеется, и оное все он у нас отобрал. И после того за час он у нас в карманах обыскивал и взял у меньшого моего сына кошелек с червонцами, а у дочери моей взял он ключи ее, а у меня взял он печать мою, а у мужа моего взял он червонцы, которые у него еще в кармане были, а не ведаю, сколько; на столе моем нашел он кошелек тканый, который я в Петербурге к себе положила, и в оном были три большие медали, которые нам все-милостивейше были пожалованы во время мирного торжества, золотая табакерка, золотые мои рететирные часы с камушками, которые он себе взял, серебряный мой уборный столик он тако ж взял себе.

В тот день как меня из Петербурга увезли, остались в покое мужа моего, где письма его лежали, два кошелька с червонцами, а на пр., было в них до 1 000, тако ж золотая табакерка с малыми бриллиантами: здесь отдали мы капитану табакерку с бриллиантами, Ее Величества портретом и одну с простыми камушками и бриллиантами, которые капитан с доктором Шмитом послал в Петербург: дочери моей алмазные вещи и Ее Величества портрет остались в Петербурге. И как я поехала, то говорила я фрейлине Буллеровой, чтоб она дочери моей алмазные вещи поберегла. Еще ж взяла я с собою 1 000 рублей, из оных Фульферат оставил нам 400, а достальные взял он с собою. Еще отдала я Фульферату красный ящичек, в котором было несколько кусков белого кружева, и три фантажа и венские вышитые платки в сундуке, где алмазные вещи лежали, многие ж новые кружева в вытяжном ящике.

Бенигна.

Роспись Петра Бирона в вещах, отобранных у него в Петербурге

На другой день после нашего несчастья поутру пришел капитан Орлов, который был на карауле, и требовал от меня орденов, и по тому требованию отдал я ему орден Св. Андрея, а польского и дать было невозможно, для того что оный был у матери моей; и после того немного спустя требовал он от меня шпаг, и я ему отдал сперва мундирную мою шпагу, а после того две золотые, и еще

малую брата моего, потом взял он два золотые кортика, две серебряные и напоследи одну золотую саблю. Потом пришел Манштейн и спрашивал меня о моих пожитках, и я ему показал ореховый шкатул, окован зеленою медью английской работы, и говорил он мне, чтоб я его отомкнул, и, отомкнув, вынул он пожитки и при капитане Орлове приказал прапорщику от гренадерской роты Волкову сделать им опись, а мне только оставил золотые часы и кошелек, в котором, напр., было 147 золотых, тако ж имел я от отца моего серебряные столовые часы. После того как то все прошло, то печатал он шкатул своею печатью и отдал оный под караул; еще шкатул обит красною кожею, в котором было серебряных денег и других вещей, такожде печатали и под караул отдали. И как то все миновало, то взял он опись у прапорщика Волкова, которую Манштейн и капитан Орлов подписали. В прежнем покое был шкатул брата моего лакированный китайский, а что с ним сделано, того не ведаю; кроме ж того, было в покое моем ружье и проч. тому подобное, которые Орлов отдал в караульную избу. А как то все прошло, то пришел генерал Ушаков и объявил мне повеление Ея Императорского Высочества, чтоб мне ехать из Петербурга, потом пришел майор Чичерин и отобрал у меня все, что мне оставлено было.

Петр Бирон.

Э. Финч — лорду Гаррингтону

С.-Петербург, 3 (14) января 1741 года

⟨...⟩. Здесь никто 8-го ноября, ложась в постель, не подозревал, что узнает при пробуждении 9-го. Насколько это верно, можете судить по тому, что пишу в следующих письмах и что не подлежит никакому сомнению: даже принц Брауншвейгский узнал о задуманном деле только в то время, когда фельдмаршал Миних уже получил последние распоряжения от великой княгини в Зимнем дворце и двинулся в Летний дворец для их выполнения. Могу, по собственному свидетельству адъютанта Манштейна, арестовавшего генерала Бирона, и по свидетельству другого офицера, который арестовал Бестужева, прибавить, что Бирон при аресте заметил: «Что-то скажет на это регент?» Бестужев же недоумевал — чем навлек на себя немилость

регента. Три часа по препровождении герцога Курляндского в Зимний дворец князь Черкасский явился в кабинет, в то время собиравшийся в Летнем дворце, и, видя, что доступ в кабинет закрыт, отправился в апартаменты бывшего регента, пока его не остановила стража. Так мало он знал о случившемся три часа тому назад. Даже граф Остерман при первом известии от великой княгини почувствовал такие колики, что извинился в невозможности явиться к ней и прибыл ко двору, только когда за ним прислали вторично с известием об аресте регента. <...>

Постановление о Бироне

1740, декабря в 30 день, ее императорское высочество, слушав рассуждения господ кабинетных министров, учиненного на предложенные пункты сего ж декабря 29 дня, изволила указать:

По 4-му. 1) о герцоге Курляндском с фамилиею: с сего времени называть его Бирингом¹, и о посылке их в Сибирь на Пельнь, и для отвозу их туда, о определении к ним от гвардии капитана, придав другого офицера и одно капральство солдат с унтер-офицерами, переменя тех, кои ныне при них на карауле обретаются, и о прочем изволила апробовать.

2) Ныне послать на Пельнь особливого гвардии офицера, которого требовать от первого министра и генерал-фельдмаршала и кавалера графа фон Миниха; и при отправлении его в инструкции ему написать, чтоб прежде привоза туда оного Биринга для содержания его с фамилиею [*зачеркнуто*: и для караульных] близ того города Пельни сделать по данному здесь рисунку нарочно хоромы, а вокруг оных огородить острогом высокими и крепкими палисад[ами] из брусьев, которые проиглить, как водится, и дабы каждая того острога стена была по 100 сажен, а ворота одни; и по углам для караульных солдат сделать будки; а хоромы б были построены в середине оного острога, а для житья караульным офицерам и солдатам перед тем острогом у ворот построить особливые покои. <...>

Инструкция о строительстве острога в Пелыме

Инструкция из кабинета его императорского величества подпоручику барону Шкоту.

Понеже по некотором немногом времени имеют быть

отправлен из Санкт-Петербурга в Пельмь некоторый арестант с фамилиею его для содержания их в том городе год караулом, того ради ехать вам ныне в помянутый сибирский город Пельмь наперед с поспешением и чинить по нижеписанным пушткам:

1) По прибытии в тот город выбрать вам близ оного города удобное место и на нем для содержания помянутого арестанта с фамилиею построить нарочно особые хоромы и вокруг оных огородить острогом высокими и крепкими палисадами из брусьев, которые проиглеть, как надлежит; а ворота сделать одни и перед тем острогом у ворот для караульных офицеров и солдат построить покои. А каким образом все то строение и острог строить, тому при сем дается вам рисунок.

2) Все оное строить вам с поспешением и стараться, чтоб всеконечно построено было прежде привозу туда помянутого арестанта с фамилиею.

3) К строению помянутых хором и острога сколько потребно будет мастеровых людей, денег, лесов и прочих материалов требовать вам от тамошнего городского воеводы, а чего иногда тамо сыскать невозможно, то требовать от тобольской губернской канцелярии; а чтоб по вашему требованию без всякого замедления исполняли, о том с вами ж посылаются ныне из Кабинета в помянутую губернскую канцелярию и в город Пельм к воеводе указы, с которых для вашего сведения даются вам копии.

4) При том строении как деньги, так и материалы употреблять вам с запискою и по окончании того строения оную записку отдать в тобольскую губернскую канцелярию, а самому возвратиться в Санкт-Петербург и явиться в Кабинет его императорского величества с репортом. (...)

6) В бытность твою в пути и в вышеобъявленном городе Пельме обид никому никаких не чинить и во всем поступать, как честному офицеру надлежит под опасением военного суда.

Подлинную подписали тако: Граф Миних. Андрей Остерман. Кн. Алексей Черкасский. Граф М. Головкин.

Января 4 дня 1741 года.

Такова инструкция оному подпоручику Шкоту, в которой при сем и расписка его значит по-немецки¹: Second Lieutenant Jean A. F. Baron Scott.

С.-Петербург, 3(14) марта 1741 года

Обстоятельство, о котором я должен был умолчать с прошлою почтой, касается Бестужева. Русские люди не могут примириться с мыслью, что его выделили из толпы лиц, участвовавших в установлении регентства герцога Курляндского, и возложили на него ответственность за дело, которое, по общему сознанию, он задумал не один, которого один не мог осуществить, точно так же как один не мог бы ему противиться. И его, как прочих русских вельмож и сановников, причастных делу, несло потоком власти герцога, сильного советом и поддержкой лица, готового теперь взвалить на Бестужева всю ответственность за мероприятия, в которых само оно принимало самое деятельное участие¹.

Тем не менее на прошлой неделе Бестужева привозили в тюрьму бывшего регента на очную с ним ставку в присутствии комиссаров, которые для этого тоже ездили в Шлис-сельбург. Между ними находился знаменитый Яковлев, бывший секретарь кабинета, когда-то заключенный, битый кнутом и избежавший казни только потому, что регентство не просуществовало лишнюю неделю. При новом правительстве он восстановлен был в прежней должности, но вскоре опять устранен первым министром под предлогом позора, лежащего на нем вследствие телесного наказания, в действительности же потому, что фельдмаршал считал его своим врагом, человеком, слишком преданным графу Остерману. Это несомненно человек партии: решительный, предприимчивый, заявляющий прямо, что раз рисковал головою, то рискнет ею и другой раз, лишь бы узнать, кто в конце прошлого царствования присоветовал собирать подписи городов, приглашавших герцога Курляндского принять регентство и обещавших ему поддержку в случае, если бы царица перед смертью не поручила важных обязанностей регентства на время малолетия государя никому. Яковлев прибавляет, что добьется также показаний — когда, по чьему совету царица подписала документ, в силу которого герцог был признан регентом, так как Бестужев несомненно заявил, что подпись подложна и сделана не по его совету.

Герцог Курляндский тоже писал великой княгине письмо, в котором желает ей всякого счастья и благополу-

чия в делах правления и прибавляет, что — несмотря на уверенность в невозможности изменить в чем-либо собственную судьбу, которая несомненно решена и которой он подчиняется; несмотря на убеждение, что его советы не могут иметь значения у ее высочества, — он не может не умолять ее, ради ее собственного блага, не слишком доверяться фельдмаршалу. Простая осторожность и самый пример герцога должны служить предупреждением. Герцог уверяет, что, сделай он графа Миниха генералиссимусом, он оставался бы регентом поныне; то же честолюбие, которое увлекло его на измену герцогу, может не сегодня завтра увлечь его на измену ее высочеству. Все это вместе должно значительно умалить доверие к временщику, но не повлечет за собой его гибели; гибель он, по всем вероятностям, в скором времени устроит себе сам. (...)

Указ правительницы Анны

Всемилоостивейше указали Мы Нашего первого министра и генерала-фельдмаршала графа фон Миниха, что он сам Нас просит за старостью, и что в болезнях находится, и за долговременные Нам и предкам Нашим, и государству Нашему верные и знатные службы его от воинских и статских дел уволить, и Нашему генералиссимусу учинить о том по сему Нашему указу.

Именем Его Императорского Величества,

Анна.

Марта 3 дня 1741 года.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 7 (18) марта. 1741 года

(...) Высокомерие фельдмаршала графа Миниха, без сомнения, начало снова отдалять от него принца Брауншвейгского. Граф Остерман сумел воспользоваться тем временем, когда этот принц посещал его, чтобы вызвать в нем неудовольствие. Отсюда последовало, что граф Миних, думая удовлетворить свой гнев, сам сделался жертвой гнева. Принц Брауншвейгский один сделал все необходимые распоряжения. В понедельник вечером он целый час оставался взаперти с графом Головкиным, а затем вышел

с заднего крыльца, откуда он и вошел, и отправился оттуда к графу Остерману, куда и граф Головкин не замедлил явиться тайно вслед за ним. Совещание длилось три часа, и при этом было принято окончательное решение, обнаружившееся на следующий день. <...>

Такие предосторожности имели исключительно целью заставить Правительницу преодолеть чувство признательности, которое, как уверяют, она с трудом лишь могла превозмочь. Однако она все-таки выказывала неуступчивость при множестве предложений, какие делались ей фельдмаршалом, или же показывала вид, что ей некогда его слушать, когда он приходил к ней с какими-нибудь донесениями, или, наконец, посылала к нему вместо себя принца Брауншвейгского, чтобы граф Миних представлял отчет этому принцу о докладываемом предмете. Первый министр почувствовал, что теряет под собой почву и что лишь отставка может его избавить от катастрофы.

Эти ли соображения одержали верх или иные, факт, во всяком случае, тот, что фельдмаршал Миних три раза просил отставки. Уверяют также, будто бы Правительница сказала в присутствии нескольких лиц, что генерал этот неоднократно хлопотал о своей отставке и поэтому она должна на нее согласиться, тем более что для того, чтобы решиться на такой шаг, он должен быть чем-нибудь недоволен. Между тем она не может ничего больше для него сделать. Поэтому лучше расстаться с ним благопристойным образом, чем ожидать, пока это придется сделать иначе. Обер-гофмаршалу двора и графу Миниху-младшему было поручено уведомить во вторник этого министра, что он получает отставку, как он того желал. По-видимому, это обстоятельство тотчас же постарались облечь всякими формальностями, какие при этом требовались. В тот же день был разослан приказ во все ведомства, находившиеся в его ведении, чтоб не признавать его больше начальником. На следующий день утром на всех перекрестках возвещалось при барабанном бое, что граф Миних ввиду его преклонных лет (ему всего лишь 56 лет) и расстроенного здоровья отставляется от всех своих должностей, согласно выраженному им желанию. После полудня об этом были оповещены иностранные министры, которые отныне должны обращаться к кабинет-министрам, как было и прежде. <...>

Инструкция о содержании Бирона в Сибири

Инструкция из Кабинета его императорского величества лейб-гвардии капитану поручику Петру Викентьеву, поручику Миرونу Дурново, прапорщику Александру Протопопову.

По именному его императорского величества указу велено для содержания под караулом бывшего регента Бирена с его фамилиею отправить вас с командою, того ради имеете вы чинить нижеследующее:

1. Взять вам с собою унтер-офицеров трех, капралов 6 да солдат 72 человека и ехать отсюда в Шлютельбурх к обретающемуся тамо у содержания означенного Бирена с фамилиею гвардии капитану Лопухину и, отдав ему посланный с вами из Кабинета его императорского величества указ, оного Бирена с фамилиею принять вам под свой караул и имеющиеся у оного капитана наличные на содержание тех арестантов деньги, сколько их по приезд ваш в остатке будет, взять у него с распискою.

2. Имеющийся при вышеписанных арестантах серебряный сервиз вам отобрать, а сколько в нем каких именно сосудов и прочего подробно описав, отправить с помянутым гвардии капитаном Лопухиным для объявления в Кабинете его императорского величества, а вместо того оставить при них посланную с вами отсюда оловянную посуду.

3. Приняв тех арестантов, вести их, не заезжая в Москву, прямо до Казани, начав тракт свой от Шлютельбурха на Ладогу водою, от Ладоги до Устюжны Железопольской сухим путем, от Устюжны водяным путем до Казани и оттуда далее Камою рекою. И, прибыв в Казань, одному из вас, прапорщику Протопопову, гвардии с одним сержантом и одним капралом и с двадцатью четыремя человеки солдат возвратиться с репортом в Санкт-Петербурх и явиться в Кабинете его императорского величества, а вам, капитану-поручику Викентьеву и поручику Дурново, ехать с теми арестантами сибирской губернии к городу Пелыму. И, будучи в дороге, никого ко оным арестантам ни под каким видом не допускать, бумаги и чернил им не давать и по прибытии в тот город вестъ их в построенные тамо для них нарочно покои, которые огорожены острогом, и содержать их под крепким и осторожным караулом неисходно, и самим вам с командою своею быть в построенных при том остроге особливых покоях неотлучно и всегдашнее смотрение иметь, чтоб никто из них никаким обра-

зом уйтить не мог; и в тамошнюю их бытность потому ж никого к ним не допускать, бумаги и чернил не давать.

4. Понеже по именному его императорского величества указу велено помянутому бывшему регенту с его фамилиею на корм и на прочее содержание давать по 15 руб. в каждый день, а на год по 5 475 р.; при нем же быть из служителей его Александру Кубанцу, сибиряку Илье Степанову, девке-арапке Софье, девке-турчанке Катерине — им всем на содержание особливо 50 р. на год; а ежели оные арестанты похотят для работы содержать еще мужика и бабу, то вам приискать из вольных людей; за наем и деньги платить из показанной определенной на содержание его, Бирена, с фамилиею суммы; со оными же арестантами для удовольствия их отправлены при вас со особым годовым жалованьем пастор — ему 300 р., лекарю 50 р.; да от двора его императорского величества служители — два повара, им по 40 р.; один хлебник — ему 30 р., а всем имеет быть на год 5 985 р. Того ради имеете вы тем арестантам о той, определенной им, даче и о всех, отправляемых с ними со особым жалованием людях объявить именно, чтоб они о том были сведомы. И когда им потребно будет, а особливо в Сибири [церковную] службу по своему закону отправлять, в том вам как тем арестантам, так и пастору ни малейшего воспреещения не чинить.

5. Ныне для дорожного проезду как тех арестантов, так и всех отправленных с ними вышепоказанных людей дано вам здесь из объявленной определенной на них суммы на полгода 2 992 р. 50 к., которые вы имеете при первом случае, кроме тех арестантов, что кому надлежит, как выше показано, для дорожного их проезду выдать все сполна с распискою, а оным арестантам денег на руки не давать, но что им при первом случае на дорожный проезд и для бытности их в Сибири в запас потребно будет, каких вин и прочих съестных припасов, оное вам с ведома их в пути, где что способно, покупать из определенных на дачу им денег. И будучи вам в дороге и во время содержания их в Сибири, довольствоваться их пристойно пищею, только чтоб могли довольны быть. А в Сибири съестные припасы заготовлять, усматривая время, когда что можно дешевле купить, дабы излишней передачи не было. И когда потребно им будет какую одежду сделать, оное вам исправлять из тех же определенных на содержание их денег, токмо, на сколько где каких припасов куплено и какого именно платья сделано им будет и во что оное ста-

нет, о том расходе иметь вам подробную и верную записку, учиня для того за вашими руками записную шнутовую книгу.

6. Будучи в дороге, для тех арестантов квартиры вам занимать довольные и без крайней нужды долго нигде не стоять; и никого к ним, кроме вышешоказанных отправленных с ними людей, отнюдь не допускать; и об них вам именно, кого везете, никому не объявлять, и о том как команды вашей, так и отправленным со оными арестантами людям имеете вы накрепко запретить. И хотя оных людей, кроме лекаря, под караулом содержать не надлежит, однако ж смотреть за ними, дабы они как в пути, так и в бытность их в Сибири никуда в посторонние места, где им нужды не имеется, отлучаться не могли. А когда им потребно будет что для своей провизии купить, то для надзирания над ними посылать солдат, чтоб они с кем не надлежит в непристойные разговоры не вступали. А лекаря с теми арестантами держать под караулом, понеже он за тяжкую свою вину посылается туда вместо смертной казни. И по прибытии в город Пелым означенному пастору, когда ему при оных арестантах нужды не будет, жительство иметь обще в построенных для вас покоях; поварам и хлебнику по отправлении своего дела быть с солдатами; а ежели б иногда из них кто в подозрении явился, то оного запереть в острог и с другими коммуникации иметь ему не велеть и о делах его доносить вам в Кабинет; но ежели б случилось такое важное дело, которое б время не терпело, то об нем тотчас накрепко надлежало исследовать и виновных под крепчайшим караулом [содержать] и о том со обстоятельством доносить в Кабинет же. А собственным их, арестантов, також наемным служителям и лекарю остаться с ними в остроге.
<...>

8. Будучи в дороге и об оных арестантах, и о состоянии караула вашего почасту вам в Кабинет его императорского величества репортовать и те репорты, запечатывая в конвертах, для отсылки отдавать в городах, в которых вам когда быть прилучиться, с распискою, подписывая на оных, что о секретном деле. А в бытность вашу в Пелыме репортовать вам таким же образом и те репорты посылать чрез тобольскую губернскую канцелярию помесечно.

9. Быть вам с командою вашею у содержания оных арестантов до указа, ибо на перемену вам и обретающейся при вас команде присланы будут другие офицеры с

командою. И когда кто другие на ваше место присланы будут, то имеете вы им караул свой надлежащим порядком сдать. А при том все иногда случающиеся предусмотрения и осторожности подробно объявить и, отдав им сию инструкцию, возвратиться в Санкт-Петербурх. А на проезд ваш с теми арестантами, и со всеми вышеозначенными людьми, и с командою вашею до помянутого города Пелыма на прогоны и на прочие случающиеся иногда в пути необходимые расходы дано вам отсюда особливо 3 007 р. 50 коп., из которых имеете вы для вашего собственного в оба пути проезду и на подъем сверх полученного вами от полков своих жалования взять себе: капитан-поручик Викентьев — 100 р., поручик Дурново — 80 р., прапорщик Протопопов — 50 р., обретающейся при вас команде в оба [конца] в пути давать кормовых денег: сержантам — по 8 коп., капралам — по 5 коп., солдатам — по 3 коп., каждому человеку на день с распискою. Подвод вам определяется: капитан-поручику — 6, поручику — 5, прапорщику — 4, а сержантам и капралам — каждому по одной; солдатам трем человекам — по одной, пастору — две, лекарю, поварам и хлебнику — по одной, а арестантам — сколько потребно без излишества. И за те подводы прогоны платить вам сверх определенных на тех арестантов и с ними отправленных людей, також и вам на подъем и на проезд и команде вашей на корм денег. А по прибытии вашем в Пелым при первом своем репорте прислать в Кабинет наш ведомость, сколько из тех денег в расход вами будет употреблено и за тем у вас имеет быть в остатке; а такову ж ведомость сообщить вам к сибирскому губернатору, чтоб он мог о том ведать. <...>

11. В прочем во всем поступать вам, как честным и добрым офицерам и верным его императорского величества рабам пристойно, и надлежит и команду свою в добром порядке содержать, и, будучи как в пути, так и в Пелыме, обид и нападку никаких никому не чинить под опасением военного суда. <...>

Подписали господа кабинет-министры тако: Андрей Остерман. К. Алексей Черкасский. Граф М. Головкин.
Июня 4 дня, 1741 года.

Такову инструкцию капитан-поручик Петр Викентьев взял.

Фельдмаршал же Миних во вторичном допросе к вышеписанному делу еще в пополнение показал: когда ко арестованию означенного же герцога Курляндского стоящие тогда у принцессы Анны на карауле офицеры склонены были со изъяснением ее, принцессы, сына и ее мужа от одного герцога утеснения, и тогда при том тем офицерам и солдатству будто бы вначале [что] ее императорскому величеству ныне счастливо владеющей государыне императрице¹ и герцогу Голштинскому помянутый герцог Курляндский намерен чинить сильные озлобления, им, Минихом, не истолковано, а как помнит, также и от принцессы Анны он таких речей не слышал; да и в то ж самое время как он, Миних, бывшего герцога Курляндского арестовать шел, нарочно чтоб тем более солдат к тому делу возбудить, пришед к стоящей тогда на карауле роте по вступлении в парад, таких речей, что ежели они хотят служить ее императорскому величеству и ее племяннику государю герцогу Голштинскому, то бы шли с ним его арестовать, ибо-де кого хотят государем, тот и быть может, хотя принца Иоанна или герцога Голштинского, он, Миних, отнюдь не говаривал, кроме того, что сказал вышедшим из караульни офицерам, чтоб они выслушали от пришедших с ним офицеров приказ принцессы Анны и чтоб они по тому поступали; а об имени ее императорского величества государыни императрицы Елисавет Петровны и о герцоге Голштинском ничего он тогда не упоминал, что-де и бывший тогда с ним полковник Манштейн сказать может. (А понеже бывшие тогда на карауле гренадеры объявили, что пришед-де оный фельдмаршал к караулу, говорил им: хотите-де ль вы государю служить? Ведаете, что регент есть, от которого государыне цесаревне, племяннику ее принцу Иоанну и родителям его есть утеснение, и надобно-де его взять. И спрашивал их: «Ружье у вас заряжено ль?» На что они отвечали: «Готовы государю с радостью служить!» — и пошли, и взяли. А потом уже они, видя, что на другой день дело не туда пошло, руки опустили.) И того ради оному Миниху представлены тех гренадеров девять человек, которые ныне в лейб-компании ее императорского величества, и сказали, что-де он, граф Миних, им, тогда бывшим на карауле, именно пред фрунтом о государыне императрице Елисавет Петровне и принце Голштинском говорил. На что он, граф Миних, отвечивал, что он таких речей,

как они объявляют и как выше показано, не говаривал. И в том обе стороны на очной ставке на своих словах сначала утверждались, но потом, когда от них лейб-компания прапорщика, вахмистров и рядовых, он, граф Миних, в том уличен стал, то он признался, говоря, что понеже он слабую имеет память, яко же для того и об отставке от службы просил, то такие слова, как они показывают о государыне императрице Елисавет Петровне и о принце Голштинском, он тогда, как ныне припамятует, говорил и что в том за своим беспамятством прежде не признался, в том признает себя винна и просит о милосердии; а те слова, без сомнения, говорил для того, чтоб тогда тех гренадеров ко арестованию регента во исполнение воли принцессы Анны тем более анкуражировать.

Записка Э. И. Бирона

В 1730 г. приезжал в Москву Эммануил, инфант португальский, предпринимавший это путешествие с целью расположить к себе сердце императрицы Анны Иоанновны и сочетаться с нею браком. Однако же прежде каких бы то ни было объяснений первоначальное намерение Эммануила исчезло внезапно, и внимание гостя обратилось на принцессу Анну, дочь герцогини Мекленбургской, Екатерины Иоанновны. Но инфанту посоветовали — не думать о принцессе. С этого времени вице-канцлер граф Остерман и обер-гофмаршал граф Левенвольд часто начали заговаривать с императрицею о порядке престолонаследия в России, вкрадчиво изъясняясь, что необходимо было бы принять надлежащие к тому меры. Императрица, настроенная подобными внушениями, поручила Остерману и Левенвольду обсудить этот вопрос вдвоем и доложить ей о результатах своих совещаний.

Несколько дней спустя Остерман и Левенвольд представили государыне следующий план:

1) Так как ее величеству не угодно избрать себе супруга, то надлежит принцессу Анну Леопольдовну выдать за одного из иностранных принцев.

2) Ее величество избрет своим наследником одного из детей, рожденных от этого брака, не стесняясь правом первородства.

3) Империя должна присягнуть в признании наследником престола того лица, которое избрет ее величество.

4) Через это заблаговременно устранятся все недора-

зумения и разрушатся интриги, которые могли бы возникнуть и затеяться в России или за границею.

5) Предпочтение детей матери легко оправдывается: а) надеждою видеть на троне потомство мужской линии; б) как средство удалить принцессу Анну от мысли, что она как старшая племянница императрицы имеет личные права на престол; в) избежанием неудобства видеть большее почтение к принцессе, нежели к императрице; наконец г) безопасностью от предприятий отца принцессы, человека заведомо беспокойного, который не упустил бы случая внушать дочери гибельные покушения на спокойствие императрицы.

6) Подобное учреждение престолонаследия не может никому казаться странным, потому что в австрийской империи уже утверждено точно такое же.

7) Если ее величество соизволит принять предлагаемый план, то нужно будет отправить к некоторым европейским дворам доверенную особу с поручением высмотреть и избрать супруга, достойного руки принцессы Анны.

Таковы были мнения, представленные в 1730 г. императрице. Она приняла их, однако же, довольно равнодушно. И каждый раз, когда Остерман и Левенвольд заводили речь о своем плане, государыня отзывалась, что еще много времени впереди и принцесса слишком молода для замужества.

Что касается герцогини Мекленбургской, то хотя и ничего не сообщали ей о существовании плана, но она, вероятно, уже кое-что знала. По крайней мере, часто видели, как со слезами умоляла она императрицу принять ко двору ее дочь, позаботиться о ее образовании, воспитать ее в православной вере. Герцогиня в этом случае не была без опоры: ее поддерживал троицкий архимандрит, духовник императрицы. Пользуясь собственным кредитом у государыни, герцогиня старалась извлечь всю пользу и из влияния духовника. Соединенные усилия их увенчались успехом, но главная цель не была еще достигнута.

С другой стороны, Остерман и Левенвольд сильно содействовали учреждению кабинета, членами которого императрица назначила канцлера графа Головкина, Остермана и кн. Черкасского. Тут Остерман достиг цели; но вопрос о престолонаследии все еще не разрешался. Тогда Остерман склонил на свою сторону архиепископа Новгородского, человека весьма уважаемого императрицею, и Феофан, представив всю необходимость меры,

задуманной Остерманом, действовал на государыню.

Чрез два или три дня по учреждении кабинета Остерман тайне составил манифест о присяге будущему наследнику. Труд Остермана удостоился высочайшего утверждения. Придворная типография перемещена в дом Феофана, туда же заперты наборщики, и форму присяги велено печатать во многих тысячах экземпляров. Затем назначен день и час, когда высшие сановники, духовные и светские, должны были собраться во дворец. Во время выхода императрица объявила присутствующим, что она признала за благо потребовать от них и всех верных подданных присягу, которую они должны принести в соборе. Сановники повиновались. В этот и следующие дни происходило рукоприкладство к печатным присяжным листам¹.

Успокоенный насчет престолонаследия, Остерман не переставал изливаться в похвалах благоразумию императрицы, поступившей по его совету, а Левенвольд весь погрузился в мысль об отправлении в Германию посла для скорейшего выбора жениха Анне Леопольдовне. Архиепископ Новгородский, так хорошо успевший в одной половине дела, был приглашен Остерманом и Левенвольдом к содействию в другой. Феофан не только склонил императрицу к исполнению желания Остермана и Левенвольда, но даже умел ее убедить, что так как присяга уже совершена, то весь успех благих ее последствий зависит единственно от двух вышеозначенных графов. И Левенвольду было приказано совещаться с Остерманом о том, кого именно отправить в Германию. Остерман предложил генерал-адъютанта графа Левенвольда, впоследствии обер-штаб-мейстера, а если бы Левенвольд не годился, то брата своего, Остермана Мекленбургского.

Но как ни была убеждена императрица, что затеявшееся дело находится в добрых руках, она не могла вполне полагаться на скромность посла, не могла решиться оставить его без своего собственного, ближайшего надзора. Генерал-адъютанту Левенвольду велено приготовиться к отъезду «нарочным», посетить германские дворы, не делать нигде ни малейших предложений и возвратиться возможно скорее с донесением о том, каких и где принцев он видел и каков каждый из них ему показался. Едва успел Левенвольд выехать из Москвы, открылось, что иностранные министры вовсе не чужды предполагаемой тайне.

Побывав, неизвестно для чего, и в Вене, Левенвольд возвратился с подробным донесением о принцах, которых

ему случилось видеть. Отзывы его о маркграфе Карле и принце Бевернском были особенно лестны: Левенвольд очень хвалил характеры и достоинства обоих. Оставалось сделать выбор. Императрица склонилась в пользу принца Антона Бевернского. Решено было пригласить принца в Россию, дать ему чин кирасирского полковника и назначить приличное содержание. Левенвольд по высочайшему повелению сообщил об этом родным принца. Родные не замедлили прислать избранника в Россию. Явившись при дворе, принц Антон имел несчастье не понравиться императрице, очень недовольной выбором Левенвольда. Но промах был уже сделан; исправить его без огорчения себя или других не оказывалось возможности. Принцу дали полк, обеспечили все его содержание и, кроме того, назначили ему по несколько тысяч рублей в год жалованья.

Принц беспрестанно бывал при дворе, где усердие его вознаграждалось такою холодностью, что в течение нескольких лет он не мог льстить себя ни надеждою любви, ни возможностью брака. Тому и другому одинаково препятствовали нерешительность императрицы и отвращение к принцу ее племянницы. Смерть Левенвольда, случившаяся в этот промежуток времени, и болезнь Остермана, мешавшая ему энергически поддерживать начатое предприятие, повергли все дело принца как бы в забвение. Императрица или не оказывала этому делу никакого внимания, или весьма малое, не любила даже говорить о нем. Напротив, венский двор держался за начатое дело серьезно и не упускал ничего, что могло клониться к осуществлению его видов. В это-то самое время покойная императрица австрийская чрез министров своих графа Остейна и резидента Гогенгольца просила меня похлопотать о бракосочетании принца, предлагая в знак высокого своего ко мне уважения выдать за сына моего, наследного принца Курляндского, одну из принцесс вольфенбиттельских с ежегодным доходом по 100 000 червонцев из собственной кассы ее величества. Хотя я и благодарил императрицу, отклоняясь молодостью моего сына, но все-таки успел впасть в подозрение, что ишу женить его на принцессе Анне, чего никогда не приходило мне в голову.

Императрица Анна была уже нездорова. Однажды, и может быть, под влиянием усилившегося недуга, ее величество говорила мне: «Никто не хочет подумать о том, что у меня на руках принцесса, которую надо выдать замуж. Время идет; она уже в поре. Конечно, принц не нравится ни

мне, ни принцессе; но особы нашего состояния не всегда вступают в брак по склонности. К тому же принц ни в каком случае не примет участия в правлении, и принцессе все равно, за кого бы ни выйти. Лишь бы мне иметь от нее наследников и не огорчать императора отсылкою к нему принца. Да и сам принц, кажется мне, человек скромный и стоворчивый. Посмотрим, что скажет Остерман». Послали, не помню кого, к Остерману. Он объявил, что партия принцессы с принцем тем благоразумнее и выгоднее, что она утешит императора, огорченного своими собственными обстоятельствами.

Отданы повеления о приготовлениях к свадьбе — и бракосочетание совершилось. Принцесса родила сына. Возник вопрос о том, какое звание принадлежит новорожденному и следует ли на эктениях за именем императрицы произносить его имя с титулом великого князя? Потребовали мнения Остермана. Согласясь на первое, Остерман отверг последнее. Принца крестили, и по совершении таинства императрица взяла новорожденного к себе.

Во все время пребывания своего в Петергофе императрица принимала лекарство и чувствовала себя гораздо лучше; но по возвращении в Петербург не переставала жаловаться на бессонницу. Врачи, очевидцы постоянной испарины ее величества, не предрекали ничего хорошего.

Наконец в одно из воскресений государыня почувствовала слабость, сопровождавшуюся тошнотою и рвотою, и была принуждена лечь в постель. Первый медик Фишер сказал мне, что припадок императрицы — дурной знак и, если болезнь разовьется быстро, Европе скоро предстоит траур. Санхец, придворный медик, был совсем другого мнения, полагал случившееся безделицей, но говорил, что после таких усилий природы государыня должна остаться на несколько часов в совершенном покое.

Все вышли. Я удалился из первых, чтобы сообщить о происшедшем принцессе Анне, тогда тоже нездоровой. Но она не приняла старшего из сыновей моих и велела ему идти к фрейлине Менгден, которой он и передал событие с императрицею.

Не удовольствовавшись этим, я послал за князем Черкасским, Бестужевым-Рюминым и фельдмаршалом Минихом. Когда они явились на мой зов, я представил им обоих врачей, которые и объяснили гг. министрам положение государыни. Мне оставалось уведомить о том же графа Остермана. Я поручил это обер-гофмаршалу графу Ле-

венвольду, а сам тотчас же поспешил к императрице. «Я чувствую себя очень дурно,— сказала мне государыня,— и боюсь, не близок ли мой конец. Однако же покорюсь воле божией. Но что будет с империей! Страшно подумать, каким беспорядкам подвергнется она без меня. Знаю, как будут упрекать меня за то странное стечение обстоятельств, в котором оставлю Россию!» Я отвечал, что бог умилосердится к ее величеству; что государыня не должна так тревожиться судьбою России; что беспокойство только увеличивает ее страдание и что все земное ведется рукою провидения. Минуту спустя императрица приказывала мне уведомить принцессу, но от самого себя, о крайнем положении ее величества; спрашивала, съехались ли министры и что они делают; просила послушать, что они говорят. Спрошенный вскоре же об исполнении всех этих повелений, я доложил императрице, что министры по случаю куртага уже собрались и готовы приступить к совещанию, что они очень опечалены известием о болезни ее величества и что то же самое чувство, как мне известно от фрейлины Менгден, испытывает ее высочество принцесса Анна.

Пока все находились в таком смущении, возвратился от Остермана Левенвольд, посланный к вице-канцлеру с запросом: что следует делать? Остерман чрез Левенвольда отвечал, что прежде всего следует подумать о престолонаследии, то есть учредить и утвердить порядок его возможно скорее и на прочных основаниях. С тем вместе Остерман передавал, что он не сомневается в постоянстве образа мыслей императрицы насчет новорожденного принца, а потому советует повторить пример Петра I, провозгласившего младенца, сына своего², наследником престола.

Одобрение императрицею мысли Остермана последовало тотчас же и было самое полное. Два кабинет-министра немедленно отправились к Остерману. «Я хочу,— говорила мне императрица,— сделать все, что зависит от меня. Остальное — во власти божией. Знаю наперед, что оставляю ребенка в грустных обстоятельствах: он не в состоянии, а родители его не вправе делать что-нибудь. Отец в особенности не имеет никаких дарований, чтоб быть поддержкою сына. Принцесса, правда, неглупа, но у нее жив отец, тиран своих подданных; он тотчас же явится сюда, начнет поступать в России, как в своем Мекленбурге, вовлечет наше государство в пагубные войны и приведет его к крайним бедствиям. Да, я вполне уверена, что когда

умру, — память моя постраждет». Я умолял ее величество быть мужественнее, надеяться с божиею помощью на выздоровление — и вышел на несколько минут, чтобы сообщить министрам все слышанное мною от императрицы.

Фельдмаршал Миних заговорил первый. Он изъявлял опасение, что первым делом герцога Мекленбургского будет овладеть военачальством, произвести чрез то множество смут и потом, наверное, отмщать Россию Австрии и Ганноверу. Эти опасения Миниха долгое время обсуждались всеми министрами.

Снова позванный к императрице, я оставался у ее величества несколько часов; но, возвратившись вечером домой, нашел у себя множество особ, в том числе и фельдмаршала Миниха. От него я узнал, что присутствующее у меня собрание — ревностные патриоты, которые, рассуждая по совести, кому бы приличнее было вручить правление на время малолетства императора, в случае если господь воззовет к себе государыню, — после многих размышлений и единственно в видах государственной пользы нашли способнейшим к управлению Россией меня. В деле этого избрания, объяснял Миних, патриоты, кроме личных качеств моих, известных всем с самой выгодной стороны, руководились убеждением, что никто точнее меня не знает положения империи, никто ближе моего не знаком с делами внутренними и внешними, никто не может быть так приятен народу, как я. Министры же, — заключил фельдмаршал, — уже привыкшие к моему образу действий, никому, кроме меня, подчиняться не желают.

Взволнованный таким объяснением, я отвечал собранию: «Если бы я не был уже твердо убежден, что имею в вас друзей, то должен бы был получить такое убеждение с этой самой минуты. Но я боюсь думать, что ваша дружба потребует от меня обязанностей, исполнение которых мне не по плечу. Плохое состояние моего здоровья, истощение сил, наконец, домашние заботы — все это в настоящее время вынуждает меня думать только об одном: как бы мне устранился от государственных дел и провести спокойно остаток жизни. И если будет угодно промыслу пресечь дни императрицы — я сочту себя свободным от всего и, надеюсь, вы позволите мне остаться среди вас, пользоваться моим положением, ни во что не вмешиваясь, и — быть вашим другом. Благодарю вас, господа, за доверенность ко мне, но не решаюсь ею воспользоваться». Фельдмаршал, возразив в присутствии всех, что пред-

ложения его не ограничиваются одним простым желанием собравшихся ко мне вельмож, но составляют волю великого и могущественного государства, пригласил меня обратить на это внимание и сообразить, что упорствуя в своем отказе, я очень дурно заплачу за все милости государыни, до сих пор на меня излившиеся. Я отвечал, что моя признательность окончится с моею жизнью, но что собственную неспособность я понимаю лучше, нежели кто-нибудь. В эту минуту меня потребовали к государыне — и тем прервалось совещание, происходившее в то же самое воскресенье, когда ее величество слегла в постель. Государыня спросила меня, с кем я говорил. Я назвал Миниха, Черкасского, Бестужева-Рюмина, Ушакова, обер-шталмейстера кн. Куракина, кн. Трубецкого, адмирала гр. Головина, обер-гофмаршала гр. Левенвольда, Бреверна и многих других. Весь этот день я не выходил из моих передних покоев иначе как по приказанию государыни, посылавшей меня к министрам, с которыми я оставался недолго и возвращался опять к ее величеству. При ней я пробыл до полуночи. В понедельник утром я доложил государыне о Минихе, двух кабинет-министрах и других сановниках, собравшихся у меня и испрашивавших высочайшей аудиенции. Ночью у Остермана они составили присягу великому князю. Изъявив императрице свое соболезнование, министры прочли присягу и предложили ее к высочайшему утверждению. Миних, удалившийся последним, от имени всех благодарил императрицу, а вместе они умоляли ее величество объявить меня регентом империи. Императрица не рассудила за благо отвечать. Но, возвратясь к ней, я нашел ее сильно опечаленною и грустною. «Присягу, — говорила она мне, — я подписала дрожащею рукою, чего не было со мною, когда я подписывала объявление войны Порте Оттоманской». Минуту спустя государыня меня спросила, давно ли служу ей? и на мой ответ, что уже двадцать два года имею счастье находиться в службе ее величества, сказала: «Намерение мое не исполнилось: я не успела наградить вас по заслугам. Но не сомневайтесь, что вам воздаст Господь. Фельдмаршал сказал мне такую вещь, что я продумала всю ночь». Я понимал, в чем дело, — и не нуждался в объяснении.

День или два спустя в опочивальню государыни вошло множество сановников. Остерман, бывший с ними, отвел меня в сторону и сказал мне, что они целым обществом

пришли просить меня именем государства согласиться на их предложение. Остерман добавлял, что согласиём с моей стороны я заслужу себе тысячи благословений и пожеланий всякого благополучия. Дело шло о регентстве. Я всячески тому противился. Но сановники настаивали на своем, давали честное слово разделить со мною тягость предстоявшего мне бремени и, так как я решительно не склонялся на их представление, требовали от меня ответа, с которым могли бы пойти к императрице. Между тем они прочитали мне письменный акт, ими же заготовленный. Не видя ни вероятности, ни возможности увернуться от возлагаемых на меня обязанностей, я потребовал прибавления к акту по крайней мере того заключительного пункта, что в случае если нездоровье или другие побудительные причины воспрепятствуют мне править государством, за мною остается право сложить с себя достоинство регента. Это заключение, как известно, было присоединено к акту. Наконец, гр. Остерман, несколько лет не видавшийся с императрицею, отправился к ее величеству, говорил с нею без свидетелей и передал ей акт. В минуту входа моего к государыне она держала акт в руках и готовилась подписать его. Я умолял императрицу не делать этого, представляя, что отказ ее величества утвердить акт почту полным вознаграждением за все мои службы и услуги. Государыня взяла бумагу и положила ее к себе под изголовье.

Все нетерпеливо желали знать, подписан ли акт, но узнали, что нет. И хотя в течение следующих дней императрица несколько раз была готова исполнить желание министров, но я, несмотря на продолжительные настояния ее величества, отклонял ее от такого исполнения.

Убедясь наконец, что в течение нескольких дней все еще не произошло никакого решения, государственные сановники согласились сделать меня регентом даже и в том случае, если бы государыня скончалась, не успев утвердить акта о регентстве и, следовательно, не сделав никаких распоряжений о государственном правлении. Для того же, чтобы лучше успеть в своем намерении, сановники пригласили в собрание все чиновные лица до капитан-поручиков гвардии. Таким образом, около 190 лиц, собравшихся в кабинете, добровольно обязались действовать в пользу назначения моего к регентству.

Я узнал об этом не ранее суток спустя от некоторых сановников — и изъявил им мое удивление, что дело, зашедшее так далеко, совершено без моего ведома. Но чле-

ны собрания твердо стояли в своем решении и даже более: они сговорились подать ее величеству прошение, которым в выражениях самых патетических хотели умолять государыню о даровании государству милости — назначением меня к регентству до совершеннолетия императора. Прощение подписали: фельдмаршал Трубецкой, фельдмаршал Миних, гр. Остерман, кн. Черкасский, генерал-фельдцейхмейстер принц Гессен-Гомбургский, генерал-аншеф Чернышов, генерал-аншеф Ушаков, обер-гофмаршал гр. Левенвольд, адмирал гр. Головин, действительный тайный советник гр. Головкин, кабинет-министр Бестужев-Рюмин, обершталмейстер кн. Куракин, генерал-прокурор кн. Трубецкой — всего тринадцать человек.

Императрица, прочитав наедине представленное ей прошение, рано утром послала Остерману повеление явиться во дворец. Все собрались и ожидали Остермана; но в девять часов его еще не было. Явившись по вторичному приглашению, Остерман сидел у государыни в то самое время, когда я, входя в опочивальню, застал ее величество вынимающею акт из-под изголовья. «Я утверждаю акт, — говорила императрица, — а вы, Остерман, объявите господам, чтоб они успокоились: прошение их исполнено». С этими словами императрица взяла перо и подписала бумагу; а Остерман тотчас же завернул подписанное в конверт и запечатал у самой постели ее величества. Императрица передала конверт подполковнице Юшковой, которая спрятала его в шкатулку с драгоценностями. Долго еще разговаривала государыня с Остерманом, а когда его вынесли, потребовала к себе генерала Ушакова, спрашивала его о разных делах и в заключение сказала ему: «Я подумала о всех вас; вы будете мною довольны. Передайте мои слова тем, кто заговорит с вами об этом».

В течение своей болезни императрица ежедневно принимала придворных дам и кавалеров; посетители проводили у постели ее величества по несколько часов. В первые дни бывала у государыни и принцесса Анна, тоже больная, почему ее величество часто говорила о племяннице с доктором последней; но доктор постоянно старался уверить государыню, что состояние здоровья принцессы отнюдь не опасно. Однако же принцесса совершенно неожиданно поручила однажды подполковнице Юшковой доложить императрице, что, чувствуя большую слабость, она, принцесса, желала бы приобщиться св. тайн. Юшкова передала желание принцессы без надлежащей осторожности,

а на другой день точно так же объявила без обиняков, что принцесса хочет собороваться. Императрица сильно встревожилась и выговаривала докторам, которые оправдывались тем, что, не видя никакой опасности, они докладывали мнение свое принцессе, но ее высочество им не поверила. Два дня спустя принцесса сама явилась к императрице, очень рассерженной проделками племянницы. С этого времени тетка и племянница видались ежедневно. Каждый раз, когда принцесса являлась в опочивальню ее величества, мы все почтительно удалялись. Но государыне, ослабевавшей более и более, не нравилось наше отсутствие; а насчет принцессы у ее величества часто вырывались такие выражения, что я о них умалчиваю. Императрица сохранила разум и память до последней минуты, допустила к руке всех присутствовавших, собравшихся в весьма малом числе, называла каждого по имени, потом велела себя соборовать и скончалась весьма покойно.

При этом печальном событии первую мою заботою было — запечатать драгоценности императрицы. Я сидел в антикаморе, когда пришли ко мне сановники и спрашивали, где завещание государыни. Я направил их к подполковнице Юшковой, которая и указала спрашивавшим известную шкатулку с драгоценностями. Шкатулку отпечатали в присутствии принца Брауншвейгского, вынули из нее завещание, сняли с него конверт, и генерал-прокурор кн. Трубецкой во всеуслышание прочел содержание акта о регентстве. Что касается до меня, больного и проникнутого скорбию, я затворился у себя, вынес ночью жестокий болезненный припадок и поэтому не выходил из моих комнат всю субботу. Следовательно, я не принимал ни малейшего участия ни в чем, тогда происходившем. Кабинет-министры вершили самонужнейшие дела и рассылали повеления, подписывать которые я не был в состоянии.

Принцесса Анна была ко мне очень благосклонна, много меня благодарила за согласие принять на себя такую тяжкую заботу, как правление государством, и обещала мне честь дружбы своей и своего супруга. Не уклоняясь от исполнения моих обязанностей к ним обоим, я просил их высочества в случае получения ими каких-нибудь донесений, которые могли бы посягать на добрые наши отношения, не удостоивать того ни малейшим вниманием, но для разъяснения истины объявлять мне доносителей. С своей стороны я обязывался действовать точно так же. Их высочества и я в присутствии многих

высших сановников укрепились на том взаимным словом.

Не зная, будут ли их высочества иметь все общее с двором или пожелают ежегодно получать на свое содержание определенную сумму, я поручил обер-гофмаршалу узнать мнение о том принцессы и ее супруга. Они изъявили желание получать ежегодно двести тысяч рублей. Сообразно с этим я подписал два определения: одно — об отпуске их высочествам назначенной ими суммы, другое — о выдаче императорскому величеству, ныне царствующему, 50 000 рублей. Оба определения были отправлены в надлежащие места кабинет-министрами.

Поздним вечером того же дня ко мне явился кабинет-министр Бестужев-Рюмин с известием, что два поручика Преображенского полка затевают что-то недоброе. Я отложил исследование до утра, а утром сказал о том Миниху, который в качестве преображенского подполковника вызвался допросить обоих офицеров и поступить с ними, как потребуют того обстоятельства дела; потом донес мне, что находит необходимым арестовать допрошенных и произвести розыск по форме. Тогда же получил я сведение и от кн. Черкасского, что к нему являлся один отставной капитан и сообщил разговор свой с гр. Головкиным — о правах родителей императора на регентство, причем не скрывал, что он, капитан, был с подобными же объяснениями послан гр. Головкиным к принцу Брауншвейгскому от лица 300 дворян, офицеров и солдат, недовольных существующим правительством. За донесением кн. Черкасского последовало извещение о том же от самого принца Брауншвейгского с добавлением того обстоятельства, что его высочество приказал являвшемуся у него офицеру прийти к себе вторично около полудня. Генерал-прокурор кн. Трубецкой, улучив минуту, поговорил с офицером и спросил у него имена недовольных; но князю стали известны только два поручика, один унтер-офицер да сам старый отставной капитан, имевший разговор и с графинею Ягужинскою. Наконец захватили этого капитана и с ним обоих офицеров.

Так как гр. Головкин был женат на племяннице покойной императрицы, то я сначала полагал, что открывавшийся теперь замысел был прелюдией заговора в пользу графини Головкиной. Я тотчас же отправился к принцу Брауншвейгскому и сказал ему, что в силу взаимоданного нами обещания не скрывать ничего, что могло бы касаться наших дружеских отношений, я считаю своею

обязанностью предостеречь его высочество насчет людей, затевающих возмущение, о чем ему уже известно; но если закрывать глаза на это бедствие, то оно, едва возникая теперь, будет возрастать со дня на день и неизбежно приведет к самым гибельным последствиям. «Да ведь кровопролитие должно произойти во всяком случае», — заметил мне принц. Я спросил его высочество, не считает ли он кровопролития такую безделицу, на которую можно согласиться почти шутя. «Представьте себе, — говорил я ему, — все ужасы подобной развязки. Не хочу думать, чтобы ваше высочество желали ее». — «Могу вас уверить, — три раза повторил принц, — я никогда не начну первый». — «Такой ответ, — возразил я принцу, — дурно обдуман. Не одно ли и то же зарождают разномыслие и сообщать движение мятежу? Впрочем, легко может случиться, что ваше высочество первый же и пострадаете за это». Принц повторял одно, что он ничего не начнет первый и не поднимет прежде других знамени возмущения. Я спросил еще, что думает его высочество выиграть путем мятежа? и если он недоволен чем-нибудь, то чем именно? Наконец принц объяснился, что не совсем верит в подлинность завещания покойной императрицы, даже подозревает, что подпись ее величества — подложная. Тогда я сказал принцу, что об этом он вернее всего может узнать от Остермана, который в деле по завещанию императрицы может почитаться лицом ответственным. С тем вместе я заявил принцу и мое мнение, что его высочество, напрасно пороча завещание, вредит сыну своему, который именно этому завещанию обязан престолом. Доводы свои я заключил тем, что собственно моею особою не мешаю его высочеству развивать и осуществлять его планы, желая, впрочем, чтобы принц сам мог предвидеть их исход; мне же не остается сказать ничего более, как удостоверить его высочество, что основания планов, ему угодных, вовсе не так прочны, как, может быть, его высочество предполагает. «Ваше высочество, — добавил я, — конечно, не должны бы были затевать смуты; напротив, вам следовало бы молить небо об отвращении обстоятельств, открываемых в настоящее время, а не порождать их собственно вашею фантазиею». Отозвавшись обо всем этом как о пустяках, принц сказал мне, что я прекрасно бы сделал, если б уволил старых гвардейских солдат и офицеров, служивших еще великому Петру. Я отвечал, что сделать это вовсе не легко и такое увольнение будет соединено с риском еще более увеличить опас-

ность; потому что его высочеству должно быть известно впечатление, оставленное Петром не только в умах старых воинов, но и в сердцах всех его подданных. Уговаривая его высочество не слушать людей неблагонамеренных, но объявлять их, я сделал еще одну напрасную попытку изменить образ мыслей принца и закончил вопросом: советовался ли он с принцессою и знает ли она о намерениях своего супруга? Принц отвечал отрицательно.

После обеда я потребовал к себе министров, кн. Черкасского с Бестужевым, и передал им мой разговор с принцем. Непосредственно затем ко мне вошел камер-юнкер Менгден и доложил, что принцесса, заподозрив поведение своего русского секретаря, присылает его ко мне на испытание. Секретарь допрошен гг. кабинет-министрами. От него узнали, что принц Брауншвейгский замышляет восстание, что адъютант принца — самое доверенное лицо его высочества и что Андрей Яковлев тоже участник тайны. Андрей Яковлев признался в своем преступлении; адъютант в свою очередь сообщил, что был избран орудием к возбуждению мятежных движений толпы, а принц в минуту смены караулов долженствовал стать в главе бунтовщиков, захватив всех, кто стал бы сопротивляться, и провозгласить себя вторым лицом в государстве после императора. К исполнению этого плана принц намеревался приступить в самый вечер дня, назначенного для похорон императрицы, хотя вольфенбиттельский советник Кейзерлинг и советовал обождать, представляя, что принцу прежде всего необходимо добиться звания генералиссимуса, с чем уже все остальное совершится без затруднения и согласно желаниям его высочества.

Оба кабинет-министра рассудили, что настояла непрерывная надобность пригласить в собрание всех особ первых двух классов. Приглашение последовало в тот же вечер, и в собрание явились: фельдмаршалы Миних и кн. Трубецкой, три кабинет-министра, принц Гессен-Гомбургский, генералы Ушаков и Чернышов, адмирал гр. Головин, обер-штальмейстер кн. Куракин и генерал-прокурор кн. Трубецкой. Я откровенно изъяснил собранию все, что касалось принца Брауншвейгского, затем в присутствии всех то же самое изложил письменно. Мой немецкий текст был переведен по-русски статским советником Бреверном, и перевод тут же громогласно прочитан присутствующим. Все они тем более были поражены слышанною новостью, что никто из них не ожидал такой опасности и ее послед-

ствий. Вольфенбиттельский посланник Кейзерлинг находился в собрании налицо, и вскоре сюда же явилась принцесса Анна. Я сообщил ей причину собрания. Ее высочество казалась встревоженною поведением принца, объявила, что ей ничего не было известно, и удалилась для объяснения с своим супругом. Но в то самое время, когда члены собрания разговаривали о всем происшедшем, к ним вошел принц, сопровождаемый советником вольфенбиттельского посольства Кейзерлингом. «Я намерен, господа, — сказал принц собранию, — сложить с себя все мои должности и пришел объявить вам об этом.»

Я отвечал принцу, что, никогда не возлагав на его высочество никаких должностей, не вижу, каких именно могу лишать его и теперь; но что в настоящее время речь не о должностях и званиях, а о спокойствии империи; что я наконец не мог не сообщить гг. присутствующим моего разговора с его высочеством. Этот разговор, повторенный мною от слова до слова и без малейшего противоречия со стороны принца, произвел ропот в собрании. Генерал Ушаков, слишком взволнованный всем слышанным, подошел очень близко к принцу и сказал ему прямо в лицо:

— Могли ли мы думать, сударь, чтобы вы были способны вводить у нас то, чего здесь не бывало видано? Как! вы хотите вознаградить нашу службу убийствами и кровопролитием, вами уже зачинаемым? Хотя вы и отец императора, но вам не следовало бы забывать, что старший подполковник во всей гвардии — я; и я же командир того самого Семеновского полка, на который вы опираетесь, желая им располагать по вашему произволу. Разуверьтесь, если воображаете, что я перестал быть честным человеком. Клянусь, останусь таким до самой смерти.

При этих словах принц заплакал. Он проклинал тех, кто ввел его в заблуждение, просил прощения в присутствии всего собрания и клятвенно обещал не возобновлять никаких покушений. Составили акт, содержание которого я забыл. Помню только, что все присутствующие утвердили этот акт приложением своих гербовых печатей.

Несколько дней спустя вбежала ко мне баронесса Менгден, весьма смущенная. Она поспешила сообщить, что ее величество ныне царствующая императрица³, показывала ей портрет и меру роста герцога Голштинского, причем очень выхваляла баронессе этого государя, между тем как при жизни покойной императрицы никто не видал этого портрета, который — что ей, баронессе, известно —

намерены показывать теперь с удовольствием всем и каждому. Фельдмаршал Миних трубил мне в уши то же самое, утверждая, что об этом было говорено и его племяннице. Он обдумывал, соображал и, уверенный, что во всем этом кроется что-то намеренное, советовал мне воспользоваться моими правами и запретить показывание портрета. Я отвечал фельдмаршалу, что каждый волен иметь у себя портреты родных и, следовательно, странно бы было лишать этого права ее императорское высочество. Принцесса Анна тоже говорила со мною об этом, но полусловами. Затем шум стихнул разом. Тишина и спокойствие продолжались несколько дней. Перед самую эпоху моего несчастья фельдмаршал Миних предупредил меня, что камер-юнкеры двора ныне царствующей императрицы весьма нередко посещают французского посланника. Это обстоятельство казалось Миниху подозрительным. Я отвечал фельдмаршалу, что подобные знакомства и связи не могут иметь важных последствий, тем более что как ему, фельдмаршалу, известно — ее высочество цесаревна всегда может рассчитывать на помощь преданного ей народа. Миних возражал, что в расположении к цесаревне народа он сомневается, а в преданности ее высочеству войска совершенно уверен. «Нет, — говорил я, — войско и народ, сановники и простолюдины — все искренно и одинаково любят ее высочество. Это так верно, что даже гвардия, не выключая полка, которым вы теперь командуете, вполне предана цесаревне». Миних уверял, что именно теперь все в восторге от того, что на троне император, который упрочит наконец престолонаследие в мужской линии, и что если бы даже было иначе, то он, фельдмаршал, все-таки находит излишним столько угождений цесаревне, которую, напротив, мне следовало бы схватить и заключить в монастырь. Изумленный таким образом мыслей фельдмаршала, я едва мог верить своим ушам. «Ну уж, это было бы слишком!» — проговорил я Миниху, оробев совершенно. Он заметил последнее и, оставляя меня, сказал: «Предположимте, наконец, что цесаревна могла бы быть заключена не навсегда, а на несколько лет».

Фельдмаршал, конечно, не сомневался, что в этом мы не согласимся; он не мог ожидать, чтобы я попался в ловушку, очертя голову. Более вероятно, что Миних предлагал мне такую меру или в видах ее ускорения с моей стороны, или с целью заставить меня со временем раскаяться в ее отсрочке, если бы даже я и не вполне пренебрег ею.

Как бы то ни было, фельдмаршал встретил во мне совершенное противоречие и чувствовал, что зашел слишком далеко. Он боялся, чтобы я не заставил его при случае поплатиться за такую неосторожность, — и не поколебался принести меня в жертву своему личному спокойствию.

Я был схвачен в постели, в ночь с 8 на 9 ноября, поднят в одной рубашке гренадерами, вытасчен ими к карете, приготовленной Минихом, и под конвоем Минихова адъютанта Манштейна отвезен в Зимний дворец. Тут меня ровно ни о чем не спрашивали.

9 ноября после обеда меня и все мое семейство отправили в одной карете в Шлиссельбург, где я пробыл до 13 июня: Тут меня допрашивали три раза. При втором и третьем допросах предлагались мне следующие пункты: До какой степени простирались отношения мои с нынешней императрицею, имевшие целью удаление от престола тогда царствовавшего императора? Каким образом приглашал я в Россию нынешнего великого князя? Кто именно знал об этом? Каким образом принимался я за дело о бракосочетании нынешнего великого князя с моею дочерью? Остальные пункты заключались в мелочах: зачем говорил я, что если принцесса Анна достигнет регентства, то семейство Менгден будет управлять всею Россиею? Как мог я отзываться, что все включенное Менгденами в манифест есть ткань лжи и нечестия?

Я отвечал лаконически, что все это мне совершенно неизвестно. Но заявил, что со мною поступают бесчеловечно и неслыханным образом; что везде, а также и в России, существует обычай уличать обвиняемого письменными доказательствами или изустными показаниями достоверных свидетелей; что сам я лицо владетельное, вассал короля польского⁵ и, следовательно, нельзя меня допрашивать и выслушивать без депутата со стороны Польской республики. Мне довольно грубо отвечали, что, упорствуя в подобном для себя исключении, я напрасно буду стараться воспрепятствовать юрисдикции моих судей; что, напротив, мне вовсе бы не мешало отказаться от своих требований, которые отнюдь не помогут, а свидетелей для моего обвинения найдется достаточно. Я уступил, ждал, был доволен. Наконец мне дали очную ставку с Бестужевым-Рюминым, самый вид которого уже возбуждал сожаление. Встретив меня, Бестужев мне поклонился и воскликнул: «Я согрешил, обвиняя герцога. Все, что мною говорено, — ложь. Мне не в чем уличить его.

Кроме хорошего, я ничего не могу сказать о герцоге. Прошу гг. следователей внести настоящее показание мое в протокол. Признаюсь торжественно, я был подкуплен фельдмаршалом Минихом: он обещал мне свободу, но с условием — запутать герцога. Жестокость обращения и страх угроз вынудили меня к ложным обвинениям герцога».

Со всем тем обвинительные пункты вовсе не были важны. Они касались поведения принца Брауншвейгского, семейства Менгден, вызова на дуэль, которую я должен был иметь с принцем, и прочих подобных же пустяков. Все поздравляли меня. В Петербург был отправлен нарочный курьер, с возвращением которого все ожидали благоприятного для меня оборота моего дела. Но вместо того следователи были встревожены получением строжайших предписаний на мой счет с присоединением выговора за неточное исполнение своего долга. Меня и семейство мое повелевалось заключить еще теснее, а Бестужева-Рюмина тотчас же отправить в Петербург.

В конце апреля прибыли: бывший кабинет-секретарь Яковлев, гвардии майор Соковнин и капитан Ямыш. Они делали мне третий допрос следующим образом:

Опасные намерения мой — так начали новые судьи — уже открыты. Но милосердие принцессы Анны превосходит громадность моих преступлений. Если я добровольно и без утайки объясню все, о чем меня будут спрашивать, то мне обещается от имени принцессы не только свобода, но и значительная награда. Если же, напротив, я захочу упорствовать в прежних моих показаниях и не идти далее, то мне с семейством не следует ожидать никакой пощады: мы погибнем без помощи и невозвратно. Затем следовали пункты: 1) Так как сама цесаревна Елизавета показала, что я не переставал побуждать ее к низвержению с престола тогда царствовавшего императора с целью воцарить на его место герцога Голштинского, то от меня требовались объяснения: для чего я покушался на такую революцию? какими средствами думал привести ее в исполнение? кто были мои сообщники? 2) Вместо того, чтобы оставить мои покушения, зачем я надоедал ими цесаревне, которая, не одобряя ничего подобного, милостиво старалась отвлечь меня от исполнения моих преднамерений? 3) В каких выражениях заявлял я мысль о бракосочетании нынешнего великого князя и какие располагал употребить к тому способы? 4) Что делывал я у нынешней царствующей императрицы, посещая ее секрет-

но, ночью? 5) Для чего так часто прихаживала ко мне цесаревна и какие меры предпринимали мы, запершись с нею наедине? Следователи повторяли, что все это обнаружено самою цесаревною и мне остается только объяснить по пунктам все обстоятельства. Я отвечал вкратце, что хотя у меня отнято все, кроме чести и совести, которых не дам никому похитить, но не знаю ничего того, о чем меня спрашивают, отроду не замышлял ничего подобного; никогда не посещал цесаревну ночью; был у ее высочества всего один раз, и то среди белого дня, когда цесаревна благосклонно позволила мне явиться к ней с соболезнованием о кончине императрицы. Что же касается до визитов, которыми иногда удостоивала меня цесаревна, то они были знаком милости, постоянно оказываемой ее высочеством моему семейству. Я заключил тем, что, совершенно уверенный в сердечной справедливости цесаревны, не разумею ее высочество способною неблаговидно воспользоваться особенностями, которые предлагаются ей к моему обвинению, и готов понести бремя моего несчастья, предавшись воле бога, верховного судии и истинного сердцеведца. После этого объяснения кабинет-секретарь Яковлев, надеясь убедить меня успешнее, выслал своих сочленов и еще раз пригласил меня к сознанию, если желаю уйти от беды. Но, слышав, что на приобретение свободы такую ценою согласия моего никогда не будет, Яковлев объявил мне, что я пропал. Мне пришлось убедиться в этом на деле. Июня 13 прибыл за мною конвой, и меня с семейством повлекли из Шлиссельбурга в Сибирь. 5 ноября мы достигли места, где должно было окончиться наша жизнь и где смерть, вероятно, предупредила бы продолжительность наших страданий, если б господь не явил милости своей ее величеству ныне царствующей государыне. 20 декабря — день нашего освобождения. К нам прибыл курьер с радостною вестью, что наше заключение окончилось. Тогда же были мы снабжены всем необходимым. Восемь дней спустя загорелся дом, в котором мы содержались, и сгорел до основания. Нас перевели к воеводе. У него жили мы до 27 февраля следующего, 1742 г., потом отправились в путь и через четыре недели приехали сюда⁶. Бисмарк и мои братья соединились с нами спустя несколько месяцев. Теперь мы здесь в постоянном ожидании милосердия божия и ее императорского величества, славное царствование которой да утвердит небо и да продлит оно дни государыни.

Часть четвертая

**«РЕБЯТА, ВЫ ЗНАЕТЕ,
ЧЬЯ Я ДОЧЬ!»**

**Переворот Елизаветы
1741 г.**

Имя великой княжны Елизаветы Петровны называлось при каждой смене правителей на российском троне с 1725 года, но всякий раз корона доставалась кому-нибудь другому. Царевна, казалось, весьма холодно относилась к советам ее доброжелателей, предлагавшим еще в 1730 году не допустить восшествия на престол Анны. И потом находились горячие головы, которые замыслили свергнуть Анну Иоанновну, а Бирона и Анну Леопольдовну сослать или заточить. Но час Елизаветы пришел позже — и удачный эксперимент фельдмаршала Миниха, по-видимому, немало укрепил решимость великой княжны. Миних слишком наглядно показал, что и как надо делать, если хочешь переменить российское правительство.

В общественном мнении Елизавета волею политических обстоятельств заслужила репутацию главы «русской» партии, противостоящей засилью иностранцев при дворе Анны Иоанновны. И в этом отношении Елизавета 1741 года была полной противоположностью Елизавете 1725 года. При кончине Петра как раз именно его дочери считались наряду с Екатериной главными покровителями иноземцев. В политическом отношении Елизавету почти не отличали от Анны, ее старшей сестры, а та в свою очередь была как бы символом голштинского влияния на русский двор. Один из иностранцев не случайно писал о великой княжне, что душой она вполне немка (в его оценке звучало, естественно, одобрение), — Елизавета не родилась какой-то особенной русской патриоткой, она просто становилась центром притяжения для той придворной группировки, что в настоящий момент оказывалась отстраненной от власти. При Петре II с ней связывали свои надежды «немцы», при двух Аннах и Бироне (и особенно после казни А. Волынского) — «патриоты». Елизавета и Бирон, казалось бы, должны стать непримиримыми врагами — на самом деле, напротив, их связывали какие-то до сих пор не вполне

ясные общие планы. Недаром Бирон в той редакции своих записок, которая помещена в предыдущем разделе, так настойчиво дает понять, что пострадал не в последнюю очередь из-за Елизаветы, поскольку слишком заботился о ее интересах. Шла ли речь у герцога Курляндского и великой княжны во время их встреч о возможной женитьбе на Елизавете сына Бирона, рассматривались ли комбинации с вызовом в Россию «голландского чертушки» («так говаривала Анна Иоанновна), то есть юного принца Петра-Ульриха,— в любом случае эти беседы могли привести к неприятностям для Брауншвейгской фамилии — Анны Леопольдовны и ее мужа. Сближение Бирона и Елизаветы, наверное, ускорило свержение регента. Но теперь уже опасения за свою судьбу, и не без оснований, испытывала сама великая княжна.

Собственно, страх был взаимным. Агенты Миниха, следившие за Елизаветой, давно сообщали, что ею что-то затевается. Анну Леопольдовну предупреждали и из-за границы. В Западной Европе уже в феврале 1741 года ходили слухи о готовившемся перевороте...

Между тем заговор, действительно сплетавшийся сторонниками Елизаветы, имел важную особенность — как никогда раньше, в нем было заметно участие иностранных держав. В изложении Анны Леопольдовны руками Елизаветы усмотрела для себя выгоды Швеция, искавшая возможности взять реванш за неудачи в Северной войне. После некоторых колебаний поддержать претензии Елизаветы на престол решил и версальский двор. Блистательный и высокомерный, но вместе с тем не слишком удачливый на дипломатическом поприще французский посланник маркиз де ла-Шетарди считал себя душой заговора. Он вел долгие переговоры с великой княжной и ее доверенным лицом — хирургом Лестоком в надежде использовать внутреннюю борьбу в России на пользу Франции и ее союзнице Швеции. Реальная помощь его, впрочем, оказалась не слишком значительной — он передал Елизавете скромную сумму в две тысячи дукатов. Будущая императрица не стеснялась обсуждать с маркизом и шведским посланником бароном Нолькеном возможность возвратить Швеции за ее помощь при перевороте часть земель, завоеванных Петром I. Но к чести великой княжны и ее советников следует признать, что никаких конкретных обязательств она на себя не взяла. Несмотря на все старания, ни Нолькен, ни маркиз де ла-Шетарди не смогли

добиться от нее и каких-либо письменных обращений к чужим правительствам с соответствующими обещаниями. В конце концов «главный заговорщик» — маркиз, по сути дела, проспал переворот, как ни старался потом в донесениях в Версаль задним числом выдать себя за активного участника этих событий. Главные нити заговора держали в своих руках другие люди — Лесток, М. И. Воронцов, Шуваловы, опиравшиеся на гвардию.

Гвардейцы давно симпатизировали Елизавете, знавшей, как им понравиться. Уже в 1737 году правительство Анны Иоанновны казнило прапорщика Преображенского полка А. Барятинского за намерение поднять «человек с триста друзей» ради Елизаветы. В 1740 году гвардейцы, арестовывавшие Бирона, судя по признаниям Миниха, ожидали, что власть перейдет именно к Елизавете. Для них дочь Петра превратилась в символ национальной государственности, противопоставляемой засилью «немцев». К тому же по смерти Петра прошло уже много времени, и облик императора, казавшегося многим при жизни жестоким тираном, начинает приобретать в общественном сознании все больше харизматических черт — фигура Петра как бы вырастает, становится символом величия России. Уже не вспоминают, что Петра подменили на немца то ли в Кукуе, то ли за границей, что он вообще не что иное, как воплощение Антихриста, — неубедительность следовавших за смертью Петра российских правительств будила ностальгические воспоминания в обществе, заставляла позабыть жестокости и сумасбродства первого императора.

Характерно и то, что надежды на возвращение «золотого» петровского века связывались не с последними из «птенцов», его соратников по делам государственным, и теперь еще близким к самым вершинам власти — Остерманом и Минихом, а с внебрачной дочерью Петра, родившейся уже после Полтавской победы.

Советский историк Е. В. Анисимов показал, что из 300 гвардейцев, совершивших елизаветинский переворот, не было и пятой части дворян — похоже, политика Бирона, желавшего «укротить» гвардию путем пополнения ее рядового состава обычным рекрутским набором, сказала на гвардии. Но отнюдь не привела к главному результату — выключению преображенцев, семеновцев, измайловцев из борьбы вокруг российского трона. Наоборот, все новые сословия в лице своих отдельных представителей

начинали путать дворец и казарму. Сказочная легкость переворотов, завидное возвышение всех, рискнувших принять в них участие, рождали соблазн. Примеры Миниха и Елизаветы не могли остаться без подражания в веке, прославившемся своими авантюристами. И вот уже посягать на трон собираются... камер-лакеи! Дело Турчанинова показывает, какие карикатурные формы принимает страсть решать династические проблемы открытым насилием. Но такие карикатуры отнюдь не смешили Елизавету. Ее успех заронил страх ей же в душу — кто сможет поручиться, что не найдется у нее способных учеников? До переворота Елизавета через своих соглядатаев точно знала, в какой комнате дворца ночует Анна Леопольдовна. После 1741 года новая императрица все время морочит голову придворным, неожиданно перенося свою спальню из одного покоя в другой. А ведь раньше смелости у нее хватало — Анна Леопольдовна в такой же ситуации переворота наотрез отказалась сама встать во главе гвардейцев, шедших свергать Бирона, Елизавета же не побоялась лично повести гренадер во дворец Правительницы. Елизавету стали преследовать призраки заговоров. В 1743 году состоялось шумное «дело Лопухиных», когда наказания явно не соответствовали тяжести проступков. Свергнутая Брауншвейгская фамилия не только лишилась возможности выехать из России, но оказалась в таком строгом заключении, какого, пожалуй еще не приходилось испытывать в России столь высокопоставленным персонам. Чтобы избежать возможных заговоров в пользу племянника — принца Голштинского, Елизавета срочно выписала его в Петербург, где держала его у себя на виду. Бывшие соратники по перевороту — маркиз де ла-Шетарди и Лесток запутались в придворных интригах и попали в опалу. Маркиза выслали с позором в 1744 году, когда всемогущий А. П. Бестужев-Рюмин прочитал императрице несколько выдержек из перехваченных и расшифрованных в его «черном кабинете» депеш слишком самоуверенного француза. Что касается Лестока, то его арестовали три года спустя. После пыток и смертного приговора бывшего лейб-медика отправили в ссылку сначала в Углич, затем в Великий Устюг. Тут Елизавета, кстати, последовала примеру отца — Петр I, вообще-то снисходительный к любовным приключениям своих приближенных, сослал в 1720 году Лестока в Казань за обольщение дочери одного из придворных.

Сам А. П. Бестужев-Рюмин, столь решительно устранивший маркиза и Лестока, тоже пал жертвой подозрений — в 1758 году. Хотя компрометирующих документов не нашли (Бестужев их вовремя сжег), но многие были уверены, что готовился серьезный заговор с целью возведения на престол новой претендентки — великой княгини Екатерины... Традиция никак не прерывалась...

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 23 декабря 1740 (3 января 1741 года)

⟨...⟩ Что удивило меня — и я не один, заметивший это, — Правительница следовала непосредственно за гробом царицы [Анны Иоанновны], принц Брауншвейгский шел за нею, а принцесса Елизавета занимала третье место по порядку шествия¹. Было бы печально, если бы уступчивость, выказанная ею в этом случае, послужила ей во вред. Если верить дошедшим до меня из нескольких источников слухам, то существует недовольство, и простолюдины, боготворящие принцессу Елизавету, возносят мольбы о наступлении переворота, по числу соответствующие множеству сторонников этой принцессы, трудящихся в ее пользу. ⟨...⟩

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 3 (14) января 1741 года

⟨...⟩ Когда я посетил ее¹ вчера, она высказалась еще откровеннее чем когда-либо. Она сказала мне, что при том положении, какое приняли дела, это не может так долго продолжаться. Принцесса горько жаловалась на правительницу и фельдмаршала Миниха. Она заявила мне на основании сказанного ей накануне графиней Остерман, что муж этой особы обнаруживает расположение в ее пользу. Она присовокупила, что может рассчитывать на кн. Черкасского и на всех офицеров гвардии русского происхождения; и многие другие лица, которых долго было бы называть по именам, думают точно так же, и все готовы открыто принять ее сторону, как только увидят возможность к тому. Не следует полагать, что всегда можно нарушить права,

приобретенные рождением,— она же тем охотнее вспоминает о своем, что кровь Петра I течет в ее жилах. Лишь с доверием может она, принцесса, относиться к дружбе Франции и будет ей предана столь же сильно, как и всегда была в глубине своей души.

Я заявил принцессе Елизавете, что мне весьма приятно верить в искренность ее чувства, а потому и питать убеждение, что она никогда не изменит дорогой и отрадной памяти, сохранившейся во Франции о Петре Великом. Я с огорчением вижу, что она имеет повод к жалобам, тогда как мне доставило бы утешение видеть ее исполненной твердости и достоинства, вполне неразлучных с ее происхождением. С таким же удовольствием я убеждаюсь в благоприятном отношении к ней народа <...>

Легко представить, что принцесса Елизавета войдет со мной и в дальнейшие рассуждения о положении ее дел, раз уж она вступила на этот путь. Но столь же трудно допустить, чтобы Нолькен, договариваясь с ней о чем-либо, не примешал сюда союза, заключенного между Францией и Швецией, и не указал на необходимость условиться с последней державой. Поэтому вы, м. г., быть может, не прочь согласиться, что для службы короля будет важно оказать содействие вступлению на престол принцессы Елизаветы и тем привести Россию по отношению к иностранным державам в прежнее ее положение, а при этом утвердить принцессу в намерениях, по-видимому благоприятных к Франции, или разделить по крайней мере благодарность, какую стяжает Швеция, поддерживая интересы принцессы Елизаветы. В таком случае снабдите меня, пожалуйста, скорее повелениями и дайте средства, могущие доставить успех подобным планам в случае, если бы была вероятность, что успех их возможен. Я мог заметить из присланных мне инструкций, что Е. В. обращает внимание на несправедливость, совершенную по отношению к этой принцессе, когда ей была предпочтена покойная царица при вступлении на престол. Я должен присовокупить, что повеления и средства, без которых я не могу ничего сделать, должны быть тем более обширны, что обстоятельства здесь подвержены частым переменам, упущенный случай никогда не встречается больше, и в то же время слишком большая отдаленность здешнего двора мешает устранить эти неудобства. <...>

С.-Петербург, 6 (17) января 1741 года

⟨...⟩ Нолькен, с которым я виделся вчера вечером, как я уведомлял вас в последнем письме, представил мне вполне достоверное и точное сообщение о своем свидании с принцессой Елизаветой. Еще раньше этого свидания Нолькен узнал через французского хирурга¹ о намерениях этой принцессы и был уполномочен следовать таким планам согласно желанию его двора, как только заметит образование партии или с этой принцессой во главе, или с принцессой Анной, или, наконец, с герцогом Курляндским. Министр этот руководится в своих действиях верным соображением, что с герцогом Бироном ему нечего больше делать, а если он будет вести переговоры с Правительницей, то все будет известно прежде всего русскому министерству, чего шведские министры желают избежать. Поэтому он не может лучше выполнить смысла инструкции, как принять сторону принцессы Елизаветы в уверенности, что он будет действовать один в сообществе с принцессой Елизаветой и известным хирургом и что тайна будет сохранена ради них самих. Нолькен, говорю я, тем не менее признал весьма важным — обеспечить себе оправдание письменным полномочием со стороны принцессы Елизаветы. Хирург также признал это необходимым; составленный шведским посланником вследствие этого начерно документ и представленный им в пятницу вечером принцессе Елизавете заключает в себе следующее:

«Я поручаю и разрешаю г. Нолькену, чрезвычайному посланнику шведскому при русском дворе, ходатайствовать от моего имени перед е. в. королем и королевством шведским об оказании мне помощи и необходимого содействия для поддержания моих неотъемлемых прав на всероссийский престол, основывающихся на моем происхождении и на завещании покойной императрицы Екатерины, блаженная памяти моей родительницы. Я одобряю и одобрю все меры, какие е. в. король и королевство шведское сочтут уместным принять для этой цели, и обещаю, в случае если Провидению, прибежищу угнетенных, угодно будет даровать счастливый исход задуманному плану, не только вознаградить короля и королевство шведское за все издержки этого предприятия, но и представить им

самые существенные доказательства моей признательности».

Принцесса же Елизавета, напротив, изъявила прежде всего желание, чтобы Нолькен действовал на основании ее словесной просьбы. Она присовокупила ему, что, как только просьба эта будет таким образом представлена королю и королевству шведскому и принята ими, она, принцесса, не поколеблется ни минуты изложить ее письменно. Однако Нолькен не отступал от своего первоначального требования, он поставил на вид то благоприятное обстоятельство, что в Швеции собрались государственные чины и ничто не могло более ускорить успешное выполнение замысла, при отсрочке же интересы принцессы могли бы пострадать. Настоящий момент тем более драгоценен, что, следуя обычному почтовому сообщению, на ответ с сегодняшнего дня понадобилось бы два месяца; принцесса же, без сомнения, понимает, что выжидать — значило бы терять момент, который не легко, пожалуй, будет найти снова. Принцесса Елизавета попросила у Нолькена несколько дней на размышление, чтобы принять решение по этому предмету. Хирург затем обнадежил этого министра, что принцесса решится исполнить его требование. Нолькен, человек разумный и предусмотрительный, пожелал разъяснений. Принцесса Елизавета ничуть не скрыла от него, что завещание ее матери, хотя и самый сильный довод, на который она могла сослаться, назначает ее, однако, преемницей престола лишь вслед за герцогом Голштинским и его потомством. Поэтому было бы хорошо, если бы действия шведов с внешней стороны скорее казались предпринятыми в пользу этого герцога, нежели в пользу ее, принцессы. Однако с такою же откровенностью она заявила Нолькену, что рассчитывает, оказывая такую полезную услугу интересам герцога Голштинского, получить возможность вступить раньше него на престол, тем более что она решила никогда не выходить замуж. Поэтому она полагает, особенно имея в виду возраст ее племянника и назначение его и потомства преемниками престола, что не нанесет ему никакого ущерба. Когда же Нолькен стал входить в большие подробности, принцесса Елизавета для его удовлетворения заявила ему положительно, что она вполне уверена в своей партии, которая выступит, как только придут иностранцы с явным намерением поддерживать права потомства Петра I. Правда, что касается справедливых и настойчивых указаний шведского посланника

на необходимость вождя, его еще не было, но тогда он будет найден, и, может быть, даже эту обязанность примет на себя генерал Ушаков. Впрочем, на здешний народ не надо смотреть, как на прочие нации, где для успеха плана необходимо, чтобы все меры были обдуманы, приняты и обусловлены заранее. Здесь же можно было бы все испортить, действуя таким образом. Слишком велико недоверие между отдельными лицами, чтобы можно было заранее привести их к соглашению. Главное состоит в том, чтобы заручиться их сочувствием отдельно, а как скоро начал бы действовать один, все двинулись бы как снежная лавина: всякий с удовольствием бы присоединился к движению, считая, что он равным образом разделит и славу успеха. В худшем же случае она, принцесса, предложит себя в предводители гвардии. Она скажет им слово, и этого будет достаточно; она ни за что не посрамит крови, текущей в ее жилах, сумеет рассеять даже тень подозрений, которые, как ей известно, существуют относительно ее слабости, и выкажет себя достойной дочерью Петра I, как по своей твердости, так и по соблюдению долга дружбы и признательности. Принцесса эта, дабы лучше охарактеризовать настроение народа, заметила вдобавок, и это весьма вероятно, что гвардейские офицеры неизменно являются к ней по воскресеньям засвидетельствовать почтение: обычай, совершенно оставленный ими с кончины царицы Екатерины. Принцесса Елизавета сказала, кроме того, Нолькену, что не отказывала никогда воспринимать от купели всех детей у гвардейских солдат, просивших ее об этом, и таким образом привлекала их на свою сторону, тем более что эти люди в качестве кумовьев имели к ней свободный доступ и, как говорится, «в о д и л и с н е й х л е б - с о л ь». Я расскажу вам сейчас один случай по этому поводу, о котором я забыл сообщить вам в субботу. Принцесса уведомила также Нолькена, что она может положиться на Астраханский, Ингерманландский и Ростовский полки, входящие в состав здешнего гарнизона и ожидающие лишь сигнала со стороны гвардии. Войска, стоящие в Новгороде и окрестностях Петербурга, не менее преданы ей; наконец, духовенство питает такие же чувства.

Нолькен выразил свою радость принцессе Елизавете по поводу обстоятельств, предвещающих так много хорошего; он заметил ей в свою очередь, что для придания им большей основательности, необходимо напомнить ей о пос-

ле Франции, так как Швеция настолько тесно связана с Его Христ. Вел., что без его помощи и согласия желания Швеции окажутся бессильны. Принцесса Елизавета отвечала Нолькену, что она одобряет указываемое им средство тем охотнее, что расположение ее к Франции побуждает ее надеяться, что она отнюдь не встретит там противодействия своим интересам и что она питает полное доверие ко мне.

А относительно случая, который я упустил из виду сообщить вам и о котором я слышал от самой принцессы Елизаветы, он заключается в следующем: фельд-маршал граф Миних, придя к ней с пожеланием счастья в Новый год, был чрезвычайно встревожен, когда увидел, что сени, лестница и передняя наполнены сплошь гвардейскими солдатами, фамильярно величавшими эту принцессу своей кумой; более четверти часа он не в силах был прийти в себя в присутствии принцессы Елизаветы, ничего не видя и не слыша. <...>

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 3 (14) февраля 1741 года

<...> Она сообщила мне, что во время пребывания ее за городом она устраивала обеды офицерам Ростовского полка, находящегося по соседству на постое, и готовность этого полка служить ей обнаружилась настолько явно, что ей труднее было сдерживать их, нежели подстрекать. Кроме того, у нее бывало несколько лиц из высшего духовенства, и в особенности она имеет основание быть довольной архиепископом Новгородским и епископом Киевским. Однако расположение, выказываемое к ней этими лицами, не может иметь большого влияния, как бы ни было велико суеверие народа. Во всяком случае, военные должны дать первый толчок, и этого, по-видимому опасаются настолько, что наполняют полки иностранными офицерами; последнее обстоятельство и ее немало беспокоит. Точно так же, к большому огорчению коренных русских, в войсках впереди них помещены придворные лакеи, штат которых был преобразован по смерти царицы. Наконец, мы заговорили о том, что более существенно, а именно — о зачислении 400 немецких солдат в три гвардейских пехотных полка, причем было распущено 200 солдат, служащих в вышеупомянутых полках и находя-

щихся там еще со времени Петра I. Пример их увлек бы остальных, так как все лица, служащие с этого времени, преданы ей — принцессе: Я воспользовался всеми этими подробностями разного рода, чтобы заявить ей, что ей надо как можно более поспешить обеспечить за собою содействие, которое она могла бы найти, кроме того, извне, не для того чтобы тотчас же и действовать, но чтобы все было подготовлено к тому моменту, когда можно будет приступить к делу. <...>

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 14 (25) февраля 1741 года

Судя по заявлению графа Гилленборга Нолькену, Швеция, по-видимому, готова сосредоточить внимание на замысле, интересующем принцессу Елизавету. По крайней мере, вероятно, что случай этот окажется благоприятным для шведов, если бы они употребили силу и пожелали доставить средства на первоначальные издержки, которые здесь будет необходимо сделать. Несколько сот лиц в провинции высказались в пользу принцессы Елизаветы. Их рвение, обнаруживающее их сердечную склонность, во всяком случае преждевременно, а потому принцесса эта пользуется влиянием архиепископа Новгородского для охлаждения пыла, который мог бы скорее послужить ей во вред, чем на пользу. Ее сдержанность основывается на том же соображении, и если известный вам французский хирург не скрыл третьего дня от Нолькена, передавая слова принцессы Елизаветы, что было бы для нее крайне необходимо располагать некоторым капиталом, то он же не утаил и того, что принцесса не может преодолеть опасений, вследствие риска, какому она подвергнется, выдав упомянутое раньше письменное заявление. Он присовокупил Нолькену, что такая осторожность несколько не ослабит признательности этой принцессы и что она всегда будет в соответствии с тем, насколько принцесса сознает важность услуги, оказываемой ей Швецией. Нолькен, ссылаясь на искреннее желание Швеции служить принцессе, справедливо поставил на вид хирургу, что надо наконец открыть способ, при помощи которого принцесса думает выполнить свой замысел, не соглашаясь на средства, могущие придать ему надежность. Хирург, вполне поняв силу

этих слов, взялся передать их принцессе Елизавете и доставить послезавтра ее ответ.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 28 февраля (11 марта) 1741 года

⟨...⟩ Хотя вы нашли уместным, чтобы я выказал несколько большую готовность по поводу первых заявлений принцессы Елизаветы, я был крайне озабочен мерами предусмотрительности, которые вы мне предписали соблюдать, и отнюдь не раскаиваюсь в том, что руководился с самого начала этим принципом. Последствия докажут, что доверие, оказываемое этой принцессой ко мне от того не уменьшилось. Я виделся еще вчера с ее хирургом и поручил ему уведомить свою повелительницу о том, как относится к ней король и чего она может ожидать от е. в., доверившись ему. Он почувствовал все значение и силу таких уверений и сообщил мне, что если бы принцесса Елизавета и не в состоянии была заслужить столь благосклонного к ней отношения, то постаралась бы сделаться достойной этого тем образом действий, который она будет соблюдать, и вниманием, с каким она не будет ничего делать, кроме удобного королю. Мы последовательно разобрали преимущества, какие приобрела бы эта принцесса, решив воспользоваться благоприятным расположением, обнаруживающимся по отношению к ней, не давая здешним людям привыкнуть к правлению, с коим они могли бы освоиться тем легче, что их привело бы к тому рабство, в котором их держат. Был также поднят вопрос о причинах, на основании которых, быть может, прибежали здесь к предосторожности не показывать царя. Хирург уверил меня, что принцесса Елизавета настолько убеждена в планах, которые здесь могут замышлять, что не упускает случая как можно чаще навещать здешнего государя и нашла средства получать уведомление обо всем, что с ним ни случится. Хирург сообщил мне при этом, что здешний государь мал не по возрасту, что с некоторых пор у него обнаруживаются некоторые внешние признаки особы, у которой произошло сокращение нервов. Это началось с самого момента его рождения, так что лекарства, которыми пользовались, чтобы направить природу на ее естественный путь, не имели никакого

действия. Он присовокупил мне, что царь непременно умрет при первом сколько-нибудь значительном нездоровье, какое у него будет, потому что лейб-медик, хотя и очень искусный, подчинен воле правительницы, которая при участии совета из женщин решает, что нужно и чего не нужно давать этому государю.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 21 апреля (2 мая) 1741 года

М. г., если бы опыт, приобретаемый с течением времени, и то, что принято везде в других государствах, могло найти здесь какое-либо применение, то я считал бы значительным промахом, если бы пренебрег приобрести главным образом сведения, способные дать точное понятие о составе партии принцессы Елизаветы. Но здесь ежедневно бываешь свидетелем того, что нимало не походит на правила, применяемые во всех других странах, так что нельзя даже составить себе и понятия о вещах, происходящих перед глазами, — настолько они необыкновенны и так мало соответствуют установленным и принятым нравам и обычаям. Поэтому неизбежно приходится обращаться к другому способу. Я несколько не боюсь высказать, что здесь нас постигла бы неудача, если бы следовать тому ложному пути, при помощи которого обыкновенно успевают.

На этом принципе я и остановился, когда увиделся с упомянутой принцессой, а затем с ее хирургом, а именно: противодействовать, основываясь исключительно на ее собственных интересах, против нерешительности, которой она не может преодолеть, и заручиться прежде всего тем, что может обеспечить выгоды Швеции. <...>

Я уже принимал участие в совещаниях Нолькена и в его присутствии намекал хирургу, что этот министр без ходатайства здешней принцессы не может оправдаться перед своим двором. Кроме того, я предложил в виде особого средства, чтобы этот документ был передан мне. В таком случае принцесса, будучи в состоянии когда угодно его найти и видеть в своих руках, не стала бы более опасаться, что он попадет в чужие руки. <...>

Я старательно удалил все, что имело бы хоть какой-нибудь признак принуждения ее к чему-либо с целью более верно привести ее к желаемому мною плану, уверив ее, что при этом заняты лишь ею и ее выгодами. Я ссылался

на удовольствие, которое испытывает король, содействуя таким целям, и передавал уверения принцессе, что действия Е. В. всегда будут направлены единственно к удовольствию видеть ее счастливой и восседающей на престоле.

Тогда и принцесса не замедлила высказать мне, как она тронута тем, что король желает для нее сделать, и, руководимая живейшею признательностью, питаемой за это, она ни минуты не замедлила бы ее высказать, взяв на себя честь написать Е. В., если бы соображения, которым она оказывается подчиненной, не лишали ее средств к тому. Тем скорее она поспешит вознаградить за упущенное, если дела примут счастливый оборот. Она ни о чем не будет тогда заботиться сильнее, нежели о том, чтобы всю свою жизнь представлять доказательства своей благодарности королю.

Затем снова стал обсуждаться ответ на то, что я высказал раньше, а именно: что Е. В. счел бы уместным сделать относительно мер внешней политики. Меры, применимые внутри государства, ограничились необходимостью располагать ста тысячами рублей в том случае, однако, если бы понадобилось поощрять тех или иных лиц, когда наступил бы момент решительных действий. Я передал принцессе, что король, всегда занятый мыслью способствовать ее счастью, охотно доставит средства для таких издержек, как только она уведомит меня, каким образом это можно будет сделать, соблюдая тайну.

Пора было мне перейти к предмету, который я все время имел в виду. Я обрисовал в более ярких красках хирургу намерения короля и сказал, шутя, что когда бы Е. В. увидел принцессу Елизавету и уступил бы чувствам, какие она весьма способна внушать, то и тогда бы король не мог заниматься еще более тем, что ее интересует.

«Естественным следствием такого положения явится, — присовокупил я, — что король употребит в действие сильные меры, если отдаленность не помешает тому. <...> Е. В. не может устранить неудобство расстояния, нас отделяющего, иначе как побуждая действовать своих союзников, более близких к России, и вы знаете, что шведы сами по себе весьма расположены к принцессе. Однако король шведский является лишь представителем королевской власти. Он и его министры ничего не могут взять на себя и ответственны в своих действиях перед государственными чинами. <...> Итак, пусть принцесса соблаговолит мне доставить средство, способное дать королю возможность

побудить шведов к решению. <...> Пусть она заявит мне письменно о том, что она желает уступить в случае успеха предприятия. Я бережно буду хранить этот залог, он никогда не выйдет из моих рук. Король, уведомленный лишь о его содержании, в состоянии будет принять определенные меры со шведами, и как только счастливый исход увенчает дело, Е. В., ничего так не желающий, как видеть Европу наслаждающейся полным покоем, в состоянии будет оценить обещание принцессы и, став посредником между нею и шведами, утвердит мир, столь необходимый между соседними державами, который вдобавок, как вам известно, покоится между Россией и Швецией на весьма шатких основаниях. <...>

Вам небезызвестно, каким образом здешний двор действовал уже в продолжение многих лет. Терпение имеет свои границы, и не следует думать, что Швеция станет еще долго и безнаказанно переносить такое положение. Меры, принимаемые ею, по-видимому, указывают на то. К чему же принцессе допускать, чтобы шведы служили чему-либо помимо ее интересов? Не создавайте себе вдобавок никаких иллюзий. Правительница, принц Брауншвейгский, так же как и граф Остерман, чувствуют, что они здесь чужеземцы. А правительство такого рода не будет особенно стесняться для поддержания своей власти пожертвовать чем-либо — и, довольные тем, что избавятся от войны, они могли бы купить мир у шведов, которые, не заключив никаких условий с принцессой Елизаветой, не упустили бы, как вы сами, конечно, полагаете, такого случая. Что ж бы вышло отсюда?

Принцесса лишилась бы всего и не имела бы даже ни малейшей надежды в будущем. Я пойду дальше и скажу вам, что если шведы не вступят заранее в соглашение с принцессой на прочных основаниях, они обратят свое содействие в пользу потомства Петра I вообще. Не будучи в состоянии помешать, они лишь более верным образом возведут на престол герцога Голштинского, а принцесса увидит себя лишенною престола и устраненною от него навсегда». <...>

При последнем разговоре, происходившем у меня с хирургом, я беседовал с ним по поводу ответа, который он желал дать мне относительно того, что я только что изложил вам в подробности. Он высказал мне, насколько принцесса тронута свидетельствами моего рвения, которые я не перестаю ей выказывать. Она хотела бы ответить подо-

бающим образом, слепо подчинившись тому, что я ей внушал, но ей всегда приходится опасаться упреков со стороны своего народа, если она это сделает ради некоторых уступок, жертвуемых в пользу тех прав, которые она предъявляет, чтобы вступить на престол. По этому поводу она приказала спросить меня, нельзя ли удовлетворить шведов при помощи значительных сумм, способных вознаградить их за протори и убытки. Хирург сказал мне еще со своей стороны, что, она надеется, я пожелаю войти в ее положение и согласиться, что как дочь Петра I она обязана быть более осмотрительной относительно завоеваний, сделанных ее отцом и так дорого ему стоивъ.

Я отвечал, что не желал и не желаю искать примера для устранения ее сомнений ни в чем другом, как в том, что делал сам Петр I, и я вечно упрекал бы себя, если бы предложил принцессе иной образец для подражания. Я не могу предположить, чтобы она не знала о мерах, принятых этим государем с Швецией и следствием которых должно было явиться не только возвращение Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и Карелии, но даже оставление Петербурга. Это было единственным пунктом, о котором он стал бы спорить, в то время как смерть Карла XII уничтожила проект, долженствовавший еще более прославить память Петра Великого.¹ <...> Е. В. <...> во всяком случае будет доволен, лишь бы принцесса достигла престола, а потому пусть она сама рассудит: если она может совершить это собственными средствами, тем лучше — развязка будет тем славнее для нее, и чужеземная помощь окажется бесполезной. «Но как же вы хотите, — возразил мне хирург, — чтобы она сама этого достигла?» — «В таком случае, — возразил я ему, — опять-таки принцессе следует подумать, и если без помощи Швеции она не в состоянии надеяться на благоприятный исход, то следует, чтобы она доставила королю возможность помочь ей или пусть она навсегда откажется от надежды царствовать. Она должна вдобавок тем сильнее проникнуться этой истиной, что не может не сознавать, насколько русский народ изнемогает под гнетом слепого рабства, и если только принцесса хоть немного отсрочит свои действия, народ этот до такой степени войдет в привычку повиноваться существующему правительству, что не в состоянии будет отличить уже иностранца, захватившего власть, от законного своего монарха». <...>

Нолькен получил с последней почтой позволение уехать,

но под условием, чтобы он сначала запасся помянутым письменным ходатайством, так как без этого секретный комитет ничего не может сделать. <...>

Вы, без сомнения, поймете, что, если излагая предметы в таком виде, который может привлечь на нашу сторону принцессу, я не достиг больших успехов, так это чтобы она не почувствовала сразу подозрения по поводу того, что малейшим бы образом обнаруживало слишком явные преимущества, какие извлечёт Швеция из нынешнего положения дел. Еще скорее охладела бы к переговорам эта принцесса, если бы наведением справок о ее партии выказано было сомнение относительно ее силы. Ее оттолкнули бы постепенно от замысла соображения, к каким она могла бы прийти, и еще труднее было бы склонить ее к предварительным обязательствам.

В предрассудках, усвоенных у нее с воспитанием, можно заметить следы боязни, которая ее часто тревожит. Бывают минуты, когда, полагаясь лишь на собственное сознание, она считает, что обладает твердостью, какую ей надлежит иметь и внушать, но вскоре она вспоминает, что это вовсе не уберезет ее от катастрофы, и мысль, что ее постригут и запрячут в монастырь до конца дней, снова заставляет ее впадать в состояние слабости, которую ей тем труднее преодолеть, что лица, окружающие ее, предвидят тогда лишь ожидающее их наказание кнутом. Итак, невозможно было не указать ей на необходимость сдерживать свою партию. Я это сделал, и она ее стала сдерживать, несмотря на нетерпение, выказываемое сторонниками принцессы, а в особенности гвардейскими офицерами, которые ей преданы. <...>

Русский без волнения взирает на опасности, которым себя подвергает. Он умирает с истинным геройством. Однако он никогда не имеет мужества выполнить план, который, как ему известно, должен привести его к смерти в случае его обнаружения, если только он не будет увлечен толпой и ясным сознанием, что тайна их уже выдана. <...>

В том случае, если бы проложить путь к престолу принцессе Елизавете, можно быть нравственно убежденным, что претерпенные ею страдания, равно как и пламенная любовь к своему народу, отдалят ее от иностранцев и поселят в ней полное доверие к русским. Как по собственной склонности, так и уступая желанию народа, она немедленно удалится в Москву. Вследствие хозяйственных забот, к которым вельможи питают особую склонность

и которым они предадутся тем рачительнее, что они не занимались ими уже много лет, флот останется в пренебрежении, и постепенно Россия, как увидят, обратится опять к прежним основным взглядам, которые желали водворить Долгоруковы в царствование Петра II, а впоследствии Волюнский, и которые существовали до воцарения Петра I.

Такая система, вероятно, будет непрестанно тормозиться графом Остерманом. Одна лишь революция может помешать ее установлению, и шведы выиграли бы при этом вдвойне, если бы при помощи тех средств, которыми можно было бы возбудить гнев принцессы Елизаветы, восстановив перед ней прошлое, решена была гибель этого министра и если бы Швеция, так же как и Франция, увидела себя таким путем освобожденной от могущественного врага, который всегда для них будет и опасным противником.

К этим соображениям можно прибавить еще некоторые частные. Принцесса Елизавета ненавидит англичан — она любит французов. <...>

Ж.-Ж. Амело — де ла-Шетарди

Версаль, 26 октября (6 ноября) 1741 года

Я сильно опасаясь, м. г., чтобы так называемая партия принцессы Елизаветы не оказалась порождением фантазии. Именно теперь или никогда она должна бы проявиться. Если ей необходимо присутствие шведов в Петербурге, чтобы осмелиться выступить, то от нее нечего ждать большой помощи. <...>

Точно так же я нимало не замечаю в этих русских той слабости и распущенности, которые вам выставлялись на вид, ни той растерянности, которая предсказывалась среди министерства при приближении шведов¹. Граф Остерман ведет себя благоразумно, осторожно и твердо. Русская армия не имеет ни в чем недостатка и не боится, по-видимому, своего неприятеля. Наконец, я сильно опасаясь, чтобы все это не кончилось дурно для Швеции. <...>

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 14 (25) ноября 1741 года

⟨...⟩ При свидании с ней¹ в прошлую среду я подвергся настойчивым расспросам с ее стороны относительно одного пункта, а именно по поводу ссуды, которую она просила е. в. ей выдать. «Итак,— сказала она мне,— на основании того, что вам написали из Стокгольма и что вы сообщили мне недавно, я сговорилась с моими друзьями относительно средств и назначения дня для открытого выступления моей партии заодно со Швецией. И пусть она получит помощь от Швеции, когда это необходимо понадобится для того, чтобы я отнюдь не подверглась риску. Вы понимаете, что теперь именно наступил момент, когда для меня всего необходимее иметь возможность раздавать деньги, а вам известно, что у меня до сих пор не было других средств, кроме моих собственных доходов. Поэтому я совершенно истощила мои ресурсы. Так вы не получили еще,— прибавила она мне,— той суммы, которую, как вы мне сообщали, е. в. благоволил мне обещать?»

Я сообщил ей, что она была бы уже в моих руках, если б не затруднения, вызываемые отдаленностью и недостатком надежных людей, и если б в стране, столь подозрительной, как здешняя, не приходилось прибегать к величайшим предосторожностям, главное, чтобы отнюдь не скомпрометировать самой принцессы. Эти соображения были приняты благосклонно с ее стороны, и она одобрила их, рекомендуя, однако, мне не упустить уведомить ее о той минуте, когда вы сообщите мне что-либо новое относительно нее, по какому бы поводу это ни было. Она же всегда намерена слепо сообразоваться с тем, чего король пожелает и что ей посоветует е. в.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело

С.-Петербург, 24 ноября (5 декабря) 1741 года.

⟨...⟩ Если партия принцессы не порождение фантазии (а это я заботливо расследую, обратившись к ней с настойчивым расспросом), вы согласитесь, что весьма трудно будет, чтобы она могла приступить к действиям, соблюдая осторожность, пока она не в состоянии ожидать помощи

[от Швеции]. Партия эта слишком многого хочет и выказала бы вполне свою несостоятельность, если бы потребовала для обнаружения своих действий, чтобы шведы были в Петербурге. Но надо, чтобы события совершались одновременно. <...>

Я не мог бы по справедливости требовать от здешних людей, не утратив их доверия, чтобы они приступили к открытым действиям, успех которых, по совести, никак не может быть обеспечен, в особенности если и шведы никоим образом не окажутся в состоянии протянуть им руку помощи. В здешней стране менее, чем во всякой другой, можно склонить подданных к слишком рискованным замыслам. Власть здесь чрезвычайно произвольна, и естественно, что самый бесстрашный, если он не испугается за самого себя, будет поколеблен в своем решении и станет осмотрителен, когда подумает, что от неведомой развязки зависят приносимые им в жертву жизнь и имущество как его самого, так и целого его рода до четвертого колена, если оно существует.

Письмо метрдотеля маркиза де ла-Шетарди своей дочери

С.-Петербург, в ночь с 24 на 25 ноября (с 5 на 6 декабря) 1741 года

Мы только что испытали сильнейший страх. Все рисковали быть перерезанными, как мои товарищи, так и наш посол. И вот каким образом. В два часа пополуночи, в то время как я переписывал донесение персидского посла, пришла толпа к нашему дворцу, и послышался несколько раз стук в мои окна, которые находятся очень низко и выходят на улицу у дворца. Столь сильный шум побудил меня быть настороже: у меня было два пистолета, заряженных на случай, если б кто пожелал войти. Но через четверть часа я увидел четыреста гренадер лейб-гвардии, во главе которых находилась прекраснейшая и милостивейшая из государынь. Она одна твердой поступью, а за ней и ее свита направилась ко дворцу. <...>

В настоящее время все министры и принцы, относившиеся враждебно к перевороту, уже арестованы. В числе их находились враги нашего посла и французов. Принцесса сама ввела их в свой дворец и повелела, чтобы с моло-

дым государем обращались так, как подобает с принцами.

Тотчас же мещане, купцы и мелкий люд сошлись со всех сторон, окружили дворец и стали кричать: «Да здравствует Елизавета!» После того как эта доблестная принцесса отдала приказания, она отправила тотчас же своего шталмейстера, чтобы уведомить нашего посла о том, что она только что совершила. Она послала к нему своего первого хирурга, которому мешали подать какую-либо помощь нашему послу в течение двух месяцев, с тех пор как он болен. Он потерял сон и аппетит, и мы уже опасались за его жизнь, но врачам было запрещено лечить его или кого бы то ни было из его дома. Пора уже было для спасения его жизни и нашей, чтобы была подана ему помощь.

В два часа пополудни здешняя государыня проехала в своих санях, окруженная высшими сановниками двора и сопровождаемая сотнею гренадер. Толпы народа громко кричали: «Да здравствует Елизавета!» Проезжая перед нашим дворцом, она стала искать глазами окна, у которого находился наш посол. Заметив его, она, улыбаясь, приветствовала его весьма благосклонно. Она прибыла во дворец при грохоте пушек, между тем как войска, стоявшие шпалерами по улицам, кричали: «Да здравствует Елизавета!»

Она повелела признать себя императрицею всероссийскою. Все от мала до велика принесли присягу ей, восседавшей на престоле, который никогда не был столь блестящим, как теперь, с тех пор, как она вступила на него. Наш посол не из последних явился поздравить государыню. Она говорила с ним в течение получаса столь внимательно и милостиво, что всякий дивился тому. Если бы я не принял мудрой предосторожности поцеловать ей дважды руку два дня тому назад, то я опасуюсь, что не имел бы более этого счастья, до того часто вынуждена она протягивать ее для целования. Я боюсь, как бы у нее не скушали ее — до такой степени рука эта прекрасна и аппетитна.

Здоровье нашего посла восстановилось, и мы почувствовали прилив новых сил.

Из записок Я. П. Шаховского

Таким образом, я в великом удовольствии и приятном размышлении о своих поведеньях, что я уже господин сенатор, между стариками, в первейших чинах находящимся, обращаюсь, и, будучи такого многомогущего министра

любимец¹, день ото дня лучшие приемности себе ожидать и притом ласкать себя могу надолго счастливым и от всяких злоключений быть безопасным, приехал в дом свой и, забыв в мысль себе приводить, чтоб на будущих гаданиях не утверждаться, а помнить, что от счастья к несчастью всегда только один шаг находится, лег спать. Но только лишь уснул, как необыкновенный стук в ставень моей спальни и громкий голос сенатского эзекутора Дурнова меня разбудил. Он громко кричал, чтоб я как наискорее ехал в цесаревнинский дворец, — ибо-де она изволила принять престол российского правления, и я-де с тем объявлением теперь бегу к прочим сенаторам. Я, вскоча с постели, подбежал к окну, чтоб его несколько о том для сведения моего спросить, но он уже удалился.

Вы, благосклонный читатель, можете вообразить, в каком смятении дух мой тогда находился. Нимало о таких предприятиях не только сведения, но ниже видов к примечанию не имея, я сперва подумал, что не сошел ли господин эзекутор с ума, что так меня встревожил и вмиг удалился. Но вскоре потом увидел многих по улице мимо окон моих бегущих людей необыкновенными толпами в ту сторону, где дворец был, куда и я немедленно поехал, чтоб скорее узнать точность такого чрезвычайного происхождения. Не было мне надобности размышлять, в который дворец ехать, ибо хотя ночь была тогда темная и мороз великий, но улицы были наполнены людьми, идущими к цесаревнинскому дворцу, а гвардии полки с ружьем шеренгами стояли уже вокруг одного в ближних улицах и для облегчения от стужи во многих местах раскладывали огни. А другие, поднося друг другу, пили вино, чтоб от стужи согреться, причем шум разговоров и громкое восклицание многих голосов «Здравствуй, наша матушка императрица Елисавета Петровна» воздух наполняли. И тако я до одного дворца в моей карете сквозь тесноту проехать не могши, вышел из оной, пошел пешком, сквозь множество людей с учтивым молчанием продираясь, и, не столько ласковых, сколько грубых слов слыша, взшел на первую с крыльца лестницу и следовал за спешащими туда же в палаты людьми, но еще прежде входа близ уже дверей увидел в оной тесноте моего сотоварища — сенатора князя Алексея Дмитриевича Голицына. Мы, содвинувся поближе, спросили тихо друг друга, как это сделалось, но и он, так же как и я, ничего не знал. Мы протеснились сквозь первую и вторую палату и, вошед в третью, увидя

многих господ знатных чинов, остановились, и лишь только успели предстоящим поклониться, как встретил нас ласковым приветствием тогда бывший при дворе ее величества, между прочими, камергером Петр Иванович Шувалов, который после был уже, как увидите из моей истории, знатный господин и великие дела в государстве производил. Он в знак великой всеобщей радости веселообразно поцеловал нас и рассказал нам о сем с помощью всемогущего начатом и благополучно оконченном деле и что главнейшие донныне бывшие министры, а именно генерал-фельдмаршал граф Миних, тайные действительные советники и кабинет-министры графы Остерман и Головкин уже все из домов своих взяты и под арестом сидят здесь же в доме.

Лишь только он, окончив свою речь, отошел, то увидели мы в смелом и весьма веселом виде бегущего из другой палаты бывшего прежде господина генерал-полицеймейстера, а после уже в отставке от службы находящегося генерал- [ан] шефа Василия Федоровича Салтыкова, о котором нам уже Шувалов сказал, что и он с своею супругою Марьею Алексеевною в оном деле много послужили. Он уже тогда ко мне не был так, как прежде, благосклонен, а с кем я вместе стоял, и он знал, что я с ним дружен был, зять его, князь Алексей Дмитриевич, весьма ему ненавистным, и так ухватил меня за руку и смеючись громко говорил: «Вот сенаторы стоят!» Я ему на то постоянным видом отвечал: «Сенаторы, сударь». Он, еще громче захохотав, закричал: «Что теперь скажете, сенаторы?» Вот уже сделалась вокруг нас толпа людей, и по большей части знатные господа смотреть приступили его на нас атаку. Я нимало не оторопел, зная ж его нрав и подобно польским наездам употребления, важным видом смело глядя в его глаза, спросил: «Что это значит, что он теперь в такое время, где все берут участие радоваться, нас так атакует? Не находит ли он на нас какой метки или по высочайшему повелению так с нами поступает — так бы соизволил нам надлежащим образом объявить, а мы во всем по незазренной нашей совести небоязненно ответственность готовы».

Сии слова мои все храбрости его превратили в ласковую склонность: он, по своему обыкновению, скоро подступя ко мне ближе, с ласковым видом смеясь, говорил: «Я, друг мой, теперь от великой радости вне себя, и сей мой поступок по дружеской любви, а не по какой иной причине. Я вам сердечно желаю всякого благополучия и поздравляю со всеоб-

щею радостью». И притом, поцеловав меня в обе щеки, спешно отошел в другую палату².

Смотрящие такие его поступки обратили на него глаза, а принц Гессен-Гомбургский, тогда бывший генерал- [ан]-шеф и гвардии подполковник, не малую ж в том деле от ее величества уверенность имеющий, смеючись, пенял ему, что так непристойно он к нам подступил и за то справедливо сам устыжен. Потом ее императорское величество вскоре из своих внутренних покоев изволила в ту палату, где мы между прочими уже много собравшимися господами находились, войти и весьма с милостивыми знаками принимая от нас подданнические поздравления, дозволила нам поцеловать свою руку.

Вскоре после того повелено было всем идти (ибо ехать было за теснотою находящихся по улицам солдат и прочих людей не можно) в зимний императорский дворец, куда и ее величество в открытой большой линейке с благонадежнейшими ей изволила ехать сквозь гвардии солдат, стоявших до большого дворца шеренгами, в препровождении немалого числа Преображенского полка гренадер, кои в том деле ее императорскому величеству наипервейшими услужниками были. И по прибытии во дворец в придворной церкви началась ее императорскому величеству в верности по надлежащему учреждению присяга.

Де ла-Шетарди — Людовику XV

С.-Петербург, 26 ноября (7 декабря) 1741 года

Ваше величество, два обстоятельства, мало значащие сами по себе, только что ускорили наступление переворота, который, возвратив Россию самой себе и побудив ее вернуться к своему естественному состоянию, может иметь следствия весьма большой важности для службы вашего величества. Действительно, меньшая резкость со стороны Правительницы при разговоре, происходившем у нее в понедельник с принцессой Елизаветой, могла бы отсрочить еще на некоторое время проявление недовольства этой принцессы. Точно так же гренадеры Преображенского полка не были бы поставлены в необходимость торопить принцессу воспользоваться без дальнейших промедлений их благоприятным настроением, если б не было дано приказа во

вторник после полудня всем гвардейским полкам быть наготове к выступлению в Финляндию.

Семеро из этих гренадер явились во вторник между одиннадцатью часами и полуночью к принцессе. Они поставили ей на вид, что они накануне своего выступления, что не будут более в состоянии ей служить и она останется вполне преданной в руки своих врагов; поэтому нельзя теперь терять ни минуты, и они готовы сами вести ее, если она не сдастся на их увещания. Принцесса спросила у них, может ли она положиться на них. Их желания выразились вполне в тех уверениях, какие они ей стали высказывать. Она более не колебалась, села в сани своего камер-юнкера, которого она обыкновенно отправляла ко мне при особых поручениях, и повелела ему сопровождать себя, равно как доверенному лицу и посреднику. В сопровождении лишь этих трех особ — и никто более не был посвящен в тайну — она отправилась в казармы лейб-гвардии Преображенского полка. Она направилась прямо в казармы гренадер, из которых иные ожидали ее. Собрав некоторое число их в большой комнате, она им сказала: «Вы знаете, кто я, хотите следовать за мной?» Все отвечали ей, что она может им приказывать и они исполнят свой долг, как храбрые солдаты. «Не как солдаты, — начала она снова, — хочу я, чтобы вы мне служили: вы мои дети; все дело в том, чтобы знать, готовы ли вы умереть со мной, если понадобится». Они поклялись в этом все с полной готовностью. Тогда ее первой заботой было пробить дно у барабанов, сложенных в одном месте, чтобы никак нельзя было произвести тревогу. Когда ее уведомили, что это сделано, она взяла крест и стала на колени; ее примеру последовали все, и она сказала им: «Я клянусь этим крестом умереть за вас; клянетесь ли вы сделать то же самое за меня?» Клятва была единодушной. «Так в путь, — сказала она, — и будем думать о том, чтобы какой бы то ни было ценой сделать наше отечество счастливым!» Гренадеры не только последовали за ней, но обещали хранить полное молчание и пронзить своим штыком всякого, кто будет иметь низость отступить хотя на шаг. По мере того как проходили перед некоторыми домами в казармах, они стучали в двери и вызывали тех, кто там жил. Таким способом была весьма быстро собрана целая рота гренадер этого полка, числом в триста человек, причем каждый был снабжен шестью зарядами и тремя гранатами. В то же время был отделен отряд для отправки к фельдмаршалу Миниху, как наиболее далеко живущему, чтобы известить унтер-

офицера, командовавшего его караулом, которому было заранее поручено захватить этого генерала и отвести его вместе с гренадерами, какие будут находиться под его начальством, во дворец принцессы Елизаветы. Точно так же, проходя по большому проспекту, называемому Невским, они арестовали графа Головкина и барона Менгдена. Принцесса Елизавета приехала по-прежнему в своих санях и окруженная гренадерами к концу проспекта, где находится адмиралтейство. Оттуда были отправлены двадцать гренадер для объявления домашнего ареста обер-гофмаршалу и морскому генерал-комиссару Лопухину, дома которых находятся рядом. Их приказано было держать под надзором, а тридцать других гренадер в особом отряде арестовали с своей стороны графа Остермана и привезли его во дворец к принцессе Елизавете с тремя другими генералами Стрешневыми, его шуринами. Дабы делать менее шума, гренадеры сочли необходимым, чтобы принцесса вышла из саней. Тут, едва прошла она несколько шагов, кто-то сказал ей: «Матушка наша, так не довольно скоро, надо поспешить»; а когда они заметили, что принцесса, хотя имела довольно уверенную поступь, не могла за ними следовать, они подхватили ее и пронесли таким образом до самого двора в Зимнем дворце. Прежде всего была выполнена такая же предосторожность, как и прежде, относительно барабанов. Принцесса прошла прямо в караульню. «Проснитесь, мои дети,— сказала она солдатам,— и слушайте меня. Хотите ли вы следовать за дочерью Петра I? Вы знаете, что престол мне принадлежит. Несправедливость, причиненная мне, отзывается на всем нашем бедном народе, и он изнывает под игом немцев. Освободимся от наших гонителей!» Офицеры, у которых она спросила затем, что они об этом думают, затруднились высказаться откровенно. «Арестуйте мне этих людей,— присовокупила она.— Я вам повелеваю, повинуйтесь же». Повеление это было выполнено немедленно и даже было бы превышено, если бы принцесса Елизавета не отвела ружья одного из солдат, который хотел проколоть одного из помянутых офицеров своим штыком. Так как гвардейские солдаты выказали готовность, способную на всякие испытания, то принцесса распределила своих приверженцев и осталась окруженная сорока гренадерами. Прежде всего, она приказала охранять все лестницы и все свободные выходы. Часть гренадер, после того как им под страхом примерного наказания было внушено не прибегать ни к каким насильственным мерам или дурно обращаться с

помянутыми принцами и принцессами, отправилась затем в апартаменты Царя, принцессы, сестры его, Правительницы и принца Брауншвейгского, караульные которого им не препятствовали, потому что караул внутри дворца состоял из гренадер; они не оказали даже ни малейшего сопротивления, как только увидели своих товарищей. Некоторые из гренадер, получившие повеление арестовать молодого графа Миниха и отвести его, подобно другим, во дворец принцессы Елизаветы, закончили таким образом все, что нужно было предварительно сделать, чтобы приступить к остальному. Трое саней, которые принцесса поручила доставить, послужили для перевоза Царя, принцессы, сестры его, принца Брауншвейгского, Правительницы и ее фаворитки фрейлины Менгден; затем принцесса Елизавета, отделенная от них некоторым расстоянием, занятым половиной ее конвоя, остальная часть которого замыкала шествие, поехала в санях обратно в свой дворец. Все арестованные особы были там собраны менее чем в полчаса, вследствие принятых мер предосторожности. Жены, сестры и родственницы этих особ, также арестованные или находящиеся под домашним арестом, были охраняемы стражей; а принцесса Елизавета испытала вдобавок особое удовольствие, вследствие того что никто решительно не подвергся дурному обращению, за исключением графа Остермана, который, желая повлиять на солдат, заговорил чересчур непочтительно об этой принцессе и испытал на себе силу первых движений, внушаемых грубым усердием, к каким способны солдаты. Дабы воспользоваться таким счастливым началом, на двадцати наскоро оседланных лошадях поскакали одновременно гонцы в различные части города, чтобы оповестить там, поднять и соединить всех лиц из народа и из гвардейских полков, которых встретят. Солдаты, находившиеся на карауле во дворце, были посланы взять там все знамена и принести их к принцессе Елизавете. Три доверенных лица, сопровождавшие принцессу, уехали в свою очередь в сопровождении гренадер на нескольких санях, чтобы обратиться к высшим лицам в России из духовного и светского звания и увещевать их немедленно отправиться с ними к принцессе Елизавете. Все исполнили это без малейших затруднений. Так как фельдмаршал Ласси был предупрежден один из первых и так как он выказал лишь искреннюю покорность, не изменив своей всегдашней службе потомству Петра I, то с момента, в который он прибыл, начались его действия и он стал выполнять с той минуты обязанности командира. По

его приказанию быстро было сосредоточено семь полевых полков, находящихся здесь гарнизоном. Лица, командуемые полками гвардии (а за отсутствием принца Брауншвейгского, они находились под начальством наследного принца Гессен-Гомбургского как единственного подполковника), действовали столь же успешно. В то время как эти войска сходились и окружали дворец принцессы Елизаветы, канцлер князь Черкасский, кабинет-министр Бревверн, тайный советник и секретарь кабинета, а также Бестужев, возвращенный недавно из своей ссылки, трудились над составлением манифеста и формой присяги, равно как над отправкою повелений, которые следовало разослать во все провинции. Им помогали генерал-прокурор князь Трубецкой и некоторые члены Сената. Так продолжалось до восьми часов утра, и в этот промежуток времени все лица, являвшиеся засвидетельствовать свое почтение принцессе Елизавете, были принимаемы ею с такой добротой, которая окончательно привлекла к ней все сердца, и с таким спокойствием, которое озаряет лишь самый непоколебимый героизм.

Принцесса Елизавета, будучи тогда признана государыней всея России, возложила на себя орден св. Андрея, объявила себя полковником трех пеших гвардейских полков, конной гвардии и полка кирасир и приняла поздравления от первых чинов монархии. Войска и народ, которым она показала со своего балкона, обнаружили такую радость, какой, по заявлению лиц, живущих в этой стране уже более тридцати лет, никогда не было видано ни при каком случае. Гвардейцы, через ряды которых она пожелала затем пройти, несмотря на сильный холод, выказали свою признательность за это бесчисленными радостными кликами. Такое удовольствие, бывшее всеобщим, еще усилилось вследствие надежд на близкое заключение мира, вызванное чтением манифеста, который повелено было объявить гвардейцам и который Швеция недавно распространяла¹. Этим надеждам предаются тем сильнее, что нет теперь никого среди ли знатных или простых людей, кто бы не считал восшествие на престол принцессы Елизаветы и прекращение тиранического господства немцев причинами, наиболее способными склонить В. В. к доставлению мира России. Едва Царица возвратилась снова в свои апартаменты, как стала принимать придворных дам; было уже около двух часов, когда они удалились. Фрейлины е. и. в. служили до тех пор, по ее повелению, принцессе Брауншвейгской и находились при ней. Так как

они обязаны были последовать за Царицей, то принцесса Брауншвейгская попросила у нее, чтобы она соблаговолила оставить при ней фрейлину Менгден, не разлучать ее более с ней и не лишать ее этого утешения. Царица поручила передать ей, что она может располагать своей фрейлиной и может даже определить число лиц, которых желает оставить при себе для различных услуг, кроме того, может быть уверена, что ни в чем, могущем содействовать ее удобствам, не будет ей отказано. Царица уехала тотчас же вслед за этим в Зимний дворец. Войска стояли шпалерами в улицах, воздух оглашался всюду многочисленными криками «ура». Гренадеры, сподвижники ее славы, окружали ее сани и выступали с гордой уверенностью и необычайным одушевлением. Все окна были наполнены множеством зрителей. Как только царица прибыла во дворец, те же гренадеры заняли все входы в него, оспаривая их друг у друга. Те, которые находились уже там на карауле, никак не хотели согласиться на смену. После нескольких минут отдыха Царица отправилась в свою молельню, чтобы присутствовать там на благодарственном молебне. По пути туда она была окружена всеми гренадерами Преображенского полка. «Ты видела, матушка наша,— сказали они ей,— с каким усердием мы восстанавливаем твои справедливые права. Как единственную награду мы просим тебя объявить себя капитаном нашей роты, и чтобы мы первые могли тебе присягнуть у ступеней алтаря в неизменной верности». Их просьба была исполнена с готовностью равной их желанию и вызвала всеобщее одобрение их. <...>

Анонимное донесение о перевороте

С.-Петербург, 28 ноября (9 декабря) 1741 года

Принцесса Елизавета повелела объявить иностранным министрам, что она только что провозглашена императрицей своими верноподданными и прежде всего своей гвардией. <...>

Отправившись с очень незначительной свитой в казармы Преображенского полка, она собрала роту гренадер, состоявшую тогда лишь из трехсот человек, стала сама во главе этого небольшого отряда и, заметив, что сани производят слишком много шума, пошла пешком к Зимнему дворцу,

где тотчас же отправилась в караульную и, увидя благоприятное расположение офицеров и солдат, объявила им, в чем дело, и разослала затем отряды гренадер для арестования императора, сестры его, Правительницы и ее супруга.

Гренадеры нашли их лежавшими вместе на постели. Их перевезли всех во дворец принцессы Елизаветы. Правительница, лишь только увидела гренадер, воскликнула: «Ах, мы погибли!» В снях она не говорила ничего другого, кроме: «Увижу ли я принцессу?» До сих пор она не добилась выполнения своей просьбы. Однако императрица повелела оказывать ей всяческое почтение и разрешила иметь при себе свою фаворитку. <...>

Говорят, что гр. Остерману будет отрублена голова. <...>

Е. И. В. заставила гренадер обещать, целуя крест, что они не будут обходиться жестоко с теми, кого они должны арестовать. Поэтому не было пролито ни одной капли крови. Между тем утверждают, что без такой предосторожности гр. Остерман был бы растерзан, потому что народ приписывает ему войну со Швецией, которой, однако, как уверяют, он старался избежать, сколько мог.

Радость написана здесь на всех лицах, и так как эта императрица обожается подданными, утверждение ее на престоле весьма прочно. Триста гренадер, столь отличившихся, попросили в виде награды, чтобы императрица провозгласила себя их капитаном и чтоб им позволено было принести присягу раньше всех других подданных, как гражданского, так и военного звания, на что и получили согласие. <...>

Императрица приказала также освободить Долгоруковых, малолетнего кн. Голицына и всех тех, кто верно служил императору ее отцу и императрице ее матери.

Шестого утром, после того как все было кончено, императрица велела позвать пленного шведского капитана Дидерона, возвратила ему его шпагу и подарила еще другую, золотую, сказав при этом: «Возвратись в Швецию и расскажи, что ты видел, а гр. Левенгаупту скажи, что я отправила повеление генералу Кейту не делать нападений». Немного погодя она поручила просить маркиза де ла-Шетарди, чтобы он отправил как можно скорее курьера в Швецию для уведомления министерства об этом миролюбивом решении, что он тотчас же и исполнил. <...>

Генерал Кейт написал поздравительное письмо императрице. Вся его армия изъявила повиновение. То, что рассказывалось о наступлении гр. Левенгаупта, оказалось те-

перь вымышленным. Генерал-фельдмаршал Долгоруков возвратился из Ивангорода, где находился в заточении. <...>

Э. Финч — лорду Гаррингтону

С.-Петербург, 1 (12) декабря 1741 года

<...> Принц Антон Ульрих, принцесса Анна и дети их, принц Иоанн и принцесса Екатерина (как их титулуют в манифестах), выехали вчера поутру в четыре часа вместе с фавориткой принцессы Анны Юлианою Менгден под строгим конвоем и, как слышно, имели привал приблизительно верстах в 30-ти от города, где должны отдохнуть сегодня, а затем ехать далее, подвигаясь насколько позволят конвой и 200 лошадей, которых приходится отпускать им при каждой смене. Расходы по проезду до границы будут им возмещены, а когда они переберутся за нее, ее величество намерена сделать им драгоценный подарок, не принимая на себя, однако, обязательства отпускать им какую-либо определенную сумму ежегодно. Государыня дала им понять, что ежегодно будет возобновлять свои подарки, соразмерные их положению и званию; если они не лишат себя таких подарков своим поведением. <...>

Э. Финч — лорду Гаррингтону

С.-Петербург, 19 (30) января 1742 года

<...> Граф Остерман, фельдмаршал Миних, граф Головкин, президент Менгден, обер-гофмаршал граф Левенвольде и секретарь по фамилии Яковлев или Сверчков привезены были вчера из крепости на площадь против коллегии, где установлен был эшафот. На эшафот этот около десяти часов внесли на носилках графа Остермана. Секретарь прочел перечисление преступлений, ему приписанных, изложенное на пяти листах. Его превосходительство, украшенный сединами, с длинною бородой, все время слушал с непокрытой головою, внимательно и спокойно. Наконец провозглашен был и приговор: граф, как я слышал, должен был подвергнуться колесованию. Однако никаких приготовлений к такой ужасной казни не было видно. На эшафоте стояли две плахи с топорами при них. Немедленно солдаты

вытащили несчастного из носилок и голову его положили на одну из плах. Подошел палач, расстегнул бывшие на преступнике камзол и старую ночную рубашку, оголил его шею. Вся эта церемония продолжалась с минуту. Затем графу объявили, что смертная казнь заменена ее величеством вечною ссылкой. Тогда солдаты подняли его и снова посадили на носилки. Изобразив что-то вроде поклона наклонением головы, он тотчас же сказал (и это были единственные слова, им произнесенные): «Пожалуйста, отдайте мне мой парик и шапку», — тут же надел и то, и другое и, нимало не изменяя своему спокойствию, стал застегивать ночную рубашку и камзол.

Затем принялись за чтение приговоров остальным пяти преступникам, стоявшим вокруг эшафота, одному за другим, в том порядке, как они выше поименованы мною. Фельдмаршал приговорен был к четвертованию, остальные четверо — к отсечению головы, но всем тут же объявлена была замена казни ссылкой. Четверо из осужденных стояли с длинными бородами, но фельдмаршал был обрит, хорошо одет, держался с видом прямым, неустрашимым, бодрым, будто во главе армии или на параде. И с самого начала до конца процесса он всегда так же держал себя перед судьями, не изменил себе и на пути от крепости к эшафоту и обратно. Он все время как бы шутил с приставленными к нему стражами и не раз повторял им, что в походах перед лицом неприятеля, где он имел честь командовать ими, они, конечно, всегда видели его храбрым. Таким же будут видеть его и до конца.

Если кому-либо из этих несчастных печальное существование в вечной ссылке в отдаленнейших краях Сибири покажется участью лучшею, чем скорейший расчет с несчастием, — этим облегчением они вполне обязаны ее величеству, так как лица, которые вели процесс, несомненно преследовали бы их до смерти.

Я слышал, будто граф Остерман уже и выехал вчера в ночь; будто и остальные если не отправлены, то будут отправлены вскоре. Граф ссылается в Березов, фельдмаршал Миних — в Пелым. В первом из этих мест проживал некогда князь Меншиков, в последнем и теперь еще находится бывший герцог Курляндский. Остальных заключенных развезут по другим местам, где жили братья Карл и Густав Бироны и генерал Бисмарк. Следовательно, семья Биронов переводится, но куда — еще не слышал.

При этом случае люди, человеколюбие и великодушие

которых учило, скорее, поруганию падших, чем жалости к ним, громко и много толкуют о божьем промысле и божьем суде, перед которым, полагаю, им приличнее было бы преклониться, не пытаясь проникнуть его пути. Кроме того, им естественнее было бы серьезно подумать — на кого из них обрушится следующий удар судьбы. Не могу не упомянуть о совпадении, которому сам не придаю суеверного значения, но которое обратило на себя внимание ее величества: вчера минуло ровно двенадцать лет со дня провозглашения императрицею покойной государыни.

Излишне упоминать, что все движимое и недвижимое имущество несчастных конфисковано. Такова общая судьба преступников в России, а подчас самое имущество и составляет преступление. Впрочем, в силу указа Петра Первого имущество жен осужденных конфискации не подлежит. Женам сосланных государыня разрешила следовать за мужьями, буде они пожелают, чем некоторые из них и думают воспользоваться. <...>

Указ Елизаветы Сенату

Из природной Нашей ко всем Высочайшей милости Всемиловитейше указали Мы сосланных в Сибирь в ссылку бывшего герцога Курляндского Бирона и братьев его Карла и Густава, Биронов же, и бывшего ж генерала Бисмарка из той ссылки с женами их и с детьми свободить и, из службы Нашей уволя, дать им апшиты¹, также взятое у него, бывшего герцога Курляндского Бирона, и отданное бывшему фельдмаршалу Миниху лежащее в Шлезии Штанц-гер-шафт Вартенберх², ему, Бирону, возвратить, и повелеваем Нашему Сенату учинить по сему Нашему указу.

Елисавет.

Генваря 17 дня, 1742 года.

Из записок Екатерины Второй

Магистрат города Риги вышел к нам навстречу, была пальба из пушек; мы переправились через Двину в городских экипажах. Когда мы вышли из кареты, Нарышкин подал моей матери и мне от императрицы Елизаветы собольи шубы и палатины. На следующий день фельдмаршал Ласси явился к нам со всеми знатнейшими лицами города

и между прочим с генералом Василием Федоровичем Салтыковым; он был там потому, что ему были отданы под стражу в замке Дюнамюнде принц Антон-Ульрих Брауншвейгский и принцесса Анна Мекленбургская, его супруга, с детьми и свитой. Императрица Елизавета в начале своего царствования решила отослать их на родину, и это было бы самое лучшее, что она могла бы сделать; но когда они прибыли в Ригу, императрица велела отложить их поездку до нового распоряжения. Этот новый приказ последовал вскоре за нашим проездом через Ригу, и вместо того, чтобы удалить из страны эту несчастную семью, им велели вернуться и послали их в город Раненбург¹, который велел построить за Москвой знаменитый князь Меншиков. Там маленького принца Иоанна, Юлию Менгден, любимицу принцессы, и Геймбурга, любимца принца, разлучили с принцем и принцессой, которых после краткого пребывания в Раненбурге увезли в Холмогоры.

Из записок Б. К. Миниха

54

(...)
ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Эта великая принцесса, сознавая, что она дочь и единственная наследница Петра Великого и императрицы Екатерины, с величайшим прискорбием переносила, что по устранении ее от престола русская корона была предназначена юному принцу Ивану, находившемуся еще в колыбели, а регентство империи на время малолетства этого ребенка вручено сначала герцогу Курляндскому Бирону — иностранцу, не связанному родством ни с императорским домом, ни с какой-либо знатной русской фамилией, — а затем принцессе Анне Мекленбургской.

Елисавета Петровна выросла окруженная офицерами и солдатами гвардии и во время регентства Бирона и принцессы Анны чрезвычайно осторожно обращалась со всеми лицами, принадлежавшими к гвардии. Не проходило почти дня, чтобы она не крестила ребенка, рожденного в среде этих первых полков империи, и при этом не одаривала бы щедро родителей или не оказывала бы милости кому-нибудь из гвардейских солдат, которые постоянно называли ее «матушкой».

Таким образом, в гвардии составила́сь партия горячих приверженцев принцессы, и ей не трудно было воспользоваться их содействием для достижения престола. Гвардейцы жили в построенных мною для них казармах. У принцессы Елисаветы был подле преображенских казарм дом, известный под именем Смольного; здесь она часто ночевала и виделась с преображенскими офицерами и солдатами. Правительница принцесса Анна была предуведомлена об этих собраниях, но считала их пустяками, не могущими иметь последствий; при дворе говорили с насмешкой: «Принцесса Елисавета водит компанию с преображенскими гренадерами».

В ночь с 24 на 25 ноября эта великая принцесса приехала в казармы Преображенского полка и, собрав своих приверженцев, сказала им: «Ребята, вы знаете, чья я дочь, идите за мной!»

Все было условлено, и офицеры и солдаты, узнав, чего от них требуют, отвечали: «Матушка, мы готовы, мы их всех убьем».

Принцесса великодушно возразила: «Если вы хотите поступать таким образом, то я не пойду с вами».

Она повела этот отряд прямо в Зимний дворец, вошла в комнату великой княгини, которая была в постели, и сказала ей: «Сестрица, пора вставать».

Приставив караул к великой княгине, ее мужу принцу Брауншвейгскому и сыну их, принцу Ивану, она возвратилась в свой дворец, находившийся возле Летнего сада, и в ту же ночь приказала арестовать меня, моего сына, графа Остермана, вице-канцлера графа Головкина, обер-гофмаршала графа Левенвольде, президента коммерц-коллегии барона Менгдена, действительного статского советника Темирязева и некоторых других; все мы были отправлены в крепость.

В ту же ночь принцесса Елисавета была признана императрицей и самодержавной российской государыней всеми сановниками, прибывшими в ее дворец, перед которым по ту сторону канала собралась многочисленная толпа народа; гвардейцы же заняли улицу и кричали «ура!».

Наутро Елисавета в открытой коляске отправилась в Зимний дворец, где была провозглашена императрицей и где все принесли ей присягу в верности. Все совершилось тихо и спокойно, и не было пролито ни одной капли крови; только профессор академии г. Гросс, служивший в канце-

лярии графа Остермана, застрелился из пистолета, когда его арестовали.

Подробности царствования этой великой государыни не могут иметь здесь места, славные же дела, сопровождавшие его, всем известны.

Из записок К. Г. Манштейна

Царевна Елизавета хотя и не была совсем довольна во все время царствования императрицы Анны, оставалась, однако, спокойною до тех пор, покуда не состоялось бракосочетание принца Антона-Ульриха с принцессою Анною¹; тогда она сделала несколько попыток, чтобы образовать свою партию. Все это делалось, однако, в такой тайне, что ничего не обнаружилось при жизни императрицы; но после ее кончины и когда Бирон был арестован, она стала думать об этом серьезнее. Тем не менее первые месяцы после того, как принцесса Анна объявила себя великой княгиней и регентшей, прошли в величайшем согласии между ею и царвеною Елизаветою; они посещали друг друга совершенно без церемоний и жили дружно. Это не продолжалось долго — недоброжелатели поселили вскоре раздор между обеими сторонами. Царевна Елизавета сделалась скрытнее, начала посещать великую княгиню только в церемониальные дни или по какому-нибудь случаю, когда ей никак нельзя было избежать посещения. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что двор хотел принудить ее вступить в брак с принцем Людвигом Брауншвейгским и что ближайшие к ее особе приверженцы сильно убеждали ее освободиться от той зависимости, в которой ее держали.

Ее хирург, Лесток, был в числе приближенных, наиболее горячо убеждавших ее вступить на престол, и маркиз де ла-Шетарди, имевший от своего двора приказание возбуждать внутренние волнения в России, чтобы совершенно отвлечь ее от участия в политике остальной Европы, не преминул взяться за это дело со всевозможным старанием. У царевны не было денег, а их понадобилось много для того, чтобы составить партию. Де ла-Шетарди снабдил ее таким количеством денег, какое она пожелала. Он имел часто тайные совещания с Лестоком и давал ему хорошие советы, как удачно повести столь важное дело. Затем царевна вступила в переписку со Швецией, и стокгольмский двор принял войну отчасти по соглашению с нею.

В Петербурге царица начала с того, что подкупила нескольких гвардейцев Преображенского полка. Главным был некто Грюнштейн, из обанкротившегося купца сделавшийся солдатом; он подговорил некоторых других, так что мало-помалу в заговоре оказалось до тридцати гвардейских гренадер.

Граф Остерман, имевший шпионов повсюду, был уведомлен, что царица Елизавета замышляла что-то против регентства. Лесток, самый ветреный человек в мире и наименее способный сохранить что-либо в тайне, говорил часто в гостиницах при многих лицах, что в Петербурге случатся в скором времени большие перемены. Министр не преминул сообщить все это великой княгине, которая посмеялась над ним и не поверила ничему тому, что он говорил по этому предмету. Наконец известия эти, повторенные несколько раз и сообщенные даже из-за границы, начали несколько беспокоить принцессу Анну. Она поверила наконец, что ей грозит опасность, но не предприняла ровно ничего, чтобы избежать ее, хотя и могла бы сделать это тем легче, что царица Елизавета дала ей достаточно времени принять свои меры. Царица твердо решилась вступить на престол, но вместо того, чтобы поспешить исполнением, находила постоянно предлог откладывать решительные меры еще на некоторое время. Последним ее решением было не предпринимать ничего до 6-го января (по старому стилю), праздника св. Крещения, когда для всех полков, стоящих в Петербурге, бывает парад на льду реки Невы. Она хотела стать тогда во главе Преображенского полка и обратиться к нему с речью; так как она имела в нем преданных ей людей, то надеялась, что и другие не замедлят присоединиться к ним, и когда весь этот полк объявит себя на ее стороне, то прочие войска не затруднятся последовать за ним.

Проект этот, разумеется, не удался бы или, по крайней мере, вызвал бы большое кровопролитие. К счастью для нее, она была вынуждена ускорить это предприятие; многие причины побудили ее принять окончательное решение.

Во-первых, она узнала, что великая княгиня решилась объявить себя императрицей. Все лица, приверженные к царице Елизавете, советовали ей не дожидаться осуществления этого намерения и представляли, что она встретит тогда больше затруднений и что даже все меры ее могли не удасться.

Во-вторых, по известиям, полученным двором о движении графа Левенгаупта, трем гвардейским батальонам было

приказано быть готовым двинуться к Выборгу для соединения там с армией; многие лица, принимавшие участие в деле царевны, должны были идти с этим отрядом. Они отправились к царевне и сказали ей, что нужно было непременно торопиться исполнением ее замысла: так как лица, наиболее ей преданные, уйдут в поход, а на некоторых других может напасть страх, который заставит их донести обо всем этом деле.

И, наконец, неосторожность принцессы Анны, которая говорила царевне о тайных совещаниях сей последней с де ла-Шетарди, главным образом ускорила это дело. 4-го декабря, в приемный день при дворе, великая княгиня отвела царевну Елизавету в сторону и сказала ей, что она получила много сведений о ее поведении, что хирург ее имел часто тайные совещания с французским министром и что оба они замышляли опасный заговор против царствующего дома, что великая княгиня не хотела еще верить этому, но что если подобные слухи будут продолжаться, то Лестока арестуют, чтобы заставить его сказать правду.

Царевна прекрасно выдержала этот разговор. Она уверяла великую княгиню, что никогда не имела в мыслях предпринять что-либо против нее или против ее сына, что она была слишком религиозна, чтобы нарушить данную ею присягу, что все эти известия сообщены ее врагами, желавшими сделать ее несчастною, что нога Лестока никогда не бывала в доме маркиза де ла-Шетарди (это было совершенно верно, так как оба они избирали всегда особое место для своих свиданий), но что тем не менее великая княгиня вольна арестовать Лестока — этим невинность царевны может еще более обнаружиться. Царевна Елизавета много плакала во время этого свидания и так сумела убедить в своей невинности великую княгиню (которая также проливала слезы), что последняя поверила, что царевна ни в чем не была виновна.

Возвратясь к себе, царевна Елизавета тотчас же известила Лестока о своем разговоре с великой княгиней. Наперсник ее желал бы в ту же ночь предупредить опасность, грозившую царевне и ему самому, но так как все, принимавшие участие в заговоре, были рассеяны по своим квартирам и их ни о чем не предупредили, то дело было отложено до следующей ночи.

Утром, когда Лесток явился, по обыкновению, к царевне, он подал ей небольшой клочок папки, на которой он нарисовал карандашом царевну Елизавету с царским венцом

на голове. На оборотной стороне она была изображена с покрывалом, а возле нее были колеса и виселицы. При этом он сказал: «Ваше императорское высочество должны избрать: быть ли вам императрицею или отправиться в заточение в монастырь и видеть, как ваши слуги погибают в казнях». Он убеждал ее долее не медлить, и последнее решение было принято на следующую ночь.

Лесток не забыл уведомить об этом всех, принадлежавших к их партии. В полночь царевна, сопровождаемая Воронцовым и Лестоком, отправилась в казармы гренадер Преображенского полка. 30 человек этой роты были в заговоре и собрали до 300 унтер-офицеров и солдат. Царевна объявила им в немногих словах свое намерение и требовала их помощи; все согласились жертвовать собою для нее. Первым делом их было арестовать ночевавшего в казармах гренадерского офицера по имени Гревс, шотландца по происхождению. После этого они присягнули царевне на подданство; она приняла над ними начальство и пошла прямо к Зимнему дворцу. Она вошла без малейшего сопротивления с частью сопровождавших ее лиц в комнаты, занимаемые караулом, и объявила офицерам причину своего прихода. Они не оказали никакого сопротивления и допустили ее действовать. У всех дверей и у всех выходов были поставлены часовые. Лесток и Воронцов вошли с отрядом гренадер в покои великой княгини и арестовали ее с ее супругом, детьми и фавориткой, жившей рядом.

Лишь только это дело было кончено, несколько отрядов было послано арестовать фельдмаршала Миниха, сына его, обер-гофмейстера великой княгини, графа Остермана, графа Головкина, графа Левенвольде, обер-гофмаршала двора, барона Менгдена и некоторых других, менее значительных лиц.

Все арестованные были отведены во дворец царевны. Она послала Лестока к фельдмаршалу Ласи предупредить его о том, что она совершила, и объявить, что ему нечего бояться, и притом приказала немедленно явиться к ней. Сенат и все сколько-нибудь знатные лица империи были также созваны во дворец новой императрицы. На рассвете все войска были собраны около ее дома, где им объявили, что царевна Елизавета вступила на отцовский престол, и привели их к присяге на подданство. Никто не сказал ни слова, и все было тихо, как и прежде. В тот же день императрица оставила дворец, в котором она жила до тех пор, и заняла покои в императорском дворце.

Когда совершилась революция герцога Курляндского, все были чрезвычайно рады: на улицах раздавались одни только крики восторга. Теперь же было не то: все смотрели грустными и убитыми, каждый боялся за себя или за кого-нибудь из своего семейства, и все начали дышать свободнее только по прошествии нескольких дней.

Все, читающие об этом событии, не могут не удивиться ужасным ошибкам, сделанным с обеих сторон.

Если бы великая княгиня не была совершенно ослеплена, то дело это не должно было удасться. Я говорил выше, что она получила несколько извещений даже из-за границы. Граф Остерман, приказав однажды снести себя к ней, уведомил ее о тайных совещаниях де ла-Шетарди с Лестоком. Вместо того, чтобы отвечать ему на то, что он говорил, она велела показать ему новое платье, заказанное ею для императора.

В тот же вечер, когда она говорила с царевною Елизаветою, маркиз Ботта обратился к ней с следующей речью: «Ваше императорское высочество упустили случай помочь государыне моей, королеве, несмотря на союз обоих дворов, но так как этому уже нельзя пособить, то я надеюсь, что с помощью Божией и других наших союзников мы устроим наши дела. По крайней мере, государыня, позаботьтесь теперь о самой себе. Вы находитесь на краю бездны; ради Бога, спасите себя, императора и вашего супруга».

Все эти увещания не побудили ее сделать ни малейшего шага, чтобы утвердить за собою престол. Неосторожность ее дошла еще дальше. В вечер, предшествовавший революции, супруг ее сказал ей, что он получил новые сведения о поведении царевны Елизаветы, что он тотчас же прикажет расставить на улицах караулы и решил арестовать Лестока. Великая княгиня не дала ему исполнить этого, ответив, что она считала царевну невинною, что когда она говорила с нею об ее совещаниях с де ла-Шетарди, последняя не смутилась, очень много плакала и убедила ее.

Ошибки, сделанные партией царевны Елизаветы, были не менее велики. Лесток говорил во многих местах и в присутствии многих лиц о долженствовавшей случиться в скором времени перемене. Прочие участники заговора были не умнее: все люди простые, мало способные сохранить столь важную тайну. Сама царевна делала некоторые вещи, за которые она была бы [арестована] в царствование императрицы Анны. Она прогуливалась часто по казармам

гвардейцев. Простые солдаты становились на запятки ее открытых саней и таким образом разъезжали, разговаривая с нею, по улицам Петербурга. Их приходило каждый день по несколько в ее дворец, и она старалась казаться популярной во всех случаях. Но Провидение решило, что это дело удастся, поэтому другие по необходимости были ослеплены.

В день революции новая императрица объявила манифестом, что она взошла на отцовский престол, принадлежащий ей как законной наследнице, и что она приказала арестовать похитителей ее власти. Три дня спустя был обнародован другой манифест, который должен был доказать ее неоспоримое право на престол. В нем было сказано, что так как принцесса Анна и супруг ее не имели никакого права на русский престол, то они будут отправлены со всем семейством в Германию. Их отправили из Петербурга со всеми слугами под конвоем гвардейцев, состоявших под командою генерала Салтыкова (бывшего обер-полицмейстером при императрице Анне). Они доехали только до Риги, где их арестовали. Сначала их поместили на несколько месяцев в крепость. Затем их перевезли в Дюнамюндский форт, и, наконец, вместо того, чтобы позволить им возвратиться в Германию, их привезли обратно в Россию. Место их заточения было часто переменяемо, и великая княгиня умерла в родах в марте 1746 г. Тело ее было перевезено в Петербург и предано земле в монастыре св. Александра Невского.

Неизвестно, где именно содержатся теперь принц Антон-Ульрих и юный император. Иные говорят, что отец и сын находятся в одном и том же месте и что молодому принцу дают, по повелению двора, хорошее воспитание. Другие утверждают, что царевич Иоанн разлучен со своим отцом и находится в монастыре, где его воспитывают довольно плохо.

По всему, что я сказал о принцессе Анне, будет трудно определить ее характер. Она была чрезвычайно капризна, вспыльчива, не любила труда, была нерешительна в мелочах, как и в самых важных делах. Она очень походила характером на своего отца, герцога Карла Леопольда Мекленбургского, с тою только разницею, что она не была расположена к жестокости. В год своего регентства она правила с большою кротостью. Она любила делать добро, не умея делать его кстати. Фаворитка ее пользовалась ее полным доверием и распорядилась ее образом жизни

по своему усмотрению. Министров своих и умных людей она вовсе не слушала, наконец, она не имела ни одного качества, необходимого для управлѣния столь большой империей в смутное время. У ней был всегда грустный и унылый вид, что могло быть следствием тех огорчений, которые она испытала со стороны герцога Курляндского во время царствования императрицы Анны. Впрочем, она была очень хороша собою, прекрасно сложена и стройна; она свободно говорила на нескольких языках.

Что же касается до принца, супруга ее, то он обладает наилучшим сердцем и прекраснейшим характером в мире, соединенными с редким мужеством и неустрашимостью в военном деле, но он чрез меру робок и застенчив в государственных делах. Он приехал слишком молодым в Россию, где перенес тысячу огорчений со стороны герцога Курляндского, который не любил его и часто обращался с ним весьма жестко. Эта ненависть герцога происходила от того, что он считал его единственным препятствием к возвышению своего дома, так как, сделавшись герцогом Курляндским, он возымел намерение выдать принцессу Анну за своего старшего сына и возвести этим браком свое потомство на русский престол; но, несмотря на свое влияние на императрицу, он никогда не мог убедить ее согласиться на это. <...>

Прежде чем я стану говорить о прочих событиях, случившихся после революции, скажу сначала о том, что касается до арестованных вельмож.

Была назначена комиссия, составленная из нескольких сенаторов и других русских сановников, которые должны были допросить их и произвести над ними суд. Они были обвинены во многих преступлениях. Графа Остермана обвинили, между прочим, в том, что он способствовал своими интригами избранию императрицы Анны и уничтожил завещание императрицы Екатерины и т. д. Графа Миниха обвинили в том, будто он сказал солдатам, арестуя герцога Курляндского, что это делалось с целью возвести на престол царевну Елизавету. Тот и другой легко могли бы доказать, что обвинения эти были ложные, но оправдания их не были приняты.

В сущности, преступление всех арестованных лиц состояло в том, что они не понравились новой императрице и слишком хорошо служили императрице Анне. Сверх того, Елизавета обещала тем, которые помогли ей взойти на престол, что она освободит их от притеснения иностранцев,

поэтому пришлось осудить тех, кто занимал высшие должности.

Согласно определению, граф Остерман был приговорен к колесованию заживо, фельдмаршал Миних — к четвертованию, графа Головкина, графа Левенвольде и барона Менгдена присудили к отсечению головы. Императрица даровала им всем жизнь; их сослали в разные места Сибири. Граф Остерман получил помилование лишь на эшафоте, когда ему уже положили голову на плаху.

Двор издал по этому случаю манифест, где были перечислены все преступления, в которых они обвинялись.

Миних, Остерман и Левенвольде перенесли свое несчастье с твердостью; не то было с другими. Все поместья сосланных, за исключением тех, которые жены их принесли за собою в приданое, были конфискованы в пользу двора, который наградил ими других лиц. Жены осужденных получили позволение поселиться в своих поместьях и не следовать за мужьями в ссылку, но ни одна из них не захотела воспользоваться этою милостью.

Из «Замечаний на записки Манштейна» Э. Миниха

ПРИЧИНЫ, ПОБУДИВШИЕ ЕЛИЗАВЕТУ ПЕТРОВНУ
К ВСТУПЛЕНИЮ НА ПРЕСТОЛ, И МЕРЫ, ДЛЯ ТОГО ПРИНЯТЫЕ

Мысль о бракосочетании царевны Елисаветы Петровны с принцем Людвигом Брауншвейгским, братом Правительницы, была, так сказать, мгновенная и немедленно преданная забвению. Не токмо не принуждали царевну к сему браку, но даже никогда не предлагали ей об оном явно. Впрочем, если бы и согласилась она на супружество сие, прекословившее пользам ее, то и тогда предлежало бы преодолеть другое затруднение: принц десятью годами был моложе царевны и не чувствовал к ней ни малейшей склонности. Не предложение сего супружества возбудило Елисавету от усыпления. Французский посланник маркиз де ла-Шетарди заботился о сем гораздо прежде. Версальский кабинет в данных сему министру наставлениях предписал стараться всемерно сеять раздоры в России, дабы тем ослаблять сию державу и не допускать ее вмешиваться в дела австрийского дома. Де ла-Шетарди внушил Елисавете Петровне мысль ко вступлению на престол, всевозможно побуждал и поощрял ее к оному; приводя в пример сме-

лое предприятие Миниха, успехом увенчанное, доказывал, что и она может подобным же путем овладеть державою. Французский посланник снабжал царевну деньгами, но в малом количестве. С сим слабым пособием Елисавета Петровна приступила к произведению дерзновеннейшего предприятия: первоначально привлекла на свою сторону токмо двенадцать гвардейских гренадёров, обласкала и одарила их. Будучи твердо уверена в непоколебимой преданности сих решительных людей, посредством их, когда наступила ночь, низринувшая в бездну злополучный Брауншвейгский дом, Елисавета умножила число сообщников своих гренадерскою ротою Преображенского полка.

О СНОШЕНИЯХ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ СО ШВЕЦИЕЮ

Сношения Елисаветы Петровны со Швециею, о коих упоминает г. Манштейн, состояли в обещании, исторгнутом маркизом де ла-Шетарди. Усердствующий царевне француз желал безделицы: чтобы Россия возвратила Швеции все области, Петром Великим покоренные! Елисавета не согласилась дать письменного обещания, отзываясь, что крайне опасно излагать на бумагу столь важную тайну, и настояла, дабы во всем положились на слово ее. Последствия показали, что Елисавета Петровна перехитрила лукавого француза и ослепила шведов.

ПРИЧИНЫ, ПОГУБИВШИЕ ПРАВИТЕЛЬНИЦУ

Правительница имела многие доказательства о заговоре, но, будучи излишне доверчива и крайне беспечна, не решалась употребить сильные средства, которые природа внушает к защищению нашему. Все споспешествовало к погублению великой княгини Анны Карловны. Несогласие ее с супругом, устранение от дел мужей, которые умом своим могли б поддерживать ее, как то Миних, Бестужев, связи с графом Линаром и слепая доверенность к сему иноземцу. Саксонский посланник, поссорясь с графом Остерманом, злобно очернил сего министра, представил его коварным, опасным, недоброхотствующим Правительнице, даже успел возбудить подозрения на принца Брауншвейгского, действовавшего, как он говорил, по внушениям Остермана. Принцесса всему легко поверила, прекратила благоволение к графу Остерману, не хотела принимать от него

никаких представлений, не внимала советам супруга своего. Тщетно покушался Остерман открыть глаза Правительницы, тщетно желал он предостеречь ее от угрожающей опасности. Принцесса с презрением отвергала все представления единственного человека, могшего подать ей спасительные советы в таком деле, от коего зависели и сохранение, и судьба ее. К вящей же безрассудности Правительница вздумала объясниться с противоборницею своею наедине. Слезы и притворные знаки усердия последней совершенно усыпили первую. Елисавета Петровна, приведенная сим объяснением в большое беспокойство и замешательство, поспешно возвратилась во дворец свой, призвала приближенных своих и по совещании с ними решила в наступающую же ночь внезапно совершить замысел, который по предположению французского посланника намеревались произвести в действие месяцем [позже] и совсем иным способом, не подававшим большой надежды к успеху. Алексей и Кирилл Гавриловичи Разумовские¹, Михайло Ларионович Воронцов, Александр и Петр Ивановичи Шуваловы, Василий Федорович Салтыков — все соделавшиеся потом знатными и сильными вельможами — и медик Лесток непосредственно содействовали императрице Елисавете Петровне при восшествии на престол.

РАЗРУШЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ МАРКИЗА ДЕ ЛА-ШЕТАРДИ

Маркиз де ла-Шетарди пришел в чрезвычайное изумление, когда среди ночи разбудил его присланный от Елисаветы Петровны камергер П. И. Шувалов и уведомил о восшествии ее на престол. Приняв на себя личину, посланник изъявил притворную радость и поспешно поехал в царевин дворец. Толпы волнуемого по улицам народа, с восторгом увидевшего на троне дочь незабвенного в сердцах наших монарха, стоявшие под ружьем гвардейские полки, раздававшиеся в воздухе громогласные восклицания «Да здравствует наша матушка императрица Елисавета Петровна!» — приводили маркиза в сильное смущение. Внезапно совершенный Елисаветою удар разрушил все зловерные его замыслы. Доброхочущий России француз желал, чтобы перемена сия произведена была по его предначертанию, чтобы шведы приблизились к берегам Невы, силою оружия своего споспешествовали возведению на престол Елисаветы, предписали ей законы в стенах столицы, ос-

нованной победителем их*, — и тогда-то маркиз мечтал беспрепятственно и самовластно господствовать при российском дворе. <...>

Из сочинения А.-Ф. Бюшинга «Основательно исследованные и изысканные причины перемен правления в доме Романова»

§ 24

Из вышеприведенного манифеста императрицы Елисаветы Петровны от 22-го января 1742 года оказывается, что граф Остерман, Головкин и Левенвольде обще с некоторыми другими тамо именованными особами имели между собою совещание, како великую княгиню Анну возвысить в императорское достоинство и наследие престола обратить также на ее дочь. Чрез сие самое великая княжна Елисавет Петровна, равно как и ее племянник герцог Голштинский были бы больше отдалены от наследия престола. Намерение и было точно такое, ибо граф Остерман и многие другие знатнейшие чины империи боялись великую княжну Елисавет Петровну. Но сия была любима почти всею российской нациею, и особливо лейб-гвардии полками, как от офицеров, так и от рядовых. Она обратила к себе всех сердца снисхождением своим и приветливостью. Ни одного почти не проходило дня, чтоб она не была восприемницею младенца у кого-либо из гвардии, причем родителей богато награждала или иначе гвардейцам милости оказывала. При дворе правительницы Анны судили о том столь легкомысленно, что, услыша, когда она с гвардейскими офицерами и рядовыми разговаривала, всегда публично насмехались и говорили, что Елисавета имеет сходбища с Преображенскими гренадерами. Между тем правительница Анна имела некое сокровенное предчувствие, что великая княжна Елисавета над нею владычествовать будет; поелику однажды во время регентства своего посетив ее, оступилась

* Не постигаю, на чем мог г. Шетарди основывать такое затейливое предначертание. Кажется, при самом начале войны со Швециею ясно видима была безрассудная опрометчивость кабинета сей державы: российские войска с обыкновенным бодрым своим духом выступили противу неприятеля, внесли оружие в пределы его, настигли шведские силы у Вильманстранда и разбили их, и Вильманстрандскую крепость покорили приступом.

она и упала у ног Елисаветы, и сие обстоятельство толикое сделало впечатление в ее сердце, что она к своим придворным дамам (из которых одна мне о сем пересказывала) вещала: мне, конечно, должно будет унижиться пред великою княжною Елисаветою. Словом, прежде ее падения предостерегали ее многократно от великой княжны Елисаветы Петровны, но она отчасти с намерением не хотела принимать надлежащих мер для своей безопасности, отчасти же не имела дару и духу на то решиться. Хотя она все учиненные ей в предосторожность представления отвергала, однако ж сии заслуживают здесь занимать место. Я не стану обстоятельно описывать того, что великобританский министр Финк за несколько дней прежде воспоследовавшего с ней несчастья объявил ей, что она будет свержена, если не предупредит того, но упомяну о других случаях. Прежде ее падения за несколько дней приехал обер-гофмаршал граф Левенвольде во дворец ночью, когда правительница уже в постели лежала, и отдал ее камер-юнгфере (которая в мою бытность в Санкт-Петербурге была еще жива и изустно мне о том рассказывала) письмо, дабы вручить регентше, которая, приказав принести свечу, прочитала оное и после велела в ответ сказать графу Левенвольду, не с ума ли он сошел. 20-го числа ноября получила она другое письмо, написанное из Брюсселя, в котором не токмо предостерегали ее от великой княжны Елисаветы Петровны, но и напоминали, дабы она приказала арестовать господина Лестока, который находился в службе при великой княжне Елисавете Петровне. Два дня спустя после того было при ее дворе многочисленное собрание, из которого она, ввечеру вышед в свою комнату, приказала через баронессу Анну Аврору фон-Менгден (после бывшую супругу графа Лестока) позвать к себе от игры великую княжну Елисавет Петровну, что великое произвело во всех удивление. Когда великая княжна Елисавет Петровна пришла в комнату, то правительница, вынув последнее упомянутое письмо из ящика, подала ей оное и наведывалась подробно обо всех обстоятельствах. Великая княжна в немалое пришла изумление, но опять ободрилась, когда правительница к ней вещала, что Лесток часто ездит в дом французского министра маркиза де-Шетардия, в чем она поистине отпиралась и действительно оспорила. При сем ничего более не произошло. Правительнице (как то одна из ее камер-юнгферов мне рассказывала) неоднократно после в Риге и Динаминдском шанце супруг ее

выговаривал, что она о сообщенных ей известиях о намерении великой княжны Елисаветы Петровны ему не открывала и что она вообще не пеклась о своей и всей их фамилии безопасности; но она никогда в том не раскаивалась и всегда утверждала, что лучшей перемены нельзя быть, как с ней воспоследовала, ибо-де чрез то отвращено всякое кровопролитие.

§ 25

Как после бывший тайный действительный советник граф Герман Лесток от сего времени, о котором я теперь пишу, важною учинился особою, то и считаю нужным вкратце о нем сообщить моим читателям. Сей муж родился в Целле 29-го апреля 1692-го года; в латинском патенте от 27-го апреля 1744-го года, по силе которого от римского императора Карла VII возвышен он в графское достоинство св. Римской империи и ее наследных земель, нашел я следующую статью: «Как мы известились, что предки Германа Лестока, российского императорского действительного тайного советника, первого лейб-медика и директора Медицинской канцелярии и факультета, преж сего обретались жительством во Франции и именно в Шампани, где по наследным владениям своим приняли название Лестока Гельвека, и знатные королю французскому оказали заслуги, но по причине веры оттуда изгнаны и частию в Англию и Голландию, частию в Люнебург обратились и сперва сельской, но после ганноверской и английской службе себя посвятили. Сам же Герман Лесток, приехав к российскому двору, состоял при нем от 1713-го по нынешнее время и во многоразличных случаях, особливо же при нынешнем благополучном правлении, отличными своими дарованиями, качествами и заслугами не токмо при упомянутом дворе и в своем отечестве, но также при иностранных дворах громкую снискал славу, то во уважение сего жалует мы и проч.». Пособием сего благоразумного и верного мужа великая княжна Елисавет Петровна возведена на родительский престол, на который она, вероятно, могла бы вступить еще в 1730-м году, если бы по совету господина Лестока тотчас после кончины императора Петра II-го явилась в Лефортовом дворце, где упомянутый император скончался и множество знатнейших особ в собрании находились, и представила себя законною наследницею пре-

стола. Но в ту пору не могла она на толь важный шаг решиться.

Теперь, в регентство принцессы Анны, имела она двойной план к достижению своей цели. Первый — тот, чтобы чрез посредство Швеции снискать престол, за что шведскому двору чрез господина Лестока великая, но неопределенная обещана надежда, которую толковали в ту сторону, что великая княжна Елисавет Петровна по восшествии своем на престол возвратит шведам все завоеванные от них родителем ее земли, о чем, однако ж, она совсем не помышляла. Из доставшегося мне в руки по случаю письменного мнения барона Иоганна Пехлина усмотрел я, что в тогдашнее время шведский двор чрез министра Нолькена склонял голштинского двора для услуги короне шведской и великой княжне Елисавете Петровне подать помощь, не изъясняясь явственно о том, какое звание молодой и еще малолетний герцог Голштинский Карл Петр Ульрих иметь будет в случае, когда в. княжна Елисавет Петровна на российский вступит престол, и какие приняты надежные меры привести в безопасность особу и благоденствие принца, буде предприятие великой княжны Елисаветы Петровны неудачливый получит успех. Посему господин Пехлин и советовал герцогуправителю посторонним образом не токмо истребовать на то нужного объяснения, но и намекнуть, что их питомец не может принять греческого закона, на чем без сомнения настоять будут, когда он в Россию приедет, ибо, с одной стороны, принц не находится еще в таких летах, чтоб по желанию своему выбор делать мог, а с другой стороны, имеет он надежду по благосклонному расположению имперских чинов отозвану быть на шведский престол. Другой план великой княжны Елисаветы Петровны состоял в том, чтобы 6-го числа января 1742-го года, в день трех святителей, при публичном освящении воды, когда все полки из Санкт-Петербурга, по обыкновению, в одном месте собраны будут, привлечь их на свою сторону посредством раздачи некоторой суммы денег. О сих намерениях ведал также французский министр маркиз де-Шетарди, который малопомалу ссудил великой княжне Елисавете Петровне с лишком 40 000 червонных, кои принимал от него господин Лесток и сам изредка к нему в дом ездил, но при других случаях имел с ним свидание. Прежде описанное открытие намерений великой княжны Елисаветы Петровны понудило ее приступить к скорейшему выполнению оных.

23-го числа ноября по возвращении ее из дворца в свой дом и когда господин Лесток о сем важном происшествии известился, то начал он помышлять о надежнейших мерах спасти как вольность великой княжны, так и собственную свою жизнь. Он советовал ей на другое утро переговорить с регентиною и между прочего ей сообщить, что он неоднократно просил об отставке своей, желая показать, что никогда и в мыслях не держал таковых покушений, в которых его обвиняют. Между тем вышедший в то время указ о выступлении в поход в Финляндию против шведов некоторым в Санкт-Петербурге стоящим лейб-гвардии полкам представил ему удобный случай предприятие великой княжны Елисаветы Петровны в действо произвести. Он не мог ни одного офицера склонить, но токмо посредством денег и представлений согласил небольшое число преображенских гранодеров для вспомоществования великой княжне. Между тем имел он в своей власти некоторых лазутчиков, которые подробно-извещали его обо всем, что при дворе регентины ни происходило, и особенно где она каждую ночь спала (ибо столько была она обеспокоена, что то в одной, то в другой комнате сыпала), и одна ли или в беседе ночь проводить намерена, равно как и о других подобных тому обстоятельствах. Между сих лазутчиков находился один музыкант по прозванию Шварц, которого потом императрица Елисавет Петровна пожаловала подполковником купно с пенсиею, и еще другой по прозванию Гринштейн. Господин Лесток предназначил к сему предприятию ночь с 24-го на 25-е число ноября.

Вечеру в одиннадцать часов пошел он к маркизу де-Шетарди за деньгами, но не открывался ему, что сия ночь была назначена к исполнению намерения великой княжны. Около полуночи спроведал он через своих лазутчиков, что при дворе регентины все спокойно и безопасно пребывали и что караул стоял обыкновенный. Итак, приехав к великой княжне Елисавете Петровне, уговаривал он ее приступить теперь к положенному опыту, и немало труда ему стоило преклонить ее, потому что она не имела довольно бодрости духа. Наконец, ободрившись и совершив пред иконою пресвятыя Богоматери теплую молитву и обет, причем и возлож на Лестока орден св. Екатерины, села в сани, у которых на запятки стали тогдашний ее камер-юнкер и после бывший великий канцлер граф Воронцов и

господин Лесток. Подкупленные рядовые отправлены вперед на гауптвахту Преображенского полка, дабы стоящих там на карауле гранодеров склонить на сторону великой княжны и известить их о ее прибытии. Великая княжна Елисавет Петровна не имела при сем случае ни лат, ниже копья, как то в разных известиях уверяли; но то подлинно, что господин Лесток старался промыслить для нее легкий грудной щиток, однако в рассуждении краткости времени не достал.

§ 27

Приехав на полковой двор, великая княжна Елисавет Петровна предстала находившимся там гранодерам как дочь Петра Великого и законная наследница престола, причем гранодеры, признав ее, на месте учинили присягу в верности. Потом она была сопровождаема от гранодеров, коих числом было от двух до трех сот человек, в императорский дворец. Пришед в известное от оного расстояние, высланы 75 человек вперед для арестования графов Остермана, Миниха и Головкина. Остальная команда пошла с великою княжною в императорский дворец. Тут господин Лесток (который везде, где ни находил барабаны у солдат, разрезывал их, чтобы никакой тревоги не было сделано) расставил караулы, чтобы запереть все проходы, а равно и удостовериться о находившихся уже там караульных, которые никакого не чинили сопротивления и даже не ведали, с каким намерением все оное происходило. Он не приказал прежних караульных сменять, но приставил к каждому солдату по одному гранодеру, дабы всяк на своем месте остался. Сие совершенно весьма удачно, и потом великая княжна Елисавет Петровна пошла в караульную во дворец, где солдаты учинили ей на коленях присягу в верности, Воронцов и Лесток остались тут при ней, а тридцать человек гранодеров отряжены пойти вверх и вломиться в комнату, где регентина со своим супругом опочивала. Ворвавшись в оную, опрокинули они по неосторожности ночник, от чего в комнате глубокая тьма сделалась. Внесши свечу из переднего покоя, где одна служанка спала, понуждали они с удивлением пробужденную регентину встать с постели. Она, накинув на себя одну токмо юбку, встала, и призванная из переднего покоя служанка надела на нее чулки и башмаки. Сверх того, повесила она на себя бархатную на собольем меху спанечку, и когда гранодеры ее уже повели, то по-

просила за стужею капор на голову, который и надела сама. Все сие происходило в великой тишине, ибо гранодеры весьма тихо говорили, и регентина ничего более не сказала, как токмо спросила, можно ли ей еще однажды повидаться со своею тетушкою великою княжною Елисавет Петровною? Как ее увели, то герцог, супруг ее, сидел еще на постели. Двое гранодеров, взявши его под руки, окутали одеялом и понесли вниз с высунувшими [ся] наружу босыми ногами в сани, где покрыли его еще шубою. А после вынесли его верхнее и исподнее платье. Потом обратились гранодеры в ту комнату, где молодой принц Иоанн в колыбели и подле него кормилица его спали. Им дано было повеление не пробуждать его, дожидать [ся], как он сам проснется. Сие последовало не прежде как чрез час, и дотоле стояли они все вокруг колыбели. По пробуждении его спорили между собою гранодеры, желая каждый из них его несть. Принц плакал, и трепещущая кормилица поспешала сперва сама себя и после его наскоро одеть, взяла его к себе на руки, покрыла своею шубою, и тако вместе с принцем поведена. Малолетняя принцесса Екатерина и баронесса Юлиана Менгден, которая для надзирания за принцем спала в другой подле его комнате, равномерно уведены. Регентина, в сходствие выше описанного душевного качества своего, пополудни и ввечеру пред сим происшествием со своими придворными дамами много о том разговаривала, что сколь постоянно и бодрственно она сносить станет, если сделается когда-либо несчастною принцессою. Что же в других известиях упоминается, будто бы баронесса Юлиана Менгден в ту ночь спала с регентиною, будто бы великая княжна Елисавет Петровна сама в спальню к регентине вошла и объявила ее своею пленницею, так же будто бы регентина просила, чтобы никакого кровопролития не последовало и проч., оное вообще неосновательно и ложно.

§ 28

Все вообще под арест взятые особы отвезены в санях в провожании солдат в дом великой княжны Елисаветы Петровны и тут посажены в разных комнатах, каждый порознь. Когда великая княжна Елисавета Петровна на возвратном пути ехала мимо дома маркиза де Шетардия, то по напоминовению господина Лестока послала одного из своих возвестить маркизу о благополучном исполнении ее предприятия, чему маркиз удивился. Прибыв в свой дом и

приняв нужные меры к обережению арестованных, откланялся ей господин Лесток и пошел в провожании небольшой воинской команды от имени великой княжны Елисаветы Петровны сообщить о перемене правления известие принцу Гессен-Гомбургскому (который о сем деле ничего не ведал), генерал-фельдмаршалу графу Лессию и другим знатнейшим особам. Он не совершенно доверялся генерал-фельдмаршалу графу Лессию и потому наперед условился с бывшею при нем воинскою командою о мерах, какие в нужном случае принять должно. К стоящим в Санкт-Петербурге и около одного полкам посланы солдаты с повелением собраться неукоснительно пред дворцом великой княжны Елисаветы Петровны, нынешней их императрицы. Как они собрались и неоднократно возглашали «ура», то случилось, что императрица, взявши принца Иоанна на руки, носила по комнате и целовала; молодой же принц между тем смеючись перенимал «ура» солдатов, на что императрица вещала: «О ты, невинный младенец, не ведаешь, что против самого себя «ура» кричишь».

§ 29

Сверженная регентина обще с своим супругом пребыли до четвертого дни в доме императрицы Елисаветы Петровны; однако ж они разлучены были друг с другом, и герцог сохранился в темном покое. Прежде отправления их императрица приказала предложить принцессе об испрошении милости у нее. Она просила дозволения отпустить с нею доверенную ее особу, баронессу Юлиану фон Менгден, которую почитала больше, нежели супруга своего и детей. Императрице не полюбилась сия просьба, однако ж согласилась на оную. Герцогская фамилия была разделена, и каждая особа порознь отвезена в Ригу, и поелику везли токмо по ночам, а днем останавливались, то не прежде приехали в Ригу как спустя около четырех недель. Здесь они заключены в замке и вместе соединены. Тутешнего пребывания их было почти полтора года, и в сие время принцесса Анна разрешилась преждевременно от бремени четырехмесячным младенцем, причем несноснейшие претерпела мучения. Все дети ее привезены в Ригу спустя несколько месяцев после ее отъезда из Санкт-Петербурга. По прошествии полутора года все пожитки их были складены, и слух пронесся, что герцогская фамилия в Германию отпущена будет; но вместо того отвезли их в Динаминдский шанц, и пожитки их почти

все расхищены. В сем шанце разрешилась принцесса Анна от бремени принцессою, нареченною Елисаветою. В рассуждении способности жития и хорошего содержания не имела герцогская фамилия ни малейшего недостатка ни в замке в Риге, ниже в Динаминдском шанце. Принцесса имела двух кормилиц и двух горничных девочек, а супруг ее — одного камердинера и двух лакеев. Принцесса получила также российского священника для отправления служб по греческому закону. Из Динаминдского шанца герцогская фамилия отправлена сперва в Ораниенбург, а потом в Колмогоры, на острове реки Двины, в 80 верстах от Архангельска лежащий город, выключая принца Иоанна, который несколько времени оставался в Ораниенбурге и наконец содержался в Шлиссельбурге до кончины своей¹. Принцесса Анна скончалась в марте месяце 1746 года в Колмогорах в родах, и тело ее привезено в Санкт-Петербург и предано погребению в монастыре св. Александра Невского.

Из дела о камер-лакее Турчанинове и других лицах, сужденных за намерение лишить престола императрицу Елизавету.

1742 года

Камер-лакей Александр Турчанинов, лейб-гвардии полков: Преображенского прапорщик Петр Квашнин, Измайловского сержант Иван Сновидов за нижеследующие вины, а именно: Квашнин во время восшествия императрицы Елисаветы Петровны на всероссийский престол помянутому Турчанинову, будучи во дворце, говорил: «Эдак вы, братцы, сыграли игрушку». А как Турчанинов сказал: что-де делать, коли сделалось, чем пособить, то Квашнин говорил: надобно-де смотреть того, как бы этому пособить. Квашнин после того в разные времена говорил, что он начал собирать партию и собрал уже пятьсот человек, и с тем Турчаниновым придумал, чтобы тех собранных разделить надвое и ночным временем прийти к дворцу и, захватя караул, войти в покой к ее императорскому величеству, и его императорское высочество¹ умертвить, а другою половиною Турчанинову заарестовать лейб-компанию², а кто из них будет противиться, колоть до смерти, и назначил к тому день и где собираться, и о том хотел того Турчанинова уведомить. А по прошествии того дня тому Турчанинову он, Квашнин, говорил: с собранною-де партией он было шел ко дворцу, и навстре-

чу-де попался им вице-сержант Ивинский, и они-де, увидя его, разошлись. По приезде же в Москву он, Квашнин, с тем Турчаниновым о том же злом своим намерении упоминали, и при том он говорил, что-де прошло, тому быть так, а и впредь-де то дело не уйдет, и нами ль или не нами, только-де оное исполнится. А Турчанинов, слыша от Квашнина, на то злое намерение не токмо нигде не доносил, но и тому злomu намерению с тем Квашниным имел совет, чтобы оное прямым делом исполнить, хотя б и кроме Квашнина с другими с кем, с чего он, Турчанинов, лейб-гвардии каптенармусу Парскому (который о том злом умысле доносил) говорил такие речи: принц-де Иоанн был настоящий наследник, а государыня-де императрица Елисавета Петровна — не наследница, а сделали-де ее наследницею лейб-компания за винную чарку, и чтоб тот Парский собрал партию человек в триста или и больше, и с тою бы партиєю идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а принца Иоанна возратить и взвести на престол по-прежнему.

Оный же Турчанинов тому Парскому и капралу Изъединову (кои о том были доносители) говорил: смотрите-де, братцы, как у нас в России благополучие состоит непостоянное и весьма плохое и непорядочное, а не так, как при третьем Иоанне³ было, и оный-де Иоанн — законный наследник и по наследству царя Иоанна Алексеевича, также первого императора, подлежит быть ему императором, и его-де назначила короноваться императрица Анна Иоанновна еще при животе своем; а лейб-компания сделала императрицею незаконно наследницею, что-де как царевна Анна Петровна, так и государыня императрица Елисавета Петровна первым императором прижиты с государынею императрицею Екатериною Алексеевною до венца, и для того-де никак не подлежит быть у нас ей императрицею, а надлежит-де быть третьему императору Иоанну, да и императрице-де Екатерине Алексеевне быть на царстве не подлежало же, надлежало быть в то время второму императору, и то-де сделал генерал Ушаков.

Он же, Турчанинов, вымысленно от себя произносил: напечатан-де манифест: что швед возымел войну якобы за то, что принц Иоанн царствовать стал, незаконный наследник, а наследница-де государыня императрица Елисавета Петровна, и то-де оный манифест напечатал французский посол воровски, о чем-де знают и наши министры, и о том-де она, государыня, с тем послом вздумала ездить по Петербургу в одной коляске и лежа на подушках.

Оный же Турчанинов, тех Парского и Изъединова увещевая, говорил, чтоб собрать партию и, разделя на три части, идти к государыне в спальню, и как те Парский и Изъединов спросили: в то-де время государыню императрицу куда девать? То он, Турчанинов, сказал: туда-де ее и его высочество, где он их увидит, заколет, что и исполнить желал он для того, чтоб быть принцу Иоанну императором, а принцессе Анне — правительницею.

Сержант Сновидов вышеозначенному злему умыслу явился сообщником и в разговорах о принцессе Анне, и о муже ее, и о сыне их принце Иоанне помянутому Турчанинову говорил сожалительные слова, а как Турчанинов к тем словам говорил такие слова, что принц Иоанн был настоящий наследник, а государыня императрица Елисавета Петровна не наследница, и чтоб он, Сновидов, собрал партию из гренадеров и солдат, и с тою бы партией государыню свергнули с престола, то он, Сновидов, говорил, что он для такого дела друзей искать себе будет и кого сыщет, о том ему, Турчанинову, скажет, и после сказывал, что у него партии прибрано человек с шестьдесят.

Он же, Сновидов, многие склонные к тому злему намерению слова употреблял, и тем того Турчанинова к тому злему умыслу поощрял и к доносу о том намерения не имел.

С учинением наказания кнутом и с вырезанием у Турчанинова языка и ноздрей сосланы в Сибирь в дальние города; Квашнин — в Вышерецкий острог, Сновидов — в Камчатку и Турчанинов — в Охотский острог.

Из воспоминаний пелымского старожила

Между прочим Казанцов вспомнил о фельдмаршале графе Минихе, который некогда жил 20 лет сряду на берегах Тавды. «Миних, — говорил Казанцов, — редко выходил из замка (который был построен с четырьмя башнями на самом берегу реки и обнесен крепостною стеною)¹ — он не любил никаких сообществ, ни народных увеселений, и по большей части был задумчив. Иногда приходил он с удкою на берег реки, ловил с крестьянами рыбу, косил с ними траву или разводил молодые кедры. Он щедро платил крестьянам за работы и ласково обходился с нами! Пелымцы долго вспоминали о нем с любовью; отцы рассказывали детям, как он был милосерд к несчастным. Мы все жалели о себе, когда оставлял он Пелым. Говорят, прежде он был строг —

а мы видели только его доброту. Один из русских, молодой крестьянин, полюбил пригожую вогулянку² и желал на ней жениться. Но родные ее слышать не хотели о том и отказали потому, что он не в состоянии был заплатить определяемого ими калыма, или выкупа, какой по обычаю вогулов и остяков жених должен платить перед венчаньем. Крестьянин увидел однажды Миниха, прогуливавшегося вместе с детьми и женою своею, остановил его на дороге, бросился к нему в ноги и просил его помощи.

Миних расспросил его обо всем, а у других об нем, и, слыша, что он честен и усерден к трудам, призвал родных вогулянки и ласково сказал им: «Придите ко мне за калымом, а я вам дам зятя. Купите себе счастье на деньги, если нельзя иметь его даром». И на другой день они получили от него знатную сумму денег. А потом графу привелось через год с женою воеводы Путилова крестить у осчастливленной им четы. Взяв младенца на руки, он сказал: «Дай бог, чтоб крестник мой сам крестил других». Миних сам заботился об обучении своего воспитанника грамоте, и крестьянский сын действительно поступил сперва причетником в одну из церквей в том округе, а дожив лет до 40, достиг и до священнического сана. Но это было по отбытии уже Миниха из Пельма. Когда пришло повеление об освобождении Миниха³, он роздал все свои пожитки крестьянам, потом объехал верхом вокруг Пельма, прощался с жителями как отец, и мы благословили путь его.

Часть пятая

«ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТРИЦАЮСЬ»

**Изложение Петра III
1762 г.**

Со смертью императрицы Елизаветы 24 декабря 1761 года пресеклась династия Романовых. Престол перешел к Карлу-Петру-Ульриху, успевшему, несмотря на краткость своего правления, дать начало новой династии — Голштейн-Готторпской. Ее представители, впрочем, охотно приняли фамилию угасшего рода. С именем голштинского принца, внука Петра Великого и Карла XII, связывалось множество надежд и беспокойств. Анна Иоанновна, Бирон, Анна Леопольдовна, Елизавета — все они задумывались над судьбой второстепенного немецкого принца, родившегося в 1728 году. «Голштинскому чертушке» были уготованы сразу два трона: один — в Стокгольме, другой — в Санкт-Петербурге. Елизавета решила избавиться наконец от всяких династических сложностей и назначить принца своим наследником. Но личные качества новокрещенного великого князя Петра Федоровича при всем сочувствии к его судьбе вряд ли можно признать достойными монарха, тем более располагающего самодержавной властью в огромной стране.

В 1745 году великого князя женили на троюродной сестре — шестнадцатилетней принцессе Софии Августе Фредерике из мелкого княжества Ангальт-Цербст. После принятия православия принцессе дали имя Екатерины Алексеевны. Великая княгиня скоро проявила дарования, намного превосходившие способности ее супруга, и в частности, изрядный вкус к дворцовой интриге. Екатерина, очевидно, интересовалась подробностями переворота 1741 года, тем более что одно время была близка с его главными участниками — Лестоком и Воронцовым. Недаром много лет спустя она даже вступила в литературную полемику с аббатом Шаппом, поведавшим миру якобы записанный им со слов опального Лестока рассказ о воцарении Елизаветы.

Здесь нет возможности подробно останавливаться на первых шагах Екатерины к власти. Достаточно сказать,

что замысел переворота зрел в ее голове задолго до 1762 года. Уже летом 1756 года, когда императрица тяжело заболела, великая княгиня составила весьма недвусмысленный план действий: «Когда я получу безошибочные известия о наступлении агонии, я отправлюсь прямо в комнату моего сына. Если я встречу или буду иметь возможность немедленно призвать обер-егермейстера [А. Г. Разумовского], я оставлю его с его подчиненными при сыне; если нет — я отнесу сына в мою комнату. Вместе с тем я пошлю верного человека известить пять гвардейских офицеров, в которых я вполне уверена. Они приведут мне каждый по 50 солдат — это будет исполнено по первому же знаку: Может быть, я и не обращусь к их помощи, но они будут у меня в резерве на всякий случай. Они будут принимать повеления только от великого князя или от меня. Я пошлю к канцлеру, к Апраксину и к Ливену, чтобы они явились ко мне, а в ожидании их направлюсь в комнату умирающей, куда призову командующего караулом капитана, велю ему присягнуть и оставаться при мне. Кажется, надежнее и лучше, чтобы оба великие князя были вместе, чем чтобы один был со мною. Думаю также, что местом сбора должна быть моя приемная. Если я замечу какое-либо, хотя бы самое малейшее, движение, я отдам под стражу Шуваловых и дежурного генерал-адъютанта. Младшие офицеры лейб-компаний — народ надежный, и хотя я в сношениях не со всеми ими, но на двух или трех я могу вполне рассчитывать и уверена, что имею столько влияния, чтобы заставить себе повиноваться всякого, кто не подкуплен».

Это письмо от 11 августа адресовано не кому-нибудь, а посланнику Великобритании Ч. Уильямсу. Сэр Уильямс передал Екатерине 10 тысяч фунтов стерлингов. История повторялась, только вместо французского золота, как 15 лет назад, теперь в руках претендентки блестело английское...

Но тогда Елизавета выздоровела. Отношения Екатерины с мужем становились все прохладнее, и теперь уже и речи не могло быть даже о чисто формальном сотрудничестве при захвате власти, как предполагалось в процитированном письме. Петр Федорович и Екатерина превратились в откровенных политических противников. Но переход трона к Петру III прошел спокойно — без попыток Екатерины противодействовать. По-видимому, свою роль сыграла беременность великой княгини — в апреле 1762 года у нее родился сын от Григория Орлова — будущий граф Алексей Бобрин-

ский. Но стоило императрице прийти в себя; как заговор снова стал набирать силу.

Июньский переворот 1762 года отличается прежде всего большим числом участников и редкостным единодушием. Разворачивавшийся сначала по традиционному сценарию, он быстро вышел за тесные стены дворца или казармы и превратился в массовое публичное действие на глазах у всего города. При этом активными сторонниками Екатерины были не только офицеры гвардии, но и простые солдаты — для того чтобы поднять их на мятеж, почти не пришлось прибегать к обману, в отличие от 1740 или 1801 года. Петр III действительно сумел восстановить против себя самые различные слои общества, несмотря на ряд таких мер, предпринятых при нем, которые, казалось бы, могли принести ему широкую популярность. Он подписал указ о вольности дворянской, отменявший для дворян обязательную службу, которую установил Петр I, а также упразднил Тайную канцелярию. Но пренебрежение традициями народа и слабость характера создали ему массу врагов. Движение 1762 года, как и мятеж двадцатилетней давности, имело явно выраженную патриотическую окраску. Трудно решить, успело ли надоесть гвардейцам шестимесячное пруссофильство Петра III больше, чем многолетнее правление Бирона, или же в иностранцах уже привыкли видеть виновников всяких бед, независимо от того, занимали ли они места в правительстве или же просто содержали лавки, но, судя по рассказам очевидцев, иноземцам в дни переворота досталось. Правда, если в 1741 году на престол возвели немку наполовину, то в 1762-м — уже совсем настоящую...

При всем беспорядке, произведенном напившимися солдатами, события лета 1762 года исполнены какой-то театральности. Здесь и бегство в наемной карете, и яхты у бастионов Кронштадта, и пестрое голштинское воинство на валах игрушечной ораниенбаумской крепости Петерштадт. А во главе воодушевленных полков — две молодые и привлекательные женщины в мужской одежде. Последнее обстоятельство — костюмы участниц действия, — насколько мы знаем нравы XVIII века, должно было придавать всей сцене особую пикантность и доводить гвардейцев просто до умопомрачения.

Лишь последняя картина этой драмы покрыта глубоким мраком. О том, что случилось в Ропше, мы можем судить только по невнятным запискам Алексея Орлова да по рассказу датского дипломата Андреаса Шумахера. Остальные

современники еще меньше были осведомлены об обстоятельствах смерти Петра III, чем Шумахер, и их сообщения почти ничего нового не добавляют — разве что предлагают свои версии того, кто именно был непосредственным убийцей императора. Что касается сочинения А. Шумахера, то оно было хорошо известно историкам, в частности В. А. Бильбасову, но из-за отсутствия перевода на русский язык не могло найти у нас широкого читателя. Конечно, не следует принимать на веру утверждение автора, что абсолютно все, изложенное им, есть стопроцентная истина, но степень достоверности сообщений Шумахера действительно очень высока. Поэтому мы сочли необходимым перевести этот любопытный источник и поместить его в настоящем сборнике.

Отречение Петра III

В краткое время правительства моего самодержавного Российским государством самым делом узнал я тягость и бремя, силам моим несогласное, чтоб мне не токмо самодержавно, но и каким бы то ни было образом правительства владеть Российским государством. Почему и восчувствовал я внутреннюю одного перемену, наклоняющуюся к падению его целости и к приобретению себе вечного чрез то бесславия. Того ради помыслив, я сам в себе беспристрастно и непринужденно, чрез сие заявляю не токмо всему Российскому государству, но и целому свету торжественно, что от правительства Российским государством на весь век мой отрицаюсь, не желая ни самодержавным, ниже иным каким-либо образом правительства во всю жизнь мою в Российском государстве владеть, ниже одного когда-либо или чрез какую-либо помощь себе искать, в чем клятву мою чистосердечную пред богом и всецелым светом приношу нелицемерно, все сие отрицание написав и подписав моею собственною рукою. Июня 29. 1762. Петр.

А. Шумахер

История низложения и гибели Петра Третьего

Последняя революция в России справедливо привела Европу в изумление и стоила слабому и несчастливому

императору Петру III трона и жизни. Ее история настолько поразительна, что заслуживает избежать забвения и дойти до потомков в беспристрастном изложении. Некоторые авторы уже отваживались на это, но источники, которыми они пользовались и откуда заимствовали материал для своих сочинений, слишком сомнительны и написаны слишком недавно, чтобы можно было поверить тому, что в них говорится. Неудивительно поэтому, что они неполны, малодостоверны, односторонни, а местами состоят просто из выдумок. Чтобы по мере сил восполнить этот пробел и не остаться в долгу перед грядущими веками, я желаю выдавшиеся мне теперь часы досуга использовать для записи всего того, что сам я видел и слышал либо же узнал от людей, которые являлись если и не участниками, то уж по крайней мере свидетелями той или иной сцены. Эти показания тем более заслуживают доверия, что я самым тщательным образом сличал их между собой и счел возможным использовать лишь те из них, которые полностью согласовывались друг с другом. Надеюсь, что страстная любовь к истине воодушевит и других сочинителей, которые, как и я, будут просто писать для потомков, не прибегая к искажениям и выдумкам. Перед ними, возможно, встанут и более серьезные цели, чем передо мною, поскольку пока что я предполагаю писать не биографию этого несчастного принца, не историю его правления, а лишь краткий очерк самого последнего эпизода — свержения этого государя. Если я выполню свое намерение и нечто подобное же совершат, как хотелось бы надеяться, и разные другие наблюдательные люди, оказавшиеся в России в то достопамятное время, то вряд ли будущий историк при общем недостатке источников сможет найти что-либо более подробное, чем сообщение современника. Они окажутся ему тем полезнее, если учесть, что немногие были бы в состоянии провести столь точное исследование, как я, поскольку этому способствовала занимаемая мною тогда должность и тесные связи, которые я поддерживал в то время с различными людьми. Кроме того, в моем сочинении нет ни одной неточности — я могу похвалиться, что ничего не оставил без проверки, чтобы добраться до истины, а найдя ее, беспристрастно изложить на бумаге.

Я меньше всего осмелился бы утверждать, что у несчастного принца, о котором здесь пойдет речь, уже при жизни императрицы Елизаветы не было различных друзей среди русских, в том числе и достаточно могущественных. В частности, от меня не укрылись симпатии генерал-фельдцейхмейстера Петра Шувалова к этому государю. Я достаточно уверенно осмеливаюсь утверждать, что корпус из 30 000 человек, сформированный этим графом, названный его именем и подчинявшийся только его приказам (правда, почти уничтоженный в ходе последней войны, и в особенности в кровавой битве при Цорндорфе²), был предназначен главным образом для того, чтобы обеспечить передачу российского трона великому князю Петру Федоровичу в случае, если кому-либо вздумается этому воспрепятствовать. Неудивительно, что позже, стоило только великому князю вступить на престол, он буквально в тот же момент назначил упомянутого графа генерал-фельдмаршалом. Когда же тот спустя 14 дней умер, император приказал предать его земле со всеми мыслимыми воинскими почестями и с исключительной торжественностью.

Сколь могущественной ни была эта поддержка, но куда больше было других, которые не желали передачи ему власти. К этому направлялись многие попытки, рассказ о которых занял бы слишком много места. Я хотел бы упомянуть здесь лишь одну, предпринятую в 1758 г. ныне покойным канцлером графом Алексеем Бестужевым-Рюминым. Целью интриги против принца, в которой оказалась замешана его же супруга великая княгиня Екатерина Алексеевна, было ни много ни мало как полное отстранение его от права наследования престола, который должен был перейти к его сыну — юному принцу Павлу Петровичу при регентстве матери [этого последнего] и жены [Петра]. Именно это послужило главной причиной падения и последовавшей затем ссылки упомянутого министра. Не говоря о прочем, трудно не согласиться с тем, что в этом деле приняли немалое участие французский и венский дворы или, впрочем, возможно, только их посланники — маркиз д'Опиталь и граф Эстергази³.

Между тем достойные доверия знающие люди утверждали, что императрица Елизавета и впрямь велела составить

завещание и подписала его собственноручно, в котором она назначала своим наследником юного великого князя Павла Петровича в обход его отца, а мать [первого] и супругу [второго] — великую княгиню — регентшей на время его малолетства. Однако после смерти государыни камергер Иван Иванович Шувалов вместо того, чтобы распечатать и огласить это завещание в присутствии Сената, изъял его из шкатулки императрицы и вручил великому князю. Тот же якобы немедленно, не читая, бросил его в горящий камин. Этот слух, весьма вероятно, справедлив, особенно если принять во внимание сильное недовольство государыни странным поведением ее своенравного и малопослушного племянника и нежную, почти материнскую заботу, с которой она воспитывала юного принца Павла Петровича. Он постоянно находился в ее комнатах под ее присмотром и должен был ее всюду сопровождать. Его так отличали перед его родителями, что их это серьезно уязвляло, а думающей публике давало повод для разных умозаключений. Я со своей стороны нисколько не сомневаюсь, что императрица Елизавета должна была назначить своим наследником юного великого князя. Но поскольку государыне не слишком приятна была и личность великой княгини, матери этого принца, можно утверждать почти наверняка, что регентство не было возложено на нее одну — право контролировать и утверждать [ее решения] предоставлялось, по-видимому, Сенату. Императрица слишком хорошо знала направление мыслей этой принцессы, которое слишком часто вызывало подозрения, чтобы вручить в ее руки неограниченную власть. С большой уверенностью можно было предсказать, что она воспользуется такой властью исключительно к своей собственной выгоде.

Но как бы то ни было, Петр Федорович вполне мирно взошел на трон, не встретив ни малейшего сопротивления. Он был тотчас признан и принял присягу под именем Петра III. Все было спокойно, если не считать того, что при дворе как будто опасались каких-то волнений. Еще за 24 часа до смерти императрицы были поставлены под ружье все гвардейские полки. Закрылись кабаки. По всем улицам рассеялись сильные конные и пешие патрули. На площадях расставлены пикеты, стража при дворце удвоена. Под окнами нового императора разместили многочисленную артиллерию — она стояла там долго, пока не рассеялись опасения, и лишь по прошествии восьми дней ее убрали. Еще более удивительным был последовавший за этим поступок

императора по отношению к камергеру Ивану Ивановичу Шувалову. Он вменил ему в вину, что тот сразу после кончины императрицы представил [Петра] дворцовой страже и отрекомендовал в качестве их будущего императора. Как будто-де не было ясно само собой, что внук Петра I и в течение многих лет официальный наследник престола должен принять власть вслед за императрицей Елизаветой!

Первые дни правления нового императора, казалось, обещали многое, и начало царствования никак не позволяло предугадать столь печального и ужасного конца. Если бы моей задачей было составить историю правления этого императора, я нашел бы широкое поле для рассказа о многих его замечательных и заслуживающих интереса деяниях. Но у меня мало времени и недостаточно сведений для истинной и полной картины, а к тому же такой рассказ слишком далеко увел бы меня в сторону от сюжета, которым я решил ограничиться в этот раз — последнего периода этого царствования. Поэтому я обойду молчанием все, что прямо не относится к моим задачам. Однако я не могу не отметить, что поведение нового императора, поначалу завоевавшее ему многие сердца, заметно изменилось, и притом не в лучшую сторону, после прибытия его дяди, герцога Георга-Людвига. К тому же масса новых распоряжений, в изобилии выходивших ежедневно, свидетельствовали о добром сердце, но скверном политическом чутье императора. Они создали ему множество врагов среди тех, кто до этого привык ловить рыбку в мутной воде и извлекать себе выгоду из отсутствия порядка.

Главная же ошибка этого государя состояла в том, что он брался за слишком многие и к тому же слишком трудные дела, не взвесив своих сил, которых явно было недостаточно, чтобы управлять столь пространной империей. Все части ее при вялом и небрежном правлении императрицы Елизаветы пришли в такой беспорядок, что уместно спросить, сколь острым умом и неутомимой работоспособностью обладала Екатерина II, если ей действительно удалось полностью восстановить этот развалившийся механизм и пустить его в ход. Доброму императору также не хватало умных и верных советников, а если и было сколько-нибудь таких, что желали добра ему и стране и имели достаточно мужества, чтобы ясно объяснять ему последствия его непродуманных действий, то их советы выслушивались редко и еще реже им следовали, если это не совпадало с настроениями императора. Его всегда окружали молодые, легко-

мысленные и неопытные люди, равнодушные к судьбе страны, о которой они к тому же не имели понятия, и не знавшие другой цели, как устроить собственное счастье за общий счет. Честь их государя была им совершенно безразлична, но их советам, никогда не противоречившим его склонностям, император всегда оказывал предпочтение перед мнением заслуженных и порядочных людей.

Столь неразумные действия вызвали скоро общее и сильное недовольство. К тому же император самым чувствительным образом задел духовенство, конфискуя церковное имущество⁴, и нанес много оскорблений гвардейским полкам. В результате вновь оживились старые замыслы, и все возжелали, чтобы государя, так неразумно распорядившегося своей властью, ее лишили.

Что же касается, в особенности, гвардейских полков, то они считали себя чрезвычайно ущемленными не только тем, что высшие должности в них, ранее всегда занимавшиеся российскими монархами, Петр III раздал частным лицам, но еще больше другими произведенными с ними серьезными изменениями. В правление императрицы Елизаветы они привыкли к безделью. Их боеготовность была очень низкой, за последние двадцать лет они совершенно разленились, так что их скорее стоит рассматривать как простых обывателей, чем как солдат. По большей части они владели собственными домами, и лишь немногие из них не приторговывали, не занимались разведением скота или еще каким-либо выгодным делом. И этих-то изнежившихся людей Петр III стал заставлять со всей мыслимой строгостью разучивать прусские военные упражнения. При этом он обращался с пропускавшими занятия офицерами почти столь же сурово, как и с простыми солдатами. Этим же последних он часто лично наказывал собственной тростью на публичных смотрах из-за малейших упущений в строю. Вместо удобных мундиров, которые действительно им шли, он велел пошить им короткие и тесные, на тогдашний прусский манер. Офицерам новые мундиры обходились чрезвычайно дорого из-за золотого шитья, в избытке украшавшего их, а рядовым слишком узкая и тесная форма мешала обращаться с ружьями. Но что более всего восстановило против императора этих привыкших к удобствам людей,— это его требование отправиться вместе с ним в поход за несколько сотен миль против Дании, который он окончательно решил. Когда же наконец распространился слух, что император собирается вместо них сделать лейб-гвардией несколько

своих голштинских полков и один прусский и выстроить для них в Санкт-Петербурге лютеранскую кирху напротив русской церкви св. Исаакия, сломанной за ее ветхостью, то их ненависть к нему достигла крайности. Она сделала их умы восприимчивыми к таким внушениям на все готовых людей, которые незадолго перед тем показались бы им заговором против императора.

Из всех названных мною причин недовольства самой важной было все же решение о войне против Дании, о чем я упоминал. В только что закончившейся войне нация потеряла так много людей и истратила столько денег, что новый набор рекрутов уже не прошел бы без ущерба для сельского хозяйства и пришлось бы прибегнуть к сокращению обращения серебряной монеты при удвоении медной и удержанию двух третей жалованья у всех гражданских служащих. Нация устала от войн вообще, но с особым отвращением относилась к предстоящей, которую пришлось бы вести при нехватке провианта, магазинов, крепостей, флота и денег в столь удаленных краях из-за чуждых, не касающихся России интересов против державы, жившей с незапамятных времен в добрососедстве с Россией⁵. Министры, генералитет, даже сам король Прусский предвидели грозящее несчастье, делали императору об этом самые настойчивые представления. Российский военный совет, к которому пригласили и канцлера графа Воронцова, пытался в записке, переданной императору в мае месяце, хотя бы выиграть время в надежде, что впоследствии удастся внушить императору более разумные мысли, а возникшие между Данией и младшей ветвью голштинского дома противоречия уладить путем переговоров при посредничестве других держав. Поскольку содержание этой записки заслуживает внимания, мы передадим его целиком. Она звучит следующим образом⁶.

Прусский король также с неудовольствием видел, что император ввязывается в новую войну, чреватую серьезными последствиями. Насколько это было в его силах, он поддержал заявление русских министров. Он пребывал в уверенности, что помощь со стороны императора мало что изменит в его пользу, и в то же время испытывал опасения, что посланный ему на подмогу корпус Чернышова при первой же неудаче, встреченной русскими в Мекленбурге, будет тотчас отозван обратно. Этот проникательный и хорошо осведомленный обо всем происходящем в России государь понимал, какой опасности явно подвергнет себя им-

ператор, если он покинет страну. Кроме того, ему было известно, что за исключением самого монарха в России у него есть лишь считанные сторонники. Поэтому он мог опасаться того, что, во-первых, в случае, если его постигнет какая-либо неудача, русские легко могут обратить против него оружие, с которым они явились его же защищать, а во-вторых, вряд ли они так уж легко вернут обратно Штеттин, который должно им предоставить в качестве операционной базы.

Впрочем, прусский монарх был обязан императору некоторыми весьма существенными одолжениями⁷, так что не в его интересах было противопоставлять твердой решимости этого государя нечто большее, чем мягкие и дружеские увещевания. Они оказались столь же бесплодны, как и убеждения собственных министров императора и английского посланника Кейта. Война с Данией была решена окончательно, и император не мог отступить от своих намерений. Его удалось лишь заставить согласиться на участие в конгрессе, который должен был открыться в Берлине 1 июля по старому стилю при посредничестве короля Прусского. Но насколько серьезно он к этому относился, лучше всего видно из ультиматума, отправленного им туда со своими полномочными представителями. Он требовал не только отделения [от Дании] Шлезвига и острова Фемарн, но и полного удовлетворения младшей линии [Голштинского дома], причем в качестве возмещения убытков следовало отдать половину владений [датского] короля в Голштинии со всеми там расположенными укреплениями. Чтобы этот конгресс наверняка был безуспешным, император пожелал проводить его не дольше восьми дней и строжайше запретил своим представителям просить [по истечении этого срока] каких-либо новых инструкций, а велел тотчас сообщить ему и генералу Румянцеву двумя специально приданными курьерами о том, что переговоры прерваны. Тогда военные действия смогут начаться без дальнейших задержек.

Из-за всего этого и многого подобного императора ненавидели люди всех сословий — и вот в июне месяце против него составилась заговор, в котором приняли участие от 30 до 40 человек всех званий, но преимущественно все же низкого положения в обществе. Они устраивали совещания в доме у юной, еще не достигшей двадцатилетнего возраста, княгини Екатерины Романовны Дашковой, дочери сенатора Романа Ларионовича Воронцова и к тому же сестры лю-

бовницы императора Елизаветы. Впрочем, по сравнению с этой, последней, она была полной противоположностью — в том, что касается и образованности, и душевных свойств. Ее муж — князь Дашков, лейтенант⁸ конной гвардии, получил приказ от Петра III отправиться в Константинополь и торжественно объявить Порте о своем восшествии на русский престол. Но он знал о заговоре и поэтому в собственных интересах тянул с отъездом до самого свержения императора, когда необходимость в этой поездке окончательно отпала. Замысел, который намеревались привести в действие заговорщики, по-видимому, принадлежал ныне уже покойному русскому комедианту Федору Волкову. К нему присоединились и другие — секретарь императрицы Екатерины коллежский советник Одар, пьемонтец, который, впрочем, вскоре после революции покинул Россию и самым решительным образом протестовал против того, что его не причислили официально к числу спасителей отечества.

Как бы то ни было, эта небольшая и маловлиятельная партия привлекла на свою сторону главным образом благодаря усилиям братьев Орловых три роты Измайловского полка, которые высказались в пользу императрицы Екатерины. Замысел состоял в том, чтобы 2 июля старого стиля, когда император должен был прибыть в Петербург, поджечь крыло нового дворца. В подобных случаях император развивал чрезвычайную деятельность, и пожар должен был заманить его туда. В поднявшейся суматохе главные заговорщики под предлогом спасения императора поспешили бы на место пожара, окружили [Петра III], пронзили его ударом в спину и бросили тело в одну из объятых пламенем комнат. После этого следовало объявить тотчас о гибели императора при несчастном случае и провозгласить открыто императрицу правительницей.

Однако выполнить разработанный и уже начавший осуществляться план заговорщикам помешало происшествие, случившееся 27 июня. Один из солдат Преображенского полка, которого наряду с прочими привлек на сторону императрицы лейтенант Петр Пассек — один из заговорщиков, — что-то неосторожно сказал майору Воейкову, из чего тот ясно понял, что готовится опасное покушение на императора. Поскольку солдат упомянул лейтенанта Пассека, тот приказал его тотчас взять под стражу. После этого Воейков отправился к подполковнику своего полка, нынешнему генерал-аншефу, сенатору и кавалеру Федору Ива-

новичу Ушакову, чтобы все ему рассказать и посоветоваться, не стоит ли немедленно доложить императору. Ушаков, однако, не был столь расторопен, как майор, решивший, что дело это весьма опасного свойства. Тогда майор отправил спешное донесение в Ораниенбаум к императору. Оно, однако, показалось государю не заслуживающим доверия, поскольку он был уверен, что Пассек всецело предан ему и на него можно полностью положиться. Между тем это показавшееся императору маловероятным известие еще в тот же день подтвердил один тогдашний придворный служитель (Hof-Tafeldecker), считавшийся полусумасшедшим. Герцога Голштинского Георга Людвига в тот же день предупредил один офицер, сообщивший, что предпринимается нечто опасное против императора. Герцог придал этому предупреждению не больше значения, чем император. Никто даже не удосужился поручить знающему человеку провести допрос этого служителя, который не хотел показывать ни на кого из русских, а только повторял: «Если Петр не побережется, завтра он не будет императором». Еще непостижимее то, что Пассека оставили сидеть под арестом, не проведя допроса, и только язвительно высмеяли того, кто на него донес.

Между тем легко себе представить, в какое движение привел заговорщиков арест Пассека, весть о котором уже разнеслась. Он заставил их принять отчаянное решение не теряя времени выполнить свой замысел, сколь бы он ни был рискован и мало обдуман. Как только было принято это решение, Григорий Григорьевич Орлов, тогда артиллерийский казначей в чине капитана, отправил лейтенанта инженерного корпуса Василия Бибикова в Петергоф, чтобы дать знать тогдашнему камердинеру императрицы, а ныне камергеру Василию Шкуруину: необходимо наискорейшим образом взяться за осуществление замысла. Со своей стороны юная княгиня Дашкова, бывшая в Петербурге, отправила в Петергоф скверную старую карету, чтобы доставить в ней императрицу. Ближе к вечеру Николай Рославлев, премьер-майор Измайловского полка, собрал свой полк, раскрыл солдатам собственные замыслы и пообещал им в случае, если они внесут свой вклад в дело спасения угнетенного отечества, не только освобождение от предстоящего тяжелого похода, но и солидные награды. Такая речь нашла полное понимание у этих и без того недовольных людей, и весь полк тотчас же единодушно высказался за императрицу Екатерину. Тогда указанный майор вместе

с лейтенантом Алексеем Орловым около 10 часов вечера отправились к гетману Малороссии фельдмаршалу графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому — тогдашнему полковнику Измайловского полка. Они объявили ему единогласное мнение подчиненного ему полка и самым твердым образом потребовали ответить, присоединится ли он к ним или нет. Времени на размышление они при всем своем желании предоставить ему не могут, так что если он, вопреки их надеждам, окажется против них, его тотчас задержат, и содержать под арестом его будет собственная же его охрана. Этого заявления оказалось более чем достаточно, чтобы убедить и без того колебавшегося гетмана. Он издавна был предан императрице, еще с тех времен, когда она была великой княгиней, и тем меньше любил императора, что тот носился с проектом отнять у него пост гетмана для своего любимца камергера Гудовича. Поэтому он тотчас же вышел к собранному полку, убедился в том, что ему верно передали о настроении солдат, и выразил свое удовлетворение принятым ими решением. Затем гетман приказал им тихо разойтись и ждать новых приказов.

После этого Григорий Григорьевич Орлов поспешил в Петергоф, захватив с собой свою коляску. Он прибыл туда около полуночи, но во дворцовом саду встретил флигель-адъютанта императора по имени Степан Перфильев, который спросил его, откуда это он в столь поздний час явился. Орлов ответил, что из Санкт-Петербурга и направляется в Ораниенбаум, чтобы, если повезет, отыграть там деньги, проигранные в Петербурге. Поскольку Орлов был заядлым игроком, Перфильев не нашел в его ответе ничего удивительного и стал настойчиво зазывать его к себе на квартиру, чтобы, по русскому обычаю, пропустить по чарочке водки. Орлов последовал приглашению и развлекал своего хозяина всевозможными разговорами до тех пор, пока тот от усталости не уснул в его присутствии. Когда же Перфильев заснул, он тихо вышел от него и отправился к императрице. После краткого разговора она тотчас же собралась к отъезду в Петербург. 28 июня по старому стилю, около 6 часов утра, она в черном траурном платье⁹ с орденом св. Екатерины вышла из дворца. Ее сопровождали камер-юнкера Екатерина Шаргородская и камердинер Василий Шкурин. Вместе с ними она прошла большой садовой аллеей к главным воротам, чтобы сесть там в уже упоминавшуюся карету, запряженную всего двумя лошадьми. Но поскольку слева показались фигуры двух мужчин, наверное

вышедших погулять в саду, то императрица не стала садиться здесь, а вернулась к другим воротам, несколько левее первых. Туда же подъехала и карета. Однако те люди, по-видимому из любопытства, последовали и в эту сторону, так что у них на глазах императрица с юнгферою уселись в карету, камердинер стал на запятки, туда же к нему присоединился Бибиков, а Григорий Орлов поехал вслед за каретой верхом.

Вот такая, не слишком роскошная, процессия прибыла в Петербург, и императрица напрямик отправилась в полковую канцелярию Измайловского полка. Она вышла из кареты и, совершенно бледная и дрожащая, проследовала в дом, где ее уже ожидали офицеры. Тогда Орлов дал условленный сигнал выстрелом из пистолета, по которому полк тотчас же собрался и с оружием в руках принес присягу в верности императрице. Ее принял полковой священник, появившийся с иконой в руках. Как только это произошло, императрица уселась в ту же карету и поехала в сопровождении измайловцев к казармам Семеновского полка. Гетман граф Разумовский, появившийся к началу этого шествия, сопровождал его в дормезе, но потом сел на коня верхом и с обнаженной шпагой в руке поехал перед каретой императрицы. В этой невзрачной карете, запряженной всего двумя лошадьми, при диких и устрашающих криках шедших безо всякого порядка солдат двух гвардейских полков, которые перемешались друг с другом, причем часть солдат была полуодета, — в этой суматохе, когда вряд ли многие знали, что, собственно, надо делать дальше, императрица около 10 утра прибыла в центр города и остановилась у русской церкви Казанской Божьей Матери. Она зашла внутрь и помолилась. Здесь стал быстро собираться народ, и мятежная толпа увеличивалась. Тут появился и генерал-фельдцейхмейстер Вильбуа, которого незадолго перед тем Петр III лично оскорбил. Он стремительно подскочил, спрыгнул с коня и встал у дверцы кареты императрицы. Столь же спешно со всех сторон стекались стремительно конногвардейцы. Солдаты и чернь непрерывно кричали «ура!». Зазвонили колокола Казанской церкви, и духовенство оттуда пошло с крестом во главе процессии перед каретой. При все усиливавшемся шуме и давке, среди бегущего кругом народа и собиравшихся со всех сторон солдат, часто кричавших «ура!», процессия миновала деревянный Зимний дворец и подошла к новому каменному Зимнему дворцу. Туда же из Летнего дворца стремительно дос-

тавили юного великого князя Павла Петровича. Его привез обер-гофмейстер господин Панин в запряженном парой экипаже под охраной сильного отряда конногвардейцев. Великий князь был не одет — в шлафроке и с ночным колпаком на голове. Преображенский и другие полки собрались у каменного Зимнего дворца и тотчас принесли присягу. Дело дошло почти до драки между созданным императором лейб-кирасирским полком, очень ему преданным, и конной гвардией. Командовавший этим полком подполковник Фермойлен и другие немецкие офицеры хотели захватить Калинин мост, через который шла дорога на Петергоф и Ораниенбаум, но их быстро отделили и взяли в плен. Все же остальные без промедления объявили себя на стороне императрицы, тем более что повсюду распускали слух, будто император накануне вечером упал с лошади и ударился грудью об острый камень, после чего в ту же секунду скончался. Этот-то слух главным образом, наряду с прочими обстоятельствами, и побудил лейб-кирасирский полк принять участие в перевороте.

На Васильевском острове располагались два пехотных полка — Ингерманландский и Астраханский. Вторым командовал генерал-майор Мельгунов, фаворит императора, так что этим войскам не очень доверяли. На случай, если они проявят враждебность, был выделен отряд с пушкой, которому следовало отстаивать от них мост через Неву. Но и там полковника, заявившего о своей верности государю, взяли под арест собственные же [солдаты]. И они захотели разделить честь спасения Отечества. Чтобы укрепить доброе расположение к себе солдат, прежде всего гвардейских полков, императрица велела им немедленно объявить, что все будет устроено по-прежнему и что маршировать в Германию им не придется. Это вызвало всеобщие крики радости. Тотчас же из полковых канцелярий на телегах привезли старые мундиры, и солдаты стали переодеваться прямо на улице. С ненавистью необыкновенной при этом обращались с новыми, прусского образца мундирами. Гренадерские шапки многие топтали ногами, пробивали их байонетами, швыряли в нечистоты или же надевали их на ружья для всеобщего обозрения и так носили. В конце концов эти озлобленные, беснующиеся люди продавали новые мундиры по смехотворным ценам, лишь бы хватило на выпивку.

После 12 часов императрица перешла из каменного Зимнего дворца в старый, деревянный, который оказался пред-

почтительнее, вероятно, потому, что его было намного легче оцепить солдатами и защищать с любой из сторон. Поскольку же в этом дворце не оказалось никакой утвари и даже самого необходимого там не хватало, то все это пришлось срочно доставить из находившегося по соседству дома графа Строганова. Граф также считал за благо сыграть свою роль в разразившейся революции.

Не успела императрица въехать в новое свое жилище, как туда собралось множество знатных особ, как светских, так и духовных, чтобы пожелать удачи новой государыне и заверить ее в верности и преданности. Тех же, кто не являлся или не вызывал доверия, арестовывали, причем, как это принято в России в подобных обстоятельствах, солдаты с ними обращались грубо, били, грабили и вообще всячески издевались. В особенности досталось герцогу Георгу-Людвигу Гольштейн-Готторпскому, дяде императрицы. Когда в центре города началась суматоха, он спешно отправился к ныне покойному генерал-аншефу фон Корфу, чтобы посоветоваться с ним, как опередить действия толпы, и сообщить, что конногвардейцы его полка взбунтовались и силой забирают из его дома свои знамена. Генерал фон Корф еще ничего не ведал об общем состоянии дел и поэтому решил, что мятеж конногвардейцев просто неприятное следствие строгостей герцога. Поэтому он посоветовал герцогу на будущее обращаться с этим народом помягче и понисходительнее. Пока они так между собой беседовали, в здание вошел большой отряд гвардейских пехотинцев. Командовавший ими офицер заявил генералу фон Корфу, что имеет приказ доставить его к императрице. Тотчас же несколько человек схватились за его шпагу и стали срывать орденскую ленту. Когда же генерал попробовал удержать ленту, он получил за это сильный удар прикладом в грудь и еще один, столь же сильный, в самую чувствительную часть тела. После этого орденскую ленту с него сорвали и потащили пешком в каменный Зимний дворец. Императрица, однако, была так недовольна проявленным к нему неуважительным обращением, что лично вновь надела на него ленту и даже выразила при этом желание, чтобы генерал забыл нанесенное ему оскорбление. Стоило увидеть это офицеру, столь грубо поднявшему на Корфа руку, как он самым недостойным образом бросился к его ногам и стал молить о прощении. Но тот с презрением отвернулся от него вместо ответа.

Не успели генерала Корфа увести, как было сказано,

из его дома, как прискакало целое сонмище разъяренных конногвардейцев, и они напали на оставшегося там герцога Голштинского. Отдать шпагу добровольно он не захотел, и они вынудили его к тому силой, нанесли много ударов и пинков. Они порвали на нем не только тот самый красный мундир, о котором он за несколько дней до этого говорил в обществе, что собирается отдать его «выбивать», но и голубую нательную рубаху. Ему нанесли раны, а затем хотели проткнуть байонетом его адъютанта Шиллинга. В открытой коляске герцога доставили также во дворец, но императрица не сочла удобным говорить с ним, и его отвезли в собственный дом на углу Галерного двора. По дороге он подвергался большой опасности, поскольку рейтары Конногвардейского полка, полковником которого он был, проявили по отношению к нему крайнее ожесточение. Какие-то из них даже хотели рубануть его саблями, но гренадер, стоявший за ним в коляске, отразил эти удары своим ружьем. Уже при въезде во дворец герцога еще один из рейтар хотел в него выстрелить, но его от этого удержал, что достойно и внимания, и похвалы, русский же священник. Рейтары и солдаты начисто разграбили дворец, забрали все бывшие там деньги и драгоценности, нарочно покروшили много красивой мебели и разбили зеркала, взломали винный погреб и ограбили даже маленького сына герцога. Только чистыми деньгами герцог потерял более 20 000 рублей, причем 15 600 рублей он получил как раз в это самое утро — их еще пересчитал состоящий у него на службе надворный советник Гертнер — и они исчезли. Озлобленные, неистовствующие солдаты, не слушавшие уже никаких приказов, били, грабили и сажали под самый строгий караул всех, кто оказался во дворце или же только направлялся в него.

Между тем в старом деревянном Зимнем дворце зачитывался срочно составленный генерал-прокурором Глебовым манифест. Он вскоре был опубликован и сделался общеизвестным. Понемногу сама собой собралась почти целиком и лейб-компания, созданная императрицей Елизаветой и распущенная Петром III. Императрица завершила, что лейб-компания будет восстановлена.

Весь дворец был окружен снаружи солдатами и охранялся ими же и внутри, но, кроме этого, пушки были расставлены у подходов к нему, у мостов и на ближайших улицах. Не пренебрегли ничем, что могло бы способствовать защите и обеспечению успеха начатого дела.

Ближе к вечеру императрица сняла орден св. Екатери-

ны и возложила на себя орден св. Андрея. Всякий раз, когда она или великий князь показывались в окне, солдаты и весь народ громко кричали «ура!». Дорога из Петербурга на Петергоф и Ораниенбаум была вплоть до Красного Кабака занята отрядами с пушками. Все выходы из города так охранялись сторожевыми постами, пикетами и патрулями, чтобы никто не смог покинуть город и лично доложить императору о том, что произошло в Петербурге.

Но пребывавший в беспечности государь ничего не ведал, более того, даже в Петергофе ничего не было известно, потому что остававшаяся там камеристка притворно заявляла всем, что поскольку императрица отправилась почитать поздно, то она еще до сих пор не вставала. Гофмаршал Измайлов, которому император строго приказал самым бдительным образом наблюдать за супругой, удовлетворялся подобными заявлениями до тех пор, пока у него наконец не начали возникать подозрения. Между 11 и 12 часами утра он решил проникнуть в покои императрицы, которые он, к своему чрезвычайному удивлению, нашел совершенно пустыми. Император же именно в этот день, 28 июня, собирался отобедать в Петергофе, и с этим намерением он около часу дня выехал из Ораниенбаума со всеми окружавшими его знатными господами и дамами. Канцлер граф Воронцов отправился заранее. Когда он очутился в Петергофе, то встретил гофмаршала Измайлова, который только что обнаружил исчезновение императрицы и в страхе ее повсюду разыскивал. Быстро посоветовавшись, оба сочли нужным, чтобы гофмаршал поспешил навстречу императору и безотлагательно передал ему эту новость. Измайлов как был — при полном параде, в башмаках и белых шелковых чулках — не теряя времени влез на скверную крестьянскую лошадь, что стояла где-то неподалеку, и сломя голову помчался навстречу императору. Он встретил его примерно в пяти верстах от Ораниенбаума едущим в фаятоне в обществе прусского посланника фон Гольца и некоторых из дам. После стремительной скачки гофмаршал представлял собой довольно необычное зрелище, так что император встретил его насмешками. Правда, император забыл о шутках, когда услышал о бегстве императрицы — этим он был совершенно ошеломлен. Камергер Гудович, его любимец и генерал-адъютант, посоветовал тотчас же повернуть назад и обеспечить за собой кронштадтскую гавань. Прусский посланник Гольц был того же мнения. Это мнение одобрил и поддержал также фельдмаршал Миних, прибывший из

Ораниенбаума чуть позже. Но император, на свою беду, считал иначе и поспешил в Петергоф, где и очутился между 1 и 2 часами. Входя во дворец, он спросил испуганным голосом появившегося ему навстречу канцлера: «Где Екатерина?» И когда тот ответил: «Не знаю, я не смог ее найти, но говорят, что она в городе», император на мгновение глубоко задумался и тихо сказал с сильным чувством: «Теперь я хорошо вижу, что она хочет свергнуть меня с трона. Все, чего я желаю, — это либо свернуть ей шею, либо умереть прямо на этом месте». Он в гневе стукнул тростью по полу. Потом император приказал слугам, выехавшим из Ораниенбаума позже, чем он, поспешить к нему, так как он хотел надеть русскую гвардейскую форму вместо прусской с орденом Черного Орла, которую он до тех пор носил постоянно. Это и было осуществлено в комнате исчезнувшей императрицы. Император сказал генерал-фельдмаршалам князю Никите Трубецкому и графу Александру Шувалову, одного их которых он сделал полковником Семеновского полка, а второго — Преображенского, следующее: «Вам нужно быть в городе, чтобы успокоить ваши полки и удерживать их в повиновении мне. Отправляйтесь немедленно и действуйте так, чтобы вы могли когда-нибудь ответить за свои действия перед богом». Они торжественно заверили его [в своей преданности] и тотчас же пустились в путь, но не успел Петергоф скрыться из виду, как они приказали кучеру ехать тихим шагом, полагая, что особых причин торопиться нет. Немалое время спустя император повелел и канцлеру графу Михаилу Ларионовичу Воронцову также ехать в Петербург, чтобы, как полагается верному слуге, предпринимать меры на благо государю, а также строго предупредить императрицу не делать никаких опасных шагов. Воронцов имел честные намерения по отношению к своему государю — он немедленно отправился и по дороге даже догнал обоих фельдмаршалов. До Красного Кабака дорога была совершенно пустынна — ему казалось, словно все в этих краях вымерло от чумы. Но в самом этом местечке оказался сильный сторожевой отряд. Когда Воронцов спросил у солдат, что они здесь делают и что произошло в Петербурге, они ответили ему очень кратко: «Император оттуда сбежал, а императрица взошла на трон». Канцлер, наверное, решил, что было бы неразумно связываться с этими грубыми людьми, и промолчал. В Петербурге он поехал прежде всего к своему дому, но оттуда тотчас же к деревянному Зимнему дворцу, где пребывала императрица. Правда, перед

мостом он вынужден был, как все, не исключая даже и дам, вылезти из экипажа и пешком идти во дворец, где он застал Трубецкого и Шувалова. Они прибыли за несколько минут перед тем и теперь с язвительными усмешками рассказывали императрице о задании, данном им императором. Как только канцлера допустили к императрице, он сказал, что послан к ней императором, своим государем, чтобы дружески, но со всей серьезностью призвать ее величество пресечь восстание немедленно, пока оно еще в самом начале, и воздерживаться впредь, как подобает верной супруге, от любых опасных предприятий. В этом случае не будет препятствий для полного примирения и забвения всего, что уже совершилось. Императрица и граф Воронцов стояли как раз у окна, и вместо ответа она предложила ему бросить взгляд в это окно и убедиться собственными глазами, что все уже решено и происшедшее есть выражение единодушной воли всей нации. «Разве не поздно,— спросила она,— теперь поворачивать обратно?»

Воронцов отвечал: «Я слишком хорошо вижу это, Ваше Величество, и потому мне не остается ничего иного, как представить императору верноподданнейшее донесение обо всем происходящем. Поэтому милостиво разрешите мне воротиться к нему». Не отвечая на просьбу, императрица спросила его, не последует ли он примеру прочих и не принесет ли ей присягу. Воронцов, однако, извинился и возразил, что его совесть не может ему этого позволить ранее, нежели дело не решится окончательно и совершенно. Поскольку он понимает, что вернуться к императору ему не будет позволено, то он просит позволения написать в присутствии императрицы своему государю. Наконец это ему разрешили. Он сообщил [императору], что точнейшим образом выполнял его приказы и ни в какой мере не нарушил принесенной присяги, но обнаружил, что в Петербурге все полностью решилось в пользу императрицы, и потому полагает, что ему — [императору] — ничего другого не остается, как тоже подчиниться, выговорив себе как можно более выгодные условия.

Императрица прочитала это письмо и одобрила его, и, как меня заверяли, оно было даже отослано в Петергоф к императору. Вслед за тем императрица снова спросила канцлера, не займет ли он в качестве лейтенанта своего места среди добровольно находящихся при ней кавалергардов¹⁰. Но он снова извинился, сославшись на долг, и испросил лишь милостивого позволения отправиться в сопро-

вождении нескольких офицеров к себе домой, где он будет все это время пребывать в полном бездействии, отдавшись божьему промыслу, ни во что не вмешиваться и ничему не противодействовать.

Это ему наконец позволили, и он тотчас же поспешил откланяться, но выражений милости при прощании ему не перепало.

Нерешительный император не удовлетворился этими посольствами, но приказал тогдашнему кабинет-секретарю Волкову составить письмо в Петербург Сенату, в котором он строго взывал к его верности, оправдывал свое поведение в отношении собственной супруги и объявлял юного великого князя Павла Петровича внебрачным ребенком. Но офицер, которому повелели доставить это послание, вручил его императрице, а она, как легко можно заключить, не сочла полезным его оглашать.

Подумали и о Кронштадте. Тотчас по прибытии в Петергоф император послал туда приказ — всем солдатам и матросам с пятидневным запасом провианта и боеприпасов самым спешным образом выступить к Петергофу. Правда, через час голштинский генерал-аншеф Петер Девьер получил новое приказание: войскам оставаться на месте и беречь [Кронштадт] для императора. Он немедленно послал своего адъютанта назад к императору сообщить, что Кронштадт для него еще открыт и в случае, если обстоятельства того потребуют, он всегда сможет там укрыться. Около 6 часов в Кронштадте получили еще один — третий — приказ. Девьер, однако, меньше всего отличался быстротой и бдительностью, и многого недоставало для того, чтобы выходявшие приказы осуществлялись столь же быстро, как того требовало их содержание.

В Санкт-Петербурге при дворе императрицы до полудня о Кронштадте и о полках, стоящих вне Петербурга, думали столь же мало, как и об армии, находящейся в Германии. Но примерно в это время подполковник фон Эндтен так громко напомнил графу Разумовскому [о Кронштадте], что услышала императрица. Она тотчас же осознала важность этого напоминания и приказала присутствовавшему адмиралу Талызину немедля отправляться туда и обеспечить для нее этот пункт. Адмирал охотно и в ту же минуту согласился, но испросил собственноручный указ императрицы, для чего немедленно доставили перо, бумагу и чернила. Получив указ, адмирал пустился в дорогу, но прежде отправил [в Кронштадт] перед собой в шлюпке одного лейтенан-

та, чтобы разузнать о настроениях [гарнизона] и повлиять на них. При своем прибытии Талызин нашел вице-адмирала князя Меншикова и коменданта полковника фон Нумерса в заботах о тщательном укреплении всех входов в Кронштадт. Не успел он им поведать о том, что обстоятельства складываются выгоднейшим для императрицы образом, и показать данный ему письменный приказ, как оба забыли о присяге и долге, предоставили императора его судьбе и тотчас же высказались за императрицу, которой счастье улыбалось больше.

После того как эти двое были завоеваны, графа Девьера заставили сидеть в доме коменданта в бездействии до той поры, пока дело не решится окончательно. И когда он упрекнул адмирала Талызина в предательстве, тот ответил ему с иронической и презрительной усмешкой: он не сделает Девьеру ничего сверх того, что он сам, Девьер, должен был бы сделать с Талызиным при появлении его в гавани, если бы правильно разбирался в своем ремесле.

Помимо всех вышеупомянутых мер, император принял и другие, столь же бесплодные. Он велел всей своей голштинской кавалерии под командой голштинского генерала Шильда прибыть из Ораниенбаума в Петергоф. Инфантерия же должна была оставаться на месте. В окрестностях Петергофа рейтаров и драгун разбили на отряды и расставили, а гренадеры Астраханского полка, несшие стражу в Петергофе при императрице, должны были также занять позиции. Шильду велено было вести кавалерию против предполагаемого противника. Он, однако, с извинениями отклонил эту честь, сказав, что он не знает [здешнего] народа. Там и здесь расставляли пушки и назначали к ним прусских канониров. Гусаров отправили вперед — в окрестности Красного Кабака. Всем пришлось зарядить оружие боевыми патронами, чтобы защищаться. Но поздно вечером император приказал как голштинским рейтарам, так и русским гренадерам возвращаться в Ораниенбаум. Веря полученному от Девьера донесению и не зная о происшедшей к вечеру в Кронштадте перемене, он взошел на галеру и велел грести к этому месту. Туда же следовало отправиться и двум яхтам или фрегатам, которые летом обычно стояли у Петергофа. Все знатные господа и дамы, бывшие при императоре в Ораниенбауме и по большей части против своего желания составлявшие его свиту, должны были взойти на корабли и разместиться частично на галере, а частично на одной из яхт.

Около полуночи император был недалеко от [кронштадтской] гавани. С несколькими сопровождающими он спустился в шлюпку, чтобы быстрее прибыть на место. Но оказавшийся там караульный окликнул его. Когда же в ответ сказали, что здесь император, послышалось возражение: об императоре никто ничего не знает, все присягнули императрице. Так что пусть он немедленно поворачивает назад, иначе по нему без промедления откроют огонь. Последнего, впрочем, не случилось и не могло случиться, поскольку на той стороне не было ни одной пушки (впрочем, как и со стороны Петербурга) с боевыми зарядами.

Прогнанному так императору пришлось в испуге повернуть шлюпку назад и возвратиться на галеру. Он не позволил обрубить якорный канат, как некоторые предлагали, и, когда якорь был поднят, велел грести обратно в Ораниенбаум. Вступив на борт галеры, император пригрозил бывшим в его свите знатым дамам, а именно канцлерше Воронцовой, супруге гетмана, обер-егермейстерше Нарышкиной, графине Брюс, графине Строгановой и другим, чьи мужья были в городе у императрицы, что он сквитается на них и что ни одна из них не вернется в Петербург живой. Легко представить, какой страх вызвала у дам эта угроза и какой вой и стенанья тут поднялись. Впрочем, император вряд ли выполнил бы свое обещание — оно было дано, скорее всего, просто в дурном расположении духа. Он спустился со своей любовницей Елизаветой Воронцовой и фаворитом Гудовичем в каюту и оставался там в полном унынии и беспомощности.

29 июня рано поутру прибыл император с галерой и яхтой в Ораниенбаум. Но вторая яхта со знатыми персонами намеренно причалила в Петергофе, и они тотчас же подчинились императрице. Как только император ступил на сушу, он отправился в маленькую крепость, заложенную им для военных учений, где пролежал примерно час на кушетке, почти ничего не произнеся за все это время. По совету тех, кто был при нем, он покинул затем это место и отправился в свой дворец, куда проследовали как находившиеся тогда в Ораниенбауме знатные лица, так и голштинские офицеры.

Между тем императрица велела собрать в Санкт-Петербург корпус войск, который состоял из трех пехотных гвардейских полков, конногвардейцев, полка гусар и двух полков инфантерии. Их возглавил гетман граф Разумовский.

Генерал-фельдцейхмейстер Вильбуа командовал артиллерией, относившейся к авангарду.

С этим корпусом императрица выступила в поход еще 28 июня вечером. На ней была мужская одежда — гвардейская форма с андреевской лентой через плечо. [Екатерина] ехала верхом с обнаженной шпагой в руке. Правда, как сама она позже сказала, на душе у нее было тяжело из-за неизвестности об исходе всего этого предприятия. Молодая княгиня Дашкова, также в офицерском мундире, сопровождала императрицу, как и она, верхом.

29 рано утром, между 3 и 4 часами она прибыла к почитаемому мужскому монастырю в двадцати верстах от Санкт-Петербурга и в десяти — от Петергофа. Здесь тотчас велела она отслужить службу, и здесь же присягнули ей все прибывшие из Петергофа придворные с той яхты, что покинули императора. Сенатор Воронцов, отец фаворитки императора, допущен, впрочем, не был. Ему пришлось долго стоять перед монастырем, а солдаты издевались и насмехались над ним из-за его дочери Елизаветы. В конце концов его отвезли под охраной в Санкт-Петербург домой.

Между тем русские гусары, высланные вперед, вылавливали и брали в плен встречавшиеся пикеты голштинских гусаров.

В то же утро 29-го в Ораниенбауме император устроил последнее совещание. За исключением одного лишь Миниха, все советовали ему сдать императрице и наперебой предлагали пункты капитуляции. Миних же, лучше кого бы то ни было знавший, что собой представляют революции в России, внушал императору, что гвардейские полки наверняка обмануты ложью либо о его смерти, либо об отсутствии. Прошло уже 24 часа — было много времени как следует подумать, так что из тех, кто сейчас действовал вынужденно, наверное, немало найдется таких, что в мгновение ока примут решение перейти на сторону императора, стоит лишь ему покинуть своих голштинцев и вместе с одним лишь Минихом явиться навстречу приближающейся гвардии. Тогда он, фельдмаршал, надеется внушить гвардейцам необходимое и изменить их настроение. Пусть император не боится, что на его особу осмелятся посягнуть. Столь большое доверие и столь решительный поступок всех совершенно изумит. Если же все-таки начнут стрелять, то первая пуля сразит самого фельдмаршала. В любом случае так умереть славнее, чем позволить себя позорно взять в плен,

не решившись ни на какое действие ради того, чтобы удержать за собой столь величественный трон.

И в самом деле, единственное, что оставалось, — это последовать такому совету. Исход мог быть и счастливым, поскольку между Преображенским и Измайловским полками уже царило сильное соперничество. Многие стали говорить о примирении, а что касается армейских полков, то они во всем этом деле играли чисто пассивную роль. Но императора поразила слепота. Ему не хватило мужества и отваги последовать этому совету — и его отвергли как слишком опасный, поскольку нельзя подвергать угрозе священную особу императора.

Тогда этот несчастный государь отправил с вице-канцлером князем Голицыным письмо к императрице, в котором он просил ее лишь позволить ему уехать в Голштинию. Но вскоре затем он сочинил и второе письмо, еще более унижительное. Он отказывался полностью от своих прав на российский престол и на власть. Он раболепно молил сохранить ему жизнь и единственное, что выговаривал себе помимо того, — это позволение взять с собой в Голштинию любовницу Елизавету Воронцову и фаворита Гудовича. Это послание он переслал с генерал-майором Михайлой Измайловым. Оба письма были на русском языке. Их вручили императрице в упомянутом монастыре.

После этого по совету фельдмаршала Миниха и по приказу императора ораниенбаумской солдатне пришлось сложить оружие. Во-первых, их было слишком мало, чтобы защищаться от столь превосходящего силой противника, а во-вторых, такое слабое сопротивление не могло привести ни к чему иному, как к величайшему ожесточению и вследствие этого к ужасной кровавой бане.

Приказу этому последовали тотчас же, и большая часть [солдат] разбежалась и попряталась как можно лучше в лежащем поблизости лесу. Когда генерал-майор Измайлов вернулся из Петергофа, император немедленно написал присланную с ним на русском языке формулу отречения от российской короны и тут же подписал ее в надежде, что это позволит ему отправиться в Голштинию. Около полудня за ним прислали карету в сопровождении нескольких гусар — в ней он и уехал. Все сбежались на большую лестницу, чтобы увидеть его отъезд, но он спустился по боковой. С ним вместе в карету сели Елизавета Воронцова и Гудович. На запятки по его приказу встал его обер-камердинер Тюмлер и с ним еще двое камер-лакеев.

По пути они встречали один военный пост за другим, и [император] едва избежал опасности быть со всем своим обществом разнесенным в куски выстрелом из одной шуваловской гаубицы. Канонир совсем уже собрался выпалить, но в то же мгновение начальник поста артиллерийский старший лейтенант Милессино так резко ударил его шпагой по руке, что тот выронил горящий фитиль.

По прибытии в Петергоф император вышел из кареты, и его тут же отвели в его комнату. Он потребовал себе стакан вина, смешанного с водой, и больше ничего не ел и не пил. Обер-камердинер хотел подняться вслед за ним по лестнице, но его не пустили, как и камер-лакеев, а отвели в комнату внизу у лестницы, куда сразу же доставили и Гудовича, которого какой-то офицер безжалостно избил.

Офицеры и солдаты, естественно, забрали у них часы, табакерки, кольца, деньги и все, что было у каждого ценного. В кармане у обер-камердинера Тюмлера лежала лента ордена Черного Орла, который незадолго перед тем прусский король прислал императору, чтобы почтить столь великого государя. Ее тоже отобрали. Вечером столь несчастливого для императора дня 29 июня у него отобрали орден и шпагу, заставили надеть серый сюртук и отвезли в карете с тщательно закрытыми окошками и в сопровождении капитана Щербачкова и лейтенанта Озерова в Ропшу, лежащую примерно в двух с половиной немецких милях. Это было собственное имение императора. Следовать за ним разрешили только одному из его камер-лакеев — русскому, по имени Маслов, и еще двум русским лакеям. Правда, оба последние, чтобы поскорее от этого освободиться, тотчас же сказались больными. По прибытии в Ропшу император почти непрерывно плакал и горевал о судьбе своих бедных людей, под которыми он разумел голштинцев. Ему казалось совершенно невероятным, что гетман граф Разумовский мог ему изменить. Скорее он допускал, что тот пострадал из-за него.

Мы, пожалуй, оставим его здесь на несколько дней обдумывать свою печальную и безусловно внушающую жалость судьбу и последуем за императрицей в Санкт-Петербург, куда она выступила в тот же день 29-го вечером, но прибыла при пушечном салюте из крепости и адмиралтейства только 30-го в первой половине дня. На ней все еще была гвардейская форма. Поравнявшись при въезде в город с новой красивой церковью, выстроенной адмиралтейством,

она зашла туда помолиться. Для этого же она посетила Казанскую церковь и оттуда проследовала в Летний дворец, где каждый был допущен к целованию руки. После ее возвращения были отведены части, охранявшие до этого времени деревянный Зимний дворец и оставленного в нем великого князя Павла Петровича.

Стоит еще, пожалуй, упомянуть и о некоторых дополнительных обстоятельствах, которые я не смею обойти молчанием. За несколько недель до падения императора во всех компаниях совершенно откровенно говорили об опасности, в которой он находится, и о предстоящем ему несчастье. Это исходило не только от тех, кто либо улавливал признаки готовящегося против него заговора, либо имел о нем сведения, или же от тех, кто, наблюдая за плохо продуманными предприятиями монарха и ежедневно усиливающимся недовольством его подданных делал более чем вероятный вывод о том, что его царствование и его самого ожидает плохой конец. Об этом говорили сами заговорщики, чтобы прощупать, насколько публика настроена против императора и в какой-то мере подготовить ее к тому, что и на самом деле должно было случиться. При этом никто даже не пытался оправдывать императора, хотя многие готовы были его простить. Лишь те были им довольны и превозносили его правление, кто делал себе карьеру в так называемых голштинских войсках или же, как некоторые ремесленники, их обслуживал. Как те, так и другие в итоге проиграли, одни — потому что с падением императора потеряли свои места, другие — потому что оказались в больших затруднениях и в докучных хлопотах из-за того, что те, первые, им больше не платили. Императором были недовольны даже ссыльные, которых он возвратил назад и которому они были обязаны своей свободой, — потому что продолжительное время, а по большей части и в течение всего царствования, они не получали от него никаких средств к существованию. Самые известные из них все же получили от императора титулы и доходы, но тем не менее и они от него отвернулись, приняли участие в его свержении и поддержали в этом деле тех, кто занимал меньшие посты. И напротив, заслуживает удивления, с какой единодушной симпатией русское духовенство, солдаты и простонародье приняли и признали в качестве правящей императрицы [Екатерину], несмотря на то что она тоже была иностранкой. Она сумела стать обожаемой всеми и каждым своей многолетней ревностью к греческой религии,

своими навыками в русском языке, строгим соблюдением постов, большой доброжелательностью, которую она проявляла ко всем, но в особенности к недовольным, своей мягкостью и умом, которым она далеко превосходила императора, и снисходительным отношением к вкусам и настроениям гвардейцев.

Первые же манифесты, выпущенные по велению императрицы, возбудили в духовенстве и народе сильную ненависть к сверженному императору. Чтобы ненависть эту поддержать и еще усилить, потихоньку стали распускать всякие ложные слухи. Говорили, например, что император собирался жениться на своей любовнице, а жену свою заточить в монастырь, что 23 июня при освящении в Ораниенбауме лютеранской кирхи он вместе со своей любовницей принимал в ней причастие, причем метресса уже ранее была крещена по лютеранскому обряду. Он велел якобы вызвать из Гольштейна много евангелических проповедников, чтобы забрать у русских их церкви и передать их этим лютеранам. Он хотел ввести масонство. По его приказу генерал Апраксин перед битвой у Гросс-Егерсдорфа в Пруссии¹¹ велел примешать к пороху песок, отчего русские не могли палить в пруссаков. И чем больше было таких наивных и дурацких рассказней, тем охотнее принимало их простонародье, поскольку не нашлось настолько смелых людей, чтобы их опровергать.

Уже 28 июня после возвращения в город императрицы уверяли, что император мертв, — он якобы накануне вечером пьяным свалился с коня и сломал себе шею. Другие же русские простолюдины кричали, что император, должно быть, убежал и это им очень нравится, поскольку иметь его императором они, дескать, больше не желают. В подобные минуты чернь забывает о законах, да и вообще обо всем на свете, и от нее много досталось и иностранцам в этот навсегда им памятный день. Один заслуживающий доверия иностранец рассказывал мне лично, как в тот день какой-то русский простолюдин плюнул ему в лицо со словами: «Эй, немецкая собака, ну, где теперь твой бог?» Точно так же и солдаты уже 28-го вели себя очень распушенно. Не говоря уже о том, что они тотчас же обирали всех, кого им было велено задержать или караулить, по моим собственным наблюдениям, большинство из тех, кого куда-либо откомандировывали, захватывали себе прямо посреди улицы встретившиеся кареты, коляски и телеги и уже на них ехали далее. Видел я и как отнимали и

пожирали хлеб, булочки и другие продукты у тех, кто вез их на продажу.

30-го июня беспорядков было еще больше. Я не могу вспоминать об этом ужасном дне без порывов глубочайшей признательности всевышнему за то, что он простер свое покровительство в этот день на меня и многих других. Так как императрица разрешила солдатам и простонародью выпить за ее счет пива в казенных кабаках, то они взяли штурмом и разгромили не только все кабаки, но также и винные погреба иностранцев, да и своих; те бутылки, что не смогли опустошить, — разбились, забрали себе все, что понравилось, и только подошедшие сильные патрули с трудом смогли их разогнать.

Многие отправились по домам иностранцев якобы поздравить со вступлением на престол императрицы и требовали за такие старания себе денег. Их приходилось отдавать безо всякого сопротивления. У других отнимали шапки, так что тот, кто не был хотя бы изруган, мог считать себя счастливым. И все же при этой шедшей в беспорядках среди бела дня перемене правления, среди дикого разгула озлобленных солдат и неистовствовавшей черни ни один человек не погиб, ничья кровь не была пролита, если не считать того, что в Ораниенбауме несколько мстительно настроенных и, возможно, пьяных русских солдат переранили сколько-то солдат голштинских, уже бросивших оружие. Новые и еще большие неистовства были наконец предотвращены многочисленными усиленными патрулями, расставленными повсюду, чтоб отвести нараставшую угрозу и строгим приказом, зачитывавшимся вслух прилюдно на улицах под барабанную дробь.

29 июня, когда окончательно совершилась эта великая перемена, был днем Петра и Павла, то есть государственным праздником, — отмечались именины как императора, так и великого князя. И хотя почти по всей империи его так и праздновали, но в Петербурге никто и не поминал о **Петре**, а богослужение было тем печальнее, что еще не знали, какой оборот примет дело. По крайней мере, в храмах иностранцев в первой половине дня, сразу после окончания проповеди стали принимать новую присягу. Уже тогда казалось более чем вероятным, что дела императрицы идут хорошо, а императора, напротив, скверно, тем более что о трусости последнего было известно. Она действительно помешала ему в нужный момент воспользоваться разнообразными средствами, которые могли

бы помочь ему удержаться на престоле или же геройски умереть со шпагой в руке.

Занятым обстоятельством было то, что 28 и 29 июня многие знатные лица находились в Ораниенбауме и Петергофе при императоре, а их супруги — в Санкт-Петербурге при императрице, и наоборот: жены с императором, а их мужья — с императрицей. Но поскольку все случилось так, что эти люди в перемене правления не сыграли никакой роли, то никаких дальнейших последствий и не было. Разве что все те несколько дней одни опасались за судьбу других.

30 июня велено многим иностранцам появиться при дворе, чтобы засвидетельствовать почтение императрице. Все они охотно последовали этому приказу.

Ночью с 30 июня на 1 июля один то ли совершенно пьяный, то ли, я не знаю, подверженный фантазиям гусар поднял хотя и ложную, но страшную тревогу, закричав, что совсем уже рядом пруссаки. Этот дикий нелепый вздор привел в движение, поднял на ноги и поставил в ружье два гвардейских полка. Они не прежде успокоились и снова разошлись, чем когда императрица, специально из-за этого разбуженная, показала им и дала заверения, что повода для беспокойства не существует.

2 июля по приглашению, полученному накануне, иностранные посланники посетили двор и принесли свои поздравления императрице.

3 июля после обеда императрица выехала на прогулку. Ее сопровождало несколько карет и отряд рейтар. Она выходила у нескольких церквей, прежде всего у Казанской, и совершала в них короткие молитвы. 4-го она присутствовала в крепостной церкви на службе за упокой души усопшей императрицы Елизаветы. 5-го она образовала особый корпус кавалергардов из 60 человек, шефом которого назначила генерал-аншефа, камергера и кавалера графа Гендрикова. 6-го оглашался новый манифест, в котором обстоятельно рассказывалось о причинах низложения императора, а 7-го были опубликованы еще два других. В первом из них императрица сообщала, что накануне вечером ей стало известно о смерти бывшего императора, а во втором извещала о своем желании принять помазание и корону в октябре в Москве.

Смерть бывшего императора — слишком заметное происшествие, чтобы я не описал его несколько подробнее и обстоятельнее. Но поскольку, начиная эти записки, я при-

саягал на знамени истины, не следует на меня гневаться, если мое описание будет несколько отличаться от того, что содержится в приводимом ниже русском манифесте.

«Божиею милостию, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем чрез сие всем верным подданным. В седьмый день после принятия Нашего Престола Всероссийского получили Мы известие, что бывший Император Петр Третий обыкновенным и прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в пружестокую колику. Чего ради, не презирая долгу Нашего Христианского и заповеди Святой, которою Мы одолжены к соблюдению жизни ближнего своего, тотчас повелели отправить к нему все, что потребно было к предупреждению следств из того приключений, опасных в здравии его, и к скорому вспоможению врачеванием. Но к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили Мы другое, что он волею Всевышнего Бога скончался. Чего ради Мы повелели тело его привезти в монастырь Невский для погребения в том же монастыре; а между тем всех верноподданных возбуждаем и увещеваем Нашим Императорским и Матерним Словом, дабы без злопамятствия всего прошедшего с телом его последнее учинили прощание и о спасении души его усердные к Богу приносили молитвы. Сие же бы нечаянное в смерти его Божие определение принимали за промысл его Божественный, который Он судьбами своими неисповедимыми Нам, Престолу Нашему и всему Отечеству строит путем, Его только Святой воле известным. Дан в Санкт-Петербурге, месяца июля 7 дня 1762 года.

Подлинный подписан собственною Ее Императорского Величества рукою тако: Екатерина. Печатан при Сенате в Санкт-Петербурге того ж 7 числа июля 1762 года»¹².

Так гласил манифест, который велела опубликовать императрица. В какой степени приведенные в нем обстоятельства соответствуют истине или же, напротив, отклоняются от нее, будущие мои читатели смогут судить сами из последующего изложения.

Итак, я снова возвращаюсь в Ропшу, где оставил несчастного императора в печали о бедствиях, в которых оказался он сам и его голштинцы. Окно его комнаты было закрыто зелеными гардинами, так что снаружи ничего нельзя было

разглядеть. Офицеры, сторожившие императора, не разрешали ему и выглядывать наружу, что он, впрочем, несколько раз тем не менее украдкой делал. Они вообще обращались с ним недостойно и грубо, за исключением одного лишь Алексея Григорьевича Орлова, который еще оказывал ему притворные любезности. Так, однажды вечером, спустя уже несколько дней после прибытия императора в Ропшу, он играл в карты с Орловым. Не имея денег, он попросил Орлова дать ему немного. Орлов достал из кошелька империял и вручил его императору, добавив, что тот может получать их столько, сколько ему потребуется. Император положил монету в карман и тотчас же спросил, нельзя ли ему немного погулять по саду, подышать свежим воздухом. Орлов ответил «да» и пошел вперед, как бы для того, чтобы открыть дверь, но при этом мигнул страже, и она тут же штыками загнала императора обратно в комнату. Это привело государя в такое возбуждение, что он проклял день своего рождения и час прибытия в Россию, а потом стал горько рыдать. При своем появлении в Ропше он уже был слаб и жалок. У него тотчас же прекратилось сварение пищи, обычно проявлявшееся по нескольку раз на дню, и его стали мучить почти непрерывные головные боли.

1 июля по ст. стилю в Санкт-Петербург прибыл курьер с известием, что император нездоров и требует своего придворного хирурга Людерса, а также своего мопса и скрипку. Согласно устному докладу о болезни императора Людерс выписал лекарства, но их не стали пересылать. Императрица стала уговаривать Людерса и даже велела ему отправиться к своему господину, с которым ему следовало обойтись самым наилучшим образом. Людерс же опасался оказаться в совместном с императором продолжительном заключении и потому некоторое время пребывал в нерешительности. Только 3 июля около полудня ему пришлось волей-неволей усесться с мопсом и скрипкой в скверную русскую повозку, в которой его и повезли самым спешным образом. Примерно в это же самое время император лишился последнего своего слуги — упоминавшегося камер-лакея Маслова. Все было так. Когда император немного задремал, этот человек вышел в сад подышать свежим воздухом. Не успел он там немного посидеть, как к нему подошли офицер и несколько солдат, которые тут же засунули его в закрытую русскую повозку. В ней его привезли в Санкт-Петербург и там выпустили на свободу. Людерс встретил его по дороге. Сразу после увоза этого

слуги один принявший русскую веру швед из бывших лейб-компанцев — Швановиц, человек очень крупный и сильный, с помощью еще некоторых других людей жестоко задушил императора ружейным ремнем. О том, что этот несчастный государь умер именно такой смертью, свидетельствовал вид бездыханного тела, лицо у которого было черно, как это обычно бывает у висельников или задушенных. Удушение произошло вскоре после увоза Маслова — это следует из того, что как придворный хирург Людерс, так и отправленный в тот же день в Ропшу придворный хирург Паульсен застали императора уже мертвым. Стоит заметить, что Паульсен поехал в Ропшу не с лекарствами, а с инструментами и предметами, необходимыми для вскрытия и бальзамирования мертвого тела, вследствие чего в Петербурге все точно знали, что именно там произошло.

Нет, однако, ни малейшей вероятности, что это императрица велела убить своего мужа. Его удушение, вне всякого сомнения, дело некоторых из тех, кто вступил в заговор против императора и теперь желал навсегда застраховаться от опасностей, которые сулили им и всей новой системе его жизнь, если бы она продолжалась. Можно уверенно утверждать, что были использованы и другие средства, чтобы сжить его со света, но они не удались. Так, статский советник доктор Крузе приготовил для него отравленный напиток, но император не захотел его пить. Вряд ли я заблуждаюсь, считая этого статского советника и еще нынешнего кабинет-секретаря императрицы Григория Теплова главными инициаторами этого убийства. Последнего император за несколько месяцев перед тем велел арестовать — ему донесли, что тот с презрением отзывался о его особе. Сведения эти проверялись не слишком строго, так что вскоре он снова был на свободе. Император даже произвел его в действительные статские советники, за что тот впоследствии отблагодарил, составляя все эти жалкие манифесты, в которых император рисовался с ненавистью такими мрачными красками. 3 июля этот подлый человек поехал в Ропшу, чтобы подготовить все к уже решенному убийству императора. 4 июля рано утром лейтенант князь Барятинский прибыл из Ропши и сообщил обер-гофмейстеру Панину, что император мертв. Собственно убийца — Швановиц — тоже явился к этому времени, был произведен в капитаны и получил в подарок 500 рублей. Такое вознаграждение за столь опасное предприятие показалось ему слишком малым, и он пошел к гетману, как для того,

чтобы сделать ему о том представление, так и пожаловаться, что ему дают весьма отдаленную часть в Сибири. Тот, однако, не вдаваясь в рассуждения, весьма сухо ответил, что отъезд его совершенно необходим, и приказал офицеру сопровождать его до ямской станции и оставить его, лишь убедившись, что он действительно уехал.

Императрица узнала о смерти своего мужа только 6 июля вечером. 7 бездыханное тело императора привезли в монастырь св. Александра Невского и там выставили на обозрение в том же самом низком здании, где за несколько лет перед тем выставлялись останки его дочери принцессы Анны, а также и регентины Анны [Лепольдовны].

Поскольку я тогда отсутствовал, то сам тела не видал. Поэтому передам здесь моим будущим читателям сообщение заслуживающего доверия друга, бывшего там 9 июля. Я готов ручаться, что он разглядел ни больше и ни меньше, чем надо было.

В указанном здании были две обитые черным и лишенные каких бы то ни было украшений комнаты. В них можно было только различить несколько настенных подсвечников, правда без свечей. Сквозь первую черную комнату проходили во вторую, где на высоте примерно одного фута от пола в окружении нескольких горящих восковых свечей стоял гроб. Он был обит красным бархатом и отделан широким серебряным позументом. По всей видимости, он был несколько коротковат для тела, поскольку было заметно, что оно как-то сжато. Вид тела был крайне жалкий и вызывал страх и ужас, так как лицо было черным и опухшим, но достаточно узнаваемым и волосы, в полном беспорядке, колыхались от сквозняка. На покойнике был старый голштинский бело-голубой мундир, но оставались видны только плечи, грудь и руки. На руках, сложенных крестом одна поверх другой, были большие жесткие перчатки, вроде тех, с которыми изображают обычно Карла XII. Остальную часть тела скрывало старое покрывало из золотой парчи, которое свешивалось через ноги до самого пола. Никто не заметил на нем орденской ленты или еще каких-либо знаков отличий. Всем входившим офицер отдавал два приказания — сначала поклониться, а затем не задерживаться и сразу идти мимо тела и выходить в другие двери. Наверное, это делалось для того, чтобы никто не смог как следует рассмотреть ужасный облик этого тела.

Комнаты, где выставляют тела уважаемых в Санкт-Петербурге горожан, выглядят куда представительнее, чем

помещение, в котором лежал бывший император и самодержец всероссийский, правящий герцог Голштинский и внук Петра Великого. Стояло оно недолго, и уже 10 июля его опустили в землю — в тот самый день, когда император собирался выступить из Петербурга в поход против Дании. Хотя всем особам первых пяти классов и было велено присутствовать при погребении императора, но больше для вида, а так как все хорошо понимали, что это вовсе не способ понравиться при новом дворе, то кроме генерал-фельд-маршала Миниха и генерала Корфа прибыли лишь немногие. Шестеро ассессоров — все совершенно исключительные пьяницы — отнесли тело в церковь, где его погребли простые монастырские служки. Оно лежит без эпитафии и надгробия рядом с останками столь же несчастной регентины Анны под полом нижней части монастырской церкви, в которой наверху можно видеть роскошную гробницу св. Александра Невского.

Перед этими жалкими похоронами в петербургской газете можно было не без удивления прочесть, какое особенное средство было применено для того, чтобы не дать императрице увидеть ужасный труп своего мужа. Подробнее это изъяснит следующий экстракт.

ЭКСТРАКТ ИЗ ПРОТОКОЛА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА
ОТ 8 ИЮЛЯ 1762 Г.

Сенатор и кавалер Никита Иванович Панин собранию Правительствующего Сената предлагал: Известно ему, что Ее императорское величество, всемилостивейшая государыня намерение положить соизволила шествовать к погребению бывшего императора Петра Третьего в Невский монастырь, но как великодушное Ее величества и непамятозлобивое сердце наполнено надмерною о сем приключении горестью и крайним соболезованием о столь скорой и нечаянной смерти бывшего императора, так что с самого получения сей печальной ведомости Ее величество в непрерывном соболезовании и слезах о таковом приключении находится: то хотя он, господин сенатор, почитая за необходимый долг, обще с господином гетманом, сенатором и кавалером графом Кирилою Григорьевичем Разумовским и представляли, чтоб Ее величество, сохраняя свое здравие, по любви своей к российскому отечеству, для всех истинных ее верноподданных и для многих неприятных следств, изволила б намерение свое отложить; но Ее величество

на то благоволения своего оказать не соизволила, и потому он за должное признал о том Сенату объявить, дабы весь Сенат по своему усердию к Ее величеству о том с рабским прощением предстал. Сенат, уважа все учиненные при том господином сенатором Паниным справедливые изъяснения, тотчас выступя из собрания, пошел во внутренние Ее величества покои и, представ монаршему ее лицу, раболепнейше просил, дабы Ее величество шествие свое в Невский монастырь к телу бывшего императора Петра Третьего отложить соизволила, представляя многие и весьма важные резоны к сохранению для всех верных сынов Отечества Ее императорского величества дражайшего здравия; и хотя Ее величество долго к тому согласия своего и не оказывала, но напоследок, видя неотступное всего Сената рабское и всеусерднейшее прошение, ко удовольствию всех ее верных рабов намерение свое отложить благоволила. Сенат, приняв сие за отменный знак Ее матернего милосердия, по отдании своей рабской благодарности возвратясь в собрание, приказали: о сем записать в журнале, объявля чрез господина обер-прокурора князя Козловского всему святейшему Синоду, что погребение отправляемо будет без высочайшего Ее императорского величества при том присутствия, и с сего для напечатания в газетах в Академию наук дать копию¹³.

Когда Сенат представил императрице вышеизложенный доклад, она не только залилась слезами, но даже стала горько раскаиваться в шаге, который она предприняла. Она упрекала [сенаторов], что весь свет будет недоволен ею, если она не будет даже присутствовать при погребении своего супруга. Сенат, однако, повторил свое представление и добавил, чтобы добиться своей цели, что если императрица не прислушается к его мнению и отправится в монастырь, то по дороге ее собственная жизнь не будет в безопасности. Следует опасаться и без того озлобленных и раздраженных солдат — они легко могут прийти в такую ярость, что посягнут на тело усопшего императора и разорвут его на куски. Это заставило ее наконец уступить настояниям Сената, правда при строгом условии, что вся ответственность перед богом и людьми ляжет на него.

Таков был конец несчастного внука Петра I. Он учинил расправу над собственным сыном, и вот бог наказал его в этом потомке. Это новый, хотя и печальный пример того, что никогда иностранному принцу не удастся без-

наказанно вступить в Россию. У этого государя было от природы доброе сердце, и ни к чему он не был меньше склонен, чем к суровости. При этом он обладал столь здравым рассудком, что, несомненно, поладил бы со своими подданными, если бы захотел последовать его советам и если бы не позволил захватить себя стремление унаследованных предубеждений и страстей. Нерушимая воля заставляла его упрямо настаивать на своем мнении, а поскольку в правление императрицы Елизаветы его заботливо отстраняли от любых дел, то не нужно удивляться его неосведомленности и идущей отсюда неспособности к управлению столь пространной империей, устройство и глубинные движущие силы которой остались ему неизвестны. Впрочем, оставим судить потомкам, заслужил ли и в какой мере или же не заслужил вовсе этот государь столь тяжкую судьбу! Счастливой почитаю я страну, которую не тяготят подобные убийства. Величайшим благодеянием всевышнего признаю я то, что на протяжении столь многих веков он посылал нам лишь таких государей, которых мы по справедливости почитаем — они были отцами своим подданным. Пусть и впредь иные народы завидуют этому преимуществу Дании! По крайней мере, в этом состоит желание патриота, и да услышат его небеса!

И. Л. Талызин — Н. И. Панину

Кронштадт, 29 июня 1762 года

Милостивый государь мой Никита Иванович, при сем посылаю репорт к Ее Императорскому Величеству; прошу исходатайствовать указу за Ее Величества рукою; несколько присматриваю, что некоторые сумнительны тому указу, что мне дан. Я уже по се время третью тревогу бью: яхта опять в четыре часа подходила, только не близко; из Аранинбога¹ гость ко мне приезжал и просился в Кронштадт, что обстоятельно в моем всеподданейшем репорте к Ее Величеству репортовано.

Людей всемерно в Кронштадте мало обнять такую обширную гавань; предлагал в своем репорте, чтоб батальон сюда прислать как наискорее; подлинно, ежели бы не прибыл в Кронштадт, то б трудно его из него выживать.

Прошу жену не оставить; я к ней ничего не пишу, а может быть, к ней худые слухи доходят, — и есмь с истин-

ным почтением Вашего Превосходительства покорный и верный слуга Иван Галызин.

НВ. Прошу доложить Ее Величеству, Дивьер и полковник его полку желают присягу взять; я намерен от него присягу взять, в том худобы не будет.

Петр III — Екатерине II

[29 июня 1762 года]

Ваше Величество.

Если Вы решительно не хотите уморить человека, который уже довольно несчастлив, то сжальтесь надо мною и оставьте мне мое единственное утешение, которое есть Елисавета Романовна. Этим Вы сделаете одно из величайших милосердных дел Вашего царствования. Впрочем, если бы Ваше Величество захотели на минуту увидеть меня, то это было бы верхом моих желаний.

Ваш нижайший слуга Петр.

Петр III — Екатерине II

[29 июня 1762 года]

Ваше Величество.

Я еще прошу меня, который ваше воле исполнял во всем, отпустить меня в чужие края с теми, которые я, Ваше Величество, прежде просил, и надеюсь на ваше великодушие, что вы меня не оставите без пропитания. Верный слуга Петр.

Петр III — Екатерине II

[30 июня 1762 года]

Государыня.

Я прошу Ваше Величество быть во мне вполне уверенною и благоволите приказать, чтобы отменили караулы у второй комнаты, ибо комната, где я нахожусь, до того мала, что я едва могу в ней двигаться. Вы знаете, что я всегда прохаживаюсь по комнате, и у меня вспухнут ноги. Еще я Вас прошу, не приказывайте офицерам оставаться в той же комнате, так как мне невозможно обойтись с мо-

ею нуждою. Впрочем, я прошу Ваше Величество обходиться со мною по крайней мере не как с величайшим преступником; не знаю, чтобы я когда-либо Вас оскорбил. Поручая себя Вашему великодушному вниманию, я прошу Вас отпустить меня скорее с назначенными лицами в Германию. Бог, конечно, вознаградит Вас за то, а я Ваш нижайший слуга Петр.

Р. S. Ваше Величество может быть во мне уверенною: я не подумаю и не сделаю ничего против Вашей особы и против Вашего царствования.

Екатерина II — В. И. Суворову

[Санкт-Петербург,] 30 июня 1762 года

Господин генерал Суворов. По получении сего извольте прислать, отыскав в Ораниенбауме или между пленными, лекаря Лидерса, да арапа Нарцыса, да обер-камердинера Тимлера; да велите им брать с собою скрипицу бывшего государя, его мопсинку собаку; да на тамошней конюшни карете и лошадях¹ отправьте их сюда скорее. Также извольте из голштинских офицеров подполковника Кииль, который на моей кормилице женат, отпустить в его дом в Ораниенбаум без караула и без присмотра за ним, для того что он ни мало не подозрительный.

Екатерина.

А. Г. Орлов — Екатерине II

[Ропша, 2 июля 1762 года]

Матушка милостивая Государыня, здравствовать вам мы все желаем несчетные годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всею командою благополучны. Только наш очень занемог, и схватила его нечаянная колика, и я опасен, чтоб он сегодняшнюю ночь не умер, а больше опасюсь, чтоб не ожил. Первая опасность для того, что он все вздор говорит, и нам это нисколько не весело. Другая опасность, что он действительно для нас всех опасен для того, что он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть.

Всилу именного Вашего повеления я солдатам деньги

за полгода отдал, також и унтер-офицерам, кроме одного Патючкина, вахмистра, для того, что он служит без жалования. И солдаты некоторые сквозь слезы говорили про милость Вашу, что они еще таковой для Вас не заслужили, за что б их так в короткое время награждать.

При сем посылаю список Вам всей команды, которая теперь здесь. А тысячи рублей, матушка, не достало, и я дополнил червонными. И у нас здесь было много смеха над гренадерами от червонных: когда они у меня брали, иные просили для того, чтоб не видывали, и опять их отдавали, думая, что они ничего не стоят.

Посланный Чертков к Вашему Величеству обратно еще к нам не бывал, и для того я опоздал вас репортовать, а сие пишу во вторник в девятом часу в половине.

По смерть ваш верный раб Алексей Орлов.

А. Г. Орлов — Екатерине II

[Ропша, 6 июля 1762 года]

Матушка наша, милостивая государыня. Не знаю, что теперь начать. Боюсь гнева от Вашего Величества, чтоб Вы чего на нас неистового подумать не изволили и чтоб мы не были причиною смерти злодея Вашего и всей России, также и закона нашего. А теперь и тот приставленный к нему для услуги лакей Маслов занемог. А он сам теперь так болен, что не думаю, чтоб он дожил до вечера, и почти совсем уже в беспамятстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит бога, чтобы он скорее с наших рук убрался. А оный же Маслов и посланный офицер может Вашему Величеству донести, в каком он состоянии теперь, ежели Вы обо мне усумниться изволите. Писал сие раб Ваш¹.

А. Г. Орлов — Екатерине II

[6 июля 1762 г. Ропша]

Матушка, милая родная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась.

Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором¹; не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебе принес — и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневили тебя и погубили души навек.

Екатерина II — Ст.-А. Понятовскому

2 августа 1762 года

Я отправляю немедленно графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать вас королем по кончине настоящего [короля]¹ и в случае, если ему не удастся это по отношению к вам, я желаю, чтобы [королем] был князь Адам.

Все умы еще в брожении. Я вас прошу воздержаться от поездки сюда из страха усилить его. Уже шесть месяцев, как замышлялось мое восшествие на престол. Петр III потерял ту малую долю рассудка, какую имел. Он во всем шел напролом; он хотел сломить гвардию, он вел ее в поход для этого; он заменил бы ее своими голштинскими войсками, которые должны были оставаться в городе. Он хотел переменить веру, жениться на Л. В., а меня заключить в тюрьму. В день празднования мира², сказав мне публично оскорбительные вещи за столом, он приказал вечером арестовать меня. Мой дядя, принц Георг, заставил отменить этот приказ.

С этого дня я стала прислушиваться к предложениям, которые мне делались со времени смерти императрицы. План состоял в том, чтобы схватить его в его комнате и заключить, как принцессу Анну и ее детей. Он уехал в Ораниенбаум. Мы были уверены в [преданности] большого числа капитанов гвардейских полков. Узел секрета находился в руках троих братьев Орловых; Остен помнит, что видел старшего, как он всюду за мною следовал и делал тысячу безумных вещей. Его страсть ко мне была всем известна, и все им делалось с этой целью. Это люди необычайно решительные и очень любимые большинством солдат, так как они служили в гвардии. Я очень многим обязана этим людям — весь Петербург тому свидетель.

Умы гвардейцев были подготовлены, и под конец в тайну было посвящено от 30 до 40 офицеров и около 10 000 нижних чинов. Не нашлось ни одного предателя в течение трех недель, потому что было четыре отдельных партии, начальники которых созывались для приведения [плана] в исполнение, а главная тайна находилась в руках этих троих братьев; Панин хотел, чтоб это совершилось в пользу моего сына, но они ни за что не хотели согласиться на это.

Я была в Петергофе. Петр III жил и пил в Ораниенбауме. Условились, что в случае предательства не станут ждать его возвращения, но соберут гвардейцев и провозгласят меня [самодержавной императрицей]. Рвение по отношению ко мне вызвало то же, что произвела бы измена. Распространился 27-го слух в войсках, что я арестована. Солдаты приходят в волнение; один из наших офицеров успокаивает их. Один солдат приходит к капитану Пассеку, начальнику одной из партий, и говорит ему, что я, без сомнения, погибла. Он уверяет его, что у него есть известия обо мне. Этот солдат, все продолжая тревожиться за меня, идет к другому офицеру и говорит ему то же самое. Этот не был посвящен в тайну; испуганный тем, что услышал, что офицер отослал этого солдата, не арестовав его, он идет к майору, а этот последний послал арестовать Пассека. И вот весь полк в движении. В течение этой же ночи послали рапорт в Ораниенбаум. И вот тревога между нашими заговорщиками. Они решили прежде всего послать второго брата Орлова ко мне, чтобы привезти меня в город, а два другие идут всюду извещать, что я скоро приеду. Гетман, Волконский, Панин были посвящены в тайну.

Я спокойно спала в Петергофе в 6 часов утра 28-го. День прошел очень тревожно для меня, так как я знала все то, что подготовлялось. Алексей Орлов входит в мою комнату и говорит мне с большим спокойствием: «Пора вам вставать, все готово для того, чтобы вас провозгласить». Я спросила у него подробности; он сказал мне: «Пассек арестован». Я не медлила более, оделась как можно скорее, не делая туалета, и села в карету, которую он привез. Другой офицер под видом лакея находился при дверцах кареты, третий выехал навстречу ко мне в нескольких верстах от Петергофа. В пяти верстах от города я встретила старшего Орлова с князем Барятинским-младшим; последний уступил мне свое место в одноколке, потому что мои лошади выбились из сил, и мы отправились в Измай-

ловский полк, где вышли; там было всего двенадцать человек и один барабанщик, который стал бить тревогу. И вот сбегаются солдаты, обнимают меня, целуют мне ноги, руки, платье, называют меня своей спасительницей. Двое привели под руки священника с крестом; и вот они начинают приносить мне присягу. По окончании этого меня просят сесть в карету; священник с крестом шел впереди. Мы отправились в Семеновский полк, последний вышел к нам навстречу с криками виват. Мы поехали в Казанскую церковь, где я вышла. Приходит Преображенский полк с криками виват; [солдаты] говорят мне: «Мы просим прощения за то, что явились последними — наши офицеры задержали нас, но вот четверо из них, которых мы приводим к вам арестованными, чтобы показать вам наше усердие. Мы желали того же, чего желали наши братья». Приезжает Конная гвардия, она была в бешеном восторге, — так что я никогда не видела ничего подобного, — плакала, кричала об освобождении отечества. Эта сцена происходила между садом гетмана и Казанской. Конная гвардия была в полном составе с офицерами во главе. Так как я знала, что дядю моего, которому Петр III дал этот полк, они страшно ненавидели, я послала пеших гвардейцев к дяде, чтобы просить его оставаться дома из боязни несчастья с ним. Не тут-то было: его полк отрядил [солдат], чтоб его арестовать; дом его разграбили, а с ним обошлись грубо.

Я отправилась в новый Зимний дворец, где Синод и Сенат были в сборе. Тут на скорую руку составили манифест и присягу. Оттуда я спустилась и обошла пешком войска. Было более 14 000 человек гвардии и полевых полков. Как только меня увидели, поднялись радостные крики, которые повторялись бесчисленной толпой.

Я отправилась в старый Зимний дворец, чтобы принять необходимые меры и завершить дело. Там мы держали совет, и было решено отправиться со мною во главе в Петергоф, где Петр III должен был обедать. По всем большим дорогам были расставлены пикеты, и время от времени к нам приводили лазутчиков.

Я послала адмирала Талызина в Кронштадт. Приехал канцлер Воронцов, посланный для того, чтобы упрекнуть меня за мой отъезд: его повели в церковь для принесения присяги. Приезжают князь Трубецкой и граф Шувалов, также из Петергофа, чтобы обеспечить верность войска

и убить меня,— их повели приносить присягу безо всякого сопротивления [с их стороны].

Разослав всех наших курьеров и приняв все меры предосторожности с нашей стороны, около 10 часов вечера я облеклась в гвардейский мундир, приказав объявить себя полковником при неописуемых криках радости. Я села верхом; мы оставили лишь немного человек от каждого полка для охраны моего сына, который остался в городе. Я выступила таким образом во главе войск, и мы всю ночь шли в Петергоф. Когда мы подошли к небольшому монастырю на этой дороге, является вице-канцлер Голицын с очень льстивым письмом от Петра III. (Я забыла сказать, что, когда я выступала из города, ко мне подошли три гвардейских солдата, посланные из Петергофа для того, чтобы распространять манифест среди народа, и сказали мне: «Возьми, вот что поручил нам Петр III, мы даем это тебе и радуемся, что имели этот случай присоединиться к нашим братьям». За первым письмом пришло второе, доставленное генералом Михаилом Измайловым, который бросился к моим ногам и сказал мне: «Считаете ли вы меня за честного человека?» Я ему сказала, что да. «Ну так,— сказал он,— приятно быть заодно с умными людьми. Император предлагает отречься. Я вам доставлю его после его совершенно добровольного отречения. Я без труда избавлю мое отечество от гражданской войны». Я возложила на него это поручение; он отправился его исполнять. Петр III отрекся в Ораниенбауме безо всякого принуждения, окруженный 1 590 голштинцев, и прибыл с Елисаветой Воронцовой, Гудовичем и Измайловым в Петергоф, где для охраны его особы я дала ему шесть офицеров и несколько солдат. Так как это было [уже] 29-ое число, день Петра и Павла, в полдень, то нужно было пообедать. В то время как готовили обед для такой массы народу, солдаты вообразили, что Петр III был привезен князем Трубецким, фельдмаршалом, и что последний старался примирить нас друг с другом. И вот они поручают всем проходящим, и между прочим гетману, Орловым и нескольким другим [передать мне], что уже три часа, как они меня не видели, что они умирают со страху, как бы этот старый плут Трубецкой не обманул меня, «устроив притворное примирение между твоим мужем и тобою, как бы не погубили тебя, а одновременно и нас, но мы его в ключья разорвем». Вот их выражения. Я пошла к Трубецкому и сказала ему: «Прошу вас, сядьте в карету, между тем

как я обойду пешком эти войска». Я ему рассказала то, что происходило. Он уехал в город сильно перепуганный, а меня приняли с неслыханными восклицаниями. После того я послала под начальством Алексея Орлова в сопровождении четырех офицеров и отряда смирных и избранных людей низложенного императора за 25 верст от Петергофа в местечко, называемое Ропша, очень уединенное и очень приятное, на то время, пока готовили хорошие и приличные комнаты в Шлиссельбурге и пока не успели расставить лошадей для него на подставу. Но господь бог расположил иначе. Страх вызвал у него понос, который продолжался три дня и прошел на четвертый; он чрезмерно напился в этот день, так как имел все, что хотел, кроме свободы. (Попросил он у меня, впрочем, только свою любовницу, собаку, негра и скрипку, но, боясь [произвести] скандал и усилить брожение среди людей, которые его караулили, я ему послала только три последние вещи.) Его схватил приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух, потребовав [перед тем] лютеранского священника. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велела его вскрыть, но вполне удостоверено, что не нашли ни малейшего следа [отравы]: он имел совершенно здоровый желудок, но умер он от воспаления в кишках и апоплексического удара. Его сердце было необычайно мало и совсем сморщено. После его отъезда из Петергофа мне советовали отправиться прямо в город. Я предвидела, что войска будут этим встревожены. Я велела распространить об этом слух под тем предлогом, чтобы узнать, в котором часу приблизительно после трех утомительных дней они были бы в состоянии двинуться в путь. Они сказали: «Около 10 часов вечера, но пусть и она пойдет с нами». Итак, я отправилась с ними, и на полдороге я удалилась на дачу Куракина, где я бросилась, совсем одетая, в постель. Один офицер снял с меня сапоги. Я проспала два с половиной часа, и затем мы снова пустились в путь. От Екатериненгофа я опять села на лошадь во главе Преображенского полка, впереди шел один гусарский полк, затем мой конвой, состоявший из Конной гвардии, за ним следовал, непосредственно передо мной весь мой двор. За мною шли гвардейские полки по их старшинству и три полевых полка.

Я въехала в город при бесчисленных криках радости

и так ехала до Летнего дворца, где меня ждали двор, Синод, мой сын и все то, что является ко двору. Я пошла к обедне, затем отслужили молебен, потом пришли меня поздравлять. Я почти не пила, не ела и не спала с 6 часов утра в пятницу до полудня в воскресенье; вечером я легла и заснула. В полночь, только что я заснула, капитан Пассек входит в мою комнату и будит меня, говоря: «Наши люди страшно пьяны. Один гусар, находившийся в таком же состоянии, прошел перед ними и закричал им: «К оружию! 30 000 пруссаков идут, хотят отнять у нас нашу матушку». Тут они взялись за оружие и идут сюда, чтоб узнать о состоянии вашего здоровья, говоря, что три часа они не видели вас и что они пойдут спокойно домой, лишь бы увидеть, что вы благополучны. Они не слушают ни своих начальников, ни даже Орловых». И вот я снова на ногах и, чтобы не тревожить мою дворцовую стражу, которая состояла из одного батальона, я пошла к ним и сообщила им причину, почему я выхожу в такой час. Я села в свою карету с двумя офицерами и отправилась к ним; я сказала им, что я здорова, чтоб они шли спать и дали мне также покой, что я только что легла, не спавши три ночи, и что я желаю, чтоб они слушались впредь своих офицеров. Они ответили мне, что у них подняли тревогу с этими проклятыми пруссаками, что они все хотят умереть за меня. Я им сказала: «Ну, спасибо вам, но идите спать». На это они мне пожелали покойной ночи и доброго здоровья и пошли как ягнята домой, и все оборачивались на мою карету, уходя. На следующий день они прислали просить у меня извинения и очень сожалели, что разбудили меня, говоря: «Если каждый из нас будет хотеть постоянно видеть ее, мы повредим ее здоровью и ее делам».

Потребовалась бы целая книга, чтоб описать поведение каждого из начальствующих лиц. Орловы блистали своим искусством управлять умами, осторожною смелостью в больших и мелких подробностях, присутствием духа и авторитетом, который это поведение им доставило. У них много здравого смысла, благородного мужества. Они патриоты до энтузиазма и очень честные люди, страстно привязанные к моей особе, и друзья, какими никогда еще не были никакие братья; их пятеро, но только трое было здесь. Капитан Пассек отличился стойкостью, которую он проявил, оставаясь двенадцать часов под арестом, тогда как солдаты отворяли ему окна и двери, дабы не вызвать тре-

воги до моего прибытия в его полк, и в ежеминутном ожидании, что его повезут для допроса в Ораниенбаум: приказ [о том] пришел уже после меня. Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хотя и желает приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести по причине своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста и не внушала никому доверия. Хотя она уверяет, что все ко мне проходило через ее руки, однако все лица [бывшие в заговоре,] имели сношения со мною в течение шести месяцев прежде, чем она узнала только их имена. Правда, она очень умна, но с большим тщеславием она соединяет взбалмошенный характер и очень нелюбима нашими главарями. Только ветреные люди сообщали ей о том, что знали сами, но это были лишь мелкие подробности. И. И. Шувалов, самый низкий и самый подлый из людей, говорят, написал тем не менее Вольтеру, что девятнадцатилетняя женщина переменяла правительство этой империи; выведите, пожалуйста, из заблуждения этого великого писателя. Приходилось скрывать от княгини пути, которыми другие сносились со мной еще за пять месяцев до того, как она что-либо узнала, а за четыре последние недели ей сообщали так мало, как только могли. Твердость характера князя Барятинского, который скрывал от своего любимого брата, адъютанта бывшего императора, эту тайну, потому что тот был бы доверенным не опасным, но бесполезным, заслуживает похвалы. В Конной гвардии один офицер по имени Хитрово 22 лет и один унтер-офицер 17-ти по имени Потемкин³ всем руководили со сметливостью, мужеством и расторопностью.

Вот приблизительно наша история. Все делалось, признаюсь вам, под моим ближайшим руководством, и в конце я охладила пыл, потому что отъезд на дачу мешал исполнению [предприятия], а все более чем созрело за две недели до того. Когда бывший император узнал о мятеже в городе, молодые женщины, из которых он составил свою свиту, помешали ему последовать совету старого фельд-маршала Миниха, который советовал ему броситься в Кронштадт или удалиться с небольшим числом людей к армии⁴, и когда он отправился на галере в Кронштадт, город был уже в наших руках благодаря исполнительности адмирала Талызина, приказавшего обезоружить генерала Дивьера, который был уже там от имени императора, когда первый туда приехал. Один портовый офицер

по собственному побуждению пригрозил этому несчастному государю, что будет стрелять боевыми снарядами по галере. Наконец, господь бог привел все к концу, predetermined им, и все это представляется скорее чудом, чем делом, предусмотренным и заранее подготовленным, ибо совпадение стольких счастливых случайностей не может произойти без воли божией.

Я получила ваше письмо. Правильная переписка была бы подвержена тысяче неудобств, а я должна соблюдать двадцать тысяч предосторожностей, и у меня нет времени писать опасные *billets-doux*⁵.

Я очень стеснена... Я не могу рассказать вам все это, но это правда.

Я сделаю все для вас и вашей семьи, будьте в этом твердо уверены. -

Я должна соблюдать тысячу приличий и тысячу предосторожностей и вместе с тем чувствую все бремя правления.

Знайте, что все проистекло из ненависти к иностранцам, что Петр III сам слышит за такового.

Прощайте, бывают на свете положения [очень] странные.

Записка Я. Штелина о последних днях царствования Петра III.

1762 г. 28 июня в 1 час по полудни. С развода в [Ораниенбауме] все поехали в придворных каретах в Петергоф, чтобы накануне Петрова дня присутствовать при большом обеде в Монплезире у ее величества императрицы и потом вечером принести поздравления и быть за ужиным столом.

2 часа. По прибытии в Петергоф дворец, в котором живет императрица с ее дамами и придворными кавалерами, найден пустым, и с удивлением услышали, что она еще в 5 часов утра потаенно уехала в Петербург всего лишь с камер-юнгферою Катериной Ивановной Черногоротской и камердинером Шкуриным; находившиеся же при ней кавалеры и дамы ничего не знали о том до полудня.

Продолжительные совещания о том, что делать. Фельдмаршал [князь] Никита Юрьевич Трубецкой, канцлер граф Воронцов и граф Александр Иванович Шувалов отправляются по собственному вызову в Петербург с целью узнать, что там делается, и привезти положительные о том сведения.

3 часа. Решаются идти к каналу, находящемуся за дворцом, и на всякий случай иметь наготове шлюпки, яхту и штатс-галеру. Во время перехода по площади пристает к берегу поручик преображенской бомбардирской роты Бернгорст, приехавший из Петербурга с фейерверком для Сансуси¹. На подробные ему вопросы он отвечает, что при выезде из Петербурга в 9-м часу, слышал в Преображенском полку большой шум и видел, как многие солдаты бегали с обнаженными тесаками, провозглашая государыню царствующей императрицей, но, не обратив на то внимания, поехал, чтобы доставить фейерверк. Тотчас посылают по всем дорогам, идущим к городу, для разузнавания адъютантов, ординарцев и гусар. Из числа их возвращаются очень немногие, и притом лишь с известием, что все входы в город заняты.

В Петербурге виден дым к стороне крепости: вероятно, от пушечной там пальбы.

В 4 часа, по слуху, что в главе петербургского возмущения находится гетман граф Разумовский, посылают в Гостилицы за братом его, графом Алексеем Григорьевичем, и идут в нижний сад к каналу. Между тем продолжают толковать и рассуждать с графом Романом Илларионовичем Воронцовым, Мельгуновым, Гудовичем, генерал-майором Измайловым, Волковым, Львом Александровичем Нарышкиным. Прочие бродят вокруг или сидят на решетке, а иногда подходят для сообщения своих мыслей о том, что следовало бы предпринять. Значительное большинство — того мнения, что прежде всего необходимо поставить в безопасность особу императора и для этого ехать в Кронштадт. Сам император склоняется к тому же, но хочет отплыть в Кронштадт не прежде, как по получении ближайшего известия о положении дела в Петербурге. Один из предстоящих предлагает государю ехать с небольшою свитою из нескольких знатнейших особ прямо в Петербург, явиться там перед народом и гвардией, указать им на свое происхождение и право, спросить о причине их неудовольствия и обещать всякое удовлетворение. Можно быть уверенным, говорит этот советник, что личное присутствие государя сильно подействует на народ и даст делу благоприятный оборот, подобно тому как внезапное появление Петра Великого неоднократно предотвращало точно такие же опасности. Гудович и Мельгунов оспаривают такой совет, находя, что исполнение его будет слишком опасно для лица монарха.

Сам государь отзывается, что он не доверяет императрице, которая могла бы допустить оскорбить его. На этом дело и кончается.

Граф Роман Илларионович и Волков диктуют и пишут именные указы, и государь подписывает их на поручне канального шлюза. Адьютанты отправляются с этими указами в разные полки и команды. Четыре писца продолжают писать на другом поручне, под руководством Волкова.

Генерал Дивьер в сопровождении флигель-адъютанта князя Барятинского едет с одним из таких указов в Кронштадт, чтобы удержать за государем эту крепость; но дает возможность обмануть себя адмиралу Талызину, хотя последний приезжает туда с повелениями императрицы несколькими часами позже его.

5 часов. Государь досадует, что большая часть посланных им лиц не возвращаются назад, и выражает нетерпеливое желание узнать что-нибудь более достоверное о положении дел.

Графиня Елизавета Романовна не хочет оставить государя и в тревожном состоянии духа все вертится около него. Две девицы Нарышкины и графиня Брюс составляют ее свиту; прочие дамы скрылись во дворце.

6 часов. По приказанию государя лейб-хирург его дает ему несколько приемов стального порошка.

7 часов. Государь требует холодного жареного и ломоть хлеба. На деревянную скамью у канала ставят блюда жаркого и бутербродов с несколькими бутылками бургундского и шампанского.

Государь посылает ораниенбаумским своим войскам приказание прибыть в Петергоф и окопаться там в зверинце, чтобы выдержать первый натиск.

Штелин изображает фельдмаршалу Миниху и принцу Гольштейн-Бекскому ужасные последствия, которые могут произойти от такого, в сущности мнимого, сопротивления, если бы по неосмотрительности была выпущена против ожидаемой гвардии хотя бы даже одна пуля. Оба соглашаются с его мнением, и все вместе представляют о том государю; но он не хочет их слушать и отзывается, что необходимо иметь какие-нибудь силы для отражения первого напора, что не должно уступать и что он намерен защищаться до последнего человека.

8 часов. Мы повторяем наше представление, но столь же безуспешно. Между тем жалкие ораниенбаумские войска являются под начальством генерал-лейтенанта ба-

рона фон Ливен и располагаются в зверинце. У артиллерии очень мало ядер, а картечи и совсем нет. Добавляют ядер от егермейстерской части, но калибр их не соответствует орудиям. Новые, но по-прежнему тщетные просьбы с нашей стороны об отсылке ораниенбаумских войск. Беспокойство государя по случаю медленного возвращения гонцов, отправленных им в разные концы, особенно же в Кронштадт, все более и более возрастает. Наконец приходит весть, что Воронежский полк, для приведения которого немедленно в Петергоф послан был в Красное Село флигель-адъютант Рейстер, повернул в противоположную сторону, что полковник Олсуфьев ведет этот полк прямо в Петербург к императрице и что Рейстера очень дурно там приняли и увезли с собой арестованного.

9 часов. При прогулке по берегу канала продолжают совещания.

Наконец является из Кронштадта князь Барятинский с бумагою. Государь сам берет ее и читает вместе с графом Воронцовым, Мельгуновым, генерал-майором Измайловым, Львом Нарышкиным и Гудовичем.

Около 10 часов. Решаются тотчас отплыть морем. Государь велит подыхать шлюпкам и садится в них с восемью или десятью человеками, а прочим велит следовать на галере и на яхте. Садясь в шлюпку, он отдает генералу Шильду приказание отослать ораниенбаумские войска назад в Ораниенбаум и оставаться там спокойными.

Галера выходит с рейда и вместе с яхтой направляется к Кронштадту при довольно хорошем попутном ветре.

В 1 часу пополуночи галера подходит к кронштадтской гавани и находит ее запертой боном. Яхта останавливается насупротив галеры, по левую руку от входа в гавань, шагах в 20 или 30 от стены. Спущенная с галеры шлюпка подплывает ко входу в гавань и требует, чтобы отдали бон, но караул на стене отказывает в том с угрозами. Государь кричит, что он сам тут и чтобы его сейчас впустили. Ему отвечают, что из Петербурга получено приказание не впускать никого, кто бы то ни был, а яхте велят удалиться, без чего в нее будут стрелять.

В Кронштадте бьют тревогу. На стене показываются несколько сот вооруженных солдат.

Яхте вторично приказывают немедленно отъехать, в противном случае в нее станут стрелять ядрами. Она спешит распустишь паруса и для скорости перерубает якорный ка-

нат. Третий окрик, что если она не удалится сейчас же, то откроется пальба из наведенных уже на нее орудий. Яхта действительно тотчас и пускается в ход, поворачивая под ветер, а галера на веслах опережает ее по направлению к Ораниенбауму. Государь кричит, чтобы яхта следовала за галерою, чего, однако, нельзя исполнить за мелководьем ораниенбаумского рейда. С яхты при повороте замечают, что между кронштадтским валом и Кроншлотом расположилось плоскодонное судно с многолюдным экипажем, вероятно, чтобы загородить свободный проход в открытое море.

Около 2 часов пополуночи галера, приближаясь к ораниенбаумской гавани, почти совсем потеряла из виду яхту, которая, со своей стороны, с полупопутным ветром идет к петергофскому рейду.

3 часа. Государь подходит на галере к ораниенбаумской гавани и, поднявшись в шлюпке вверх по каналу, идет в свой малый дворец внутри крепости, густо обставленной вокруг тамошними его войсками.

4 часа. По просьбе дам государь распускает гарнизон по квартирам и переходит в Японскую залу большого дворца. Тут ему несколько раз делается дурно, и он посылает за священником тамошней русской церкви. В Ораниенбауме с трудом достают немного белого хлеба и соли, потому что кухня и погреб остались на яхте.

Между тем яхта приходит на петергофский рейд, и находившиеся в ней перевозятся понемногу, на двух шлюпках в тот самый канал, из которого они выехали накануне вечером.

В Петергофе все тихо и ничего не трогается. Доносятся только разные дикие и страшные слухи из Петербурга, будто бы там пролито много крови, от несогласия в некоторых гвардейских и других полках все стало вверх дном, множество домов разграблено и Бог весть что еще случилось; точно таким же образом в самом Петербурге молва разглашает, будто бы в Ораниенбауме совершены самые ужасные вещи, все тамошние голштинские войска и все, что окружало императора, перебито и наконец произошел всеобщий грабеж.

5 часов. В Петергоф приходит первый авангардный отряд гусар, под начальством г. поручика Алексея Орлова. На плаце ему случайно попадает несколько сот Дельвигских голштинских рекрут, собранных тут с деревянными мушкетами для учения. Гусары в одну минуту опроки-

дывают и перехватывают их, ломают их деревянное оружие и сажают всех под сильным караулом в тамошние сараи и конюшни.

С половины 6-го до полудня прибывали в Петергоф один гвардейский или линейный полк за другим и располагались одни на плацу, другие — перед дворцом, третьи — вокруг верхнего сада. Гусары еще с утра ушли в Ораниенбаум и заняли там все посты и входы.

В 11 часов въехала в Петергоф ее величество императрица верхом, в гвардейском мундире, в сопровождении точно так же одетой княгини Катерины Романовны Дашковой и конногвардейского полка. Накануне вечером она выступила из Петербурга со всем войском и после полуночи отдыхала несколько часов в Красном Кабачке. В Петергофе ее приветствовали тройным «ура» несколько тысяч солдат, крикам которых вторил гром выстрелов из расставленных на плацу пушек.

Тотчас по приезде ее величества гг. Григорий Орлов и генерал-майор Измайлов были отправлены в Ораниенбаум за императором. В 1 часу они привезли его в Петергоф в карете и высадили в правом дворцовом флигеле. Здесь он изъявил согласие на все, что от него потребовали. Под вечер его отправили в Ропшу, загородный дворец между Петергофом и Гостилицами, а ее величество императрица выехала из Петергофа в 9 часов вечера, провела ночь на половине дороги, на даче князя Куракина, и в следующий день около полудня имела торжественный въезд в Петербург.

4 часа пополудни. Приезд в Ораниенбаум генерал-лейтенанта Суворова и Адама Васильевича Олсуфьева с отрядом гусар и конной гвардии. Голштинский генералитет, со всеми обер- и унтер-офицерами и прочими войсками, отдают им свои шпаги и тесаки, после чего их объявляют пленными и заключают в крепости. Генерал-лейтенант Суворов приказывает составить опись всем находящимся во дворце денежным суммам и драгоценным вещам и отложить первые в сторону. Офицеры проводят ночь частью на валах, частью же в комендантском доме.

30 числа в 3 часа пополудни. Василий Иванович Суворов делает общую перекличку всем офицерам и нижним чинам. Из них русские, малороссияне, лифляндцы и прочие здешние ранжируются на одну сторону и приводятся к присяге в дворцовой церкви, а голштинцев и других

иноземцев ведут к каналу, сажают там на суда и перевозят в Кронштадт.

Вечером в 7 часов всем остальным офицерам объявляют именем генерала, что правительство полагается теперь на их присягу и разрешает им разойтись по квартирам, с тем чтобы они на следующий день готовы были ехать в Петербург.

1-го июля в 3 часа пополудни. Все оставшиеся в Ораниенбауме войска препровождаются под прикрытием гусар в Петергоф, где остаются на ночь.

Кто из офицеров желает выйти со двора, должен иметь при себе гусара.

2-го июля в 11 часов перед полуднем. Их выводят из Петергофа, и в 5 часов они приходят в Красный Кабачок, где дается привал.

В 8 часов выступление отсюда. В 10 часов вечера они приходят в Московскую Ямскую, где и располагаются по квартирам.

Гусарский полковник Милорадович составляет именной список обер- и унтер-офицерам и перечневый рядовым и назначает к квартирам офицеров по их желанию охранный караул из гусар.

3-го отбирается у офицеров письменное показание, откуда кто родом, сколько времени в службе, служил ли где прежде, чем был и кто его родители.

5-го кончина императора Петра III-го.

6-го граф Брюс является в Ямскую, на квартиру полковника, и, вызвав всех офицеров по списку, обнадеживает их монаршею милостью и объявляет именем ее императорского величества, что в случае желания служить, каждый из них будет определен тем же чином. Отзывы о том, желает ли кто служить или нет, отбираются порознь у каждого на письме.

8-го вечером в 8 часов. Ассессор Елагин приезжает со шпагами и возвращает их всем офицерам, обнадеживая последних монаршею милостью и приказывая им явиться на следующее утро в Военную коллегия для получения там дальнейшего назначения.

9-го офицеры явились в Военную коллегия, где им обещали вскоре решить их дело. Лифляндцев и малороссиян снабдили паспортами для отправления в полсутки на родину, а здешним также дали паспорта для проживания по их выбору в Петербурге, Москве или другом месте.

Вышеупомянутые лица, ездившие с императором на галере и на яхте в Кронштадт, были, собственно, те, которым его величество назначил явиться в Петергоф накануне и ко дню своего тезоименитства, и, сверх того, камергеры и камер-юнкеры, бывшие налицо в Петергофе из числа назначенных дежурить там при государыне императрице. Последние отмечены в нижеследующем списке звездочками.

На галере находились:

Его величество император, г-жа Помпадур, т. е. графиня Елизавета Романовна Воронцова, супруга канцлера графиня Анна Карловна Воронцова и ее дочь графиня Строганова; супруга гетмана графиня Разумовская; супруга фельдмаршала княгиня Трубецкая; принцесса дочь принца Голштейн-Бекского с гофмейстериной ее, вдовою шталмейстера, княгиней Голицыной и фрейлиной Мирабель; невеста принца Голштейн-Бекского принцесса Карл и ее компаньонка Дервиц; супруга обер-егермейстера Марья Павловна Нарышкина; супруга шталмейстера Марья Осиповна Нарышкина; супруга камергера княгиня Гагарина с дочерью; графиня Брюс; супруга фельдмаршала графа Александра Шувалова; принц Голштейн-Бекский; фельдмаршал граф Миних; обер-гофмаршал Александр Александрович Нарышкин; шталмейстер Лев Александрович Нарышкин; генерал-лейтенант Мельгунов; сенатор граф Роман Илларионович Воронцов; генерал-адъютант князь Иван Федорович Голицын; генерал-адъютант Гудович; генерал-майор Измайлов; голштинский обер-егермейстер Бредаль; статский советник, тайный секретарь Волков; вице-канцлер Голицын; начальник канцелярии от строений Иван Иванович Бецкий.

На яхте:

Фельдмаршал граф Алексей Григорьевич Разумовский; обер-егермейстер Семен Кирилович Нарышкин; гофмаршал Михаил Михайлович Измайлов; камергеры: князь Гагарин, граф Ягужинский*, граф Головин, Алексей Иванович Нарышкин*, князь Михаил Михайлович Голицын*, князь Соловой; камер-юнкеры: Матюшкин*, князь Николай Михайлович Голицын*; тайный кабинетский советник Олсу-

* Отмеченные звездочкой особы не находились до тех пор при государе в Ораниенбауме, а были при императрице в Петергофе, и как государь нашел их там, а притом сами они не знали, куда им деться, то и были взяты им с собою на яхту.

фьев; статский советник Штелин; голштинский тайный советник фон Румор, королевско-прусский министр барон Гольц и его секретарь посольства Дистель; депутат эстляндского дворянства граф Штейнбок; гофмедик Унгебауер*.

Внизу, в трюме яхты находились под наблюдением гоф-маршала Измайлова кухня и погреб со всей придворной прислугой, как то камер-пажами и пажами, гоф- и камер-фурьерами, мундкохами, мундшенками и пр.

Н.В. Принц Георгий Голштейн-Готторпский с супругой и двумя сыновьями, английские министр Кейт и генеральный консул Свалло, камергер Иван Иванович Шувалов, путевой маршал фон Дюкер и лейб-медик Моунстей, находившиеся до тех пор также в Ораниенбауме, были отпущены в разные дни по своим делам в город, откуда должны были приехать в Петергоф в Петров день. Точно так же и гетман [Разумовский] за два дня до того, после пира в Гостилицах, уехал в Петербург.

Из записок И. Позье

Проспав три или четыре часа, я встал, забрал все, что нужно было везти, — у меня были почти все вещи всех придворных дам, которые дали мне их чистить и переделать к праздникам. Я мог выехать только в 9 часов с вещами; при мне их было более чем на двести тысяч рублей с теми, что я взял для государя. Проехав половину дороги, я встретил одного гвардейского офицера верхом, который скакал в город во весь опор. Я опустил стекло в карете, чтобы посмотреть: это был один из моих знакомых. Он подъехал к моей карете, которую я остановил. Всадник сказал мне тихо, так чтобы слуга мой не услышал: «Возвращайтесь прежде всего в город. Вы рискуете. Сейчас похитили в Петергофе императрицу через окно. Разве вы не встретили частной кареты, в которой везут ее в город? Все голштинцы по всем дорогам ищут ее. Говорю вам это как друг: воротитесь как можно скорее в город».

Всадник прищпорил лошадь и ускакал.

Я велел ямщику как можно скорее воротиться в город под предлогом, будто я там что-то забыл, что мне необходимо везти с собой. Я во весь опор поскакал в город и, приехав, встретил на улицах конногвардейцев, которые метались по улицам врассыпную с обнаженными саблями в

* См. сноску на 321 стр. (Прим. ред.)

руках с радостными возгласами: «Да здравствует императрица Екатерина!!»

Мне едва удалось попасть в свой дом, который был окружен солдатами. Я воскликнул: «Господи Боже мой, что все это значит? Неужели император умер?» Я поспешил выйти из кареты, захватив шкатулки с вещами, и нашел жену в страшном испуге. Я сказал ей: «Это ничего. Пусть оставят меня одного в моей комнате».

Я прежде всего поднял половицу, где было пустое место, и там зарыл мои шкатулки и все, что нашел у себя ценного. Сделав это, я захотел посмотреть, что творится, и приготовился выйти со двора.

Я увидел двух молодых англичан, которых преследовали солдаты с обнаженными саблями. Они не говорили по-русски. Я сказал этим солдатам по-русски: «Что вы делаете? Зачем преследуете этих господ, которые ничего вам не сделали? Я знаком с вашим офицером, который, уж верно, не приказал вам этого делать».

Они мне отвечали: «Да они нас ругают на своем языке». — «Вы ошибаетесь, это вовсе не такие люди, которые бы могли так поступать».

Я им дал пол-эку — единственное средство усмирить их.

Они меня поблагодарили и сказали: «Если вам угодно, мы станем стеречь ваш дом, потому что наш пост совсем близко отсюда».

Я сказал, что это будет мне приятно и что их офицер, один из моих друзей, скажет им за это спасибо.

Я, конечно, высылал им водки. Обоих англичан я взял к себе в дом и сказал им, чтобы они несколько подождали, пока немного усмирятся умы, потому что все иностранцы подвергаются большой опасности на улицах. Я сам слышал, как солдаты говорили между собою, что всех иноземцев надо перерезать.

Нетерпеливо желая узнать, что происходило, я велел жене не выходить из дома и оставаться с детьми, а сам отправился отыскивать кого-нибудь, кто бы мне сказал что-нибудь положительное об этом событии; так как я жил подле императорского дворца, а голландская церковь составляла угол с улицею близ Синего моста, ведущую ко дворцу, то я прошел из моего двора садом, чтобы не столкнуться с солдатами, которыми улица была запружена. Я нашел нескольких знакомых, от которых узнал, в чем дело. Я увидел гвардейского офицера Преображенского полка,

которого я знал и накануне видел в Ораниенбауме,— он занимал с командою пост против наших окон. Я звал его к себе на шкалик водки. <...>

Немедленно распустили в городе слух, что император упал с лошади и ушибся до смерти.

Я спросил офицера, что он обо всем этом думает и что нет ли опасности, чтобы произошла какая-нибудь резня. Офицер мне отвечал, что бояться нечего, что он постарается сдерживать солдат, пока не пройдет первое движение.

В ту минуту как он ушел от меня и воротился на свой пост, явился кирасирский полк, которого император был полковником, состоявший из трех тысяч самых лучших солдат, какие только имелись в войске, и которому император послал приказание отправиться к нему в Ораниенбаум; но императрица послала одного из своих придворных вельмож воротить полк и приказала ему остаться в городе.

Офицер, командовавший полком, по всей вероятности, не знал, в чем дело, и я сам видел, как он чуть не подрался с караулом из конногвардейцев, которые стерегли мост у дворца, на котором с каждой стороны были поставлены пушки. Часовые, из которых каждый уже запустил за галстух, начали кричать кирасирскому офицеру, когда он хотел перейти мост с полком, что его не пустят, пока он не крикнет: «Да здравствует императрица Екатерина!» Офицер спросил: «Как это? Разве император умер?»

Один из часовых еще больше раскричался и послал товарища дать знать караулу из трехсот гвардейцев, находившихся невдалеке, и они как бешеные бросились с ружьями и штыками наперевес, чтобы воспрепятствовать полку перейти мост. Несколько гвардейских офицеров подошли, чтобы остановить этих сумасбродов, и что-то сказали на ухо кирасирскому офицеру, который тотчас же усмирился, и его спокойно пропустили через мост; близ дворца этого офицера заменили другим, а между тем полк выстроился и без труда был приведен к присяге императрице. Если бы этот полк остался верен императору, то он мог бы перебить всех солдат, сколько их ни было в городе; но Богу угодно было, чтобы случилось иначе, в противном случае всем бедным иностранцам пришлось бы плохо.

Я отправился к себе успокаивать жену и там нашел моих двух англичан, которых я отправил домой в моей ка-

рете, указав кучеру, по какой дороге ехать, чтобы избежать столкновения с солдатами; впрочем, так как карета была закрытая, то нельзя было заметить, что это иностранцы.

Несколько минут спустя я видел, как мимо проехал в плохой карете дядя императора, принц Голштинский, который укрылся было у генерал-полицеймейстера Корфа, где его арестовал один гвардейский офицер с двадцатью гренадерами, которые исколотили его ружейными прикладами и повезли его к дому Бестужева, где он жил. Жена его, к несчастью, была в этот день в городе; солдаты тоже весьма дурно обошлись с ней, растащив все, что они нашли в доме; они хотели сорвать с рук ее кольца, если бы командовавший ими офицер вовремя не вошел в комнату, они отрезали бы у нее палец; всех слуг заперли в подвалы и погреба и приставили к ним гренадеров; так они оставались целых три дня и едва могли добиться чего-нибудь поесть.

Видя, что все бросается во дворец целовать руку императрицы, я хотел как-нибудь добраться до нее, как вдруг ко мне во двор въехала карета с гвардейским офицером и тремя гренадерами на запятках. Жена моя сначала подумала, что меня хотят арестовать, но офицер вошел ко мне в комнату и объявил, что имеет что-то сказать мне от имени императрицы. Я его ввел в свой кабинет. Он сказал мне, что императрица велела спросить меня: отдал ли я уже камергерский ключ, осыпанный брильянтами, который император хотел дать обер-камергеру графу Шереметеву? Я ответил, что в это самое утро поехал было в Ораниенбаум с тем, чтобы отдать ключ императору согласно приказанию, данному им мне накануне, но что, узнав по дороге происшедший счастливый переворот, я воротился назад и что ключ теперь у меня. Тогда офицер сказал мне, что императрица велела спросить, можно ли приделать ее вензель вместо вензеля императора, и в тот же день, если можно, так как это будет ей очень приятно, потому что она сама хочет отдать ключ графу Шереметеву. Я просил офицера передать ее величеству, что сию же минуту займусь ее поручением, но что прошу ее прислать мне офицера для безопасности моего дома, так как у меня много казенных вещей, а также вещей, принадлежавших дамам, которые в Ораниенбауме, и я боюсь нападения со стороны солдат, окружавших мой дом. Офицер отвечал мне: «Очень хорошо, я попрошу, чтобы дали мне самому это пору-

чение». Затем он уехал, но немного времени спустя воротился.

Я тотчас же велел моим рабочим приступить к делу, и в три часа пополудни работа была готова.

Я сам сел в карету офицера, желая воспользоваться случаем добраться до императрицы, лично вручить ей ключ и поцеловать у нее руку.

Мы вошли в залу, которая была до такой степени наполнена народом, что пришлось подождать добрых полчаса, прежде чем удалось пробраться до императрицы, несмотря на то что офицер, за которым я следовал, употреблял все усилия, чтобы раздвинуть толпу.

Наконец я очутился за стулом императрицы, тем не менее, однако, мне удалось вручить ей ключ и поцеловать у нее руку не ранее как час спустя. Стечение вельмож и дам, приехавших поздравить ее, было громадное, и я не понимаю, как Екатерина могла перенести такое утомление в течение целого дня, не принимая нисколько пищи. <...>

Я еще стоял за стулом императрицы, когда явился великий канцлер Воронцов. Как только он подошел к ней, она спросила его, затем ли он пришел, чтобы присягнуть ей.

Воронцов ответил, что в настоящую минуту не может, потому что его прислал император из Ораниенбаума узнать, что происходит.

«В таком случае вы не прогневайтесь, если я вас посажу под домашний арест. Я с этою целью сейчас же назначу двух гвардейских офицеров, которые отправятся с вами; впрочем, можете быть спокойны за себя».

Воронцов поклонился и отправился с двумя офицерами, которые сели с ним в карету.

В эту минуту я с трудом мог удержаться от слез, но не время и не место было давать им волю.

Наконец я уловил свободную минуту и передал императрице ключ в бархатном футляре. Она нашла его великолепным. Это была вещь ценою в десять тысяч рублей.

Екатерина передала ключ обер-камергеру Шереметеву, который находился тут же и который, став на колени, поцеловал у нее руку.

Императрица повернула голову в мою сторону и сказала: «Я очень обязана вам, Позье, за вашу исправность».

Я воспользовался случаем и сказал ей, что у меня в доме много казенных вещей и не угодно ли ей, чтобы я их передал кому-нибудь.

Она мне сказала, что не нужно, что я могу воротиться

домой и остаться там совершенно спокойно, ничего не боясь. Затем государыня приказала офицеру, привезшему меня, проводить меня обратно и возвратиться к ней часов в семь вечера, так как она намерена верхом, в мужской одежде, с княгиней Дашковой отправиться во главе трех гвардейских пеших и конных полков арестовать Петра III в Ораниенбауме.

Все войска, которые остались в городе, стали шпалерами вдоль улицы и так простояли всю ночь.

Я не мог сомкнуть глаз и просидел у окна, следя за всем, что происходило.

Я видел, как солдаты выбивали двери в подвальные кабаки, где продавалась водка, и выносили огромные штофы своим товарищам, что меня страшно испугало.

Я позвал из окна одного знакомого офицера и просил его зайти на минуту ко мне, что тот и исполнил. Я ему заявил мои опасения. Офицер объявил мне, что мне нечего бояться, что невозможно запретить солдатам, не пившим и не евшим уже двое суток, погулять, но что он надеется, что императрица, арестовав Петра III, тотчас же возвратится в город, а тогда все кончится.

Я, однако, не успокоился, пока не узнал, какой оборот примет дело.

Не стану рассказывать разных мелочей, случившихся до возвращения императрицы после арестования императора, так как это не входит в мой план того, что я задумал изложить, да и, кроме того, обо многом я рад умолчать.

Я сильно боялся за принца и принцессу Голштинских. Я собирался, как только рассветет, проехаться кругом дома, где их содержали.

Я велел заложить карету и сказал жене, чтобы она была спокойна, что я еду только прокатиться и скоро возвращусь домой. Я велел кучеру везти меня, куда я собрался, и, доехав почти до ворот дома Бестужевых, увидел князя Голицына, офицера, командовавшего отрядом, караулившим дом, и с которым я был коротко знаком. Я вышел из кареты, подошел к нему и поздоровался с ним.

Князь Голицын сказал: «Вы тут что делаете?» Я отвечал ему: «Хочу навестить больного приятеля. А вы, князь, вероятно, здесь дежурите?» — «Да, к моему великому сожалению, мои солдаты наделали всякие бесчинства против принца и принцессы Голштинских, а остановить их мне было невозможно, так они были злы на них. Жду не дож-дусь, когда воротится императрица и когда меня сменят,

потому что мне тяжело видеть, в каком они положении».

Я ему сказал, что у меня есть вещи, принадлежащие принцессе, о которых она, может быть, тревожится, и не может ли он позволить мне видетсья с нею? «Можете, — отвечал он, — вы не подозрительная личность».

Князь Голицын велел одному сержанту проводить меня до дверей комнаты принцессы и сказал ей, что я желаю иметь честь поговорить с ней.

Принцесса велела мне войти. Я застал ее на диване.

Как только она увидела меня, то воскликнула: «Ах, Позье, какой добрый ангел прислал вас сюда и как могли вы до меня добраться?»

Я сказал ей, что, беспокоясь о них и видя, что творится, я решился попытаться узнать что-нибудь о них и, проезжая мимо их дворца, увидел князя Голицына, которого я имею честь знать за честного человека и который сейчас же заявил свое сожаление о бесчинствах солдат против их высочеств. «Затем, — продолжал я, — я просил доложить вашему высочеству, что все ваши вещи у меня и чтобы вы не тревожились; князь Голицын весьма любезно позволил мне явиться к вам и велел сержанту проводить меня в ваши покои».

Она мне рассказала, как ужасно с ними обошлись солдаты, заграбившие все, что попало им под руку, и что им оставили всего двух слуг с правом свободно ходить по целому дому, а именно: принцу — камердинера, а ей — женщину, которую вижу перед собой, и что они насилу могут добиться чего-нибудь поесть.

«Не можете ли вы, — спросила она, — сказать нам, что сделалось с императором?» — «Все, что могу сказать вам, это то, что все полки высказались в пользу императрицы и что все дворянство, какое только было в городе, присягнуло ей; присягнули ей даже те, которые были в Ораниенбауме при императоре и убежали оттуда под предлогом дознаться, что здесь происходит; а императрица вчера отправилась верхом с тремя полками и княгиней Дашковой в Ораниенбаум арестовать императора. По всем улицам шпалерами расставлены солдаты под ружьем. Ни один иностранец не смеет показаться на улице, и, если бы я не был знаком с большею частью офицеров, я бы не рискнул выйти на улицу. Подумайте, ваше высочество, не могу ли я быть вам полезен? Я уверен, что государыне неизвестно, в каком вы ужасном положении и как с вами обошлись. Если вы желаете написать императрице, что можете быть уверены, что я

всеми силами постараюсь передать письмо в собственные ее руки по возвращении ее, на которое надеются завтра».

Принцесса отвечала мне, что большей услуги я оказать ей не могу, и вошла в кабинет, где сидел ее больной муж.

Принцесса попросила меня подождать минутку, пока она напишет несколько слов.

Когда она мне вручила записку, я просил ее на случай, если князь Голицын спросит ее, зачем я просил пустить меня к ней, отвечать, что я только хотел успокоить ее насчет ее вещей, так как и я сам ему говорил об этом.

Я простился с принцессой и сказал ей, что надеюсь, что она скоро получит ответ на свою записку, так как я нимало не сомневаюсь, что императрица вполне уважит ее просьбу.

Я возвратился домой, не встретив никакого препятствия со стороны солдат, которые пропустили карету мою даже без ругательств.

Часам к трем меня известили, что императрица, заарестовав Петра III, возвращается в город и что ее ожидают к пяти часам. Мимо окон моих проехало много карет с дамами и вельможами, отправлявшимися во дворец дожидаться ее.

Я решился тоже туда отправиться.

Там я застал страшную давку и, между прочим, множество молодых дам, о которых мне достоверно известно было, что они нехорошие услуги оказывали императрице по ее отношениям к императору, и которые едва ли могли ожидать от нее любезного приема.

Так как я был с ними довольно коротко знаком, я спросил их, не шибко ли бьется у них сердце.

Я был, впрочем, совершенно уверен, что им ничего не будет сделано, потому что императрица нарочно обращалась вежливо с дамами, о которых знала, что они интриговали против нее у ее мужа.

Наконец явилась Екатерина верхом с отрядом гвардейцев. Каждый спешил целовать ее руку. Войдя в дворцовую залу, она села в кресла и, по крайней мере, три часа все принимала толпу: каждую минуту она должна была наклоняться, чтобы давать руку свою целовать представлявшимся ей.

Видя, что мне невозможно будет добраться до императрицы, я решился подождать у дверей ее покоев, зная, что она непременно туда войдет.

Едва стоя на ногах от усталости, Екатерина вышла

из залы отдохнуть, поручив сказать, что все, кому не удалось присягнуть ей, пусть придут на следующий день.

Она явилась в сопровождении двух камергеров, которые поддерживали ее под руки.

Повернув голову в мою сторону; Екатерина сказала:

— Ах, это вы, Позье. Если вы имеете что сказать мне, подождите минутку.

Я поклонился и сказал, что подожду; это мне было тем приятнее, что я надеялся, что она отпустит камергеров и что у меня будет возможность передать ей письмо. Лишь только императрица разделась, она прислала мне сказать чрез свою горничную, чтобы я вошел к ней.

Я поцеловал у нее руку и с трепетом передал ей письмо, не зная, как-то она его примет.

— Это что за письмо? — сказала она; она по печати узнала, от кого записка, и велела мне подождать, а сама отправилась читать в кабинет.

Выйдя оттуда минуту спустя, она сказала мне, что крайне огорчена тем, что произошло, и что приказания ее не были соблюдены. Затем сказала мне, что я могу передать им, чтобы они успокоились и что она на следующий же день даст им такой ответ, который их удовлетворит.

Я с радостью отправился исполнить поручение.

На другой день они мне прислали сказать через слугу, что их освободили, чтобы я навестил их. Они прочли мне письмо, которое писала им императрица и в котором она заявляла им сожаление обо всем, что было сделано против ее воли в отношении к ним, и объявляла, что, весьма хорошо понимая, что им тут беспокойно, она предоставляет им на выбор — остаться или удалиться в Голштинию, причем она делала принца администратором этой страны и прилагала к этому письму сумму в полтораста тысяч рублей на уплату долгов, присовокупляя, что если эта сумма окажется недостаточною, она ее пополнит.

Принц и принцесса Голштинские, разумеется, решили ехать и так поспешили своими приготовлениями, что отправились уже на третий день.

Принцесса дала мне сто экю на нашу церковь; заявляла мне глубокую признательность за мою преданность и объявила мне, что горячо желает, чтобы я ей когда-нибудь доставил случай доказать мне и семейству моему их благодарность.

Я поблагодарил ее и простился с ними. Я получил от нее письмо лишь только тогда, когда ее высочество приехала

в Голштинию, где умерла шесть месяцев спустя. Она оставила двух маленьких принцев, воспитание которых императрица взяла на себя.

После заарестования Петра III императрица, возвратившись в город, распустила все войска, до тех пор стоявшие шпалерами вдоль улиц, и все избавились от страха. Три дня спустя мы узнали о смерти несчастного императора, описывать подробности которой я не стану.

Из записок Д. Р. Сиверса

1762 года, 28 июня (9 июля) в 11 ч. утра Его Всероссийское Императорское Величество Петр III-й отправился из Ораниенбаума в Петербург с тем, чтобы там следующий день, в субботу, весело отпраздновать день своих именин. Отъезд последовал в полной обеспеченности и удовольствии тотчас после вахтпарада; но, к сожалению, не прошло и получасу, как эта обеспеченность навек пропала, и Петр, бывший в то время самодержцем во всей России и имевший возможность быть страшилищем для Европы, и в особенности для Дании, сделался в эти немногие минуты первым рабом и несчастным человеком в мире. Все последовало за его коляскою; но я не знаю, что-то смущало меня, и я был недоволен. Надо сказать, что мое спокойствие продолжалось при восшествии на престол недолго. В это время император устраивал в Петербурге и в Ораниенбауме разные увеселения, которые были мне как-то не по душе, и мне что-то печальное чувствовалось постоянно.

Итак, за государем все поехали. Я один оставался наверху во дворце, нагнулся к окну и смотрел на этот отъезд с усвоенным уже себе горестным чувством. Когда государь отъехал, я пошел к себе на квартиру в казармы перед небольшою крепостью, так называемым Петерштадтом. Это была крепостца, которую государь устроил для своего удовольствия недалеко от Ораниенбургского дворца. Я скинул верхнюю одежду и помышлял о том, где мне пообедать, так как тут ничего не было, кроме хлеба и немного молока.

Вдруг мчится кто-то стремя голову мимо казарм к Петерштадту. Я рассмотрел, что это был генерал-адъютант Гудович. Он так же быстро поехал назад. Тотчас послышался барабанный бой и тревога. Мне подумалось, что государь захотел узнать, во сколько минут солдаты могут

вооружиться; но скоро сделалось известно, что в Петербурге восстание. Больше нам нечего было разузнавать, так как с некоторого времени мы уже не переставали ожидать такого несчастья. Тут все пришло в беспорядок. Бросились к пушкам, достали острых¹ патронов и хватались за все, чем бы защищаться. Император проехал от Ораниенбаума всего четверть мили, как ему доложили, что восстание общее; что он низложен и что императрица, супруга его, провозглашена царствующею монархиней. Император тотчас приказал Гудовичу ехать назад и выслать находившиеся в Ораниенбауме голштинские войска в Петергоф. Их всего было вооруженных 800 человек почти без всяких военных запасов, и это против 14 тысяч русского войска! Мы готовы были пожертвовать нашею жизнью, тогда как у тех говорила же совесть о том, что они изменили своему государю. От Ораниенбаума до Петергофа добрая миля расстояния. В 4 часа мы пришли туда. Императору доложили о прибытии этой уже бесполезной защиты, и он услышал о том с удовольствием, а меня спросил, охотно ли пошли мы и готовы ли ко всему. Я отвечал утвердительно. Главным командиром нашей злосчастной толпы был генерал Лёвен из лифляндского дворянства, совсем неспособный действовать в таких обстоятельствах.

Как скоро мы несколько отдохнули, я поскакал к императору узнать, как разместить этих 800 человек и что им делать. Как давний любимец и всегда верный слуга, а также и как флигель-адъютант я прямо пошел к императору, хотя другие, из русских, хотели сначала обо мне доложить. Я получил от него словесное распоряжение и поспешил исполнить оное. Император находился в нижнем, ближе к Неве, Петергофском саду. Он сидел на стуле. Рядом с ним графиня Воронцова. Она плакала. Он казался довольно спокоен, но несколько бледен. Он нюхал свой платок, обрызганный лавендовой водою. Тут я видел его в последний раз. Состоявшие при нем кавалеры и дамы находились все в некотором от него отдалении. Они, конечно, все ждали исхода своей измены, ибо я думаю, что лишь очень немногие не принимали участия в этом преступлении.

Император главным образом приказывал, чтобы наши не начинали стрелять. Я передал о том генералу Лёвену. Он был в смущении, и я, как и другие, убедился, что гораздо труднее исполнять генеральскую должность, нежели носить генеральское имя. Вскоре стали говорить, что поблизости от нас 50 человек русской кавалерии и что тотчас насту-

пит дело. Каждый начал улыбаясь прощаться с товарищами. Я любопытствовал узнать, ужели русские приближаются, и отпросился у нашего генерала и великого героя Л. О. фон-Лёвена съездить и проведать. Он охотно дозволил, и я поехал, взяв с собою одного поручика и несколько человек гусар; одних посылал по сторонам для разведки, других держал при себе для безопасности. Несколько верст или с четверть всего пути ехал я не торопясь, но ничего не было видно. Посланные гусары возвращались ни с чем, и я посылал других. Тогда я прибавил шагу и продвинулся верст на 14 или на 2 мили; лошадь у меня была добрая; погода стояла отличная; иначе было бы неблагоразумно забираться так далеко. Наконец господь бог послал мне на пути русского мальчика, который пробирался проселками, посланный, вероятно, своими господами из Петергофа или Ораниенбаума за вестями о том, что делалось в Петербурге. Этого малого я расспрашивал как мог и узнал, что в двух тысяч шагах находятся неприятельские форпосты с заряженными ружьями и выкинутым знаменем. Тогда я повернул назад, а мальчика велел посадить на коня к одному из гусаров. Мы ехали рядом, и, продолжая выведывать, я узнал от него, что в Петербурге с раннего утра страшный шум на улицах, ходят и скачут войска с беспрестанными криками «ура», так как императрица вступила на престол, и взбунтовавшийся народ кричит: «Нет больше у нас императора, есть императрица!» Узнав про это, я уже меньше опасался за свою жизнь, которой грозила беда, если бы на престол возведен был кто из русских. Тут я дал волю моему коню, и когда около полуночи прибыл в Петергоф, то войска нашего там уже не было, а также не было у кого спросить про него. Я спустился вниз в сад, но там не было и императора. Наконец встретился мне мелкий придворный служитель, от которого я узнал, что император со всеми отправился в Кронштадт на двух находившихся перед Петергофом яхтах, а солдаты наши возвратились в Ораниенбаум. (...) В Ораниенбауме я нашел всех людей под ружьем; они простояли так целую ночь до утра. У меня не было никакой команды; мой полк стоял в Нарве, и я действовал как волонтер. Не раздеваясь, лег я в постель. В четыре часа послышался шум: император возвратился из Кронштадта. Если бы он с самого начала туда поехал, как ему советовал фельдмаршал Миних, то, может быть, все обошлось бы благополучно.

В десять часов прибыл генерал-майор Измайлов (он прежде казался добрым другом, недавно произведен в старшие поручики и пожалован Анненским орденом) с предъявлением желанья императрицы, чтобы император отрекся от престола и приказал своим людям держаться смиренно: тогда не будет им никакого худа. Каждый остался этим доволен, так как ничего нельзя было поделаться против 12-ти с лишком тысяч человек и 60 или 70 пушек, находившихся у императрицы в Петергофе. В половине 11-го часа император должен был отправиться с этим Измайловым в Петергоф. С собою взял он свою графиню Воронцову и Гудовича (которого по прибытии туда поколотили отлично).

Так кончилось императорство для нас, голштинцев. Перед отъездом император приказал выдать всем месячное жалованье, что и было исполнено.

В два часа пополудни произошла между нами, бедными воинами, печальная комедия. Прибыл русский генерал Суворов (впоследствии граф и фельдмаршал)² с конногвардейцами и гусарским отрядом и потребовал, чтобы сдано было все вооружение. Сначала отобрали его у офицеров, а потом все голштинское войско было согнано в крепостцу Петерштадт, откуда уже никого не выпускали. Этот жалкий Суворов держался правил стародавней русской подлой жестокости. Когда обезоруженных немцев уводили в крепостцу, он развлекался тем, что шпагою сбивал у офицеров шапки с голов и при этом еще жаловался, что ему мало оказывают уважения. Затем он начал разыскивать, сколько у кого запасено денег, пожитков и драгоценностей. Злополучным солдатам и офицерам почти нигде было прилечь, и они со страхом ожидали, что дальше учинит этот осел, будущий фельдмаршал.

Беспомощно провели мы целую ночь. Снова явился Суворов и начал распределять людей. Русским подданным велено оставаться, а Кронштадт назначен иностранцам, и каждому из них, в особенности прусским, досталось от Суворова по удару и толчку в затылок. Когда это кончилось, русские подданные должны были идти в русскую церковь для присяги, и каждый подписывался на присяжном листе, а затем офицеры отпущены на честном слове и могли разойтись по своим квартирам. По ходатайству моего брата в Петербурге императрица приказала Суворову возвратить мне шпагу и дать полную свободу;

но под разными предлогами он продержал меня до следующего вечера, полагая, что я стану его упрашивать. Эта задержка раздражала меня чрезвычайно, так как в этих критических обстоятельствах я дорожил каждой минутой в тревоге о моем семействе и спешил в Петербург. Разгоряченный, я не стеснялся с Суворовым. Зять мой Зельгорст слышал, как я громко заговорил с ним, чего он никак не ожидал, так как до того был я один из покорнейших. Он сначала удивился, а потом разозлился. Смело сослался я на милость императрицы, что наконец его смирило и принудило тот же вечер отпустить меня и со мною моего зятя. Его грубость выразилась в том, что одному полному генералу приказал он ехать позади его лошади, а остальным знатным офицерам вместе с другими. Один из бригадиров, проехав немного, оборотился назад. Суворов сказал ему, что если ему пришла охота танцевать, то пусть пошлет за музыкантами. Некоторые офицеры натерпелись ударов и толчков. В то время как все мы находились в крепостце под стражею, воришки-гусары и кирасиры опустошали наши помещения, так что у иного осталось только, в чем он был.

В Петербург приехал я в 4 часа ночи и занял мое помещение у брата. Утром выражал я ему мою благодарность за то, что он выхлопотал для меня милость у императрицы, и поручил ему судьбу свою. Приходилось дорожить временем, так как я должен был отправляться назад в Голштинию, а императрица желала ехать в Москву, чтобы короноваться. В Голштинии я мог рассчитывать всего на 500—600 талеров; но я готов был и на это, думая поселиться где-нибудь в деревне. С благодетельным братом моим обдумывал я, как мне быть, и вот пронеслось, что император скончался от удара. Говорили, что с ним сделался припадок колики и что для облегчения он пил много английского пива, что ускорило его кончину. Никто не верил этому... Бог про то знает, да те лица, которые с ним были...

Ночью с 7 на 8 июля ст. счета тело его было перевезено из места его заточения (40 верст или 6 миль от Петербурга) в Александро-Невский монастырь и стояло до 10-го в гробу, обитом в красный атлас с немногими золотыми украшениями. Он лежал в своем любимом голштинском мундире, но без всяких орденов, без шпаги и без караула. Стражею при нем были малого чина офицер и несколько человек солдат.

Смерть императрицы Елисаветы повергла в уныние всех русских, но особенно всех добрых патриотов, потому что в ее преемнике видели государя жестокого характера, ограниченного ума, ненавидящего и презирающего русских, не знающего совсем своей страны, неспособного к усидчивому труду, скупого и расточительного, преданного своим прихотям и тем, кто рабски ему льстил. Как только он стал властелином, он предоставил двум-трем фаворитам свои дела и предался всякого рода распутству. Он начал с того, что отнял земли у духовенства, ввел множество довольно бесполезных новшеств, большей частью в войсках; он презирал законы; одним словом, всякое правосудие было предметом торга. Неудовольствие проникло всюду, и дурное мнение, какое имели о нем, привело к тому, что объясняли в дурную сторону и то немногое, что он сделал полезного. Его проекты, более или менее обдуманные, состояли в том, чтобы начать войну с Данией за Шлезвиг, переменить веру, разойтись с женой, жениться на любовнице, вступить в союз с прусским королем, которого он называл своим господином и которому собирался принести присягу, он хотел дать ему часть своих войск; и он не скрывал почти ни одного из своих проектов. Со времени смерти императрицы, его тетки, делали тайно различные предложения императрице Екатерине, которые она никогда не хотела слушать, постоянно надеясь, что время и обстоятельства изменят что-нибудь в ее несчастном положении, тем более что она знала, без всякого сомнения, что в конце концов вовсе не могли коснуться ее положения или ее особы без величайшего риска. Народ был всецело ей предан и смотрел на нее как на свою единственную надежду. Образовались различные партии, которые думали помочь бедствиям своей родины; каждая из этих партий обращалась к ней в отдельности и одни совершенно не знали других. Она их выслушивала, не отнимала у них всякой надежды, но просила их всегда подождать, полагая, что дело не дойдет до крайности, и считая всякую перемену такого рода несчастием. Она смотрела на свой долг и на свою репутацию как на сильный оплот против честолюбия; даже эта опасность, которой она подвергалась, была для нее новым блеском, всю цену которого она сознавала. Петр III был неизменной мушкой на очень красивом лице. Поведение Екатерины по отноше-

нию к народу было всегда безупречно; она всегда хотела, желала и жаждала лишь счастья этого народа, и вся ее жизнь будет употреблена лишь на то, чтобы доставить русским благо и счастье. Видя, однако, что дела идут все хуже, императрица дала знать различным партиям, что пришло время соединиться и подумать о средствах, чему удивительно помогло оскорбление, которое ее супруг нанес ей публично. Поэтому условились, что как только он вернется с дачи, его арестуют в его комнате и объявят его неспособным царствовать. Действительно, у него голова пошла кругом, и, конечно, во всей империи у него не было более лютого врага, чем он сам. Не все были одинакового мнения: одни хотели, чтобы это совершилось в пользу его сына, другие — в пользу его жены. За три дня до намеченного времени нескромные речи одного солдата вызвали арест капитана Пассека, одного из главных участников тайны. Трое братьев Орловых, из которых старший был капитаном артиллерии, немедленно приступили к действиям. Гетман и тайный советник Панин сказали им, что это слишком рано; но они по собственному побуждению послали своего второго брата в карете в Петергоф, чтобы привезти императрицу, разбудить которую Алексей Орлов явился в шесть часов утра 28 июня старого стиля. Как только она узнала, что Пассек арестован и что ради своей собственной безопасности нельзя было терять времени, она встала и поехала в город, при въезде в который встретили ее старший Орлов и князь Барятинский и отвезли в казармы Измайловского полка, где при ее прибытии было только 12 человек и один унтер-офицер — и все казалось спокойным; солдаты были все предупреждены, но оставались у себя, а когда они пришли, провозгласили ее самодержавной императрицей. Радость солдат и народа была неопишима. Оттуда ее повезли в Семеновский полк: семеновцы вышли к ней навстречу, прыгая и крича от радости. Сопровождаемая таким образом, она отправилась в Казанскую церковь, куда явились конногвардейцы, неистовствуя от радости; явилась гренадерская рота Преображенского полка: они извинялись в том, что пришли последними, говоря, что их офицеры хотели помешать им отправиться, что иначе они, без сомнения, были бы первыми. После них прибыла артиллерия и ее фельдцейхмейстер Вильбуа. Так, провожаемая восклицаниями бесчисленной толпы, императрица прибыла в Зимний дворец, где собрались Синод, Сенат и все сановники. Составили манифест и присягу,

и все признали ее государыней. Императрица собрала нечто вроде совета, составленного из гетмана, тайного советника Панина, князя Волконского, генерал-фельдцейхмейстера и нескольких других, на котором было решено отправиться с четырьмя гвардейскими полками, кирасирским полком и четырьмя полками пехоты в Петергоф, чтобы захватить Петра III. На этом совете князь Волконский сказал, что, к сожалению, вовсе не было легкой кавалерии; только что он успел произнести эти слова, как его вызвал офицер и сказал ему, что полк гусар только что вступил в предместье; во время этого совета прибыл канцлер граф Воронцов от имени низложенного императора, чтобы высказать императрице упреки за ее бегство и потребовать от нее объяснений этого. Она приказала ему войти, и, когда он очень серьезно изложил причины, по которым он послан, она ему сказала, что она уведомит его о своем ответе; он вышел, и в другой комнате все ему стали советовать пойти принести новую присягу. Он сказал, что для того, чтобы облегчить свою совесть, он просит позволения написать письмо, чтобы ответить о результате своей миссии, и что затем он принесет присягу, что ему и разрешили. После него приехали князь Трубецкой и фельдмаршал Александр Шувалов. Они были посланы удержать два первых гвардейских полка, шефами которых они были, и чтобы убить императрицу; они пали к ее ногам и рассказали ей о своей миссии и затем отправились принести присягу. Когда все это было кончено, оставили великого князя и несколько отрядов под ведением Сената для охраны города, а императрица в гвардейском мундире (она объявила себя полковником гвардии) верхом во главе полков — выступила из города. Шли всю ночь и под утро прибыли к небольшому монастырю — в двух верстах от Петергофа, куда князь Голицын, вице-канцлер, доставил императрице письмо от бывшего императора, а немного погодя генерал Измайлов — с таким же поручением. Вот что подало к этому повод, император должен был приехать обедать 28 из Ораниенбаума, где он жил в Петергофе. Как только он узнал, что императрица уехала оттуда, он встревожился и послал в город разных лиц, но так как сторожили по распоряжению императрицы все подъездные дороги, то никто не возвращался; он знал, что два полка были в тридцати верстах от города; он послал привести их для своей защиты, но эти полки отправились присоединиться к императрице. Ввиду этого старый фельдмаршал

Миних, генерал Измайлов и несколько других советовали ему, взяв человек двенадцать, или отправиться к армии, или же броситься в Кронштадт; женщины, которых было около него по крайней мере человек тридцать, отсоветовали ему это под предлогом опасности. Он послушался их и послал в Кронштадт генерала Девьера, которого адмирал Талызин, посланный императрицей, обезоружил, когда этот последний приехал, о чем император не имел никаких сведений; но, протянув свое раздумье до этого вечера, он наконец решил сесть с дамами и остатками своего двора на галеру и две яхты и отправиться в Кронштадт; по прибытии туда он потребовал, чтобы его впустили, но караульный офицер на бастионе у входа в порт отказал ему и пригрозил, что будет стрелять по галере этого принца, хотя в действительности у него не было пороха; услыша это, он приказал повернуть обратно и отправился высадиться в Ораниенбауме, где он лег спать и на следующий день написал эти два вышеупомянутые письма: в первом из них он просил, чтобы ему позволили вернуться в Голштинию со своей любовницей и фаворитами, а во втором — он предлагал отказаться от империи, прося лишь о [сохранении ему] жизни. Между тем у него было при себе полторы тысячи вооруженных людей голштинского войска, более сотни пушек и несколько русских отрядов. Императрица отослала генерала Измайлова¹...

(Этот, придя к императрице, бросился к ее ногам и сказал ей: «Считаете ли вы меня честным человеком?» Она сказала: «Да». — «Ну, — возразил он, — считайте, что я ваш; я хочу, если вы мне доверяетесь, избавить мое отечество от большого кровопролития; есть удовольствие быть с умными людьми, я даю вам слово, если вы меня пошлете, что я один доставлю сюда Петра III». Это он и выполнил.)...

...с письмом, чтобы иметь это отречение. Петр III свободно написал этот акт и затем приехал с генералом Измайловым, своей любовницей и фаворитом Гудовичем в Петергоф, где, чтобы предохранить его от возможности быть растерзанным солдатами, дали ему надежную охрану с четырьмя офицерами под начальством Алексея Орлова. Пока готовили его отъезд в Ропшу, загородный дворец, очень приятный и отнюдь не укрепленный, солдаты стали роптать и говорить, что уже целых три часа, как они не видали императрицу; что, по-видимому, князь Трубецкой мирит эту государыню с ее супругом; что ее надо предосте-

речь, чтобы она не доверялась; что несомненно ее обманули бы, погубили, а также их [вместе с ней]. Как только Екатерине стали известны эти толки, она отправилась к князю Трубецкому и сказала, чтобы он сел в карету и отправился в город, между тем как она пешком будет обходить войска. Как только они ее увидели, крики радости и веселья возобновились. Петра III отправили на место назначения. С наступлением ночи императрице посоветовали возвратиться в город, потому что двое суток она не спала и почти что не ела, но войска просили ее не покидать их, на что она с удовольствием согласилась, видя их крайне восторженное отношение к ее особе. На полпути три часа отдыхали, и в десять часов утра тридцатого июня старого стиля 1762 императрица верхом, во главе войск и артиллерии, совершила свой въезд в Петербург при неописуемо радостных восклицаниях бесчисленного народа. Никогда нельзя представить себе более прекрасного зрелища. Ее двор ей предшествовал, а войска украсили дубовыми ветками фуражки и шляпы — они затоптали ногами все новые одеяния, какие дал им Петр III. Таким образом с триумфом прибыла она в Летний дворец, где собралось и ожидало ее все, что было знатного или видного. Великий князь вышел к ней навстречу на середину двора. Императрица, как только его увидела, сошла с лошади и поцеловала его. Восклицания не прекращались; отправились в церковь, где был отслужен молебен при громе пушек; весь день крики радости продолжали раздаваться среди народа и не было никаких беспорядков. Императрица легла спать и только что заснула, как поручик Пассек пришел разбудить ее, прося ее встать; потому что усталость, бессонница и вино разгорячили мозги более обыкновенного, а любовь к ее особе возбудила в Измайловском полку опасение за ее безопасность, и простоудушно они выступили в поход, чтобы прийти защитить ее; когда пришли им сказать, что бояться было нечего и что она спит, они ответили, что в этом отношении они могут и должны верить лишь собственным глазам. Императрица поднялась в два часа ночи и вышла к ним. Как только они ее увидели, раздались крики радости; но серьезным тоном она им сказала, чтобы они пошли и легли и дали бы ей уснуть, и чтобы они верили своим офицерам, коим она им настойчиво советовала повиноваться; они обещали ей это, извиняясь и делая друг другу упреки в том, что дали себя убедить, чтобы таким образом разбудить ее. Они очень спокой-

но отправились домой, часто оборачивая назад голову, чтобы как можно дольше видеть ее, — NB: в Петербурге летом почти не бывает ночей. В следующие два дня крики радости продолжались непрерывно, но не было ни крайностей, ни беспорядков — дело очень необычное при столь сильных волнениях. Несколько недель спустя вновь появилась тревога за особу императрицы в этих войсках, и несколько вечеров они собирались, чтобы помочь ей или увидеть ее. Тогда она подписала приказ о том, чтобы они не собирались более, уверяя их, что она сама стоит на страже своей безопасности и что у нее совсем нет врагов. По поводу этого приказа они рассуждали: должно быть, это правда, ибо не враг же она самой себе, чтобы считать себя в безопасности, если бы это было не так. С этого времени все остается в величайшем спокойствии.

АНЕКДОТЫ ОБ ЭТОМ СОБЫТИИ

Когда поручик Пассек был арестован, солдаты, которые караулили его, открыли ему двери и окна, чтобы он бежал, «потому что, — говорили они, — ты страдаешь за доброе дело», и хотя он должен был ожидать допроса и не мог предвидеть, что произойдет, несмотря на то, что все, посвященные в тайну, условились, что, будь то, что с ним случилось, тотчас же следовало приступить к делу; однако же он имел решимость остаться в своем заточении, чтобы ничего не испортить, потому что весь полк был бы поднят на ноги и могли бы запереть город, чтобы его искать.

Когда адмирал Талызин был послан в Кронштадт, мы все считали его погибшим человеком, потому что не представлялось понятным, чтобы император не подумал об этом порте и крепости: надо было сделать водою только одну милю от Ораниенбаума, тогда как от города было четыре и он был послан лишь в полдень. Когда он приехал, действительно он нашел генерала Девьера с двумя тысячами человек, выстроенных на пристани; этот последний спросил его, зачем он приехал; он ответил: «Я приехал поторопить отплытие флота». — «А что говорят и делают в городе?» — «Ничего», — сказал он. «Куда вы направляетесь теперь?» — «Я собираюсь отдохнуть, я умираю от жары». Тот его пропустил; он вошел в один дом, вышел из него через заднюю дверь и пришел к коменданту Нумерсу, которому сказал: «Послушай, в городе совсем другие вести, чем здесь; все принесли присягу императрице. Я

советую тебе сделать то же самое. У меня здесь четыре тысячи матросов, у тебя лишь две тысячи человек. Вот мой приказ: решайся». Этот ответил, что сделает то, что ему будет угодно. «Ну,— сказал он,— ступай, обезоружь генерала Девьера». Он пошел на это, отозвал его в сторону, взял у него шпагу — и все принесли присягу.

Когда императрица отправилась из Петергофа, она потеряла более получаса времени, проходя садами, и вследствие этого не нашла кареты и была узнана на улице некоторыми прохожими. С нею была только горничная, которая ни за что не хотела ее оставить, и ее первый камердинер, искавший карету.

В то время как она шла с войсками в Петергоф, народ вообразил, что Петр III может приехать водою; несколько тысяч человек собралось на Васильевском острове на берегу моря при входе в Неву, вооруженных камнями и палками, в полной решимости потопить всякое судно, которое прибыло бы с моря.

ПРОДОЛЖЕНИЕ АНЕКДОТОВ

Когда императрица с триумфом вернулась в город и удалилась в свою комнату, капитан Орлов пал к ее ногам и сказал ей: «Я вас вижу самодержавной императрицей, а мое отечество — освобожденным от оков; оно будет счастливо под вашим правлением. Я исполнил свой долг, я послужил вам, отечеству и самому себе; прошу вас об одной только милости: позвольте мне удалиться в свои имения; я родился честным человеком, двор мог бы меня испортить, я молод,— милость могла бы вызвать ненависть ко мне; у меня есть состояние; я буду счастлив на покое, покрытый славой, так как я дал вас моему отечеству». Императрица ему ответила, что заставить ее прослыть неблагодарной по отношению к человеку, которому она считала себя наиболее обязанной, значило бы испортить ее дело; что простой народ не может поверить такому большому великодушию, но подумает, что она дала ему какой-нибудь повод к неудовольствию или даже что она недостаточно его вознаградила. Пришлось как бы прибегнуть к власти, чтобы заставить его остаться, и он был огорчен до слез красной александровской лентой и камергерским ключом, которыми она его пожаловала, что дает чин генерал-майора.

Ярость солдат против Петра III была чрезвычайна. Вот ее образчик. После присяги, пока держали совет, войскам, выстроенным вокруг Зимнего деревянного дворца, было позволено снова надеть их прежние мундиры; один из офицеров вздумал сорвать свой золотой знак и бросил его своему полку, думая, что они обратят его в деньги: они его с жадностью подхватили и, поймав собаку, повесили его ей на шею; эту собаку, наряженную таким образом, прогнали с великим гиканьем; они топтали ногами все, что для них исходило от этого государя.

Чтобы отправиться в Ропшу с Петром III, императрица назначила капитана Алексея Орлова, князя Барятинского и троих других офицеров. Они выбрали из разных гвардейских полков 100 человек. Данные им приказания гласили сделать жизнь этому государю настолько приятной, насколько они могли, и доставить ему для его развлечения все, что он захочет. Были намерения отослать его из этого места в Шлиссельбург и, смотря по обстоятельствам, приказать через некоторое время отправить его в Голштинию с его фаворитами, настолько его личность была мало опасной.

Когда этот государь узнал, что императрица отправилась из Петергофа, он приехал туда, искал ее всюду, даже под кроватью, спрашивал всех своих, кто там остался, но никак ни на что не мог решиться. Все окружавшие его давали ему разные советы, из которых он выбрал самые слабые, прогуливался вдоль и поперек по саду и наконец захотел обедать.

Когда гренадерская рота первого гвардейского полка подошла близ Казанской церкви навстречу к императрице, они хотели занять свой пост у экипажа императрицы, но гренадеры Измайловского полка возразили им с горькими упреками, что они явились последними и что никоим образом им не уступят; это был очень опасный момент, потому что, если бы первые стали упорствовать, пошли бы в ход штыки; но ничуть не бывало, они сказали, что это была вина их офицеров, которые их задержали, и самым кротким образом пошли маршировать перед лошадьми экипажа императрицы.

Когда императрица сошла с лошади у Летнего дворца по возвращении из Петергофа, давка была так велика, что ее вели под руки, что представляло прекрасное зрелище; это имело вид, как будто бы она была вынуждена сделать все то, что только что произошло; что было в действительности справедливо, потому что, если бы она отказалась, она подвергнулась бы опасности разделить участь Петра III; таким образом, не было выбора.

Воронежский полк утром 28 июня был в Красном Селе в 27 верстах от Петербурга. Немецкий офицер, посланный от Петра III, приехал немного ранее посланного от императрицы, чтобы двинуть этот полк в Петергоф, и они готовились выступить в путь, не зная, в чем дело, когда приехал полковник Олсуфьев с одним гвардейским офицером, чтобы привести их к присяге Екатерине; полковой командир колебался; один гренадер проронил несколько слов, которые не понравились немецкому офицеру, он вынул шпагу и хотел нанести удар ею этому солдату; и все солдаты стали кричать, что нужно идти в Петербург, чтобы присоединиться к Екатерине. Они двинулись в путь; когда эта государыня выступала из города, она их встретила. Так как они устали, она хотела оставить их в городе, но они прошли с ней еще 23 версты, и там им было приказано сделать привал на одной даче, называемой «мыза Стрельна», потому что несколько не доверяли полковому командиру, и в ту же ночь, когда все вернулись в город, этот полк тоже возвратился туда; таким образом он сделал в 24 часа 73 версты, что составляет десять с половиной немецких миль.

По выступлении из города вечером 28 числа первый привал был сделан в 10 верстах от города на постоялом дворе, называемом Красный Кабачок: здесь все имело вид настоящего военного предприятия; солдаты разлеглись на большой дороге, офицеры и множество горожан, следовавших из любопытства, и все, что могло поместиться в этом доме,— вошло туда. Никогда еще день не был более богат приключениями; у каждого было свое, и все хотели рассказывать; были необыкновенно веселы, и ни у кого не было ни малейшего сомнения. Можно было подумать, что все уже порешено, хотя в действительности никто не мог

предвидеть конца, какой примет эта великая катастрофа. Не знали даже, где находится Петр III. Следовало предполагать, что он бросился в Кронштадт, но никто не думал об этом. Екатерина, однако, была совсем не так спокойна, как это казалось; она смеялась и шутила с другими, переговаривалась с теми и другими через всю комнату, и когда подмечали у нее минуты рассеянности — она сваливала вину на утомление от этого дня; захотели уложить ее спать — она бросилась на минуту в кровать, но, не будучи в состоянии закрыть глаза, лежала неподвижно, чтобы не разбудить княгиню Дашкову, спавшую возле нее, но, повернув нечаянно голову, она увидела, что ее большие голубые глаза открыты и обращены на нее, что заставило их громко расхохотаться тому, что они считали одна другую заснувшею и взаимно одна другой оберегали сон. Они отправились присоединиться к [остальной] компании и немного погодя пустились снова в путь.

Вот какое участие принимала княгиня Дашкова в этом событии. Она была младшей сестрой любовницы Петра III и 19 лет от роду, более красивая, чем ее сестра, которая была очень дурна. Если в их наружности вовсе не было сходства, то их умы разнились еще более: младшая с большим умом соединяла и большой смысл; много прилежания и чтения, много предупредительности по отношению к Екатерине привязали ее к ней сердцем, душою и умом. Так как она совсем не скрывала этой привязанности и думала, что судьба ее родины связана с личностью этой государыни, то вследствие этого она говорила всюду о своих чувствах, что бесконечно вредило ей у ее сестры и даже у Петра III. Вследствие подобного поведения, которого она совсем не скрывала, многие офицеры, не имея возможности говорить с Екатериной, обращались к княгине Дашковой, чтобы уверить императрицу в их преданности; но все это произошло долгое время спустя после предложений Орловых, и даже речи и происки этих последних побудили первых, не знавших прямой дороги, какая была у Орловых, обращаться к императрице через княгиню Дашкову, считая ее более близкой к ней. Екатерина никогда не называла княгине Орловых, чтобы отнюдь не рисковать их именами; большое рвение княгини и ее молодость заставляли опасаться, чтобы в толпе ее знакомых не нашелся кто-нибудь, кто неожиданно не выдал бы дела. В конце концов

императрица посоветовала Орловым познакомиться с княгиней, чтобы лучше быть в состоянии сойтись с вышеупомянутыми офицерами и посмотреть, какую пользу они могли бы извлечь из них, потому что, как бы ни были хорошо настроены эти офицеры, они, по [признанию самой] княгини Дашковой, были менее решившимися, чем Орловы, которые присоединяли к намерениям и средства для их выполнения. К тому же вся отвага княгини Дашковой, ибо действительно она много ее проявила, ничего бы не порешила; у нее было больше льстецов, чем кредита, и характер ее семьи вызывал всегда известное недоверие. Наконец, княгиня или, скорее, через нее поручик Пассек, с одной стороны, и Орловы — с другой, потребовали, чтобы Екатерина дала им записочку, чтобы они могли убедить своих друзей в ее согласии. Она послала через княгиню записку, составленную приблизительно в следующих выражениях: «Да будет воля Господня и поручика Пассека; я согласна на все, что может быть полезно отечеству», а Орловым она написала: «Считайте то, что вам скажет тот, кто показывает вам эту записку, как бы я говорю вам это. Я согласна на все то, что может спасти отечество, вместе с которым вы спасете меня и также себя», и ту и другую записку она подписала своим именем. Легко понять, что эти записки были разорваны, как только их использовали.

По смерти императрицы Елисаветы, дочь Курляндского герцога Бирона, которая была замужем за бароном Черкасовым и которую Петр III любил когда-то, несмотря на то, что она была горбата, достигла того, что этот император приказал вернуть ее отца из Ярославля, куда покойная императрица его сослала. Этому много помогла естественная антипатия, которую император почувствовал к принцу Карлу Саксонскому во время пребывания его в Петербурге. Он до такой степени был ревнив к нему, что достаточно было назвать его имя, чтобы вызвать в нем гнев. Он обещал дочери возратить отцу его герцогство и просто-душно верил в это до тех пор, пока не приехал принц Георг Голштинский, который со своими сторонниками заставил императора переменить свое намерение и склонил его принудить Бирона и его сыновей отказаться от Курляндии в пользу принца Голштинского. Бироны в своей горести обратились к императрице, которая не могла сделать ничего

другого, как уверить их, что правота их дела ей известна и что вовсе не от нее зависит помочь им. В день восшествия Екатерины на престол Бироны должны были подписать этот акт отречения; когда положение вещей изменилось, Бирон был освобожден, и императрица не имела никакого основания вновь посадить его в тюрьму; его дочь была всегда ей предана, и тысячу раз признали справедливыми его права; Россия не должна была кормить эту семью на свой счет. Потому было принято решение возвратить ему Курляндию; создать «герцога» в первые дни своего царствования тоже не было неприятно Екатерине. (...)

АНЕКДОТ

Камергер Пассек часто говорил о Петре III, что у этого государя нет более жестокого врага, чем он сам, потому что он не пренебрегает ничем из всего, что могло ему повредить.

Шталмейстер Нарышкин, фаворит этого государя, говорил при его жизни: «Это — царство безумия, все наше время уходит на еду, питье и на то, чтобы творить сумасбродства».

Часто случалось, что этот государь, во время своего царствования, ходил смотреть на караул и там бил солдат или зрителей или же творил сумасбродства со своим негром или со своими любимцами, и это — зачастую в присутствии бесчисленной толпы народа.

Из записок Е. Р. Дашковой

25 декабря, в день рождества Христова, мы имели несчастье потерять императрицу Елизавету. Я могу засвидетельствовать как очевидец, что гвардейские полки (из них Семеновский и Измайловский прошли мимо наших окон), идя во дворец присягать новому императору, были печальны, подавлены и не имели радостного вида (как то утверждают некоторые авторы мемуаров о России, записывавшие только то, что соответствовало их образу мыслей, хотя девять десятых жителей Петербурга могли бы засвидетельствовать совершенно противоположное). Солдаты говорили все вместе, но каким-то глухим голосом, порождавшим сдержанный и зловещий ропот, внушавший такое беспокойство и отчаяние, что я была бы рада убежать за

сто верст от своего дома, чтобы его не слышать. Мой муж был в другом конце города, в Преображенском полку. Я еще не знала о смерти Елизаветы, но шествие двух вышеупомянутых полков возвестило мне о ее кончине. День рождения Христова, считающийся у нас одним из самых больших праздников, торжественно чтимых народом, казался мрачным, траурным днем; все лица были печальны. <...>¹

Все эти события сильно взволновали общество. С каждым днем росли симпатии к императрице и презрение к ее супругу. Он как бы намеренно облегчал нам нашу задачу свергнуть его с престола, и это должно бы быть уроком для великих мира сего, что их низвергает не только их деспотизм, но и презрение к ним и к их правительствам, неизбежно порождающее беспорядки в администрации и недоверие к судебной власти и возбуждающее всеобщее и единодушное стремление к переменам.

Каждый благоразумный человек, знающий, что власть, отданная в руки толпы, слишком порывиста или слишком неповоротлива, беспорядочна вследствие разнообразия мнений и чувств, желает ограниченного монархического правления с уважаемым монархом, который был бы настоящим отцом для своих подданных и внушал бы страх злым людям; человек, знакомый с изменчивостью и легкомыслием толпы, не может желать иного правления, кроме ограниченной монархии с определенными ясными законами и государем, уважающим самого себя и любящим и уважающим своих подданных. <...>

Тем временем я, не теряя времени, старалась утвердить в надлежащих принципах друзей моего мужа, капитанов Преображенского полка Пассека и Бредихина (Бредихин приходился нам родственником по жене, урожденной княжне Голицыной), братьев Рославлевых, майора и капитана Измайловского полка, и других. Я видалась с ними довольно редко, и то случайно, до апреля месяца, когда я нашла нужным узнать настроение войск и петербургского общества. Я часто посещала своих родных и Кейта; словом, я взяла за правило показываться всюду, где меня призывали видеть, и, только когда оставалась одна, можно было заметить, что я поглощена планами, которые были как будто и выше моих сил.

В числе иностранцев, прибывших в Россию, был один пьемонтец, по имени Одар, которому покровительствовал канцлер, доставивший ему место советника коммерц-кол-

легии. Я познакомилась с ним; он был образованный, тонкий, хитрый и живой человек уже не первой молодости. Вскоре он нашел, что занимаемое им место ему не подходило, так как он не знал ни продуктов, ни водяных сообщений и т. д., и попросил меня похлопотать, чтобы императрица взяла его в свой штат; я поговорила о нем с государыней, совсем не знавшей его, предполагая, что она может сделать его своим секретарем, но она ответила мне, что переписывается только с родными, так что ей секретарь не нужен, и что, во всяком случае, она навлекла бы на себя неудовольствие и подозрение, если бы взяла на эту должность иностранца. Мне, однако, удалось уговорить императрицу взять его к себе на службу и поручить ему улучшить земли, которые Петр III только что дал ей в удел, и устроить на них фабрики*. Он никогда не был мне ни другом, ни советчиком, как то уверяли некоторые авторы, подкупленные французами, которые, негодуя на то, что у Екатерины Великой были Суворов и русские как подданные и как солдаты, чтобы водворить порядок во Франции и во всей Европе, распускали о ней клевету за клеветой. Они не оставили в покое и меня, думая, что Екатерина Великая будет недостаточно очернена, если в придачу они не загрязнят и Екатерину маленькую (я ношу тоже имя Екатерины).

Фельдмаршал Разумовский, человек беспечный, с которым государь обходился очень дружелюбно, несмотря на это, не мог не видеть его полной неспособности управлять империей и опасностей, которым она подвергалась. Граф Разумовский любил свою родину, насколько ему это позволяли его апатия и лень. Он командовал Измайловским полком, где пользовался всеобщей любовью; представлялось чрезвычайно важным иметь его на нашей стороне, но всем нам казалось почти невозможным склонить

* Из некоторых писем ее величества видно, что я одна рекомендовала его императрице, и, когда граф Строганов был сослан в свои поместья, я посоветовала Одару поехать с ним. Он не был близким мне человеком и не имел на меня никакого влияния; я его даже мало видела, а в последние три недели перед переворотом, когда все налаживалось для этого счастливого события, я его не видела ни разу. Я просто хотела дать ему кусок хлеба и приятное положение, но советов его не спрашивала, и он, конечно, имел бы еще меньше успеха у меня, если бы посмел уговаривать меня отдаться моему дяде, графу Панину, как то утверждали авторы бессмысленных и лживых пасквилей, написанных по образцу желчных памфлетов, направленных против Великой Екатерины.

его на это. Он был чрезвычайно богат, имел все чины и ордена, ненавидел какую бы то ни было деятельность и содрогнулся бы от ужаса, если бы его посвятили в заговор, в котором он должен был бы играть одну из главных ролей.

Однако я не отступила перед этими трудностями. Два брата Рославлевы, один майор, другой капитан Измайловского полка, и Ласунский, капитан того же полка, имели большое влияние на графа; они каждый день бывали у него на самой дружественной ноге, но не надеялись заставить его действовать в нашем смысле. Я посоветовала им каждый день, сперва неопределенно, затем и более подробно, говорить ему о слухах, носившихся по Петербургу насчет готовящегося большого заговора и переворота; я рассчитывала, что он, конечно, не станет доносить об таких разговорах; когда же наш план созреет окончательно, они откроются ему и дадут ему почувствовать, что и он завлечен в заговор и не может отступить, так как они сообщили остальным его участникам о разговорах с ним, не вызывавших в нем протеста или неодобрения; они объяснят ему, что он находится в такой же опасности, как и они, и рискует менее, если станет во главе своего полка и будет действовать заодно с нами. Они сделали, как я их научила, и наш план удался на славу.

— Я продолжала посещать английского министра Кейта. Однажды он мне сообщил, что в городе распространились слухи, что в гвардии готовится бунт и что главной причиной его была нелепая война с Данией. Я спросила, не называют ли имен главарей.

— Нет,— ответил он,— и я думаю, что их вовсе нет; офицеры и генералы не могут иметь ничего против войны, которая даст им возможность отличиться. Вероятно, все кончится тем, что сошлют в Сибирь нескольких лиц да солдаты накажут розгами.

Меня обеспокоило широкое распространение этих слухов, но делать было нечего, и приходилось торопиться, насколько возможно, с развязкой.

Тем временем я вела образ жизни, который должен был дурно отозваться на моем здоровье; я так же часто, как и раньше, посещала родных. В почтовые дни я писала длинные письма моему мужу и плакала о разлуке с ним. Остальные дни недели, за исключением немногих часов сна, я была поглощена выработкой своего плана и чтением всех

книг, трактовавших о революциях в различных частях света. Так как я не отличалась крепким здоровьем, румянец сбежал с моих щек, и я худела с каждым днем; вскоре я схватила простуду, которая чуть не прикончила меня. <...>

Меня посещали мои родные, и между ними и дядя, граф Панин, как только позволяли его обязанности воспитателя². Так как для нас было очень важно, чтобы человек его характера принадлежал нашей партии, я несколько раз решалась заговорить с ним о вероятности низложения с престола Петра III и спросила его, какие последствия повлекло бы за собой подобное событие и кто и как управлял бы нами. Мой дядя воображал, что будет царствовать его воспитанник, следуя законам и формам шведской монархии. Я забыла упомянуть об одном обстоятельстве, привлекавшем мне доверие графа Панина, вследствие того что его племянник, князь Репнин, которого он очень любил и уважал, блестящим образом доказал мне свое доверие и почтение.

Я часто встречалась с князем Репниным у княгини Куракиной, у которой жила его жена, княгиня Репнина (она была сестра князя Куракина и приходилась двоюродной сестрой моему мужу). Он меня понял совершенно и увидел, что мною руководили строгие принципы и восторженный патриотизм, а не личные интересы и мечты о возвышении моей семьи. Петру III показалось, что торжественного обеда, о котором я упоминала, недостаточно было для отпразднования заключения мира с прусским королем, и в Летнем дворце состоялся еще ужин в присутствии нескольких городских дам, любимых генералов и офицеров и прусского министра; тут Петр III по-своему изобразил свою радость, и его в четыре часа совершенно пьяного вынесли на руках, посадили в карету и отвезли домой во дворец. Однако перед отъездом из Летнего дворца он наградил мою сестру Елизавету орденом св. Екатерины* и объявил князю Репнину, что назначает его министром-резидентом в Берлин, с тем чтобы он исполнял все приказания и желания прусского короля. Князь Репнин приехал

* По статуту ордена им могли быть награждены только особы императорской фамилии и иностранные принцессы; частные же лица могли его получать только в том случае, если они спасли от опасности особу государя или оказали чрезвычайную услугу отечеству. Вследствие этого в предыдущие царствования не было ни одного случая награждения орденом св. Екатерины.

ко мне прямо из Летнего дворца в пятом часу утра. Я еще спала, но он настоял на том, чтобы мне доложили о его приезде. Лакей постучался в дверь уборной, смежной с моей спальней, и я проснулась. Я подняла старушку, которая всегда спала около моей постели, и она, узнав, в чем дело, объявила мне, что меня желает видеть мой двоюродный брат, князь Репнин. Я быстро накинула платье, вышла к нему и была поражена как его ранним посещением, так и новостями, которые он мне привез. Он был очень взволнован и прямо приступил к делу.

— Все потеряно; ваша сестра получила орден св. Екатерины, а меня посылают министром и адъютантом короля прусского.

Как ни была я поражена этими известиями, я не пожелала продлить посещение князя и сказала ему, что с характером Петра III трудно предвидеть последствия его слов и поступков, но и не следует их бояться; я посоветовала ему вернуться домой и на следующий день рассказать о всем случившемся своему дяде, графу Панину.

После ухода князя Репнина я более не ложилась спать и принялась раздумывать над различными проектами касательно завершения переворота, предложенными нашими заговорщиками. Но все это были только предположения, и определенного плана еще не было, хотя мы и согласились единодушно совершить революцию, когда его величество и войска будут собираться в поход в Данию. Я решила открыться графу Панину при первом моем свидании с ним.

Он стоял за соблюдение законности и за содействие Сената.

— Конечно, это было бы прекрасно, — ответила я, — но время не терпит. Я согласна с вами, что императрица не имеет прав на престол и по закону следовало бы провозгласить императором ее сына, а государыню объявить регентшей до его совершеннолетия; но вы должны принять во внимание, что из ста человек девяносто девять понимают низложение государя только в смысле полного переворота.

При этом я назвала ему главных заговорщиков: братьев Рославлевых, Ласунского, Пассека, Бредихина, Баскакова, князя Бяратинского, Хитрово и других — и Орловых, которых они привлекли на свою сторону. Он был поражен и испугался, узнав, как я далеко зашла и что я ничего

не сообщала императрице о своих планах, боясь ее скомпрометировать.

Словом, я убедилась, что моему дяде при всем его мужестве не хватает решимости, и, чтобы не вступать в ненужные споры, я стала объяснять ему, как важно было бы иметь на нашей стороне Теплова*, и, так как я сама его видела очень редко, он, граф Панин, является единственным человеком, который мог его привлечь и вместе с ним и графа Разумовского, на которого он имел несомненное влияние. Я взяла с моего дяди обещание, что он никому из заговорщиков не обмолвится ни словом о провозглашении императором великого князя, потому что подобное предложение, исходя от него, воспитателя великого князя, могло вызвать некоторое недоверие. Я обещала ему в свою очередь самой переговорить с ними об этом; меня не могли заподозрить в корысти, вследствие того что все знали мою искреннюю и непоколебимую привязанность к императрице. Я действительно предложила заговорщикам провозгласить великого князя императором, но провидению не угодно было, чтобы удался наш самый благоразумный план**.

Новгородский архиепископ был человек очень образованный и пользовался всеобщим уважением и любовью духовенства. Его просвещенный ум ясно понимал, что в царствование такого царя, каким был Петр III, значение церкви неминуемо будет умалено. Он не скрывал своей скорби по этому поводу и был готов содействовать нам в той мере, в какой ему позволяло его пастырское достоинство. Для нас это было очень важно, так как, в числе прочих качеств, он обладал трогательным и мужественным красноречием, увлекавшим его слушателей.

На этом дело и стало. В течение десяти дней число заговорщиков увеличивалось, но окончательный и разумный план все еще не созрел. К своему удовольствию, я узнала от дяди моего мужа, князя Волконского, только что

* Он недавно был выпущен из Петропавловской крепости, куда его посадил Петр III. Он писал очень свободно и красноречиво, и я думала назначить его секретарем императрицы на первое время, когда наступит необходимость быстро издавать манифесты, указы и т. п.

** Вследствие невольного предательства одного солдата: думая, что капитан Измайлов принадлежит к числу заговорщиков, он передал ему слышанное им от капитана Пассека. Пассека арестовали, и, так как заговор оказался открытым, я ускорила события и вызвала императрицу в город.

вернувшегося с войны, что армия, несколько лет сражавшаяся против прусского короля и в пользу Марии-Терезии, находила чрезвычайно странным, что должна обращать теперь оружие против нее; неудовольствие в армии было всеобщее, и я поняла, что сам князь склоняется скорее на нашу сторону. Я сообщила это графу Панину, и нам было уже легко убедить его принять деятельное участие в перевороте или, по меньшей мере, появиться при развязке. <...>

Наружно все было спокойно, только некоторые гвардейские солдаты с нетерпением ожидали действий.

Опасаясь, что их внезапно отправят в Данию, они тревожились насчет императрицы; офицеры нашей партии наблюдали за ними и с трудом их сдерживали. Я велела им передать, что получаю каждый день известия от императрицы и уведомлю их, когда надо будет действовать.

Дела оставались в таком положении вплоть до 27 июня, являющегося днем, навсегда памятным для России и исполненным трепета и радости для заговорщиков, так как их мечты наконец осуществились; за несколько часов до переворота никто из нас не знал, когда и чем кончатся наши планы; в этот день был разрушен гордиев узел, завязанный невежеством, несогласием мнений насчет самых элементарных условий готовящегося великого события, и невидимая рука провидения привела в исполнение нестройный план, составленный людьми, не подходящими друг к другу, недостойными друг друга, не понимающими друг друга и связанными только одной мечтой, служившей отголоском желания всего общества. Они именно только мечтали о перевороте, боясь углубляться и разбирать собственные мысли, и не составили ясного и определенного проекта. Если бы все главари переворота имели мужество сознаться, какое громадное значение для его успеха имели случайные события, им пришлось бы сойти с очень высокого пьедестала. О себе я должна сказать, что, угадав — быть может, раньше всех — возможность низвергнуть с престола монарха, совершенно неспособного править, я много над этим думала, насколько восемнадцатилетняя головка вообще способна размышлять, но, сознаюсь, ни мое изучение подобных примеров в истории, ни мое воображение, ни размышления никогда бы не дали тех результатов, к которым привел арест Пассека.

27 июня после полудня Григорий Орлов пришел сообщить мне об аресте капитана Пассека. Еще накануне Пассек был у меня с Бредихиным и, рассказав, с каким нетерпением гренадеры ждут низвержения с престола Петра III, выразил мнение, что стоило только повести их в Ораниенбаум и разбить голштинцев, чтобы успех был обеспечен и переворот был бы завершен. Он добавил, что слухи об опасностях, которым подвергалась императрица, волновали их до такой степени, что скоро их невозможно будет сдержать, и это брожение среди них, разоблачая наш план, подвергало нас страшной опасности. Я поняла, что эти господа слегка трусят, и, желая доказать, что не боюсь разделить с ними опасность, попросила их передать солдатам от моего имени, что я только что получила известие от императрицы, которая спокойно живет себе в Петергофе, и что советую и им держать себя смирно, так как минута действовать не будет упущена.

Пассек и Бредихин в тот же день и говорили в этом смысле с солдатами, что чуть не погубило все дело и побудило майора Преображенского полка, Воейкова, арестовать капитана Пассека.

Когда Орлов прибежал сообщить мне эту тревожную весть (не зная ни причины, ни подробностей ареста), у меня находился мой дядя Панин. Вследствие ли того, что по своему холодному и неподвижному характеру он не видел в этом столько трагического, как я, потому ли, что он хотел скрыть от меня размеры опасности, но он невозмутимо стал уверять меня в том, что Пассек, вероятно, арестован за какое-нибудь упущение по службе. Я сразу увидела, что каждая минута была дорога и что придется много потратить времени, пока удастся убедить Панина в том, что настал момент решительных действий. Я согласилась с ним, что Орлову следует прежде всего отправиться в полк, чтобы узнать, какого рода аресту подвергнут Пассек, чтоб сразу можно было определить, задержан ли он как провинившийся офицер или как преступник. Орлов должен был сообщить мне, что окажется, а — если дело серьезно — кто-нибудь из его братьев должен был известить Панина.

Тотчас же после ухода Орлова я объявила, что сильно нуждаюсь в отдыхе, и попросила дядю извинить, если попрошу его меня оставить. Он немедленно ушел, и я, не теряя ни минуты, накинула на себя мужскую шинель

и направилась пешком к улице, где жили Рославлевы*.

Не прошла я и половины дороги, как увидела, что какой-то всадник галопом несется по улице. Меня осенило вдохновение, подсказавшее мне, что это один из Орловых. Из них я видела и знала одного только Григория. Не имея другого способа остановить его, я крикнула «Орлов!» (будучи, бог весть почему, твердо убеждена, что это один из них). Он остановился и спросил: «Кто меня зовет?» Я подошла к нему и, назвав себя, спросила его, куда он едет и не имеет ли он что сказать мне.

— Я ехал к вам, княгиня, чтобы сообщить вам, что Пассек арестован как государственный преступник; у его дверей стоят четыре солдата и у каждого окна по одному. Мой брат поехал возвестить это графу Панину, а я уже был у Рославлева.

— Рославлев очень встревожен? — спросила я.

— Немного, — ответил он. — Но что же вы стоите на улице, княгиня? Позвольте проводить вас до дому.

— Да никого здесь нет, — возразила я. — Кроме того, не надо, чтобы мои люди видели вас у меня. Впрочем, наш разговор будет непродолжителен. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобы, не теряя ни минуты, они отправлялись в свой Измайловский полк и что они должны встретить там императрицу (это первый полк на ее пути), а вы или один из ваших братьев должны стрелой мчаться в Петергоф и сказать ее величеству от меня, чтобы она воспользовалась ожидающей ее наемной ка-

* Я должна оговориться, что накануне солдаты, получив откуда-то ложные известия, будто императрицу хотят увезти из Петербурга куда-то очень далеко, собрались было идти выручать ее; их офицерам стоило большого труда их удержать, и им это, пожалуй, не удалось бы, если бы я не разрешила им сказать солдатам, что в тот же день имела сведения о ней и сообщу им, когда придется действовать. Однако, не рассчитывая на то, что офицерам удастся удержать солдат, я написала госпоже Шкуриной, жене камердинера императрицы, чтобы она немедленно же послала своему мужу в Петергоф наемную карету, запряженную четверней, и сообщила бы ему, что я прошу его задержать карету, не выпрягая лошадей, чтобы в случае надобности императрица могла ею воспользоваться для приезда в Петербург, так как ей, конечно, нельзя было бы взять придворную карету. Панин, думая, что событие совершится в отдаленном будущем, признал эту меру совершенно ненужной; однако, не будь этой кареты, бог весть, осуществились ли бы наши планы, так как заведующий дворцом в Петергофе, Измайлов, не отличался преданностью императрице и воспрепятствовал бы ее бегству, в случае если бы она спросила у него карету.

ретой и безотлагательно приехала в Измайловский полк, где она немедленно будет провозглашена императрицей; скажите ей также, что необходимо спешить и что я даже не пишу ей, чтобы вас не задерживать; сообщите ей, что я остановила вас на улице и умоляла вас ускорить приезд императрицы; тогда она поймет необходимость своего немедленного прибытия. Прощайте, я, может быть, сегодня ночью выеду навстречу ей.

Когда я вернулась домой, взволнованная и тревожная, мне было не до сна. Моя горничная объявила мне, что портной не принес еще мужского костюма, что меня очень раздосадовало; для успокоения моих людей я легла и отпустила их. Не прошло и часу времени, как я услышала стук в ворота. Я соскочила с постели и, выйдя в другую комнату, приказала впустить посетителя. То был какой-то незнакомый мне видный молодой человек, оказавшийся четвертым братом Орловым. Он пришел меня спросить, не слишком ли рано вызывать в Петербург императрицу, не испугаем ли мы ее понапрасну. Я была вне себя от гнева и тревоги, услышав эти слова, и выразилась очень резко насчет дерзости его братьев, медливших с исполнением моего приказания, данного Алексею Орлову.

— Теперь не время думать об испуге императрицы, — воскликнула я, — лучше, чтобы ее привезли сюда в обмороке и без чувств, чем, оставив ее в Петергофе, подвергать ее риску быть несчастной всю жизнь или взойти вместе с нами на эшафот. Скажите же вашему брату, чтобы он карьером скакал в Петергоф и немедленно привез императрицу, пока Петр III не прислал ее сюда, последовав разумным советам, или сам не приехал в Петербург и не разрушил навсегда того, что, кажется, само провидение устроило для спасения России и императрицы.

Он оставил меня, убежденный моими доводами и ручаясь за точное исполнение его братом моих предписаний.

После его ухода я погрузилась в самые грустные размышления; и мое воображение рисовало мне мрачные картины.

В шесть часов утра я приказала горничной приготовить мне парадное платье. Узнав, что ее величество приехала в Измайловский полк, единогласно провозгласивший ее

императрицей, затем отправилась в Казанский собор, куда собрались все гвардейские и армейские полки, чтобы принести ей присягу, я поехала в Зимний дворец, куда должна была прибыть и императрица. Перо мое бессильно описать, как я до нее добралась; все войска, находившиеся в Петербурге, присоединившись к гвардии, окружали дворец, запрудив площадь и все прилегающие улицы. Я вышла из кареты и хотела пешком пройти через площадь; но я была узнана несколькими солдатами и офицерами, и народ меня понес через площадь высоко над головами. Меня называли самыми лестными именами, обращались ко мне с умиленными, трогательными словами и провожали меня благословениями и пожеланиями счастья вплоть до приемной императрицы, где и оставили меня, *comme une manchette perdue*³. Платье мое было помято, прическа растрепалась, но своим кипучим воображением я видела в беспорядке моей одежды только лишнее доказательство моего триумфа; не имея времени привести в порядок свой туалет, я предстала в таком виде перед императрицей.

Мы бросились друг другу в объятия. «Слава богу! Слава богу!» — могли мы только проговорить. Затем императрица рассказала мне, как произошло ее бегство из Петергофа, а я в свою очередь сообщила ей все, что знала, и сказала, что, несмотря на свое сильное желание, я не могла выехать ей навстречу, так как мой мужской костюм не был еще готов.

Вскоре я заметила, что на ней была лента ордена св. Екатерины и что она еще не надела голубой андреевской ленты*. Подбежав к графу Панину, я попросила его снять свою ленту и надела ее на плечо императрицы. Так как при ней не было камеристки, она попросила меня спрятать в карман ее екатерининскую ленту. Мы должны были, наскоро пообедав, отправиться в Петергоф во главе войск. Императрица должна была надеть мундир одного из гвардейских полков; я сделала то же самое; ее величество взяла мундир у капитана Талызина, а я у поручика Пушкина, так как они были приблизительно одного с нами роста. Я поспешила домой, чтобы переодеться и иметь

* Супруга императора не носила голубой ленты и имела только ленту ордена св. Екатерины, учрежденного Петром I для своей жены. Павел I впервые пожаловал его⁴ своей супруге, а Александр I, следуя его примеру, дал его императрице Елизавете.

возможность быть полезной императрице при всяких случайностях; когда я вернулась во дворец, ее величество совещалась с сенаторами насчет манифестов, которые следовало издать; Теплов исполнял обязанности секретаря. По всей вероятности, Петру III были уже известны бегство императрицы из Петергофа и события, совершившиеся в Петербурге. Мне пришло в голову, что кто-нибудь из его приближенных мог посоветовать ему приехать в Петербург, хотя бы и переодетым. Эта мысль так овладела мной, что я решила, не дожидаясь конца заседания, войти в залу, где происходило высокое собрание, несмотря на то что не имела на это никакого права. Два унтер-офицера, дежурившие у двери, думая, что до меня не относится данное им приказание никого не впускать, открыли дверь. Я поспешно подошла к ее величеству и сказала ей на ухо, что, если она не приняла еще мер, чтобы предупредить вышеозначенное событие, ей следовало бы немедленно этим заняться. Ее величество подозвала Теплова и приказала ему написать два экземпляра указа и отдать его двум лицам, которые, получив предписание, как им поступать, должны были стать у устьев двух рек, по которым можно было бы приехать в столицу. Императрица, все предвидевшая, назвала меня присутствовавшим сенаторам, не узнавшим меня, и объяснила им, что благодаря моей горячей дружбе я подумала об одном важном обстоятельстве, ускользнувшем от ее внимания. Эти почтенные отцы отечества как один человек встали со своих стульев и поклонились мне*.

Вскоре заседание кончилось. Императрица отдала приказания, необходимые для охраны столицы, мы сели на коней и поехали во главе двенадцатитысячного войска, не считая добровольцев, с каждой минутой увеличивавшихся в числе.

Вследствие того что войска были на ногах уж более двенадцати часов, мы сделали трехчасовой привал в десяти верстах от города, в Красном Кабаке. Мы сами нужда-

* В мундире я была похожа на пятнадцатилетнего мальчика, и им, конечно, казалось странным, что такой молодой гвардейский офицер, которого они к тому же никогда не видели, мог войти в это святилище и говорить на ухо ее величеству. Замечу, кстати, что то был прежний мундир преображенцев, который они носили со времен Петра I вплоть до царствования Петра III, заменившего его мундиром прусского образца. Странно, что, как только императрица приехала в Петербург, солдаты сбросили свои новые мундиры и переоделись в старые, отыскав их бог весть как и где.

лись в отдыхе. Я почти не спала последние две недели, и хотя не могла заснуть и в данную минуту, но для меня было величайшим наслаждением просто протянуться на постели. В этом скверном домике, представлявшем из себя плохонький кабак, была только одна широкая кровать. Ее величество решила, что мы отдохнем на ней вдвоем не раздеваясь. Постель не отличалась чистотой, так что, взяв большой плащ у капитана Карра, мы разостлали его на кровати и легли.

Едва только я успела протянуться, как заметила, что в изголовье кровати была маленькая дверь. Меня это встревожило, и я попросила у государыни позволения встать; отворив дверь, я убедилась, что она выходила в маленькие темные сени, ведущие во двор. Я поставила снаружи двух часовых конногвардейского полка, приказав им не оставлять своего поста без моего приказа и никого не подпускать к двери. Затем я снова легла, но мы не могли уснуть, и ее величество начала читать мне целый ряд манифестов, которые подлежали опубликованию по нашем возвращении в город; мы сообщали друг другу и наши опасения, которые, однако, отныне уступили нашим надеждам.

Действительно, Петр III обнаружил большую нерешительность и не последовал совету фельдмаршала Миниха, который был при нем. Он поехал в Петергоф, затем вернулся в Ораниенбаум и наконец, согласившись с мнением нескольких приближенных, решил отправиться в Кронштадт, чтобы овладеть крепостью и флотом. Но он приехал в Кронштадт, когда адмирал Талызин, посланный императрицей, уже принял командование над флотом. Он не позволил Петру высадиться, так что тот принужден был вернуться в Ораниенбаум, откуда и отправил генерала Измайлова к императрице с весьма покорными заявлениями и с предложением, что он откажется от престола.

Измайлов встретил нас по дороге в Петергоф. Он держал нам иную речь, чем мой дядя канцлер, подоспевший к нам, когда мы выезжали из города: канцлер старался образумить императрицу, но, видя, что ему это не удастся, отказался присягать ей, уверяя ее, что ничего не предпримет против нее, но вместе с тем не изменит присяге, данной им Петру III. Он попросил императрицу приставить к нему офицера, чтобы тот был свидетелем всего, что происходит у него в доме, и вернулся в Воронцовский дворец с спо-

койствием, неразлучным с величием души. Я тем более преклонялась перед достойным поведением дяди, что я знала, как мало он уважал императора и насколько он, как истинный патриот, скорбел о неспособности государя управлять Россией и о печальных последствиях, сопряженных с его неумелостью и беспечностью.

Императрица отослала Измайлова к государю, прося его убедить Петра III сдаться, чтобы предупредить неисчислимыя бедствия, которые в противном случае нельзя будет предотвратить; она обязалась устроить ему приятную жизнь в каком-нибудь выбранном им самим дворце, в отдалении от Петербурга, и исполнять по мере возможности все его желанья.

Недалеко от Свято-Троицкого монастыря нас встретил вице-канцлер, князь Голицын, с письмом от императора; каждую минуту наше шествие увеличивалось, так как к нему присоединялись ежеминутно лица, добровольно покидавшие императора.

Ораниенбаум находится всего в девяти верстах от Петергофа, так что Петр III приехал туда вскоре после нашего прибытия. Его сопровождали генерал Измайлов и генерал-адъютант Гудович. Императора провели в отдаленные апартаменты, так что его почти никто не видел, подали ему обед, и затем он уехал в Ропшу, принадлежавшую ему еще в бытность его великим князем. Он избрал ее предпочтительно перед всеми другими дворцами. Ему сопутствовали Алексей Орлов, капитан Пассек, князь Федор Барятинский и поручик Преображенского полка Баскаков, которым императрица поручила охранять особу государя. Я не видела его, хотя у меня была к тому возможность, но мне говорили, что он ел с аппетитом и, как всегда, пил много своего любимого бургундского вина.

Он написал два или три письма своей августейшей супруге. Я упомяну только то из них, в котором он ясно и определенно формулировал свое отречение от престола. Затем, указав несколько лиц, которых желал бы видеть около себя, он просил императрицу назначить их состоящими при нем и не забыл переименовать, какие припасы хотел бы иметь, между прочим бургундского вина, трубок и табаку.

Однако довольно об этом несчастном государе, которого судьба поставила на пьедестал, не соответствовавший его натуре. Он не был зол, но ограниченность его ума, вос-

питание и естественные наклонности выработали из него хорошего прусского капрала, а не государя великой империи.

С предыдущего дня я все время была на ногах; но я чувствовала усталость, только когда сидела или стояла, до такой степени напряжение умственной, духовной жизни подавляло все физические ощущения. Мне постоянно приходилось бегать с одного конца дворца в другой и спускаться к гвардейцам, охранявшим все входы и выходы. Побывав у принцессы голштинской (родственницы императрицы), я возвращалась к государыне, чтобы спросить, не примет ли она ее. Каково было мое удивление, когда в одной из комнат я увидела Григория Орлова, лежавшего на канаве (он ушиб себе ногу) и вскрывавшего толстые пакеты, присланные, очевидно, из совета; я их узнала, так как видела много подобных пакетов у моего дяди в царствование императрицы Елизаветы. Я спросила его, что он делает.

— Императрица повелела мне открыть их,— ответил он.

— Сомневаюсь,— заметила я,— эти пакеты могли бы оставаться нераспечатанными еще несколько дней, пока императрица не назначила бы соответствующих чиновников; ни вы, ни я не годимся для этого.

Затем я была принуждена выйти к солдатам, которые, изнемогая от жажды и усталости, взломали один погреб и своими киверами черпали венгерское вино, которое принимали за легкий мед; мне удалось уговорить солдат вылить вино из киверов и вкатить бочки обратно в погреб и послать за водой; я была поражена этим доказательством их привязанности и доверия ко мне, тем более что их офицеры до меня безуспешно останавливали их. Я раздала им остаток сохранившихся у меня денег* и вывернула карманы, чтобы показать, что у меня нет больше денег. Всего было сто шестьдесят рублей, то есть шестнадцать золотых империалов; я обещала, что по возвращении их в город им дадут водки на счет казны и что все кабаки будут открыты. Посетив другие корде-

* Я не просила и не получала денег от императрицы; тем менее приняла бы я их от французского министра, как то уверяли некоторые писатели. Мне их предлагали и открывали огромный кредит; но я неизменно отвечала, что, с моего ведома и согласия, никакие иностранные деньги, от какой бы державы они ни исходили, не будут употреблены на поддержание переворота.

гардии, я раздала дукаты, оставшиеся у меня в особом кармане. И там мои убеждения привели к желаемому результату.

Возвратившись во дворец, я увидела, что в той же комнате, где Григорий Орлов лежал на канапе, был накрыт стол на три куверта. Я прошла, не показывая вида, что я это заметила. Вскоре ее величеству доложили, что обед подан; она пригласила и меня, и я к своему огорчению увидела, что стол был накрыт у того самого канапе. Моя грусть или неудовольствие (скорей, и то и другое, так как я искренне любила императрицу), очевидно, отразились на моем лице, потому что государыня спросила меня, что со мной.

— Я сильно устала и не спала вот уже пятнадцать дней,— ответила я.

Затем она меня попросила поддержать ее против Орлова, который, как она говорила, настаивал на увольнении его от службы.

— Подумайте, какую я выказала бы неблагодарность, если бы согласилась исполнить его желание.

Мой ответ был вовсе не таков, какого она желала бы. Я сказала, что теперь она имеет возможность вознаградить его всевозможными способами, не принуждая его оставаться на службе. С той минуты я поняла, что Орлов был ее любовником, и с грустью предвидела, что она не сумеет этого скрыть.

После обеда и отъезда Петра III мы отбыли из Петергофа и остановились на несколько часов на даче князя Куракина. Мы легли с императрицей вдвоем на единственную постель, которая нашлась в доме. Затем мы остановились в Екатерингофе, где нас встретила бесчисленная толпа народа, поджидавшего нас, чтобы стать на нашу сторону в случае сражения между нашими войсками и голштинцами, пользовавшимися всеобщей ненавистью.

Въезд наш в Петербург невозможно описать. Улицы были запружены ликующим народом, благословлявшим нас; кто не мог выйти — смотрел из окон. Звон колоколов, священники в облачении на паперти каждой церкви, полковая музыка производили неопишемое впечатление. Я была счастлива, что революция завершилась без пролития и капли крови; желание поскорей увидеть моего отца, дядю и дочь, множество чувств, обуревавших меня, неимоверное физическое напряжение, которое я испытала

ла в восемнадцать лет при моем слабом здоровье и необычайной впечатлительности,— все это повергало меня в лихорадку, которая не позволяла мне ни видеть, ни слышать, ни тем более наблюдать происходившее вокруг меня.

Приехав в Летний дворец, я не дала императрице войти в свои апартаменты и тут же в сенях попросила у нее позволения пересесть в ее дорожную карету, следовавшую за нами, и поехать навестить моих родных и дочь. Ее величество разрешила мне это и любезно попросила меня вернуться поскорей. Дворец моего дяди был неподалеку, так что я прежде всего заехала к нему.

Я нашла его совершенно здоровым и спокойным. Он говорил мне о низложении Петра III как о факте, которого он давно ожидал и который предвидел. Затем начал философствовать насчет «дружбы государей», которая вообще не отличается стойкостью и искренностью, уверяя, что он лично в том убедился, так как чистота его намерений и взглядов не спасла его от ядовитых стрел интриги и зависти в царствование императрицы, к которой он был привязан смолоду и которая многим была ему обязана.

От него я отправилась к отцу; он был очень взволнован; к нему для охраны был приставлен офицер, на случай если бы в двух гвардейских полках, расположенных по соседству с его домом, возникли какие-нибудь беспорядки; этот офицер, по фамилии Какавинский* (впоследствии его признали сумасшедшим), под предлогом, что у отца было много челяди, задержал в его доме много солдат, нуждавшихся в отдыхе, так как мы оставили в городе только количество солдат, необходимое для смены караула во дворце и охраны великого князя Павла, остававшегося в городе со своим воспитателем. Входя во двор отцовского дома, я узнала ординарца подполковника Вадковского, командовавшего всеми гвардейцами, остававшимися в городе во время нашего отсутствия. Он пришел требовать тридцать солдат, совершенно ненужных в доме моего отца, которыми необходимо было сменить часовых, остававшихся на своих постах двойное против обыкновенного количество времени. Я объявила Какавинскому, что он должен ис-

* Впоследствии, во время нашего пребывания в Москве, Какавинский позволил себе публично отречься в католическом костеле от православной веры и перейти в католическую.

полнить требование Вадковского, что нет никакой надобности охранять дом моего отца сотней солдат. Войдя в комнату и увидев по солдату у каждой двери, я объяснила ему, что он неверно понял желание императрицы и ее инструкции, в силу которых он должен был находиться в доме для охраны отца, а не для того, чтобы держать его под арестом, как государственного преступника. Я объявила солдатам, что их напрасно мучили и что только десять или двенадцать человек должны остаться в доме впредь до нового распоряжения.

Мой отец принял меня без малейшего гнева, но выразил свою досаду по поводу того, что его двадцать четыре часа продержали под стражей, как государственного преступника, и жаловался на присутствие в доме моей сестры, графини Елизаветы. Я уверила его, что первая неприятность произошла по глупости Какавинского и что к ночи не останется ни одного солдата в доме. Что же касается второго, то я просила его принять во внимание настоящее положение моей сестры, вследствие которого его дом представлялся единственным приличным и естественным убежищем для нее, и что со временем их обоюдное желание не жить под одной кровлей, несомненно, будет приведено в исполнение с сохранением приличий. Отец не хотел меня отпускать, но я ему объяснила, что должна навесить сестру, затем вернуться к себе, повидаться с дочерью и снять свой военный мундир; притом же императрица просила меня поскорей вернуться к ней. Он с трудом разрешил мне пойти к сестре: он никогда не чувствовал особенной нежности к ней, а полное невнимание к нему с ее стороны в царствование Петра III, когда он представлял из себя ноль без всякого влияния, не послужило к улучшению их отношений. В комнате моей сестры мне пришлось выслушать длинейшую жалобу. Я уверила сестру в моей нежности к ней и сказала, что не говорила еще с императрицей о ней, потому что была убеждена, что у государыни были самые благожелательные и великодушные намерения по отношению к ней и что все возможное будет для нее сделано. Действительно, императрица потребовала только ее отсутствия во время коронационных торжеств и несколько раз присылала ей сказать, что не оставит ее. Через несколько времени моя сестра отправилась в имение моего отца, неподалеку от Москвы. Когда двор покинул Москву, она жила постоянно в Москве вплоть до своей свадьбы с Полянским, когда переселилась в Петер-

бург, где ее муж владел домами и именьями; ее величество была восприемницей ее сына. По возвращении своем из-за границы я упросила императрицу сделать ее дочь фрейлиной.

Оставив сестру, я направилась к себе, чтобы обнять мою маленькую Анастасию⁵. Эти три посещения отняли столько времени, что стало темно, и я не успела переодеться, так как спешила во дворец. Моя горничная сказала мне, что она утром в кармане скинутого мною платья нашла бриллиантовый орден св. Екатерины. Это был орден императрицы, и я взяла его с собой.

Я вошла в комнату, смежную с той, в которой была императрица, в ту минуту, как от ее величества выходили Григорий Орлов и Какавинский, и тут я убедилась в том, что Орлов мне враг, так как, кроме него, никто не мог провести Какавинского к императрице. Ее величество встретила меня упреком в том, что я говорила с Какавинским по-французски при солдатах и тем вызвала у них подозрение, что я желаю их удалить. Я ответила сухо, и мое лицо, как мне потом передавали, выражало глубокое презрение.

— Вы слишком рано принимаетесь за упреки, ваше величество; вряд ли всего через несколько часов после вашего восшествия на престол ваши войска, оказавшие мне столь неограниченное доверие, усомнятся во мне, на каком бы языке я ни говорила.— С этими словами я подала ей орден св. Екатерины, чтобы прекратить разговор.

— Успокойтесь,— ответила она,— вы должны, однако, сознаться в том, что были не правы, удаляя солдат.

— Действительно, ваше величество, я теперь вижу, что мне следовало дать свободу действий этому глупому Какавинскому и, несмотря на настояния Вадковского, оставить вас без солдат, которые могли бы сменить караул, охранявший вас и ваш дворец.

— Ну, будет, довольно об этом. Я вас упрекнула за вашу раздражительность, а теперь награждаю вас за ваши заслуги,— сказала она, собираясь возложить на меня принесенный мною орден.

Я не стала на колени, как это полагалось в подобных случаях, и ответила:

— Простите мне, ваше величество, то, что я вам сейчас скажу. Отныне вы вступаете в такое время, когда, независимо от вас, правда не будет доходить до ваших ушей.

Умоляю вас, не жалуйте мне этого ордена; как украшению я не придаю ему никакой цены; если же вы хотите вознаградить меня им за мои заслуги, то я должна сказать, что, какими бы ничтожными они ни являлись, по мнению некоторых лиц, в моих глазах им нет цены, и за них нельзя ничем вознаградить, так как меня никогда нельзя было и впредь нельзя будет купить никакими почестями и наградами.

Ее величество поцеловала меня.

— Позвольте мне, по крайней мере, удовлетворить мое чувство дружбы к вам.

Я поцеловала ей руку и очутилась в офицерском мундире, с лентой через плечо, с одной шпорой, похожая на четырнадцатилетнего мальчика.

Тогда ее величество сообщила мне, что она уже отправила поручика вдогонку за моим мужем, чтобы вернуть его с дороги и просить поскорей приехать к нам. Эта новость так меня обрадовала, что я тут же забыла мое справедливое негодование на императрицу.

Мы провели еще приблизительно час с государыней. Она объявила мне, что для меня будут приготовлены апартаменты во дворце, но я попросила у нее позволения остаться у себя до возвращения моего мужа, когда мы уже вместе с ним переедем во дворец*.

* Я забыла упомянуть, что на обратном пути из Петергофа в Петербург мы сели в карету, чтобы немного отдохнуть; с нами были граф Разумовский и князь Волконский. Ее величество спросила меня, что она может для меня сделать, чтобы отблагодарить меня. «Доставьте счастье моей родине, — ответила я, — и сохраните добрые чувства ко мне — тогда я буду совсем счастлива». — «Но это ведь мой прямой долг, — возразила она, — а я хочу облегчить тяжесть, которую чувствую». — «Я не думала, что дружественные услуги окажутся для вас тягостными». — «Словом, — ответила императрица, целуя меня, — просите у меня, чего хотите; я не буду покойна, если вы мне тут же не укажете, что я могу сделать, чтобы доставить вам удовольствие». — «В таком случае воскресите моего дядю, который не умер». — «Это загадка», — сказала государыня. — «Князь Волконский ее вам разрешит», — возразила я; я просила этой милости не для себя, все-таки мне это было неприятно. Волконский рассказал императрице, что генерал Леонтьев, родной дядя моего мужа, отличившийся в войне с пруссаками, благодаря капризам своей жены был лишен седьмой части своих поместий и четвертой части движимости и капитала, которые ей следовало бы получить только после его смерти. Петр III тем охотнее согласился на эту несправедливость, что он относился неприязненно ко всем генералам, действовавшим успешно против пруссаков. Императрица, признав справедливость моей просьбы, обещала, что в одном из первых указов, подписанных ею, восстановит права моего дяди. «Вы меня этим очень обрадуете, ваше величество, так как генерал Леонтьев — единственный и любимый брат моей свекрови».

Гетман граф Разумовский и Панин одновременно со мной вышли из апартаментов императрицы. Я рассказала все, что видела в Петергофе, разговор с государыней во время обеда и выразила уверенность в том, что Орлов — любовник ее величества.

— Вы не спали две недели, вам восемнадцать лет, и ваше воображение усиленно работает, — ответил Панин.

— Прекрасно, — ответила я, — пусть будет так; но когда вы убедитесь в моей правоте, разрешите мне сказать вам, что с вашими спокойными умами оба вы глупцы.

Они согласились, и я поспешила вернуться домой и броситься в постель. Я поужинала только цыпленком, оставшимся от обеда моей дочери, и, торопясь воспользоваться благодеяниями Морфея, быстро разделась и легла; но я была так взволнована, что мой сон был беспокойен и я поминутно просыпалась.

На следующий день Григорий Орлов явился к обедне, украшенный орденом св. Александра Невского. По окончании церковной службы я подошла к дяде и к графу Разумовскому и, напомнив им наше вчерашнее условие, сказала, смеясь:

— При всем моем уважении к вам, должна вам сказать, что вы оба глупцы.

На четвертый день после восшествия на престол императрицы Бецкий попросил у нее аудиенцию. На аудиенции присутствовала только я одна. Каково было наше удивление, когда он бросился на колени перед императрицей и спросил ее, кем, по ее мнению, она была возведена на престол?

— Я обязана своим возвышением богу и моим верным подданным.

Я была весьма довольна, что имела возможность доказать матери моего мужа мою привязанность к ее семье и вместе с тем уклонилась от наград, претивших моему нравственному чувству. На следующий день Панин получил графский титул и пять тыс. рублей пенсии; князь Волконский и граф Разумовский получили ту же пенсию. Остальные заговорщики первого разряда получили по шестьсот душ или взамен их двадцать четыре тыс. и две тыс. рублей пенсии. К моему удивлению, я была причислена к этому разряду. Я не воспользовалась разрешением взять земли или деньги, твердо решив не трогать этих двадцати четырех тыс. рублей. Некоторые из участников переворота не одобряли моего бескорыстия, так что, для того чтобы прекратить дальнейшие толки и не возбуждать неудовольствия императрицы, я велела составить список долгов моего мужа и назначила эту сумму для выкупа векселей по обязательствам, данным моим мужем своим кредиторам, что и было исполнено кабинетом ее величества.

— В таком случае мне нельзя больше носить этой ленты, — воскликнул Бецкий, снимая с себя орден св. Александра Невского.

Императрица остановила его и спросила, что с ним.

— Я самый несчастный человек, — ответил он, — так как вы не знаете, что это я подговорил гвардейцев и раздавал им деньги.

Мы подумали, и не без основания, что он сошел с ума. Императрица весьма ловко от него избавилась, сказав ему, что знает и ценит его заслуги и поручает ему надзор за ювелирами, которым была заказана новая большая бриллиантовая корона для коронации. Он встал на ноги в полном восторге и тотчас же оставил нас, очевидно торопясь сообщить великую новость своим друзьям. Мы смеялись от всего сердца, и я искренно удивлялась искусной выдумке императрицы, избавившей ее от надоедливого безумца.

Петербургский двор был очень интересен в это время. Появилось множество лиц, выдвинутых переворотом, и других, возвращенных из ссылки, куда они были отправлены еще во времена императрицы Анны, регентства Бирона и царствования Елизаветы. Они были вызваны еще Петром III и возвращались постепенно из более или менее отдаленных мест, так что каждый день их появлялось несколько человек. Это были живые иллюстрации прежних времен, приобретшие особый интерес пережитыми ими превратностями судьбы и знавшие множество кабинетных и дворцовых тайн. Наконец вернулся и бывший канцлер, знаменитый граф Бестужев. Сама императрица представила нас друг другу, и у нее вырвалась фраза, которую Орловы охотно затушевали бы, если бы это было возможно:

— Вот княгиня Дашкова! Кто бы мог подумать, что я буду обязана царским венцом молодой дочери графа Романа Воронцова! <...>

Фельдмаршал Миних и Лесток — последнего я часто видала в детстве в доме моего дяди, которому он был близок, — казались мне живыми мемуарами; в их рассказах я почерпала знание человеческого сердца, представлявшегося мне раньше в розовом свете. Миних был почтенный старец; у него были внуки (дочери его сына) старше меня, и он полюбил меня. Его просвещенный ум, твердость его характера и утонченно вежливое обращение, свойственное старинным вельможам (резко отличавшимся от не-

которых наших заговорщиков), делали из него очень приятного и интересного собеседника. Эта картина, поражая быстрыми появлениями новых лиц и их противоположностями, заставляла меня размышлять и укрепляла мой ум. <...>*

* Когда получилось известие о смерти Петра III, я была в таком огорчении и негодовании, что, хотя сердце мое и отказывалось верить, что императрица была сообщницей преступления Алексея Орлова; я только на следующий день превозмогла себя и поехала к ней. Я нашла ее грустной и растерянной, и она мне сказала следующие слова: «Как меня взволновала, даже ошеломила эта смерть!» — «Она случилась слишком рано для вашей славы и для моей», — ответила я. Вечером в апартаментах императрицы я имела неосторожность выразить надежду, что Алексей Орлов более чем когда-либо почувствует, что мы с ним не можем иметь ничего общего, и огнь не посмеет никогда мне даже кланяться. Все братья Орловы стали с тех пор моими непримиримыми врагами, но Алексей по возвращении из Ропши, несмотря на свое нахальство, в продолжение двадцати лет ни разу не осмелился со мной заговорить.

Если бы кто-нибудь заподозрил, что императрица повелела убить Петра III или каким бы то ни было образом участвовала в этом преступлении, я могла бы представить доказательства ее полной непричастности к этому делу: письмо Алексея Орлова, тщательно сохраненное ею в шкатулке, вскрытой Павлом после ее смерти. Он приказал князю Безбородко прочесть бумаги, содержащиеся в шкатулке, и, когда он прочел вышеупомянутое письмо, Павел перекрестился и сказал: «Слава богу! это письмо рассеяло и тень сомнения, которая могла бы еще сохраниться у меня». Оно было написано собственноручно Алексеем Орловым; он писал как лавочник, а тривиальность выражений, бестолковость, объясняемая тем, что он был совершенно пьян, его мольбы о прощении и какое-то удивление, вызванное в нем этой катастрофой, придают особенный интерес этому документу для тех людей, кто пожелал бы рассеять отвратительные клеветы, в изобилии взводимые на Екатерину II, которая хотя и была подвержена многим слабостям, но не была способна на преступление. Пьяный, не помня себя от ужаса, Алексей отправил это драгоценное письмо ее величеству тотчас же после смерти Петра. Когда, уж после кончины Павла, я узнала, что это письмо не было уничтожено и что Павел I велел прочесть его в присутствии императрицы и послать Нелидовой и показал его великим князьям и графу Ростопчину, я была так довольна и счастлива, как редко в моей жизни.

Часть шестая

«ДЕШПЕРАТНЫЙ И БЕЗРАССУДНЫЙ СОУР»

Дело В. Я. Мировича
1764 г.

Елизавета сделала, кажется, все, чтобы уничтожить саму память о свергнутом ею императоре-младенце. Из обращения изымались монеты с его изображением, манифесты, выпускавшиеся от имени Иоанна, сжигались, деловые бумаги с упоминанием его титула передавались на строгое хранение в Сенат или же опечатывались. Но прошлое переписать невозможно, как бы ни хотели этого сильные мира сего, — и об Иоанне помнили. Загадочная судьба исчезнувшего принца или даже монарха вызывала любопытство и сочувствие, рождала легенды и ожидания. Подобно тому как в свое время Елизавета привлекала к себе надежды всех, недовольных правлением Анны Иоанновны и ее несчастливых преемников, так же после переворота 1741 года те, чья жизнь нисколько не полегчала, стали потихоньку перешептываться об «Иванушке».

Свергнутую Брауншвейгскую фамилию отправили сначала в Ригу, якобы чтобы выслать за границу, потом задержали и посадили в Дюнамюндскую крепость, где Анна Леопольдовна родила дочь, вряд ли по случайному совпадению получившую имя Елизаветы. В январе 1744 года было приказано отправить Брауншвейгскую фамилию в уже знакомый нам Раненбург. При этом не слишком разбиравшийся в географии начальник караула чуть было не завез несчастное семейство в... Оренбург.

Но остановка в меншиковском имении не была продолжительной — уже в июне того же года императрица велела, во-первых, отделить принца Иоанна от остальных узников, а во-вторых, перевезти их всех на Соловки. Больше Антон-Ульрих и Анна Леопольдовна не видали своего царственного первенца и даже, вероятно, полагали, как и многие, что Иоанн остался в Раненбурге. Но это было не так — Иоанн Антонович тоже отправился в Холмогоры, только содержался он особо. До Соловков ссыль-

ные не добрались — им было разрешено остаться на архиерейском подворье в Холмогорах. Образованная там «секретная комиссия» — в своем роде шедевр тюремного дела. В строжайшем заключении оказались не только сами ссыльные, но и те, кто их охранял или обслуживал. Тем не менее на архангельских базарах кумушки судачили о том, что считалось строжайшей государственной тайной. Следователям Тайной канцелярии то и дело приходилось выслушивать признания вроде следующего: вот-де как ныне жестоко стало, а как-де была принцесса Анна на царстве, то-де в России порядки лучше были нынешних, а ныне-де все не так стало, как при ней было, и слышно-де, что сын ее, принцессы Анны, бывший принц Иоанн, в российском государстве будет по-прежнему государем. Кажущееся в некоторых деталях фантастическим дело беглого тобольского купца Ивана Зубарева, одного из незаслуженно забытых отечественных авантюристов, позволяет предположить, что карту Иоанна Антоновича собирались как-то разыграть и зарубежные политические противники Елизаветы. Если верить показаниям Зубарева, он проник в Пруссию, где встречался с тамошним главным «экспертом» по русским делам — хорошо уже нам известным автором записок К. Г. Манштейном, покинувшим Россию без разрешения Военной коллегии и приговоренным за то заочно к смертной казни. Манштейн якобы представил Зубарева и королю Фридриху II. Согласно рожденному ими совместно проекту Зубарев должен был подбивать раскольников на бунт в пользу Иоанна, а немцы, приплыв под видом купцов к Архангельску, устраивали бы похищение принца.

При всей невероятности этой истории в ней было что-то, показавшееся правительству Елизаветы заслуживающим внимания, — и принца Иоанна с исключительной таинственностью в 1756 году перевезли в Шлиссельбург. После смерти Елизаветы «известного арестанта» инкогнито навестил Петр III. Когда Екатерина свергла своего мужа, ему стали готовить «хорошие и приличные комнаты» в Шлиссельбурге. Тут, впрочем, спохватились, что двух свергнутых монархов для одной крепости все-таки несколько многовато, и Иоанна Антоновича вновь отправили в дорогу — в Кексгольм. Ропшинский эпизод позволил вернуть арестанта на прежнее место, правда, уже как совершенно нового «безымянного колодника». В какой-то момент этих перемещений Иоанна видела Екатерина, о

чем она сама и поведала в манифесте по случаю «дела Мировича». При новом правительстве надзор за бывшим императором осуществлял Никита Иванович Панин — именно он и составил тайную инструкцию сторожам Иоанна, позволявшую им убить арестанта при попытке его насильственного освобождения.

Что касается самого Иоанна, то согласно официальной версии он давно потерял разум. Возможно, это недалеко от истины, — сознание человека, с четырех лет оказавшегося в полной изоляции, вряд ли могло достаточно развиться. Во всяком случае, отклонений от нормального поведения должно было быть достаточно. Но в то же время известно, что кто-то научил принца грамоте и даже объяснил ему, что он — законный государь этой страны. Никакие издевательства тюремщиков не смогли лишить арестанта этого убеждения. Некоторые суждения Иоанна, дошедшие до нас, достаточно связны и логичны. Говорить о полном его идиотизме, по-видимому, нет оснований.

Дело Мировича — пожалуй, один из самых темных эпизодов русской политической истории XVIII века. Во всяком случае, в шлиссельбургском бунте всегда искали какую-то особую тайну, не раскрытую официальным следствием, а скорее, наоборот, еще глубже припрятанную им. Если это действительно так, то власти хорошо знали свое дело — никаких серьезных улик они потомкам не оставили. Мы можем сколько угодно предполагать, что вся «шлиссельбургская нелепа» была разыграна как по нотам Н. И. Паниным или же Г. Н. Тепловым с благословения Екатерины, но вместо доказательств придется ограничиваться смутными подозрениями. Во-первых, конечно, смерть Иоанна была выгодна императрице. К тому же народ поверил в эту смерть, и самозванцы не тревожили тень принца (только однажды, в 1788 году, на это решился один купец), «возлюбив» ропшинского мученика. Во-вторых, Мирович давно был знаком с родным братом Панина — служил когда-то под его началом в Семилетнюю войну и даже посещал позже дом П. И. Панина. В-третьих, на слезные мольбы охранявших Иоанна офицеров Власьева и Чекина освободить их от столь тяжелой службы Панин отвечал, что им нужно потерпеть до лета, и тогда их заботы прекратятся. В-четвертых, в письме Екатерины Панину есть двусмысленная фраза о том, что назначенный вести следствие по делу о мятеже Ганс Веймарн не

будет разыскивать ничего лишнего. В-пятых, странно, что весь Петербург заранее знал, что после отъезда императрицы в Ригу «что-то должно случиться», а Минович вроде бы таких слухов не распускал. В-шестых, Миновича так и не подвергли пытке, чтобы узнать его сообщников, из-за чего в высоком суде были многие споры и несогласия. И вообще в столь важном государственном деле следствие, вместо того чтобы разматывать до конца даже самые тонкие нити, проявляло недостаток вполне понятного в данных обстоятельствах любопытства и явно было сосредоточено всецело на персоне самого Миновича. Число таких подозрений можно множить, — вырванные из общего контекста и собранные вместе, они могут даже показаться серьезной версией, но все же не более чем версией.

В жизни великих людей немалую роль играла случайность — почему не предположить, что Екатерине просто повезло со своевременной гибелью возможного претендента? За заступничеством к Панину ходили многие люди, связанные с ним по службе, причем известно и дело, о котором ходатайствовал перед ним Минович, — оно весьма прозаического свойства. Конец службы Власьева и Чекина летом — истомившихся офицеров попросту предполагали сменить. В письмах Екатерины есть и недвусмысленные требования разобраться во всех возможных «отраслях» заговора. После бесконечной череды переворотов распространение слухов о возможности нового — что может быть естественнее? К тому же память общества избирательна — случай, когда настойчивые слухи не оправдываются, очень часты, но о них никто не вспоминает, а вот стоит чему-то сбыться, пусть даже по простому совпадению, как этот эпизод заносится на скрижали истории. Связи Миновича были следствием установлены и не заинтересовали Веймарна и судей потому, что они не вели в придворные сферы, а раздувать дело за счет болтунов-лакеев не было особого смысла. Что касается пыток, то Россия — просвещенная страна во главе с гуманной императрицей, и столь варварские средства могли неприятно поразить Вольтера!

Разумеется, по каждому пункту можно придумать новые возражения и продолжать спор до бесконечности или же до тех пор, пока из каких-то неведомых хранилищ не появятся на свет божий новые документы.

На наш взгляд, дело Миновича интересно прежде всего

тем, что оно отражает психологическое состояние русского общества, когда свержение государя и возведение на престол нового превращается из события чрезвычайного в нечто не только вполне допустимое, но и довольно обыденное. Свистопляска вокруг трона создавала ситуацию, когда уже не столько люди составляли заговор, готовили переворот, сколько, наоборот, людей втягивало на путь авантюрных попыток, чуть ли не против их собственной воли, потому что опыт свидетельствовал: вот самый простой, легкий и быстрый способ решения своих личных проблем. Казнь Мировича, очевидно, изменила это общественное настроение, опасное для любой власти. И не случайно за долгое царствование Екатерины подобных шагов уже более предпринимать не осмеливались, хотя законный претендент в лице родного сына императрицы существовал.

И в заключение несколько слов о судьбах прочих членов опальной Брауншвейгской фамилии. Анна Леопольдовна умерла от «родильной горячки» в 1746 году. Антону-Ульриху Екатерина предлагала уехать из России, но оставив в Холмогорах детей. Он отказался и скончался слепым шестидесятилетним стариком в 1774 году. В неволе у Анны и Антона-Ульриха родилось трое детей — Елизавета, Петр и Алексей. Появление их, и особенно мальчиков, вызывало сильное раздражение у императрицы Елизаветы, и она приняла все меры к тому, чтобы о рождении новых возможных претендентов в России не знали. В 1780 году Екатерина наконец разрешила принцам и принцессам выехать в Данию. Там их жизнь была не многим веселее, чем в России. Елизавета скончалась через два года, Алексей — через семь, Петр прожил до 1798 года. Всех пережила старшая дочь Екатерина, родившаяся еще до переворота 1741 года. Она обращалась с безрезультатной просьбой к Александру I разрешить ей постричься в одном из российских монастырей. В 1807 году скончалась бездетной эта последняя представительница Брауншвейгской династии, последняя из принцев и принцесс, проведших почти всю жизнь в заключении. По некоторым свидетельствам, они до конца своих дней говорили с характерным архангельским «оканьем»...

Инструкция коменданту Шлиссельбурга

*Его высокоблагородию господину коменданту
шлиссельбургскому*

И н с т р у к ц и я

Препоручается Вам некоторого безымянного новопривезенного в крепость арестанта подкрепление караула над ним и содержание команды в следующих пунктах.

1

Арестант хотя сам по себе и не великой важности есть, но на некоторое время секретно содержаться имеет единственно в смотреии у капитана Власьева и поручика Чекина, а до вашего сведения он не принадлежит. Собственно же в вашем смотреии та только предосторожность остается, чтоб караул из гарнизонных солдат, а именно из одного унтер-офицера, одного капрала и двенадцати человек солдат, был всегда в трезвости. И в то время когда сия команда к капитану Власьеву и поручику Чекину командирована, чтоб отнюдь к ним ничего хмельного никто не приносил и никакие бы люди к ним не подходили ни тайно, ни явно, а вы бы одни только сведомство о сей команде, где они стоят, получали чрез повседневные репорты. Дейс

2

Указом Ее Императорского Величества именным за собственноручным подписанием велено вам быть по содержанию сего новопривезенного арестанта в моей только единственной команде. Чего ради репортовать вы имеете каждые две недели ко мне обыкновенными репортами о состоянии караула и при том прилагать и о нуждах, касающихся до содержания, свои представления, так как и репорты, принимая от офицеров Власьева и Чекина, пересылать ко мне под вашим ковертом. тви

3

С арестантом два офицера садиться будут за стол, чего ради полагается на троих в каждый день на обед, ужин, на хлеб и на питье по полтора рубля. А сверх того им по-

купать чай, сахар, кофе, свечи и прочие надобности повседневные из суммы, находящейся у вас, и расходы держать на то умеренные и без излишества, но по вашему рассуждению и по требованиям Власьева и Чекина необходимые. **тельный**

4

Для стряпанья кушанья выбрать вам солдата из гарнизонных искусного одного, а другого для содержания при арестанте чистоты в покоях, которые солдаты были бы трезвые и отдать их в единственную команду Власьева и Чекина, а вам их не ведать; так как и внутренними распорядками в постах их не мешаться. **тай**

5

Посуду белую и черную для поварни и стола, так же для чая и кофе вам испустить самим и все какие надобности ни случатся по требованиям офицеров Власьева и Чекина впредь испустить, не описываясь ко мне; так чтоб ни в чем отнюдь остановки не было. **ный**

6

Мытье белья на арестанта и столовое, починки и всякое поделье производить в доме вашем, под именем не известным для тех, кто работает, да и до любопытства не допускать осведомляться. **совет**

7

Бумагу, сургуч, перья, чернила, прогоны на сию комиссию как офицерам Власьеву и Чекину, так и вам самим употреблять из содержащейся у вас суммы с запискою. **ник**

8

Иметь вам у себя заснурную книгу, которая от меня дана за казенною печатью, и в оной записывать приход и расход деньгам повседневный, из которой каждые две недели присылать ко мне такими же таблицами, как в кни-

ге расчерчено, репорты, с показанием, сколько и на что именно денег издержано и сколько в остатке. сена

9

Из караульных офицеров дозволяется ходить в церковь по одному, только бы он ни с кем сообщения не имел, так [же] как и прогуливаться в городе и за городом невозбранно с тою же предосторожностью. И отнюдь офицерам ни под каким видом не дозволять ездить за реку ни летом, ни зимою. тор

10

Лекаря гарнизонного к офицерам больным допускать, только бы больной отделенно лежал от арестанта, и лекарь оного арестанта отнюдь видеть не мог. А ежели арестант занеможет, то не описавшись ко мне, лекаря не допускать. и ка

11

Богомольцев в праздничные дни в крепость пускать дозволяется, но чтоб никто из них около тюрьмы не шатался. Чего ради в таковые дни солдата особливого ставить без ружья, который бы иногда и без умыслу в ту сторону, где тюрьма, прогуливающих отвращать мог без дальней строгости, дабы не приметно было посторонним строгое того наблюдение. ва

12

Приезжающих в крепость для гуляния допускать смотря по состоянию людей, но тут наипаче предосторожность иметь, дабы кто из них не любопытствовал какими-либо посторонними и побочными расспросами, и смотря по состоянию персон гуляющих ходить с ними вам самим и примечать их расспросы. И ежели кто устремится в дальнейшее любопытство, которое близко будет склоняться к познанию сего нового арестанта, то вам таковые речи в особливых репортах ко мне описывать. лер

Репорты присылать на имя мое туда, где я находиться буду, а в случае надобности и нарочные ко мне курьерами отправлять. Ники

Впрочем, кто бы таков и какого звания ни был, не принимать никаких ни словесных, ни письменных от него приказов, ежели моей руки тут нет; разве Ее Императорского величества своеручное за подписанием Ее повеление вам объявлено будет. та

Сию инструкцию содержать имеете в глубоком секрете и никому об оной ничего не объявлять, а оная копия дана для ведома капитану Власьеву и поручику Чекину. 1762 года августа 3 дня. Панин

Инструкция Д. Власьеву и Л. Чекину

Капитану Даниле Власьеву и поручику Луке Чекину

И н с т р у к ц и я

С каким вы намерением определены и к какому арестанту важному, то усмотреть должны из данного вам обоим именного за собственноручным подписанием Ее Императорского величества указа. А для лучшего вам наставления дается вам во всех подробностях особливый в дополнение того высочайшего указа приказ за моею рукой в следующих пунктах.

1

Арестанта из покоя никуда не выпускать и к нему никого не допускать, так [же] как и не показывать его никому сквозь окончину или иным каким образом, разве за собственноручным Ее Императорского величества подписанием повеление о том, кто привезет или по Ее же величества указу от меня и за моею рукою приказ будет прислан. Действи

Разговоры вам употреблять с арестантом такие, чтоб в нем возбуждать склонность к духовному чину, то есть к монашеству, и что ему тогда имя надобно будет переменить, а называть его будут вместо Григория Гервасий, толкуя ему, что житие его богом уже определено к иночеству и что и вся его жизнь так происходила, что ему поспешать надобно себе испрашивать пострижение, которое, ежели он желает, вы ему и исходатайствовать можете; чем наипаче уединение его, в котором он живет, будет спокойное и спасительное душе его. Но к тому (толковать ему) надобно, во-первых, кроткое, тихое и несварливое с вами и со всеми, кто при нем, обхождение, твердую к Богу веру и нелицемерное и непритворное желание, а притом всегдашнее к вам послушание. Наипаче же в словах и в руках воздержное обхождение, то есть без злости и без брани скромное житие. А инако Бог не приемлет в чин ангельский никаких строптивых людей. И сие увещание повседневно обще обоим вам и по-одиночкам каждому ему натолковывать, и какие его на то будут отзвывы, ко мне всегда репортовать, прописывая точные его слова. **тельный**

3

В покое с ним в ночное время ночевать вам обоим, а днем может быть с ним и один, а другой в городе и за городом прогуливаться, только через реку не проезжать ни зимою, ни летом. Осторожность же употреблять следующую: во время ночное изнутри первые двери закладывать крюком, а другие запирать замком и ключи хранить у себя. А буде в день случится и другому из вас за нуждою отойти, то из сеней первые двери закладывать крюком, а другие запирать замком и припечатывать. И как скоро нужное дело исправил, то быть у своего места. **тай**

4

Ежели паче чаяния случится, чтоб кто пришел с командою или один, хотя б то был и комендант или иной какой офицер без именного за собственноручным Ее Императорского величества подписанием повеления или без письменного от меня приказа, и захотел арестанта у вас взять, то оно́го никому не отдавать и почитать все то за подлог

или неприятельскую руку. Буде же так она сильна будет рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать. В случае же возможности, из насильствующих стараться ежели не всех, то хотя некоторых захватить и держать под крепким караулом и о том репортовать ко мне немедленно чрез курьера скоропостижного. **ный**

5

В покое арестанта никакого орудия не иметь, чем бы он себя или из вас кого ранить или и умертвить мог.

6

Ежели арестант будет чинить какие беспокойства и непорядки, оного вам сковав держать, а что он продерзостного учинит, о том именно репортовать сверх обычных репортом. **совет**

7

Никакой вам переписки об арестанте да и о собственных ваших нуждах ни с кем не иметь, да и другим к переписке поводу ни под каким видом не давать. **ник**

8

Ежели у коменданта случатся быть кто из приезжих, вам знакомые, то от оных вам укрываться и себя не показывать. **обер**

9

На карауле иметь вам из гарнизона одного унтер-офицера, одного капрала и двенадцать человек солдат с заряженными ружьями, из которых иметь часовых у дверей на галерее по два человека и одного под часами с таким приказом, чтоб на галерею посторонних к себе никого не подпускали ближе десяти сажений да и во сени никого, кроме вас и приставленного для надобности солдата. А ежели кто будет насильно подходить, то, дважды окликав, а в третий раз сказав, что убью, стрелять по нем, ежели и затем будет еще упрямиться. А между тем будущему под ча-

сами объявить вам, сказавши всей команде во фронт. Где вы можете, усмотря обстоятельства, поступать так, как присяжная должность и к Ее Императорскому величеству верность вас обязывает. Буде же коменданту какое до вас дело будет, то бы находящийся под часами солдат о том прежде вас уведомил, которого одного допустить к себе и приказывайте. гоф

10

За караульными солдатами смотреть, чтоб были безотлучно, а особливо за часовыми, дабы должность свою исправляли в силу данных от вас приказов. Чего ради и дозору быть в малые ночи по три, а в большие по пяти и по шести раз от вас самих, так же и от капрала. мейстер

11

Ежели случится (от чего Боже сохрани) в крепости опасный пожар, то вам, арестанта накрыв епанчею, так чтобы никто его видеть не мог, кроме вас двоих, свесть самим его на щербот и, выведши из крепости, посадить в безопасное место, при чем быть вам самим безотлучно, а по сторонам кругом саженьх в десяти расставить всех солдат с ружьем, капралу же приказать людей к ним близко не подпускать и отгонять. сена

12

Репорты о состоянии арестанта присылать ко мне через две недели, подписывая обоим, и, запечатав, отдавать для пересылки ко мне коменданту. тор

13

Ежели арестант занеможет опасно и не будет надежды ему выздороветь, то в таком случае для исповеди и святого причащения призвать священника одного и велеть арестанта исповедовать и святых тайн причастить, но прежде, нежели священник допущен будет к арестанту, взять с него подписку в том, что кого исповедовал, о том никому до конца жизни своей не сказывал бы под лишением живота, и о том вам ко мне репортовать. и ка

Присланы будут к вам от коменданта сверх караульных два человека солдат, из которых один для приготовления вам пищи, а другой для нужных в покое услуг, и кого вы еще для услуги своей выберете, пускать можете в покои, токмо им не входить без присутствия вашего, а что нужно, то бы при вашем бытии исправляли. И в то самое время как служащий солдат печь топит или ставит кушанье на стол и прочее, то б арестант был на своей постели и заставлен ширмами, дабы оный служащий видеть в лицо арестанта не мог. Валер

15

Об оной инструкции никому знать не давать отнюдь, кроме вас двоих. Никита

16

Впрочем, что вы сами усмотреть, бывши на месте к лучшему можете, о том представляйте репортами, при которых описывать имеете все припадки, разговоры повседневные и обхождение арестантово можете. А какова инструкция дана коменданту, с оной для ведома прилагается вам за моею рукою точная копия, дабы вы свыше повеленного ничего требовать от него не могли. Однако ж, ежели что в ней необходимое пропущено и время не терпит, того требовать имеете от коменданта, о чем после и меня репортовать. Панин

Указ генерал-поручику Г. Веймарну

Рига, 9 июля 1764 года

По получении сего немедленно ехать вам в город Слюсбург и тамо произвести следствие над некоторыми бунтовщиками, о коих дано будет вам известие от нашего тайного действительного советника Панина, у которого оное дело, и потому он как вам все наставления дать, так и вы всего, что касаться будет, от него требовать можете.

Екатерина

Рига, 10 июля 1764 года

Никита Иванович. Не могу я довольно вас благодарить за разумные и усердные ко мне и отечеству меры, которые вы взяли в Шлюссельбургской гистории. J'aie le coeur contre quand je pense à cette affaire et bien bien de la reconnaissance pour les mesures que vous avés pris et aux quelles assurément il n'y a rien à ajouter. La Providence m'a donné un signe bien évident de sa grâce en tournant cette entreprise de la façon dont elle est finie. Quoique le mal soit coupé dans sa racine, cependant j'appréhende que dans une grande ville comme Petersbourg les bruits sourds ne fassent encore bien des malheureux, car ces deux misérables que Dieu a puni des menteries atroces, qu'ils ont écrits dans leurs soit disant Manifeste sur mon compte, n'auront pas manqué (ou du moins il est à supposer) de semer leurs venin, et je crois en avoir une preuve. Le jour de mon départ de Petersbourg une pauvre femme avoit trouvé dans la rue une lettre de main contrefaite où il en etoit parlé; cette lettre fut remise au Prince Wesemski et elle est chez lui. Il faudra questionner ces officiers, si ce sont eux, qui l'ont écrit et repandue. Je crains que le mal n'aye d'autre suite encore, car l'on dit cet Ушаков lié avec nombre de petits gens de la Cour.

Enfin il faut s'en remettre au soin du bon Dieu, qui voudra bien decouvrir, je n'ose en douter, toute cette horrible attentat. Je ne resteroi ici pas une heure plus que j'en auroi besoin sans faire cependant paraître que je me hate, et je reviendrai à Petersbourg où j'espère que mon retour ne contribuera pas peu à faire tomber toute ses calomnies sur mon compte¹.

Вспомните также вранья того офицера, что Соловьев привел, да с великого поста более двенадцати подобных было и все о той материи. Велите, пожалуй, рассмотреть, не оны ли тому причины были.

Хотя в сем письме я к вам с крайнею откровенностию все то пишу, что в голову пришло, но не думайте, чтобы я страху предалась. Я сие дело не более уважаю, как оно в самом существе есть, сиречь дешператный и безрассудный соуп², однако ж надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачество распространилось, дабы, если возможно, разом пресечь и тем избавить от несчастья невинных проstackов.

Радуюсь, что сын мой здоров, желаю и вам здравствовать.

Екатерина

Стерегите, чтоб Минович и Ушаков себя не умертвили.

Н. И. Панин — И. Бередникову

6 июля 1764 года

⟨...⟩ Мертвое тело безумного арестанта, по поводу которого произошло возмущение, имеете вы сего же числа в ночь с городским священником в крепости вашей предать земле в церкви или в каком другом месте, где бы не было солнечного зноя и теплоты. Нести же его в самой тишине несколькими из тех солдат, которые были у него на карауле, дабы как оставляемое перед глазами простых и в движение приведенных людей тело, так и с излишними обрядами пред ними погребение оно не могло их вновь встревожить и подвергнуть каким-либо злоключениям.

Экстракт из следствия о Шлиссельбургском бунте

⟨...⟩ Смоленского пехотного полку подпоручик Василий Яковлев сын Минович яко автор и предводитель сего бунта и изменнического возмущения сие злоужаснейшее намерение восприял не ранее как с 1-го числа апреля месяца сего текущего 1764 года, не имел к тому других причин и побуждений, как только предпочитая себе во огорчение:

во 1-х, несвободный везде в высочайшем дворе; в тех комнатах, где Ее Императорское Величество присутствовать изволит и в кои только штаб-офицерского ранга имеющие люди допускаются, допуск;

во 2-х, в тех операх, в которых Ее Императорское Величество сама присутствовать изволила, равномерно ж допускаем не был;

в 3-х, что в полках штаб-офицеры не такое почтение, какое офицер по своей чести к себе иметь долженствует, отдают, и что тех, кои из дворян, с теми, кои из разночинцев, сравнивают и ни в чем преимущества первым против последних не отдают;

в 4-х, что по поданной им Ее Императорскому Величе-

ству челобитной о выдаче ему из описанных предков его имени, сколько из милости Ее Императорского Величества пожаловано будет, ему в резолюцию от Ее Императорского Величества апреля 19-го дня написано было: что, как по прописанному здесь просители никакого права не имеют, и для того надлежит Сенату отказать им. Равномерно же прибавя он еще и то, что на вторичное Ее Императорскому Величеству поданное письмо, коим он просил о награждении из предковых имений или о пожаловании пенсии сестрам его, в резолюцию от Ее Императорского Величества надписано, чтоб довольствоваться прежнею резолюцією. К которым еще и то причиною и побуждением своего намерения паче сим признавает:

5-е, что самолюбием воображая себе получением пожеланиям и страстям его преимуществ, вяще всего к тому намерению склонясь утвердился.

С сими, как во огорчение себе почитающими, так и своелюбию его знатнейшими преимуществами ласкающими причинами, побужденным состоя, и спомня он, Мирович, слышанных в прошлом 1763-м году в октябре месяце от отставного барабанщика, коего как он по имени, ниже жительства его не знает, то и толь же мало и сыскан, и в том удостоверен быть не мог (сколь же мало в том и большой к точному сего дела изъяснению надобности не предвидится), о содержании Ивана Антоновича в крепости Шлиссельбургской речей, и находясь уже тогда зараженным как против Ее Императорского Величества ненавистью, так ласканием своего собственного по страстям его к большим чинам и преимуществам желания наполненным, восприял намерение все свои силы, разум и помышление в том употребить, чтоб одного Ивана Антоновича, выведши из крепости Шлиссельбургской, привести в Санкт-Петербург для возведения его на престол всероссийский!

Но, найдя, что в таком его важном намерении исполнения, а паче в рассуждении вывода Ивана Антоновича из упомянутой крепости (и в чем он, Мирович, больше, нежели в приводе одного Ивана Антоновича в Санкт-Петербург, яко и в самых ко возведению одного на престол потребных предвидениях, мер и производств затруднений находил), необходимо верного, надежного и к тому во всем способного человека в товарищи иметь нужда состоять могла, к сему же, однако, никого лучшего и способнейшего не изобрел, как давнейшего и с ним, Мировичем, в нравах совсем сходного своего приятеля, Великолуцкого пехот-

ного полку поручика Апполона Ушакова. То, как уже твердо в нем, Мировиче, те злодейские мысли апреля с 1-го числа сего года вкоренены были, сыскав в прошедшем мае месяце, около 8-го и 9-го числа, упомянутого своего друга Апполона Ушакова, состоящего тогда у Исакиевского моста при кордегардии на карауле, и вышед с ним из кордегардии, начал ему о злом своем намерении, сперва несколько окольными возражениями открываться, и хотя он, Ушаков, при выражении тех речей несколько в робость и пришел, но потом, поправя себя, спрашивал: что бы такое было, и с каким намерением Мирович ему о том объявляет?

На что Мирович в надежде признанной дружбы и сродства в нравах и склонностях ему точно открыл свое в том намерение, чтоб государя Ивана Антоновича, который содержится в крепости Шлиссельбургской, высвободить. Против чего Ушаков ему и сказал, что он и сам о том, что Иван Антонович в крепости Шлиссельбургской содержится, слышал от инженерного офицера, проезжего из Шлиссельбурга, а кто таков именем и прозванием оный инженерный офицер, того ему Ушаков не выговаривал, а следовательно, потому Мирович у него и не спрашивал.

И как он, Ушаков, из слов Мировичевых точно себя уверил, что такое ему откровение не по коварству или притворством, но по самой истине, с твердым и неотменным к действительному производству намерением делается, то и он в том весьма не отрекся, но вскоре согласие свое к Мировичеву предприятию оказал. Почему они обще, Мирович с Апполоном Ушаковым, для толь наилучшего в общем намерении успеха друг другу взаимными обязательствами утверждали и ко всякому, как благого, так и злого из оногo приключения приуготавливаясь, условились, чтоб им в том твердо остаться и все меры в производство употребили б.

Еще и тем себя заимно вяще укрепили, что мая 13-го числа пришли в церковь Казанской Богоматери и отслужили по себе акафист и понафиду, так, как бы над умершими следовало, и утверждая себя тем к неотменному производству твердо предпрятаго и воображая себе все смертные страхи отвращением от предприятия за неопреодолимые. А по выходе из церкви приступили они, Мирович и Апполон Ушаков, к ближайшему о производстве своего намерения и к тому способнейших мер, средств и способов изобретению и расположениям в том точно состоящих и тогда же принятых постановлений:

1) Чтоб себя опасности не подвергнули б и чьей-нибудь нетвердостью не открылось бы их намерение, то без помощи других сообщников почитали себя одних, по принятому и ниже сего объясненному в дело производства плану, в том предприятии за весьма довольных, почему и условились о принятом своем намерении отнюдь никогда никому не открывать и никого себе в сообщники не прискивать.

А по сему они, Минович и Апполон Ушаков, и других о том прямо и подробно знающих и потому в согласии состоящих сообщников и помощников, ниже действительно имели, ниже приуготовить нимало не старались, кроме тех, коих Минович после смерти Ушакова при самом в дело производстве своего предприятия (и кроме тех, о том деле некоторым образом несколько известных, но со всем тем о точном намерении несведующих людей, о которых ниже сего упомянуто) себе присовокупил.

2) Намеренное ими освобождение Ивана Антоновича из Шлиссельбургской крепости к приводу в Санкт-Петербург и к возведению на престол полагали они, Минович и Ушаков, почитая, как и выше упомянуто, себя одних к тому весьма достаточными, тем самым совершенно в дело и к желаемому ими концу произвести, следующие способы столь довольными, что от них себе всемерно благоуспешного в своем намерении конца ожидали.

А как ни в чем больше, как во освобождении и выводе Ивана Антоновича из крепости Шлиссельбургской затруднения находили, то для преодоления оных к достижению своего намерения положили они лучшим посредством, чтоб сему их злого предприятия в дело производству быть по отшествии Ее Императорского Величества в Лифляндию на третий, или поздно на пятый день, а отнюдь не далее недели. И тогда иметь лжесоставленный и написанный Миновичем от имени Ее Императорского Величества указ к состоящему в Шлиссельбургской крепости караульному офицеру, которым бы был он, Минович. Приехать [следовало] часто упомянутому Ушакову со оным указом в назначиваемое ему тогда время, как он, Минович, в крепости Шлиссельбургской на карауле состоять имел бы, под именем подполковника и Ее Императорского Величества ордонанса Арсеньева в 12-ть часов пополуночи, к самой пристани на шлюпке, которую б ему нанять во что б ни стало в Санкт-Петербурге.

И, подъехав на оной шлюпке к крепости, как скоро

лишь часовой окличет, тогда сказать ему, что курьер от государыни, и в то время уже шлюпку немедля отпустить, а ему, Ушакову, имев на себе камзол штаб-офицерский с позументом, который для сего случая нарочно Ушаковым по условию с Мировичем сделан, и прочие наружности в таком состоянии, как бы тем вяще показываться мог всем за небеззнатного человека, вошед в крепость, и оказать свой вид гораздо важно и храбро и с Мировичем во уважении отданного Ушаковым указа, поступать бы так, как с офицером, которого будто бы отроду не знал. А Мирович, получив оный указ, в самый тот момент, отнюдь нимало мешкая, всей команде [должен] прочесть, чтоб им тем лучше вперить в мысль сие повеление и тем бы привести в состояние ко исполнению их намерки и тогда, не медля ни мало, тотчас, взяв из фронта 8 человек рядовых, арестовать и сковать коменданта и тот же час ему, Ушакову, самому идти к состоящим при упоминаемой содержащейся под караулом особе офицерам и объявить им, что он от Ее Императорского Величества прислан к караульному офицеру, который оковывает коменданта и кой тот час к ним будет, приказывая притом, чтоб они между тем убирались.

А как бы скоро Мирович к ним пришел и посредством освобождения из-под караула получили бы Ивана Антоновича, то б тот же час, взяв крепостную шлюпку и гребцов, посадя с собою на оную шлюпку для битья тревоги барабанщика, и следовать бы в Санкт-Петербург.

С сим-то способом лаская себя произведши освобождение Ивана Антоновича и выведши его из крепости Шлиссельбургской, намерение их состояло, прибыв в Санкт-Петербург к Выборгской стороне, представить его артиллерийскому лагерю, а если ж того лагеря там не находилось, то ни мало [не] медля к пикету того [же] корпуса на Литейной стороне стоящему, которого они, хотя в нем и никакого предварительного соглашения или другого какого приуготовления или сообщников действительно не имели, следственно, и ни малейшей справедливой надежды в том, как единственно только на удачу не полагали. Но потому предпочтительно избрали, что во оных полках против прочих многолюднее и гораздо больше отважливее потому состоят, как из многих полков лучшие собраны, следственно, и к сему их предприятию они почитали их способнее, нежели другие полки.

И, прибыв туда, имевшему при них барабанщику при-

казано б было бить тревогу, причем бы собравшемуся народу чинили б они объявление, что представляющаяся особа есть действительно государь Иван Антонович, который по седмилетнем в крепости Шлиссельбургской содержании оттуда ими самими высвобожден. И в надежде той, что по отбитии тревоги любопытный народ, по обыкновению к тому месту собираться не оставил бы, имели б они, Мирович и Ушаков, оного, а паче артиллерийских служителей к признанию Ивана Антоновича государем склонивать и о восприятии им престола лжесоставный ими манифест тогда прочитатъ, не сумневаясь, что как в собирающемся народе, так и в корпусе артиллерийском по прочтении того манифеста, коего такой силы составленным быть почитали, что во уважении прописанных в нем обстоятельств и возражений как народ, так и артиллерийский корпус не оставили бы к ним пристать и единомышленниками учиниться.

По усмотрении ж такого себе уповаемого успеха приказано б было возводимому на престол государю учинить всем присягу, а потом бы и далее поступить таким порядком. А именно, чтоб из присягавших артиллерийских полков или других случившихся штаб- или обер-офицеров с пристойными командами тотчас послать на Санкт-Петербургскую сторону и, взяв тамо состоящую крепость, овладеть всеми тамошними орудиями, пушками и прочими припасы, не умедливая притом повелеть через тех же посланных произвестъ пушечную пальбу, хотя б и не в большом числе выстрелов, но по крайней мере продолжительную, дабы тем только подать знак к собранию народа и приведения оного в страх, а к лучшему успеху подвержением под власть восстанавливающегося на престол и ко учинению ему присяги.

Самого же того времени и яко за нужное ими признанное, дабы не могла чрез Неву-реку посредством разломания имеющихся на оной мостов несклонными на их сторону и еще не присягавшим новому государю народом перервана быть коммуникация, и тем бы не учинилось их делу помешательство, то б сделано было распоряжение посылкою достаточных пикетов, поставляя оные при всех мостах со обеих сторон реки.

В то же самое время из таковых же присягнувших штаб- и обер-офицеров разослать во все стоящие в Санкт-Петербурге гвардии и полевые полки с повелением полковым командирам, чтоб возводимому на престол ново-

му государю учинили присягу, а в противном тому случае, где б и от которого полку ни воспрепятствовалось, то для подкрепления повеления нового государя из них одному в те места ехать и понуждать во исполнение к приведению к присяге, а другому, не отлучась отнюдь, находиться при восстанавливающейся на престол особе. А оная б особа для сохранения целости и здоровья должна была тогда до получения торжественного окончания под собственным сохранением артиллерийского корпуса пребыть.

Между сим расположением не оставили б они наблюсть и, как наискорее возможно определяя из артиллерийского корпуса писцов достаточное число, с сочиненного манифеста до несколько числом написать экземпляров, и в нужные места наперед отправить, а в прочие как бы время додало.

А при всем том отнюдь не умедлили б и не последним из других делом учинили б, как только можно поспешнее в правительствующий Сенат и в святейший Синод яко в выщние Российского государства начальства, а потом и в другие коллегии и присутственные места таковых же нарочных о учинении присяги разослать. А в Сенате и в Синоде как сенаторам, так и духовным членам, собрався, ожидать повеления, а буде б иногда ослушность оных воспрепятствовать хотела сему их предприятию, то с принуждением определилось бы оных собрать.

И таким-то точным образом уповали они все в дело и в действо произвести, усиливая тех, кои б противными учинились. В противном же случившемся им из сего предприятия приключении, полагали они в жизни своей упадок, а другого средства к распоряжению правительства и ко установлению порядков, а паче ко утверждению восшествия на престол нового государя предпочтительно ту особу избрать желали, которая б скорее склонною им оказаться могла, а особливо на то ими назначена не была.

А в рассуждении освященной Ее Императорского Величества особы, яко же и в рассуждении высочайшей особы Его Императорского Высочества государя цесаревича и великого князя Павла Петровича намерение его, Миrowsича, с Апполоном Ушаковым было при восстановлении Ивана Антоновича, ежели бы он на то склонным нашелся, в какое-нибудь отдаленное и уединенное место заточению предать. А кроме того до здоровья и жизни

освященнойшей Ее Императорского Величества яко же и Его Императорского Высочества особ никакого вреда учинить в уме у них не было.

В последовании сего вышеупомянутого злодейского намеренного расположения для толь совершеннейшего и действительного в дело производства со общего их, Мировича и Апполона Ушакова, согласия, составил он, Мирович, и своеручно написал: во 1-х, указ от имени Ее Императорского Величества караульному в Шлиссельбургской крепости офицеру, коим бы он, Мирович, сам быть имел об арестовании и сковании той Шлиссельбургской крепости коменданта и о привозе как оного, так и содержащегося в той крепости часто упомянутого Ивана Антоновича в Санкт-Петербург. Во 2-х, письмо от них, Мировича и Апполона Ушакова, ко освобождающемуся ими Ивану Антоновичу. В 3-х, манифест от имени возводимого ими Ивана Антоновича, писанный и подписанный именем оного же Ивана Антоновича рукою Мировичевой. В 4-х, форма клятвенного обещания, служащая к вышеписанному случаю и обстоятельству, написанная ж своеручно Мировичем.

А потом уж пошли они, Мирович и Апполон Ушаков, на Выборгскую сторону осматривать под артиллерийский лагерь занимающегося места, дабы им тамошние положения к предприятию их все известны были, при котором случае сделали они обще обещание о построении в том месте, буде их намерение преуспеет, церквей и прочих украшений.

Не меньше ж к такому ж подробному их знанию неотменно учиняемых примечаний положили они, Мирович и Ушаков, вместе отправиться в Шлиссельбург, чтоб и тамо как приезд к крепости, так и прочие окрестные обстоятельства елико возможно и подробно разведать. Вследствие чего на третий день по смене с караула Ушакова из Санкт-Петербурга в Шлиссельбург ездили. И по приезде, пристав в Рыбачью слободу и наняв рыболова под видом, чтоб переехать в те две избушки, где рыбу ловят, для покупки оной, куда и переехали, и оттуда смотря на крепость, сожалели, что им войти в оную возможность не допустила.

А потом в той же рыбачьей лодке ездили они по реке и осматривали состоящую под крепостью пристань, где б по учиненном между ними условия должно бы с написанным караульному офицеру указом Ушакову пристать,

а потом, переехав обратно на берег, возобновляя тамо еще между собою условленные намерения и все к тому постановленные средства с тем, чтоб, конечно, им то свое предприятие исполнить, оттуда и разъехались: Ушаков в Санкт-Петербург, а Минович в роту. Вследствие чего он, Минович, хотя пред сим в крепости Шлиссельбургской и бывал, но еще для таких надобных примечаний чаще самоохотно напрашиваться стал, почему в карауле в той крепости неоднократно и находился.

А понеже он, Минович, по зараженному уже в нем тогда духу время от времени себя в том утверждая, вяще старался всякие разведывания, к сему его злодейскому предприятию служащие, неприметным образом учинять, то потому, как он был второй раз, то есть в мае месяце, в Санкт-Петербурге, от едущего с ним отсюда обратно на лодке солдата из разговоров слышал, что Иван Антонович в Санкт-Петербурге как при бывшем государе императоре Петре Третьем, так уже и во время державствования Её Императорского Величества два раза был. Чего для он, Минович, как в последний раз в Санкт-Петербурге был и стоял квартерною на Литейной части в доме адмиралтейского мастерового человека, в котором доме, обще с ним, Миновичем, в нижних покоях, стоял придворный лакей Тихон Касаткин, с коим он, возымея знакомство, у него, лакея, о тех речах, что не был ли Иван Антонович два раза в Санкт-Петербурге, спрашивал. И хотя тот лакей ему в том и отвечивал, что он не знает, но Минович хитростью своею не оставил его и далее на разговоры свои позвать и от него всяких к видам и намерениям его служащих известий получить и его, лакея, неприметным образом к вознамеренному его, Миновича, предбудущему предприятию в том разуме приуготовить, чтоб и посредством одного лакея то его дело охотнее в народе принято быть могло.

И хотя в его, Миновичевых, ответах о чинимых им с тем лакеем разговорах самой истины и не показано было, но при допросе одного лакея о всём том более, нежели в его, Миновича, показаниях, в которых его оный лакей уличил, и сам он, Минович, на очной ставке признался, открылось, что идучи за несколько дней перед праздником сошествия Святого Духа, оный Минович и лакей Касаткин, чрез летнего Её Императорского Величества дворца сад, по соответствованию на Миновичев вопрос о бытности Ивана Антоновича в Санкт-Петербурге он, лакей, спросил у него, Миновича, об Иване Антоновиче, что где же де он ныне

содержится? На что ему Минович сказал, что он содержится в крепости Шлиссельбургской в темнице; у которой-де и окна забрызганы, и мы-де часто в крепости бываем и туда на караул ходим.

А по учинении того ответствия он, Минович, спрашивал у того лакея, что каков-де нынешний двор им кажется в сравнении против того, как при жизни блаженной памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны и при государе Петре Третьем было? На что ему лакей и отвечивал, что как-то невесело. А невеселость оная причиною к неудовольствию состояла потому, что-де прежде из придворных лакеев выпускаемы были в офицеры с рангами поручичьими и подпоручичьими, и ныне-де никакого выпуска нет, а слышно-де, что по новому статусу будут их выпускать сержантскими чинами.

А на те лакейские речи Минович ему, лакею, сказал, что здоров ли де то поход¹ нашей государыни будет? А у нас-де солдаты, как вещуны, говорят, что Иван Антонович будет возведен на престол. На что оный лакей ему, Миновичу, сказал: «О! сохрани-де Господи! И не дай Бог слышать, нам и так-де уже эти перемены надоели». Сказывая притом оному Миновичу слышанные от пришедшего в квартиру его конной гвардии рейтара Михаила Торопчина речи, которые он, рейтар, ему говорил, и хотел идти к его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову объявлять, что везде говорят про Ивана Антоновича, и конечно, будет ли-де здоров нашей государыни поход? И что он, лакей, его рейтара, дабы больше не болтал, от себя выслал, а пересказав то и паки ему, Миновичу, он, лакей, сказывал же по слышанным им от двоюродного брата его, лакея, Троицкого Собора священника Ивана Матвеева речам, таким образом, что здоров ли-де то будет ваш поход, в коем он, лакей, назначен был в Ревель? А я-де слышал, что ныне за море отправлено два корабля с серебряными деньгами и будто обратно возвращены.

К сему еще прибавил от себя он, лакей, что перед сим-де находящимся при дворе придворным лакеям всегда сверх определенного жалованья от кавалеров награждения бывали деньгами, а ныне-де и жалованье медными деньгами им дают, а при государе Петре Третьем по большей части все серебряная монета ходила, и как-де я думаю, что очень много оногo серебра отправлено. На что Минович ему и сказал, что, конечно-де много, когда на двух кораблях, и уповаю-де, что миллионов до шести будет.

В котором лакея Касаткина показании подпоручик Минович не токмо не заперся, но с очной ставки в том точно во всем признался и утвердился. Но сверх того в пополнительном своем допросе он, Минович, точно объявил, что оный лакей Касаткин самого его, Миновича, злодейского намерения и предприятия не токмо совсем не знал, но те речи, которые в его, Миновичевом, и лакейском показании находятся, к нему, лакею, в знание дошли с его, лакея, одной простоты. И он того Миновича действительным злоковарным выведыванием к тому приведен, как то он, Минович, старался более в него вперить и совершенно усугубно вкоренить примеченного им в нем и без того неудовольствия и буде возможно до той степени привести, как то он и сам в себе имел, и чем бы лучше можно было повод иметь во удовольствие ему, Миновичу, и к пользе им предприятного дела.

Причем тем же пополнительным допросом он, Минович, показал, что он выше сего упомянутого лакейского двоюродного брата, попа Ивана Матвеева, никогда не знал и не знает и с оным никаких разговоров иметь было не можно. А меньше того возможности состояло, чтоб его к каким-либо размышлениям употреблять или приуготовить к подкреплению его, Миновичева, намерения, потому что не токмо того попа он не знает, но и о имени его, что есть ли у объявленного лакея Касаткина такой брат священник, ни от кого не слышал.

А сверх того он, Минович, точно уверяет, что хотя злодейское его намерение непременно в нем и находилось и легко бы верить можно, что в рассевании всяких в народе разглашений не последним был бы, но он в том утверждает, что не токмо сам оных разглашений в народ не впускал, ниже знает, кем бы то учиняемо было. Следственно, потому он, Минович, как дядей своих Миновичей, так и никого к тому не употреблял, и оные однофамильцы Миновичи о его злодейском намерении никогда знать не могли и действительно не знали, яко же и никто другие, кроме сообщника его Апполона Ушакова. Лакей же Тихон Касаткин, хотя в вышепрописанных с Миновичем непристойных разговорах и рассуждениях и употребился, но как самим Миновичем засвидетельствуется, так и собственным его лакейским ответом уверяется, ни к каким злодейским, а меньше еще в настоящих Миновичевых предприятиях в чем-либо известен не был. И кроме того только, о чем со оным Миновичем были разговоры, ни

в чем другом Минович ему не открывался и его, лакея, ни к какому злодейскому намерению не склонял. Также и к рассеванию всяких разглашений ни от него, Миновича, ниже от других кого употреблен не был, и сам того не чинил, да и за другими ни за кем оно не знает. А в прочем, не прикрывая при тех с Миновичем разговорах изъяснением собственных его неудовольствий о выпуске дворцовых лакеев сержантскими чинами, и о производстве им медными деньгами жалованья, с неподлежащим ему сравнением преимущества времен, признает себя во всем том виновным, без всякого в том себя оправдания.

А что же принадлежит до оговоренного им, лакеем, конной гвардии рейтара Максима Торопченина, в слышании им, лакеем, от него выше сего упомянутых речей, то хотя оный рейтар противу показания его, лакея, в том и отперся, а показал, что как он, рейтар, к нему, лакею, пришел прочитать одно письмо, и выпив по стакану пива, оный лакей у него, рейтара, спрашивал: «Не слышно ли у них чего в полках?» — то якобы оный рейтар на то ему, лакею, и сказал, что у нас, дескать, переговаривают о маленькой сумятице. Лакей же, паки ему, рейтару, объявил, что у нас, дескать, переговорка есть, что как скоро государыня изволит в поход поехать, то опасаются, чтоб не было тревоги за кого-нибудь другого, во образе том, чтоб не привезен был Иванушка.

На что упомянутый лакей во вторичном своем ответе против того рейтара показания объявил, что всего того не было, и он-де, Торопченин, показывает то напрасно, а происходили-де у него, лакея, с ним разговоры таким порядком, как в 1-м его ответе показано.

Но с данной оному придворному лакею Касаткину и рейтару Торопченину очной ставки совершенно оказалось, что лакейское объявление суще справедливым осталось и что потому рейтар действительно ему, лакею, о том вышеупомянутые речи с тем объявлением сказывал, что он о том его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову донести намерен, уверяя при том, что он тех слов от рейтара же Хлопова с тем объяснением слышал, что о том-де везде говорят.

А как исследование учинением допросов напоследок упомянутого рейтара Хлопова, как то и он о везде говореном слухе рейтару Торопченину объявлял, еще к дальним и бесплодным следствиям без настоящего успеха повод дать могло бы, того для, в рассуждении учиненного опре-

деления и во оном пространно прописанных обстоятельств уважений, как учинением допросов рейтару Хлопову, так и дальние изыскания того слуха первоначального произносителя оставлено. А проступок рейтара Торопченина в том, что намеренное им его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову донесение вовремя не учинил, на Высочайшее рассмотрение и определение суда предается.

А как из допросов придворного лакея Касаткина оказывается, что священник Иван Матвеев речей понаслышке ж ему, лакею, сказывал, следственно, как и вышеупомянутые слухи, не что иное, как бесплодные дальности произвести могли б, то со уважения тех же вышеизображенных и во упомянутом определении показанных резоннов, допрос оному попу и от него иногда показующимся оставлен.

Но как между тем сообщник и товарищ его, Мировича, Апполон Ушаков, как то из своеручной в календаре Мировичевой записки видится, 23-го числа мая отправился из Санкт-Петербурга от государственной военной коллегии для отвозу денежной казны к господину генерал-аншефу, сенатору и кавалеру князю Михайле Никитичу Волконскому, то хотя та посылка ему весьма в том рассуждении противною и казалась, чтоб препятствием иногда их предприятию не послужила, но тем не меньше он ласкал себя оную столь споспешно отправить, что к отшествию Ее Императорского Величества из Санкт-Петербурга в Лифляндию для исполнения выше сего между ими условленного дела ему обратно поспеть.

Но как из Мировичева первого допроса, не меньше ж из копии учиненного брату Апполону Ушакова поручику Василью Ушакову допроса явствует, что он, Мирович, быв в последний раз в Санкт-Петербурге в половине июня месяца в квартере у брата товарища своего Апполона Ушакова поручика Василья Ушакова ж (который показал, что он, Василий Ушаков, действительно о его, Мировича, намерении и с братом его Апполоном Ушаковым имевшем [ся] заговоре сведом не был и никакого в их согласии участия совершенно не имел и не знает), сведал от приехавшего, обратно бывшего в команде частореченного Апполона Ушакова унтер-офицера, что он, Апполон Ушаков, утонул. То хотя сим приключением он, Мирович, верно и надежного своего друга и к желаемому предприятия исполнению надобного и полезного помощника лишенным

себя увидал, и ко исполнению вышеписанных между ими к предприятию надобных установлений немалых затруднений находить и мог, но тем не меньше, по вкорененной в нем злости, злодейского своего намерения оставить себя не преодолел, но, напротив того, еще вяще подкрепляя, устремил сего злодейского предприятия в то же время и такими же способами, как между им и Апполоном Ушаковым установлено и выше сего упомянуто было, действительно в дело произвести.

И хотя он, Мирович, в последний его в Санкт-Петербурге проезд по уведомлении о смерти товарища своего и старался наместника ему найти, но, о том остерегаясь неизвестным людям разглашать, оное оставил. Следственно, потому другого себе в том успеха, как выше изображено, и не имел. Однако и одного себя к приведению его предприятия на таком и ниже сего упомянутом основании, как то он и действительно произвел было, достаточным быть чаял. В чем, по всякой вероятности, в самом деле и предугадать мог бы, егда б хотя не полным, но, однако, довольным своего намерения открытием определенного при арестанте капитана Власьева во всякой осторожности состоять не побудил.

Сколь же твердо еще и после смерти товарища его, Апполона Ушакова, намерение к исполнению его, Мировичева, предприятия в нем усилилось и сколь неотменно его в том устремительные мысли в нем пребывали, тому не токмо чинимые им разные записанные обещания засвидетельствуют, но еще и усиленные желания чрез хитрые разговоры, испытывая духов, иногда себе такого ж скоро к его видам и намерениям склонявшегося помощника, какого то ему в Апполоне Ушакове удалось сыскать, старался. Сего дня, пришед в день Иоанна Крестителя, то есть июня 24-го числа, из крепости Шлиссельбургской в форштадт² оной, в квартиру Смоленского пехотного полку капитана Миллера и услышав к себе от тамо ж между прочих офицеров весьма в пьяном образе находящегося того ж полку капитана Василья Бахтина с дружеским к нему, Мировичу, изъявлением, сей вопрос: «Откуда ты приехал?» — и, отзываясь на то, он, Мирович, ему, что пришел из крепости Шлиссельбургской, где у коменданта и обедал, оный Бахтин ему, Мировичу, выговорил: «Что ты, брат, не весел приехал? Я знаю, что ты задумал, а коли смерть, так смерть!» — пошел на другой день к нему, Бахтину, в квартиру нарочно выведывать, может ли оный Бахтин к тому иногда склон-

ным себя оказать и потому им, Мировичем, к своему намерению приведенным быть.

Но, не увидев от одного Бахтина ни малейшего отъезда и не приметив ни тогда, ни пред тем, ни после того никакого в нем к тому в его, Мировича, предприятиях согласного поступка, далее о себе в том ему открываться и искушать оставил, опасаясь, дабы как он, Бахтин, человек постоянный, добропорядочный, совестный и к отважным делам может столь же неспособным, как и не склонным, при дальнем его, Мировича, открытии о том донести и его предвременно в неоминуемую гибель привести не мог.

А как вышеупомянутые капитаном Бахтиным в пьяном образе при дружеском изъявлении без всяких других видов произнесенные (между пьяных друзей не редко употребляемые уверения) речи, о коих как Мирович в дополнительном ответе на 178-й странице в 8-м пункте, в котором паки его, Бахтина, он, Мирович, о неимении в предприятиях его ни малейшего сведения, наиторжественнейшим образом очистил, сам засвидетельствует, что тех речей никому слышно не было, и он, Бахтин, может и не помнить, что оные были ли в самом деле говорены или нет, еще не малейшего сумнительства, а меньше доказательством Бахтина в сем деле имевшего сведения; и что как по взятому об нем, Бахтине, как обыкновенном, так и особливом о постоянстве кондуите и поведении его Смоленского полку от господина полковника Римского-Корсакова аттестатам оказывается, что он, Бахтин, себя так, как честному дворянину и исправному офицеру надлежит, в поведении своих содержит, а предосудительных и таких пристрастиев, кои б о непостоянстве и неосновательстве его засвидетельствовать могли, за ним не присмотрено, [то] в таком случае для минования ни прямо опороченного, ниже в справедливом сумнении состоящего невинного, честного человека, дворянина и офицера от преогорчений ему, Бахтину, в том допросы оставлены. Паче и в том уважении, что хотя бы ему, Бахтину, в том и учинились бы допросы, то все б от его собственных речей, своим мнениям и толкованиям кои всемерно не в противность, но в пользу и защищение его неотменно иметься могли, зависело б.

А как он, Мирович, как выше сего упомянуто, после смерти верного и надежного своего сообщника и товарища Апполона Ушакова, не взирая на то, что он на место его се-

бе другого помощника найти надежды не имел, непременно злодейского своего намерения в действо произвести день ото дня вяще утверждался и одного себя к произведению довольным почитал, то как уже отшествие Ее Императорского Величества из Санкт-Петербурга в Лифляндию 20-го числа июня месяца воспоследовало, и по его исчислению возвращение Ее Императорского Величества в скором времени быть имелося б, то как он во время того Ее Императорского Величества отсутствия свое злодейское предприятие действительно исполнить и совершить вознамерился, переписав вышеупомянутый манифест от имени Ивана Антоновича на одно свое имя, равномерно ж и от своего имени письмо, пред сим от его и Ушакова к Ивану Антоновичу писанное.

Хотя ему, Мировичу, очереди и не было, но вместо другого офицера в крепость Шлиссельбургскую на карауле с тем намерением стать домогся, чтоб во время того караула намерение свое всеконечно в действо произвести. Почему июля 3-го числа, не имев тогда как из посторонних, так и из караульной команды себе сообщников или к предприятию его приглашенных, действительно на карауле стал с тем неотменным намерением, чтоб во время оного на карауле стояния ему то злодейское предприятие в дело произвести.

Но на другой день того его на карауле пребывания, июля 4-го числа, то есть в воскресенье, часу в 10-м пополуночи, приехали в крепость Шлиссельбургскую из-за реки с форштадта четыре человека, в том числе трое офицерских рангов, а четвертый купец. Из коих он, Мирович, двух хотя не по имени знал, но показать мог и которые по сыскании оказались быть, а именно: первый — канцелярии от строения полку капитан Загряцкий, второй — того же полку подпоручик князь Семен Чефарицев, третий — регистратор Василий Бессонов, четвертый — купец Шелудяков, кои тот приезд в крепости имели единственно, как того числа воскресный день был, к обедне, а отслушав оную, по зову коменданта у него обедали, где и Мирович был приглашен. А как он, Мирович, в комендантские покои пришел и во оных из приезжих князь Чефарыцева увидал, то, учиня взаимственное поздравление, с ним вместе сошелся, где между посторонними разговорами оный князь без всякого Мировичева начинания сперва ему, Мировичу, вызвался тою речью: что здесь-де вить содержится Иван Антонович, о коем он, Чефарыцев, будучи еще сенат-

ским юнкером от сенатских подъячих разные обстоятельства сведал.

На что ему Минович отвечивал, что он давно знает, что он здесь содержится. А потому и прочие у него, Миновича, со оным князем разговоры единственно касающиеся до той же особы, происходили. Из чего он, Минович, и заключил, что хотя-де он реченного князя прямых, кроме упомянутых в его, Миновича, ответах, отзывом никаких не слышал, но по зараженному в нем к злодейственному предприятию намерению всемерно уповать мог, что оказываемая оного князя посредством имевших разговоров к сей материи горячность может быть-де по прибытии его, Миновича, в Санкт-Петербург и по свидании с ним, князем, иногда б к принятию в согласие его, Миновичева, намерения, оного князя и совсем готовым находить мог.

Для чего по оговору реченного подпоручика Миновича во всем том оный князь Чефарыцев был допрашиван, который о тех чинимых с Миновичем разговорах в ответе своем не только ничем не заперся и самую истину показал, но и гораздо более о тех разговорах в своем ответе, нежели как Минович объявил. С чем с очной ставки, данной с Чефарыцевым, он, Минович, во всем признался и на том его, Чефарыцева, ответе утвердился.

Он, Чефарыцев, показал, что оные разговоры случай имел чинить с ним, Миновичем, следующим образом. Что когда он, Чефарыцев, у него, Миновича, об Иване Антоновиче, вышед, на крыльце спрашивал и от него на то соответствие получил, то вышли паки в комендантские покои, откуда при коменданте в провожании всех вышеупомянутых особ пошли по крепости, а Минович для отпирания проломных ворот наперед пошел. А как взошли на сделанные в замке наподобие галереи перильца, то он, Чефарыцев, увидав сверху внизу недостроенные каменные палаты, о которых по любопытству спросил у оного Миновича, на что он ему, Чефарыцеву, сказал, что это-де построен был бывшим императором Петром Третьим цейсгауз или магазейн³. А оный-де построен не более время как в месяц или в пять недель.

И, окончив тут речь, пошли еще выше в башню, а оттуда, сошед и вышед из проломных ворот, шли вдвоем же по крепости, где и спросил он, Чефарыцев, у него, Миновича: «В которых именно комнатах Иван Антонович содержится?» На что Минович ему и сказал: «Примечай, как-де

я тебе на которую сторону головой кивну, то на ту сторону смотри, где-де увидишь переход через канал, тут-де он и содержится».

И так оным образом по данному знаку от Мировича он, Чефарыцев, те казармы, где оный Иван Антонович содержится, и видел, а оттуда уже до покоев комендантских шли без всяких разговоров, а по приходе туда, малое время посидев, паки со оным Мировичем вышли на крыльцо, и он, Чефарыцев, Мировичу сказал про Ивана Антоновича: «Вот этот человек безвинный от самых ребяческих ног содержится». На что Мирович ему сказал: «Это-де правда, очень жалок!» А потом и далее у него, Мировича, он, Чефарыцев, спрашивал: «Что, есть ли у одного арестанта в покаях свет, и какая ему пища идет, и разговаривает ли де кто с ним?» На что Мирович ему сказал, что свету-де никакого нет, а днем и ночью всегда огонь. Кушанья же и напитков весьма довольно ему идет, для чего и придворный повар здесь находится. Также-де он, случается, что разговаривает и с караульными офицерами.

А как еще и о том у него, Мировича, он, Чефарыцев, спросил: «Что, забавляется ли де он чем?» На что он, Мирович, ему и сказал, что как обучен, то забавляется чтением книг, а по случаю комендант ему и газеты читать носит. А притом он, Чефарыцев, Мировичу и то сказал про Ивана Антоновича, что его ведь-де можно и его высочеством называть? На что Мирович и сказал, что бесспорно можно.

Потом, взяв, Мирович, его, Чефарыцева, к себе в офицерскую кордегардию, где быв между посторонних разговоров, говорил он, Мирович, ему, Чефарыцеву: «Да, жаль-де, что у нас солдатство не согласно и загонено, а ежели бы де были бравы, то б Ивана Антоновича оттуда выхватил, и посадя на шлюпку, прямо прибыв в Санкт-Петербург, к артиллерийскому лагерю представил». Почему Чефарыцев его и спросил: «Что ж бы это значило?» На что Мирович сказал: «А что б значило, то значило, а как бы привез туда, так бы окружили его с радостью».

И, тем окончив речи, пошли к коменданту, откуда он, Чефарыцев, с регистратором Бессоновым вышед, ходили за крепостью, где его Бессонов спросил, о чем он разговаривает с офицером. Против чего Чефарыцев, ответствуя, сказал, что оный-де офицер рассказывает, что здесь есть первый номер «И». А как спросил его Бессонов, что заключается из того, то Чефарыцев отвечал, что здесь содержится Иван Антонович. За что его Бессонов, ударя

в голову, сказал, что «полно врать, дурак, да у дурака и спрашиваешь, не ври больше!»

И как он, Чефарыцев, оттуда с Бессоновым возвратились, и, у коменданта откушав, с прочими приезжими пошли из крепости вон, то он, Чефарыцев, с Мировичем шел позади, [и] сказал ему, Мировичу, в разуме том, чтоб не попался он, Мирович, в беду: «Смотри брат!» А Мирович ему на то ответствовал, что «я давно смотрю и сожалею, что времени недостает с ним, Чефарыцевым, поговорить, да к тому же де у нас и солдатство несогласно и не скоро к этому приведешь». Противу чего Чефарыцев ему отвечал: что-де «это правда, и я знаю». А подходя к шлюпке, как регистратор Бессонов просил одного Мировича, ежели будет в Петербурге, то б его посетил, то притом и он, Чефарыцев, равномерно тож и при самом входе на шлюпку, прощаясь с Мировичем, просил, чтоб посетил их, как будет в Санкт-Петербурге, и с тем расстались, а он, Чефарыцев, с регистратором Бессоновым никаких к тому клонящихся разговоров, которые у него, Чефарыцева, с Мировичем были, не имел, и от него на то ничего не слышал, кроме того как выше сего упомянуто.

А о сих слышанных им от Мировича речах он, Чефарыцев, как господину коменданту Беренникову по бытности в крепости, так и по прибытии в Санкт-Петербург никому не объявлял. А хотя точно в его намерении и состояло, чтоб по прибытии в Санкт-Петербург о том кому-нибудь из знатных особ донести, но как он в тот день был от пьяных напитков так отягощен, что не в состоянии нашелся и на другой день за приключившимся ему от того припадком донести. А как уже четыре дня прошло и после того 8 числа июля о учинившейся в Шлиссельбурге тревоге слух прошел, то он потому, и что он без ведома и позволения от своей команды в Шлиссельбург ездил, рассудя в себе, что время много упустил, и дабы за то не понести какого штрафа, донесением оставил. С каких же равных причин, может, и регистратором Бессоновым, а паче что и он без ведома своей команды из Санкт-Петербурга отлучился, о сказанных ему Чефарыцевым словах донесение учинить оставил.

И хотя Чефарыцев из вышепрописанных с Мировичем имевших разговоров и немало, хоть не настоящего с тем о Мировичевых намерениях сведения получил, что заподлинно куда они клонятся, не знал. И как в непристойном и ему неприличном деле разговоров возыметь, так и в том,

что об них, а паче о тех Миновичевых словах, коими он ему прямо отозвался о освобождении и привозе Ивана Антоновича к артиллерийскому лагерю действительно винным себя учинил, и в том признается, но как Минович сам показывает, что он, Чефарыцев, всемерно его, Миновича, самого того злодейского намерения и предприятия, которое он, Минович, напоследок точным делом исполнил, отнюдь совсем не знал, следственно, хотя в тех говоренных между ими речах, которые выше сего упомянуты, он, Чефарыцев, известным и учинился, но и то в знание его, Чефарыцева, вошло с одной его простоты, а его, Миновича, действительно злоковарным выведыванием приведен, как то он, Минович, и старался более его себе подобным учинить и тем, буде случай допустит к вступлению в точное с ним согласие, его заранее приготовить.

А в том же своем дополнительном ответе он, Минович, о говоренных им с Чефарыцевым речах, яко то о построении в Шлиссельбургской крепости в столь короткое время внутрь замка магазейна или цейхгауза, яко же и о хождении двух офицеров, капитана Власьева и поручика Чекина, к содержащейся под арестом особе, о упражнении и забавах оной особы и что учен, не меньше ж и что комендант к той же особе газеты носит — объявил, что все оное он, Минович, не посредством кого-либо именно знал и не разведал, но только единственно доходя своею догадкою и наслышкою посторонних людей, которых он никого поименно ниже знать, но и упоминать не может. А коменданта он никогда, чтоб он носил к той особе газеты, не видал, и чтоб разговоры офицеры с тою особою когда какие чинили, не знает. А все то князь Чефарыцеву сказывал с заключения своей догадки.

По отправлении ж вышеупомянутых четырех в крепости Шлиссельбургской бывших персон, коих сам комендант полковник Бередников из крепости в форштадт провожал, и откуда он, комендант, не больше как в полчаса времени в крепость паки возвратился, он, Минович, с помышлением исполнения его предприятием наполненным, по крепости расхаживая, увидел у той казармы, где та персона, которую он освободить хотел, содержалась, стоящего перед крыльцом караульного, при оной особе находившегося, — капитана Власьева. С коим по учинении взаимственно поклонения, приблизившись оный к нему, пошли прохаживаться по галерее, куда оный капитан

его, Мировича, по той причине отвел, дабы его непри-
метным образом от приближения, возбраняющего к ка-
зарме ходу, отвратить. Которому он, Мирович, без вся-
кого Власьевым к тому данного повода и начал в своих
намерениях открываться таким образом, что не погубит
ли он Мировича прежде предприятия его?

На что Власьев, не допустя его, Мировича, далее до раз-
говору, ту речь перервал и сказал, что когда оно такое,
чтоб к погибели его, Мировича, следовало, то он не токмо
внимать, ниже и слышать о том не хочет! И с тем не раз-
говаривая уже больше ничего, сошед с галереи, пришли
на пристань и, немного тамо посидев, пошли обратно
в крепость. И в воротах он, Мирович, упомянутого Власье-
ва звал в свою кордегардию посидеть. Но он, Власьев,
отозвался тем, что им никогда и ни к кому ходить не мож-
но, где и расстались.

И он, Мирович, пришел в свою кордегардию, куда по
приходе с большим размышлением о действительном его
злодейского намерения производстве упражнясь, приго-
товил себе в запас, егда его предприятие к тому концу дей-
ствительно дойдет, что он, получа Ивана Антоновича, со
оним в Санкт-Петербург отправится, то к подкреплению
его тамо дальних производств от имени Ивана Антоновича
указ Смоленского пехотного полку полковнику Римскому-
Корсакову о следовании ему с полком в Санкт-Петер-
бург к летнему Ее Императорского Величества дворцу.
Который указ при действительном его, Мировича, с Иваном
Антоновичем из Шлиссельбурга в Санкт-Петербург отпра-
влении ко упомянутому полковнику отправлен быть бы
имелся.

И как он, Мирович, в том твердо остался намерении,
чтоб всеконечно и непременно его предприятие в том его
в карауле стоянии и в самых малых днях в действо про-
известь, хотя не в ту ночь, в которую оно последовало,
то старался он, Мирович, приуготовить себе в подкрепление
того его злодейского предприятия из состоящих в его ка-
раульной команде солдат. Для чего тогда ж призвал он,
Мирович, к себе находящегося при нем на вестях солдата
Якова Писклова, коего наперед облаская дружескою лас-
кою, сказал ему прямо, что здесь содержится государь
Иван Антонович, и уговаривал его в вышеупомянутое на-
мерение, прибавляя к тому, что и солдаты согласны, и чтоб
он других солдат, знакомых ему, иль артельщиков к тому
скланивал.

На что он, Писклов, ему, Мировичу, и отозвался, что ежели-де солдатство будет согласно, то и он согласен. А по тому самому поводу чрез час пришед к нему, Мировичу, он, Писклов, сказал, что-де уже два человека из ребят хороших, на которых надеяться можно, к сему делу есть согласные*.

И так он, Мирович, после его, Писклова, в тое кордегардию прихода призвал к себе той же команды солдата Матвея Босова, к которому такого же содержания подговорные речи произвел, как и Писклову, на что оный солдат Босов согласился и сказал ему, Мировичу, что если-де прочие будут согласны, то и он не отстанет**.

А после означенных солдат, дабы одного по другом в согласие присовокупить, призывал он, Мирович, всех стоящих на карауле трех капралов, каждого поодиночке, в кордегардию ж и подговаривал их в согласие такими же самыми речами, как и вышепомянутых солдат. На что из тех капралов ему и объявили: первый — Андрей Кренев — много от того отзывался и склонности к тому не показывал, однако ж наконец по его, Мировича, уговору склонился и сказал: куда-де люди, туда и он, Второй — Николай Осипов, — коему он, Мирович, сверх тех речей, которые в подговорах прочим выше сего упомянутым употреблял, сказал, что уже семь человек согласных есть***. На что он, Осипов, ему, Мировичу, и сказал, что он не отстанет. Третий — Абакум Миронов, — который весьма много от подговору его, Мировича, отзывался и противным был с тем,

* В чем оный солдат Писклов (как из вторичного его, Писклова, допроса на 102-й странице явствует) не заперся и во всем том показал в сходственность его, Мировича, ответов. С тем токмо изъяснением, что хотя он, Писклов, по приходе после того в кордегардию, как Мирович его спросил, что «сыскал ли кого согласным из солдат?» — оному Мировичу и сказал, что есть человека два согласных к тому, надежных ребят, токмо-де то объявление он, Писклов, ему, Мировичу, в единственное угождение учинил, а в самом деле никого согласных не было. А хотя солдату Козме Дитятеву он, Писклов, о том, что Мирович ему объявлял и сказывал и притом, что не будет ли он, Дитятев, к тому согласен, у него спрашивал, но на то он, Дитятев, не согласился, а сказал ему, Писклову, что это-де дело великое. В чем и солдат Дитятев не заперся и показал в сходстве ж показания оного Писклова.

** Что и реченный солдат Босов, как то из ответа его на 103-й странице значит, не заперся.

*** Но оное-де число людей он, Мирович, ему сказывал для одной его приманки, а в самом деле, кроме двух — Писклова и Босова, еще [никого] не было.

что он в согласие ни для чего не пойдет, напоминая еще и самому ему, Мировичу, не лучше ли де оное дело оставить. Но как он, Мирович, к тому склонять его всякими мерами усиливался, то напоследок и он склонился и сказал, куда-де все, то и он не отстанет.

А по уговоре всех оных, по пробитии тапты, или вечерней зори, не запирая у ворот калитки, взяв он, Мирович, паки означенных трех капралов и, ходя с ними круг крепости, прежний им чинимый от него, Мировича, подговор повторял, на что из них Крениев и Миронов больше его уговаривали, и не другими, как токмо теми речьями к нему отзывались, что не лучше ли б то оставить. А Осипов, не отговариваясь, в том промолчал*.

И хотя таким к заговору склонением вышеупомянутых капралов и солдат он, Мирович, и предуготовил, но со всем тем, лаская себя, что капитан Власьев сказанные ему им, Мировичем, речи уважать и какого-либо из них употребления сделать не может, то ту ночь к исполнению своего намерения, дабы себя между солдатством еще больше к виду его благосклонных приумножить, и не употребил бы, ежели бы следующее ему первого своего намерения отменить и немедленно в той же ночи оное в дело произвести не побудило.

То как он, Мирович, по вторичном уговоре капралов из-за крепости возвратился и по приходе в офицерскую кордегардию, раздевшись, лег спать, но не прежде заснул, как пришел к нему, Мировичу, в начале второго часа пополудни караульный унтер-офицер Лебедев, объявляя ему,

* О чем и оные капралы Крениев, Осипов и Миронов в ответах своих на 96-й, 99-й и 101-й страницах показывали в сходственность его, Мировича, показания. Но токмо Миронов объявил, что хотя он Мировичу такие слова, что куда все, то и я не отстану, и говорил, токмо единственно наружным видом, а отнюдь не в самую истину, чтоб то учинить. А по одной той причине, чтоб скорее от него, Мировича, отойти. А что оные солдаты Писклов и Босов, капралы Крениев, Осипов и Миронов в прежних своих ответах о тех им, Мировичем, чинимых подговорах не показали и никому не донесли, то от единственной в том простоты и напрасного надежды ласкательства учинили, во уповании, что оное дело заподлинно Мировичем в действие произведено быть не может. К чему капрал Осипов еще и то прибавил, что он в самое то время, как тревога учинилась, о том хотел донести Смоленского пехотного полку полковнику, яко по близости той крепости в лагере состоящему, куда-де было в самый тот мятеж и пошел, но увидав, что у ворот определен усугубленный пред обыкновенным караул, и никого как в крепость, так и за крепость пропускать не велено, то и возвратился обратно.

что комендант полковник Бередников приказал ему, не беспокоя его, Мировича, пропустить из крепости гребцов. Причем он, Мирович, опасаясь оговоренных им капитану Власьеву речах от него, капитана, к коменданту доносу, спросил одного Лебедева: «Кто у коменданта есть?» На что будто Лебедев и сказал ему, что сидит капитан Власьев. А фурьер Лебедев в ответе своем на 164-й странице показал, что он от него, Мировича, такого спросу не слышал, следственно, и ему на то не соответствовал, в чем напоследок он, Мирович, и признался и объявил, что те вопросные от него к Лебедеву речи, а от Лебедева к нему на то соответствия не иначе как воображением тогда в смущенном его духе он, Мирович, за истинно себе представил.

И так он, Мирович, по сим его примечаниям стал приходить в страх, но между тем паки в половине второго часа он же, Лебедев, пришед к нему, Мировичу, объявлял, что велено по приказу комендантскому пропустить в крепость канцеляриста и гребцов, коих он и велел пропустить. А как уже в последний раз пришел к нему, Мировичу, оный же Лебедев и сказал, чтоб пропустить из крепости обратно гребцов, то изо всего того он, Мирович, и заключил, что оные им начатые говорить капитану речи, конечно, коменданту донесены. И для того, зная, что за сие его предпринятое злодейство не можно будет ему избегнуть того, чего он заслужил, приняв себе ту резолюцию, как уже предприятие его и мысли все к тому злодейству устремлялись, оное в действо произвести, не медля далее.

И, бывши в офицерской кордегардии часу во втором полуночи июля от 4-го на 5-е число не одет, забрав свой мундир, шарф, шпагу и шляпу и прочее в руки, сбжав на низ в солдатскую караульную, кричал всем караульным: «К ружью!» А как в той караульной не вся команда спала, но по разным местам, то посылаемы были им тогда из вставших от сна солдат для пробуждения других, и чтоб выходили все во фронт.

А он, Мирович, между тем одевся, вышел перед фронт, где и команда караульная в то же время, хотя и не вся (однако ж мало остались таких, которые б не собрались), находилась и в ружье стала. Почему он, Мирович, той команде и приказал заряжать ружья с пулями, которые, как и вся команда единогласно в ответах своих показала, и зарядили. А между тем, откомандируя из фронта при

одном капрале двух солдат к воротам, к калитке, где и без того обыкновенный часовой состоял, отправил с приказанием, чтоб никого они из крепости не выпускали*. А как в самое то время комендант из своих покоев вышел и, встав возле крыльца у оных покоев, вскричал оному Мировичу: «Что он такое делает? и на что собирает людей?» — то на те его, коменданта, речи он, Мирович, имея в руках своих ружье, бросясь на его, коменданта, ударил его ружейным прикладом в лоб столь сильно, что, разбивши оный с повреждением черепа до крови, его в беспмятстве учинил, приговаривая: «Что ты здесь держишь невинного государя?» И в самое ж то время, взявши оного за ворот халата, отдал команды своей солдатам под караул**.

Потом уже из четырёхшеренгошного фронта приказал он, Мирович, команде построиться в три шеренги и велел, чтоб весь фронт за ним, Мировичем, шел, что, как то и вся команда показала, и учинено. И вышед среди крепости, как стал доходить до той казармы, где гарнизонная команда состояла, от которой он, Мирович, был окликан: «Кто идет?» На что он и отвечивал, что «иду к государю». А как скоро против той команды поравнялся, то от оной прежде одним часовым, а потом всем фронтом залпом из ружей выпалено, напротив чего и он, Мирович, приказал своей команде таковым же образом соответствовать и выпалить всем фронтом. А выпаливши, находясь он, Мирович, в сожалении той персоны, о которой все его предприятие употреблено было, дабы оную не застрелить, как та пальба на оную казарму, где та особа содержалась, прямо чинилась, палить своей команде не приказал и велел возвратиться.

А бывший в сопротивлении при гарнизонной команде поручик Лука Чекин в ответе своем показал, что как он, Мирович, приближаться к ним с командою стал, то он,

* О чем и капрал Кренив, который к тем воротам от него, Мировича, был послан, в ответе своем (на 21-й странице), что он при тех воротах с одним, а не с двумя солдатами на карауле сверх обыкновенного при оных часового находился, а такой приказ от него, Мировича, чтоб ни в город, ни за город никого не впускать, слышал, показал в сходственность.

** О чем и вся команда сходственно засвидетельствует с тем, чтоб он как солдатам, так солдаты с ним ничего не говорили, что и он, комендант полковник Беренников, в ответе своем (на 217-й странице) равномерно же показал, прибавляя при том, что он, Мирович, при выговаривании тех слов примерялся ему в грудь ружьем со штыком.

Чекин, окликал оную караульную команду. На что ему и ответствовано, что «идем вас брать». Причем он, Чекин, дабы не допустить тою команду в близости к себе, приказал по них из четырех ружей выпалить. Напротиво чего уже и от той караульной команды выпалено. А потом и он, Чекин, приказал, зарядив своей команде ружья, залпом по них выпалить же. А как выпалили, то она караульная команда вся врознь рассыпалась. О чем и вся Миновичева бывшая во фронте команда в ответах своих объявила в сходственность противу показания оного поручика Чекина. В чем и Минович напоследок признался и утвердился в том на показание с обеих сторон бывших при сопротивлении команд.

И потому она караульная команда, отступя от приступного места, собрався против места лежащих пожарных инструментов, требовала у него, Миновича, виду, по чему поступать? Который им и ответствовал, что он имеет верный вид, для чего и побежал он, Минович, за имеющимися у него лжесоставными письмами, кои пред начатием того смятения выняв он из-под подушки, близ кордегардии сверх лестницы в имеющуюся на стене расщелину подоткнул. И, оттуда взяв, пришед и прочитал пред всею командою сочиненный им от имени Ивана Антоновича манифест. Одне те токмо возражения, которые больше, по его мнению, команду тронуть и к намеренному его, Миновича, предприятию их возбудить могли б, а не с самого начала оного ниже до конца, но середину написанного в нем.

А по прочтении оного всей команде учинил приглашение такими речми, что «поздравляю вас с государем!». Но бывшая с ним, Миновичем, при приступе вся фронтовая команда, также и случившийся тут по принуждению Миновичеву комендантский канцелярист Кондратий Михайлов в ответах своих объявили, что хотя Миновичем указ был и читан, но в каком оный содержании и к чему клонится, кроме солдата Егора Козмина, никто понять не могли, а другие, во отдалении стоя, и не вслушались. Да и он, Козмин, вслушался только, и то не довольно внимательным образом, из того читанного Миновичем указа, о какой-то будто увезенной денежной казне. А о поздравлении им, Миновичем, с государем ото всей бывшей в допросе команде единогласно о неслышании такого им поздравлении уверяется. В чем Минович, хотя в выговаривании о поздравлении с государем речей утверждается, но в том, однако, согласным состоит, что как тогда при

большом смятении был шум и такое развращение, что солдатство, смотря на сию тревогу, может, каждый имея особые свои мысли, всемерно того и вслушаться не могли.

А учинив сие, Минович, отошед шагов около четырех или далее от команды, кричал находящейся при той казарме гарнизонной команде, чтоб они не палили, а в противном случае он, Минович, будет по них из пушки палить. Но, не получив от них никакого на то ответа, а усмотря в то же самое время стоящего на галерее гарнизонной команды сержанта, кричал ему, чтоб он шел к нему. Но как он не пошел, то послал он, Минович, за ним вооруженных солдат и приказал его взять. Которыми к нему, Миновичу, и приведен. Коему, придав он, Минович, из своей команды солдат, приказал сказать гарнизонной команде, чтоб не палили, подтверждая притом, паки тож, как и сам он той команде кричал, чтоб палить перестали, угрожая пушкою. О коей, как он, Минович, изъяснился, что хотя-де сии речи о стрельянии из пушки им и говорены были, токмо он в том намерении не был, чтоб пушечною пальбою команду овладеть. А только к одному той гарнизонной команды устраиванию с намерением то чинил с тем, чтоб буде они с трех посылок не сдадутся и останутся со своим устремлением, то идти ему уже со своею командою на оных грудью на штыках.

Но посланный от него, Миновича, сержант не с другим успехом пришел и ему объявил как тож, что они палить будут.

О коей посылке к склонению гарнизонной команды, чтоб не палили, вся бывшая при Миновиче в приступе фронтальная команда, яко же и поручик Чекин, в сходствии его, Миновича, показания. А сержант Иштиряков показал, что он с вышеписанными Миновичевыми приказаниями к гарнизонной команде и от оной со упомянутым выше сего соответствием к Миновичу ходил по усильственному принуждению оногo Миновича. И что слышав от него те речи, [что] ежели он, Иштиряков, не пойдет, то [бы] велел солдатам его колоть, в чем и он сам, Минович, не заперся.

Видя ж он, Минович, такое устремительное от гарнизонной команды сопротивление, побежал в комендантские покои за ключами, которых места, где они висели, он, Минович, еще прежде знал. И для того нашед оные, взяв с обою солдат человек до шести и прикликав артиллерийских служителей и оных капрала, приказывая понудительно их солдатам с собою взять, кои и взяты. И так

с артиллерийскими человек до десяти забрав, пошел на бастион за пушкою*. А по приходе на оный бастион велел артиллерийскому капралу и всем бывшим с ним взять медную шестифунтовую пушку и везти в крепость. А он, Минович, между тем приказав артиллерийскому капралу идти и достать из погребца пороху и снаряды и, взяв ядра и картечи, нести к приступному месту, сам несколько отстав от везущей пушки, подтверждал стоящему как на том бастионе, где она пушка взята, так и прочим часовым кричал, чтоб ружья, при них имеющиеся, зарядить и из крепости никого не пропускать. А кто прорвется и поедет по реке в лодках, по тех стрелять. А кто в крепость едет, тех свободно пропускать.

А стоящий на том бастионе солдат Иван Сарасухин да у крепостных ворот солдат Иван Жданов в ответах своих показали, что они от Миновича о заряде ружья приказ в тож время, как и он, Минович, объявляет, слышали и те ружья заряжали. И из них Жданову двоекратно от Миновича приказано было как из крепости, так и в крепость никого не впускать. А чтоб такой приказ от Миновича был, ежели кто из крепости прорвется и поедет на лодках, по тех стрелять, а кто в крепость поедет, таковых пропускать, о том в ответах оных двух солдат яко же и всех бывших во время тревоги на часах не значит. О чем в последнем своем о разноречиях ответе он, Минович, показал, что было ли в такой силе от него часовым приказание, того он уверить потому не может, как в тогдашнее время другими и гораздо важнейшими мыслями он наполнен был, и может-де, что сие приказание единственным ему тогда воображением только было.

А по учинении того приказания догнав он, Минович, пушку, пришел со оною в крепость и, поравняясь против тех казарм, где приступ чинился, кричал, чтоб несли порох и снаряды. А как при том случае попался ему гарнизонный канцелярист, а чей прозванием не знает, то велел ему идти, чтоб порох и снаряды он приказал, скорее выдав, нести к пушке. Но как канцелярист воспротивился, то он, Минович, приставя к нему человек с шесть солдат, приказал с

* А как из ответов артиллерийских служителей (на 67 и 68 страницах) значится, что, кроме капрала Коркина, за пушкою из них никто не ходил, о чем и сам он, Минович, что были ль окроме одного капрала Коркина кто из артиллерийских служителей за тою пушкою (как то из последнего его о разноречиях ответа на 261-й странице в 4-м пункте значится), показал, что того не упомянет.

понуждением его вести, а буде станет противиться, то устраивать его колотьем штыками. Почему-де оный канцелярист уже с теми к нему приставленными солдатами и пошел.

А канцелярист Кондратий Михайлов показал, что когда он, Михайлов, требовал от караульного унтер-офицера пропуску с гребцами за крепость, то он, Мирович, выбежав из офицерской кордегардии, за то, что он ему по вопросу не сказывал, что он, Михайлов, у коменданта писал, отдал [его] стоящему под воротами часовому под караул. А потом отправил его Мирович, как и выше сего упомянуто, с приставлением к нему оружейных солдат для показания пороха и припасов. А при том от канцеляриста оказавшему сопротивление примерялся он, Мирович, ружьем со штыком в грудь его, что видя, солдаты прикладами раз до трех одного Михайлова ударили и с понуждением его уже к пороховому погребу безотлучно провожали. В чем и Мирович сам не заперся и в том признался. А кто те солдаты именно за препровождением одного канцеляриста были, яко же и те, кои его прикладами били, о том как Мирович, так и канцелярист Михайлов показать не могли.

А между тем, усмотря он, Мирович, в приносе того пороха и снарядов медленность, сам с некоторым числом солдат побегал к погребу и понуждал артиллерийского капрала, который всего того выдачею отпирался, сказывая, что у погреба замок и печать от их офицера, за чем он идти в погреб не смеет. Но Мирович устремительно и с великим угрожением приказал ему, ни на что не взирая, сломав замок, припасы и порох достать.

А как достали, то и пушку зарядили, о чем и артиллерийский капрал Архип Коркин, как о показании пушки, так и о выдаче пороху и снарядов, коих им без меры и весу (пороху половину капиармуса, фитилю палительного кусок, пакли на пыжи, тож и шесть шестифунтовых ядер) показал в сходственность его, Мировича, ответов, изъявляя притом, что все то он, Коркин, чинил из принуждения подпоручика Мировича, а во уповании, что то требование им, Мировичем, с дозволения комендантского чинится. В чем он, однако, потому не прав и тем обличен, что он сам коменданта, идучи за пушкою, видал содержащегося под караулом.

А пушку заряжал, как то из ответа гантлангера Степана Стрелкова (на 67-й странице) оказывается, он, Стрелков, по принуждению же подпоручика Мировича

и от команды его, в чем и сам он, Мирович, не заперся.

А по приходе от порохового погреба к своей команде он, Мирович, паки захватя гарнизонного сержанта Иштирякова, велел ему идти к гарнизонной команде и сказать, чтоб не палили. А буде сей последний раз будут палить, то уже неотменно увидят, что из пушки по них будут бить. Куда оный сержант ходил и, пришед обратно, ему, Мировичу, сказал, что они палить не будут. О чем как оный сержант Иштиряков и канцелярист Кондратий Михайлов, так и команда, бывшая при Мировиче, объявили сходственно.

А капитан Власьев и поручик Чекин в ответах своих показали, как-де они увидали, что привезенную пушку стали заряжать и действительно зарядили, в таком случае видя сей страх и не находя себя инако в состоянии быть, как только для спасения всей команды от напрасной и безвременной смерти сему внутреннему и сугубо злейшему неприятелю уступить, но не ранее того, как уже та особа, получением коей Мирович себя ласкал и за главнейшую себе добычу иметь поставлял, жизнь от них, Власьева и Чекина, истреблена была. А по учинении сего неоминуемого поступка, и егда сержант Иштиряков, прибежав, сказывал, что по их из пушки палить будут, то потому от них и сказано, что они палить не будут.

И хотя в караульной под предводительством Мировича команде действительно тридцать восемь человек точно действующих, а гарнизонной команды всех чинов только шестнадцать человек было, и всеми оными с обеих сторон во время того мятежа выпалено было патронов с пулями сто двадцать четыре, но со всем тем ни одного человека раненого, а меньше еще убитого ни в которой команде не имелось. Что не иному приписать можно, как по части тогда чрезвычайно велико состоящему туману, по части ж, что фронтовая команда на высоком, гарнизонная же в низком и несколько покрытом месте состояли, а еще и ночной поре, когда люди, от сна вставши, по большей части, может, не вовсе в настоящую память вошли.

Получив же Мирович вышепомянутое чрез сержанта Иштирякова известие, что гарнизонная команда палить не станет, он, Мирович, не медля ни мало со всею командою к той казарме пошел. А как на галерею сошел и в казарму ворвался, и что там происходило, то, хотя о том в первых его ответах против показаний капитана Власьева и поручика Чекина, яко же и других чинов, в казарме бывших, не во всем согласно показал, но по последним его очис-

тительным ответам все потом происхождение, как по его, Мировичеву, так и прочих объявлениям действительно состояло в следующем:

По взбежании на галерею, схватив он, Мирович, за руку поручика Чекина, тащил в сени, спрашивая: «Где государь?» А как ему Чекин отвечивал, что у нас есть государыня, а не государь, то он, Мирович, толкнув его, Чекина, сильно в затылок, сказал: «Пойди и укажи государя и отпирай двери», которые он, Чекин, и отпер. А по принесении огня оный Мирович, держав его, Чекина, левою рукою за ворот, а в правой руке ружье со штыком, выговаривал ему: «Другой бы тебя, каналью, давно заколол!»

А как он, Мирович, в казарму вошел и увидал лежащее среди казармы на полу мертвое тело, то, смотря на тех офицеров, сказал им: «Ах вы бессовестные! Боитесь ли бога? За что вы невинную кровь такого человека пролили?» На что они ему, Мировичу, отвечивали, что они того не знают, какой он человек, только то знают, что он арестант. А кто над ним что сделал, тот поступал по присяжной должности. При каком случае из числа ворвавшихся в ту же казарму некоторые солдаты требовали от Мировича позволения и себя готовыми казали их заколоть, но Мирович оным не только не позволял, но и запретил, приговаривая при том, он, Мирович, что теперь-де «помощи никакой нам нет, и они правы, а мы виноваты!» А кто таковы те солдаты, они показать не могут.

А по ответам бывших в той казарме комендантского канцеляриста Кондратья Михайлова, сержанта Якова Иштирякова, Мировичевой команды капрала Николая Осипова, солдат Евдокима Князева, Конона Ульянова, Федора Ефимова, Ивана Кускова, Ивана Акатова, Федора Горшинина, Егора Козмина, показано:

Канцелярист Михайлов, сержант Иштиряков, капрал Осипов, солдаты Кусков и Козмин говоренные Мировичем речи «что вы это сделали и такого человека погубили!» — яко же и от офицеров данное на то выше сего упомянутое соответствие слышали, а прочих никаких речей, яко же и тех, кто говорил и у Мировича позволения требовал, что не прикажет ли офицеров заколоть, как они, так и все выше упомянутые бывшие в казарме не показали.

И хотя из оных солдаты Евдоким Князев, Федор Ефимов, Иван Кусков, да избличенный при спрашивании о бывших в казарме от всей фронтовой команды солдат же Емельян Хомяков сверх предварительного и им

двоекратного увещевания с пристрастием под битьем батога в тех произнесенных, касающихся до умерщвления офицеров речах, что они сами того не говорили ль или от кого не слышали ль, были и спрашиваны, но они все в том утвердились, что таких речей как сами не говорили, так и ни от кого, кем бы говорены были, не слышали. А единогласно о том объявили, что хотя-де кто иногда такие речи и говорил, но как-де тогда почти вся фронтовая команда в тое казарму ходила, и мало-де разве таких осталось, которые бы не были и затем-де, как в той казарме при смятении от разговоров солдатских был шум, тех речей кто говорил, слышать было не возможно.

А хотя ж при собрании всей той фронтовой бывшей с Мировичем команды, что, не входил ли и еще кто из них сверх выше сего упомянутых чинов в казарму и не слышал ли тех речей, со увещеванием были спрашиваемы, токмо из них не только в слышании и произнесении тех речей кто б о себе или другом ком объявил, но ниже и тех, кто в казарму входил, более не показали, как токмо вышеписанного солдата Емельяна Хомякова.

После ж вышеупомянутых Мировичем с офицерами говоренных речей он, Мирович, подошед к мертвому телу и поцеловал руку и ногу оного, приказал солдатам то тело на случившуюся в той казарме кровать положить нести. А вынеся из казармы и перенеся чрез канальный переход, поставили. И некоторые солдаты из команды его, Мировича, говорили ему, Мировичу, что не прикажет ли он тех двух офицеров взять под караул, но он не приказал, уверяя их, что они-де и так не уйдут. А потом паки оное тело с кроватью подняв, при превождении его, Мировича, и всей тогда в расстройке находящейся команды наперед несли, где и капитан Власьев был веден.

По приходе же к фронтовому месту приказал он, Мирович, то мертвое тело поставить пред фронт и велел команде построиться в четыре шеренги. А по постановлении сказал он, Мирович, перед всею командою, что «теперь отдам последний долг своего офицерства». Для чего и велел бить утренний побудок. И пробивше оный, в честь мертвого тела приказал всей команде сделать на караул и бить полный поход, при чем и сам салютовал. А потом, подошед к мертвому телу, поцеловав оного руку, сказал всем: «Вот, господа, наш государь Иоанн Антонович, и теперь мы не столь счастливы, как несчастны. А всех больше за то я претерплю, а вы не виноваты и не ведали, что я хотел

делать. И я уже за всех вас буду ответственать и все мучения на себе сносить!» В чем и вся команда, и прочие при том в близости бывшие самое ж то показали.

И потом все три передние шеренги людей, и проходя четвертую, целовал, а как стал доходить к последним той шеренги людям, то сзади подошел к нему капрал Миронов взялся за его шпагу, которому он препятствовал, и сказал, чтоб сам комендант пришел взять оную от него.

Однако ж Миронов, на то не взирая, с помощью других солдат тое шпагу снял, а комендант, подошедши, сорвав с него знак, отдал под караул при фронте. Где оный содержался до прибытия Смоленского пехотного полку господина полковника Римского-Корсакова, по которого при самом арестовании Мировича, и как комендант тем посредством из-под караула свободным быть стал, послан был нарочный.

А как оный полковник того ж полка с секунд-майором Кудрявым, прибыв в крепость, подходил к фронтовому месту, то он, Мирович, сказал ему, что, может, он не видывал живого Ивана Антоновича, так ныне мертвого увидит, который-де теперь не телом, а духом кланяется ему. Но он, полковник, не останавливаясь нимало и не учиня на то никакого ответа, прошел прямо к коменданту, которых речей, кроме канцеляриста Кондратя Михайлова, ни от кого по ответам не показано. А оный канцелярист токмо следующие от него, Мировича, во время прихода полковника Римского-Корсакова возражения слышал, что вот-де сей лежит, показывая на мертвое тело, «наш государь Иван Антонович, которого я желал, но не получил!». А в прочем обо всем в том происхождении вся команда объявила в сходственность его, Мировича, показания.

По воспоследующей посредством арестования подпоручика Мировича в крепости Шлиссельбургской тишины и спокойствия прибыли с форштадта на секурс крепости на щерботе и одной лодке гарнизонной команды поручик Васильев и прапорщик Жеглов со оружейною всего в двадцати трех человеках состоящею командою по поводу слышанной ими происходящей в той крепости пальбы в сходственность имевших пред сим и от времени до времени подтвержденных от коменданта письменных приказов, чтоб на всякий случай тревоги находившиеся за рекою по квартирам команды, вооружившись, в крепость собирались. Но как по прибытии оных уже бывшее смятение совершенно окончилось, то, по справедливому на караульную Смоленс-

кого полку команду сумнению, комендантом оная гарнизонная команда оставлена и для лучшей безопасности особым пикетом расставлена была.

А как из чинимых всей Смоленского пехотного полку караульной, как фрунтовой, так и пожарной, не меньше ж крепостной артиллерийской команды и прочих чинов по допросам ответам оказывается, что не все одним духом наполненными, ниже единогласными состояли (и одни перед другими, как по предварительному от Мировича подговору и соглашению в знании действительно находились; так и другие, хотя без всякого о намерении сведения, но по прочтении Мировичем лжесоставного указа к исполнению злого его намерения отлично усердными изъявлялись; некоторые ж, однако, к повеленному им, Мировичем, с принуждения и поневоле приступить долженствовали, яко же еще и такие, кои никакого в том действительного участия, как только невольным зрением и слышанием всего происходимого, не имели) того для, из порознь чинимых ответов по важности вин следующим образом различены, а именно:

1-е, которые еще до начинания Мировичем действительного его предприятия производства о том самим Мировичем к тому действительно соглашены и подговорены были. И хотя солдат Козма Дитятев совершенно по приглашении его Пискловым к тому ж делу в сообщество не склонился и в том прямо отказал, но тем не меньше как он о том Мировичевом злодейском намерении в то ж время, как и вышеписанные в равной же силе известным состоял, а никому донесения не учинил, то хотя во время смятения при том не находился, но на часах по валу стоял, но всемерно, хоть не с большою разностию, равно как и пять первые себя винным учинил.

2-е, фронтовая команда и еще некоторые из прочих команд, хотя о намерении Мировичевом никакого предварительного знания не имели, но единственно по должной субординации по вскричании их офицера действительно в ружье вступили, оное с пулями зарядили и повеление его во всем слушали. Но в самом стрельянии на их же сослужащих товарищей гарнизонную команду, а больше еще и тем виновными себя и участие имевшими оказали, что по окончании от той гарнизонной команды пальбы, не токмо с великою жадностию Мировича в ту казарму провожали, но и разъяренными противо двух офицеров, капитана Власьева и поручика Чекина, оказались и во всем Миро-

вичевом злодейском им уже известном, следственно их поступками засвидетельствованном за благо принятом предприятии, столь охотно употреблялись, что озорничеством на посторонних с ними в согласии несостоящих нападение чинили и к исполнению того ж предприятия принуждали. И тем явственное подозрение против себя навели, что они к той Мировичем намеренно чинимой перемене по чинимом им от Мировича в том объявлении весьма охотно приступали.

3-е, капрал артиллерийский с четырьмя человеки канонеров и гантлангеров. Хотя в привозе и в зарядании пушки, тож в выдаче и принесении пороха и прочих снарядов принуждаемы были, но тем не меньше укрыванием себя при начале той тревоги от того случая отбыть бы могли, но, не учиня того, действительно заряданием пушки гарнизонная команда от страха принужденною себя видела против караульной Смоленского полку команды уступить. Не меньше ж против своей воли и усильнейшим принуждением Мировича и его команды к предупреждению его злодейского предприятия себя употребить повинными состояли, как то и выше сего в деле оказалось, комендантской канцелярии канцелярист Кондратий Михайлов и гарнизонный сержант Яков Иштиряков.

4-е, пожарная команда, которая по пробуждении и призыве их от своих разных постов стояла без ружей при одних тесаках подле фронтового места, ничем, как только зрением действующая, и употреблена была для караула при арестованном Мировичем коменданте, к коей и пристал сам собою из фронтовой команды один унтер-офицер фуриер Лебедев, коего по непроворству и большой простоте Мирович употребить в свое предприятие не желал, но тем, однако, не совсем безвинным себя учинил, что яко единственный унтер-офицер и по Мировиче второй командир, ему, Мировичу, никакого при начатии им злодейского предприятия представления не сделал, и тем подкомандных не предостерег. А егда б он такого представления ему, Мировичу, вслух при всей команде сделал, то б и уповать можно, что в заговоре неприготовленные Мировичу, может, и ослушными оказаться могли б, услышав, что предпринимаемое Мировичем всемерно в противность высочайшей службы и военных регул состоит.

Но сие не от чего другого, как совершенно от его простоты и непроворства происходило, ради чего, как то и заподлинно в нем беспримерная глупость и простота действитель-

но примечены, он и с имевшими небольшую винность присовокуплен.

5-е, никакого участия и вины всемерно не имевшими тех почитать должно, кои, не имея ни малейшего обо всем том сведения, тогда на разных причинах на часах состояли.

А как изо всего вышеписанного, а паче из разговоров, чинимых капитаном Власьевым с подпоручиком Мирovichем, по справедливости оказывается, что когда он, капитан Власьев, из говоренных Мирovichем слов основательное сумнение возымел, и комендант полковник Бередников, сколь бы то малое пред тем время ни было, как то Мирovich свое злодейство предприял, от оногo капитана уведомленным состоял, то всемерно арестованием оногo Мирovichа или отлучением иным образом его от команды, или высылкою из крепости, того злого приключения предупредить себя в состоянии видеть мог и того учинить неотменно долженствовал бы. И дабы еще и в том самую сущую истину изыскать, то как полковнику Бередникову, так и капитану Власьеву учиняемы были в том допросы, по коим и оказалось:

Полковник и комендант Бередников в ответе своем показал, что такие разговоры, и о чем, и где были у капитана Власьева с подпоручиком Мирovichем, и в которые часы, он не видал, и ему Власьев не объявлял. А капитан Власьев в ответе своем объявил, что он о слышанных от Мирovichа речах оному полковнику не доносил потому, что, как ему из тех Мирovichевых слов такого воследования действительно Мирovichева злодейства, какого то напоследок самым делом оказалось, заключить было не можно. И не предпринимая он из того еще какой опасности, о том, яко вероятности еще не имевшем и в коротких словах Мирovichем говоренном, деле, дабы тем напрасно в затруднения не войти, а паче в том рассуждении еще не донес, что по возложенной на него и товарища его поручика Чекина комиссии им отнюдь ни до кого в каком бы то обстоятельстве ни было, опричь того, к кому им собственно корреспондовать повелено, адресоваться не велено.

Почему открываясь о том того ж июля 4-го числа часу в шестом после половины дня своему товарищу поручику Чекину, за довольное быть признали донести господину действительному тайному советнику сенатору и кавалеру Никите Ивановичу Панину, в последование коего

написав он, Власьев, о том Мировичеве к нему учиненном отзыве рапорт и запечатав оный, понес господину коменданту полковнику Бередникову для отправления в Царское Село пополуночи в первом часу с требованием одного об отсылке. Коим того ж часа послано было за канцеляристом Михайловым и, сделав свой куверт, отправил с сержантом Иштиряковым, повелевая караульному унтер-офицеру фурьеру Лебедеву, чтоб одного сержанта и канцеляриста с гребцами за крепость выпустить.

Причем в самое то время подпоручик Мирович с командою уже во фронт становился и одного сержанта отправлением удержал, а между тем как комендант, вышед из своих покоев, Мировичу нареkanie о встревожении людей и зарядании ружей учинил, но им, Мировичем, арестован был, то он, капитан Власьев, выбежав из покоев комендантских, пробрався тесным проходом к своему посту по галерее, прибежав к команде своей, вниз на руки спустился в то время, когда уже пальба между обоих команд кончилась, и караульная команда, врознь рассыпавшись, к фронтовому месту разбежалась. И потому самым капитана засвидетельствованием комендант полковник Бередников ни малейшего о могущей опасности уведомления иметь не мог.

И хотя весьма невероятным быть казалось бы, чтоб такое важное и во исполнении своем весьма многих затруднений находящееся дело он, Мирович, действительно без всяких сообщников и заранее приуготовленных помощников предпринять, и в самом деле себя одного довольным к тому уж почитать и уповать мог бы, но легкомысленный и ни в чем основательный характер одного Мировича в совокупе с неограниченным в нем, действительно примеченным своелюбием, коим он столь же много, как бешеным за отказ на его прощении отмщением, так и предметом имевшего упования одним отважным поступком блистательную и его склонности прельщающую фортуна себе сделать наполненным состоял, всемерно вероятным быть представляет, что и заподлинно он, Мирович, все свое предприятие на одну отчаянную удачу полагал, но сие уважением следующих в деле ясно оказующихся обстоятельств еще больше тем подкрепляемо быть кажется, как:

в [о] 1-х, что ежели б он действительно, кроме Апполона Ушакова, еще каких сообщников у себя имел, то когда уже при исследовании дел не токмо все обстоятельства

его предприятия и самые те люди, кои токмо некоторого малого знания, и то околичным образом, в его предприятие возыметь могли, без изъятия открылись, сколь бы хитрым он, Мирович, и ни состоял, но в разные случаи с переменными оборотами предложенными допросами, каковы то и действительно ему учиняемы были, конечно, как бы нибудь, и хотя отдаленным образом, о тех его сообщниках открылось бы, коих он паче всего по учиненному своему плану в артиллерийском корпусе иметь бы мог. Но когда и самые те в разных состояниях и командах находящиеся люди, кои, как упомянуто, околичным образом, и то весьма мало, о его намерениях знать могли, открылись, кольми же паче действительно приуготовленные в том корпусе или инде известными не учинились бы.

во 2-х, когда, как из вышепрописанного дела оказалось, он, Мирович, яко сочинитель от имени Ивана Антоновича с общего с Ушаковым согласия составленного манифеста, важные им и сообщником его Апполоном Ушаковым оказуемые в том случае услуги весьма уважал, но по смерти упомянутого своего товарища оный найденный у него манифест переписал и во оказании в сем предприятии Ивану Антоновичу важных услуг только себя одного упоминает, а буде б у него, Мировича, заподлинно еще другие сообщники иметься могли, то весьма вероятно состоит, что не упустил бы он, Мирович, и об них в том переписанном манифесте упоминать, как, во-первых, для отдавания им по заслугам их достойной чести и похвалы, так, во-вторых, и паче всего для толь наилучшего их в том опасном деле себя употреблении поощрения.

в 3-х, равномерно ж переписывал он, Мирович, после смерти упомянутого своего сообщника и товарища Ушакова обще с ним подписанного им, Мировичем, сочиненного письма к Ивану Антоновичу. В коем, как и в первом, в пользу оного им, Мировичем, чинимое отчаянное предприятие наиважнейшим образом к своей похвале представляет. Но, не имев уже другого себе товарища, а желая, однако, чрез подписку еще других тому своему письму и предприятию какого-нибудь больше важного вида дать, по подписке собственного своего имени упоминает своим же рукописанием унтер-офицеров и капралов. И хотя из сих последних, как то по делу оказывается, некоторые поговору его, Мировича, и действительно ко исполнению его намерения склонились, но оная именам их отметка без ведома их и единственно по упомянутой причине чинена. Из

чего не меньше ж явственно оказывается, ежели бы у него, Мировича, еще какие-нибудь знатнее оных капралов сообщники имелись, то всемерно лучше с ими, нежели с капралами наряду, в товариществе состоять желал бы, и никакой причины находить бы не мог об них умалчивать, яко же и они со своей стороны, ведая, что термин⁴ ко исполнению намеренного предприятия настигши, свои подписки к его приобщить уже и сомнения большого возыметь не могли.

И потому уже и всемерно не иное заключить остается, как то, что он, Мирович, в отчаянном и совсем бешеном его предприятии, действительно ни сообщников, ни других мер, кроме того, как то и выше сего упомянуто оказалось, не имел.

Генерал-поручик Ганс Веймарн

Из записок Е. Р. Дашковой

Я <...> жила в Гатчине до возвращения императрицы из ее путешествия в Ригу, в полном уединении, выезжая из дому только для прогулки в экипаже или верхом.

За несколько месяцев до этого генерал Панин был назначен сенатором и членом совета. Так как у него не было своего дома, а моя квартира была чрезвычайно поместительна, я предложила ему занять ее, не желая делать приемов, ни тратить много денег в отсутствие моего мужа, а сама переселилась с детьми во флигель, где была и баня, необходимая для детей.

Генерал Панин занимал мой дом до отъезда императрицы в Ригу, куда он ее сопровождал. В качестве сенатора он каждый день принимал большое количество просителей; наши входы и выходы были на противоположных концах дома; кроме того, прием дяди происходил в весьма ранние часы, так что я никогда не видала его просителей, и не знала даже, кто они. В числе их, как оказалось впоследствии, был и Мирович, ставший знаменитым вследствие своего нелепого и преступного замысла вернуть престол Иоанну, заключенному в Шлиссельбургскую крепость. Это обстоятельство снова чуть не создало мне огорчения, возбудив подозрения, которых я решительно ничем не вызвала. Но моих принципов не понимали, а

высокое положение при дворе неминуемо сопряжено с горестями и неприятностями. Я слишком много сделала для императрицы и во вред собственным интересам, чтобы не стать мишенью для злобы и клеветы. <...>

Однажды дядя сказал мне, что во время своего пребывания в Риге императрица получила письмо от Алексея Орлова, сообщавшее ей про заговор Мировича; это известие очень встревожило императрицу, и она передала письмо своему первому секретарю, Елагину; письмо содержало приписку, гласившую, что видели, как Мирович несколько раз рано утром бывал у меня в доме. Елагин стал уверять ее величество, что это, по всей вероятности, ошибка, так как вряд ли княгиня Дашкова, не принимавшая почти никого, допустила бы до себя никому не известного и, по-видимому, не совсем нормального человека. Елагин не удовольствовался этим честным и прямодушным поступком и прямо от императрицы пошел к генералу Панину и рассказал ему все. Тот уполномочил его передать императрице, что действительно Мирович бывал рано по утрам в моем доме, но он приходил к нему, Панину, по одному делу в Сенате. К тому же Панин вызывался, если императрица пожелает, сообщить сведения о Мировиче, который был адъютантом полка, состоявшего под командованием Панина в Семилетнюю войну. Елагин отправился к императрице и передал ей, что граф Панин может удовлетворить ее любопытство насчет Мировича.

Действительно, государыня послала за Паниным; он рассказал ей все, что знал, и если, с одной стороны, он уничтожил в ней всякое подозрение в моем сообществе с Мировичем, то, с другой, вряд ли доставил ей удовольствие, обрисовав ей портрет Мировича, составлявший точный снимок с Григория Орлова, самонадеянного вследствие своего невежества и предприимчивого вследствие того, что не умел измерить глубину и обширность замыслов, которые он думал легко исполнить с помощью своего скудного ума.

Меня это все повергло в печаль. Я увидела, что мой дом, или, скорей, дом графа Панина, был окружен шпионами Орловых; я жалела, что императрицу довели до того, что она подозревала даже лучших патриотов, а когда Мировича казнили, я радовалась тому, что никогда не видела его, так как это был первый человек, казненный смертью со дня моего рождения, и если бы я знала его лицо, может

быть, оно преследовало бы меня во сне под свежим впечатлением казни.

Этот заговор так ничем и не кончился, а публичный суд над Мировичем (его допрос и весь процесс происходил при участии не только всех сенаторов, но и всех президентов и вице-президентов коллегий и генералов петербургской дивизии) не оставил никому в России ни малейшего сомнения насчет этого дела: все ясно увидели, что легкость, с которою Петр III был низложен с престола, внушила Мировичу мысль, что и ему удастся сделать то же самое в пользу Иоанна. За границей же, искренно или притворно, приписывали всю эту историю ужасной интриге императрицы, которая будто бы обещаниями склонила Мировича на его поступок и затем предала его. В мое первое путешествие за границу в 1770 г. мне в Париже стоило большого труда оправдать императрицу в этом двойном предательстве. Все иностранные кабинеты, завидуя значению, какое приобрела Россия в царствование просвещенной и деятельной государыни, пользовались всяким самым ничтожным поводом для возведения клеветы на императрицу. Я говорила в Париже (и до этого еще Неккеру и его жене, которых видела в Спа), что странно именно французам, имевшим в числе своих министров кардинала Мазарини, приписывать государям и министрам столь сложные способы избавиться от подозрительных людей, когда они по опыту знают, что стакан какого-нибудь напитка приводит к той же цели гораздо скорей и секретнее.

Из записок Г. Р. Державина

Мировичу отрублена на эшафоте голова. Народ, стоявший на высотах домов и на мосту, необыкший видеть смертной казни и ждавший почему-то милосердия государыни, когда увидел голову в руках палача, единогласно ахнул и так содрогся, что от сильного движения мост поколебался, и перила обвалились.

Часть седьмая
«КРЕПКО УМЕР!»

Убийство Павла I
1801 г.

Каких только легенд не сочиняли о происхождении великого князя Павла Петровича, будущего императора. Говорили, что его отец не Петр Федорович, а первый фаворит Екатерины II С. Салтыков, что ребенок вообще был подменен сразу после рождения, причем Елизавета подсунула роженице не то какого-то чухонского младенца, появившегося на свет в тот же день, не то даже собственного сына. Как бы то ни было, Павел сразу же оказался в центре различных династических комбинаций, сильно повлиявших на его судьбу и характер. Елизавета собиралась передать ему трон, минуя его родителей. В ходе переворота 1762 года сторонники великого князя не смогли отстаивать его интересы, но важно, что такие сторонники были. На протяжении многих последующих лет отношения между Екатериной и ее сыном омрачались скрытым соперничеством, пониманием того, что права Павла на престол куда солиднее, чем у Екатерины. Неудивительно, что сама императрица поддерживала разговоры о незаконном происхождении наследника. А Павел, напротив, демонстративно подчеркивал свою верность памяти Петра III. Чего стоило одно перезахоронение останков убитого монарха одновременно с погребением усопшей Екатерины. Два открытых гроба стояли рядом на отпевании, и в одной процессии их доставили в Петропавловский собор. По воле Павла у гроба Петра III шел Алексей Орлов...

Сын во многом напоминал отца — в привязанности к собственному войску, устроенному на прусский манер, — тогда это был ораниенбаумский отряд, теперь — гатчинцы, — в стремлении подтянуть шагистикой и суровыми наказаниями изнежившуюся при царицах гвардию, в упрямстве, вспыльчивости и непродуманности многих решений, в плохом знании государственных дел, от которых и отца, и сына намеренно держали подальше, но главное — в трагическом совпадении судеб. Когда петербуржцы прощались с

неожиданно усопшим Павлом, они слышали от стоявшего над гробом офицера ту же фразу, что звучала у тела Петра III почти сорок лет назад: «Проходите скорее!» И причины поторапливать публику были те же самые...

Демонстративно порывая с екатерининскими традициями, Павел словно искал рок и сам готовил общественное мнение к грядущему перевороту. Уже в 1797 году говорили: «Россия имеет ум, и бог ведает, может так стать, как с батюшкой...»

Если же отвлечься от некоторых внешних черт сходства и политических деклараций, то царствование Павла имеет все же весьма мало общего с эфемерным правлением Петра III. Сотрудники Петра III, готовившие его первые указы, явно были сторонниками своеобразного политического либерализма, реализованного в полную меру в эпоху Екатерины II. Павел же, напротив, «ужесточая» режим, придавая ему консервативные черты, строил совершенно иную систему отношений власти и подданных, чем-то превосходящую порядки при Николае I. Павел посягнул на привилегии дворянства — чего стоит возвращение телесных наказаний для привилегированных сословий, — и в этом главная причина конфликта между императором и его окружением.

Что же касается упорно распространявшихся толков о сумасшествии Павла, то они интересны для нас только как свидетельство о состоянии общественного мнения, неблагоприятного к императору. «Свет» может, оказывается, затравить и погубить не только вольнодумца-поэта, но и государя, если тот вызывающе пренебрегает интересами высшего сословия, к тому же избалованного долгим предыдущим царствованием.

Заговоры против Павла тлели все годы его правления. В представлении многих современников он сам оказался на престоле вопреки воле Екатерины, а значит, в соответствии с нормой 1722 года, незаконно. Да и принимал бразды правления Павел в 1796 году так, словно брал власть силой, не как законный наследник, а на манер дерзкого узурпатора: в Петербург спешно брошены голштинские войска, началась бесконечная череда отставок и опал екатерининских вельмож, развернулись гонения на учреждения, созданные императрицей, ее проекты и даже замыслы. Первые «конспирации» против Павла относятся к 1797—1799 годам, и тогда уже в них был замешан наследник — великий князь Александр. В 1800 году стал

сплетаться заговор, в конце концов стоивший императору жизни. Главную роль в нем играли Н. П. Панин, адмирал О. Дерибас и П. А. фон дер Пален. Но первый в ноябре отправился в ссылку, второй в начале декабря внезапно умер. Кстати, ходили слухи, что адмирала отравили заговорщики, боявшиеся, что известный своим коварством основатель Одессы решит выдать их планы Павлу. Остался один Пален, и, надо отдать ему должное, он мастерски справился со своим делом. Столь разветвленного и блестяще организованного заговора, осуществившегося к тому же целиком по задуманному плану, Россия, кажется, еще не знала. Многие детали паленовского предприятия до сих пор покрыты мраком, поскольку его участники, по вполне понятным причинам, не были расположены к полной откровенности. Достаточно сравнить между собой различные версии рассказа Л. Л. Беннигсена о произошедшем в Михайловском замке, чтобы заметить, как менялись важнейшие эпизоды в зависимости от того, когда и с кем беседовал генерал. Неудивительно, что и в единственной современной реконструкции событий марта 1801 года, принадлежащей перу Н. Я. Эйдельмана («Грань веков»), остаются, по признанию самого же автора, важные пробелы, которые едва ли удастся когда-нибудь заполнить.

Заговор 1801 года вылился в «переворот генералов». Конечно, простых солдат не слишком-то посвящали в политические планы лидеров движений и при других переворотах — как до, так и после свержения Павла. Но все-таки они хоть в какой-то мере представляли, с какой целью их вывели из казарм и на что отважились ведущие их командиры. Здесь иначе: объяснять солдатам ничего не стали. Известно, что несмотря на павловскую муштру, рядовые гвардейцы хорошо относились к императору; не случайно известие о столь странном переходе короны к Александру вызвало ропот и чуть было не привело к бунту.

Переворот, которым Россия отметила вступление в новое столетие, был не только последним из удавшихся дворцовых заговоров, но и оставившим по себе самую тягостную память. По сути дела, он был столь же бескровным, как перевороты 1741 или 1762 годов, но если восшествия на престол Елизаветы или Екатерины представляются нам как бы в романтическом свете, то этого не скажешь о воцарении Александра. Может быть, потому, что уж слишком мало похож пьяный Николай Зубов с табакеркой

в кулаке на очаровательную принцессу во главе воодушевленного воинства? Во всяком случае, невиданно разросшаяся в 1801 году измена превратила в какой-то момент все дело из рискованной борьбы в травлю покинутого и обманутого всеми человека. Если бы Павел и вырвался из своей спальни, его ждали внизу у лестниц и в переходах расставленные предусмотрительным Паленом офицеры с заряженными пистолетами. К тому же из истории этого заговора не вычеркнуть участия сына в убийстве отца, а оправдать его ссылками на неведение и юношеское недомыслие столь же непросто, как и напоминанием о русских полках, в скором будущем маршировавших по парижским мостовым.

Есть еще одна особенность переворота 1801 года — в нем как бы сплелись черты общественных движений XVIII и XIX веков. Свержение Павла произошло не только на рубеже столетий, но и на грани двух во многом различных эпох. Собственно, «устаревает» сама эта форма разрешения политического конфликта между властью и подданными. 1762 год не может повториться, как бы этого ни опасался Павел и ни желала в душе императрица Мария Федоровна. И вот уже Пален и П. Зубов, по некоторым сведениям, составляют некий конституционный акт, призванный начать процесс регламентации российского самодержавия. Пытались ли в действительности заговорщики заставить Павла подписать подобный документ — неизвестно, но существенно, что возникает сама идея конституционного ограничения монархии, принципиального изменения государственного устройства России. Вскоре эта цель станет куда важнее для конспираторов новых поколений, нежели просто замена одного государя на троне другим.

Когда Пален, отставленный от всех должностей, пребывал в Митаве, его навестил Павел Иванович Пестель. В долгих разговорах с глазу на глаз они провели много времени. Похоже, что собеседники остались довольны друг другом...

Из записок Э. фон Веделя

Император Павел неоднократно получал письменные анонимные донесения о царящем повсюду недовольстве. При его крайней подозрительности донесения эти часто доводили его прямо до бешенства, но не внушали ему

ни малейшего опасения за личную безопасность и трон. Дело в том, что он был крайне суеверен и твердо надеялся на некогда сделанное ему предсказание, что «он будет царствовать счастливо и беспрепятственно, если только таковы будут первые годы его правления». Этим, быть может, объясняется его указ, изданный по прошествии первых лет царствования и содержащий благодарность народу за его верность и сопровождавшийся возвращением из Сибири многих совершенно невинно туда сосланных. Он разрешил им вернуться в Петербург с обещанием возратить им прежние должности, но так как это было нелегко тотчас же сделать, то он эту мерю только приблизил к себе лишних врагов.

Имея перед глазами ужасный пример французской революции, русские аристократы, за которыми слепо следовал остальной народ, для свержения Павла с престола к революции прибегнуть боялись. Тогдашний вице-канцлер Панин, посол в Берлине, и адмирал Рибас придумали поэтому другой план, а именно произвести весь переворот в стенах царского дворца (адмирал умер до осуществления заговора). Панин тогда же впервые намекнул об этом плане великому князю Александру Павловичу, а затем повторил предложение совместно с тогдашним с.-петербургским генерал-губернатором графом Паленом, пользовавшимся полным доверием государя. Молодому и мнительному вследствие постоянно угрожавшей всей царской семье опасности великому князю дело было представлено так, что «пламенное желание всего народа и его благосостояние требуют настоятельно, чтобы он был возведен на престол рядом с своим отцом в качестве соправителя, и что Сенат как представитель всего народа сумеет склонить к этому императора без всякого со стороны великого князя участия в этом деле». Первоначально Александр решительно отказал в своей согласии, но затем дал себя уговорить, признал необходимость этой меры, но постоянно откладывал выполнение плана с одного срока на другой. Наконец, возникли причины — и в числе их не последнее место занимали страх, что заговор откроется, и постоянные угрозы Павла круто расправиться с своею семьею, — которые побудили великого князя дать свое согласие на немедленное приведение в исполнение намеченного плана.

Дело, однако, было фактически ускорено одним случайным обстоятельством. Будучи как-то не в духе, Павел имел

неосторожность произнести серьезную угрозу против своей любовницы княгини Гагариной (рожденной Лопухиной) и против своего любимца, графа Кутайсова, которого он из самого низкого звания возвысил до высших должностей. Император угрожал привести наконец в исполнение свой, как он выразился, *grand coup**¹. Об этом было сообщено графу Палену, который, как уже было упомянуто, был генерал-губернатором Петербурга и министром иностранных дел и полиции и пользовался полным доверием государя. Пален понял угрозу в ее полном значении. Он не без основания опасался, что подозрительность императора, которую ему до тех пор удавалось усыпить, наконец одержит верх и что жизнь как его, Палена, так и других заговорщиков висит на волоске. Ему был известен план императора заточить всю свою семью (государыню предполагалось сослать в Холмогоры, великого князя Александра Павловича запереть в Шлиссельбург, а Константина, который ничего не знал о заговоре, посадить в Петропавловскую крепость). Опасность казалась Палену тем более неминуемою, что без его ведома в Петербург были возвращены из сибирской ссылки два бывших фаворита императора, Аракчеев и Линденер**. Пален поспешил доложить великому князю о своих опасениях и умолял его долее не колебаться и определенно дать согласие быть соправителем с своим отцом. Он уверял его, что все готово к осуществлению этого плана и что от этого никакой опасности ни для царской семьи, ни для государства не возникнет. В случае же дальнейших проволочек государство будет неминуемо потрясено общим восстанием.

При таком значительном числе посвященных заговор не мог долго оставаться тайною, и если он не был открыт до тех пор, то это можно объяснить только всеобщей враждебностью и недоброжелательством к императору. Так, например, о заговоре знали все офицеры 1-го батальона

* *Sous peu je me verrai forcé de faire tomber des têtes qui jadis m'étaient chères*².

** Первый был тотчас по вступлении Павла на престол в течение одной недели произведен из поручиков артиллерии в генерал-лейтенанты. Император познакомился с ним, еще будучи великим князем во время своего путешествия в отдаленные окраины государства, когда Аракчеев устроил в его честь фейерверк. Второй был раньше прусским офицером и поступил на русскую службу с какими-то необыкновенными преимуществами. Затем они были сосланы вследствие какого-то каприза императора.

полка великого князя Александра (Семеновский) вплоть до юнкеров включительно.

Если бы не изумительное присутствие духа графа Палена, все подробности заговора могли бы случайно стать известными царю, и без того на основании полученных им анонимных доносов твердившему, что «он хорошо знает, что его хотят убить».

Дело было так. Как с.-петербургский генерал-губернатор и министр полиции Пален имел обязанность докладывать царю как о всех поступивших из провинции секретных донесениях, так и о всех вообще новостях в столице. Эти последние особенно интересовали Павла, даже если касались интимных семейных обстоятельств. Однажды утром Пален явился в кабинет государя с обычным докладом, по рассеянности имея в кармане вместе с письменным рапортом полный список заговорщиков. Государь пошел к нему навстречу и, сунув руку прямо к нему в карман, в обычном шутовском тоне сказал: «Ну, что у тебя для меня сегодня новенького?» Пален, донельзя перепуганный, однако не растерялся, сунул и свою руку вслед в карман и попридержал список заговорщиков, который узнал по более толстой бумаге. В руках царя таким образом очутился лишь рапорт, наполненный массою истинных, а наполовину присочиненных столичных анекдотов. Читая их, государь громко хохотал и, несмотря на свою подозрительность, не заметил крайнего замешательства генерала.

Из вождей заговорщиков налицо в Петербурге были Пален и Платон Зубов (фаворит Екатерины II). Панин был в Москве. Они-то и предложили Бенигсену, незадолго перед тем сосланному по капризу Павла в его минское поместье, пожалованное ему Екатериною за польский поход, и собиравшемуся туда уехать, секретно остаться в Петербурге. Бенигсен согласился, и, когда его уведомили, что во главе заговора стоит великий князь Александр Павлович, он стал одним из наиболее деятельных членов его.

Между заговорщиками наиболее важными были: Зубовы (Николай и Валерьян), Орлов, Чичерин, Татаринев, Толстой, Трощинский, командир Преображенского полка князь Голицын, командир Семеновского полка Депрерадович, генералы Талызин, Уваров, адъютант государя Аргамаков, князь Яшвиль (брат того, который впоследствии был генералом), майор Татаринев и др.

Генерал Талызин дал званый ужин, на который были приглашены те офицеры, услугами коих предполагали

воспользоваться; в числе их было много молодежи, подвергнутой незадолго перед тем несоразмерно тяжким наказаниям за сравнительно легкие проступки. Вино лилось рекою, было много выпито, большинство этих господ были сильно пьяны. Здесь же в доме у Летнего сада была собрана часть солдат, другая часть была собрана на большом проспекте.

Тайный советник и сенатор Трошинский сочинил манифест, в котором было сказано, что «государь император вследствие болезни принимает в соправители великого князя Александра Павловича». Но так как предполагалось, что Павел ни за что не согласится на эту меру добровольно, то было решено его к этому принудить и в случае крайней нужды отвезти его в Шлиссельбург. Князь Зубов и генерал Бенигсен взяли на себя личные переговоры с императором, а Пален и Уваров должны были заботиться о сохранении внешнего порядка.

Сообразно с этим Зубов, Бенигсен и два других Зубова во главе отряда заговорщиков были проведены в Михайловский замок дежурным адъютантом царя Аргамаковым. Участвовавшие в заговоре пьяные молодые офицеры были сильно возбуждены, особенно после того, как Пален на вопрос, что им делать, если император будет деятельно сопротивляться, загадочно ответил: «*Quand on veut faire des omelettes, il faut casser des oeufs*»³.

Когда они подошли к покоям государя, находящийся на страже камер-гусар по требованию бывшего в этот день дежурным адъютантом Аргамакова им отворил двери. Один из пьяных офицеров-заговорщиков без всякой нужды ударил его по голове так сильно, что он изо всей мочи крикнул, и, хотя он тут же упал замертво, офицер хотел его прикончить из пистолета, но, к счастью заговорщиков, пистолет дал осечку. Уже при первом крике почти все заговорщики разбежались врассыпную; остались только Бенигсен, Зубов и четыре офицера. Бенигсен отворил дверь в спальню государя, который пробудился от крика и был на ногах. Когда Зубов увидел, что кровать пуста, то он подумал, что государь убежал, и был вне себя. Бенигсен же подошел ближе и нашел государя стоящим за испанскими ширмами с босыми ногами, в одной ночной сорочке и в колпаке и точно окаменевшим от ужаса. Зубов и Бенигсен подошли к нему с обнаженными саблями, и так как Зубов от страха и волнения совсем растерялся и не мог промолвить ни слова, то Бенигсен сказал: «Ваше величест-

во, вы арестованы». Государь ему на это ничего не ответил, обратился к Зубову и запальчиво спросил: «Que faites — vous, Platon Alexandrowitch?»⁴. В эту минуту один из офицеров доложил Зубову, что дворцовая стража собирается оказать сопротивление и что Палена еще нет. Зубов, ошеломленный, поспешно удалился. Бенигсен же остался непоколебимым и вторично обратился к государю с теми же словами, но снова не получил ответа; Павел с своей стороны сделал движение в сторону соседней комнаты, в которой хранилось оружие арестованных офицеров. Однако ему помешали некоторые из возвратившихся офицеров-заговорщиков, а Бенигсен поспешил запереть двери как этой комнаты, так и комнаты императрицы. Тогда государь закричал по-русски: «Арестован? Что значит арестован?» — и хотел прорваться силою; но тут на него набросились князь Яшвиль, майор Татаринов и многие другие пьяные офицеры, которых теперь была полна вся спальня. При этом ширмы опрокинулись, и все смешалось. Бенигсен еще раз закричал государю: «Тише, ваше величество, дело идет о вашей жизни», а тот снова ответил: «Арестован, что это значит — арестован?» На это один из офицеров воскликнул: «Уже четыре года назад следовало покончить с тобою!» На что государь ответил по-русски: «Что же я сделал?» В эту минуту в переднюю с большим шумом вошел Биби-ков с ротою семеновцев, и заговорщики, испугавшись, снова собирались разбежаться. Тогда Бенигсен с обнаженной саблей встал в дверях и пригрозил зарубить всякого, кто тронется с места. «Теперь нет больше отступления!» — воскликнул он. Он приказал князю Яшвилю охранять царя и поспешил в переднюю, чтобы распорядиться нарядом часовых.

Через несколько минут, когда все было устроено и он собирался вернуться в спальню, к нему навстречу бросился, как бешеный, какой-то пьяный офицер со словами: «Il est achevé⁵!» Бенигсен оттолкнул офицера и закричал: «Стойте, стойте!» — и, хотя он видел государя поверженным на пол, он не хотел верить, что он убит, так как нигде не видно было крови.

Самое убийство произошло следующим образом. От падения ширм император совершенно пришел в себя и без умолку громким криком звал на помощь. Он с силою оттолкнул державшего его Яшвиля и пытался вырваться. При этом они оба упали на землю. В это страшное мгновение гвардейский офицер Скеллерет (?) сорвал с себя шарф

и обвил им шею императора, а Яшвиль крепко держал голову, с отчаяньем боровшегося императора. Многие заговорщики, сзади толкая друг друга, навалились на эту отвратительную группу, и таким образом император был удушен и задавлен, а многие из стоявших сзади очевидцев не знали в точности, что происходит.

По совершении ужасного злодеяния все были страшно угнетены и расстроены. Подоспевший Бенигсен с страшными угрозами против убийц порицал их поступок, но тотчас же овладел собою, тщательно удостоверился, не осталась ли еще искра жизни и нельзя ли спасти императора, и, убедившись, что все кончено, велел положить тело на кровать. Он сообщил созванной прислуге, что государь умер от удара, и приказал им одеть его в мундир. Затем он отрядил офицера к князю Зубову, который в это время стоял перед прибывшим на смену дворцовым караулом вместе с братьями и великим князем Александром Павловичем и безуспешно побуждал их кричать «да здравствует Александр!». Но как только получилось известие о кончине императора Павла, солдаты тотчас же стали кричать «ура!» новому царю. Александр был, по-видимому, вне себя от отчаяния, узнав о нежданной кончине своего отца, но затем оправился, передал генералу Бенигсену командование над войсками и поручил ему охрану Михайловского замка, в котором в то время проживала царская семья.

Пален, который теперь вдруг снова нашелся, получил приказ уведомить императрицу о кончине императора Павла. Императрица пришла при этом известии в страшный гнев и грозила убийцам своего мужа жесточайшими карами, заявляя, что в смерть от удара нисколько не верит. Она непременно пожелала увидеть тело, и когда ей в этом было отказано, то направилась в покои к своей снохе, супруге Александра, где обнаружила не столько горесть по поводу кончины супруга, сколько совершенно другие чувства, которые вскоре определились яснее. Когда генерал Бенигсен передал ей от имени императора Александра просьбу проследовать в Зимний дворец, куда он вместе с великим князем Константином уже направился, императрица воскликнула: «Кто император, кто называет Александра императором?» Когда же Бенигсен на это ответил, что Александра называет императором голос народа, то она отвечала: «Ах, я его никогда не признаю». Не получая на это никакого ответа, она тихо прибавила: «Пока он мне не даст отчета в своем поведении во всей этой истории».

После этого она взяла Бенигсена под руку и повелела ему ей повиноваться и отвести ее в комнату императора. Но Бенигсен, все еще боявшийся солдат, с которыми Павел очень хорошо обращался и которые были ему преданы, остался непоколебимым и удержал императрицу на месте. Тогда она стала грозить ему будущей местью, а затем заплакала и, по-видимому, несколько успокоилась. Бенигсен вторично предложил ей отправиться в Зимний дворец, причем и молодая императрица присоединила свои просьбы. Но это не понравилось императрице-матери, и она на нее набросилась со словами: «Que me dites-vous? — ce n'est pas à moi à obéir — allez, obéissez, si vous voulez!»

Так как она ни за что не хотела оставить Михайловский замок, не увидав тела своего супруга, то Александр приказал Бенигсену согласиться на это, если это можно сделать без всякой опасности. Бенигсен же попросил прислать вторично Палена.

Между им и императрицей-матерью произошла бурная сцена. Пален, однако, принимал все вспышки гнева императрицы вполне хладнокровно и заявил, что, если бы даже он обо всем знал наперед, то все-таки благо государства и императорской семьи в достаточной степени оправдывает случившееся. Он всячески старался успокоить императрицу соображениями разума и политики, но все было напрасно. Тогда он опять отправился к императору с докладом.

Вслед за тем императрица снова схватила Бенигсена за руку и старалась принудить его к повиновению суровыми словами и угрозами. (*Madame, on ne joue pas la comédie*⁷.) Но Бенигсен с твердостью отказывался вести ее в комнату покойного императора, пока она вполне не успокоится. Тогда лишь она обещала владеть собою, если только ей покажут тело.

Бенигсен обещал ей это, подал ей руку и повел ее в сопровождении дочерей, за которыми она послала, в комнату, в которой император лежал, одетый в гвардейский мундир.

Здесь произошла сцена совершенно театральная. Прежде чем войти в комнату, где лежал покойник, императрица несколько раз садилась и восклицала по-немецки: «Gott, helfe mir ertragen!»⁸ Войдя в комнату, она громко вскрикнула, бросилась на колени перед кроватью, на которой лежал труп, и целовала руки императора; затем попросила ножницы и отрезала у него прядь волос. Тогда она встала

и заставила великих княжон проделать то же самое. Теперь она уже, казалось, собралась уходить, но вдруг она круто повернулась, приказала дочерям уйти, а сама снова бросилась на колена перед кроватью и сказала: «Я хочу быть последнею!» Затем только она вернулась в свои покои и облеклась в глубокий траур.

Она спокойно поехала в Зимний дворец, причем собравшиеся на пути ее огромные толпы народа встретили ее совершенно спокойно и совершенно не так, как она того ожидала. Дело в том, что Куракины и все их присные были ей очень преданы и, по-видимому, уже давно обнадеживали императрицу какими-то видами на престол, если он станет свободным не совсем обычным путем. Они были тотчас же удалены из Петербурга. Пален, чье двусмысленное непоявление в решительную минуту было истолковано в неблагоприятном для него смысле, а также все принимавшие деятельное участие в цареубийстве точно так же должны были немедленно выехать из Петербурга.

Из записок М. А. Фонвизина

Однажды Пален решился высказать великому князю¹ все и своей неумолимой логикой доказал ему необходимость для блага России и для безопасности императорского семейства отстранить от престола безумного императора и заставить его самого подписать торжественное отречение. Чтобы еще более убедить великого князя, Пален представил ему несомненные доказательства, что отец его подозревает и супругу свою, и обоих сыновей в замыслах против его особы, и даже показал ему именное повеление Павла в случае угрожающей ему опасности заключить императрицу и обоих великих князей в Петропавловскую крепость. Все это поколебало наконец сыновнее чувство и совесть великого князя, и он, обливаясь слезами, дал Палену согласие, но требовал от него торжественную клятву, что жизнь Павла будет для всех священна и неприкосновенна. По неопытности великий князь почитал возможным сохранить отцу жизнь, отняв у него корону! Согласие великого князя Александра Павловича развязало Палену руки и главным заговорщикам. Все было устроено к решительному действию: большая часть гвардейских офицеров были на их стороне, сами солдаты, особенно Семеновского полка, Преображенского 3-го и 4-го батальо-

нов, которыми командовали полковник Запольский и генерал-майор князь Вяземский, волновались и, недовольные настоящим положением и тягостною службою, желали перемены и готовы были следовать за любимыми начальниками, куда бы их ни повели.

Между тем император, как бы предчувствуя скорое падение или, может быть, предуведомленный кем-нибудь из немногих искренно преданных ему людей о всеобщем неудовольствии против него и о действиях его тайных врагов, становился день ото дня мрачнее и подозрительнее. Волнуемый страхом и гневом, он встретил графа Палена, который явился к нему с обыкновенным утренним рапортом, грозным вопросом:

— Вы были в Петербурге в 1762-м году? (год воцарения Екатерины вследствие дворцового переворота, стоившего жизни Петру III...)

— Да, государь, был,— хладнокровно отвечает Пален.

— Что вы тогда делали и какое участие имели в том, что происходило в то время? — спросил опять император.

— Как субалтерн-офицер я на коне в рядах полка, в котором служил, был только свидетелем, а не действовал,— отвечал Пален.

Император взглянул на него грозно и недоверчиво продолжал:

— И теперь замышляют то же самое, что было в 1762-м году.

— Знаю, государь,— возразил Пален, нисколько не смутившись,— я сам в числе заговорщиков!

— Как, и ты в заговоре против меня?!

— Да, чтобы следить за всем и, зная все, иметь возможность предупредить замыслы ваших врагов и охранять вас.

Такое присутствие духа и спокойный вид Палена совершенно успокоили Павла, и он более нежели когда-либо вверился врагу своему. Это происходило за неделю или за две до рокового дня и ускорило катастрофу.

Император жил тогда в Михайловском замке. Не доверяя любви своих подданных, он выстроил его как крепость, с бруствером и водяным рвом, одетым гранитом, с четырьмя подъемными мостами, которые по пробитии вечерней зари поднимались. В этом убежище царь считал себя безопасным от нападения в случае народного мятежа и восстания. Караул в замке содержали поочередно гвардейские полки. Внизу на главной гауптвахте находилась

рота со знаменем, капитаном и двумя офицерами. В бельэтаже расположен был внутренний караул, который наряжался только от одного лейб-батальона Преображенского полка. Павел особенно любил этот батальон, доверял ему, разместил его в здании Зимнего дворца, смежном с Эрмитажем, отличил и офицеров, и солдат богатым мундиром: первых с золотыми вышивками вокруг петлиц, а рядовых — петлицами, обложенными галуном по всей груди. Этот батальон он хотел отделить от полка и переименовать «лейб-компанией» — исключительной стражей, охраняющей его особу.

В замке гарнизонная служба отправлялась, как в осажденной крепости, со всею военною точностью. После пробития вечерней зари весьма немногие доверенные особы, известные швейцару и дворцовым сторожам, допускались в замок по малому подъемному мостику, который и опускался только для них. В числе этих немногих был адъютант лейб-батальона Преображенского полка Аргамаков, исправлявший должность плац-адъютанта замка. Он был обязан доносить лично императору о всяком чрезвычайном происшествии в городе, как то о пожаре и т. д. Павел доверял Аргамакову, и даже ночью он мог входить в царскую спальню. Мостик (этого мостика я уже не видел: он был снят скоро после воцарения Александра) для пешеходов всегда опускался по его требованию. Через это Аргамаков сделался самым важным пособником заговора.

Одиннадцатое число марта было последним роковым днем несчастного Павла I-го.

В этот день граф Пален пригласил всех заговорщиков к себе на вечер. По призыву его собрались все главные его сообщники: Зубовы, Бенигсен, многие гвардейские и армейские генералы и офицеры в полном мундире, в шарфах и орденах. Гостям разносили шампанское, пунш и другие вина. Все опоражничали бокал за бокалом, кроме хозяина дома и Бенигсена. Пален, Зубовы (в этом собрании не было графа Панина и Валерьяна Зубова), Бенигсен обращались к патриотизму присутствующих, говорили о настоящем бедственном положении России, что самовластие императора губит ее, и что есть средство предотвратить еще большие несчастья — это принудить Павла отречься от трона; что сам наследник престола признает необходимой эту решительную меру. Не было речи о будущей участи императора. Заговорщикам, кроме весьма немногих, и в голову не приходило, чтобы жизни его угрожала какая-

либо опасность. Восторженные подобными речами, а еще более питым вином и пуншем, заговорщики требуют, чтобы их тотчас вели на славный подвиг спасения отечества.

Пален и генерал Талызин, предвидя это, распорядились заблаговременно, чтобы к полуночи генерал Дебрерадович с 1-м Семеновским батальоном, а полковник Запольский и генерал князь Вяземский с 3-м и 4-м батальонами Преображенского выступили на назначенное сборное место у верхнего сада подле Михайловского замка.

Получа донесение, что движение войск началось, заговорщики разделились на два отряда: один под предводительством Бенигсена и Зубовых, другой под начальством Палена. Впереди первого отряда шел адъютант Аргамаков, который должен был открыть заговорщикам вход в замок по известному подъемному мостику, который сторож во всякое время для него опускал. Пален с сопровождавшим его меньшим числом сообщников отстал от первого отряда, который встретил гвардейские три батальона уже на сборном месте. Зубов с своими сообщниками подошли к замку. Аргамаков впереди беспрепятственно провел их по мостику. Генерал Талызин двинул батальоны чрез верхний сад и окружил ими замок. (В верхнем саду на ночь слеталось бесчисленное множество ворон и галок; птицы, испуганные движением войска, поднялись огромною тучею с карканием и шумом и перепугали начальников и солдат, принявших это за несчастливое предзнаменование.)

Зубов и Бенигсен с своими сообщниками бросились прямо к царским покоям. За одну комнату до Павловой спальни стоявшие на часах два камер-гусара не хотели их впустить, но несколько офицеров бросились на них, обезоружили, зажали им рты и увлекли вон. Зубовы с Бенигсеном и несколькими офицерами вошли в спальню. Павел, встревоженный шумом, вскочил с постели, схватил шпагу и спрятался за ширмами. (В рассказе об умерщвлении Павла в «Истории консульства и империи» Тьера действия и слова Платона Зубова приписаны Бенигсену, который будто бы один остался с императором, потому что прочими заговорщиками овладел панический страх и они хотели бежать, но Бенигсен остановил их.)

Князь Платон Зубов, не видя Павла на постели, испугался и сказал по-французски: «L'oiseau s'est envolé»², но Бенигсен, хладнокровно осмотрев горницу, нашел Павла, спрятавшегося за ширмами со шпагою в руке, и вывел его

из засады. Князь Платон Зубов, упрекая царю его тиранство, объявил ему, что он уже не император, и требовал от него добровольного отречения от престола. Несколько угроз, вырвавшихся у несчастного Павла, вызвали Николая Зубова, который был силы атлетической. Он держал в руке золотую табакерку и с размаху ударил ею Павла в висок, — это было сигналом, по которому князь Яшвиль, Татаринов, Горданов и Скарятин яростно бросились на него, вырвали из его рук шпагу: началась с ним отчаянная борьба. Павел был крепок и силен: его повалили на пол, топтали ногами, шпажным эфесом проломили ему голову и наконец задавили шарфом Скарятин. В начале этой гнусной, отвратительной сцены Бенигсен вышел в предспальную комнату, на стенах которой развешаны были картины, и со свечкою в руке преспокойно рассматривал их.

Удивительное хладнокровие! Не скажу — зверское жестокосердие, потому что генерал Бенигсен во всю свою службу был известен как человек самый добродушный и кроткий. Когда он командовал армией, то всякий раз, когда ему подносили подписывать смертный приговор какому-нибудь мародеру, пойманному на грабеже, он исполнял это как тяжкий долг, с горем, с отвращением и делая себе насилие. Кто изъяснит такие несообразные странности и противоречия человеческого сердца! — Пален пришел на место действия, когда уже все было кончено. Или он гнушался преступлением и даже не хотел быть свидетелем его, или, как иные думали, он действовал двулично: если бы заговор не увенчался успехом, он явился бы к императору на помощь, как верный его слуга и спаситель.

Но что делала тогда дворцовая стража? Караульные на нижней гауптвахте и часовые Семеновского полка во все это время оставались в бездействии, как бы ничего не видя и не слыша. Ни один человек не тронулся на защиту погибавшего царя, хотя все догадывались, что для него настал последний час. Караульный капитан был из «гатчинских» и из самых плохих, не вспомню теперь его имени. Один из офицеров, ему подчиненных, прапорщик Полторацкий, был в числе заговорщиков и, предуведомленный о том, что будет происходить в замке, вместе с товарищем своим арестовал своего начальника и принял начальство над караулом. Во внутреннем карауле Преображенского лейб-батальона стоял тогда поручик Марин. Услыша, что в замке происходит что-то необыкновенное, старые гренадеры,

подозревая, что царю угрожает опасность, громко выражали свое подозрение и волновались. Одна минута — и Павел мог быть спасен ими. Но Марин не потерял присутствия духа, громко скомандовал: «Смирно!» От ночи и во все время, как заговорщики управлялись с Павлом, придержал своих гренадер под ружьем неподвижными, и ни один не смел пошевелиться. Таково было действие русской дисциплины на тогдашних солдат: во фронте они становились машинами.

Великий князь Александр Павлович жил тогда в Михайловском замке с великой княгиней. Он в эту ночь не ложился спать и не раздевался; при нем находились генерал Уваров и адъютант его князь Волконский. Когда все кончилось и он узнал страшную истину, скорбь его была невыразима и доходила до отчаяния. Воспоминание об этой страшной ночи преследовало его всю жизнь и отравляло его тайною грустью. Он был добр и чувствителен, властолюбие не могло заглушить в его сердце жгучих упреков совести даже и в самое счастливое и славное время его царствования, после Отечественной войны. Александр всею ненавистью возненавидел графа Палена, который воспользовался его неопытностью и уверил его в возможности низвести отца его с трона, не отняв у него жизни.

Великий князь Константин Павлович не знал о заговоре и мог оплакивать несчастного отца с покойною, безупречною совестью.

Императрица Мария Феодоровна поражена была бедственною кончиною супруга, оплакивала его, но и в ее сердце зашевелилось желание царствовать. Она вспомнила, что Екатерина царствовала без права, и, может быть, рассчитывала на нежную привязанность сына и надеялась, что он уступит ей трон. Приближенные к ней рассказывали, что, несмотря на непритворную печаль, у ней вырывались слова: «Ich will regieren!»³

Новый император со всем двором на рассвете переехал из Михайловского замка в Зимний дворец. Все гвардейские и армейские полки тотчас присягнули ему. Статс-секретарь Трощинский написал манифест о восшествии на престол Александра I-го. Этот акт возбудил восторг в дворянстве обещанием нового самодержца — царствовать по духу и сердцу Великой Бабки своей.

Михайловский замок представлял грустное и отвратительное зрелище: труп Павла, избитого, окровавленного, с проломленной головой, одели в мундир, какую-то масти-

кой замазали израненное лицо и, чтобы скрыть глубокую головную рану, надели на него шляпу и, не бальзамируя его, как это всегда водится с особами императорской фамилии, положили на великолепное ложе.

Рано стали съезжаться в замок придворные, архиереи и проч. Приехал и убитый горестью Александр к панихиде. Посреди множества собравшихся царедворцев нагло расхаживали заговорщики и убийцы Павла. Они, не спавшие ночь, полупьяные, растрепанные, как бы гордясь преступлением своим, мечтали, что будут царствовать с Александром. Порядочные люди в России, не одобряя средства, которым они избавились от тирании Павла, радовались его падению. Историограф Карамзин говорит, что весть об этом событии была в целом государстве вестию искупления: в домах, на улицах люди плакали, обнимали друг друга, как в день Светлого Воскресенья.

Этот восторг изъявило, однако, одно дворянство, прочие сословия приняли эту весть довольно равнодушно.

Из записок А. Н. Вельяминова-Зернова

Однажды Талызин, возвращаясь поздно вечером домой, нашел на столе в своем кабинете запечатанное письмо; распечатывает — оно от графа Панина, который просит его содействовать фон-дер-Палену в заговоре против императора, говоря, что он уже рекомендовал его как надежного и верного человека военному губернатору. Талызин, истребя письмо, ждал последствий. Фон-дер-Пален, увидя его во дворце, спрашивает при всех, читал ли он письмо графа Панина, и, получив утвердительный ответ, просит его к себе в шесть часов вечера на совещание. Тут они познакомились и условились. Вот как делают опытные заговорщики!

В таком положении был заговор в конце 1800 года. Слухи о заговоре проникали во все кружки петербургского общества. Число сообщников умножалось. Время шло, а заговорщики почему-то медлили; чего еще поджидали — неизвестно. Вероятно, опасность предприятия колебала их души.

Но между тем сам Павел ускорил исполнение их замысла: он день ото дня становился запальчивее и безрассуднее в своих взысканиях, не замечая, что его умышленно раздражают, чтобы произвести более недовольных.

Наконец заговор сделался до такой степени известным в Петербурге, что и сам Павел узнал о нем. В гневе своем, наделав множество неприятностей на вахт-параде, он призывает к себе военного губернатора.

— Знаете ли вы, что было в 62-м году?

— Знаю, государь, — отвечает Пален.

— А знаете ли, что теперь делается?

— Знаю.

— А что вы, сударь, ничего не предпринимаете по званию военного губернатора? Знаете ли, кто против меня в заговоре?

— Знаю, ваше величество. Вот список заговорщиков, и я сам в нем.

— Как, сударь!

— Иначе как бы я мог узнать их всех и их замыслы? Я умышленно вступил в число заговорщиков, чтоб подробнее узнать все их намерения.

— Сейчас схватить их всех, заковать в цепи, посадить в крепость, в казематы, разослать в Сибирь на каторгу! — возопил Павел, расхаживая скорыми шагами по комнате.

— Ваше величество, — возразил Пален, — извольте прочесть этот список: тут ваша супруга, оба сына, обе невестки — как можно взять их без особого повеления вашего величества? Я не найду исполнителей и не в силах буду этого сделать. Взять все семейство вашего величества под стражу и в заточение без явных улик и доказательств — это столь опасно и ненадежно, что можно взволновать всю Россию и не иметь еще чрез то верного средства спасти особу вашу. Я прошу ваше величество веритья мне и дать мне своеручный указ, по которому я мог бы исполнить все то, что вы теперь приказываете; но исполнить тогда, когда на это будет удобное время, т. е. когда я уличу в злоумышлении кого-нибудь из вашей фамилии, а остальных заговорщиков я тогда уже схвачу без затруднения.

Павел дался в этот обман и написал указ, повелевающий императрицу и обеих великих княгинь развезти по монастырям, а наследника престола и брата его Константина заключить в крепость, прочим же заговорщикам произвесть строжайшее наказание. Пален с этим указом обратился к наследнику и с помощью некоторых приближенных к нему лиц исторгнул у Александра согласие низвергнуть с престола отца его.

Раздражение Павла возрастало каждый день. За два

или три дня до своей кончины он многим державам велел объявить войну. Курьеры с этими указами были задержаны, и это еще более ускорило его смерть и еще более склонило наследника на предложение заговорщиков. Однако Александр упорно настаивал, чтобы не лишать отца его жизни. Хотя это ему и обещали, но он должен был предвидеть, что лишить самодержавного государя престола, оставя ему жизнь, дело немислимое.

Коль скоро Павел не мог обуздывать сердца своего до такой степени, что даже увлекался в гневе противу равносильных ему иностранных держав, то уже само собою разумеется, что противу подданных своих негодование его доходило до величайшего иступления после известия о заговоре и после того, как он злобным и подозрительным оком смотрел и на жену, и на детей своих. Равным образом понятно, что заговорщики не могли оставлять его долгое время в таком сомнительном и опасном для обеих сторон положении. Надо полагать, что вышеприведенный разговор Павла с Паленом был не ранее как 10-го или, быть может, 11-го марта поутру; вероятнее, что 11-го.

В этот день император был очень гневен на своем вахт-параде, или разводе; однако не сделал никого несчастным. Вероятно, страх удерживал уже его. После развода военный губернатор приказал всем офицерам гвардии собраться в его квартире. Прямо из экзерцир-гауза офицеры отправились к нему и ждали более часу. Фон-дер-Пален все был во дворце. Пройдя домой особым подъездом, он немедленно вышел к собравшимся и с мрачным, расстроенным лицом довольно грозно сказал им: «Господа! Государь приказал объявить вам, что он службою вашею чрезвычайно недоволен, что он ежедневно и на каждом шагу замечает ваше нерадение, леность, невнимание к его приказаниям и вообще небрежение в исполнении вашей должности, так что ежели он и впредь будет замечать то же, то он приказал вам сказать, что он разошлет вас всех по таким местам, где и костей ваших не отыщут. Извольте ехать по домам и старайтесь вести себя лучше».

Все разъехались с горестными лицами и с унынием на сердце. Всякий желал перемены.

В тот же день 11-го марта вот что произошло в лейб-гвардии Семеновском полку.

Командир полка Л. И. Депрерадович приказал одному из батальонных адъютантов, молодому прапорщику 16—17 лет, явиться к нему после развода. Юный семе-

новец приезжает от военного губернатора прямо к командиру полка.

— У тебя есть карета? — спрашивает командир.

— Есть, ваше превосходительство.

— Где ты сегодня обедаешь?

— У тетки (такой-то).

— Ты не отпустишь кареты домой или куда в другое место?

— Нет, ваше превосходительство, а впрочем, как прикажете.

— Нет, этого не надобно, тем лучше. Поди сейчас к казначею и прими от него ящик с патронами; он такой величины, что уместится в карете под сиденьем. Возьми эти патроны и уложи их осторожно; храни их целый день; да смотри же, не отпускай карету никуда, а вечером, часов в 9, приезжай ко мне в той же карете и с патронами.

— Слушаю, — отвечал молодой человек, а сам стоял как ошолобелый и смотрел своему генералу в глаза.

— Ну, больше ничего — ступай и будь скромн; у нас сегодня будет новый император.

Юноша отправился с радостью в сердце и был уверен, что все его товарищи встретят эту новость с восторгом. Но он умел сохранить тайну даже от своих кузин; с товарищами он в этот день не виделся. В 9 часов вечера адъютант приезжает к своему генералу, и тот ему говорит: «Поди на полковой двор, там собран батальон в строю; обойди по шеренгам и раздай патроны сам каждому солдату по свертку в руку, как они приготовлены».

Адъютант исполнил приказание, и после того спустя часа полтора пришел на полковой двор Депрерадович и, обойдя батальон по шеренгам, стал посередине и самым тихим образом скомандовал: «Смирно! Заряжай ружья патронами». Во время заряжания он беспрестанно повторял: «Тише, тише, как можно тише!» Наконец спросил: «Все ли готово?» — потом также весьма тихо скомандовал: «По отделениям направо, марш!» Офицеры тише нежели вполголоса командовали: «Тише», а генерал так же тихо: «Марш!» Батальон направился к Михайловскому замку, идя сколь возможно медленнее, без всякого шума и разговоров. Офицеры соблюдали молчание и рядовым приказывали то же.

В Преображенском полку делались такие же приготовления, но не так медленно.

Несмотря, однако, на большую гласность заговора, не-

многие гвардейские офицеры были приглашены к содействию. Преображенский батальон выведен был только с шестью офицерами; в Семеновском было около того же числа, и из них некоторые были приглашены почти в самую минуту действия. Мне известно, что к одному преображенскому офицеру, Петру Степановичу Рыкачеву, который жил у своего родственника, приехал полковой адъютант Аргамаков с другими офицерами около 11-ти часов вечера, и, остановясь у подъезда, они послали звать его к себе в карету. Рыкачев был в халате и туфлях — он так и пошел к ним. Хозяин квартиры поручил ему звать гостей в комнату, но по прошествии получаса узнал, что они увезли с собою его родственника и что в карету ему подавали всю фронтную одежду и все офицерское вооружение. Хозяин знал о заговоре, но как разговоры об этом уже прислушались и в досаде, что приятели не вошли к нему, не обратил на это внимания, так что спокойно лег спать и поутру был разбужен уже поздравлениями с новым императором.

В поддержку заговорщиков не было другой вооруженной силы, как батальон Преображенского полка. В Измайловском полку довольствовались тем, что послали некоторых офицеров напоить пьянее обыкновенного командира полка генерал-лейтенанта Милютина, и этот пропил своего благодетеля. Командир лейб-гусарского полка, генерал-лейтенант Кологривов, тоже любил подгулять, и так как он за несколько дней перед тем был под гневом у государя, то фон-дер-Пален именем императора его арестовал, почему он не смел выехать из дома, не знал ничего и тоже прогулял всю ночь с приятелями. Наиболее опасный для заговорщиков из всех приверженцев государя граф Аракчеев был также в немилости и в отставке, жил в своем Грузине. Павел, узнав уже о заговоре и, может быть, не вполне доверяя Палену, послал Аракчеву приказание приехать немедленно в Петербург. Его ожидали в ту же ночь с 11-го на 12-ое марта. Вероятно, это обстоятельство и заставило избрать эту ночь для исполнения заговора, дабы упредить приезд Аракчеева. Военный губернатор приказал на заставе не впускать Аракчеева в город, а, задержав, прислать просить позволения о въезде его, объявляя, что это по воле императора.

Таким образом отстранены были все те, которых заговорщики могли опасаться, кроме Кутайсова, который ничего не понимал. Но всего удивительнее, какими довода-

ми граф фон-дер-Пален мог убедить государя переменить караул в Михайловском замке: поутру с развода занял все посты Семеновский полк; перед сумерками поставили преображенцев и во внутренний караул одного из заговорщиков — поручика Марина. Иные уверяют, будто Пален успел в том, положив тень сомнения на верность государю командира Семеновского полка Депрерадовича; это, однако, маловероятно: в таком случае надо было бы сказать Павлу, что в ту же ночь должно вспыхнуть восстание, но не приметно, чтобы Павел к тому сколько-нибудь приготовился.

Наконец, около 11-ти часов вечера, 11-го марта 1801 г., заговорщики собрались в квартире генерал-лейтенанта Талызина, что в лейб-компанском корпусе, т. е. в пристройке Зимнего дворца, где всегда квартирует 1-й батальон Преображенского полка. По мнению многих, тут выпито было большое количество шампанского; но родной брат одного из заговорщиков уверял меня твердо, что выпито было только по одному бокалу, и то уже по приезде фон-дер-Палена. Полагаю, что правда в середине этих двух крайностей.

Около часа ожидали военного губернатора. Он приехал в половине 12-го. Все вышли в залу его встретить. Он, не снимая шляпы, спросил: «Все ли готово?» Ему отвечали: «Все». — «Ну, хозяин, при этом случае надобно шампанского!» Фон-дер-Пален, выпивая первый, сказал твердым, но скромным голосом: «Поздравляю вас с новым государем». Пока разносили шампанское, он продолжал: «Теперь, господа, вам надобно разделиться: одни пойдут со мною, другие с князем Платоном Александровичем. Разделяйтесь!» Никто не трогался с места. «А, понимаю», — сказал Пален и стал расстанавливать без разбору по очереди — одного направо, другого налево, кроме генералов. Потом Пален, обратясь к Зубову, сказал: «Вот эти господа пойдут с вами, а прочие со мной. Мы пойдем разными компаниями. Едем!» Все отправились в Михайловский замок; Преображенский батальон пошел туда же скорым шагом.

Впущены они были в замок без всякого затруднения; подъемный мост опустили пред ними. Обе партии вскоре соединились. Фон-дер-Пален пошел в комнаты императрицы, и, разбудя статс-даму, которая всегда спала перед спальнею императрицы, сел в ногах ее кровати и стал рассказывать, что делается в замке и как бы предупредить

о том Марию Феодоровну, чтобы не произошло внезапной суматохи.

Между тем заговорщики уже доканчивали свое дело.

Когда они проходили мимо внутреннего караула, то караул для почести генералам стал перед ними в ружье, и, когда прошли они далее, Марин держал весь караул под ружьем, дабы вернее держать его в повиновении. Когда солдаты слышали шум и крик, то начали роптать. Марин, после многих повторений «смирно», прибегнул к другому средству: он скомандовал: «Старые екатерининские гвардейцы, вперед!» — и, когда те выступили, он присовокупил: «Ежели эти негодяи гатчинские пикнут хоть слово, то в штыки их, ребята!» Без сомнения, караул был подобран так, что большее число было не гатчинских.

Когда заговорщики подошли к спальне императора, то у дверей оной нашли спящего гусара. Гусар вскочил и сказал: «Не извольте ходить, император почивает!» Его хотели оттолкнуть; он сопротивлялся. Один из Зубовых, Николай или Валерьян — не знаю, нанес ему удар саблею, так что перерубил руку*.

Павел, услыша шум, вскочил с кровати. В испуге он не мог найти двери, которая вела на потайную лестницу, и спрятался в камин, заслоненный экраном. Заговорщики, входя в спальню императора, тщетно искали его несколько минут, но когда отодвинули экран, то луна осветила ноги, стоящие в камине. Вытащили Павла из камина и прежде всего стали высчитывать ему все его жестокости. Он бросился на колени перед ними, просил прощения и обещал вести себя впредь сообразно их воле. Он даже предлагал взять от него подписку, в которой он подпишет всякие условия, какие им угодно. Некоторые стали, глумясь над императором, выдумывать разные условия, иные предлагали ему отказаться от престола в пользу наследника — он на все соглашался! Бенигсен первый прекратил это пустословие, сказав: «Разве мы затем собрались и пришли сюда, чтобы разговаривать!» С этим словом мгновенно силач Николай Зубов ударил императора, стоявшего на коленях, золотою табакеркою в левый висок. Павел повалился на пол. Все бросились доколачивать его.

В этот момент императрица Мария Феодоровна ломится в дверь и кричит: «Впустите, впустите!» Кто-то из Зубовых вскричал: «Вытащите вон эту бабу!» Алексей Та-

* Этот гусар был награжден подарком каменного дома в Петербурге стоимостью в 50 000 рублей.

тарин^{ов}, мужчина сильный, схватил ее в охапку и понес, как ношу, обратно в ее спальню. Надо заметить, что императрица была в одной рубашке.

Долго не могли умертвить Павла — он был полон жизни и здоровья. Наконец сняли шарф с Аргамакова — он один только был в шарфе — и, сделав глухую петлю, задушили. На лице осталось много знаков от нанесенных ему ударов.

Тем временем преображенский батальон под начальством Талызина стоял против подъемного моста и заряжал ружья боевыми зарядами. Офицеры разными остротами и прибаутками возбуждали солдат против Павла. Семеновский батальон шел так медленно, что когда голова его показалась в воротах дворца со стороны Садовой улицы, то князь Петр Михайлович Волконский, как шефский адъютант этого полка бывший тогда при наследнике, подскакал верхом к батальону и закричал: «Помилуйте, Леонтий Иванович, вы всегда опаздываете» — и, не слушая отговорок Депрерадовича, прибавил: «Ну, теперь все равно — поздравляю с новым императором».

Так погиб полномочнейший властелин величайшей державы в свете, человек, рожденный с весьма хорошими способностями, довольно хорошо образованный и с благородными побуждениями. Почему все эти качества не спасли его от гибели? Потому, что первым качеством человека должно быть умение управлять своими страстями, и тогда только он может управлять другими. Гораздо большее число заговорщиков и гораздо осторожнее веденный заговор не мог бы успеть в этом убийстве, если бы не было на то общего молчаливого согласия всей столицы, общего желанья всей России.

Правда, что Павел не имел того просвещенного взгляда на быт государственный, который при воспитании сообщен был Александру. Это, повторяю, оттого, что Екатерина II не смела сменить Панина каким-нибудь образованным европейцем; она, вероятно, боялась при этой перемене возможных покушений со стороны Орловых, которым она слишком поддалась было сначала. В этом случае Екатерина II заплатила общую дань слабости человеческой; притом же она тогда была менее опытна, чем при воспитании своего внука.

В ночь убийства генерал Уваров с пятью или шестью офицерами отправлен был к наследнику престола для удержания его в бездействии. Александр плакал и рвался бес-

престанно идти на помощь к своему отцу. Офицеры, загоразивая ему путь, становились на колени и, простирая руки, умоляли его всевозможными убеждениями и даже ложными обещаниями, что Павел не будет лишен жизни, не идти к отцу и подождать возвращения от него заговорщиков. Таким образом Уваров и его сообщники протянули время до тех пор, пока главные заговорщики пришли провозгласить его императором. Благодушный Александр ответствовал на это поздравление горькими слезами и показался на короткое время двору своему смущенный и грустный. Великий князь Константин в это время был арестован отцом своим за какие-то неисправности по Конногвардейскому полку, которого он был шефом, и беспечно спал в своих комнатах.

Нет возможности описать восторг столицы при распространившейся вести о смерти Павла. На рассвете 12-го марта заговорщики рассыпались прямо из дворца во все концы Петербурга, каждый по своим знакомым. С бешеною радостью вбегая в дома спящих, громогласно еще из передней кричали они: «Ура! Поздравляю с новым государем!» Где дома были заперты, там сильно с криком стучались, так что будили всю улицу, и каждому, высунувшемуся в окошко, провозглашали свою новость. Все из домов выбегали и носились по городу с этою радостною вестью. Многие так были восхищены, что со слезами на глазах бросались в объятия к людям совершенно незнакомым и лобызаниями поздравляли их с новым государем.

В 9 часов утра на улицах была такая суматоха, какой никогда не запомнят. К вечеру во всем городе не стало шампанского. Один не самый богатый погребщик продал его в тот день на 60 000 рублей. Пировали во всех трактирах. Приятели приглашали в свои кружки людей вовсе незнакомых и напивались допьяна, повторяя беспрестанно радостные клики в комнатах, на улицах, на площадях. В то же утро появились на многих круглые шляпы и другие запрещенные при Павле наряды; встречавшиеся, размахивая платками и шляпами, кричали им «браво». Весь город, имевший более 300 000 жителей, походил на дом умалишенных.

Императрица Мария Феодоровна, несмотря на суровость и неверность своего супруга, была очень огорчена умерщвлением Павла, особенно же родом смерти его и поступком заговорщиков с нею. Она прежде всего потребовала

от императора, своего сына, чтоб Алексей Татаринов был удален. Его выписали тем же чином в какой-то армейский кавалерийский полк. Но к несчастью, полк этот пришел в Москву на коронацию, и через пять месяцев императрица опять увидела его и опять возобновила свои требования. Татаринов был отставлен вчистую, и ему велено было жить безвыездно в деревне. В какой? У него вместе с братом было всего семь душ! Его товарищ по полку, Сафонов, человек богатый, купил ему душ 50 с землею близ своего имения в Курской губернии, где Татаринов прожил более 30 лет. В 1814 году по убедительной просьбе своих родных, живших в Петербургской губернии, он решился их посетить. В то время как родные с нетерпением ожидали его, является к ним незнакомый человек и спрашивает, не здесь ли Алексей Татаринов, приехавший из Курска? Ему радостно отвечают, что ожидают его ежедневно. «Так я буду его дожидаться, — отвечает незнакомец, — я полицейский офицер, присланный из Петербурга, чтоб отвезти его обратно в Курск». Он приехал через сутки после полицейского и, переночевав только одну ночь, отправился обратно в свое курское обиталище.

Прочие убийцы Павла были также большею частию разосланы по деревням. Талызин умер через два месяца, Николай Зубов через 7 месяцев, Валерьян Зубов через два года и 4 месяца — как подозревают, все не без отравы.

Фон-дер-Пален также был удален. Все уверены в том, что он действовал надвое и, выигрывая время то перед спальней императрицы, то у дверей потаенной лестницы, он прислушивался, как идет дело, и, если б оно не удалось, он был готов явиться на помощь Павлу и перевязать всех заговорщиков. Замечательно, что из всех заговорщиков один только Уваров, человек самый ограниченный и необразованный, сохранил до самой своей смерти в продолжение более 20 лет милость и расположение императора Александра. Бенигсен, первый нанесший удар Павлу, был употребляем в службе во все царствование Александра. Волконский и Марин также не потеряли своей карьеры.

Кстати рассказать анекдот, доказывающий, как многим известен был заговор.

Какой-то екатеринский вельможа — полагаю, что граф Апраксин, ибо я слышал это от престарелой девицы, графини Прасковьи Алексеевны Апраксиной, которая называла его дедом, — смиренно жил в доме своем на Царицыном лугу. У него ежедневно был съезд родных, так

что всегда человек до 20-ти садилось за стол. 11-го марта один из его внуков, камер-юнкер тогдашнего двора, молодой взбалмошный повеса, сидя за ужином, около полуночи безотвязно просил у своего дедушки шампанского; тот долго не хотел исполнить его просьбы, но наконец согласился. Когда налито было шампанское, молодой человек, часто поглядывая на часы, наконец схватил бокал и громко возгласил: «Поздравляю вас с новым государем!» Все вскрикнули в один голос и разбежались по внутренним комнатам. Повеса остался один и, не дождавшись ничего возвращения, уехал. Через несколько часов предсказание его оправдалось. Графиня, бывшая свидетельницей, прибавляла, что этот молодой камер-юнкер по ветреному своему характеру и болтливому языку никак не мог быть в числе заговорщиков, а, вероятно, знал это только по слуху.

Извлечение из мемуаров Л. Беннигсена.

Основательные опасения вызвали наконец всеобщее желание, чтобы перемена царствования предупредила несчастья, угрожавшие империи. Лица, известные в публике своим умом и преданностью отечеству, составили с этой целью план. Его приписывали графу Панину, занимавшему пост вице-канцлера империи, и генералу де Рибасу из адмиралтейской коллегии. На кого им было лучше направить свои взоры, как не на законного наследника престола, на великого князя, воспитанного своей бабкой, бессмертной Екатериной II, которой Россия обязана осуществлением обширных замыслов Петра I и в особенности своим значением за границей,— словом; на этого великого князя, которого народ любил за прекрасные качества, обнаруженные им еще в юности, и на которого он смотрел теперь как на избавителя,— единственно кто мог удержать Россию на краю пропасти, куда она неминуемо должна была ввергнуться, если продолжится царствование Павла.

Вследствие этого граф Панин обратился к великому князю. Он представил ему те несчастья, какие неминуемо должны явиться результатом этого царствования, если оно продлится; только на него одного нация может возлагать доверие, только он один способен предупредить роковые последствия, причем Панин обещал ему арестовать императора и предложить ему, великому князю, от имени

нации бразды правления. Граф Панин и генерал де Рибас были первыми, составившими план этого переворота. Последний так и умер, не дождавшись осуществления этого замысла, но первый не терял надежды спасти государство. Он сообщил свои мысли военному губернатору графу Палену. Они еще раз говорили об этом великому князю Александру и убеждали его согласиться на переворот, ибо революция, вызванная всеобщим недовольством, должна вспыхнуть не сегодня завтра, и уже тогда трудно будет предвидеть ее последствия. Сперва Александр отверг эти предложения, противные чувствам его сердца. Наконец, поддавшись убеждениям, он обещал обратить на них свое внимание и обсудить это дело столь огромной важности, так близко затрагивающее его сыновние обязанности, но вместе с тем налагаемое на него долгом по отношению к его народу. Тем временем граф Панин, попав в опалу, лишился места вице-канцлера, и Павел сослал его в его подмосковное имение, где он, однако, не оставался праздным. Он сообщал графу Палену все, что мог узнать о мнениях и недовольстве столицы, на которую можно было смотреть, как на орган всей нации. Он советовал спешить, чтобы предупредить опасные следствия отчаяния и нетерпения, с какими общество жаждало избавиться от этого железного гнета, становящегося тем более тягостным, что находилось немало личностей, достаточно гнусных и корыстных, чтобы исполнять втайне роль шпионов в городах, где они втирались в общество, подслушивали, что там говорится, и часто одного доноса этих людей было достаточно, чтобы сделать несчастными множество лиц и целые семейства. Нельзя без чувства презрения вспомнить, что в числе этих низких рабов, занимавшихся ремеслом шпионов в городах империи, встречались люди всех слоев общества, даже принадлежавшие к известным, уважаемым семьям.

Павел был суеверен. Он охотно верил в предзнаменования. Ему, между прочим, предсказали, что если он первые четыре года своего царствования проведет счастливо, то ему больше нечего будет опасаться и остальная жизнь его будет увенчана славой и счастьем. Он так твердо поверил этому предсказанию, что по прошествии этого срока издал указ, в котором благодарил своих добрых подданных за проявленную ими верность и, чтобы доказать свою благодарность, объявил помилование всем, кто был сослан им, или смещен с должности, или удален в поместья, при-

глашая их всех вернуться в Петербург для поступления вновь на службу. Можно себе представить, какая явилась толпа этих несчастных. Первые были все приняты на службу без разбора, но вскоре число их возросло до такой степени, что Павел не знал, что с ними делать. Пришлось отослать назад всех остальных, что подало повод к новым недовольствам в стране, когда увидали возвращение большинства этих несчастных в Петербург из внутренних областей империи, большею частью пешком, и оставшихся без всяких средств к жизни. До сих пор множество людей, можно сказать большая часть нации, выносили этот железный гнет с терпением и твердостью в надежде на будущее более светлое и счастливое, ибо каждый предвидел и сознавал в глубине души, что такое несчастное положение не может продлиться долго, как вдруг одна жестокая выходка Павла довершила ряд его несправедливостей и сумасбродств.

Двое молодых людей, один военный, другой штатский, оба из хороших фамилий, поссорились между собой и дрались на дуэли из-за одной молодой дамы, пользовавшейся благосклонностью императора. Штатский был сильно ранен в руку. В этом состоянии его отвезли к матери, у которой он был единственным сыном. Можно себе представить ее горе. Павел ревновал к этому молодому человеку. Узнав о случившемся, он не мог удержать своей радости и выразил ее в одобрительных восклицаниях по адресу молодого офицера, которого он обласкал при первом же свидании. Но скоро снова пробудился его гнев против другого. Он приказал немедленно арестовать его и отвезти в крепость. Полиция явилась к раненому в тот момент, когда врачи наложили первую перевязку, предписав больному лежать в постели в спокойном состоянии, чтобы избежать кровоизлияния, которое могло оказаться смертельным, так как он был очень истощен.

Легко себе представить состояние матери. Никакие слезы, никакие доводы насчет опасности, какой подвергнется ее сын, если его будут перевозить в таком положении, не оказали ни малейшего действия. Полицейские чины, не смея медлить с исполнением приказаний, отданных самим императором, перевезли больного как есть, вместе с постелью и со всякими предосторожностями, прямо в крепость. Когда доложили императору об аресте молодого человека и о том, в каком состоянии он был доставлен в крепость, он спросил: «А мать что сказала?» На ответ,

что она плачет и что ее положение внушает жалость, он приказал немедленно выслать ее из города; полиция поспешила это исполнить, и еще до наступления ночи почтенная и несчастная женщина была выпровождена за заставу, где она, однако, пробыла спрятанной несколько дней в одном доме, чтобы быть поближе от раненого сына; затем только она уехала к родным, жившим вдали от столицы. К этому варварскому поступку прибавились и другие, столь же бесчеловечные, и меня завлекло бы это слишком далеко, если б я стал их все перечислять. Я обязан, однако, упомянуть о поступках, которые он проделывал в собственной семье и которые были не лучше, потому что касались лиц, наиболее ему близких и наиболее любимых народом.

Убежденный, что нельзя терять ни минуты, чтобы спасти государство и предупредить несчастные последствия общей революции, граф Пален опять явился к великому князю Александру, прося у него разрешения выполнить задуманный план, уже не терпящий отлагательства. Он прибавил, что последние выходы императора привели в величайшее волнение все население Петербурга различных слоев и что можно опасаться самого худшего.

Наконец принято было решение овладеть особой императора и увезти его в такое место, где он мог бы находиться под надлежащим надзором и где бы он был лишен возможности делать зло. Вы сейчас увидите, генерал, что эта мера, сделавшаяся неизбежной, обернулась совершенно неожиданным образом, какого никто не мог и предвидеть.

11-го (23-го) марта 1801 г., утром, я встретил князя Зубова, в санях едущим по Невскому проспекту. Он остановил меня и сказал, что ему нужно переговорить со мной, для этого он желает поехать ко мне на дом. Но, подумав, он прибавил, что лучше, чтобы нас не видели вместе, и пригласил меня к себе ужинать. Я согласился, еще не подозревая, о чем может быть речь, тем более что я собирался на другой день выехать из Петербурга в свое имение в Литве. Вот почему я перед обедом отправился к графу Палену просить у него как у военного губернатора необходимого мне паспорта на выезд. Он отвечал мне: «Да отложите свой отъезд, мы еще послужим вместе,— и добавил: — Князь Зубов вам скажет остальное». Я заметил, что все время он был очень смущен и взволнован. Так как мы были связаны дружбой издавна, то я впоследст-

вии очень удивлялся, что он не сказал мне о том, что должно было случиться; хотя все со дня на день ожидали перемены царствования, но, признаюсь, я не думал, что время уже настало. От Палена я отправился к генерал-прокурору Оболянинову, чтобы проститься, а оттуда часов в десять приехал к Зубову. Я застал у него только его брата, графа Николая, и трех лиц, посвященных в тайну, — одно было из Сената, и это лицо должно было доставить туда приказ собраться, лишь только арестуют императора. Граф Пален позаботился о том, чтобы были заготовлены необходимые приказы, начинавшиеся словами: «По высочайшему повелению» — и предназначенные для арестования нескольких лиц в первый же момент.

Князь Зубов сообщил мне условный план, сказав, что в полночь совершится переворот. Моим первым вопросом было: кто стоит во главе заговора? Когда мне назвали это лицо¹, тогда я, не колеблясь, примкнул к заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы спасти нацию от пропасти, которой она не могла миновать в царствование Павла. До какой степени эту истину все признавали, видно из того, что, несмотря на множество лиц, посвященных в тайну еще накануне, никто, однако, ее не выдал.

Немного позже полуночи я сел в сани с князем Зубовым, чтобы ехать к графу Палену. У дверей стоял полицейский офицер, который объявил нам, что граф у генерала Талызина и там ждет нас. Мы застали комнату полной офицеров; они ужинали у генерала, причем большинство находились в подпитии, — все были посвящены в тайну. Говорили о мерах, которые следует принять, а между тем слуги беспрестанно входили и выходили из комнаты. Кто-нибудь из них, руководимый желанием составить себе блестящую карьеру, легко мог бы незаметно проскользнуть вон из дому, броситься в Михайловский замок и там предупредить о заговоре. После узнали, что накануне множество лиц в городе знали о готовящемся ночью событии, и все-таки никто не выдал тайны: это доказывает, до какой степени всем опротивело это царствование и как все желали его конца.

Условились, что генерал Талызин соберет свой гвардейский батальон во дворе одного дома, неподалеку от Летнего сада; а генерал Депрерадович — свой, также гвардейский, батальон на Невском проспекте, вблизи Гостиного двора. Во главе этой колонны будут находиться военный

губернатор и генерал Уваров, а во главе первой — князь Зубов, его два брата, Николай и Валериан, и я; нас должны были сопровождать несколько офицеров, как гвардейских, так и других полков, стоявших в Петербурге, офицеров, на которых можно было положиться. Граф Пален с своей колонной должен был занять главную лестницу замка, тогда как мы с остальными должны были пройти по потайным лестницам, чтобы арестовать императора в его спальне.

Проводником нашей колонны был полковой адъютант императора, Аргаматов, знавший все потайные ходы и комнаты, по которым мы должны были пройти, так как ему ежедневно по несколько раз случалось ходить по ним, принося рапорты и принимая приказания своего повелителя. Этот офицер повел нас сперва в Летний сад, потом по мостику и в дверь, сообщавшуюся с этим садом, далее по лесенке, которая привела нас в маленькую кухоньку, смежную с прихожей перед спальней Павла. Там мы застали камер-гусара, который спал крепчайшим сном, сидя и прислонившись головой к печке. Из всей толпы офицеров, сначала окружавших нас, оставалось теперь всего человека четыре; да и те, вместо того, чтобы вести себя тихо, напали на лакея, один из офицеров ударил его тростью по голове, и тот поднял крик. Пораженные, все остановились, предвидя момент, когда общая тревога разнесется по всем комнатам. Я поспешил войти вместе с князем Зубовым в спальню, где мы действительно застали императора уже разбуженным этим криком и стоящим возле кровати перед ширмами. Держа шпаги наголо, мы сказали ему: «Вы арестованы, ваше величество!» Он поглядел на меня, не произнеся ни слова, потом обернулся к князю Зубову и сказал ему: «Что вы делаете, Платон Александрович?» В эту минуту вошел в комнату офицер нашей свиты и шепнул Зубову на ухо, что его присутствие необходимо внизу, где опасались гвардии; что один поручик не был извещен о перемене, которая должна совершиться. Несомненно, что император никогда не оказывал несправедливости солдату и привязал его к себе, приказывая при каждом случае щедро раздавать мясо и водку в петербургском гарнизоне. Тем более должны были бояться этой гвардии, что граф Пален не прибыл еще со своей свитой и батальоном для занятия главной лестницы замка, отрезавшей всякое сообщение между гвардией и покоями императора.

Князь Зубов вышел, и я с минуту оставался с глазу на глаз с императором, который только глядел на меня,

не говоря ни слова. Мало-помалу стали входить офицеры из тех, что следовали за нами. Первыми были подполковник Яшвиль, брат артиллерийского генерала Яшвиля, майор Татаринов и еще несколько других. Я должен здесь прибавить, что так как за последнее время было сослано и удалено со службы громадное количество офицеров всех чинов, то я уже не знал почти никого из тех, кого теперь видел перед собой, и они тоже знали меня только по фамилии. Тогда я вышел, чтобы осмотреть двери, ведущие в другие покои; в одном из них, между прочим, были заперты шпаги арестованных офицеров. В эту минуту вошли еще много офицеров. Я узнал потом те немногие слова, какие произнес император по-русски — сперва: «Арестован, что это значит — арестован?» Один из офицеров отвечал ему: «Еще четыре года тому назад с тобой следовало бы покончить!» На это он возразил: «Что я сделал?» Вот единственные произнесенные им слова.

Офицеры, число которых еще возросло, так что вся комната наполнилась ими, схватили его и повалили на ширмы, которые были опрокинуты на пол. Мне кажется, он хотел освободиться от них и бросился к двери, и я дважды повторил ему: «Оставайтесь спокойным, ваше величество, — дело идет о вашей жизни!»

В эту минуту я услышал, что один офицер по фамилии Бибиков вместе с пикетом гвардии вошел в смежную комнату, по которой мы проходили. Я иду туда, чтобы объяснить ему, в чем будет состоять его обязанность, и, конечно, это заняло не более нескольких минут. Вернувшись, я вижу императора, распростертого на полу. Кто-то из офицеров сказал мне: «С ним покончили!» Мне трудно было этому поверить, так как я не видел никаких следов крови. Но скоро я в том убедился собственными глазами. Итак, несчастный государь был лишен жизни непредвиденным образом и, несомненно, вопреки намерениям тех, кто составлял план этой революции, которая, как я уже сказал, являлась необходимой. Напротив, прежде было условлено увезти его в крепость, где ему хотели предложить подписать акт отречения от престола.

Припомните, генерал, что было много выпито вина за ужином, предложенным генералом Талызиным офицерам, бывшим виновниками этой сцены, которую, к несчастью, нельзя вычеркнуть из истории России. Должен прибавить, что граф Пален, обращаясь к этим офицерам, сказал им между прочим: «Господа, чтобы приготовить яичницу, необходи-

мо разбить яйца». Не знаю, с каким намерением было употреблено это выражение, но эти слова могли подать повод к ложным толкованиям. Я отправил немедленно офицера к князю Зубову, чтобы известить его о случившемся. Он застал его с великим князем Александром, обоими братьями Зубовыми и еще несколькими офицерами перед фронтом дворцовой гвардии. Когда объявили солдатам, что император скончался скоропостижно от апоплексии, слышались громкие голоса: «Ура! Александр!»

Новый государь велел позвать меня в свой кабинет, где я застал его с теми же лицами, которые окружали его со времени нашего вступления в замок. Ему угодно было поручить мне командование войсками, призванными для охранения порядка в Зимнем дворце, куда он тотчас же последовал вместе с великим князем Константином.

Были отправлены приказы в Сенат и другие присутственные места — собраться неотложно и явиться к 12 часам дня ко двору, чтобы присутствовать на молебне в дворцовой церкви. Все другие церкви были также открыты для той же церемонии принесения верноподданнической присяги новому государю, и народ стекался туда толпами.

Весть о кончине Павла с быстротою молнии пронеслась по всему городу еще ночью. Кто сам не был очевидцем этого события, тому трудно составить себе понятие о том впечатлении и о той радости, какие овладели умами всего населения столицы. Все считали этот день днем избавления от бед, тяготевших над ними целых четыре года. Каждый чувствовал, что миновало это ужасное время, уступив место более счастливому будущему, какого ожидали от воцарения Александра I. Лишь только рассвело, как улицы наполнились народом. Знакомые и незнакомые обнимались между собой и поздравляли друг друга с счастьем — и общим, и частным для каждого порознь.

Граф Пален взял на себя известить императрицу о кончине ее супруга. Хотя она часто страдала от его суровости, от его вспыльчивости и дурного нрава, но она всегда неизменно была сильно привязана к своему супругу и выносила тяжелые минуты своей жизни с ангельским терпением; можно даже сказать, что она подавала нации пример доброй супруги и матери, творя во всех случаях столько добра, сколько позволяли ей ее средства, ее власть и кредит. Я был свидетелем ее глубокого горя и при этой катастрофе, при потере, близкой ее сердцу, однако благоразумные размышления и привязанность к народу

вскоре сумели положить пределы этому личному горю.

Итак, граф Пален отправился к обер-гофмейстерине графине Ливен. Он приказал разбудить ее и объявил ей о кончине императора, с тем чтобы она известила о том императрицу. Графиня принялась за это со всеми предосторожностями, внушенными ей ее благоразумием, и, разбудив императрицу, объяснила ей, что император внезапно заболел и что состояние его очень тревожное. Ее величество тотчас же встала, спеша на помощь своему супругу. Но она нашла запертыми двери, через которые привыкла проходить. Наконец она достигла одной двери, у которой нашла часовых и офицеров, отказавшихся пропустить ее. Ни угрозы, ни просьбы не помогали. Когда ей сказали, что отданы приказания не пропускать ее в покои императора, она отправилась к своим невесткам, супругам великих князей Александра и Константина. Мне доложили об этом, и я велел запереть двери, ведущие в апартаменты великих княгинь.

По множеству часовых и офицеров, встреченных императрицей повсюду в замке, она могла догадаться, что дело идет не о простой болезни императора, и скоро ее действительно известили, что ее супруг скончался. Она пролила несколько слез, но не предавалась тем порывам горя, каким обыкновенно предаются женщины в подобных случаях.

До сих пор императрица не была осведомлена, в чью пользу была произведена эта революция. Ей сообщили, кому было поручено командование дворцовыми войсками. Когда она узнала, что командование поручено мне, она приказала мне явиться к ней. Я уже осведомился о приказаниях императора, который велел мне передать, чтобы я отправился к ней и посоветовал, попросил ее от его имени покинуть Михайловский замок и ехать в Зимний дворец, где ей будет сообщено все, что она пожелает узнать. Вследствие этого я отправился в апартаменты великих княгинь, где находилась императрица. Увидав меня, ее величество спросила, мне ли поручено командовать здешними войсками. На мой утвердительный ответ она осведомилась с большой кротостью и спокойствием душевным: «Значит, арестована?» Я отвечал: «Совсем нет, возможно ли это?» — «Но меня не выпускают, все двери на запоре». Ответ: «Ваше величество, это объясняется лишь необходимостью принять некоторые меры предосторожности для безопасности императорской фамилии, здесь находящейся, или тем, что могут еще случиться беспорядки вокруг замка». Вопрос:

«Следовательно, мне угрожает опасность?» Ответ: «Все спокойно, ваше величество, и все мы находимся здесь, чтобы охранять особу вашего величества».

Тут я хотел воспользоваться минутой молчания, чтобы исполнить данное мне поручение. Я обратился к императрице со словами: «Император Александр поручил мне...» Но ее величество прервала меня словами: «Император! император! Александр! Но кто провозгласил его императором?» Ответ: «Голос народа!» — «Ах! я не признаю его, — понизив голос, сказала она, — прежде, чем он не отдаст мне отчета о своем поведении». Потом, подойдя ко мне, ее величество взяла меня за руку, подвела к дверям и проговорила твердым голосом: «Велите отворить двери, я желаю видеть тело моего супруга! — И прибавила: — Я посмотрю, как вы меня слушаетесь!»

Тщетно я склонял ее к умеренности, говоря ей об ее обязанностях по отношению к народу, обязанностях, которые должны побуждать ее успокоиться, тем более что после подобного события следует всячески избегать всякого шума. Я сказал ей, что до сих пор все спокойно как в замке, так и во всем городе; что надеются на сохранение этого порядка и что я убежден, что ее величество сама желает тому способствовать. Я боялся, что если императрица выйдет, то ее крики могут подействовать на дух солдат, как я уже говорил, весьма привязанных к покойному императору. На все эти представления она погрозила мне пальцем со следующими словами, произнесенными довольно тихо: «О, я вас заставлю раскаяться». Смысл этих слов не ускользнул от меня. Минута молчания и, быть может, размышления, вызвали несколько слез. Я надеялся воспользоваться этой минутой растроганности. Я заговорил опять, стал побуждать ее к умеренности и уговаривать покинуть Михайловский дворец и ехать в Зимний. Здесь молодая императрица поддержала мой совет с той кротостью и мягкостью, которые были так свойственны этой великой княгине, любимой всеми, кто имел счастье знать ее, и обожаемой всей нацией. Императрица-мать не одобрила этого шага и, обернувшись к невестке, отвечала ей довольно строгим тоном: «Что вы мне говорите? Не мне повиноваться! Идите, повинуйтесь сами, если хотите!»

Это раздражение усиливалось с минуты на минуту. Она объявила мне решительно, что не выйдет из дворца, не увидав тела своего супруга. Я тайком послал офицера к

новому государю, чтоб испросить его приказаний на этот счет. Он велел мне ответить, что если это может обойтись без всякого шума, то я должен сопровождать императрицу в комнату, где стояло тело императора. Тем временем я пригласил графа Палена прибыть на минуту во дворец, ввиду того, что он имеет счастье быть более знакомым императрице. В ту минуту, как она увидела его, она спросила: «Что здесь произошло?» Граф отвечал со своим обычным хладнокровием: «То, что давно можно было предвидеть».

Вопрос: «Кто же зачинщики этого дела?»

Ответ: «Много лиц из различных классов общества».

Вопрос: «Но как могло это совершиться помимо вас, занимающего пост военного губернатора?»

Ответ: «Я прекрасно знал обо всем и поддался этому, как и другие, во избежание более великих несчастий, которые могли бы подвергнуть опасности всю императорскую фамилию». Он прибавил несколько добрых советов и затем удалился.

Все это не могло успокоить раздражения императрицы. Она несколько раз брала меня за руку и подводила к дверям, говоря: «Приказываю вам пропустить меня!» Я отвечал неизменно с величайшей почтительностью, но твердо, что не в моей власти повиноваться ей, пока я вижу ее такой взволнованной, и что только под одним условием я мог бы исполнить ее волю. «Какое же это условие? — спросила она. «Чтобы ваше величество соблаговолили успокоиться». Эти слова навлекли на меня новую немилость. Ее величество сказала мне: «Не вам предписывать мне условия! Ваше дело повиноваться мне! Прежде всего велите отпереть двери».

Мой долг предписал мне еще раз напомнить ей ее обязанности по отношению к народу и умолять ее избегать малейшего шума, который мог бы иметь пагубные и даже опасные последствия. Эти речи, очевидно, произвели надлежащее действие. Она почувствовала, что переворот уже нельзя изменить. После некоторого молчания и размышления ее величество понизила голос и сказала мне: «Ну, хорошо, обещаю вам ни с кем не говорить».

С этого момента императрица вернулась к свойственной ей кротости, от которой она уже не отрешалась и которая делает ее столь достойной любви. Я приказал отпереть двери. Ее величество взяла меня под руку, чтобы подняться по лестницам, и сказала: «Прежде всего я хочу ви-

деть своих детей». Когда она вошла в свои апартаменты, обе великие княжны, Екатерина и Мария-Анна, уже находились там с графиней Ливен.

Эта сцена была поистине самой трогательной из всех, какие мне случалось видеть. Великие княжны, обнимая свою мать, проливали слезы о смерти отца, и лишь с трудом их можно было оторвать от матери. Ее величество посидела еще некоторое время в этих покоях, потом встала и сказала мне: «Пойдем, ведите меня».

Нам пришлось пройти лишь две комнаты, чтобы достигнуть той, где стояло тело покойного императора. Г. Роджерсон и я находились возле ее величества, которую сопровождали обе великие княжны, графиня Ливен, две камер-юнгферы и камердинер. В последней комнате ее величество села на минуту, потом поднялась, и мы вошли в спальню покойного императора, лежавшего на своей постели в мундире своего гвардейского полка. Ширмы все еще заслоняли его постель со стороны той двери, в которую мы вошли. Ее величество несколько раз произнесла по-немецки: «Боже, поддержи меня!» Когда наконец императрица увидела тело своего супруга, она громко вскрикнула. Г. Роджерсон и я поддерживали ее под руки. Через минуту она стала приближаться к телу, встала на колени и поцеловала руку покойного, проговорив: «Ах, друг мой!» После этого, все стоя на коленях, она потребовала ножницы. Камер-юнгфера подала ей ножницы, и она отрезала прядь волос с головы императора. Наконец, поднявшись, она сказала великим княжнам: «Проститесь с отцом». Они встали на колени, чтобы поцеловать его руку. Обращение княжон, неподдельная печаль, написанная на их лицах, растрогали нас. Императрица уже сделала несколько шагов, чтобы удалиться, но, увидав обеих княжон еще на коленях, вернулась и проговорила: «Нет, я хочу быть последней». И опять опустилась на колени, чтобы поцеловать руку своему покойному супругу. Г. Роджерсон и я просили ее не затягивать этой печальной сцены, которая могла бы повредить ее здоровью, столь драгоценному и столь нужному всей императорской фамилии. Мы взяли ее под руки, чтобы помочь ей встать, и затем вернулись в покой императрицы. Ее величество удалилась в уборную, где облеклась в глубочайший траур, и вскоре опять вышла к нам. Шталмейстер Муханов уже докладывал, что поданы экипажи для доставления императрицы с великими княжнами из Михайловского замка в Зимний дворец. Он про-

сил меня еще раз напомнить об этом императрице. Мы желали, чтобы она покинула Михайловский замок еще до рассвета. Императрица, однако, затягивала отъезд с минуты на минуту до того, как совсем рассвело. Тогда она просила меня подать ей руку, спуститься с лестницы и довести ее до кареты. Можно себе представить, какая собралась толпа по всему пути до Зимнего дворца. Ее величество опустила стекла в карете. Она кланялась народу, собравшемуся по пути. Таким образом она доехала до дворца, чтобы остаться там.

Величайший порядок был сохранен от начала до конца этой замечательной сцены. Да и мог ли он быть нарушен среди ликования, какое испытывал каждый по случаю избавления от рабства.

Вы видите, генерал, что мне нечего краснеть за то участие, какое я принимал в этой катастрофе. Не я составлял план ее. Я даже не принадлежал к числу тех, кто хранил эту тайну, так как я не был извещен о ней до самого момента осуществления переворота, когда все уже было условлено и решено. Я не принимал также участия в печальной кончине этого государя. Конечно, я не согласился бы войти в комнату, если б знал, что есть партия, замышлявшая лишить его жизни.

Из записок А. Ф. Ланжерона

Передам слово в слово, что он [Пален] говорил мне в 1804 г., когда я проезжал через Митаву:

Мне нечего сообщать вам нового, мой любезный Л***, о характере императора Павла и о его безумствах; вы сами страдали от них так же, как и все мы; но так как вы отсутствовали из Петербурга в последнее время его царствования и в продолжение двух лет не видали его, то и не могли сами судить об иступленности его безумия, которое шло, все усиливаясь, и могло в конце концов стать кровавым, — да и стало уже таковым: ни один из нас не был уверен ни в одном дне безопасности; скоро всюду были бы воздвигнуты эшафоты, и вся Сибирь населена несчастными.

Состоя в высоких чинах и облеченный важными и щекотливыми должностями, я принадлежал к числу тех, кому более всего угрожала опасность, и мне настолько же желательно было избавиться от нее для себя, сколько изба-

вить Россию, а быть может, и всю Европу от кровавой и неизбежной смуты.

Уже более шести месяцев были окончательно решены мои планы о необходимости свергнуть Павла с престола, но мне казалось невозможным (оно так и было в действительности) достигнуть этого, не имея на то согласия и даже содействия великого князя Александра, или, по крайней мере, не предупредив его о том. Я зондировал его на этот счет сперва слегка, намеками, кинув лишь несколько слов об опасном характере его отца. Александр слушал, вздыхал и не отвечал ни слова.

Но мне не этого было нужно; я решился наконец пробить лед и высказать ему открыто, прямодушно то, что мне казалось необходимым сделать.

Сперва Александр был, видимо, возмущен моим замыслом; он сказал мне, что вполне сознает опасности, которым подвергается империя, а также опасности, угрожающие ему лично, но что он готов все выстрадать и решился ничего не предпринимать против отца.

Я не унывал, однако, и так часто повторял мои настояния, так старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость переворота, возраставшую с каждым новым безумством, так льстил ему или пугал его насчет его собственной будущности, предоставляя ему на выбор — или престол, или же темницу и даже смерть, что мне наконец удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убедить его установить вместе с Паниным и со мною средства для достижения развязки, настоятельность которой он сам не мог не сознавать.

Но я обязан в интересах правды сказать, что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца; я дал ему слово: я не был настолько лишен смысла, чтобы внутренне взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущего государя, и я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся*. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена**, то двери его темницы скоро

* Что за человек! Вот каким надо быть, чтобы произвести революцию. Но всякий честный человек отступил бы перед подобной клятвой.

** Пален был совершенно прав: без смерти Павла революция была

откроются, произойдет страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обагрит и столицу, и губернии.

Императору внушили некоторые подозрения насчет моих связей с великим князем Александром; нам это было неизвестно. Я не мог показываться к молодому великому князю, мы не осмеливались даже говорить друг с другом подолгу, несмотря на сношения, обуславливаемые нашими должностями; поэтому только посредством записок (сознаюсь — средство неосторожное и опасное) мы сообщали друг другу наши мысли и те меры, какие требовалось принять; записки мои адресовались Панину; великий князь Александр отвечал на них другими записками, которые Панин передавал мне; мы прочитывали их, отвечали на них и немедленно сжигали.

Однажды Панин сунул мне в руку подобную записку в прихожей императора перед самым моментом, назначенным для приема; я думал, что успею прочесть записку, ответить на нее и сжечь, но Павел неожиданно вышел из своей спальни, увидел меня, позвал и увлек в свой кабинет, заперев дверь; едва успел я сунуть записку великого князя в мой правый карман.

Император заговорил о вещах безразличных; он был в духе в этот день, развеселился, шутил со мною и даже осмелился залезть руками ко мне в карманы, сказав: «Я хочу посмотреть, что там такое, — может быть, любовные письма!»

— Вы знаете, меня любезный Л***, — прибавил Пален, — знаете, что я не робкого десятка и что меня не легко смутить, но должен вам признаться, что, если бы мне пустили кровь в эту минуту, ни единой капли не вылилось бы из моих жил.

— Как же выпутались вы из этого опасного положения? — спросил я.

— А вот как, — отвечал Пален, — я сказал императору: «Ваше величество! что вы делаете! оставьте! ведь вы терпеть не можете табаку, а я его усердно нюхаю, мой носовой платок весь пропитан; вы перепачкаете себе руки, и они надолго примут противный вам запах». Тогда он отнял ру-

бы невозможна; сомнительно даже, удалось ли бы даже заточить его, а если удалось бы, то новая революция сделала бы его орудием ужасной мести.

ки и сказал мне: «Фи, какое свинство! вы правы!» Вот как я вывернулся*.

Когда великого князя убедили действовать сообща со мною — это был уже большой выигрыш, но еще далеко не все: он ручался мне за свой Семеновский полк; я видался со многими офицерами этого полка, настроенными очень решительно; но это были все люди молодые, легкомысленные, неопытные, без испытанного мужества, необходимого для такого решения, и которые в момент действия могли бы, вследствие слабости, ветрености или нескромности, испортить все наши планы: мне хотелось заручиться помощью людей более солидных, чем вся эта ватага вертопрахов, я желал опереться на друзей, известных мне своим мужеством и энергией: я хотел иметь при себе Зубовых и Бенигсена**. Но как вернуть их в Петербург? Они были в опале, в ссылке; у меня не было никакого предложения, чтобы вызвать их оттуда, и вот что я придумал.

Я решил воспользоваться одной из светлых минут императора, когда ему можно было говорить что угодно, разжалобить его насчет участи разжалованных офицеров: я описал ему жестокое положение этих несчастных, выгнанных из их полков и высланных из столицы, и которые, видя карьеру свою погубленную и жизнь испорченную, умирают с горя и нужды за проступки легкие и простительные. Я знал порывистость Павла во всех делах, я надеялся заставить его сделать тотчас же то, что я представил ему под видом великодушия; я бросился к его ногам. Он был романического характера, он имел претензию на великодушие. Во всем он любил крайности: два часа спустя после нашего разговора двадцать курьеров уже скакали во все части империи, чтобы вернуть назад в Петербург всех сосланных и исключенных со службы. Приказ, дарующий им помилование, был продиктован мне самим императором.

Тогда я обеспечил себе два важных пункта: 1) заполучил Бенигсена и Зубовых, необходимых мне, и 2) еще усилил общее ожесточение против императора: я изучил его нетерпеливый нрав, быстрые переходы его от одного чув-

* Какая ловкость и какое присутствие духа!

** Насчет Бенигсена и Валериана Зубова Пален был прав; Николай же был бык, который мог быть отважным в пьяном виде, но не иначе, а Платон Зубов был самым трусливым и низким из людей.

ства к другому, от одного намерения к другому совершенно противоположному. Я был уверен, что первые из вернувшихся офицеров будут приняты хорошо, но что скоро они надоедят ему, а также и следующие за ними. Случилось то, что я предвидел: ежедневно сыпались в Петербург сотни этих несчастных: каждое утро подавали императору донесения с застав. Вскоре ему опротивела эта толпа прибывающих: он перестал принимать их, затем стал просто гнать и тем нажил себе непримиримых врагов в лице этих несчастных, снова лишенных всякой надежды и осужденных умирать с голоду у ворот Петербурга*.

Мы назначили исполнение наших планов на конец марта, но непредвиденные обстоятельства ускорили срок: многие офицеры гвардии были предупреждены о наших замыслах, многие их угадали. Я мог всего опасаться от их нескромности и жил в тревоге.

7-го марта я вошел в кабинет Павла в семь часов утра, чтобы подать ему, по обыкновению, рапорт о состоянии столицы. Я застаю его озабоченным, серьезным; он запирает дверь и молча смотрит на меня в упор минуты с две и говорит наконец: «Г. фон Пален! вы были здесь в 1762 году?» — «Да, ваше величество». — «Были вы здесь?» — «Да, ваше величество, но что вам угодно этим сказать?» — «Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?» — «Ваше величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом, я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в Конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, ничего не подозревая, что происходит; но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?» — «Почему? вот почему: потому что хотят повторить 1762 год».

Я затрепетал при этих словах, но тотчас же оправился и отвечал: «Да, ваше величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре». — «Как! вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне такое говорите!» — «Сущую правду, ваше величество, я участвую в нем и должен сделать вид, что участвую ввиду моей должности, ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам? Но не беспокойтесь — вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравне-

* Какая адская махинация!

ний между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя, а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а нынче она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома; каковы бы ни были намерения императрицы*, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери; у нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было только 7 лет».—«Все это правда,— отвечал он,— но, конечно, не надо дремать».

На этом наш разговор и остановился, я точас же написал про него великому князю, убеждая его завтра же нанести задуманный удар; он заставил меня отсрочить его до 11-го, дня, когда дежурным будет 3-й батальон Семеновского полка, в котором он был уверен еще более, чем в других остальных. Я согласился на это с трудом и был не без тревоги в следующие два дня**.

Наконец наступил роковой момент: вы знаете все, что произошло. Император погиб и должен был погибнуть;

* Палену удалось внушить императору подозрение насчет императрицы, как будет видно дальше.

** Пален не напрасно беспокоился: оказывается, что император имел более чем подозрения о замышляемом и что сам Пален был осужден на опалу. Павел тайно послал в Гатчину за двумя своими прежними фаворитами, в то время удаленными: Аракчеевым и Линденером; если бы приехали эти два чудовища, они заменили бы Палена и, может быть, великого князя Александра на постах генерал-губернаторов Петербурга, и столица облилась бы кровью. Аракчеев прибыл через десять часов после смерти Павла; он был остановлен на заставе и отослан обратно.

Можно ли было тогда ожидать, что впоследствии этот ужасный человек приобретет при императоре Александре почти безграничную власть и будет оказывать влияние самое пагубное? Много говорили в то время о каком-то письме, адресованном накануне смерти Павла к графу Кутайсову или князю Гагарину, письме, которое тот или другой позабыли передать императору и даже распечатать и в котором, говорят, заключалось предупреждение о том, что произойдет на другой день.

Князь Христофор Ливен, генерал-адъютант Павла, ныне посол в Лондоне, в то время только что подвергшийся опале и передавший князю Гагарину портфель военного министра, рассказывал мне, что письмо было от него и адресовано Гагарину, который действительно позабыл вскрыть его, но что оно не содержало никаких предупреждений о заговоре, так как он сам ничего не знал о нем, а содержало только просьбы частного характера.

я не был ни очевидцем, ни действующим лицом при его смерти. Я предвидел ее, но не хотел в ней участвовать, так как дал слово великому князю*.

Вот рассказ Бенигсена:

Я был удален от службы, и, не смея показываться ни в Петербурге, ни в Москве, ни даже в других губернских городах из опасения слишком выставляться на вид, быть замеченным и, может быть, сосланным в места более отдаленные, я проживал в печальном уединении своего поместья на Литве.

В начале 1801 года я получил от графа Палена письмо, приглашавшее меня явиться в Петербург: я был удивлен этим предложением и нимало не расположен последовать ему; несколько дней спустя получился приказ императора, призывавший назад всех сосланных и уволенных со службы. Но этот приказ точно так же не внушил мне никакой охоты покинуть мое уединение; между тем Пален бомбардировал меня письмами, в которых энергично выражал свое желание видеть меня в столице и уверял меня, что я буду прекрасно принят императором. Последнее его письмо было так убедительно, что я решился ехать.

Приезжаю в Петербург; сперва я довольно хорошо принят Павлом; но потом он обращается со мною холодно, а вскоре совсем перестает смотреть на меня и говорить со мной. Я иду к Палену и говорю ему, что все, что я предвидел, оправдалось, что надеяться мне не на что, зато много есть чего опасаться, поэтому я хочу уехать как можно скорее. Пален уговорил меня потерпеть еще некоторое время, и я согласился на это с трудом; наконец накануне дня, назначенного для выполнения его замыслов, он открыл мне их — я согласился на все, что он мне предложил. В назначенный день мы все собрались к Палену; я застал там троих Зубовых, Уварова, много офицеров гвардии**, все были, по меньшей мере, разгорячены шампанским, которое Пален велел подать им (мне он запретил пить и сам не пил).

* Странный изворот! Он не способствовал смерти Павла! Но несомненно, это он приказал Зубовым и Бенигсену совершить убийство.

** Между прочим, князя Яшвиля из артиллерии, Вяземского — Семеновского полка, Скарятина — Измайловского, Аргамакова — Преображенского, Татаринова — Кавалергардского, Волконского и др.

Нас собралось человек 60; мы разделились на две колонны: Пален с одной из них пришел по главной лестнице со стороны покоев императрицы Марии*, а я с другой колонной направился по лестнице, ведущей к церкви**. Больше половины сопровождавших меня заблудились и отстали прежде, чем дошли до покоев императора; нас осталось всего 12 человек. В том числе были Платон и Николай Зубовы. Валериан был с Паленом. Мы дошли до дверей прихожей императора, и один из нас велел отворить ее под предлогом, что имеет что-то доложить императору***. Когда камердинер и гайдуки императора увидели нас входящими толпой, они не могли усомниться в нашем замысле: камердинер спрятался, но один из гайдуков, хотя и обезоруженный, бросился на нас; один из сопровождавших меня свалил его ударом сабли и опасно ранил в голову****.

* Думают, что Пален, адский гений которого все предвидел, а в особенности не забыл ничего, что могло касаться его лично, уклонился от деятельного участия не потому, как он уверял меня, что хотел исполнить обещание, данное великому князю Александру, а для того, чтоб быть в состоянии, если не удастся предприятие, броситься на помощь к императору: не желая сам совершать преступления, он, зная хладнокровие и невозмутимое мужество Бенигсена, призвал его, чтобы заменить себя, и правда, что без Бенигсена ничего не удалось бы.

** Наверху этой лестницы на площадке находится дверь; она ведет в большую залу, служившую прихожей императора, и где спали два гусара или придворных гайдука. За этой комнатой была спальня Павла, обширная и высокая; из нее вели две двери, между которыми был устроен род чуланчика, где спал камердинер. Направо от входа стоял шкаф, куда прятали знамена и штандарты гвардейских полков и шпаги офицеров под арестом. Возле шкапа была дверка, ведущая через узкую потаенную лестницу в голландскую кухню, никогда не бывшую в употреблении, и затем в квартиру дежурного генерал-адъютанта; в то время это был князь Гагарин, жена которого, рожденная княжна Лопухина, была любовницей императора.

*** Это был некто Аргамаков, адъютант Преображенского полка, он являлся каждое утро в 6 часов подавать императору рапорт по полку. Он стучится в дверь, запертую на ключ. Камердинер встает и спрашивает его, кто он такой и что ему нужно. Аргамаков называет себя, прибавив: «Можно ли спрашивать, что мне нужно? Я прихожу каждое утро подавать рапорт императору. Уже 6 часов! Отпирайте скорее!» — «Как 6 часов? — возразил камердинер, — нет еще и 12-ти; мы только что улеглись спать». — «Вы ошибаетесь, — сказал Аргамаков, — ваши часы, вероятно, остановились: теперь более 6-ти часов. Из-за вас меня посадят под арест, если я опоздаю, отпирайте скорее». Обманутый камердинер отпер, и заговорщики вошли толпой.

**** Этот храбрый и верный гайдук не умер от своей раны, а впоследствии он служил камердинером у императрицы Марии; его звали Кириловым.

Между тем этот шум разбудил императора; он вскочил с постели, и если бы сохранил присутствие духа, то легко мог бы бежать; правда, он не мог этого сделать через комнаты императрицы — так как Палену удалось внушить ему сомнение насчет чувств государыни, то он каждый вечер баррикадировал дверь, ведущую в ее покои, — но он мог спуститься к Гагарину и бежать оттуда. Но, по-видимому, он был слишком перепуган, чтобы сообщать, и забился в один из углов маленьких ширм, загораживавших простую без полога кровать, на которой он спал.

Мы входим. Платон Зубов* бежит к постели, не находит никого и восклицает по-французски: «Он убежал!» Я следовал за Зубовым и увидел, где скрывается император. Как и все другие, я был в парадном мундире, в шарфе, в ленте через плечо, в шляпе на голове и со шпагой в руке. Я опустил ее и сказал по-французски: «Ваше величество, царствованию вашему конец: император Александр провозглашен. По его приказанию мы арестуем вас; вы должны отречься от престола. Не беспокойтесь за себя: вас не хотят лишать жизни; я здесь, чтобы охранять ее и защищать, покоритесь своей судьбе; но если вы окажете хотя малейшее сопротивление, я ни за что больше не отвечаю».

Император не отвечал мне ни слова. Платон Зубов повторил ему по-русски то, что я сказал по-французски. Тогда он воскликнул: «Что же я вам сделал!» Один из офицеров гвардии отвечал: «Вот уже четыре года, как вы нас мучите».

В эту минуту другие офицеры, сбившиеся с дороги, беспорядочно ворвались в прихожую: поднятый ими шум испугал тех, которые были со мною, они подумали, что это пришла гвардия на помощь к императору, и разбежались все, стараясь пробраться к лестнице. Я остался один с императором, но я удержал его, imponируя ему своим видом и своей шпагой**. Мои беглецы, встретив своих товарищей, вернулись вместе с ними в спальню Павла и, теснясь

* Я много раз ходил смотреть комнату, где погиб несчастный. Павел I; теперь ее уже больше никому не показывают, и она постоянно заперта.

** Михайловский замок, где жил с недавних пор Павел, отдан инженерному ведомству; там помещается инженерное училище, и воспитанники учатся в залах, украшенных великолепной резной и лепной работой и прекрасной живописью; между прочим, там есть двери и каминные багеты, драгоценной отделки.

один на другого, опрокинули ширмы на лампу, стоявшую на полу посреди комнаты; лампа потухла. Я вышел на минуту в другую комнату за свечой, и в течение этого короткого промежутка времени прекратилось существование Павла.

На этом Бенигсен кончил свой рассказ*.

Теперь вот что я узнал от великого князя Константина; передам его слова с буквальной точностью:

«Я ничего не подозревал** и спал, как спят в 20 лет.

Платон Зубов пьяный вошел ко мне в комнату, подняв шум. (Это было уже через час после кончины моего отца.) Зубов грубо сдергивает с меня одеяло и дерзко говорит: «Ну, вставайте, идите к императору Александру; он вас ждет». Можете себе представить, как я был удивлен и даже испуган этими словами. Я смотрю на Зубова; я был еще в полусне и думал, что мне все это приснилось. Платон грубо тащит

* Бенигсен не захотел мне больше ничего говорить, однако оказывается, что он был очевидцем смерти императора, но не участвовал в убийстве. Убийцы бросились на Павла, и он защищался слабо: он просил пощады, умолял, чтобы ему дали время прочесть молитвы, и, увидав одного офицера конной гвардии, приблизительно одного роста с великим князем Константином, он принял его за сына и сказал ему, как Цезарь Бруту: «Как! и ваше высочество здесь». (Это слово «высочество» очень необычайно при подобных обстоятельствах.) Итак, несчастный государь умер, убежденный, что его сын был одним из его убийц, и это страшное сознание еще более отравило его последние минуты. Убийцы не имели ни веревки, ни полотенца, чтобы удушить его; говорят, Скарятин дал свой шарф, и через него погиб Павел. Не знаю, кому приписать позорную честь быть виновником его жестокой кончины; все заговорщики участвовали в ней, но, по-видимому, князю Яшвилю и Татаринову принадлежит главная ответственность в этом страшном злодействе. Оказывается, что Николай Зубов, нечто вроде мясника, жестокий и разгоряченный вином, которым упился, ударил его кулаком в лицо, а так как у него была в руке золотая табакерка, то один из острых углов этой четырехугольной табакерки ранил императора под левым глазом.

** Император Александр не захотел открыть своему брату тайну замышляемого заговора, он страшился его нескромности и, быть может, его честности и прямоты. Пален внушил ему также опасение, что, если великий князь узнает о проекте свергнуть с престола его отца, он может открыть все отцу в надежде погубить своего старшего брата и самому занять его место: без сомнения, Константин был далек от подобного расчета, но очень вероятно, что он оказал бы долгое, энергичное и, быть может, действительное сопротивление решению своего брата. Пален и об этом подумал; ничто не ускользнуло от него.

меня за руку и подымает с постели; я надеваю панталоны, сюртук, натягиваю сапоги и машинально следую за Зубовым. Я имел, однако, предосторожность захватить с собой мою польскую саблю, ту самую, что подарил мне князь Любомирский в Ровно*, я взял ее с целью защищаться в случае, если бы было нападение на мою жизнь, ибо я не мог себе представить, что такое произошло.

Вхожу в прихожую моего брата, застаю там толпу офицеров, очень шумливых, сильно разгоряченных, и Уварова, пьяного, как и они, сидящего на мраморном столе, свесив ноги. В гостиной моего брата я нахожу его лежащим на диване в слезах, как и императрица Елизавета. Тогда только я узнал об убийстве моего отца. Я был до такой степени поражен этим ударом, что сначала мне представилось, что это был заговор извне против всех нас.

В эту минуту пришли доложить моему брату о претензиях моей матери. Он воскликнул: «Боже мой! еще новые осложнения!» Он приказал Палену пойти убедить ее и заставить отказаться от идей, по меньшей мере, весьма странных и весьма неуместных в подобную минуту. Я остался с братом; через некоторое время вернулся Пален и увел императора, чтобы показать его войскам. Я последовал за ним, остальное вам известно**.

Как только император испустил дух, все убийцы разбежались: опять Бенигсен остался почти один. Он приказал уложить тело императора на кровать камердинера, призвал тридцать солдат лейб-гвардии с офицером (Константин Полторацкий), расставил везде часовых, двоих со скрещенными ружьями у дверей в покои императрицы. Вскоре она прибежала: дверь была отперта неизвестно кем и как***. Ча-

* Князь Иосиф. Великий князь Константин объезжал Вольту, делая смотры войскам, и, по-видимому, был увлечен княжной Еленой Любомирской, дочерью князя Иосифа.

** Великий князь всегда питал отвращение ко всем участникам этого заговора; он называл Бенигсена капитаном сорока пяти, намекая на убийство герцога Гиза в Блуа, совершенное ротой гвардии Генриха III, состоявшей из 45 человек.

*** Есть основание предполагать, что это Бенигсен велел отворить дверь, так как она была заперта лишь со стороны комнаты императора. Но он мне об этом ничего не говорил, а я забыл спросить его; может быть, он ждал оттуда колонну Палена.

Все солдаты и офицеры караула Михайловского замка были посвящены в секрет заговора, за исключением их командира: это был немец,

совые загородили ей проход; она вспыхнула и хотела пройти. Они оказали сопротивление. Полторацкий пришел сказать ей, что она не пройдет, что ему дано приказание не пропускать ее; она ответила резкостью, и наконец ей сделалось дурно. Один гренадер, по имени Перекрестов, принес стакан воды и подал ей; она отказалась. Тогда гренадер сказал: «Выкушайте, матушка, вода не отравлена, не бойтесь за себя». Он сам выпил часть воды и предложил ей остальное. Она выпила и вернулась в свои апартаменты*. В эту минуту рассудок у нее совсем помутился, ее характер и честолюбие одержали верх над горестью, которую она должна была бы испытывать; она воскликнула, что она коронована, что ей подобает царствовать, а ее сыну принести ей присягу. Побежали доложить об этом императору Александру, а он послал Палена успокоить мать, как видно из рассказа, приведенного выше. Из этого можно судить о чувствительности и о супружеской любви императрицы Марии.

Между тем войска гвардии выстроились во дворе и вокруг дворца; как видно, в них не были уверены, и события это подтвердили. Молодой генерал Талызин командовал Преображенским полком, в котором всегда сдужил; он собрал его в одиннадцать часов вечера, приказал зарядить

очень глупый и ничтожный, некто Пейкер. Прежде он состоял в морских батальонах, образовавших до смерти императрицы Екатерины гатчинское войско и включенных Павлом, по вступлении его на престол, в состав его гвардии.

Один из гайдуков, бежавших из передней императора, побежал в караул и позвал на помощь, крича, что убивают государя. Если бы на дежурстве был другой полк, а не Семеновский, или, может быть, если бы у них был другой начальник, более решительный, то возможно (хотя маловероятно), что он явился бы вовремя, чтобы предупредить убийство: солдаты, хотя и подкупленные, может быть, не посмели бы ослушаться, в неуверенности насчет того, удастся ли заговор, но Пейкер растерялся: он спросил совета у офицеров, которые, чтобы выиграть время, посоветовали ему сделать доклад командиру полка, генералу Депрерадовичу, что он и исполнил очень глупо и очень подробно.

* Как только Пален узнал о смерти императора, он отправился к г-же Ливен, гувернантке молодых великих княжон и близкому другу императрицы Марии; он разбудил ее и поручил ей сообщить эту страшную весть императрице. Г-жа Ливен с трудом решалась на это, но Пален заставил ее, сказав ей, что она единственная особа, которой можно доверить подобное поручение. Г-жа Ливен разбудила императрицу и сообщила ей, что с императором апоплектический удар и что ему очень дурно. «Нет,— воскликнула она,— он умер, его убили!» Г-жа Ливен не могла долее скрывать истины; тогда императрица бросилась в спальню своего мужа, куда ее не пропустили. Пален ходил к г-же Ливен по приказанию императора Александра.

ружья и сказал солдатам: «Братцы, вы знаете меня 20 лет, вы доверяете мне, следуйте за мною и делайте все, что я вам прикажу». Солдаты пошли за ним, не зная, в чем дело, и убежденные, что они призваны для защиты своего государя; но, когда они узнали, что от них скрыли, между ними поднялся тревожный ропот.

Император Александр предавался в своих покоях отчаянию, довольно натуральному, но неуместному. Пален, встревоженный образом действия гвардии, приходит за ним, грубо хватает его за руку и говорит: «Будет ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардии». Он увлек императора и представил его Преображенскому полку. Талызин кричит: «Да здравствует император Александр!» — гробовое молчание среди солдат. Зубовы выступают, говорят с ними и повторяют восклицание Талызина, — такое же безмолвие. Император переходит к Семеновскому полку, который приветствует его криками «ура!». Другие следуют примеру семеновцев, но преображенцы по-прежнему безмолвствуют. Император садится в сани с императрицей Елизаветой и едет в Зимний дворец; все следуют за ним. Он велит созвать войска на Дворцовую площадь, войска повинуются, но все тот же Преображенский полк ропщет и, очевидно, подозревает, что Павел еще жив*. Когда же полк убедился в его смерти, он принес присягу Александру, как и остальные войска**.

Наскоро созван был Сенат и все присутственные места; они также приведены были к присяге. Императрица Мария волей-неволей присоединилась к остальным подданным своего сына; в девять часов утра водворилось полное спокойствие, и император Александр упрочился на престоле.

Эта революция, столь внезапная, не сопровождалась кровопролитием, как переворот 1762 года, а стоила жизни только самому императору. Революция, лишившая империи Иоанна VI, окончилась через 4 часа, революция, жертвой которой пал Павел III, продолжалась 24 часа, и, наконец, третья революция, в коей погиб Павел, длилась всего 2 часа.

Эти страшные катастрофы, повторявшиеся в России

* Это доказывает, что если б Павел не умер и был заточен в крепость, то гвардия освободила бы его — и тогда!!!

** Уверяли, что принуждены были несколькими солдатам показать труп императора Павла.

три раза в течение столетия, без сомнения, самые убедительные из всех аргументов, какие можно привести против деспотизма: нужны преступления, чтобы избавиться от незаконности, от безумия или от тирании, когда они опираются на деспотизм; в конституционном государстве незаконность не может иметь места*, безумие прикрывается**, а тирания не смеет развернуться, следовательно, не нужно преступлений, чтобы занять престол и удержаться на нем.

Как деспот могуществен и слаб в одно и то же время! Павел, неограниченный властелин, управлял 36-ю миллионами людей и царил над 400 000 квадратных миль; а между тем взвод его гвардии и 60 заговорщиков свергли его с этого исполинского престола!

Виллие, хирург Семеновского полка, предупрежденный о заговоре, прибежал в спальню Павла, как только ему сообщили о его смерти; он убрал тело для выставления, которое совершалось согласно обычаю, установленному в России. Рана, сделанная ему Николаем Зубовым, говорят, была замазана лаком.

В Европе распространился слух (его пустил Пален), будто Павел хотел развестись с женою, жениться на княгине Гагариной, разведя ее с мужем, заточить в крепость своих трех старших сыновей и провозгласить своим наследником маленького великого князя Михаила, родившегося уже в бытность Павла на престоле. Этот слух оказывается страшнейшей клеветой; он был опровергнут Коцебу в его интересной и правдивой брошюре, озаглавленной «Один памятный год в моей жизни», а я слышал от генерала Кутузова, бывшего тогда в Петербурге, что никогда не было и речи о подобных сумасбродствах и что даже накануне смерти Павел казался очень расположенным к жене и детям, а известно, что его характер никогда не позволил бы ему скрывать свои намерения.

Говорили также, что в самый день смерти Павел, взглянув на себя в зеркало, сказал: «Мне кажется, как будто у меня сегодня лицо кривое!» Этот факт верен, и вот как Кутузов мне рассказывал о нем:

* Обер-камергер Александр Нарышкин был арестован, не знаю за что, так как он был не опасен; его отвели на гауптвахту, и он отделался тем, что его немного посек Николай Зубов, и тем, что он сильно трусил часа два.

** В наши времена мы видели в Англии пример, что безумие у монарха нисколько не мешало конституционному правлению¹.

«Мы ужинали вместе с императором; нас было 20 человек за столом; он был очень весел и много шутил с моей старшей дочерью, которая в качестве фрейлины присутствовала за ужином и сидела против императора. После ужина он говорил со мною, и, пока я отвечал ему несколько слов, он взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лица кривыми. Он посмеялся над этим и сказал мне: «Посмотрите, какое смешное зеркало; я вижу себя в нем с шеей на сторону». Это было за полтора часа до его кончины». (Кутузов не был посвящен в заговор.)

Из мемуаров В. Н. Головиной

В вечер перед этой ужасной ночью великий князь¹ ужинал у своего отца. Он сидел за столом рядом с ним. Можно себе представить их невозможное положение. Император думал, что его сын покушается на его жизнь; великий князь считал себя приговоренным к заключению своим отцом. Мне передавали, что во время этого зловещего ужина великий князь чихнул. Император повернулся к нему и с печальным и строгим видом сказал:

— Я желаю, Ваше Высочество, чтобы желания Ваши исполнились.

Через два часа его не было в живых.

Прежде чем перейти к подробностям этого ужасного события, я приведу несколько обстоятельств, относившихся к нам. Генерал Бенигсен, наш хороший знакомый, участвовавший вместе с мужем в турецкой войне, часто посещал нас. Мы с интересом слушали его рассказы о персидском походе, предпринятом в царствование Екатерины II, об ее планах завоевания Константинополя и много других подробностей, свидетельствовавших о мудрости и величии этой государыни. Шестого марта Бенигсен пришел утром к моему мужу, чтобы переговорить с ним о важном деле. Но он застал мужа в постели настолько больным, что не нашел возможным говорить с ним о деле, по которому пришел, выразил сожаление по поводу этого очень горячо и даже с некоторым раздражением. Если бы не это препятствие, более чем вероятно, что Бенигсен открыл бы моему мужу заговор, и последний выслушал бы его как чест-

ный человек и верный подданный. Это признание имело бы непредвиденные последствия.

Вечером 11 марта он опять пришел к нам сказать, что он уезжает в ту же ночь, что его дела окончены и он спешит уехать из города. Николай Зубов считался уехавшим по делу. Мы ничего не подозревали. Мой муж, хотя и чувствовал себя лучше, находился внизу, в своих комнатах. Г-жа де-Тарант спала в комнате рядом с моей. Рано утром на следующий день я услышала мужские шаги у себя в спальне. Я открыла занавески у кровати и увидала мужа. Я спросила, что ему нужно.

— Сперва,— ответил он,— я хочу говорить с г-жей де-Тарант.

Я посмотрела на часы и увидала, что было только шесть часов утра. Беспокойство овладело мною. Я думала, что случилось какое-нибудь несчастье, касающееся г-жи де-Тарант, вроде приказа о выезде, в особенности когда я услышала, как она вскрикнула от испуга. Но муж вернулся в спальню и сказал, что император умер накануне в одиннадцать часов вечера от апоплексического удара.

Признаюсь, что эта апоплексия показалась мне удивительной и неподходящей к телосложению императора. Я поспешила одеться. Г-жа де-Тарант отправлялась ко двору для принесения присяги. Муж, хотя чувствовал себя слабым, отправился также туда.

В то время, как г-жа де-Тарант собиралась ко двору, приехала моя *belle-soeur*² Нелединская и одна из моих кузин Колычева. Мы терялись в догадках относительно этой апоплексии, когда в комнату вошел граф де-Круссоль, племянник г-жи де-Тарант и адъютант императора Павла. Его бледное и печальное лицо поразило нас до известной степени. Император очень хорошо обходился с этим молодым человеком, и потому было естественно, что граф жалел о нем.

Тетка спросила у него о подробностях смерти императора. Граф смутился, и глаза его наполнились слезами. Г-жа де-Тарант сказала ему:

— Говорите же! Здесь никого нет лишнего.

Тогда он упавшим голосом сказал:

— Императора убили сегодня ночью.

Эти слова произвели на нас ужасное впечатление. Мы все разрыдались, и наше небольшое общество представляло картину, полную раздирающей сердце скорби. Муж

возвратился в отчаянии и возмущенный тем, что он услышал.

Утром 11 марта, когда Кутайсов дожидался императора около дворца, чтобы сопровождать его верхом, к нему подошел крестьянин или человек, одетый в крестьянское платье, и умолял его принять от него бумагу, в которой заключается дело очень большой важности и которое в тот же день необходимо довести до сведения императора. Кутайсов правой рукой держал за повод лошадь его величества; левой он взял бумагу и положил ее в карман. После прогулки он переменял платье, чтобы идти к императору, вынул по своей привычке все, что у него было в правом кармане, и забыл про прошение крестьянина, вспомнив о нем только на следующий день. Было уже поздно: Павел более не существовал, а в бумаге был разоблачен весь заговор. <...>

Великого князя Александра разбудили между двенадцатью и часом ночи. Великая княгиня Елизавета, которая и легла всего за полчаса перед этим, встала вскоре после него. Она накинула на себя капот, подошла к окну и подняла стору. Апартаменты находились в нижнем этаже и выходили окнами на площадку, отделенную от сада каналом, которым был окружен дворец. На этой площадке при слабом свете луны, закрытой облаками, она различала ряды солдат, выстроенные вокруг дворца. Вскоре она услышала многократно повторяемые крики «ура», наполнившие ее душу непонятным для нее ужасом.

Она не представляла себе ясно, что происходило, и, упав на колени, она обратилась к богу с молитвой, *чтоб что бы ни случилось, это было бы направлено к счастью России.*

Великий князь возвратился с самыми сильными проявлениями отчаяния и передал своей супруге известие об ужасной кончине императора, но не был в состоянии рассказать подробно.

— Я не чувствую ни себя, ни что я делаю,— сказал он.— Я не могу собраться с мыслями; мне надо уйти из этого дворца. Пойдите к матери и пригласите ее как можно скорее приехать в Зимний дворец.

Когда император Александр вышел, императрица Елизавета, охваченная невыразимым ужасом, упала на колени перед стулом. Я думаю, что она долго оставалась в таком положении без всякой определенной мысли, и, как она го-

ворила мне, эта минута принадлежала к числу самых ужасных в ее жизни.

Императрица была выведена из забытья своей камер-фрау, которая, вероятно, испугалась, увидав ее в таком состоянии, и спросила, не нужно ли ей чего-нибудь. Она поспешно оделась и в сопровождении этой камер-фрау направилась к императрице Марии, но у входа в ее апартаменты она увидела пикет, и офицер сказал ей, что не может пропустить ее. После долгих переговоров он наконец смягчился; но, придя к императрице-матери, она не застала ее, и ей сказали, что ее величество только что спустилась вниз. Императрица Елизавета сошла по другой лестнице и застала императрицу Марию в передней апартаментов нового императора, окруженную офицерами вместе с Бенигсеном.

Она была в ужасном волнении и хотела видеть *императора*. Ей отвечали:

— Император Александр в Зимнем дворце и желает, чтобы вы тоже туда приехали.

— Я не знаю никакого императора Александра, — отвечала она с ужасным криком. — Я хочу видеть моего императора.

Она поместилась перед дверью, выходящей на лестницу, и объявила, что она не сойдет с этого места, пока ей не обещают показать императора Павла. Казалось, она думала, что он жив. Императрица Елизавета, великая княгиня Анна, г-жа Ливен, Бенигсен и все окружавшие ее умоляли ее уйти отсюда, по крайней мере возвратиться во внутренние апартаменты. Передняя беспрестанно наполнялась всяким людом, среди которого было неприятно устраивать зрелище; но ее удавалось отстранить от этой роковой двери только на несколько мгновений...

Каждую минуту прибывали посланные, настоящие и ложные, от императора Александра, приглашавшие императрицу Марию отправиться в Зимний дворец; но она отвечала, что не уедет из Михайловского дворца, пока не увидит императора Павла.

В эту ночь был такой беспорядок, что, когда императрица Елизавета взяла за талию свою свекровь, чтобы поддержать ее, она почувствовала, что кто-то сжал ей руку и крепко поцеловал ее, говоря по-русски:

— Вы — наша мать и государыня!

Она обернулась и увидала, это был незнакомый ей офицер, слегка пьяный.

Под утро императрица Мария пожелала видеть своих детей, и ее провели к ним. Все время сопровождаемая и поддерживаемая императрицей Елизаветой, она вернулась в свои апартаменты и пожелала говорить с г-жой Пален. Во время этого разговора она заперла императрицу Елизавету в маленьком кабинете, смежном с комнатой, где только что совершилось преступление. Мертвое молчание, царившее в кабинете, побудило императрицу Елизавету отдаться своим мыслям, которые никогда не дадут ей забыть этих минут. Она говорила мне, что ей казалось, что самый воздух этого дворца насыщен преступлениями, и она ждала с невыразимым нетерпением возможности уйти из него; но она могла это сделать только после того, как проводила императрицу Марию к телу ее супруга и поддерживала ее в эту тяжелую минуту.

Императрица вместе со всеми детьми со страшным воплем вошла в комнату, где он лежал на своей походной кровати в своем обыкновенном мундире и в шляпе. Наконец в седьмом часу императрица Елизавета вместе с своей первой камер-фрау г-жой Геслер могла покинуть это место ужаса и отправиться в Зимний дворец. Придя в свои апартаменты, она нашла императора у себя на диване, бледного, измученного, охваченного припадком скорби.

Граф Пален, находившийся там, вместо того чтобы выйти из комнаты, как это предписывало уважение, отошел к амбразуре окна. Император сказал императрице Елизавете:

— Я не могу исполнять обязанностей, которые на меня возлагают. У меня не хватит силы царствовать с постоянным воспоминанием, что мой отец был убит. Я не могу. Я отдаю мою власть кому угодно. Пусть те, кто совершил преступление, будут ответственны за то, что может произойти.

Императрица, хотя и была тронута состоянием, в котором находился ее супруг, представила ему ужасные последствия подобного решения и смятение, которое должно произойти от этого в государстве. Она умоляла его не падать духом, посвятить себя счастью своего народа и смотреть на отправление власти, как на искупление. Она хотела бы сказать ему больше, но назойливое присутствие Палена стесняло ее откровенность.

Между тем в больших апартаментах собирались для принесения присяги, что и было совершено без присутствия императора и императрицы. Императрица-мать приехала в Зимний дворец несколько часов спустя после своих детей.

Через восемь или десять дней после смерти императора Павла было получено извещение о смерти эрц-герцогини (великой княгини Александры) во время родов. Казалось, что такие несчастья так должны были подействовать на императрицу-мать, что она забудет обо всем, кроме своей скорби. Но император Павел еще не был погребен, а она уже заботилась обо всем необходимом в подобных случаях, о чем ее сын не говорил с ней из деликатности. Она объявила, что не желает, чтобы для нее составляли особый двор, и получила от императора согласие, чтобы чины его двора служили также и его матери.

Немного спустя после восшествия на престол император назначил фрейлиной княжну Варвару Волконскую, первую в его царствование. По обычаю, она получила шифр императрицы, и все фрейлины великой княгини Елизаветы тоже получили шифр императрицы Елизаветы. В тот же день императрица Мария, узнав об этом простом и обыкновенном в таких случаях назначении, потребовала от императора, чтобы впредь все фрейлины и придворные дамы носили портреты и шифр обеих императриц. Этот случай не имел примера в прошлом, но в то время императрица могла получить все от своего сына:

Едва прошли шесть недель траура, она стала появляться в публике и делала из этого большую заслугу, постоянно повторяя императору, что ей многого стоит видеть хотя бы издали лиц, про которых она знает, что они принимали участие в заговоре против ее супруга, но что она приносит это чувство в жертву своей любви к сыну.

Она заставила написать с себя портрет в глубоком трауре и раздавала копии всем.

В мае месяце она отправилась в Павловск, оставленный ей, как и Гатчина, по завещанию покойного императора. Там она вела рассеянный образ жизни, более блестящий, чем в царствование Павла I. Она делала большие приемы, устраивала прогулки верхом. Она разбивала сады, строила и вмешивалась, насколько возможно, в государственные дела.

Эти подробности необходимо привести, чтобы дать понятие о том положении, какое заняла вдовствующая им-

ператрица после смерти своего супруга. Возвратимся к телу несчастного императора.

Оно было выставлено в Михайловском дворце. Он был раскрашен, как кукла, и на него надели шляпу, чтобы скрыть раны и синяки на голове. Через две недели его похоронили в крепости, и Павел I был положен вместе со своими предками. Весь двор следовал за шествием пешком, также вся императорская фамилия, за исключением двух императриц. Императрица Елизавета была больна. Императорские регалии несли на подушках. Обер-гофмейстеру графу Румянцеву было поручено нести скипетр. Он уронил его и заметил это, пройдя двадцать шагов. Этот случай дал повод многим суеверным предположениям.

Из записок М. Леонтьева

ПРОЩЕНИЕ

Беспокойства, возникшие от большого числа выключенных штаб- и обер-офицеров армии и флота, которые толпами разъезжали в окрестностях Петербурга и отбирали силою для себя пищу в трактире на большой дороге Московской на 7 верст от сей столицы и лежащего при реке, [нрзб.] по Нарвской и другим дорогам, а сверх того и политические виды знаменитого и в большую доверенность вошедшего к Павлу I-му графа Палена, побудили сего государя объявить в исходе 1800-го года всеобщее прощение выключенным, которых целые толпы и прибыли в начале 1801-го года в Петербург для благодарения царя и подачи просьб, кто куда желает определиться. Сим воспользовались и друзья графа Палена, знаменитые изгнанники князь Платон и графы Валериян и Николай Зубовы, барон Бейнигсен, Чичерин и многие другие славные генералы века Екатерины II-ой.

Я сам был очевидец, когда Павел I-й принимал Зубовых в зале Михайловского дворца по их возвращении. Государь весьма милостиво обошелся с князем Платоном, взял его под руку, подвел к окну, долго с ним разговаривал, и видно было из поклонов последнего, что разговор сей был очень для него благосклонен. Князь был в мундире первого кадетского корпуса, туда он накануне дня представления был назначен директором, быв принят генералом от инфантерии, а брат его Валериян был назначен во 2-й кадетский

корпус также директором и принят в службу также полным генералом; и с которым государь также обошелся милостиво, потрепав его по плечу. Сей Валерьян, будучи красавец, был без ноги, которую потерял он пьяный во время польской войны и о ране которого Суворов сказал: *«Боли много, а славы мало»*. Третий их брат Николай, страшилище по своей гигантской наружности и большим глазам, был назначен шефом гусарского, помнится, Сумского полка. Три сии брата были в Андреевских лентах, которыми Екатерина их украсила, и обратили на себя внимание всех присутствовавших, из которых многие их знали во время прежнего царствования, а другие слушали лестные и чрезвычайно увеличенные им похвалы, и, будучи недовольны настоящим, верили с охотою прошедшему. Павел I-й при сей аудиенции был очень весел и смеялся с Зубовым и другими. Он не думал, что видит того, который сорвет корону с головы его и, быть может, видя себя окруженного крепостными валами и сильной стражей, презирал всех сих вельмож, имевших причину быть им недовольными; и не эта ли была причина поспешного переезда его в Михайловский замок? Кто знал и видел Павла I-го, тот не мог не удивиться сему всепрощению, в течение которого, принимая одних, он выключал и сажал в крепость других. Одним словом, граф Пален, наклоня Павла I-го на дело ему несвойственное, показал сим и свой гибкий ум, и великую силу доверенности, у царя им приобретенной.

слухи

В течение последних двух месяцев царствования Павла I-го Петербург волнуем был разными неистовыми слухами, направлявшими публику на один предмет — ненависти к Павлу. Так, говорили и с великой утвердительностью, что Павел I-й намерен вскоре развестись с императрицей и жениться на Гагариной, что вся императорская фамилия развезется по монастырям, наследник посадится в крепость и объявятся наследниками трона будущие дети его от Гагариной. И что Семеновский полк за преданность нашу к наследнику разошлетя по сибирским гарнизонам. Сии слухи производили свое действие в публике, которая никогда исследовать не любит, а, с жадностью хватая самый нелепый слух, ревностно распространяет оный. Так и было: умы распалилися, неудовольствие увеличивалось, и Павел I-й день ото дня становился ненавистнейшим тираном в глазах оби-

тателей Петербурга; так достигал своей цели исполненный великого ума и хищности глава заговора противу императора Павла Петербургский военный губернатор граф Петр Алексеевич фон-дер-Пален.

Но в сие время и Павел I-й получал безымянные доносы о существовании заговора на жизнь его, чего при всей своей деятельности граф Пален отвратить не мог, но к кому государь должен был обратиться о исследовании сих доносов, как не к нему же, ибо в руках его сосредоточена была власть военная, гражданская и полицейская всей столицы, и которого Павел почитал преданнейшим себе человеком. Чтобы усыпить совершенно императора, граф Пален имел дерзость и бесстыдство сам донести Павлу о существующем будто бы заговоре по безымянным доносам, и чтобы — для устрашения бдительностию правительства публики — не прикажет ли он, собрав офицеров гвардии, объявить им о всем. Павел I-й дал на сие хитрообдуманное и с присутствием духа произведенное действие свое согласие. Вследствие сего, дня за четыре до 12-го марта мы и были собраны все в дом графа Палена у Полицейского моста поутру до развода. По полном нашем съезде и по помещении нас в зале сего дома граф вышел к нам в полном мундире и, раскланявшись, сказал громким голосом: «Господа! До сведения государя императора доходит о существовании заговора в столице, но его величество надеется на вашу верность!» Последние слова произнес он с коварной улыбкой и, взглянув, не переменя мины, на нас быстрыми глазами, поклонился и ушел в свои комнаты, а мы поехали по домам. Известно, что в заговоре противу Павла были и некоторые офицеры гвардии, и думать надо, что сверх усыпления [бдительности] Павла, сия сцена сделана была для их ободрения, показав им ясно и свою силу и неустрашимость. Но когда хитрость графа Палена торжествовала с одной стороны, то с другой — безымянные доносы повторялись не только Павлу I, но и любимцам его Нарышкину и Кутайсову. Последнему 11-го марта после полудня, как сказывали тогда, было даже подано письмо с именами заговорщиков, но он, не распечатав его, положил под подушку своей постели, намереваясь прочесть его поутру 12 числа. Все сии слухи делали то, что Нарышкин по званию своему начал проводить ночи не раздеваясь, употребляя все осторожности с своей стороны, но разведать о точности заговора

сии придворные любимцы не имели средств, будучи окружены глазами умнейших людей того времени. Туча собиралась над головой Павла I-го, но он пребывал беспечен, надеясь на свою стражу и батареи замка.

11-Е ЧИСЛО МАРТА 1801 ГОДА,
ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ ПАВЛА I-го

В сей день развод был, по обыкновению, в Михайловском замке в 9 часов, и Павел I-й находился при оном в совершенном здоровье, но только был очень сердит и весьма прогневался на сменявшийся караул нашего полка 2-го батальона и кричал на шефа одного генерала Мозавского, а наследнику сказал: «Вашему высочеству свиньями надо командовать, а не людьми». Я заметил, что великий князь вместо того, чтобы, по обыкновению своему, сделать поклон государю, отвернулся от него и закусил губу. Не знаю, заметил ли это Павел, ибо это было в углу замка, но мы все это видели.

По окончании развода Павел I-й удалился во дворец, а наследник взошел на гауптвахту и в офицерской караульне весьма милостиво разговаривал с арестованным генералом Эмме и его женою, [пришедшею] проведать своего мужа, а маленького сына их брал на руки и целовал его; сия умиленная сцена многих тронула, показав всю благодать души великого князя. Я по окончании развода и по уходе наследника на свою половину возвратился домой и провел оный с одним моим знакомым. В сей день Павел I-й после обеда прогуливался по городу верхом, ибо погода была теплая и день очень ясный, а, возвратившись в замок, сойдя с лошади, прошел к канаве, окружавшей оный, становился на лед, мерял палкою прибывавшую воду и весело разговаривал с стоявшим тут часовым. При входе в замок встретил Коцебу с тетрадью в руках, описывавшего оный, остановился с ним у статуи Клеопатры, говорил о ее истории, и, милостиво поклонясь, пошел по лестнице, и, взойдя на оную, обратился еще к Коцебу, взглянул на одного и пошел в комнаты. В сей день караулы в замке содержал наш третий батальон, которого шеф был генерал-майор Депрерадович и в котором я служил. В карауле на главную гауптвахту вступил капитан Гаврило Иванович Воронков, бывший из гатчинских служивых Павла, когда он был еще наследником, [а также]

поручик Константин Полторацкий, один из заговорщиков, и прапорщик Дмитрий Ивашкин. На другие бекеты¹ вступил Усов и еще не помню другой кто. Дежурный штаб-офицер был полковник Ситман, [нерзб.] главных капитан Дмитрий Михайлович Мордвинов, который ныне генерал-майор и камергер, а визитер — брат мой Владимир. Со внутренним караулом Преображенского полка лейб-батальона вступил поручик Марин, один из заговорщиков, а другие от конных полков, не знаю кто. Воронков после зори, по обыкновению, ходил с рапортом к Павлу I-ому, а, возвратясь в караульную, нашел во оной князя Петра Михайловича Волконского, любимца и адъютанта наследника; Воронков удивился. Но Волконский сказал, что он от скуки пришел с ними поужинать и принес с собой им славного вина, которым за ужином и потчевал Воронкова, удивлявшегося к себе таковой ласке князя, который, зная Воронкова охоту к сему напитку, очень часто его потчевал, от чего оный не смел отговариваться. После ужина Волконский тотчас ушел, сказав несколько французских слов Полторацкому, чего ни Воронков, ни Ивашкин не разумели. Так кончился день сей, достопамятный в истории! И Воронков, будучи отягчен вином, вскоре лег спать, не ведая, что в сие время судьба империи была в руках его! Солдаты начинали дремать; все у карауле было покойно, по обыкновению, и никто из всех их даже и не подозревал, что сия ночь будет роковою для их государя, которого хотя они и не любили, но были ему преданы по тому одному, что он был самодержавец их.

ТРЕВОГА

В то время как я только что предался крепкому сну, свойственному моим летам, вбежал солдат в мои комнаты и громким голосом в темноте кричал: «Ваше благородие, тревога! Пожалуйте на линейку!» Надо знать, что я жил в корпусе, щедротами наследника выстроенном почти против полкового двора и госпиталя, им же построенного; коридор, отделявший наши комнаты от других офицеров, был широкий, а людские флигеля далеко — куда на ту пору убралась мои люди. Я стал кричать: «Одеваться!» Но не тут-то было! И так впотьмах ища своего платья, нашел его, но, надевая его, не попадал на лад! Наконец люди мои прибежали, и я, кой-как одевшись, бросился на полковой двор, но там никого не было. Я побежал к казармам солдат

и нашел уже там в глубокой темноте батальон свой, оставшийся от караула выстроенным пред оными. Все офицеры были уже тут, и генерал Депрерадович, ходя по суетившемуся фронту, повторял: «Без шуму!» Это было часу в одиннадцатом.

Устроив поспешно фронт, генерал повел нас по *Гороховой* улице. Подойдя к Калинкинскому мосту на Мойке, мы остановились, и Депрерадович сказал громко: «Власов (адъютант, бывший потом камергер и живший у нас в соседстве, в селе Иванкове), поезжайте к коменданту (в Петербурге при Павле I-м было три коменданта: 1-й в крепости, 2-й в Михайловском замке, а 3-й, городской, заведовавший всеми караулами в столице, жил в Зимнем дворце, к сему то... [нрзб.] послан был Власов) и спросите, где пожар?» Власов поскакал в темноте прямо к Зимнему дворцу и, заехав за поворот к оному, остановился (как после узнал я, ибо и он был в заговоре), где, простояв несколько минут, прискакал с мнимым к нам повелением и сказал генералу: «Пожар в Михайловском замке, и комендант приказал туда идти». Повинуясь сему мнимому приказанию, мы повертели по берегу Мойки и, перейдя мост, пошли к помянутому замку. Нужно при сем заметить одно обстоятельство, доказывающее, что страх отнимает догадку: при самом вступлении нашем на Гороховую улицу поручик Никита Кожин, бывший в заговоре и знавший все, бросил экспантон свой и вскричал: «Не надо тебя! Теперь со шпагою служить надо». Но сего в то время никто из нас не понял.

Когда мы шли по улице, то хотя и соблюдалась нами глубокая тишина по приказанию генерала, но за всем тем гул от ног 500 человек, блеск оружия при слабеющем уже свете фонарей и тихий говор солдат возбуждали любопытство жителей домов, мимо которых мы проходили, и они, полураздетые (ибо это было часу в 12-м), отворя форты и высуня головы, смотрели на улицу, но, увидя нас, идущих в столь необыкновенное время, опрометью бросались от окон. Так-то их и нас напугал Павел I-й.

В заговоре было не много наших офицеров, и большая часть ничего не ведала, и мы сердечно верили, что идем тушить пожар Михайловского замка! И какой пожар, думаю я теперь, самый опасный, каковой только представляет история. В темноте и не встречая никого, ибо были первые, шли мы к замку; подойдя к оному, нас остановили и ввели

в бывший при канале экзерцыр-гауз; тут окружила нас совершенная египетская тьма. Ночь была и сама по себе темная, и шел дождь, а в экзерцыр-гаузе пуще оная умножилась.

«Что с нами будет?» — спрашивали мы друг друга. Пожара в замке нет. «Верно, мы приведены для того, — говорили другие, слышавшие пред сим распущенные слухи, — чтобы отсюда разослать нас по Сибири». Так ломали мы головы, стоя более получаса в сей темноте, а генерал наш с некоторыми офицерами, скрывшись от нас, удивлял еще более нашу недогадливость. Солдаты, повинаясь совершенно как овцы, спрашивали только друг у друга потихоньку: «Пожара во дворце не видно, зачем же мы здесь?»

По прошествии доброго получаса или более генерал сказал тихо: «От ноги, ступай за мной!» Мы вышли из экзерцыр-гауза и пошли прямо на площадь замка. Пройдя канал, генерал велел поднять мост и караулу, стоявшему по ту сторону с офицером нашим Усовым, переведя [его] на другую, приказал охранять мост. Мы прошли уже и монумент Петра Первого и все еще подавались ко дворцу, в котором не было освещено даже ни одно окно, а не только чтобы виден был пожар. Пройдя к самому замку, генерал, остановив батальон и разделя его на части, окружил ими весь сей замок, строжайше приказав не выпускать и не впускать никого во оный и дав в то же время повеление вернуть в ружья кремни и приготовить боевые патроны. Это было часу во втором пополуночи.

Мне назначен был пост у коридора замка, идущего от подъезда, что на Царицын луг, который я и занял с 30-ю или 40 человеками солдат. Стоя тут и не постигая всего того, что с нами делалось, мы увидали в некоторых комнатах бельэтажа быстро двигавшийся огонь, как бы в руках бегавших людей, в то же время по коридору произошла некоторая беготня, чего в темноте разобрать мы не могли, и слышен стал отдаленный и глухой говор людей. Солдаты мои, стоявшие до того в совершенной тишине, вдруг при описанных мною движениях сказали друг другу: «Братцы, во дворце что-то не здорово?» И, подошед ко мне, довольно быстро сказали: «Ваше благородие, во дворце не здорово!» Я молчал при сем их вопросе, ибо, не ведая сам ничего и не понимая, не мог им ничего отвечать. Солдаты начинали

колебаться, в сие время мы услышали, ибо ничего не видеть было, пистолетный выстрел и скачку по Царицыну лугу за каналом какой-то кавалерии, которая по сие время осталась тайною для меня. Но среди сего затруднительного по молодости моей положения пришел к бекету моему полковник Вадковский и стал уговаривать солдат, вспоминая им времена Екатерины II-й, когда служить было легко, и подавая надежду на могущую случиться и теперь перемену в правлении. Но солдаты молчали. Вскоре явился к нам и генерал наш Депрерадович и, видя неудовольствие солдат возрастающим, сказал Вадковскому: «Теперь уже пора». И закричал солдатам моим: «Ребята! Поздравляю вас с новым государем, у нас император Александр. Ура!» «Ура!» — закричали верные царю наши солдаты, и как бекеты наши расположены были друг от друга на близкое расстояние, то «ура» загремело вскоре вокруг всего замка. Радость наша была неописанна, ибо мы все любили Александра, а потому и «ура» гремело более часу, раздаваясь в пустых коридорах Павлова убежища.

Едва миновался восторг наш, как прибыли и два другие наши батальона. Мост для них был тотчас опущен, и полковник Иван Александрович Вельяминов, предводя 1-й батальон нашего полка, явился на площади замка, а за ним и 2-й, и тотчас заняли линии вокруг дворца от Садовой улицы и Летнего саду. Вскоре весь фас замка, противу нас стоявший, освещен был в бельэтаже, и кавалерия, скакавшая, как прежде сказано, по Царицыну лугу, удалась. Это было часу в 4-м пополуночи.

Носилися после слухи, возникшие от арестования в сию ночь командира гвардейских гусар генерала Кологривова, что будто сия кавалерия были гусары, разбившие в сие время некоторые кабаки и наделавшие, как говорили, разные беспорядки, но за верность слуха сего ручаться я не могу.

По прошествии некоторого времени и, я думаю, в исходе 4-го часа, ибо было еще темно, с подъезда, близ которого я стоял с бекетом, раздалось несколько голосов все еще в темноте: «Государеву карету!» И теперь я не могу понять, откуда явилась сия карета! Приготовлена ли она была с вечера революционерами или подвезена тихо

в то время, когда мы заняты были суматохою, в замке бывшею, сего никак не могу решить. Но как бы то ни было, а карета была подана двуместная, запряженная четверней и не придворная, ибо тогда придворные экипажи запрягались всегда парадными цугами, а когда и четверней, то все с шорами и парадно. А эта карета была заложена ямскими лошадьми и, следовательно, была частного человека. Вскоре как подали карету, наверху лестницы показался большой свет от факелов, много офицеров и генералов и между ними шел император Александр I-й; восхитительная и трогательная минута! Мы бросились к сему государю, целовали его руки и мундир, а солдаты ему кричали: «Ты отец наш!» Александр, будучи и сам расстроган не менее нас, отвечал нам сими словами: «Так, я отец ваш!». Сев в карету, государь поехал прямо в Казанский собор, где были уже предварительно собраны Сенат и Синод. Быть может, заговорщики, собрав сии сословия, намерены были привести Павла I-го сюда, дабы законно лишить его престола, но страсти решили сие иначе и, быть может, к лучшему, потому что, привезя сюда государя самодержавного, подлежало бы объявить его с ума сошедшим, что было бы весьма затруднительно, а лишить просто престола самодержавца сии сословия не имели ни права, ни власти. Но как же были собраны сии сословия? Теми же средствами, как и мы, то есть обманом: им разосланы были повестки в глухую полночь, и сии повестки развезли гвардии офицеры, которыми сенаторы и архиереи приглашены были в Казанский собор, а зачем, никто из них не знал, кроме бывших в заговоре. Так, по крайней мере, рассказывал дядя мой, сенатор, действительный тайный советник Николай Васильевич Леонтьев, бывший сам в соборе, но не знавший, зачем их собрали, до тех пор, пока явился Александр I и прочтен был им манифест о смерти Павла I-го, в котором причиной оной выставлен был апоплексический удар!

По отъезде государя мы все оставались в том же положении, и я первый имел честь отдать Елизавете Алексеевне императорскую почесть по отъезде ее при рассвете в Зимний дворец, то есть салютовал ей при барабанном бое, чего, кроме императора и императрицы, гвардия никому из царской фамилии не делает. Вскоре после императрицы и вся их фамилия выехали в Зимний дворец, оставя сей замок навсегда.

12-го числа после полудня сменил нас измайловский караул, и мы в странном ночном наряде с опухлыми от бессонницы лицами, в измокшем и потом замерзшем от утреннего мороза платье проходили улицы веселящейся столицы, которой жители, толпами прогуливаясь, изъявляли друг другу радость, обнимаясь между собою и приветствуя себя с благополучной переменой правительства, зная благость нового монарха. Между сими гуляющими были и странные франты, например: круглых шляп ни у кого не было, а треугольных не хотели уже носить из ненависти к бывшему правительству, и так, обрезав поля у треугольных шляп, сии франты ходили в странного рода головном уборе, которому и сами смеялись. Нас встречали как избавителей, хотя из благопристойности и не кричали «ура», но, встречаясь с нами, снимали шляпы и кланялись с улыбкой благодарности. Так кончилось злобное правление Павла I-го, о которого судьбе нельзя и не пожалеть, видя, что сей монарх, могший снискать благословение миллионов, заслужил проклятие современников и укоризну потомства. Я от сей ночной тревоги выдержал болезнь, при которой вся голова у меня распухла, но, благодаря господу, сия болезнь прошла в несколько дней стараниями полкового штаб-лекаря Штофа. Не могу забыть, что, возвратясь с сей тревоги домой, я спал целые сутки, не вши и не просыпавшись.

Рассказ об убийстве Павла I М. И. Муравьева-Апостола

При Павле I все батальоны гвардейских полков назывались шефскими. Семеновский полк находился под личным начальством своего шефа, наследника престола. 11 марта 1801 года, ночью, когда зоря была уже пробита, Семеновскому 3-му батальону приказано было одеваться; его повели в Михайловский замок, чтоб сменить Преображенский батальон, занимавший караулы в замке. Эта смена совершилась под предлогом, что на другой день, 12 марта, Павел I будет рано смотреть Преображенский полк. Семеновцы заняли все посты в замке, кроме внутреннего пехотного караула, находящегося около залы, называемой уборной, смежной со спальней Павла I. Караул этот оставили из опасения, чтобы движением смены не разбудить императора.

На часах стоял рядовой Перекрестов и подпрапор-

щик Леонтий Осипович Гурко; последний потом рассказывал, что двери уборной заперли накрепко ключом и, не зная куда спрятать его, не говоря ни слова, спустили ключ ему под белье; он не успел опомниться, как ощутил неприятное прикосновение металла, скользнувшего по его ноге. При этом часовым было строго приказано безусловно никого не пускать. <...>

Императрица Мария Феодоровна, услышав шум, поспешила к мужу, к двери уборной. Но часовые, исполняя данное приказание, скрестили перед ней ружья. Императрице сделалось дурно. Ей подкатили кресло и подали стакан воды. Она протянула к нему руку. Перекрестов поспешил схватить стакан с подноса, выпил половину и, поставив назад, сказал: «Теперь пей, матушка царица, если ты должна умереть, я умру с тобой». В 1814 году по возвращении из Парижа, Перекрестов, прослужив лишние лета, вышел в отставку. Мария Феодоровна вспомнила о нем, и Перекрестов был определен камер-лакеем при ее дворе.

В темном коридоре, у дверей спальни Павла I, находилась икона; близ нее стоял на часах рядовой Агапеев. Когда заговорщики вступили в коридор, один из них, а именно граф Зубов, ударил Агапеева саблей по затылку так сильно, что тот упал, обливаясь кровью. Затем они постучались в спальню. Комнатный гусар, приотворив дверь, чтобы узнать, кто стучит, подвергся участи Агапеева.

Заговорщики вошли в спальню и не застали в постели Павла; но постель оказалась еще теплою. После тщетных поисков, они отодвинули от камина экран, и пара ботфортов выдала Павла I. Они вывели его из-за камина, уложили в постель и потребовали подписать отречение от престола. Павел долго не соглашался на это, но наконец уступил настоятельным требованиям.

Один из заговорщиков поспешил известить об этом Беннигсена, остававшегося в смежной комнате и с подсвечником в руке рассматривавшего картины, развешанные по стенам. Услышав об отречении Павла, Беннигсен снял с себя шарф и отдал сообщнику, сказав: «Мы не дети, чтоб не понимать бедственных последствий, какие будет иметь наше ночное посещение Павла, бедственных для России и для нас. Разве мы можем быть уверены, что Павел не последует примеру Анны Иоанновны?»¹ Этим смертный приговор был решен. После перечисления всего зла, нанесенного России, граф Зубов ударил Павла золотой

табакеркой в висок, а шарфом Беннигсена его задушили.

Беннигсен, командуя Мариупольским гусарским полком, приехал в Петербург по делам службы в начале 1801 года. На одном из разводов он, задумавшись, стоял среди манежа. Павел с поднятой палкой скакал прямо на него. Беннигсен схватился за рукоятку своей сабли. Павел, проезжая мимо, отсалютовал ему палкой. После такой нелепой выходки Беннигсен охотно согласился вступить в заговор против императора. <...>

Главный караул занимал капитан Михайлов со своей ротой. Он был гатчинец, достойный образчик этих офицеров: грубый, безграмотный и пьяница. Солдаты этого караула тоже подняли ропот, что их не ведут унять шумящих. Михайлов, потерявшись, обратился за советом к стоявшему с ним вместе в карауле прапорщику Константину Марковичу Полторацкому. Понимая суть дела, тот отвечал, что не смеет давать совета своему командиру.

Михайлов вывел солдат из караульни. Поднявшись по парадной лестнице, на ее площадке, ему встретился граф Зубов и спросил: «Капитанина, куда лезешь?»

Михайлов ответил: «Спасать государя».

Граф дал ему вескую пощечину и скомандовал: «Направо кругом». Михайлов с должным повиновением отвел своих солдат в караульню. <...>

В 1820 году Аргамаков в Москве, в Английском клубе рассказывал, не стесняясь многочисленным обществом, что он сначала отказался от предложения вступить в заговор против Павла I, но великий князь Александр Павлович, наследник престола, встретив его в коридоре Михайловского замка, упрекал его за это и просил не за себя, а за Россию, вступить в заговор, на что он и вынужден был согласиться.

11 марта Павел I весь день подходил к дворцовым зеркалам и находил, что лицо его отражается в них с искривленным ртом. Придворные из этого повторяемого замечания заключили, что заведующий дворцами князь Юсупов впал в немилость. Этого же числа вечером Павел долго беседовал с М. И. Кутузовым. Наконец между ними разговор зашел о смерти. «На тот свет идтить — не котомки шить», — были прощальными словами Павла I Кутузову.

В кампанию 1813 года Агапеев находился в стрелковом взводе 3-й роты Гренадерского 3-го батальона. Тогда М. И. Муравьев-Апостол собственноручно ощупывал на его

голове рубец от ужасной раны, нанесенной ему графом Зубовым в известную ночь с 11 на 12 марта.

Агапеев рассказывал, что в эту ночь Павел I долго молился на коленях перед образом, прежде чем войти в спальню.

Из записок Н. А. Саблукова

Около этого времени великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Иосифа, палатина венгерского, была при смерти больна, и известие о ее кончине ежечасно ожидалось из Вены. Император Павел был чрезвычайно недоволен Австрией за ее образ действий в Швейцарии, результатом которого было поражение Корсакова под Цюрихом и совершенная неудача знаменитой кампании Суворова в Италии, откуда он отступил на север через Сен-Готард. Англии была объявлена война, на имущество англичан наложено амбарго, и уже делались большие приготовления, дабы в союзе с Францией начать морскую войну против этой державы с открытием весенней навигации.

Все эти обстоятельства произвели на общество удручающее впечатление. Дипломатический корпус прекратил свои обычные приемы; значительная часть петербургских домов, из которых некоторые славились своим широким гостеприимством, изменили свой образ жизни. Самый двор, запертый в Михайловском замке, охранявшемся наподобие средневековой крепости, также влачил скудное и однообразное существование. Император, поместивший свою любовницу в замке, уже не выезжал, как он это делал прежде, и даже его верховые прогулки ограничивались так называемым *третьим летним садом*, куда, кроме самого императора, императрицы и ближайших лиц свиты, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались от снега для зимних прогулок верхом. Во время одной из этих прогулок, около четырех или пяти дней до смерти императора (в это время стояла оттепель), Павел вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись к шталмейстеру Муханову, ехавшему рядом с императрицей, сказал сильно взволнованным голосом: «Мне показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?» Муханов отвечал: «Государь, это, вероятно, дей-

ствии оттепели». Император ничего не ответил, покачал головой, и лицо его сделалось очень задумчивым. Он не проронил ни единого слова до самого возвращения в замок.

Какое странное предостережение! Какое загадочное предчувствие! Рассказ этот мне сообщил Муханов в тот же вечер, причем прибавил, что он обедал при дворе и что император был более задумчив, чем обыкновенно, и говорил мало. От Муханова же я узнал, что г-жа Жеребцова в этот вечер простилась с Обольяниновыми и что она едет за границу. Она остановилась в Берлине; впрочем, об этом я еще буду иметь случай сообщить впоследствии.

Теперь я подхожу к чрезвычайно знаменательной эпохе в истории России, эпохе, в событиях которой мне до известной степени пришлось быть действующим лицом и живым свидетелем и очевидцем многих обстоятельств, причем некоторые подробности об этих крайне важных событиях я узнал немедленно же и из самых достоверных источников. При описании этих событий мною руководит искреннее желание сказать правду, одну только правду. Тем не менее я буду просить читателя строго различать то, что я лично видел и слышал, от тех фактов, которые мне были сообщены другими лицами и о которых я по необходимости должен упоминать для полноты рассказа.

11-го марта 1801 года эскадрон, которым я командовал и который носил мое имя, должен был выставить караул в Михайловский замок. Наш полк имел во дворце внутренний караул, состоявший из 24-х рядовых, трех унтер-офицеров и одного трубача. Он находился под командою офицера и был выстроен в комнате перед кабинетом императора, спиною к ведущей в него двери. Корнет Андреевский был в этот день дежурным по караулу.

Через две комнаты стоял другой внутренний караул от гренадерского батальона Преображенского полка, любимого государева полка, который был ему особенно предан. Этот караул находился под командою подпоручика Марина и был, по-видимому, с намерением составлен на одну треть из старых преображенских гренадер и на две трети из солдат, включенных в этот полк после раскассирования лейб-гренадерского полка, происшедшего по внушению генерала графа Карла Ливена*, человека чрезвычайно стро-

* Это был старший брат князя Ливена, бывшего долгое время послом в Англии. Граф Карл Ливен недолго оставался в военной службе и, уда-

гого и вспыльчивого. Полк этот в течение многих царствований, особенно же при Екатерине, считался одним из самых блестящих, храбрых и наилучше дисциплинированных, и солдаты этого полка вследствие его раскассирования были весьма дурно расположены к императору.

Главный караул во дворе замка (а также наружные часовые) состоял из роты Семеновского великого князя Александра Павловича полка и находился под командою капитана из гатчинцев, который, подобно марионетке, исполнял все внешние формальности службы, не отдавая себе, по-видимому, никакого отчета, для чего они установлены.

В 10 часов утра я вывел свой караул на плац-парад, а между тем как происходил развод, адъютант нашего полка Ушаков сообщил мне, что по именному приказанию великого князя Константина Павловича я сегодня назначен дежурным полковником по полку. Это было совершенно противно служебным правилам, так как на полковника, эскадрон которого стоит в карауле, и который обязан осматривать посты, никогда не возлагается никаких иных обязанностей. Я заметил это Ушакову несколько раздраженным тоном и уже собирался немедленно пожаловаться великому князю, но, к удивлению всех, оказалось, что ни его, ни великого князя Александра Павловича не было на разводе. Ушаков не объяснил мне причин всего этого, хотя, по-видимому, он их знал.

Так как я не имел права не исполнить приказания великого князя, то я повел караул во дворец и, напомнив офицеру о всех его обязанностях (ибо я не рассчитывал уже видеть его в течение дня), вернулся в казармы, чтобы исполнить мою должность дежурного по полку.

В 8 часов вечера, приняв рапорты от дежурных офицеров пяти эскадронов, я отправился в Михайловский замок, чтобы сдать мой рапорт великому князю Константину как шефу полка.

Выходя из саней у большого подъезда, я встретил камер-лакея собственных его величества апартаментов, который спросил меня, куда я иду? Я хорошо знал этого

лившись в свои поместья, вскоре, по милости Божьей, сделался смиренным и благочестивым христианином. В конце своей жизни он был сделан членом Государственного совета и президентом протестантского Синода и состоял председателем некоторых библейских обществ.

человека и, думая, что он спрашивает меня из простого любопытства, отвечал, что иду к великому князю Константину.

— Пожалуйста, не ходите,— отвечал он,— ибо я тотчас должен донести об этом государю.

— Не могу не пойти,— сказал я,— потому что я дежурный полковник и должен явиться с рапортом к его высочеству; так и скажите государю.

Лакей побежал по лестнице на одну сторону замка, я поднялся на другую.

Когда я вошел в переднюю Константина Павловича, Рутковский, его доверенный камердинер, спросил меня с удивленным видом:

— Зачем вы пришли сюда?

Я ответил, бросая шубу на диван:

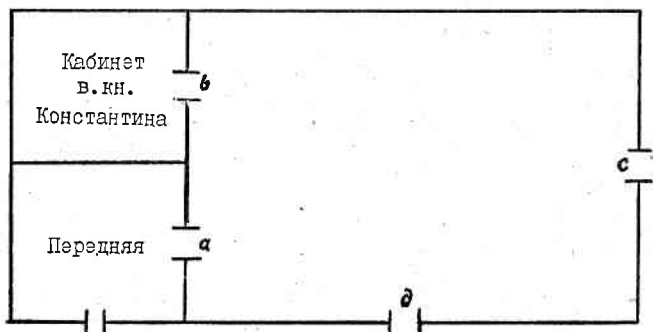
— Вы, кажется, все здесь с ума сошли! Я дежурный полковник.

Тогда он отпер дверь и сказал:

— Хорошо, войдите.

Я застал Константина в трех-четыре шагах от двери *b*, он имел вид очень взволнованный. Я тотчас отрапортовал ему о состоянии полка. Между тем, пока я рапортовал, великий князь Александр вышел из двери *c*, прокрадываясь, как испуганный заяц. В эту минуту открылась задняя дверь *d*, и вошел император *progrgia persona*¹, в сапогах со шпорами, с шляпой в одной руке и тростью в другой, и направился к нашей группе церемониальным шагом, словно на параде.

Рис. I

Александр поспешно убежал в собственный апартамент, Константин стоял пораженный, с руками, бьющимися

по карманам, словно безоружный человек, очутившийся перед медведем. Я же, повернувшись по уставу на каблуках, отрапортовал императору о состоянии полка. Император сказал: «А, ты дежурный!» — очень учтиво кивнул мне головой; повернулся и пошел к двери d. Когда он вышел, Александр немного приоткрыл свою дверь и заглянул в комнату. Константин стоял неподвижно. Когда вторая дверь в ближайшей комнате громко стукнула, как будто ее с силою захлопнули, доказывая, что император действительно ушел, Александр, крадучись, снова подошел к нам.

Константин сказал:

— Ну, братец, что скажете вы о моих? — указывая на меня. — Я говорил вам, что он не испугается!

Александр спросил:

— Как? Вы не боитесь императора?

— Нет, ваше высочество, чего же мне бояться? Я дежурный, да еще вне очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кроме великого князя, и то потому, что он мой прямой начальник, точно так же как мои солдаты не боятся его высочества, а боятся одного меня.

— Так вы ничего не знаете? — возразил Александр.

— Ничего, ваше высочество, кроме того, что я дежурный не в очередь.

— Я так приказал, — сказал Константин.

— К тому же, — сказал Александр, — мы оба под арестом.

Я засмеялся. Великий князь сказал:

— Отчего вы смеетесь?

— Оттого, — ответил я, — что вы давно желали этой чести.

— Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Нас обоих водил в церковь Оболянинов *присягать в верности!*

— Меня нет надобности приводить к присяге, — сказал я, — я верен.

— Хорошо, — сказал Константин, — теперь отправляйтесь домой и, смотрите, будьте осторожны.

Я поклонился и вышел.

В передней, пока камердинер Рутковский подавал мне шубу, Константин Павлович крикнул:

— Рутковский, стакан воды!

Рутковский налил, а я заметил ему, что на поверх-

ности плавает перышко. Рутковский вынул его пальцем и, бросив на пол, сказал:

— *Сегодня оно плавает, но завтра потонет.*

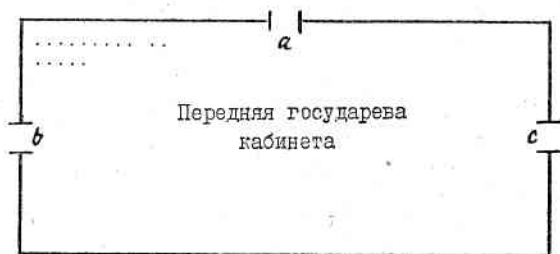
Затем я оставил дворец и отправился домой. Было ровно девять часов, и, когда я сел в кресло, я, как легко себе представить, предался довольно тревожным размышлениям по поводу всего, что я только что слышал и видел, в связи с предчувствиями, которые я имел раньше. Мои размышления, однако же, были непродолжительны. В три четверти десятого мой слуга Степан вошел в комнату и ввел ко мне фельдъегеря.

— Его величество желает, чтобы вы немедленно явились во дворец.

— Очень хорошо, — отвечал я и велел подать сани.

Получить такое приказание через фельдъегеря считалось в те времена делом нешуточным и плохим предзнаменованием. Я, однако же, не имел дурных предчувствий и, немедленно отправившись к моему караулу, спросил корнета Андреевского, все ли обстоит благополучно. Он ответил, что совершенно благополучно, что император и императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имели вид очень милостивый. Я сказал ему, что за мною послал государь и что я не приложу ума, зачем бы это было. Андреевский также не мог догадаться, ибо в течение дня все было в порядке.

Рис. 2-й

В шестнадцать минут одиннадцатого часовой крикнул: «Вон!» — и караул вышел и выстроился. Император показался из двери а, в башмаках и чулках, ибо он шел с ужина. Ему предшествовала любимая его собачка Шпиц, а следовал за ним Уваров, дежурный генерал-адъютант.

Собачка подбежала ко мне и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранил ее шляпою, но она опять кинулась ко мне, и император отогнал ее ударом шляпы, после чего Шпиц сел позади Павла Петровича на задние лапки, не переставая пристально глядеть на меня.

Император подошел ко мне (я стоял шагах в двух от караула) и сказал по-французски: «Vous êtes des Jacobins». Несколько озадаченный этими словами, я ответил: «Oui, Sire». Он возразил: «Pas Vous, mais le régiment». На это я возразил: «Passe encore pour moi, mais vous vous trompez, Sire, pour le régiment»². Он ответил по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караул!» Я скомандовал: «По отделениям, направо! Марш!» Корнет Андреевский вывел караул через дверь b и отправился с ним домой. Шпиц не шевелился и все время во все глаза смотрел на меня. Затем император, продолжая разговор по-русски, повторил, что мы якобинцы. Я вновь отверг это обвинение. Он снова заметил, что лучше знает, и прибавил, что он велел выслать полк из города и расквартировать его по деревням, причем сказал мне весьма милостиво: «А ваш эскадрон будет помещен в Царском Селе, два бригад-майора будут сопровождать полк до седьмой версты; распорядитесь, чтобы он был готов утром в четыре часа в полной походной форме и с поклажею». Затем, обращаясь к двум лакеям, одетым в гусарскую форму, но не вооруженным, он сказал: «Вы же два займите этот пост», — указывая на дверь a. Уваров все это время за спиной государя делал гримасы и усмехался, а верный Шпиц, бедняжка, все время серьезно смотрел на меня. Император затем поклонился мне особенно милостиво и ушел в свой кабинет через дверь a.

Тут, может быть, кстати будет пояснить, как был расположен внутри кабинет императора.

То была длинная комната, в которую входили через дверь a, и так как некоторые из стен замка были достаточно толсты, чтобы вместить в себе внутреннюю лестницу, то в толщине стены между дверями a и b и была устроена такая лестница, которая вела в апартаменты княгини Гагариной, а также графа Кутайсова. На противоположном конце кабинета была дверь c, ведущая в опочивальню императрицы, и рядом с нею камин d; на правой стороне стояла походная кровать императора e, над которою всегда висели: шпага, шарф и трость его величества. Император

всегда спал в кальсонах и в белом полотняном камзоле с рукавами.

Получив, как сказано выше, приказания от его величества, я вернулся в полк и передал их генералу Торماسову, который молча покачал головою и велел мне сделать в казармах распоряжения, чтобы все было готово и лошади оседланы к четырем часам. Это было ровно в 11 часов, за час до полуночи. Я вернулся к своему вольтеровскому креслу в глубоком раздумье.

Несколько минут после часа пополуночи 12 марта Степан, мой камердинер, опять вошел в мою комнату с собственным ездовым великого князя Константина, который вручил мне собственноручную записку его высочества, написанную, по-видимому, весьма спешно и взволнованным почерком, в которой значилось следующее:

«Собрать тотчас же полк верхом как можно скорее с полною амунициею, но без поклажи и ждать моих приказаний.

(подписано) Константин Цесаревич».

Потом ездовой на словах прибавил: «Его высочество приказал мне передать вам, что дворец окружен войсками»

и чтобы вы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами».

Я тотчас велел моему камердинеру надеть шубу и шапку и идти за мною. Я довел его и ездового до ворот казармы и поручил последнему доложить его высочеству, что приказания его будут исполнены. Камердинера же своего я послал в дом к моему отцу рассказать все то, что он слышал, и велел ему оставаться там, пока сам не приеду.

Я знал то влияние, которое имею на солдат, и что без моего согласия они не двинутся с места; к тому же я был, очевидно, обязан ограждать их от ложных слухов. Наша казарма была дом с толстыми стенами, выстроенный в виде пустого четырехугольника с двумя только воротами. Так как была еще зима и везде были вставлены двойные окна, то я легко мог сделать из этого здания непроницаемую крепость, заперев наглухо и заколотив гвоздями задние ворота и поставив у передних ворот парных часовых со строгим приказанием никого не впускать. Я поступил так потому, что не был вполне уверен в образе мыслей генерала Тормасова при данных обстоятельствах; вот почему я распорядился поставить у дверей его квартиры часового, строго приказав ему никого не пропускать.

Затем я отправился в конюшни, велел созвать солдат и немедленно седлать лошадей. Так как дело было зимою, то мы были принуждены зажечь свечи, яркий свет которых тотчас разбудил весь полк. Некоторые из полковников упрекнули меня в том, что я так «чертовски спешу», когда до четырех часов еще времени достаточно. Я не отвечал, но так как, зная меня, они рассудили, что я не стал бы действовать таким образом без уважительных причин, то все они последовали моему примеру, каждый в своем эскадроне. Тем не менее, когда я приказал заряжать карабины и пистолеты боевыми патронами, все они возражали, и у нас вышел маленький спор; но так как я лично получил приказания от его высочества, они пришли к убеждению, что я, должно быть, прав, и поступили так же, как и я.

Между тремя и четырьмя часами утра меня вызвали к передовому караулу у ворот. Тут я увидел Ушакова, нашего полкового адъютанта.

— Откуда вы? Вы не ночевали в казарме? — спросил я его.

— Я из Михайловского замка.

— А что там делается?

— Император Павел умер, и Александр провозглашен императором.

— Молчите! — отвечал я и тотчас повел его к генералу, отпустив поставленный мною караул.

Мы вошли в гостиную, которая была рядом со спальнею. Я довольно громко крикнул:

— Генерал, генерал, Александр Петрович!

Жена его проснулась и спросила:

— Кто там?

— Полковник Саблуков, сударыня.

— А, хорошо.

И она разбудила своего мужа. Его превосходительство надел халат и туфли и вышел в ночном колпаке, протирая себе глаза еще полусонный.

— В чем дело? — спросил он.

— Вот, ваше превосходительство, адъютант, он только что из дворца и все вам скажет...

— Что же, сударь, случилось? — обратился он к Ушакову.

— Его величество государь император скончался: он умер от удара...

— Что такое, сударь? Как смее вы это говорить?! — воскликнул генерал.

— Он действительно умер, — сказал Ушаков, — великий князь вступил на престол, и военный губернатор передал мне приказ, чтобы ваше превосходительство немедленно привели полк к присяге императору Александру.

Он сказал нам тоже, что Михайловский замок окружен войсками и что Александр с женою Елизаветой переехал в Зимний дворец под прикрытием кавалергардов, которыми предводительствовал сам Уваров.

Убедившись в справедливости сообщенного известия, генерал Тормасов сказал мне по-французски:

— Eh bien, mon cher colonel, faites sortir le régiment, préparez le prêtre et l'Évangile et réglez tout cela. Je m'habillerai et je descendrai tout de suite³.

Ушаков в заключение прибавил, что генерал Бенигсен был оставлен комендантом Михайловского замка.

12 марта между четырьмя и пятью часами утра, когда только что начинало светать, весь полк был выстроен в пешем строю на дворе казарм. Отец Иван, наш полковой священник, вынес крест и Евангелие на аналое и

поставил его перед полком. Генерал Тормасов громко объявил о том, что случилось: что император Павел скончался от апоплектического удара и что Александр I вступил на престол. Затем он велел приступить к присяге. Речь эта произвела мало впечатления на солдат: они не ответили на нее криками «ура», как он того ожидал. Он затем пожелал, чтобы я в качестве дежурного полковника поговорил с солдатами. Я начал с лейб-эскадрона, в котором я служил столько лет, что знал в лицо каждого рядового. На правом фланге стоял рядовой Григорий Иванов, примерный солдат, статный и высокого роста. Я сказал ему:

Ты слышал, что случилось?

— Точно так.

— Присягнете вы теперь Александру?

— Ваше высокоблагородие,— ответил он,— видели ли вы императора Павла действительно мертвым?

— Нет,— ответил я.

— Не чудно ли было бы,— сказал Григорий Иванов,— если бы мы присягнули Александру, пока Павел еще жив?

— Конечно,— ответил я.

Тут Тормасов шепотом сказал мне по-французски:

— *Cela est mal, arrangez cela*⁴.

Тогда я обратился к генералу и громко по-русски сказал ему:

— Позвольте мне заметить, ваше превосходительство, что мы приступаем к присяге не по уставу: присяга никогда не приносится без штандартов.

Тут я шепнул ему по-французски, чтобы он приказал мне послать за ними.

Генерал сказал громко:

— Вы совершенно правы, полковник, пошлите за штандартами.

Я скомандовал первому взводу сесть на лошадей и велел взводному командиру корнету Филатьеву непременно показать солдатам императора Павла, живого или мертвого.

Когда они прибыли во дворец, генерал Бенигсен в качестве коменданта дворца велел им принять штандарты, но корнет Филатьев заметил ему, что необходимо прежде показать солдатам покойника. Тогда Бенигсен воскликнул: «*Mais c'est impossible, il est abimé, fracassé, on est actuellement à le peindre et à l'arranger!*»⁵

Филатьев ответил, что, если солдаты не увидят Павла мертвым, полк отказывается присягнуть новому государю.

«Ah, ma foi! — сказал старик Бенигсен. — S'ils lui sont si attachés ils n'ont qu'à le voir»⁶.

Два ряда были впущены и видели тело императора.

По прибытии штандартов им были отданы обычные почести с соблюдением необходимого этикета. Их передали в соответствующие эскадроны, и я приступил к присяге. Прежде всего я обратился к Григорию Иванову:

— Что же, братец, видел ты государя Павла Петровича? Действительно он умер?

— Так точно, ваше высокоблагородие, крепко умер!

— Присягнешь ли ты теперь Александру?

— Точно так... хотя лучше покойного ему не быть...

А впрочем, все одно: кто ни поп, тот и батька.

Так окончился обряд (присяги), который, по смыслу своему, долженствовал быть священным таинством: впрочем, он всегда и был таковым... для солдат.

Теперь я буду продолжать свое повествование уже со слов других лиц, но на основании данных самых достоверных и ближайших к тому времени, когда совершилась эта ужасная катастрофа.

Вечером 12 марта заговорщики разделились на небольшие кружки. Ужинали у полковника Хитрово, у двух генералов Ушаковых, у Депрерадовича (Семеновского полка) и у некоторых других. Поздно вечером все соединились вместе за одним общим ужином, на котором присутствовали генерал Бенигсен и граф Пален. Было выпито много вина, и многие выпили более, чем следует. В конце ужина, как говорят, Пален будто бы сказал: «Rappelez-vous, messieurs, que pour manger d'une omelette il faut commencer par casser les œufs»⁷.

Говорят, что за этим ужином лейб-гвардии Измайловского полка полковник Бибииков, прекрасный офицер, находившийся с родстве со всею знатью, будто бы высказал во всеуслышание мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла; что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу. Как ни возмутительно подобное предположение, достойно внимания то, что оно было вторично высказано в 1825 году во время последнего заговора, сопровождавшего вступление на престол императора Николая I.

Около полуночи большинство полков, принимавших

участие в заговоре, двинулись ко дворцу. Впереди шли семеновцы, которые и заняли внутренние коридоры и проходы замка.

Заговорщики встали с ужина немного позже полуночи. Согласно выработанному плану, сигнал к вторжению во внутренние апартаменты дворца и в самый кабинет императора должен был подать Аргаматов, адъютант грендерского батальона Преображенского полка, обязанность которого заключалась в том, чтобы докладывать императору о пожарах, происходящих в городе. Аргаматов вбежал в переднюю государева кабинета, где недавно еще стоял караул от моего эскадрона, и закричал: «Пожар!»

В это время заговорщики числом до 180-ти человек бросились в дверь (а) (см. рис. 3). Тогда Марин, командовавший внутренним пехотным караулом, удалил верных грендер Преображенского лейб-батальона, расставив их часовыми, а тех из них, которые прежде служили в лейб-грендерском полку, поместил в передней государева кабинета, сохранив таким образом этот важный пост в руках заговорщиков.

Два камер-гусара, стоявшие у двери (а), храбро защищали свой пост, но один из них был заколот, а другой ранен. Найдя первую дверь (а), ведущую в спальню, незапертую, заговорщики сначала подумали, что император скрылся по внутренней лестнице (и это легко бы удалось), как это сделал Кутайсов. Но когда они подошли ко второй двери (b), то нашли ее запертую изнутри, что доказывало, что император, несомненно, находился в спальне.

Взломав дверь (b), заговорщики бросились в комнату, но императора в ней не оказалось. Начались поиски, но безуспешно, несмотря на то, что дверь (c), ведущая в опочивальню императрицы, также была заперта изнутри. Поиски продолжались несколько минут, когда вошел генерал Бенигсен, высокого роста флегматичный человек; он подошел к камину (d), прислонился к нему и в это время увидел императора, спрятавшегося за экраном. Указав на него пальцем, Бенигсен сказал по-французски: «Le voilà»⁸, после чего Павла тотчас вытащили из его прикрытия.

Князь Платон Зубов, действовавший в качестве оратора и главного руководителя заговора, обратился к императору с речью. Отличавшийся обыкновенно большою нервною Павел на этот раз, однако, не казался особенно

взволнованным и, сохраняя полное достоинство, спросил, что им всем нужно?

Платон Зубов отвечал, что деспотизм его сделался настолько тяжелым для нации, что они пришли требовать его отречения от престола.

Император, преисполненный искреннего желания доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановления империи и водворить повсюду правосудие, вступил с Зубовым в спор, который длился около получаса и который в конце концов принял бурный характер. В это время те из заговорщиков, которые слишком много выпили шампанского, стали выражать нетерпение, тогда как император в свою очередь говорил все громче и начал сильно жестикулировать. В это время шталмейстер граф Николай Зубов, человек громадного роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьян, ударил Павла по руке и сказал: «Что ты так кричишь!»

При этом оскорблении император с негодованием оттолкнул левую руку Зубова, на что последний, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаху нанес правую рукою удар в левый висок императора, вследствие чего тот без чувств повалился на пол. В ту же минуту француз-камердинер Зубова вскочил с ногами на живот императора, а Скарятин, офицер Измайловского полка, сняв висевший над кроватью собственный шарф императора, задушил его им. Таким образом его прикончили.

На основании другой версии, Зубов, будучи сильно пьян, будто бы запустил пальцы в табакерку, которую Павел держал в руках. Тогда император первый ударил Зубова и таким образом сам начал ссору. Зубов будто бы выхватил табакерку из рук императора и сильным ударом сшиб его с ног. Но это едва ли правдоподобно, если принять во внимание, что Павел выскочил прямо из кровати и хотел скрыться. Как бы то ни было, несомненно то, что табакерка играла в этом событии известную роль.

Итак, произнесенные Паленом за ужином слова «qu'il faut commencer par casser les oeufs» не были забыты и, увы, приведены в исполнение.

Называли имена некоторых лиц, которые выказали при этом случае много жестокости, даже зверства, желая выместить полученные от императора оскорбления на безжизненном его теле, так что докторам и гримерам было не легко привести тело в такой вид, чтобы можно было выставить его для поклонения согласно существующим обычаям.

Я видел покойного императора, лежащего в гробу*. На лице его, несмотря на старательную гримировку, видны были черные и синие пятна. Его треугольная шляпа была так надвинута на голову, чтобы по возможности скрыть левый глаз и висок, который был зашиблен.

Так умер 12-го марта 1801 года один из государей, о котором история говорит как о монархе, преисполненном многих добродетелей, отличавшемся неутомимой деятельностью, любившем порядок и справедливость и искренно набожным. В день своей коронации он опубликовал акт, устанавливавший порядок престолонаследия в России. Земледелие, промышленность, торговля, искусства и науки имели в нем надежного покровителя. Для насаждения образования и воспитания он основал в Дерпте университет, в Петербурге — училище для военных сирот (Павловский корпус), для женщин — институт ордена св. Екатерины и учреждения ведомства императрицы Марии.

Нельзя без отвращения упоминать об убийцах, отличавшихся своим зверством во время этой катастрофы. Я могу только присовокупить, что большинство из них я знал до самого момента их кончины, которая у многих представляла ужасную нравственную агонию в связи с самыми жестокими телесными муками.

Да будет благословенна благодетельная десница Провидения, сохранившая меня от всякого соучастия в этом страшном злодеянии!

Возвращаюсь теперь к трагическим происшествиям 12-го марта 1801 года.

Как только шталмейстер Сергей Ильич Муханов, состоявший при особе императрицы Марии Феодоровны, узнал о том, что случилось, он поспешно разбудил графиню Ливен, старшую статс-даму и воспитательницу августейших детей, ближайшего и доверенного друга императрицы, особу большого ума и твердого характера, одаренную почти мужскою энергиею.

Графиня Ливен отправилась в опочивальню ее величест-

* Говорят (из достов. источника), что, когда дипломатический корпус был допущен к телу, французский посол, проходя, нагнулся над гробом и, задев рукою за галстук императора, обнаружил красный след вокруг шеи, сделанный шарфом.

ва. Было два часа пополудни. Государыня вздрогнула и спросила:

— Кто там?

— Это я, ваше величество!..

— О, сказала императрица,— я уверена, что Александра⁹ умерла.

— Нет, государыня, не она...

— О! так это император!..

При этих словах императрица стремительно поднялась с постели и, как была без башмаков и чулок, бросилась к двери, ведущей в кабинет императора, служивший ему и спальнею. Графиня Ливен имела только время набросить салоп на плечи ее величества.

Между спальнями императора и императрицы была комната с особым входом и внутреннею лестницею. Сюда введен был пикет семеновцев, чтобы не допускать никого в кабинет императора с этой стороны. Этот пикет находился под командою моего двоюродного брата, капитана Александра Волкова, офицера, лично известного императрице и пользовавшегося особым ее покровительством.

В ужасном волнении, с распущенными волосами и в описанном уже костюме, императрица вбежала в эту комнату с криком: «Пустите меня! Пустите меня!» Гренадеры скрестили штыки. Со слезами на глазах она обратилась тогда к Волкову и просила пропустить ее. Он отвечал, что не имеет права. Тогда она опустилась на пол и, обнимая колена часовых, умоляла пропустить ее. Грубые солдаты рыдали при виде ее горя, но с твердостью исполнили приказ. Тогда императрица встала с достоинством и твердою походкой вернулась в свою спальню. Бледная и неподвижная, как мраморная статуя, она опустилась в кресло и в таком состоянии ее одели.

Муханов, ее верный друг, был первым мужчиною, которого она допустила в свое присутствие, и с этой минуты он постоянно был при ней до самой смерти*.

Рано утром (12-го марта) из Зимнего дворца явился посланный; если я не ошибаюсь, это был сам Уваров. Именем императора и императрицы он умолял вдовствующую государыню переехать к ним.

* Как воспоминание об услугах, оказанных Мухановым в эту эпоху, государыня Мария Феодоровна подарила ему свой портрет в траурном платье, прекрасную картину, находящуюся в настоящее время в семье Мухановых.

— Скажите моему сыну, — отвечала императрица, — что до тех пор, пока я не увижу моего мужа мертвым собственными глазами, я не признаю Александра своим государем.

Необходимо теперь заметить, что Пален не терял из виду Александра, который был молод и робок. Пален не пошел вместе с заговорщиками, но остался в нижнем этаже вместе с Александром, который, как известно, находился под арестом, равно как и Константин, в той комнате, где я их видел. На этом основании злые языки впоследствии говорили, что если бы Павел спасся (как это и могло случиться), граф Пален, вероятно, арестовал бы Александра и изменил бы весь ход дела. Одно не подлежит сомнению — это что Пален очень хладнокровно все предусмотрел и принял возможные меры к тому, чтобы избежать всяких случайностей. Павел, сильно взволнованный в последние дни, высказал Палену желание послать нарочного за Аракчеевым. Нарочный был послан, и Аракчеев прибыл в Петербург вечером, в самый день убийства, но его не пропустили через заставу.

Генерал Кологривов, который командовал гусарами и был верный и преданный слуга императора, в этот вечер был у себя дома и играл в вист с генерал-майором Кутузовым, который служил под его начальством. Ровно в половине первого той ночи Кутузов вынул свои часы и заявил Кологривову, что он арестован и что ему приказано наблюдать за ним. Вероятно, Кутузов принял необходимые меры на случай сопротивления со стороны хозяина дома.

Майор Горголи, бывший плац-майором, очень милый молодой человек, получил приказание арестовать графа Кутайсова и актрису Шевалье, с которой тот был в связи и у которой он часто ночевал в доме. Так как его не нашли во дворце, то думали, что он у нее. Пронрыливый Фигаро, однако, скрылся по потайной лестнице и, забыв о своем господине, которому всем был обязан, убежал без башмаков и чулок, в одном халате и колпаке, и в таком виде бежал по городу, пока не нашел убежища в доме Степана Сергеевича Ланского, который как человек благородный не выдал его, пока не миновала всякая опасность. Что касается актрисы Шевалье, то, как говорят, она приложила все старания, чтобы показаться особенно обворожительной, но Горголи, по-видимому, не отдал дань ее прелестям, так что она отделалась одним страхом.

Можно было думать, что, получив упомянутый ответ от своей матери, которую он любил столь же нежно, как и был любим ею, Александр немедленно придет броситься в ее объятия. Но тогда ему пришлось бы разрешить ей взглянуть на тело ее убитого мужа, а этого, увы, нельзя было дозволить; нельзя было допустить императрицу к телу в том его виде, в каком его застали солдаты конной гвардии. Уборка тела, гримировка, бальзамирование и облачение в мундир длились *более 30-ти часов*, и только на другой день после смерти, поздно вечером, Павла показали убитой горем императрице.

Следующий же день после ужасных событий 11-го марта наглядно показал все легкомыслие и пустоту столичной, придворной и военной публики того времени. Одной из главных жестокостей, в которых обвиняли Павла, считалась его настойчивость и строгость относительно старомодных костюмов, причесок, экипажей и т. п. мелочей. Как только известие о кончине императора распространилось в городе, немедленно же появились прически *à la Titus*¹⁰ исчезли косы, обрезались пукли и панталоны; круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись в новые костюмы, и экипажи, имевшие вид старых немецких или французских, исчезли, уступив место русской упряжи с кучерами в национальной одежде и с форейторами (что было строго запрещено Павлом), которые с обычной быстротою и криками понеслись по улицам. Это движение, вдруг сообщенное всем жителям столицы, внезапно освобожденным от строгостей полицейских постановлений и уличных правил, действительно заставило всех ощущать, что с рук их, словно по волшебству, свалились цепи и что нация, как бы находившаяся в гробу, снова вызвана к жизни и движению.

Утром (12-го марта), в 10 часов, мы все были на параде, во время которого вся прежняя рутина была соблюдена. Граф Пален держал себя, как и всегда. Так как я стоял от него в стороне, то он подошел ко мне и сказал:

— *Je vous ai craint plus, que toute la garnison.*

— *Et vous avez eu raison,* — отвечал я.

— *Aussi,* — возразил Пален: — *J'ai eu soin de vous faire renvoyer*¹¹.

Эти слова убедили меня в справедливости рассказа, что император получил анонимное письмо с указанием имен всех заговорщиков, во главе которых стояло имя самого Палена; что на вопрос императора Пален не от-

рицал этого факта, но, напротив, сказал, что, раз он в качестве военного губернатора города находится во главе заговора, его величество может быть уверен, что все в порядке. Затем император благодарил Палена и спросил его, не признает ли он с своей стороны нужным посоветовать ему что-нибудь для его безопасности, на что тот отвечал, что ничего больше не требуется: «Разве только, ваше величество, удалите вот этих якобинцев,— при этом он указал на дверь, за которою стоял караул от конной гвардии,— да прикажите заколотить эту дверь» (ведущую в спальню императрицы). Оба эти совета злополучный монарх не преминул исполнить, как известно, на свою собственную погибель.

Во время парада заговорщики держали себя чрезвычайно заносчиво и как бы гордились совершенным преступлением. Князь Платон Зубов также появился на параде, имея далеко не воинственный вид со своими улыбочками и остротами, за что он был особенно отличен при дворе Екатерины, и о чем я не мог вспомнить без отвращения.

Офицеры нашего полка держались в стороне и с таким презрением относились к заговорщикам, что произошло несколько столкновений, окончившихся дуэлями. Это дало графу Палену мысль устроить официальный обед с целью примирения разных партий.

В конце парада мы узнали, что заключен мир с Англией, и что курьер с трактатом уже отправлен в Лондон к графу Воронцову. Он должен был ехать через Берлин, где граф получил известие о кончине императора и о мирном договоре с Англией.

Крайне любопытно то, что г-жа Жеребцова *предсказала* печальное событие 11-го марта в Берлине и, как только она узнала о совершившемся факте, то отправилась в Англию и навестила своего старого друга лорда Уитворда, бывшего в течение многих лет английским послом в Петербурге. Обстоятельство это впоследствии послужило поводом к распространению слуха, будто бы катастрофа, закончившаяся смертью Павла, была делом рук Англии и английского золота. Но это обвинение несомненно ложно, ибо, несмотря на всю преступность руководителей заговора, последние были чужды корыстных целей. Они действовали из побуждений патриотических, и многие из них, подобно обоим великим князьям, были убеждены в том, что при помощи угроз императора можно было заставить отречься от престола или по крайней мере прину-

дить подписать акт, благодаря которому его деспотизм был бы ограничен. Говорили, что князь Зубов в эту ночь в кабинете императора держал в руке сверток бумаги, на котором будто бы написан был текст соглашения между монархом и народом. Тем не менее этот спор между государем и заговорщиками, длившийся довольно долго, не привел к желаемым результатам, и вскоре вспыльчивость и раздражительность Павла возбудили заговорщиков, большинство которых были почти совсем пьяны, вследствие чего и произошла вышеописанная катастрофа.

Что касается Александра и Константина, то большинство лиц, близко стоявших к ним в это время, утверждали, что оба великих князя, получив известие о смерти отца, были страшно потрясены, несмотря на то что сначала им сказали, что император скончался от удара, причиненного ему волнением, вызванным предложениями, которые ему сделали заговорщики.

На следующий день, 13-го марта, мы снова явились в обычный час на парад. Александр и Константин явились оба и имели удрученный вид.

Некоторые из главарей заговора и главных действующих лиц в убийстве выглядели несколько смущенно. Один граф Пален держал себя, как обыкновенно; князь Зубов был более болтлив и разговорчив, чем накануне.

Тело покойного императора, загримированное различными художниками, облеченное в мундир, высокие сапоги со шпорами и в шляпе, надвинутой на голову (чтобы скрыть левый висок), было положено в гроб, в котором он должен был быть выставлен перед народом, согласно обычаю. Но еще до всего этого убитая горем вдова его должна была увидеть его мертвым, без чего она не соглашалась признать своего сына императором.

Избежать этого было невозможно, и роковое посещение должно было произойти. Подробности этой ужасной сцены были мне сообщены в тот же вечер С. И. Мухановым по возвращении его из дворца, и нет слов, чтобы достаточно выразить скорбь, в которую был погружен этот достойный человек. Насколько помню, вот что он сообщил мне.

Императрица находилась в своей спальне, бледная, холодная, наподобие мраморной статуи, точно такую же, как она была в самый день катастрофы. Александр и Елизавета прибыли из Зимнего дворца, в сопровождении графини Ливен и Муханова. Я не знаю, был ли тут и Константин, но кажется, что его не было, а все младшие дети были

со своими нянями. Опираясь на руку Муханова, императрица направилась к роковой комнате, причем за нею следовал Александр с Елизаветой, а графиня Ливен несла шлейф. Приблизившись к телу, императрица остановилась в глубоком молчании, устремила свой взор на покойного супруга и не проронила при этом ни единой слезы.

Александр Павлович, который теперь сам впервые увидел изуродованное лицо своего отца, накрашенное и подмазанное, был поражен и стоял в немом оцепенении. Тогда императрица-мать обернулась к сыну и с выражением глубокого горя и видом полного достоинства сказала: *«Теперь вас поздравляю — вы император»*. При этих словах Александр, как сноп, свалился без чувств, так что присутствовавшие на минуту подумали, что он мертв.

Императрица взглянула на сына без всякого волнения, взяла снова под руку Муханова и, поддерживаемая им и графиней Ливен, удалилась в свои апартаменты. Прошло еще несколько минут, пока Александр пришел в себя, после чего он немедленно последовал за своей матерью, и тут среди новых потоков слез мать и сын излили впервые свое горе.

Вечером того же дня императрица снова вошла в комнату покойного, причем ее сопровождали только графиня Ливен и Муханов. Там, распростершись над телом убитого мужа, она лежала в горьких рыданиях, пока едва не лишилась чувств, невзирая на необыкновенную телесную крепость и нравственное мужество. Ее два верных спутника увели ее, наконец, или, вернее, унесли ее обратно в ее апартаменты. В следующие дни снова повторились подобные же посещения покойника, причем приезжал и император. После этого убитую горем вдовствующую императрицу перевезли в Зимний дворец, а тело покойного императора со всею торжественностью было выставлено для народа.

Русский народ, по самой своей природе глубоко предан своим государям, и эта любовь простолюдина к своему царю столь же врожденная, как любовь пчел к своей матке. В этой истине убедился декабрист Муравьев, когда во время возмущения 1825 года он объявил солдатам, что император более не царствует, что учреждена республика и установлено вообще полное равенство. Тогда солдаты спросили: «Кто же тогда будет государем?» Муравьев ответил: «Да никто не будет». — «Батюшка, — отвечали солдаты, — да ведь ты сам знаешь, что это никак

невозможно». Впоследствии Муравьев сам признался, что в эту минуту он понял всю ошибочность своих действий. В 1812 году Наполеон впал в ту же ошибку в Москве и заплатил за это достаточно дорого, потеряв всю свою армию.

Приверженность русского человека к своему государю особенно ярко высказывается во время поклонения народа праху умершего царя. В начале моего повествования я уже говорил о тех трогательных сценах, которые происходили после кончины Екатерины, к праху которой были свободно допущены люди всех сословий «для поклонения телу и прощения». В настоящем случае запрещено было останавливаться у тела императора, но приказано лишь поклониться и тотчас уходить в сторону. Несомненно, что раскрашенное и намазанное лицо императора с надвинутой на глаза шляпой (что тоже никогда не было в обычае) не скрылось от внимания толпы и настроило общественное мнение чрезвычайно враждебно по отношению к заговорщикам.

Из записок Н. И. Греча

Среди этого быта раздался над головами у нас громовый удар — смерть императора Павла, — но не устрасил нас, а, напротив, оживил, возвестив, что воздух очистится от мглы и затхлости, которыми был преисполнен в течение с лишком четырех лет. 11 марта пришли мы вечером домой от тетушки Елисаветы Яковлевны. На Фурштатской, насупротив Аннинской кирки, жила сестра генерал-прокурора Оболянинова. У ворот стояло, как и всякий вечер, множество экипажей. На другой день, часу в десятом утра, разбудили нас с братом громкие слова слуги:

— А молодые господа спят и не знают, что делается в свете.

— Что такое? — спросил я, протирая глаза.

— Да у нас, Николай Иванович, новый государь. Император Павел Петрович приказал долго жить!

— Да как ты это узнал?

— Барин, по обычаю, встал в шестом часу и куда-то отправился. Вдруг воротился он поспешно чрез полчаса и сказал: «Когда проснутся дети, скажи им, что государь умер». С этим словами он опять пошел со двора.

Мы с братом просидели весь день дома, а вечером пошли к Елисавете Яковлевне. Там было несколько человек гостей: они разговаривали об этом происшествии вполго-

лоса. «Это что?» — спросил я у бабушки. Помню она сказала мне по-французски: «C'est vrai il a été assassiné»¹. Об обстоятельствах этого случая толки были разные. Часов в десять приехал старик барон [Клодт], отец Карла Федоровича, усердный вестовщик, и все бросились к нему с вопросами, как было дело. Он отравлен, говорил один. Его задушили, возражал другой. «Я знаю подробности, — отвечал барон, — было и то и другое: он скушал чего-то за ужином и ночью почувствовал резь в животе, встал с постели и послал за лейб-медиком. «Bums war Pahlen da, Bums war Zuboff da; eins, zwey, drey, todt war todt»².

Достоин замечания, с какою быстротою распространяются известия важные и неожиданные. Заговорщики, т. е. Пален и пр., приступая к подвигу, разослали приказание по заставам — никого не впускать в город. Полагают, что они хотели удержать за шлагбаумом графа Аракчеева, за которым послал император Павел. По всем дорогам остановились обозы, шедшие в город с припасами, и послужили проводниками живому телеграфу. Казус произошел в первом часу ночи, а в третьем часу разбудили с известием о том дядюшку Александра Яковлевича [Фрейгольда] в Пятой Горе, в семидесяти верстах от Петербурга, куда не могли поспевать ранее десяти часов, особенно в тогдашнюю весеннюю распутицу.

Изумления, радости, восторга, возбужденных этим, впрочем бедственным, гнусным и постыдным происшествием, изобразить невозможно. Россия вздохнула свободно. Никто не думал притворяться. Справедливо сказал Карамзин в своей записке о состоянии России: «Кто был несчастнее Павла! Слезы о кончине его лились только в его семействе». Не только на словах, но и на письме, в печати, особенно в стихотворениях, выражали радостные чувства освобождения от его тиранства. Карамзин в оде своей на восшествие Александра I сказал:

Сердца дышать Тобой готовы:
Надеждой дух наш оживлен.
Так милья весны явленье
С собой приносит нам забвенье
Всех мрачных ужасов зимы.

Державин выражается еще яснее; у него является Екатерина и говорит русским, что они терпели по заслугам, не послушавшись совета ее взять в цари внука ее, а не сына. Стихотворения Державина представляют любопыт-

ную картину поэтического флюгарства. Он хвалил и Екатерину, и Павла, и Александра! Последняя хвала при вступлении на престол А [лександра] П [авловича] была достойна замечания тем, что Державин при этой перемене пал с вершины честей: он лишился места государственного казначея. Государь пожаловал ему за эту оду перстень в пять тысяч рублей. Державин подписал в то время под портретом Александра:

Се вид величия и ангельской души:
Ах, если б вокруг него все были хороши!

Князь Платон Зубов отвечал на это:

Конечно, нам Державина не надо:
Паршивая овца и все испортит стадо.

А через полтора года эта паршивая овца или паршивый баран был назначен министром юстиции. Комедия!

Не стану распространяться о подробностях этого ужасного происшествия: они описываемы были несколько раз. Тело покойного императора было выставлено в длинной проходной комнате ногами к окнам. Едва войдешь в дверь, указывали на другую с увещанием: «Извольте проходить». Я раз десять от нечего делать ходил в Михайловский замок и мог видеть только подошвы его ботфортов и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лоб. В том году светлое воскресенье было очень рано, 24 марта, и Павла похоронили накануне: по обеим сторонам улиц, где везли его тело, стояли войска, но в беспорядке, с большими интервалами. И солдаты, и народ непритворно выражали свою радость. <...>

Я сказал, что смерть Павла отравила всю жизнь Александра: тень отца, в смерти которого он не был виноват, преследовала его повсюду. Малейший намек на нее выводил его из себя. За такой намек Наполеон поплатился ему трон и жизнь. Это изложу впоследствии, а теперь расскажу анекдот, не всем известный. Когда после сражения при Кульме³ приведен был к Александру взятый в плен французский генерал Вандам, обagrивший руки своей кровию невинных жертв Наполеонова деспотизма, император сказал ему об этом несколько жестоких слов. Вандам отвечал ему дерзко: «Но я не убивал своего отца!» Можно вообразить себе терзание Александра. Он не мог излить справедливого негодования на безоружного пленника и велел отправить его в Россию. Его привез-

ли в Москву, где он, как и все пленные французские офицеры высших чинов, жил на свободе. Глупая московская публика, забыв, что видит пред собою одного из палачей и зажигателей Москвы, приглашала его на обеды, на балы. Государь, узнав о том, крайне прогневался, велел сослать Вандама далее, кажется в Вятку, а москвичам сказать, что они поступали безрассудно и непристойно. Ни труды государственные, ни военные подвиги, ни самая блистательная слава не могли изгладить в памяти Александра воспоминаний о 12 числе марта 1801 г. Всех виновных этого гнусного дела мало-помалу удалили от двора и из столицы. Из них только один Бенингсен играл впоследствии важную роль благодаря своим воинским талантам. <...>

Талызин умер в мае 1801 г., объевшись устриц. На памятнике его в Невском монастыре начертано было: «С христианскою *трезвостью* живот свой скончавшего». Потом заменили это слово *твердостью*, но очень неискусно.

Пален отставлен был, кажется, за грубость, сказанную им императрице Марии Феодоровне. Он удалился в курляндское свое поместье, названное им «Милостью Павла» (Paulsgnade), и умер с лишком осьмидесяти лет, сохранив всю бодрость своего ума. Говорят, что в 1812 г. хотели было назначить его главнокомандующим армиею против Наполеона.

Князь Платон Зубов удалился в свои поместья в Саксонии. Валериан [Зубов] оставался на незавидном месте директора 2-го кадетского корпуса, который при нем падал все более и более, оставшись на попечении невежды Клейнмихеля. Адьютант Палена, Франц Иванович Тиран, за неосторожные речи был сослан в оренбургский гарнизон. Говорят, что не он, а только шарф его был употреблен в этом злодейском случае. Он женился на дочери знаменитого трактирщика Демута, ссорился с женою, жил то в Петербурге, то в Париже, где я видел его в последний раз в 1845 г.— дурак был не последний, но во всех формах светского человека и либерала.

Довольно об этом ужасном, гнусном и постыдном для России событии. Прошло с того времени пятьдесят лет, а страшно об нем вспомнить. Мы ужасаемся, воображая явление частного смертоубийства. Свирепый, необразованный, дикий человек вкрадывается в хижину своего врага, убивает его, беззащитного, и грабит. Картина отвратительная! А как сравнить с нею зрелище этого адского царя-

убийства! Особы высшего, образованного круга, воспитанные по указаниям философии и религии, знакомые с правами и обязанностями естественными и положительными, прокрадываются, как тати, в спальную хранину ближнего своего, человека, царя (для многих из них он был и благодетелем), осыпают его оскорблениями и предают мучительной смерти. Россия этого не хотела и не требовала. Зато и прощатались они всю жизнь свою, как Каины, с печатью отвержения на челе.

Эпилог

«ЧТО-ТО БУДЕТ?!»

**Восстание декабристов
1825 г**

Если не придавать чрезмерного значения точным календарным датам, восемнадцатое столетие окончилось в России в 1812 году. Нашествие Наполеона, Бородинское поле, московский пожар и лед Березины, наконец, казаки на Монмартре и в Пале-Рояле, — все это подвело окончательную черту под веком Петра и Екатерины. Та давняя Отечественная война видится сейчас порой чем-то вроде водевиля «на гусарскую тему» — нам почти невозможно всерьез представить себе силу пережитого русским обществом в Двенадцатом году потрясения. Не только отстроенная после «просвещенных варваров» Москва выглядела по-новому — вся Россия переменялась, и не столько в образе жизни, сколько — в образе мыслей и действий. И на фоне этой новой российской действительности восстание 1825 г. кажется романтическим подражанием опытам ушедшего века, проявлением ностальгии по звездным (или казавшимся таковыми) мгновениям недавней тогда еще истории.

Конечно, движение декабристов, о котором здесь не место говорить сколько-нибудь подробно, несравненно глубже по политическому содержанию и значительнее по месту, занятому в отечественной культуре, чем лобой из дворцовых переворотов XVIII в. Но либеральные идеи, по большей части занесенные с Запада молодыми офицерами, причудливо соединились в их действиях с почтенной отечественной традицией введения общепользных новшеств путем военного мятежа. Едва ли не все черты, присущие «классическому» дворцовому перевороту, заметны в восстании на Сенатской площади. Были и спешная импровизация, и предательство накануне выступления, и заготовленный манифест, и сознательный обман солдат (чего стоит хотя бы знаменитый клич «Да здравствует Константин и жена его Конституция!»), были, возможно, и шансы на успех. Не было лишь победы. И виной тому отнюдь не слабая организационная подготовка мятежа — она была не хуже, чем при удачно завершавшихся заговорах предшествовавших десятилетий. Над восставшими с самого начала

лежала тень обреченности — похоже, им не хватало гру- бости и прямолинейности их более удачливых предшест- венников. Другие времена — другие люди.

Справедливости ради надо сказать, что обреченность на первых порах чувствовалась и в действиях Николая I в день 14 декабря. Для грусти в его глазах, замеченной многими очевидцами, причин было довольно — за спиной нового государя было целое столетие мятежей (даже без учета стрелецких бунтов конца XVII в.), при которых судь- ба венценосца складывалась не самым благоприятным обра- зом. И воспоминания о смерти отца вряд ли не тревожили молодого императора.

Николай с неменьшим основанием, чем декабристы, мог причислить себя к «детям Двенадцатого года». Оте- чественная война, как и всякая серьезная кампания, за- кончившаяся победой, усилила консервативные настро- ения в обществе, выражением которых и стала в конечном итоге политика Николая I. Итоги мятежа верно отразили слабость народившегося российского либерализма, кото- рому не смог помочь даже столь испытанный в России метод политической борьбы как военный заговор.

События 14 декабря 1825 г. заслуживают отдельного сборника записок очевидцев и участников, тем более что подлинная картина этого восстания широкому читателю в подробностях неизвестна. Для эпилога книги о дворцовых переворотах достаточно краткой записи обычного рос- сийского обывателя, молодого чиновника, оказавшегося свидетелем некоторых эпизодов одного из самых знамени- тых дней в русской истории. Его подчеркнутое верноподдан- ничество может быть искренним, но, возможно, и он спустя много лет мог бы сделать примечание к своим запискам, как один из его «соседей» в толпе перед Адмиралтейством 14 декабря: «Почти все выражение мною поставлено из эгоизма и опасения, тогда все боялись обыска полиции...» Петербург знал много мятежей, но впервые на его улицах гремели пушки, впервые бунтовщиков косила картечь... В России наступали новые времена...

Рассказ И. Я. Телешева о 14 декабря 1825 г.

⟨...⟩ Утро было ясное и довольно теплое. Я медленно шел в департамент разных податей и сборов, желая более воспользоваться хорошим временем — чрезвычайную ред-

костью в С.-Петербурге, — как вдруг был поражен словами одного мальчика, который, выбежав из мелочной лавки (в Чернышевом переулке) с газетным листом бумаги, кричал во всю улицу:

— У нас новый государь, у нас царствует Николай Павлович! вот и указ!..

С каким-то беспокойным чувством я ускорил шаги мои и, пришедши в департамент, точно узнал, что великий князь Николай Павлович вступил на престол всероссийский, потому что император Константин от оногo отказался. Вскоре приехал директор, привел всех чиновников к присяге и уехал в другой вверенный ему департамент. Разумеется, тут никто не думал приниматься за дело, и все, разделясь на партии, передавали друг другу свои замечания и чувствования о сем важном и для них нечаянном событии. В сие время приезжает курьер и сказывает, что на площади против Зимнего дворца народ и войско ожидают нового императора, чтоб изъявить ему верноподданническое свое поздравление. Сия весть, как пожар, всех выгнала из департамента; толкая один другого на лестнице, все бежали на улицу и, боясь опоздать на площадь, старались наперерыв занимать извозчиков. Я как не очень проворный уже не мог найти саней и потому отправился туда же пешком.

Идучи Невским проспектом, я не заметил ничего необыкновенного, и мне казалось, что еще немногим была известна столь важная новость столицы. Но, подходя к арке Главного штаба, я увидел множество народа и едва мог пробраться до того места, где государь осматривал лейб-гвардии Преображенский полк; я узнал его по голубой ленте, и как теперь помню, что лицо императора, как полотно, было бледно. Солдаты были в серых шинелях, и это несколько удивило меня¹; но чувство неизъяснимо приятное заступило место удивления, когда я услышал радостные восклицания народа и милостивое к нему обращение государя; сие чувство овладело мною совершенно, и я готов был плакать от умиления...

Устроив войско, государь сел на лошадь и, сопровождаемый преображенцами, тихо поехал на площадь Адмиралтейскую. Посреди сей площади, против самого шпица адмиралтейского, он остановился и, обратясь к народу, сказал:

— Ну, братцы! Я на все готов: кто прав перед богом и совестью, тому нечего бояться.

Не зная ничего, я совершенно не понимал слов императора и, не смея что-либо угадывать, стоял в самом неприятном ожидании развязки. Недолго я находился в недоумении: раздался залп из нескольких ружей в стороне Сената, и вся площадь взволновалась; слово «бунт» с громким шепотом было повторяемо в народе, ужас был изображен на лице каждого... Государь смутился, но с твердостью отдал приказ одному из окружающих его генералов узнать, кто стреляет. Генерал поехал по краю площади, и государь сказал ему:

— Ваше превосходительство! Извольте ехать прямо,— прямо и скорее!

Посланный скрылся; перестрелка продолжалась, и вся свита императора была в чрезвычайном смущении: лицо каждого перед глазами государя имело принужденную на себе улыбку; но как скоро государь не мог их видеть, то все их движения выражали не только скорбь, но даже отчаяние, чувства которого они знаками передавали друг другу. Тут-то я увидел в первый раз, как искусно и проворно придворные по обстоятельствам могут изменять наружный вид свой. В сем смятении государь несколько раз обращался к народу и уговаривал всех идти по домам для их безопасности, но никто не думал исполнять сего, жаль только, что не из усердия к монарху, а из одного любопытства, ибо при сильных залпах у Сената все толпами бежали в улицы и, оставляя государя одного в опасности, возвращались к нему тогда лишь, когда пальба делалась меньше. Как не любить государю военных более,— думал я с огорчением,— когда без них некому защищать его в случаях чрезвычайных.

Между тем генералы, штаб- и обер-офицеры, приезжающие от Сената, беспрестанно докладывали императору, и грустный вид его ясно показывал, что нерадостные доходили до него вести. Из числа их один кавалерист сошел с лошади, снял шляпу и, подойдя к государю, довольно долго и тихо с ним разговаривал. По черной на голове повязке я узнал в сем офицере Якубовича, давно с самой дурной стороны по слуху мне известного². Государь выслушал его с великим вниманием и потом, взяв за руку, сказал сперва окружающим:

— Ошибиться может всякий, но он сознался в своем заблуждении, и я свидетельствуюсь всеми вами, что признаю его за человека благородного,— а после Якубовичу:

— Поздравляю вас!

Я стоял не более на сажень от государя, и потому мог хорошо слышать все слова его, когда он говорил, обращаясь на мою сторону. Поступок необыкновенно дерзкий удивил меня при сем случае: тогда как государь объявил прощение Якубовичу, стоявший подле меня мужик не мог удержаться своего доброго восторга:

— Господи, какой он добрый, батюшка! какой милостивый! Да здравствует, да здравствует Нико...

И в сие мгновение сосед его, одетый в синем кафтане, черноволосый, сурового вида человек, зажал рот мужику и с сердцем насмешливо сказал ему:

— Погоди, брат, погоди! Еще рано кричать!.. что-то будет!

Мужик остолбенел и не знал, что делать; бунтовщик отвел его в сторону, тихо стал говорить с ним на ухо, и потом они оба скрылись. Ужас и негодование овладели мною. Государь показал, что ничего не приметил, тогда как все сие происходило перед его глазами; он продолжал свои распоряжения с видом печальным, но с твердостью необыкновенною. В короткое время он простил еще несколько офицеров; но как они подходили к нему с другой стороны, то я не мог слышать его с ними разговоров.

Уже был третий час за полдень; пальба усиливалась у Сената, и государь непременно требовал, чтобы все шли по домам и не подвергали себя бесполезной гибели, что он надеется и без них усмирить непокорных. Но любопытные трусы оставались на своих местах, а я, желая знать, что происходило внутри города, оставил площадь и, зайдя на минуту в свою квартиру (между Полицейским и Конюшенным мостом в доме Рекети), отправился потом в Итальянскую улицу к двоюродным сестрам моим.

Чем далее отходил я от Адмиралтейства, тем менее встречал народа; казалось, что все сбежались на площадь, оставив дома свои пустыми. Везде ворота были закрыты, магазины закрыты, и только одни дворники изредка выглядывали из калиток и узнавали, что делается на улице. Тишина самая печальная и самая беспокойная царствовала повсюду.

Рассказав у сестер, что делается на площади, я тотчас после обеда ушел от них, беспокоясь о брате; но, узнав дома, что он также пошел к сестрам, я захотел еще раз побывать у Адмиралтейства. Это был уже 5-й час, и я только что успел в тесноте дойти до места, где Малая

Морская пересекает Невский, как вдруг весь народ побежал от площади Адмиралтейской к Полицейскому мосту; пешие и конные давили друг друга, и гибель была неминуема для того, кто хоть раз не мог удержаться на ногах; пушечные выстрелы увеличивали смятение. Перед глазами моими видя погибающих под лошадьми или экипажами, я каждую минуту находился в величайшей опасности; но господь сохранил меня: влекомый толпой по тротуару Невского, я вырвался из давки в Миллионную улицу, прошел чрез двор известного дома Котомина на Мойку и, перебежав оную по льду, благополучно пришел домой, где ожидал меня брат мой с большим беспокойством. Я не менее рад был его видеть и, рассказав ему все, чему я был свидетелем на площади, куда он как-то не попал, отправился с ним вместе на Невский, где было очень тихо и очень пусто. С Невского мы пришли к Отсолигу, где пили чай, и в разговорах вечер пролетел неприметно.

Тут я узнал, что происшествие у Сената было следствием возмущения в некоторых гвардейских полках: солдаты, обманутые бунтовщиками-офицерами, не хотели присягать новому государю, думая, что Николай Павлович есть похититель престола и что Константин от одного отказался не произвольно; иные из них даже были уверены, что Константин Павлович посажен под стражу. Таким образом, предполагая защищать государя законного, они едва не сделались виновниками бедствия не только столицы, но и всей России. Некто из офицеров, Панов, уже с партией бунтовщиков вошел в Зимний дворец, искал императорской фамилии, и, может быть, бог знает, что бы случилось тут, если бы не удачные распоряжения генерала Башуцкого³. Он, встретясь с ними в коридоре и узнавши их намерение пробраться в комнаты государя, сказал, что они совсем не туда идут, и, указав на одну маленькую лестницу как на кратчайший путь к их цели, сделал, что они по оной вышли на двор. Между тем у комнат императора верный караул так был увеличен, что бунтовщики уже не могли пройти в оные.

Тут же я слышал, как первоклассные сановники, один светский, а другой духовный, совершенно противоположно отличились на Сенатской площади. Первый — С.-Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович, в 50-ти сражениях доказавший свою храбрость, с обыкновенною своею неустрашимостью подъехал к непокорным и стал их уговаривать. Его стращали смертью, он смеялся

над угрозами и, наконец, когда начал склонять солдат на свою сторону, был поражен смертельною ранюю из пистолета (Каховский был его убийцею). Другой — митрополит Серафим, в полном облачении и с крестом в руках подошедший *по высочайшему повелению* словами веры смирить мятежников, бежал от них, как трус малодушный, при первой насмешке, может быть, такого же храбреца из их партии. Смех сопровождал *высокопреосвященного*, который, выбившись из сил, на самом скверном извозчике спасал остаток дряхлой и, конечно, *непрекрасной* своей жизни.

В 12-м часу ночи мы возвратились домой, конвои один за другим беспрестанно нас встречали на улицах, и, хотя везде было видно, что правительство успело принять меры самые действительные для безопасности города, но, верно, никто в эту ночь не ложился в С.-Петербурге спать совершенно покойно.

Чрез несколько дней после сего я имел приятнейшее удовольствие слушать рассуждение о сем происшествии незабвенного Николая Михайловича Карамзина. Он находил в нем особенное милосердие вседержителя, который, как бы желая удивить нас своею благостию, чудесным образом открыл пред нашим отечеством бездну ужаса для того, чтоб чудесно спасти его от гибели.

Провидение, — говорил он, — омрачило умы людей буйных, и они в порыве своего безумия решились на предприятие столь же пагубное, сколько и несбыточное: отдать государство власти неизвестной, злодейски свергнув законную. Бунт вспыхнул мгновенно; обманутые солдаты и чернь ревностно покорились мятежникам, предполагая, что они вооружаются против государя незаконного и что новый император есть похититель престола старшего своего брата Константина. В сие-то ужасное время общего смятения, когда смелые действия злодеев могли бы иметь успех самый блистательный, милосердный погрузил предприимчивых извергов в какое-то странное недоумение и неизъяснимую нерешительность: они, сделав каре у Сената, несколько часов находились в бездействии, а правительство между тем успело взять все нужные противу них меры. Ужасно вообразить, что бы они могли сделать в сии часы роковые, но бог защитил нас, и Россия в сей день спасена от такого бедствия, которое если не разрушило, то конечно бы истерзало ее.

КОММЕНТАРИИ

Орфография и пунктуация записок и других документов приведены в соответствие с нормами современного русского языка. В отдельных случаях сохраняются стилистические особенности авторов, позволяющие, на наш взгляд, лучше почувствовать колорит эпохи. Орфография французских фраз и фрагментов сохраняется той же, что и в изданиях, откуда они воспроизводятся.

Во всех не оговоренных специально случаях даты в книге даются по старому стилю. Исключения составляют только даты, встречающиеся в письмах некоторых иностранцев. Эти случаи легко выявляются при сравнении соответствующего фрагмента с двойной датой (по старому и по новому стилям), указанной в заголовке такого письма, и с содержанием соседних документов.

Острыми скобками с многоточием обозначены места, опущенные в данном издании. Из-за ограниченного объема книги и ее популярного характера приходилось отказываться от некоторых деталей, не связанных напрямую с главной сюжетной линией, от повторов и мало интересных для широкого читателя подробностей. Там, где в заголовке документа стоит «Из... (записок, донесения и т. п.)», обрывы текста в начале и конце специально не обозначались.

В квадратных скобках заключены слова и обороты, отсутствующие в оригиналах, но необходимые для уточнения смысла того или иного места документа.

Переводы с иностранных языков даются в том виде, как они издавались. Они не исправлялись даже тогда, когда при сравнении с текстом оригиналов уточнения представлялись весьма желательными.

Используемые сокращения:

Арсеньев — Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. СПб., 1872.

Манштейн — Манштейн К. Г. Записки о России. Пер. с фр. СПб., 1875.

ОВ — Оснадцатый век: Исторический сборник, Изд. П. Бартевым. М., 1868-1869. Кн. 1-4.

РА — журнал «Русский архив».

РС — журнал «Русская старина».

Сб.РИО — Сборник императорского русского исторического общества.

Цареубийство — Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1908.

ЧОИДР — Чтения в Московском обществе истории и древностей российских.

Пролог

Из записок Г.-Ф. фон Бассевича. (Перевод с фр.) — Записки графа Бассевича о России при Петре Великом. М., 1866. Столб. 172—181.

«Записки» представляют собой компиляцию из различных бумаг Бассевича, сделанную первым издателем — А. Ф. Бюшингом.

¹ Т. е. Меншиков.

² Феодосий.

³ Феофана Прокоповича (см. именной указатель).

⁴ Петр I умер 28 января, Екатерина родилась 5 апреля 1684 г., Анна — 27 января 1708 г., брак Петра I и Екатерины состоялся 19 февраля 1712 г. Последняя дата искажена Бассевичем, возможно, специально, чтобы создать впечатление, что Анна и Елизавета рождены в законном браке.

⁵ Речь идет о коронации Екатерины в 1724 г.

И. Лефорт — Я. Г. Флемингу. 30.1 (10.2.). 1725 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 398-401.

¹ Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского, мужа Анны Петровны.

² Алексея Петровича.

Из «Краткого очерка...» Н. П. Вильбоа. (Перевод с фр.) — Вильбоа Н. П. Краткий очерк, или Анекдоты о жизни князя Меншикова и его детей //Русский вестник. 1842. Т. 5. № 2. С. 150.

Из записок Б. К. Миниха. — (Перевод с фр.) — Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 27-28.

Часть первая

Из записок К. Г. Манштейна. — Манштейн. С. 1-8.

¹ Карл-Август, князь-епископ Любский, скончался в июне 1727 г.

² Анна Петровна.

³ Меншиков добивался для себя титула герцога Курляндского, но безуспешно. Он не позволил вдовствующей герцогине Анне Иоанновне, будущей российской императрице, выйти замуж за Морица Саксонского, побочного сына короля Августа II.

⁴ Обручение Петра II и Марии Александровны Меншиковой состоялось 24 мая (4 июня) 1727 г. У Манштейна дата по новому стилю.

⁵ Отъезд герцога и герцогини в Гольштейн состоялся 25 июля (5 августа) 1727 г.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I. 1 (12).7.1727 г. (Перевод с нем.) — Сб.РИО, СПб, 1875. Т. 15. С. 363—365.

И. Лефорт — Августу II. 12 (23).8.1727 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 3. С. 488—489.

И. Лефорт — Августу II. 30.8 (9.9.). 1727 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 3. С. 489—490.

¹ Натальи Алексеевны.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I. 5(16).9.1727 г. (Перевод с нем.) — Сб.РИО. Т. 15. С. 384—385.

И. Лефорт — Августу II. 7 (18).9.1727 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 3. С. 490—492.

Из журнала Верховного Тайного Совета. 8.9.1727 г.— Сб.РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 270.

А. Д. Меншиков — Петру II. 8.9.1727 г.— ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Разд. 2. С. 63.

А. Д. Меншиков — в. кн. Наталье Алексеевне. 8.9.1727 г.— ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Разд. 2. С. 63—64.

Из Журнала Верховного Тайного Совета. 9.9.1727 г.— Сб.РИО. Т. 69. С. 271.

Указ Петра II.— Сб.РИО. Т. 69. С. 272.

¹ Возле села Слободского, подаренного Петром I Меншикову, последний построил «земляную фортецию», названную им Ораниенбургом. В крепости находился большой барский двор и хозяйственные постройки. Впоследствии Слободское стали называть Раненбургом или Раниенбургом. В настоящее время Раненбург называется Чаплыгиным (Липецкая обл.).

² Кавалериями назывались ордена.

И. Лефорт — Августу II. 9.(20).9.1727 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 3. С. 492—495.

¹ Незадолго до этого по желанию Меншикова Васильевский остров велено было называть Преображенским.

² Не разрешаю (лат.).

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I. 9 (20). 9.1727 г. (Перевод с нем.) — Сб.РИО. Т. 15. С. 386—388.

И. Лефорт — Августу II. 12 (23).9.1727 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 3. С. 495—497.

¹ Федору Матвеевичу Апраксину (см. именной указатель).

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I. 12 (23).9.1727 г. (Перевод с нем.) — Сб.РИО. Т. 15. С. 388—391.

¹ В результате Персидского похода Петра I (1722—1723) и по Петербургскому договору 1723 г. к России отошли Дербент, Баку, а также ряд персидских областей вдоль южного побережья Каспий-

ского моря. Последние были возвращены Персии в 30-е гг. XVIII в.

И. Лефорт — Августу II. 16 (27).9.1727 г. (Перевод с фр.) — Сб. РИО. Т. 3. С. 497—499.

¹ Арсеньева (см. именной указатель).

И. Лефорт — Августу II. 25.9 (4.10). 1727 г. (Перевод с фр.) — Сб. РИО. Т. 3. С. 499—500.

¹ Слухи о несметных богатствах Меншикова были сильно преувеличенными.

Протокол Верховного Тайного Совета... 4 апреля 1728 г. — Вопросы истории. 1970. № 9. С. 101—102.

¹ В подметном письме всячески восхвалялся Меншиков и утверждалось, что до тех пор, пока его не вернут к власти, дела в государстве не будут идти хорошо. Активизация сторонников Меншикова тяжело сказалась на его судьбе — непосредственным следствием этого письма стала ссылка опального князя из Раненбурга в Березов.

² Т. е. в Раненбурге.

³ Т. е. орден св. Екатерины.

Из «Краткого очерка...» Н. П. Вильбоа. (Перевод с фр.) — Вильбоа Н. П. Краткий очерк, или Анекдоты о жизни князя Меншикова и его детей // Русский вестник. 1842. Т. 5. № 2. С. 151—173.

¹ Неясно, что имеет в виду автор записок.

² В рукописи везде ошибочно указан Якутск. Меншиков выехал из Раненбурга в Сибирь 16 апреля 1728 г. В Тобольске он оказался в середине июля.

³ Перечень вещей, взятых Меншиковым с собой, позволяет предположить, что Вильбоа несколько сгустил краски. Согласно приведенному выше постановлению Верховного Тайного Совета его должны были сопровождать к тому же еще 10 слуг.

⁴ У Меншикова был сын Александр и две дочери: Мария — «порученная невеста» императора Петра II — и Александра, вышедшая замуж за Густава Бирона. Еще четверо детей умерли во младенчестве.

⁵ Т. е. Елизаветы.

⁶ Князь Алексей Григорьевич Долгорукий говорит о своем сыне Иване, дочери Екатерине и невестке Наталье — см. всех в именном указателе.

Часть вторая

Из записок К. Г. Манштейна. (Перевод с фр.) — Манштейн. С. 18—26.

¹ На самом деле было объявлено, что линия Петра I пресеклась полностью, поскольку его дочери рождены вне брака.

² Разные авторы-иностранцы приводят несколько отличающиеся друг

от друга варианты «Кондиций». Подлинный их текст, подписанный Анной Иоанновной, следует ниже.

³ Здесь и ниже Манштейн дает даты по новому стилю.

⁴ Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой (1664—1723) жены (с 1684 г.) царя Иоанна Алексеевича, матери Анны Иоанновны.

⁵ Скорее, Юсупов.

⁶ Феофан Прокопович.

⁷ Ордена св. Андрея Первозванного — высшего в Российской империи.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I. 15 (26).1.1730 г. (Перевод с нем.) — Сб.РИО. Т. 15. С. 401—402.

Из донесения де-Лирия. 19 (30).1.1730 г. (Перевод с фр.) — ОВ. Кн. 3. С. 27—29.

¹ Очевидно, Анна Иоанновна так мало была известна при российском дворе, что испанский посланник даже перепутал имена ее и сестры — Прасковьи Иоанновны (1694—1731).

² Евдокии Федоровны Лопухиной.

³ Екатерины Долгорукой.

⁴ Будущего Петра III.

⁵ Короля испанского Филиппа V.

Верховный Тайный Совет — Анне Иоанновне. — Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 14—15.

«Кондиции». — Корсаков Д. А. Указ, соч. С. 17—18.

Из донесения де-Лирия. 20 (31).1.1730 г. (Перевод с фр.) — ОВ. Кн. 3. С. 29—31.

Из донесения Маньяна. 22.1 (2.2.).1730 г. (Перевод с фр.) — Памятники новой русской истории. СПб., 1871. Т. 1. С. 361.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I. 22.1.(2.2).1730 г. (Перевод с нем.) — Сб.РИО. Т. 15. С. 405—408.

¹ И. А. Долгорукий.

² Елизаветы Петровны.

Из донесения Маньяна. Февраль 1730 г. (Перевод с фр.) — Памятники новой русской истории. С. 361—362.

Из донесения де-Лирия. 26.1 (6.2).1730 г. (Перевод с фр.) — ОВ. Кн. 3. С. 34—36.

¹ Т. е. будущего Петра III.

И. Лефорт — Августу II. 26.1.(6.2).1730 г. (Перевод с нем.) — Сб.РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 346—347.

¹ Долгоруким.

И. Лефорт — Августу II. 29.1.(9.2.).1730 г. (Перевод с нем.) — Сб.РИО. Т. 5. С. 347—349.

¹ Т. е. группировки.

Из донесения Маньяна. 2 (13).2.1730 г. (Перевод с фр.) — Памятники новой русской истории. С. 364—365.

Из донесения де-Лирия. 2 (13).2.1730 г. (Перевод с фр.) — ОВ. Кн. 3. С. 36—41.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I. 5 (16).2.1730 г. (Перевод с нем.) — Сб.РИО. Т. 15. С. 410—413.

¹ Австрийскому императору Карлу VI.

Г. Мардефельд — Фридриху-Вильгельму I. 12 (23).2.1730 г. (Перевод с нем.) — Сб.РИО. Т. 15. С. 414.

И. Лефорт — Августу II. 16 (27).2.1730 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 5. С. 355—358.

¹ Будущей правительнице Анне Леопольдовне.

² Долгорукого.

Из донесения де-Лирия. 16 (27).2.1730 г. (Перевод с фр.) — ОВ. Кн. 3. С. 41—42.

И. Лефорт — Августу II. 23.2 (6.3.).1730 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 5. С. 360—361.

Из донесения де-Лирия. 26.2 (9.3.).1730 г. (Перевод с фр.) — ОВ. Кн. 3. С. 53—54.

Насколько можно судить по переводам, данное послание идентично тому, что опубликовано в «Памятниках новой русской истории» (т. 1, с. 371) как приложение к одному из писем де-Бюсси от 25.2 (8.3.). 1730 г.

Из донесения Маньяна. 2 (13).3.1730 г. (Перевод с фр.) — Памятники новой русской истории. Т. 1. С. 372—373.

Судя по переводам, текст послания идентичен основной части депеши де-Лирия от того же числа (см.: ОВ. Кн. 3. С. 55—56).

И. Лефорт — Августу II. 2 (13).3.1730 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 5. С. 367—371.

Из донесения Маньяна. 5 (16).3.1730 г. (Перевод с фр.) — Памятники новой русской истории. Т. 1. С. 373—374.

Из донесения Маньяна. 23.3 (3.4.).1730 г. (Перевод с фр.) — Памятники новой русской истории. Т. 1. С. 374—376.

¹ Т. е. через посредство женщин из окружения императрицы.

Из донесения Маньяна. 13 (24.).4.1730 г. (Перевод с фр.) — Памятники новой русской истории. Т. 1. С. 377—378.

Из донесения де-Лирия. 13 (24.).4.1730 г. (Перевод с фр.) — ОВ. Кн. 3. С. 62.

Из записок Н. Б. Долгорукой.— Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны: Из записок кн. П. В. Долгорукова. М., 1909. С. 77—78.

¹ В ссылке Долгоруких, вероятно, более чем Бирон виноваты Левенвольде и Остерман, но и кроме них Долгорукие за время своего «случая» приобрели множество недоброжелателей.

Из донесения де-Лирия. 20.4 (1.5.).1730 г. (Перевод с фр.) — ОВ. Кн. 3. С. 62.

Из донесения де-Лирия. 22.4 (3.5.).1730 г. (Перевод с фр.) — ОВ. Кн. 3. С. 63.

Прокопович Феофан. История...— Феофан Прокопович. История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской.— СПб., 1837. С. 5—38.

¹ Пропуск в тексте.

² Многоочие в тексте, здесь и ниже.

³ Сам Феофан Прокопович.

Записка В. П. Степанова.— Памятники новой русской истории. Т. 1. Отд. 2. С. 10—11 (без указания автора записки).

¹ Т. е. на свободе, в отсутствие остальных.

² Т. е. в черновиках.

Изъяснение, каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия...— Памятники новой русской истории. Т. 1. Отд. 2. С. 11—16.

Наиболее вероятный автор, как по мнению издателя «Изъяснения», так и по предположению Д. А. Корсакова,— Феофан Прокопович.

¹ Речь идет о событиях английской революции XVII в.

² Т. е. из Шотландии.

Часть третья

Из записок Б. К. Миниха. (Перевод с фр.) — Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 58—71.

¹ Анна Иоанновна.

² Вероятно, неточность перевода — скорее, в шкатулку.

Из записок К. Г. Манштейна.— М а н ш т е й н. С. 195—203.

¹ Сын фельдмаршала Э. Миних в своих «Замечаниях на записки Манштейна» категорически отрицает наличие у своего отца таких планов относительно Молдавии и Украины, как и подлинность приведенной фразы Анны Иоанновны.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 25.10 (5.11.).1740 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. СПб., 1894. Т. 92. С. 16—17.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 1 (12.).11.1740 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 92. С. 39—44.

Из записок Э. Миниха. (Перевод с нем.) — М и н и х Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII века. СПб., 1891. С. 103—105.

¹ Фельдмаршал Миних, отец автора записок.

Из записок Я. П. Шаховского.— Записки князя Якова Петровича Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора св. Синода, генерал-прокурора и конференц-министра при Елизавете, сенатора при Екатерине II. СПб., 1872. С. 23—25.

Де ла-Шетарди — Людовику XV. 10 (21.).11.1740 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 92. С. 62—68.

¹ Шетарди ошибается, полагая Остермана инициатором переворота.

Э. Финч — лорду Гаррингтону. 15 (26.).11.1740 г. (Перевод с англ.) — Сб.РИО. СПб., 1893. Т. 85. С. 373—377.

¹ Высочество (нем.); светлейшее высочество (фр.).

Э. Финч — лорду Гаррингтону. 18 (29.).11.1740 г. (Перевод с англ.) — Сб.РИО. Т. 85. С. 378—392.

Э. Финч — лорду Гаррингтону. 22.11 (3.12.).1740 г. (Перевод с англ.) — Сб.РИО. Т. 85. С. 400.

¹ Миних.

Показание супруги Бирона. (Перевод с нем.) — ЧОИДР. Кн. 1. Разд. 5. С. 64—65.

Роспись Петра Бирона в вещах, отобранных у него в Петербурге. (Перевод с нем.) — Там же. С. 66.

Э. Финч — лорду Гаррингтону. 3 (14.).1.1741 г. (Перевод с англ.) — Сб.РИО. Т. 85. С. 441—442.

Постановление о Бироне.— Арсеньев. С. 179—180.

¹ Герцог Курляндский любил, чтобы его фамилия произносилась с ударением на последнем слоге — это позволяло ему претендовать на родство со знаменитым семейством Бирон во Франции, из которого вышло несколько прославленных маршалов. Переименовывая его снова в «Бирена» («Биринг» в тексте возник, видимо, потому, что протокол велся со слуха), правительство добивалось не столько более точной фонетически русской транскрипции имени регента, сколько старалось развеять мифы о его тесном родстве с европейскими аристократами.

Инструкция о строительстве острога в Пелыме.— Арсеньев. С. 181—182.

¹ Так в тексте.

Э. Финч — лорду Гаррингтону. 3 (14.).3.1741 г. (Перевод с англ.) — Сб.РИО. Т. 85. С. 512—514.

¹ Намек, по-видимому, на Миниха.

Указ Правительницы Анны.— ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Разд. 5. С. 119.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 7 (18.).3.1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. СПб., 1894. Т. 91. С. 418—421.

Инструкция о содержании Бирона в Сибири.— Арсеньев. С. 212—217.

Из протокола допроса Б. К. Миниха в конце 1741 г.— Арсеньев. С. 229—230 («Изложение вин графов Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы»).

¹ Елизавете Петровне.

Записка Э. И. Бирона (Перевод с фр.) — Время. 1861. Т. 6. № 12.

С. 524—542 («Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского»)

¹ Тем самым была принесена присяга младенцу, который, возможно, родится от принцессы, еще не выходявшей замуж и даже не имевшей официального жениха.

² Скончавшегося во младенчестве.

³ Елизавета Петровна.

⁴ Герцога Голштинского, будущего Петра III.

⁵ Герцогство Курляндское находилось в вассальной зависимости от Польши.

⁶ В Ярославль.

Часть четвертая

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 23.12.1740 г. (3.1.1741 г.) (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 92. С. 179.

¹ Погребение Анны Иоанновны состоялось в тот же день — 23 декабря.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 3 (14.).1.1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 92. С. 215—218.

¹ Елизавету Петровну.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 6 (17.).1.1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 92. С. 226—232.

¹ Лестока.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 3 (14.).2.1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 92. С. 299—300.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 14 (25.).2.1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 92. С. 348—349.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 28.2 (11.3.).1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 92. С. 402—403.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 21.4 (2.5.).1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 92. С. 514—527.

¹ Речь идет, по-видимому, об инструкциях, которые Петр I дал П. П. Шафирову для переговоров с союзниками шведов — турками во время Прутского похода, когда русская армия оказалась на краю гибели. Что же касается проекта мирного договора со Швецией, разработавшегося на Аландском конгрессе в 1718 г., накануне неожиданной смерти Карла XII, то русская сторона вовсе не собиралась возвращать ни Лифляндии, ни Ревеля, ни Выборга, не говоря уже об устье Невы. Согласно предварительным итогам переговоров Швеция получала назад занятую русскими войсками Финляндию и большую часть Карелии.

Ж.-Ж. Амело — де ла-Шетарди. 26.10 (6.11.).1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. СПб., 1895. Т. 96. С. 567—568.

28 июля Швеция объявила войну России в надежде вернуть часть территорий, утраченных в ходе Северной войны. Единственно важным событием в войне 1741 г. было взятие русскими войсками Вильманстранда 23 августа.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 14 (25.).11.1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 96. С. 604—605.

¹ С Елизаветой.

Де ла-Шетарди — Ж.-Ж. Амело. 24.11 (5.12.).1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 96. С. 609.

Письмо метрдотеля маркиза де ла-Шетарди своей дочери. В ночь с 24 на 25.11 (с 5 на 6.12.). 1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 96. С. 615—617.

Из записок Я. П. Шаховского.— Записки князя Якова Петровича Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора св. Синода, генерал-прокурора и конференц-министра при Елизавете, сенатора при Екатерине II. СПб., 1872. С. 29—32.

¹ Я. П. Шаховской пользовался покровительством графа Головкина.

² Автор записок, сделанный сенатором в правление Анны Леопольдовны, был лишен этого звания в 1741 г. после переворота.

Де ла-Шетарди — Людовику XV. 26.11 (7.12.).1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 96. С. 641—650.

¹ Абосский мир между Россией и Швецией был заключен только в 1743 г.

Анонимное донесение о перевороте. 28.11 (9.12.).1741 г. (Перевод с фр.) — Сб.РИО. Т. 96. С. 678—681.

Э. Финч — лорду Гаррингтону. 1 (12.).12.1741 г. (Перевод с англ.) — Сб.РИО. СПб., 1894. Т. 91. С. 347.

Э. Финч — лорду Гаррингтону. 19 (30).1.1742 г. (Перевод с англ.) — Сб.РИО. Т. 91. С. 421—423.

Указ Елизаветы Сенату — ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Разд. 5. С. 119.

¹ От нем. «Abschied» — свидетельство об отставке.

² В а р т е н б е р г — имение в прусской Силезии недалеко от Бреслау (ныне Вроцлав, Польша) площадью примерно в 160 км². В 1735 г. его приобрел Бирон. Анна Леопольдовна подарила его Миниху. После осуждения и отправки в ссылку Миниха прусское правительство наложило на имение секвестр. В 1764 г. после возвращения обоих хозяев имения из ссылки они заключили между собой соглашение, по которому Вартенберг остался за Бироном и его потомками.

Из записок Екатерины II. (Перевод с фр.) — Екатерина II. Записки. СПб., 1907. С. 35.

¹ В оригинале — Ораниенбург. Брауншвейгская фамилия была переведена в Раненбург в январе 1744 г.

Из записок Б. К. Миниха. (Перевод с фр.) — Записки фельдмаршала графа Миниха. С. 80—85.

Из записок К. Г. Манштейна.— Манштейн. С. 229—237.

¹ Свадьба состоялась 3 июля 1739 г.

Из «Замечаний на записки Манштейна» Э. Миниха.— Миних Э. Указ. соч. С. 200—202.

¹ Отчества указаны ошибочно. Надо — Григорьевичи.

Из сочинения А.-Ф. Бюшинга «Основательно исследованные и изысканные причины перемен правления в доме Романова». (Перевод с нем.) — Архив князя Воронцова. М., 1882. Т. 25. С. 36—47.

¹ В 1744 г. при отправлении Брауншвейгской фамилии на Север Иоанна Антоновича разлучили с родителями, но до 1756 г. (т. е. до заключения его в Шлиссельбургскую крепость) он содержался по соседству с ними — в Холмогорах.

Из дела о камер-лакее Турчанинове и других лицах...— Арсеньев. С. 332—335.

¹ Сразу же после восшествия на престол Елизавета вызвала в Россию герцога Голштинского Карла Петра Ульриха, будущего Петра III, чтобы обеспечить себя от любых претензий с его стороны и вместе с тем избежать трений при наследовании короны. 5 февраля 1742 г. 13-летний герцог под именем графа Дюкера прибыл в Петербург. 15 ноября Елизавета провозгласила крещенного в православие Петра Федоровича наследником русского престола.

² Указом от 31 декабря 1741 г. гренадерская рота Преображенского полка за решающее участие в перевороте была названа лейб-компанией. Лейб-компанцы были щедро награждены Елизаветой. Лейб-компанию упразднил Петр III.

³ Ивана Антоновича называют либо Иоанном VI, если ведут счет от Ивана Калиты, либо же Иоанном III при счете от первого царя — Ивана Грозного. В XVIII в. было больше принято пользоваться второй нумерацией.

Из воспоминаний пельмского старожила.— Маяк. Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской. 1842. Т. 2. Кн. 4. Отд. «Замечатель». С. 88—89.

Запись о беседе с пельмским должжителем Казанцовым была сделана в 1826 г. неким Найденовым и сообщена И. А. Вельяминову.

¹ Миних сам спроектировал острог для содержания в нем Бирона. Бирон провел в нем менее двух месяцев, Миних же прожил в Пельме почти 20 лет.

² Вогулами называли народ манси.

³ Миниха освободил Петр III.

Часть пятая

Отречение Петра III.— РА, 1911. № 5. С. 21—22.

А. Шумахер. История низложения и гибели Петра Третьего.

Перевод с немецкого сделан специально для настоящего сборника М. А. Бойцовым по изданию: Schumacher A. Geschichte der Thronentsetzung und des Todes Peter des Dritten. Hamburg, 1858. Рукопись оригинала (по всей видимости, авторская) хранится в той части собрания Городской публичной библиотеки г. Гамбурга, которая после второй мировой войны оказалась в СССР. Это тетрадь в картонном переплете 33,4x21,3 см. В ней 20 листов, исписанных убористым почерком. Название рукописи: «Versuch einer Geschichte der Thron-Entsetzung des unglücklichen Kaisers von Rußland Peter des dritten». На внутренней стороне переплета пометка рукой архивиста (по-видимому, Р. Саломона): «Autographon der Schumacher». Гамбургский шифр рукописи «30^B», московский: ЦГАДА. ф. 1591, ед. хр. 32667. Подробной сверки текста рукописи и публикации 1858 г. не проводилось.

¹ Мы страдаем от сурового века, в котором царят злодеяния. *Сенека. Трагедии.*

² Во время Семилетней войны (1756—1763) в битве при Цорндорфе 14 августа 1758 г. русская армия ценой больших жертв смогла отбить атаки прусских войск под командованием короля Фридриха II.

³ А. П. Бестужев-Рюмин был приговорен в феврале 1758 г. к смертной казни, замененной ссылкой, за то, что во время болезни Елизаветы в 1757 г. якобы приказал фельдмаршалу С. Ф. Апраксину, командовавшему русской армией в Восточной Пруссии, срочно возвращаться в Россию.

⁴ Петр собирался, но не успел осуществить передачу Коллегии экономики, ведавшей церковной недвижимостью, от Синода Сенату с повелением отдать церковные земли крестьянам.

⁵ В ходе Северной войны датский король занял Шлезвиг и провозгласил себя суверенным герцогом Шлезвигским. Между тем в Шлезвиге до этого были владения голштинского герцога. Петр III собирался заставить датчан вернуть эти территории.

⁶ Ради экономии места мы опускаем весьма пространную записку, в которой Петра III убеждали отложить поход до весны следующего года. Записку подписали: Георг-Людвиг Голштинский, Петер-Август Голштейн-Бекский, Б. Миних, Н. Трубецкой, М. Воронцов, А. Вильбоа, М. Волконский, А. Мельгунов, Д. Волков.

⁷ Пруссия находилась в катастрофическом положении, когда умерла Елизавета. Петр III без каких бы то ни было условий тотчас же заключил мир с Фридрихом II (24 апреля 1762 г.), без всяких компенсаций отказался от всех занятых русскими войсками территорий и даже вступил в союз с Пруссией (8 июня). Россия признавала за Пруссией Силезию, а Пруссия обещала Петру III помочь отвоевать у Дании Шлезвиг.

⁸ Лейтенантами Шумахер называет поручиков.

⁹ Екатерина носила траур по императрице Елизавете.

¹⁰ М. И. Воронцов как один из главных участников переворота

1741 г. был пожалован званием поручика лейб-компания, что приравнялось к генерал-лейтенантскому званию. Екатерина восстановила лейб-компанию под названием кавалергардов.

¹¹ В сражении при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 г. русские войска под командованием С. Апраксина одержали победу над пруссаками.

¹² Русский текст манифеста дается по изданию: ОВ. Кн. 4. С. 224.

¹³ Русский текст сенатского протокола дается по изданию: Бильбасов В. А. История Екатерины II. Берлин (б. г.). Т. 2. С. 120—121.

И. Л. Талызин — Н. И. Панину. 29.6.1762 г.— ОВ. Кн. 2. С. 634.

¹ Т. е. из Ораниенбаума.

Петр III — Екатерине II. 29.6.1762 г. (Перевод с фр.) — РА. 1911. № 5. С. 22.

Петр III — Екатерине II. 29.6.1762 г.— РА. 1911. № 5. С. 22.

Петр III — Екатерине II. 30.6.1762 г. (Перевод с фр.) РА. 1911. № 5. С. 23.

Екатерина II — В. И. Суворову. 30.6.1762 г.— Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 106.

¹ В оригинале стоит неправильный падеж — «кареты и лошадей».

А. Г. Орлов — Екатерине II. 2.7.1762 г.— РА. 1911. № 5. С. 24—25.

А. Г. Орлов — Екатерине II. 6.7.1762 г.— РА. 1911. № 5. С. 25.

¹ Подпись оторвана.

А. Г. Орлов — Екатерине II. 6.7.1762 г.— Архив князя Воронцова. М., 1881. Т. 21. С. 430. См. также: РА. 1911. № 5. С. 25. В публикациях есть незначительные разночтения. Самое существенное из них это фраза «Мы были пьяны, и он тоже», стоящая в публикации РА перед: «Он заспорил за столом...» и отсутствующая в Архиве Воронцова.

¹ Федором Сергеевичем Барятинским.

Екатерина II — Ст.-А. Понятовскому. 2.8.1762 г. (Перевод с фр.) Екатерина II. Указ. соч. С. 562—571.

¹ В 1762 г. ожидали вскоре действительно последовавшей кончины саксонского курфюрста и польского короля Августа III. Запасным кандидатом Екатерина намечала князя Адама Черторыйского.

² С Пруссией.

³ Потемкину было 22 года.

⁴ Находившейся в Пруссии.

⁵ Любовные записки (фр.).

Записка Я. Штелина о последних днях царствования Петра III (Перевод с нем.) — Державин Г. Р. Соч. СПб., 1883. Т. 9. С. 287—295.

¹ Очевидно, имеется в виду небольшой дворец Сан-Эннью, уничтоженный во время Великой Отечественной войны.

Из записок И. Позье. (Перевод с фр.) — Позье И. Записки при-

дворного брильянтика о пребывании его в России с 1729 по 1764 г.
// РС. 1870. № 2. С. 98—111.

Из записок Д. Р. Сиверса. (Перевод с нем.) — РА. 1909. № 7.
С. 521—526.

¹ Т. е. боевых.

² Сиверс спутал В. И. Суворова и его сына, знаменитого полководца.

Из записок Екатерины Второй. (Перевод с фр.) — Екатерина II.
Указ. соч. С. 504—522.

¹ Следующий абзац (в скобках) приписан на полях.

Из записок Е. Р. Дашковой. (Перевод с фр.) — Дашкова Е. Р.
Записки 1743—1810. Л., 1985. С. 20—56.

¹ Далее Дашкова рассказывает о причудах Петра III и описывает столкновение императора и императрицы на праздничном обеде по случаю заключения мира с Пруссией, когда Петр оскорбил жену.

² Панин был воспитателем в. кн. Павла Петровича.

³ Как потерянную манжету (фр.).

⁴ Т. е. орден св. Андрея Первозванного.

⁵ Дочь Е. Р. Дашковой.

⁶ Письмо, о котором идет речь, опубликовано выше.

Часть шестая

Инструкция коменданту Шлиссельбурга.— Бильбасов В. А.
Указ. соч. С. 679—682.

Инструкция Д. Власьеву и Л. Чекину.— Бильбасов В. А. Указ.
соч. С. 682—687.

Указ генерал-поручику Г. Веймарну.— Бильбасов В. А. Указ.
соч. С. 537.

Екатерина II — Н. И. Панину. 10.7.1764 г.— Бильбасов В. А.
Указ. соч. С.537—538.

¹ Меня охватывает беспокойство, когда я думаю об этом деле, но я исполнена глубокой признательности за меры, которые вы приняли и которых, безусловно, нельзя было избежать. Провидение оказало мне очевидный знак своей милости, придав такой конец этому предпринятию. Хотя зло пресечено в своем корне, я опасаясь, однако, чтоб в таком большом городе, как Петербург, глухие толки не наделали бы много несчастных, так как эти два негодяя, которые наказаны богом за ужасную ложь, написанную ими на мой счет в их так называемом манифесте, не преминули посеять свой яд (по крайней мере, это можно предполагать), и я думаю, что это надо проверить. В день моего отъезда из Петербурга какая-то бедная женщина нашла на улице письмо с [явно] поддельным почерком — в нем говорилось о том же. Его передали князю Вяземскому,

и оно сейчас у него. Следовало бы спросить у тех офицеров, не они ли написали его и распространяли. Я опасаясь, как бы не было опасности и с другой стороны, потому что говорят, что этот Ушаков связан кое с кем из мелких придворных.

В конце концов, следует положиться на милость господ, что удастся в полной мере (в чем я не сомневаюсь) раскрыть все это ужасное покушение. Я не останусь здесь ни одного часа более, чем сколько нужно, не показывая, однако, вида, что я тороплюсь. Я возвращусь в Петербург, где, надеюсь, мое возвращение немало будет содействовать уничтожению всех их клевет на мой счет (фр.).

² Удар, попытка покушения (фр.). «Дешператный» — отчаянный, безнадежный (лат. и нем.).

Н. И. Панин — И. Бередникову. 6.7.1764 г.— Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 344.

Экстракт из следствия о шлиссельбургском бунте.— Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 691—735.

¹ Т. е. поездка Екатерины II в Ригу.

² Предместье (нем.).

³ Т. е. арсенал или склад.

⁴ Т. е. срок.

Из записок Е. Р. Дашковой. (Перевод с фр.) — Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 67—69.

Из записок Г. Р. Державина.— Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина//Державин Г. Р. СПб., 1876. Т. 6. С. 446.

Часть седьмая

Из записок Э. фон Веделя. (Перевод с нем.) — Цареубийство. С. 157—172.

Записки составлены со слов Л. Беннигсена и П. Зубова.

¹ Страшный удар (фр.).

² Скоро мне придется позволить упасть головам, которые когда-то были мне дороги (фр.).

³ Когда желают сделать яичницу, следует разбить яйца (фр.).

⁴ Что вы делаете, Платон Александрович? (фр.).

⁵ Он скончался! (фр.).

⁶ Что вы мне говорите? Мне не гоже подчиняться — давайте подчиняйтесь вы сами, если хотите! (фр.).

⁷ Ваше величество, не надо ломать комедию (фр.).

⁸ Боже, помоги мне это перенести! (нем.).

Из записок М. А. Фонвизина.— Цареубийство. С. 206—213.

¹ Александрю Павловичу.

² Птичка улетела (*фр.*).

³ Я хочу править! (*нем.*).

Из записок А. Н. Вельяминова-Зернова.— Цареубийство. С. 122—134.
Извлечение из мемуаров Л. Беннигсена. (Перевод с фр.) — Цареубийство. С. 140—155.

¹ Назвали, очевидно, Александра Павловича.

Из записок А. Ф. Ланжерона.— Цареубийство. С. 178—195.

¹ Король Георг III (1738—1820) был подвержен приступам безумия, с 1811 г. над ним было установлено регентство.

Из мемуаров В. Н. Головиной. (Перевод с фр.) — Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной. М., 1911. С. 256—264.

¹ Александр Павлович.

² Свояченица (*фр.*).

Из записок М. Леонтьева.— Леонтьев М. Мои воспоминания, или События в моей жизни // РА. 1913. № 9. С. 311—320.

¹ Бекет то же, что пикет, пост.

Рассказ об убийстве Павла I М. И. Муравьева-Апостола. — Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. Пг., 1922. С. 29—31.

М. И. Муравьев-Апостол рассказывал со слов К. М. Полторацкого, А. В. Аргамакова, Агапеева.

¹ Подразумевается, по-видимому, казнь А. Волынского.

Из записок Н. А. Саблукова. (Перевод с англ.) — Цареубийство. С. 72—99.

¹ Собственной персоной (*лат.*).

² «Вы якобинцы». — «Да, Ваше Величество». — «Не вы, но полк»: — «Пусть бы еще я, но вы ошибаетесь, Ваше Величество, в отношении полка» (*фр.*).

³ Ну ладно, дорогой полковник, выводите полк, готовьте священника и Евангелие и распорядитесь всем этим. Я оденусь и тотчас же спущусь (*фр.*).

⁴ Это плохо, уладьте это (*фр.*).

⁵ Но это невозможно, он помат, истерзан. Его сейчас подкрашивают и приводят в порядок! (*фр.*).

⁶ Ах, право... раз уж они так к нему привязаны, пусть уж на него взглянут (*фр.*).

⁷ Напоминаю вам, господа: чтобы есть омлет, следует сначала разбить яйца (*фр.*).

⁸ Вот он (*фр.*).

⁹ Вел. кн. Александра Павловна.

¹⁰ Под Тита (*фр.*).

¹¹ «Я опасался вас больше, чем всего гарнизона». — «И у вас были основания...» — «Поэтому я и позаботился, чтобы вас сняли с поста» (*фр.*).

Из записок Н. И. Греча.— Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л.; 1930. С. 188—197.

¹ На самом деле его убили (фр.).

² Бац — тут Пален, бац — тут Зубов; раз, два, три — и мертвый был мертв. (нем.)

³ 17—18 августа 1813 г. при Кульме происходило одно из знаменитых сражений эпохи наполеоновских войн.

Эпилог

Рассказ И. Я. Телешова о 14 декабря 1825 г. — Красный Архив, 1925, т. 6/13/, с 285—288. На рукописи оригинала, переданной автором М. А. Корфу, пометка Александра II: «Читал с любопытством, хотя и есть много неверностей».

1. Удивление было вызвано непарадным видом гвардейцев. Император не «осматривал» Преображенский полк, а готовился обороняться от мятежников с помощью 1-го батальона этого полка — единственного военного отряда, которым Николай I в тот момент располагал (помимо дворцовой охраны).

2. Якубович явился к Николаю I с раскаянием, прося простить его участие в мятеже.

3. Панов с отрядом лейб-гренадер вошел через открытые ворота во двор Зимнего дворца, но увидев там выстроенный батальон лейб-саперов, немедленно повернул назад. Саперами в тот момент действительно командовал с.-петербургский комендант П. Я. Башуцкий. Попыток проникнуть во дворец, захватить императорскую семью Панов не предпринимал.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Август II (Сильный) (1670—1733) — курфюрст саксонский (с 1694 г.), король польский (с 1697 г.) 46—48, 51, 54, 57—58, 99, 104, 106, 109

Агапеев — рядовой 497—499

Акатов Иван — солдат 416

Александр Невский (ок. 1220—1263) — князь новгородский (1236—1251), великий князь владимирский (с 1252 г.). Православный святой 63, 164, 242, 261, 300—301, 368—369

Александр Павлович (1777—1825) — великий князь, с 1801 г. русский император 358, 370, 432—435, 437—439, 441, 444—447, 451—456, 458—459, 462—465, 468—470, 472—481, 483—486, 488, 490—491, 494—496, 498, 501—503, 508—509, 515—519, 521—523

Александра Павловна (1783—1801) — вел. кн., с 1799 жена эрцгерцога Иосифа, палатина венгерского 486, 498, 514

Алексей Петрович (1690—1718) — царевич, сын Петра I от Евдокии Лопухиной. В 1716 г. бежал в Австрию, в 1718 г. возвращен в Россию и приговорен верховным судом к смертной казни. Убит в Петропавловской крепости 33, 39, 41, 52, 302

Альбрехт Иван (Людвиг) — генерал-майор (1741). На русской службе с 1698 г. В 1734—1740 гг. майор л.-гв. Преображенского полка, фискал Бирона и затем Анны Леопольдовны. Вел слежку за Елизаветой Петровной. В 1742 г. сослан 147

Амело де Шайу Жан-Жак (1689—1749) — член Французской Академии (1727), министр иностранных дел Франции (1737—1744) 156—157, 164, 181, 212, 214, 217—220, 225—226

Андреевский — корнет конной гвардии 500, 504—505

Андрей Первозванный — святой апостол 63, 102, 105, 154, 166, 174, 176, 234, 284

Анна Иоанновна (1693—1740) — герцогиня Курляндская (1710). Российская императрица (с 1730 г.) 68, 73—76, 82—92, 94—121, 124—127, 129—138, 144—148, 150—151, 157—158, 166, 168—169, 171, 175—176, 180, 188—202, 206, 212—213, 240, 243, 247, 249, 262, 369, 497

Анна Леопольдовна (Елизавета-Екатерина-Кристина) (1718—

* Относится только к текстам документов.

1746) — принцесса Мекленбург-Шверинская, с 1739 г. жена Антона-Ульриха Брауншвейгского, российская вел. кн. Правительница России с 9.11.1740. по 25.11.1741 гг. 104, 145—152, 154—156, 158—175, 177—178, 180—182, 187—193, 197—199, 201—205, 212, 214, 220, 222, 231, 234—238, 241—261, 263, 300—301, 307

Анна Павловна — см. **Мария Павловна**

Анна Петровна (1708—1728) — вел. кн., жена герцога Гольштейн-Готторпского (с 1725 г.), дочь Петра I 25, 28, 39—42, 46, 98, 262

Анна Петровна (1757—1759) — вел. кн., дочь Петра Федоровича (или Ст. Понятовского) и Екатерины 300

Антон — **Ульрих** принц Брауншвейг-Бевери-Люнебургский (1714—1774) — с 1733 г. на русской службе, с 1739 г. муж Анны Леопольдовны, подполковник конной гвардии, генералиссимус русской армии (1740). С 1741 г. в заключении 145, 147—150, 152, 156—160, 164—171, 174, 177, 181—182, 187, 191—193, 198—202, 205, 212, 222, 234—235, 238, 241—243, 246—249, 251—252, 254, 258—261, 263

Апраксин — граф 454—455

Апраксин Степан Федорович (1702—1760) — граф, генерал-фельд-маршал (1756), выиграл сражение при Гросс-Егерсдорфе 294

Апраксин Федор Матвеевич (1661—1728) — граф (1709), губернатор Архангельска (1693), адмиралтейский президент (1708), главный начальник Эстляндии, Ингерманландии и Карелии (1712), генерал-адмирал, сенатор (1717), эстляндский генерал-губернатор (1719), член Верховного Тайного Совета (1726) 39, 49, 55, 61, 120

Апраксина Прасковья Алексеевна 454—455

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1827) — граф, генерал от кавалерии (1807), военный министр (1808—1810). При Павле I сначала комендант Гатчины и начальник гатчинских войск, затем санкт-петербургский комендант. В 1798 г. отставлен с чином генерал-лейтенанта. Генерал-квартирмейстер (1799), снова отставлен в 1799 г. 433, 449, 472, 515, 521

Аргамаков Александр Васильевич (1776—1833) — в 1801 г. плац-майор, дежурный адъютант л.-гв. Преображенского полка 434—435, 441—442, 449, 452, 460, 473—474, 498, 511

Арсеньев — ордонанс-подполковник 389

Арсеньев — один из братьев кн. Меншиковой 55

Арсеньева Варвара Михайловна (ум. 1729 г.) — фрейлина при Екатерине I, обер-гофмейстерина (1727). Сослана в Александровскую слободу, затем в Горицкий монастырь 51—52, 56, 58, 60, 65

Арсеньевы — род, известный с конца XIV в. 65

Барятинский Иван Сергеевич (1738—1811) — князь, генерал-поручик (1779), посланник в Париже (1774—1785). Капрал лейб-компаний (1758), флигель-адъютант Петра III (1761) 313, 316—317

Барятинский Иван Федорович (ум. 1738) — князь, генерал-аншеф (1737), участник Северной войны и Персидского похода, сенатор (1730), главнокомандующий в Москве (1735), правитель Малороссии (1736) 86, 111

Барятинский Федор Сергеевич (1742—1814) — князь, обер-гофмаршал (1796), с 1796 г. в отставке 299, 307—308, 313, 337, 343, 352, 361

Баскаков — поручик л.-гв. Преображенского полка 352, 361

Бассевич Геннинг Фридрих (1680—1748) — граф (1726), с 1713 г. на голштинской службе, тайный советник. Голштинский посланник в России (1714), Швеции (1723—1724) и Франции (1728—1730), первый министр (1725), обер-гофмаршал и обер-гофмейстер (1727). Вместе с Меншиковым составлял завещание Екатерины I. В 1730 г. в отставке, бежал в Мекленбург 25—28, 33, 41

Бахтин Василий — капитан Смоленского полка 399—400

Башуцкий Павел Яковлевич (1771—1836) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, сенатор. В 1825 г. — генерал-лейтенант, комендант С.-Петербурга 531

Бевернский принц — см. Антон-Ульрих

Безбородко Александр Андреевич (1747—1799) — светл. князь (1797), обер-гофмейстер и государственный канцлер (1797) 370

Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826) — граф (1812). Уроженец Ганновера, с 1773 г. на русской службе. Генерал от кавалерии (1802), в 1812 г. и. о. начальника главного штаба армии, командовал дивизией и армией в 1813—1818 гг. В 1801 г. — генерал-лейтенант, после переворота — Виленский военный губернатор 434—438, 441—443, 451, 454—455, 470, 473—477, 481—482, 484, 487, 497—498, 508—511, 523

Бередников Иван — полковник, комендант Шлиссельбургской крепости 377, 386, 390, 393, 399, 401—405, 409—410, 414, 418—422

Беринг Витус (1681—1741) — известный путешественник 66

Бернгорст — поручик л.-гв. Преображенского полка 315

Бессонов Василий — 401—405

Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1767) — граф (1745), на ганноверской и английской службе в 1714—1717 гг., русский посланник в Дании (1721—1731 и 1735—1740), действ. тайн. советник и кабинет-министр (1740). В 1740 г. арестован, в 1741 приговорен к четвертованию, помилован, сослан и снова вызван в Петербург. При Елизавете — сенатор и вице-канцлер, с 1744 г. — канцлер. В 1758 г. арестован и в 1759 г. приговорен к смертной казни, помилован и сослан. Возвращен Екатериной II, пожалован званием генерал-фельдмаршала (1762) 145, 147, 154, 161, 164, 174, 177, 180, 192, 195, 197, 199, 201, 204—205, 235, 251, 271, 325, 327, 369

Бецкий (Бецкой) Иван Иванович (1704—1795) — действ. тайн. советник (1767), в 1741 г. камергер Петра III, в 1762 — генерал-пору-

чик и гл. директор Канцелярии строений, президент Академии художеств (1763) 321, 368—369

Биби́ков Васи́лий Ильи́ч (1740—1787) — камергер, тайный советник, известный театральный деятель. В 1762 г. — поручик 278, 280, 308

Биби́ков Никола́й Ива́нович — полковник л.-гв. Измайловского полка 436, 461, 510

Бирон Александра Александровна, урожд. кн. Меншикова (1712—1736) — баронесса, фрейлина с 1731 г. С 1727 по 1731 г. в ссылке с отцом. Жена Густава Бирона с 1732 г. 52, 54, 59, 65, 68, 70—76, 98

Бирон Бенигна-Готлиба, урожд. Тротта фон Трейден (1703—1782) — герцогиня Курляндская. С 1720 г. фрейлина при дворе Анны Иоанновны, с 1723 г. жена Э. И. Бирона, статс-дама (1730). Сопровождала мужа в ссылку, вернулась с ним в Митаву в 1763 г. 117, 144, 147, 153, 155, 158, 164—165, 173—176, 240

Бирон Густав (ок. 1700—1746) — брат Э. И. Бирона. На русской службе с 1730 г., генерал-аншеф (1740), подполковник Измайловского л.-гв. полка (1732). В 1740 г. сослан, в 1744 г. освобожден 76, 147, 153—154, 157, 164, 170, 174, 177, 206, 239—240

Бирон Карл (1684—1746) — брат Э. И. Бирона. С 1730 г. на русской службе, генерал-аншеф (1739), московский генерал-губернатор (1740). В 1740 г. сослан, в 1744 г. освобожден и восстановлен в звании 154—155, 170, 175, 206, 239—240

Бирон Карл-Эрнест (1728—1801) — генерал-майор (1762), сын Э.-И. Бирона 164, 166, 174, 176—177, 240, 346

Бирон Петр (1724—1800) — герцог Курляндский и Семигальский, генерал-майор (1762), старший сын Э. И. Бирона. С 1737 г. наследный принц Курляндский, подполковник Конной гвардии (1740). В 1740 г. сослан. Петр III возвратил из ссылки со званием генерал-майора. С 1769 управлял герцогством, в 1795 г. присоединил Курляндию к России 146—147, 149, 154, 164—165, 175—177, 191—192, 240, 249, 346

Бирон Эрнст-Иоганн (1690—1772) — герцог Курляндский (1737), фаворит Анны Иоанновны, регент (1740). Приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Пелым. С 1742 г. — в Ярославле. Возвращен из ссылки Петром III. С 1762 г. вновь герцог Курляндский 76, 83, 85, 88, 90, 115—118, 144—178, 180, 183—188, 214, 239—241, 243, 247, 249, 346—347, 369

Бисмарк Людольф-Август фон (1683—1750) — с 1732 г. на русской службе, генерал-аншеф (1737), генерал-губернатор Лифляндии (1737). Сослан в 1740 г. В 1744 г. освобожден, главнокомандующий Украинской армией (1747), родственник Э.-И. Бирона 154, 170, 174, 206, 239—240

Бонде Нильс — граф, обер-камергер, голштинский посланник в России в 1730—1736 гг. 98

Босов Матвей — солдат 407—408

Ботта-Адорно Антоний (р. 1693) — австрийский генерал-фельдмар-

шал-лейтенант, гофкригсрат, камергер. Посланник в России в 1737, 1738—1740 и 1740—1742 гг., в Тоскане (1758—1766), тосканский посланник в России (1742—1744) 247

Брауншвейгский принц — см. **Антон-Ульрих**

Бреверн Карл фон (1704—1744) — тайный советник (1740), конференц-министр (1741), президент Академии наук (1740—1741) 195, 201, 235

Бредаль Петер фон — голштинский камергер, форстмейстер, обер-егермейстер Петра III с 1745 г., голштинский посол в Гамбурге (1764—1773) 321

Бредихин Сергей Александрович (1744—1784) — генерал-поручик, камергер. В 1762 г. капитан-поручик л.-гв. Преображенского полка 348, 352, 355—356

Брут Марк Юний (85—42 до н. э.) — один из руководителей заговора против Цезаря 476

Брюс Прасковья Александровна, урожденная графиня Румянцева (1729—1786) — графиня, статс-дама (1773), с 1751 г. жена Я. А. Брюса 289, 316, 321

Брюс Яков Александрович (1732—1791) — граф, генерал-аншеф (1773), сенатор (1779). Наместник Новгородской и Тверской губерний (1782), московский главнокомандующий (1784—1786), петербургский генерал-губернатор (1787—1791). В 1762 г. — премьер-майор гвардии 320

Буллерова (Бутлерова) 176

Бутурлин Александр Борисович (1704—1767) — денщик Петра I, граф (1760), генерал-фельдмаршал (1756). При Петре II камергер и генерал-майор. В 1731—1735 гг. — в Закавказье, с 1735 смоленский губернатор. При Елизавете главный правитель Малороссии. Главнокомандующий в Семилетней войне, московский генерал-губернатор 115

Бутурлин Иван Иванович (1661—1738) — генерал-аншеф (1721). Спальник и стольник у молодого Петра I. В 1700 г. под Нарвой попал в плен. В 1711—1721 гг. участвовал в различных боях Северной войны. За участие в заговоре против Меншикова сослан в 1727 г. 26—27, 29, 34, 41

Бюшинг Антон-Фридрих (1724—1793) — известный немецкий географ. Был в Санкт-Петербурге в 1749—1750 гг. в качестве воспитателя сына датского посланника и в 1761—1765 гг. в качестве пастора лютеранской церкви св. Петра. Собирал и публиковал материалы по истории России 253

Вадковский Федор Иванович (1712—1783) — генерал-аншеф (1773), сенатор. Участвовал в штурме Очакова, Хотина и в Семилетней войне. С июня 1762 г. — подполковник Семеновского полка. Во время похода Екатерины на Ораниенбаум командовал всей оставшейся в Петербурге гвардией. С 1765 г. — командир л.-гв. Семеновского полка 364—366

Вадковский Яков Егорович — в 1800—1805 г. полковник л.-гв. Семеновского полка. 494

Вандам Жозеф-Доминик (1771—1830) — французский генерал. В 1813—1814 гг. в русском плену 522—523

Васильев — поручик 318

Ведель Эрнст фон — племянник Л. Л. Беннигсена 431

Веймарн Ганс (Иван Иванович) (1722—1792) — генерал-поручик (1764), участник Семилетней войны, командующий войсками в Сибири. В 1771—1772 гг. — командующий русским корпусом в Польше. 384, 424

Вейсбах Иоганн Барнард (ум. 1735) — граф (1730), уроженец Чехии, с 1707 г. на русской службе. С 1720 г. командующий войсками в Малороссии, с 1731 — киевский генерал-губернатор 32

Вельяминов — полковник, заседатель из коллегии иностранных дел 33

Вельяминов Иван Александрович (1771—1837) — генерал от инфантерии, участник наполеоновских войн. В 1801 г. — полковник л.-гв. Семеновского полка 494

Вельяминов-Зернов Александр Николаевич — в 1801 г. директор департамента в коллегии иностранных дел 445

Викентьев Петр — капитан-поручик гвардии 183, 186

Виллие Яков Васильевич (1765—1854) — баронет, действительный тайный советник. Шотландский врач, в России с 1790 г. С 1799 г. — лейб-медик, президент Медико-хирургической академии (1809—1838) 480

Вильбоа Никита Петрович (Франсуа Гильмот де) (1674—1760) — француз, на русской службе с 1698 г., контр-адмирал, главный командир кронштадского порта (1743) 33, 61

Вильбуа Александр Вильгельмович (Никитич) (1717—1781) — сын предыдущего, генерал-фельдцейхмейстер (1761), с 1765 г. в отставке 280, 290, 337—338

Власов Александр Сергеевич (ум. 1825) — действительный камергер (1806). С 1799 г. поручик и полковой адъютант л.-гв. Семеновского полка, с 1801 г. — штабс-капитан 492

Власьев Данила — капитан 377—384, 390, 399, 405—406, 408—409, 415—417, 419, 421—422

Воейков — в 1762 г. майор л.-гв. Преображенского полка 277—278, 355

Волков — прапорщик гренадерской роты 177

Волков Александр Александрович — с 1800 по 1804 г. — штабс-капитан л.-гв. Семеновского полка. С 1806 г. полицеймейстер в Москве. Генерал-лейтенант 514

Волков Алексей — секретарь военной коллегии 51

Волков Дмитрий Васильевич (1727—1785) — тайный советник, сенатор (1768), вице-губернатор в Оренбурге (1762—1764), генерал-полицеймейстер в Петербурге (1778—1780). В 1761—1762 гг. личный секретарь Петра III 287, 315—316, 321

Волков Федор Григорьевич (1729—1763) — выдающийся русский актер и театральный деятель 277

Волконская Варвара Михайловна (1781—1865) — княжна, камер-фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны 486

Волконский Михаил Никитич (1713—1788) — князь, генерал-аншеф, сенатор, подполковник Конной гвардии. Отличился во время Семилетней войны. Генерал-адъютант (1769—1771), главнокомандующий Москвы (1771—1780) 308, 338, 353, 367—368, 398

Волконский Петр Михайлович (1776—1852) — св. князь, генерал-фельдмаршал (1843), генерал-адъютант, член Государственного совета (с 1821 г.), начальник главного штаба (1813—1823); министр двора и уделов (1826—1837). В 1801 г. — адъютант Александра I (с 1797 г.) 444, 452, 454, 473, 491

Волинский Артемий Петрович (1689—1740) — астраханский (1719—1724) и казанский (1725—1730) губернатор, кабинет-министр (1738—1740). Благодаря интригам Бирона и Остермана обвинен в государственной измене и казнен 89, 147, 162, 225

Вольтер Франсуа Мари (1694—1778) — знаменитый французский писатель и философ 313

Вольфенбютельская принцесса (Шарлотта-Христина-София) (1694—1715) — жена царевича Алексея Петровича, мать Петра II 39

Вольфрод — адъютант Миниха 165—166

Воронков Гаврила Иванович — в 1800 г. — капитан л.-гв. Семеновского полка, с 1801 г. — в отставке 490—491

Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767) — граф (1744), паж и камер-юнкер цесаревны Елизаветы. За участие в перевороте 1741 г. пожалован в камергеры и генерал-поручики. Вице-канцлер (с 1744), канцлер (с 1758 г.). С 1763 г. в отставке 232, 246, 252, 257—258, 275, 284—287, 309, 314, 321, 326, 338, 348, 360—364, 369

Воронцов Роман Илларионович (1707—1783) — генерал-аншеф (1761), сенатор. При Екатерине II наместник Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний 276, 290, 315—317, 321, 363—364, 369

Воронцов Семен Романович (1744—1831) — граф (1797), генерал от инфантерии (1796), посланник в Венеции (1783—1784) и в Лондоне (1785—1806). В 1762 г. подвергся аресту за верность Петру III, в 1799—1801 гг. в отставке 517

Воронцова Анна Карловна, урожденная графиня Скавронская (1721—1775) — племянница Екатерины I, с 1742 г. жена М. И. Воронцова. Статс-дама (1742), обер-гофмейстерина (1760) 289, 321

Воронцова Елизавета Романовна (1739—1792) — камер-фрейлина, фаворитка Петра III. С 1765 г. жена полковника, затем статского советника А. И. Полянского 277, 289—291, 294, 304, 307, 310—311, 313, 316, 321, 332, 334, 336, 339, 345, 351—352, 365

Вяземский Александр Алексеевич (1727—1793) — князь, генерал-прокурор Сената с 1764 по 1792 г. 385

Вяземский — князь, генерал-майор 440, 442, 473

Гагарин Павел Гаврилович (1777—1850) — князь, генерал-майор, генерал-адъютант Павла I, посланник при короле Сардинском (1801—1802), в 1811—1814 гг. директор инспекторского деп-та, в 1814 г. в отставке. Муж любовницы Павла I 472, 474—475, 480

Гагарин Сергей Васильевич (ум. 1782) — князь, действительный тайный советник, камергер (1742), шталмейстер (1762), президент коллегии экономии (1765), сенатор (1766) 321

Гагарина Анна Петровна, урожденная кн. Лопухина (1777—1805) — княгиня, камер-фрейлина (1798), статс-дама (1800), жена П. Г. Гагарина с 1800 г., любовница Павла I 433, 474, 480, 488, 499, 505

Гагарина Прасковья Павловна, урожденная графиня Ягужинская (ум. в 1775 г.) — княгиня, жена С. В. Гагарина 321

Гаррингтон Вильям Стэнхоуп лорд (ок. 1683—1756) — граф (1742) — английский государственный секретарь (1730—1746 с перерывами), посол в Испании (1717—1718, 1720—1727), лорд-лейтенант Ирландии (1746—1750) 165—166, 175, 177, 180, 238

Геймбург фон — брауншвейгский подполковник, гувернер Антона-Ульриха. С 1740 г. — полковник русской службы, генеральс-адъютант генералиссимуса. С 1741 г. — в заключении 241

Гендриков Иван Симонович (1719—1778) — граф (1742), племянник Екатерины I, генерал-аншеф (1762). В 1744 — камергер Екатерины Алексеевны, с 1750 до 1762 г. заведовал лейб-компанией. После переворота назначен шефом корпуса кавалергардов. С 1764 г. в отставке 296

Генрих III (1551—1589) — французский король с 1574 г. 477

Георг-Людвиг принц Голштинский — дядя Петра III и Екатерины II 273, 278, 282—283, 307, 309, 322, 325, 327—330, 346

Гервасий 381

Гертнер — надворный советник Георга-Людвига 283

Геслер — 1-я камер-фрау императрицы Елизаветы Алексеевны 485

Гессен-Гомбургский принц (Людвиг-Иоганн-Вильгельм) (1705—1745) — генерал-фельдцейхмейстер (1735) и генерал-фельдмаршал (1742). На русской службе с 1723 г., воевал на Кавказе, в Польше, участвовал в крымском походе Миниха. В ходе переворота 1741 г. получил в команду все военные силы Петербурга. Капитан-поручик лейб-компаний. Командир Измайловского л.-гв. полка (1742) 89, 197, 201, 231, 235, 260

Гиз Генрих (1550—1588) — герцог Лотарингский, вождь католической партии во Франции во время религиозных войн 477

Гилленборг Карл (1679—1746) — граф, шведский посланник в Англии (1710—1717), Брауншвейге (1720—1721), канцлер (с 1739 г.) 218

Глебов Александр Иванович (1722—1790) — обер-секретарь Сената (1754), обер-прокурор (1755), генерал-прокурор Сената (1761—1764), выполнял секретные поручения Екатерины. В 1775—1776 гг. генерал-губернатор Белгородской и Смоленской губерний 283

Гогенгольцер (Хоххольцер) Николаус Себастьян фон — имперский советник, секретарь австрийского посольства в России с 1721 г., посланник в 1742—1748 гг. 191

Голицын Александр Михайлович (1718—1783) — князь, генерал-фельдмаршал (1769), генерал-адъютант, сенатор. При Петре III вице-канцлер 291, 310, 321, 338, 361

Голицын Алексей Дмитриевич (1697—1768) — действительный тайный советник (1757), сенатор (с 17.9.1741), в 1738 г. был сослан в Кизляр 229—230

Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844) — князь, генерал от кавалерии (1814), член Государственного совета (1821), главнокомандующий в Москве (1820—1844). В 1801 г. — генерал-лейтенант 434

Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1737) — князь, капитан л.-гв. Преображенского полка (1694), учился за границей в 1697—1700 гг. Посланник в Константинополе (1701), киевский губернатор (1707—1718), сенатор (1718). В 1723 г. арестован, но прощен. Член Верховного Тайного Совета с 1726 г. В 1736 г. привлечен к суду и приговорен к смертной казни. Умер в Шлиссельбурге 32, 39, 46, 51, 61, 82, 91, 93, 100, 103—104, 118—119, 124—125, 128, 131—132

Голицын Иван Федорович (1731—1798) — князь, генерал-адъютант Петра III, бригадир (1761). В 1763 г. уволен с чином генерал-майора. В 1796 г. вновь взят на службу генерал-аншефом 321

Голицын Михаил Михайлович (1674—1730) — князь, генерал-фельдмаршал (1725), сенатор. Командовал гвардией в Полтавском сражении, участвовал в Прутском походе, одержал победу при Гренгаме. При Петре II президент военной коллегии, сенатор, член Верховного Тайного Совета (с 1728 г.) После «затейки» верховников удален от двора 46, 58, 93—94, 96, 102—103, 117—119, 131—132

Голицын Михаил Михайлович (меньшой) (1685—1764) — князь, сенатор (1728), генерал-адмирал (1756), астраханский губернатор (1740—1741), посол в Персии (1745—1748) 83, 92, 120

Голицын Михаил Михайлович (род. 1731 г.) — генерал-поручик 321

Голицын Николай Михайлович (1727—1786) — князь, тайный советник, обер-гофмаршал (1773—1782), в 1762 г. — камер-юнкер 321

Голицын — князь, офицер гвардии 327—329

Голицын — князь 237

Голицына Анна Федоровна (1744—1781) — княжна, с 1763 г. жена камергера и позже генерал-поручика С. А. Бредихина 348

Голицына Екатерина Алексеевна, урожденная Кар (1724—1804) — княгиня, статс-дама Елизаветы Петровны, жена генерал-поручика и шталмейстера П. М. Голицына (1702—1760) 321

Голицына Татьяна Борисовна, урожденная кн. Куракина (1695—1757) — княгиня, обер-гофмейстерина (1730—1746), жена М. М. Голицына 117

Голицыны — княжеский род 90, 92, 96, 103, 112, 117—118

Головин Николай Александрович — граф, тайный советник, действительный камергер 321

Головин Николай Федорович (1695—1745) — граф, посланник в Швеции (1725—1732), адмирал (1733) и президент адмиралтейской коллегии (1733), сенатор (1741), конференц-министр (1741) 144, 195, 197, 201

Головина Варвара Николаевна, урожденная княжна Голицына (1766—1821) — графиня, жена Н. Н. Головина с 1786 г., приближенная императрицы Елизаветы Алексеевны 481

Головкин Гавриил Иванович (1660—1734) — граф (1707) — первый государственный канцлер в России (с 1709 г.), президент коллегии иностранных дел (1717), член Верховного Тайного Совета. При Анне Иоанновне член кабинета 28, 33, 39, 49, 61, 63, 82, 84—85, 87—88, 91, 93, 103—106, 108, 110—111, 119, 131—132, 156, 189

Головкин Михаил Гаврилович (1699—1755) — граф, действительный камергер (1726), посол в Берлине (1723—1725), сенатор (1730), вице-канцлер внутренних дел (1740). В 1741 г. арестован, приговорен к смерти, замененной ссылкой на Колыму 156, 178, 181—182, 186, 197, 199, 228, 230, 233, 238—239, 242, 246, 250, 253, 258

Головкина Екатерина Ивановна, урожденная княжна Ромодановская (1702—1791) — графиня, супруга М. Г. Головкина с 1722 г., статс-дама (1730). Добровольно отправилась в ссылку с мужем, где провела с ним 14 лет до самой его смерти 117, 199

Гольц Бернхард Вильгельм фон — прусский полковник и камергер, посол в России в 1762 г. 284, 321

Голштейн-Бекский принц (Петр-Август-Фридрих) (1697—1775) — генерал-фельдмаршал и генерал-губернатор петербургский и эстляндский при Екатерине II 316, 321

Голштинская герцогиня — см. Анна Петровна

Голштинская принцесса — супруга Георга-Людвига 325, 327—331, 362

Голштинский герцог — см. Карл-Фридрих

Голштинский принц (герцог) — см. Петр III

Голштинский принц — см. Георг-Людвиг

Горголи Иван Саввич (1770—1862) — действительный тайный советник, сенатор (1825—1858), петербургский обер-полицмейстер (1811—1821). В 1801 г. плац-майор 515

Горданов (Гарданов) Евсей Степанович — в 1801 г. корнет кавалергардского полка 443

Горн — хирург Петра I. 31

Горшинин Федор — солдат 416

Грамматин (Грамотин) Петр — подполковник (1740), секретарь Антона-Ульриха, затем директор его канцелярии. В 1741 г. арестован, в 1742 г. лишен чинов и сослан 147, 149

Гревс — офицер л.-гв. Преображенского полка 246

Греч Николай Иванович (1787—1867) — известный русский журналист и писатель 520

Григорий — имя, под которым содержался в заключении Иоанн Антонович 381

Гросс Христиан Фридрих (ум. 1742) — уроженец Вюртемберга. С 1725 г. в России сначала как студент Академии, а с 1726 г. как профессор и академик. В 1731 г. назначен секретарем брауншвейгского посольства в России. Был одним из сотрудников А. И. Остермана и привлечен вместе с ним к суду после переворота 1741 г. Застрелился до окончания следствия 242

Грюнштейн Петр (Георг) — солдат л.-гв. Преображенского полка, с 1741 г. — подпоручик лейб-компания, с 1742 г. адъютант императрицы 243, 257

Гудович Андрей Васильевич (1731—1808) — генерал-аншеф, генерал-адъютант Петра III 279, 284, 289, 291—292, 310, 315, 317, 321, 331—332, 334, 339, 361

Гурко Леонтий Осипович — генерал-майор (1819), в 1801 г. — подпрапорщик л.-гв. Семеновского полка 497

Дашков Михаил Иванович (1736—1764) — князь, камер-юнкер, подполковник лейб-кирасирского полка, бригадир 277, 348, 350—351, 353, 367—368, 424

Дашкова Анастасия Михайловна (1760—1831) — княжна, в замужестве Щербинина, дочь Е. Р. Дашковой 363—366, 368, 424

Дашкова Екатерина Романовна, урожденная графиня Воронцова (1743—1810) — княгиня, жена М. И. Дашкова с 1759 г. Статс-дама, директор Академии наук (1783—1796), президент Российской Академии (1783—1796) 276—278, 290, 313, 319, 327—328, 339, 345—347, 349, 369, 424—425

Девиер Антон Мануилович (1682—1745) — граф (1726), генерал-аншеф (1744); денщик Петра I, затем петербургский обер-полицмейстер. В 1727—1742 гг. в ссылке в Сибири 41

Девиер Петр Антонович (ум. 1773) — камер-паж Анны Петровны (1726), на голштинской службе в 1727—1735 гг. С 1737 г. на службе в русской армии. Действительный камергер (1744), генерал-аншеф

(1762). В 1763 г. уволен в отставку 287—288, 304, 313, 316, 341—342

Дельвиг Карл Борисович (ум. 1791) — барон. В 1764 г. перешел в русскую армию с голштинской службы. Генерал-поручик (1779), комендант Выборга (1780) 318

Демут — трактирщик 523

Депрерадович Николай Иванович (1766—1843) — генерал от кавалерии (1826), генерал-адъютант (1819), участник войн с Польшей, Турцией и Францией. Отличился при Аустерлице и Кульме, командир I-го кавалерийского корпуса (1821—1839). В 1799—1807 гг. генерал-майор, командир л.-гв. Семеновского полка 434, 442, 447, 448, 450, 452, 459, 478, 490, 492—494, 510

Дервиц 321

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — выдающийся русский поэт 426, 521—522

Дерибас Осип (Иосиф) Михайлович (1749—1800) — адмирал (1799) Родом из Неаполя, с 1772 г. на русской службе. В 1789 г. овладел крепостью Хаджибей, на месте которой по его проекту заложена Одесса. При Павле I — генерал-кригс-комиссар, управляющий лесным департаментом 432, 455—456

Дидерон — шведский капитан 237

Дистель — секретарь прусского посольства 321

Дитятев Кузьма — солдат 407, 419

Долгорукая Екатерина Алексеевна (1712—1745) — княжна, невеста Петра II с 30.11.1729. В 1730 г. сослана в Березов, затем в Томск и Новгород. При Елизавете освобождена, получила звание фрейлины и вышла замуж за графа А. Р. Брюса (1745) 62, 73, 75, 81—82, 88—90, 92, 94, 96, 98, 107, 118, 120, 126—127, 134

Долгорукая Наталья Борисовна, урожденная графиня Шереметева (1714—1771) — княгиня, жена И. А. Долгорукого с 1730 г. С того же года в ссылке в Березове. Освобождена в 1740 г. В 1758 г. постриглась в монахини 75, 95, 114—115

Долгорукие — княжеский род 43, 61—62, 68—69, 73—74, 81—83, 85, 88—90, 92, 94, 96—98, 103, 106—107, 112, 114, 117—118, 120, 225, 237

Долгорукий Алексей Григорьевич (ум. 1734) — князь. Смоленский губернатор (1713), сенатор и второй воспитатель Петра Алексеевича (1726), действительный тайный советник и член Верховного Тайного Совета (1728). В 1730 г. сослан в Березов 61, 72—75, 89, 93, 95, 98—99, 103, 106—107, 114—115, 118—120, 127, 132

Долгорукий Василий Владимирович (1667—1746) — князь, в 1708 г. майор гвардии, подавлял восстание Болотникова, в 1716 г. сопровождал Петра I за границу. Арестован по делу царевича Алексея и сослан (1718—1724). Главнокомандующий войсками на Кавказе (1726). При Петре II вызван в Москву, произведен в фельдмаршалы и назначен членом Верховного Тайного Совета. В 1730 г. сначала назначен сенатором

и президентом военной коллегии, но затем арестован и сослан в Ивановгород после смертного приговора, а позже — в Соловки. Елизавета вернула звания, ордена и должности 89, 92, 94, 96, 102—103, 106, 109—111, 115, 119, 132, 238

Долгорукий Василий Лукич (ок. 1670—1739) — князь, русский посол в Польше (1706—1707 и 1724), Дании (1707—1720), Франции (1720—1722), Швеции (1726—1727), сенатор (1723), член Верховного Тайного Совета (с 1728 г.) В 1730 г. сначала назначен губернатором в Сибирь, затем сослан в деревню и позже в Соловки. После повторного следствия казнен 39, 61—63, 82—85, 87, 89, 92—93, 109—111, 115, 117, 119—120, 126—127, 129—132

Долгорукий Иван Алексеевич (1708—1739) — князь, любимец Петра II. Обер-камергер, майор гвардии (1728). В 1730 г. сослан в Березов. После повторного следствия казнен 43, 62—63, 75, 81—82, 88—90, 95, 98—99, 103—104, 107, 114—115, 120

Долгорукий Иван Григорьевич (ум. 1739) — князь, сенатор (1728), тайный советник (1729). В 1730 г. сослан в Пустозерск. После повторного следствия казнен 115

Долгорукий Михаил Владимирович (1667—1750) — князь, сенатор (1711). В связи с делом царевича Алексея в опале с 1718 по 1721 г. Сибирский губернатор (1724). Действительный тайный советник и член Верховного Тайного Совета (1729). В 1730 г. назначен губернатором в Астрахань, в 1731 г. сослан в Нарву, а в 1739 г. на Соловки. Возвращен Елизаветой 89, 115, 117, 119, 132

Долгорукий Сергей Григорьевич (ум. 1739) — князь, состоял при посольствах в Париже, Вене и Лондоне, посланник в Польше в 1721—1725 и 1728—1729 гг. В 1729 г. вызван в Россию, в 1730 г. сослан в Ренбург, а потом в деревню. В 1738 г. помилован и назначен послом в Лондоне. Накануне отъезда арестован в связи с возобновлением следствия и казнен 89, 115

Д'Опиталь Поль Франсуа Галюччи, маркиз де Шатонеф — генеральный лейтенант, французский посланник в Неаполе (1740—1750), Венеции (1750) и России (1757—1761) 271

Дурнов (Дурново?) — сенатский эзекутор 229

Дурново Мирон — поручик 183, 186

Дюкер фон 322

Евдокия Федоровна (Лопухина) (1670—1731) — царица, жена Петра I с 1689 г. В 1698 г. сослана и пострижена в монастырь, освобождена Петром II 40, 46, 55, 92, 118

Екатерина св. — великомученица рубежа III и IV вв. 104, 257, 279, 283, 251—252, 258, 266, 513

Екатерина Алексеевна (Марта Скавронская) (1684—1727) — жена

Петра I с 1712 г., императрица (1722), правящая императрица Екатерина I с 1725 г. 25—34, 39—41, 57—58, 61, 68, 100, 113, 119, 133, 214—215, 241, 249, 262, 358

Екатерина Алексеевна (София-Августа-Фредерика) (1729—1796) — принцесса Анхальт-Цербстская, жена великого князя Петра Федоровича (с 1745 г.), императрица (с 1761 г.), правящая императрица Екатерина II с 1762 г. 240, 271—273, 277—310, 312, 314—317, 319, 349, 352—370, 377, 380—381, 383—387, 389—395, 398, 401, 406, 416, 424—425, 434, 440, 444, 452, 455, 472, 475, 478, 481, 487—488, 494, 501, 517, 520—522

Екатерина Антоновна (1741—1807) — великая княжна, дочь Антоны-Ульриха и Анны Леопольдовны. С 1741 до 1780 г. в заключении. Впоследствии жила в Дании 234, 237—238, 241, 246, 253, 259, 307

Екатерина Иоанновна (1691—1723) — великая княжна, дочь царя Иоанна V, с 1716 г. вторая жена герцога Мекленбургского Карла-Леопольда, в 1722 г., покинув мужа, вернулась в Россию. Мать Анны Леопольдовны 82, 94—96, 104, 108—111, 119, 127, 130, 188—189

Екатерина Павловна (1788—1819) — великая княжна, дочь Павла I. В первом браке принцесса Ольденбургская (1809), во втором — королева Вюртембергская (1816) 438—439, 465—466, 478

Елагин Иван Перфильевич (1725—1793) — обер-гофмейстер (1788), сенатор (1773), тайный советник (1773), литератор, видный масон, член Российской Академии (1783). Был доверенным лицом вел. кн. Екатерины Алексеевны, сослан в 1758 г. по делу А. П. Бестужева-Рюмина. Возвращен после переворота Екатерины. Директор придворного театра (1766—1779) 320, 425

Елизавета Алексеевна (Луиза-Мария-Августа) (1779—1826) — дочь маркграфа Баденского, жена в. кн. Александра Павловича с 1793 г., императрица с 1801 г. 358, 437—438, 444, 446, 463—464, 477, 479, 483—487, 495, 508, 518—519

Елизавета Антоновна (1743—1782) — дочь Антоны-Ульриха и Анны Леопольдовны, до 1780 г. в заключении, умерла в Дании 261

Елизавета Петровна (1709—1761) — великая княжна, с 1741 г. императрица 28, 39, 48, 51—52, 54, 58, 62, 73, 83—84, 89—90, 92, 96, 98, 104, 113—114, 149, 151, 155—156, 164, 187—188, 202—206, 212—229, 231, 240—263, 271—274, 283, 296, 303, 307, 336, 346—348, 362, 364, 369, 395

Еропкин — генерал 115

Ефимов Федор — солдат 416

Жданов Иван — солдат 413

Жеглов — прапорщик 318

Жеребцова Ольга Александровна, урожденная Зубова (1766—1849) —

сестра братьев Зубовых, жена камергера А. А. Жеребцова, любовница английского посла Уитворта и впоследствии английского короля Георга III 500, 517

Загряцкий — капитан 401—402, 405

Запольский Андрей Васильевич — в 1801 г. полковник л.-гв. Преображенского полка, с 1804 г. шеф Екатеринославского гренадерского полка 440, 442

Зельгорст 335

Зубов Валериан Александрович (1771—1804) — граф (1793), генерал-аншеф (1796), генерал-адъютант, главнокомандующий в войне с Персией. В 1796—1800 гг. в отставке, в 1800 г. — директор 2-го кадетского корпуса. При Александре I — член Государственного совета 434—435, 437, 441, 451, 454, 460, 462, 474, 487—488, 523

Зубов Николай Александрович (1763—1805) — граф (1793), генерал-майор, шталмейстер. Первым сообщил Павлу о смерти Екатерины. Президент Конюшенной конторы. В 1797 г. отставлен. Участник Итальянского похода. Через несколько дней после переворота 1801 г. стал обер-шталмейстером, но в 1803 г. уволен. Зять А. В. Суворова 434—435, 437, 443, 451, 454, 459—460, 462, 474, 476, 480, 482, 487—488, 497—499, 512

Зубов Платон Александрович (1767—1822) — светл. князь (1796), генерал-фельдцейхмейстер, начальник Черноморского флота, новороссийский генерал-губернатор (1793), генерал-адъютант (1792). Последний фаворит Екатерины II (с 1789 г.) При Павле сначала инспектор артиллерии, затем выслан за границу с конфискацией имений. В 1800 г. имения возвращены, назначен шефом I-го кадетского корпуса. При Александре I член Государственного совета 434—437, 442—443, 450, 458—460, 462, 474—477, 487—488, 511—512, 517—518, 521—523

Зубовы — братья 434, 441—442, 451, 470, 473, 478, 487—488

Иван отец — полковой священник 508

Иванов Григорий — рядовой 509—510

Ивашкин Дмитрий — в 1801 г. портупей-прапорщик в л.-гв. Семеновском полку, в 1802 г. переведен поручиком в армию 491

Ивинский Матвей — в момент переворота 1741 г. — фурьер л.-гв. Преображенского полка. С 1741 г. член лейб-компании, с 1746 г. вице-сержант лейб-компании 262

Измайлов Михаил Львович (1734—1799) — генерал-поручик, в 1762 г. — генерал-майор. С 1769 г. в отставке 291, 310, 315, 317, 319, 321, 334, 338—339, 360—361

Измайлов Михаил Михайлович (1722—1800) — генерал-майор (1761), гофмаршал (1761), действительный тайный советник (1775),

занят при строительстве казенных зданий. Московский главнокомандующий (с 1795 г.) 284, 321—322, 356

Измайлов Петр Иванович (1724—1807) — действительный тайный советник (1796) — в 1762 г. капитан л.-гв. Преображенского полка. В том же году отставлен с чином полковника 353

Изъединов — капрал 262—263

Иоанн Креститель — евангельский персонаж 399

Иоанн Алексеевич (Иван V) (1666—1696) — русский царь (с 1682 г.) 82, 91, 119, 262

Иоанн Антонович (Иван VI) (1740—1764) — российский император (1740—1741 гг.), с 1741 г. — в заключении 144—146, 148—150, 152, 154—156, 159—161, 165, 167—174, 183—187, 192—195, 197, 199—204, 206, 219—220, 228, 234, 237—238, 241—242, 245—248, 259—263, 307, 377—384, 386—395, 397, 399, 401—403, 405—406, 410—411, 415—418, 423—424, 426, 479

Иосиф — австрийский эрцгерцог, палатин венгерский 499

Исаакий Далматский — святой IV в. 275

Иштиряков Яков — сержант 412, 415—416, 420, 422

Казанцов Антон Васильевич — 130-ти летний старожил г. Пелыма 263

Каин — библейский персонаж 523

Какавинский — гвардейский офицер 364—366

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — выдающийся русский писатель и историк 445, 521, 532

Карл I Стюарт (1600—1649) — английский король с 1625 г. низложен и казнен во время Английской революции 136

Карл VII (1697—1745) — император Священной Римской империи с 1742 г. 255

Карл XII (1682—1718) — шведский король с 1697 г. 223, 300

Карл — принц. См. **Бирон Карл-Эрнест**

Карл-Леопольд (1677—1747) герцог Мекленбург-Шверинский, муж Екатерины Иоанновны (с 1716 г.), отец Анны Леопольдовны 82, 96, 189, 193—194, 248

Карл-Петр-Ульрих — см. **Петр III**

Карл Саксонский — герцог Курляндский (1758—1763), смещен по требованию Екатерины II, сын Августа II 346

Карл-Фридрих (1700—1739) — герцог Голштейн-Готторпский (с 1716 г.), претендовал на Шлезвиг и шведскую корону. В 1721—1727 гг. в России, муж Анны Петровны (с 1725 г.) 29, 32—33, 39—42, 46, 57—58, 92, 98

Карл-Фридрих-Вильгельм (1713 — до 1758 г.) — маркграф бранденбург-аншпахский 191

Карл — принцесса 321

Карр — гвардейский капитан 360

Касаткин Тихон — придворный лакей 394—398

Катерина — служанка Бирона 184

Каховский Петр Григорьевич (1799—1826) — декабрист, член Северного общества, поручик (1819), в 1825 г. в отставке. Срежлял на Сенатской площади в Милорадовича и Н. К. Стюрлера, командира л.-гв. Гренадерского полка. Казнен 532

Квашин Петр — прапорщик л.-гв. Преображенского полка 261—263

Кейзерлинг Gebhardt-Иоганн (1698—1761) — граф (1744), губернёр Антона-Ульриха, затем действительный тайный советник и статс-министр в Брауншвейг-Вольфенбюттеле. Брауншвейгский посланник в России в 1733—1741 гг. 201—202

Кейзерлинг Герман-Карл (1697—1764) — граф (1741). На русской службе с 1730 г. Президент Академии Наук (1733). Посол в Польше (1733—1741, 1748—1752, 1762—1764), Берлине (1747—1748) и Вене (1752—1761), действительный тайный советник (1746) 307

Кейт Роберт — английский посланник в Вене (1748—1757) и России (1758—1762) 276, 322, 348, 350

Кейт Яков (Джемс) (1696—1758) — шотландец, на русской службе в 1728—1747 гг., подполковник л.-гв. Измайловского полка (1730), исправлял должность гетмана Малороссии (1740). В 1741 г. генерал-аншеф, командующий передовыми русскими войсками в войне против Швеции. С 1747 г. прусский генерал-фельдмаршал, губернатор Берлина (1749) 237

Келлерман — переводчик 33

Кенигфельс — адъютант Миниха 154

Кииль — подполковник, голштинец 305

Кириллов (Корнилов) — камер-гайдук 474

Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869) — граф, генерал-адъютант (1826), начальник штаба военных поселений, и. о. военного министра (1842), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1842—1855) 523

Клеопатра (69—30 до н. э.) — последняя царица эллинистического Египта 490

Клодт Федор — барон 521

Князев Евдоким — солдат 416

Кожин Никита Иванович (ум. 1807) — капитан, в 1801 г. — поручик л.-гв. Семеновского полка 492

Козловский Алексей Семенович (1707—1776) — князь, генерал-поручик, сенатор, обер-прокурор св. Синода 302

Козмин Егор — солдат 411, 416

Кологривов Андрей Семенович (1774—1825) — генерал от кавалерии. В 1796 г. — командир гатчинской кавалерии, комендант Павловска.

В 1801 г. генерал-лейтенант, инспектор кавалерии в Литовской и Лифляндской губерниях 449, 494, 515

Кольчева — вероятно, **Прасковья Федоровна**, урожденная графиня Головина, жена С. С. Кольчева 482

Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, участник Итальянского и Швейцарского походов. Командующий войсками в герцогстве Варшавском (1815), командир отдельного Литовского корпуса (1817), главнокомандующий польской армии 370, 433, 437, 439, 444, 446—447, 453, 462—463, 476—477, 480, 501—503, 506—507, 515, 517—518, 528, 531—532

Коркин — капрал 414, 420

Корсаков — см. **Римский-Корсаков**

Корф Иоганн-Альбрехт (1697—1766) — барон, камер-юнкер Анны Иоанновны (1728), директор Академии наук (1734—1740), русский посланник в Копенгагене (1740—1746, 1748—1766) и Стокгольме (1746—1748) 88

Корф Николай Андреевич (1710—1766) — барон, генерал-аншеф, подполковник лейб-кирасирского полка, «главный директор над всеми полициями» (1761), действительный камергер (1742), сенатор (1744), в 1741 г. доставил из Киля Петра-Ульриха, в 1744 г. сопровождал Брауншвейгскую фамилию в Холмогоры. Генерал-губернатор Кенигсберга (1758—1760), петербургский генерал-полицмейстер (1760). В 1762 г. сразу принял сторону Екатерины II 282, 301, 325

Котомин 531

Коцебу Август-Фридрих-Фердинанд (1761—1819) — немецкий писатель и драматург. Многие годы провел на русской службе. В 1798 г. директор венского театра. В 1800 г. в России арестован и отправлен в Сибирь. Этот эпизод описал в книге «Один памятный год в моей жизни». С 1802 г. издает журнал в Берлине. Позже русский генеральный консул в Кенигсберге. Убит К.-Л. Зандом 480, 490

Крнев Андрей — капрал 407—408, 410

Крузе Карл Федорович — врач, родом из Голштинии. В Петербурге служил главным врачом гвардейских войск. С 1756 г. член Академии наук 299

де Круссоль — граф 482

Кубанец Александр — слуга Бирона 184

Кудрявый — секунд-майор 418

Кузьмин Матвей — секретарь 132

Куракин Александр Борисович (1697—1749) — князь, посол во Франции (1722—1725, 1727—1728), при Анне Иоанновне — камергер, обер-штальмейстер. При Елизавете — сенатор и конференц-министр 144, 195, 197, 201

Куракин Борис-Леонтий Александрович (1733—1764) — князь,

генерал-поручик (1761), гофмейстер (1762), президент Камер-коллегии (с 1764 г.) и коллегии экономии (с 1763 г.), сенатор 351

Куракин — князь 311, 319, 363

Куракина Елена Степановна, урожденная графиня Апраксина (1735—1768) — княгиня, жена Б.-Л. А. Куракина с 1751 г. 351

Куракины — прежде всего Александр и Алексей Борисовичи, имевшие сильное влияние на Павла I. При нем первый был вице-канцлером, второй — генерал-прокурором 439

Курляндская герцогиня — см. Бирон Б.-Г.

Курляндский герцог — см. Бирон И.-Э.

Кусков Иван — солдат 416

Кутайсов Иван Павлович (ок. 1759—1834) — граф (1799), обер-штальмейстер (1800). Турок, взят в плен при штурме Бендер, стал придворным парикмахером и камердинером Павла I, пользовался его чрезвычайным доверием 433, 449, 472, 483, 489, 505, 511, 515

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745—1813) — светл. князь Смоленский, великий русский полководец. В 1799 г. назначен литовским военным губернатором, в 1801 г. временно исполнял должность Санкт-петербургского военного губернатора 480—481, 498

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Павел Васильевич (ум. 1843) — граф (1832), в 1801 г. — генерал-майор. Петербургский военный губернатор (с мая 1801 г.), член Государственного совета 515

Ланжерон Александр Федорович (Людовик-Александр-Андр) (1763—1831) — граф, французский эмигрант, с 1790 г. на русской службе, генерал от инфантерии (1811). Участник войн со шведами, турками, французами в 1790—1828 гг. 467

Ланской Степан Сергеевич (1760—1813) — гофмаршал 515

Ласси (Лесси) Петр Петрович (1678—1751) — граф (1740), выходец из Ирландии, на русской службе с 1700 г. Генерал-фельдмаршал (1736), во время русско-шведской войны 1741—1743 гг. главнокомандующий русской армией 234, 240, 246, 260

Ласунский — капитан л.-гв. Измайловского полка 350, 352, 356

Лебедев — фурыер 408—409, 420, 422

Левен — см. Ливен И. X.

Левенвольде Карл-Густав (ум. 1735) — граф (1726), обер-штальмейстер (1732). Генерал-адъютант Петра I, при Екатерине I — бригадир. В 1727—1730 гг. удален от дел. В 1730 г. по поручению брата известил Анну Иоанновну о решении Верховного Тайного Совета. Генерал-поручик (1731), полковник л.-гв. Измайловского полка, посланник в Вене (1731—1732), Берлине, Варшаве 190—191

Левенвольде Карл Рейнгольд (ум. 1758) — граф (1726), камергер (1725), обер-гофмаршал (1730). Был сначала обер-гофмаршалом двора

супруги царевича Алексея, затем камер-юнкером при Екатерине I. В 1742 г. сослан в Соликамск, а оттуда в Ярославль 88, 117—118, 169, 171—172, 188—190, 192—193, 195, 197, 199, 233, 238, 242, 246, 250, 253—254

Левенгаупт Карл-Эмиль (1691—1743) — шведский маршал (1740), отдан под суд за неудачное руководство войсками в войне против России 237, 244

Лекарос Мануэль де — курьер испанского посольства 91, 94

Леонтьев Владимир Алексеевич 491

Леонтьев Михаил Алексеевич (1785 — после 1833) — в 1801 г. поручик л.-гв. Семеновского полка. В 1802 г. переведен в армию 487

Леонтьев Михаил Иванович (1672—1752) — генерал-аншеф (1741), сенатор (1740). Киевский генерал-губернатор (с 1741 г.). В 1730 г. — генерал-майор. Впоследствии участвовал в походах Миниха и в суде над Бироном 83, 92, 103, 132

Леонтьев Николай Васильевич (ум. 1824) — сенатор, действительный тайный советник 495

Леонтьев Николай Михайлович (1717—1769) — генерал-аншеф. В 1758 г. при Цорндорфе попал в плен. В день коронавания Екатерины II уволен в отставку. Родственник Дашковых 367

Лессий — см. **Ласси**

Лесток Иван Иванович (Иоганн-Герман) (1692—1767) — граф (1744). Прибыл в Россию в 1713 г. в качестве лекаря. В 1720—1725 гг. в ссылке. При Екатерине I лейб-хирург. После переворота 1741 г. действительный тайный советник. В 1748 г. арестован и после пыток приговорен к смерти. В ссылке до 1762 г. 83, 214—215, 218—220, 222—223, 228, 232, 243—247, 252, 254—260, 369

Лефорт Иоганн — легационный советник курфюрста Саксонского и короля Польского Августа II, его посланник в России в 1721—1734 гг. 31, 46—48, 51, 54, 57—58, 99, 104, 106, 109

Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699) — адмирал (1695), известный сподвижник Петра I 82

Ливен Дарья (Доротей) Христофоровна, урожд. **Бенкендорф** (1785—1857) — графиня, жена Х. А. Ливена, статс-дама (1828). В 1800 г. — обер-гофмейстерина 450, 463, 466, 478, 486, 513—514, 518—519

Ливен Иван Романович (Иоганн-Христофор) — барон, при Екатерине II губернатор в Архангельске, при Павле I стал генералом от инфантерии. В 1762 г. генерал-лейтенант, командующий голштинским отрядом 317, 332—333

Ливен Карл Андреевич (1767—1844) — светл. князь, генерал от инфантерии (1827), министр народного просвещения (1828—1833), в 1801 г. генерал-лейтенант, шеф л.-гв. Преображенского полка. В 1801—1817 гг. в отставке. Член государственного совета (1826) 500—501

Ливен Христофор Андреевич (1774—1838) — светл. князь (1826),

генерал-адъютант (1798), посол в Берлине (1810—1812) и в Лондоне (1812—1834), член государственного совета (1834) 472, 500

Ливен Юрий (Георг-Рейнгольд) (1696—1763) — генерал-аншеф (1763), подполковник л.-гв. конного полка (1740—1763) и его командир до 1744 г. 147

Линар Мориц Карл фон — граф, тайный советник польско-саксонского двора, камергер, генерал-постмейстер. Польско-саксонский посланник в России в 1733—1736 и 1741 гг. Возлюбленный Анны Леопольдовны 251

Линденер Федор Иванович — генерал-майор, фаворит Павла I 433, 472
Липман 166

Лирия Фицджеральд Стюарт Якобо Франсиско де Верагуас и Бервик, барон Босворт де — герцог, испанский гранд I-го класса, фельдмаршал, камергер. Англичанин по происхождению. Испанский посланник в России (1727—1730), Вене (1731—1733) и Неаполе (1737—1738) 91, 94, 97, 101, 105, 107, 114, 117

Лопухин — капитан гвардии 183

Лопухин Степан Васильевич (ум. 1748 г.) — генерал-лейтенант, действительный камергер, член Адмиралтейств-коллегии, кригс-комиссар по морской части (1740), губернатор в Астрахани (1742). Сослан в Сибирь в 1742 г. 95, 233

Лопухина Наталья Федоровна, урожденная Балк (1699—1763) — статс-дама Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, с 1718 г. жена С. В. Лопухина. Известная красавица. В 1742—1762 гг. в ссылке в Сибири 117

Лопухины 40

Любомирская Елена — княжна 477

Любомирский Иосиф — князь 477

Людвиг Брауншвейгский (р. 1719) брат Антона-Ульриха 146, 243, 250
Людерс — придворный медик-хирург Петра III, голштинец 298—299, 305

Людовик XV (1710—1774) — король Франции с 1715 г. 163, 213, 217, 219, 221—223, 226, 231

Мазарини Джулио (1602—1661) — кардинал, фактический правитель Франции в 1643—1661 гг. 426

Макаров — кабинет-секретарь 27—28, 30, 58

Малотин Петр Федорович — генерал-лейтенант, командир л.-гв. Измайловского полка. Бывший гатчинец 449

Маньян — французский посланник в России в 1726—1733 гг. 95—96, 100, 108, 111—112, 114

Манштейн Кристоф-Генрих (1711—1757) — пруссак, в 1735—1744 гг. на русской службе. Полковник (1740). В 1741 г. удален из Петербурга, в 1743 г. отдан под суд, но оправдан, в 1744 г. тайно покинул Россию.

Генерал-майор прусской армии (1754), адъютант Фридриха II 39, 81, 148, 151—156, 159, 164, 172—174, 177, 187, 204, 243, 250—251

Мардефельд Густав фон — прусский тайный советник, камергер, посланник в России в 1717—1728 гг. 45, 47, 53, 55, 90, 95, 102—103

Марин Сергей Никифорович (1776—1813) — полковник л.-гв. Преображенского полка, флигель-адъютант (1807), в 1812 г. дежурный генерал при Багратионе. Поэт, сатирик. В 1801 г. — подпоручик 443—444, 450—451, 454, 491, 500, 511

Мария-(Анна) Павловна (1786—1859) — великая княжна, дочь Павла I, с 1804 г. жена наследного принца Саксен-Веймарского Карла-Фридриха, с 1828 г. великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская 438—439, 465—466, 478, 484

Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза), урожденная принцесса Вюртембергская (1759—1828) — вторая жена Павла I (с 1776 г.), российская императрица (с 1796 г.) 370, 433, 436—439, 444, 446—447, 450—454, 462—467, 472, 474—475, 477—480, 483—488, 497, 499, 504, 506, 511, 513—519, 523

Мария-Терезия (1717—1780) — правительница Австрии с 1740 г. 247, 354

Маслов Анисим — секретарь 132

Маслов — камер-лакей Петра III 292, 298—299, 306

Матвеев Иван — священник 395—396, 398

Матвеев Федор Андреевич (1706—1734) — граф 87

Матюшкин Михаил Афанасьевич (1676—1737) — генерал-аншеф (1727), один из первых «потешных» Петра I, изучал морское дело в Италии, командовал русскими войсками в Персидском походе после отъезда Петра, был членом суда над Меншиковым. В 1730 г. представил проект ограничения власти императрицы. С 1731 г. в отставке 106

Матюшкин — камер-юнкер 321

Мекленбургская герцогиня — см. Екатерина Иоанновна

Мекленбургский герцог — см. Карл-Леопольд

Мелиссино Петр Иванович (1726—1797) — генерал от артиллерии, начальник всей артиллерии в России (1790), директор артиллерийского и инженерного кадетского корпуса (1783—1797) 292

Мельгунов Алексей Петрович (1722—1788) — действительный тайный советник, генерал-губернатор Новороссийской губернии (1764), сенатор (1765), президент Камер-коллегии (1765—1777), директор шляхетского кадетского корпуса (1756—1761), ярославский генерал-губернатор (с 1777 г.) В 1762 г. генерал-поручик, адъютант Петра III 281, 315, 317, 321

Менгден — семейство 204—205

Менгден Анна-Аврора фон — баронесса, жена графа Лестока 158, 254

Менгден Карл-Людвиг — барон, президент Камер-коллегии, двою-

родный брат Юлианы Менгден. В 1742 г. лишен чинов и сослан в Нижнеколымск 160, 171, 233, 238, 242, 246, 250

Менгден Эрнест-Рейнгольд (ум. 1798) — граф (1774). В 1740 г. — камер-паж Анны Леопольдовны 201

Менгден Юлиана Магнусовна (1719—1786) — баронесса, I-я статс-фрейлина (1740), фаворитка Анны Леопольдовны. В 1741—1762 гг. в заключении и ссылке (в Риге, Дюнамянде, Раненбурге) 152, 159—160, 192—193, 202—203, 234, 236—238, 241, 246, 248, 259—260

Меншиков — адмирал 288

Меншиков Александр Александрович (1714—1764) — князь, обер-камергер, в ссылке с 1727 по 1731 г., генерал-аншеф 42, 44, 47, 52, 54, 59, 65, 67, 70—71, 73—76, 98

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — светл. князь (1707); генералиссимус (1727), президент военной коллегии (1718—1724 и 1726—1727), известный сподвижник Петра I 26—34, 39—71, 74—76, 81, 119—120, 239, 241

Меншикова Александра — см. Бирон А. А.

Меншикова Дарья Михайловна, урожденная Арсеньева (ум. 1728) — княгиня, жена А. Д. Меншикова с 1706 г. 44—45, 52, 54—58, 59, 64—65

Меншикова Мария Александровна (1712—1729) — дочь А. Д. Меншикова, невеста Петра II 40—42, 47—48, 52—54, 59, 61—62, 65, 68, 70—71, 119

Миллер — капитан 399

Милорадович Андрей Степанович (1726—1796) — полковник, малороссийский губернатор (с 1779), генерал-поручик Черниговского наместничества (с 1783 г.) 320

Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — граф (1813), генерал от инфантерии (1809), участник Итальянского и Швейцарского походов, русско-турецкой войны 1806—1812 гг., известный герой Отечественной войны. В 1818—1825 гг. военный губернатор С.-Петербурга 531—532

Милютин 104

Милютин — см. Малютин

Миних Бурхард Кристоф фон (1683—1767) — граф (1728 и 1741), генерал-фельдмаршал (1730). Родом из Ольденбурга, на русской службе с 1721 г., руководил строительством Ладожского канала, с 1728 г. — генерал-губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии, с 1730 г. президент военной коллегии. В 1734 г. взял Данциг, во время русско-турецкой войны 1735—1739 г. возглавлял походы в Крым и Бессарабию, взял Очаков и Хотин, в 1740 г. первый министр, с 1741 г. в отставке. В 1742—1762 гг. в ссылке. При Екатерине главноначальствующий над рядом балтийских портов и Ладожским каналом 34, 55, 57, 144—145, 150—161, 163—166, 168—175, 177—182, 187—188, 192, 194—195, 197, 199, 201, 203—205, 212, 217, 230, 232—233, 238—241, 246, 249—251,

258, 263—264, 284, 290—291, 301, 313, 316, 321, 333, 338—339, 360, 369—370

Миних Иоганн-Эрнст (1707—1788) — граф, с 1741 г. обер-гофмейстер Анны Леопольдовны, в 1743—1762 гг. в ссылке в Вологде, с 1774 г. президент коммерц-коллегии 158—159, 165, 174, 182, 234, 242, 246, 250, 369

Мирабель — фрейлина 321

Мировичи — дяди В. Я. Мировича 396

Мирович Василий Яковлевич (1740—1764) — подпоручик Смоленского полка 385—426

Миронов Абакум — капрал 407—408, 418

Михаил Павлович (1798—1849) — великий князь, сын Павла I, генерал-фельдцейхмейстер и шеф гвардейского артиллерийского батальона. С 1819 г. командир гвардейской бригады, дивизии, корпуса 480

Михайлов — капитан 498

Михайлов Кондратий — канцелярист 411, 413—416, 418, 420, 422

Мозавский — генерал 490

Мордвинов Дмитрий Михайлович (1772—1848) — действительный камергер, сенатор, в 1801 г. — капитан л.-гв. Семеновского полка 491

Морфей — бог сновидений в античной мифологии 368

Моунстей — лейб-медик 322

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886) — подполковник, декабрист, участник восстания Черниговского полка. В 1826—1856 гг. на каторге и поселении в Сибири. Автор воспоминаний 496, 498

Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826) — подполковник, декабрист, возглавил выступление Черниговского полка. Казнен 519—520

Мусин-Пушкин Платон Иванович — граф, в 1716—1720 гг. выполнял дипломатические поручения в Гессене, Дании и Франции, затем губернатор в Смоленске, Казани и Эстляндии, с 1736 г. президент коммерц-коллегии, сенатор (1739). Арестован по делу Волынского и сослан в Соловки. Возвращен при Елизавете 174

Муханов Сергей Ильич (1762—1842) — обер-штальмейстер и действительный тайный советник (1808), в 1796 г. полковник Конной гвардии, в 1798 г. статский советник 466, 499—500, 513—514, 518—519

Мухановы — 514

Наполеон Бонапарт (1769—1821) — император Франции в 1804—1814 и 1815 гг. 520, 522

Нарцисс — арап Петра III 305, 311, 347

Нарышкин Александр Александрович (1726—1795) — действительный тайный советник, обер-шенк, сенатор. В 1749 г. назначен камергером вел. кн. Петра Федоровича, в 1762 г. — обер-гофмаршал 321

Нарышкин Александр Львович (1694—1746) — действительный тайный советник (1740), сенатор. Двоюродный брат Петра I. Изучал морское дело за границей. Директор морской академии (1724), президент камер-коллегии и директор артиллерийской конторы (1725). В 1727 г. сослан Меншиковым. После падения Меншикова возвращен, но в 1729 г. снова выслан. Возвращен при Анне Иоанновне, назначен президентом коммерц-коллегии 41

Нарышкин Александр Львович (1760—1826) — обер-камергер (1801), канцлер всех российских орденов (с 1818 г.), директор императорских театров (1799—1819), почетный член Академии художеств. При Павле I — обер-гофмаршал 480, 489

Нарышкин Алексей Иванович — по-видимому имеется в виду **Александр Иванович** (1735—1782) — тайный советник, камергер Петра III 321

Нарышкин Лев Александрович (1733—1799) — фаворит Петра III, в 1762 г. — шталмейстер. В ходе переворота арестован, но затем произведен Екатериной в обер-шталмейстеры 315, 317, 321, 347

Нарышкин Семен Кириллович (1710—1775) — генерал-аншеф, действительный камергер (1741), обер-егермейстер (1757). Учился за границей, был посланником в Англии (1742), гофмаршалом при Петре Федоровиче (1742—1756) 240, 321

Нарышкина Мария (Марина) Осиповна, урожденная Закревская (1741—1800) — фрейлина (1755), статс-дама (1797), жена Л. А. Нарышкина 321

Нарышкина Мария Павловна, урожденная Балк-Полевая (1723—1793) — статс-дама (1744), жена С. К. Нарышкина 289, 321

Нарышкины — 316

Наталья Алексеевна (1714—1728) — великая княжна, сестра Петра II 42—43, 46—50, 52—53

Нейбуш — майор 104

Неккер Жак (1732—1804) — французский министр финансов (1777—1781, 1788—1790), отец писательницы Жермены де Сталь 426

Нелединская 482

Нелидова Екатерина Ивановна (1758—1839) — с 1777 г. фрейлина вел. кн. Марии Федоровны, супруги Павла Петровича, с 1796 г. — камер-фрейлина. Фаворитка Павла I до 1798 г. 370

Николай I (1796—1855) — российский император с 1825 г. 480, 510, 519, 528—532

Нолькен Эрик Матиас (1694—1755) — барон, член государственного совета Швеции, государственный секретарь (1744), канцлер (1747). Шведский посол в Пруссии (1727—1728) и России (1738—1741) 213—218, 220, 223, 256

Нумерс — комендант Кронштадта 288, 341—342

Оболянинов Петр Хрисанфович (1753—1841) — генерал от инфантерии, генерал-прокурор Сената в 1800—1801 гг., в 1818—1827 гг. московский губернский предводитель дворянства. Сделал карьеру в гатчинских войсках, добившись большого расположения со стороны Павла Петровича 459, 503, 520

Оболяниновы — П. Х. Оболянинов и его жена Анна Александровна Оболянинова, урожденная Ермолаева, в первом браке Ордын-Нащокина (1754—1822) 500

Одар Михаил (ум. 1773) — прибыл в Россию из Пьемонта при Елизавете. Участник заговора против Петра III, затем библиотекарь в кабинете Екатерины II. Оставил Россию в 1764 г. 277, 348—349

Озеров — поручик 292

Олсуфьев Адам Васильевич (1721—1784) — действительный тайный советник, сенатор (1763), статс-секретарь Екатерины II, председатель театрального комитета, литератор 319, 321

Олсуфьев — полковник 317, 344

Орлов — капитан 176—177

Орлов 434

Орлов (Чесменский) Алексей Григорьевич (1735—1807) — граф (1762), генерал-аншеф, один из главных участников переворота 1762 г. Командовал русским флотом в Чесменском сражении 1770 г. В 1775 г. доставил в Петербург авантюристку Тараканову. В 1806—1807 гг. снарядил отряды ополчения, которыми и командовал 279, 298, 305—308, 311, 318, 337, 339, 343, 356—357, 361, 370, 395, 397—398, 425

Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783) — князь, генерал-адъютант, генерал-аншеф, генерал-фельдцейхмейстер (1765), основатель Вольного экономического общества. Фаворит Екатерины II и активный участник переворота 1762 г. 278—280, 307—308, 319, 337, 342, 355—356, 362—363, 366, 368, 425

Орлов Федор Григорьевич (1741—1796) — граф (1762), после переворота 1762 г. обер-прокурор Сената. Участник Чесменского сражения. С 1775 г. в отставке 357

Орловы — братья 277, 307, 310, 312, 337, 345—346, 352, 355—356, 369—370, 425, 452

Осипов Николай — капрал 407—408, 416

Остейн Генрих Карл фон — граф, австрийский тайный советник, камергер, президент государственного совета (с 1741 г.). Посол в России (1734—1739) и Англии (1740) 191

Остен-Сакен Карл Иванович (1733—1808) — граф (1797), действительный тайный советник (1797). В 1761 г. переводчик в коллегии иностранных дел. Посланник в Дании в 1773—1783 гг. В 1784—1797 гг. воспитатель вел. кн. Константина Павловича 307

Остерман Андрей Иванович (Генрих-Иоанн-Фридрих) (1686—1747) — граф (1730), уроженец Вестфалии, с 1704 г. на русской службе.

Секретарь посольского приказа (1710), заключил Ништадский мир с Швецией в 1721 г., вице-президент коллегии иностранных дел (1723). С 1725 г. вице-канцлер и действительный тайный советник, воспитатель Петра II. Член Верховного Тайного Совета с 1726 г. В 1731 г.—второй, в 1734 г.—первый кабинет-министр, сенатор. Генерал-адмирал и управляющий морским ведомством (1740). В 1741 г. арестован, приговорен к смерти, затем сослан в Березов 39, 44—47, 49, 51—53, 55—56, 61—63, 68, 83, 88, 90, 93—96, 98, 100—103, 106, 112, 114, 118—120, 131—132, 144—145, 147, 156, 163, 165, 178—182, 186, 188—193, 195—197, 200, 212, 222, 225, 230, 233—234, 237—239, 242—244, 246—247, 249—253, 258

Остерман Иоганн-Христоф-Дитрих (Иван Иванович) (ум. 1744) — барон (1721). Брат А. И. Остермана, прибыл в Россию до 1703 г. Воспитатель детей царя Иоанна Алексеевича. Мекленбург — шверинский посланник в России в 1716—1717 гг. Тайный советник. Выслан из России в начале 1742 г. 190

Остерман Марфа Ивановна, урожденная Стрешнева (1698—1781) — графиня, статс-дама (1730), жена А. И. Остермана с 1721 г. 117, 212
Отсолиг 531

Павел св.— апостол 295, 310

Павел I (1754—1801) — российский император с 1796 г. 271—272, 281, 284, 287, 293, 295, 308, 310, 312, 337—338, 340, 351—353, 358, 364, 370, 386, 392—393, 431—447, 449—492, 494—500, 502—506, 508—523

Пален Петр Алексеевич фон дер (1745—1826) — граф (1799), генерал от кавалерии (1798), участник турецких войн и польских походов, отличился при штурме Очакова. В 1795 г. курляндский генерал-губернатор, затем командир л.-гв. Конного полка и инспектор кавалерии. С 1798 г. петербургский военный губернатор. В апреле 1801 г. уволен и сослан в курляндские имения 432—450, 454, 456, 458—463, 465, 467—469, 471—480, 485, 487—489, 508, 510, 512, 515—518, 521, 523

Пален Юлиана Ивановна фон дер, урожденная баронесса Шепшинг (1751—1814) статс-дама, с 1799 г. гофмейстерина двора вел. кн. Александра. Жена П. А. Палена 485

Панин Никита Иванович (1718—1783) — граф (1767), посол в Дании и Швеции в 1747—1760 гг. С 1760 г. воспитатель вел. кн. Павла Петровича и обер-гофмейстер, действительный тайный советник (1761). С 1763 г. возглавлял коллегию иностранных дел 281, 299, 301—303, 308, 337—338, 349, 351—356, 358, 368, 380, 384—386, 421, 452

Панин Никита Петрович (1770—1837) — граф, действительный тайный советник (1800), вице-канцлер (1799). В ноябре 1800 г. уволен и в декабре сослан в Московскую губернию. При Александре возвращен на прежний пост, но уже в сентябре 1801 г. снова уволен 432, 441, 445, 455—456, 468—469

Панин Петр Иванович (1721—1789) — граф (1767), генерал-аншеф, сенатор (1762). Участвовал в войнах против турок, шведов и пруссаков. Отличился при Кунерсдорфе, был русским генерал-губернатором Кенигсберга, в 1770 г. взял Бендеры. В 1770-1774 гг. в отставке. В 1774 назначен командующим войсками против Пугачева. С 1775 г. в отставке 424—425

Панов Николай Алексеевич (1803—1850) — декабрист, член Северного общества, в 1825 г. поручик л.-гв. Гренадерского полка. Приговорен к вечной каторге, с 1839 г. на поселении 531

Парский — каптенармус 262—263

Пассек Петр Богданович (1736—1804) — сенатор, генерал-аншеф, действительный камергер (1762). Один из руководителей заговора 1762 г. Впоследствии генерал-губернатор Могилева и Полоцка. При Павле I в опале 277—278, 308, 312, 337, 340—341, 346—348, 352—356, 361

Патючкин — вахмистр 306

Паульсен Христофор Михайлович (1693—1780 или 1781) — надворный советник, гоф-хирург русского двора со времени Петра I 299

Пейкер Александр Эммануилович (1776—1834) — в 1801 г. капитан л.-гв. Семеновского полка 478

Перекрестов — гренادر, с 1814 г. камер-лакей 478, 496—497

Перфильев Степан Васильевич (1734—1793) — генерал-майор (1773). Флигель-адъютант Петра III. В 1773—1774 гг. Петербургский губернатор. С 1774 г. в отставке 279

Петр св. — апостол 295, 310

Петр I (1672—1725) — русский царь (1682), император (1721) 25—34, 39—41, 44—46, 62, 66, 68—69, 76, 82, 86, 91, 100, 102, 119, 193, 200—201, 213, 215—216, 218, 222—223, 225, 233—234, 237, 240—241, 251—252, 256, 258, 262, 273, 301—302, 315, 358—359, 455, 493

Петр II (1715—1730) — российский император с 1727 г. 25—27, 29, 33—34, 39—64, 66, 68, 73, 81—83, 86, 88—96, 98, 101, 103, 105, 111, 114—115, 118—120, 126—127, 131, 133, 225, 255, 262,

Петр III (1728—1762) — принц Голштинский, вел. кн. Петр Федорович (с 1742 г.), российский император с 1761 г. 92, 98, 149, 151, 168, 187—188, 202—205, 215, 222, 253, 256, 261, 263, 269—281, 283—311, 313—329, 331—349, 351—355, 357, 359—361, 363—365, 367, 369—370, 394—395, 402, 426, 430, 471—472, 479

Петр принц — см. **Бирон Петр**

Пехлин Иоганн — барон, голштинский канцлер, в 1730—1748 гг. посол в Швеции 256

Писарев — см. **Скорняков-Писарев**

Писклов Яков — солдат 406—408, 419

Плещеев Иван Никифорович (1676—1750) — тайный советник (1728), герольдмейстер при Сенате (1722). Президент Доимочной канцелярии при Верховном Тайном Совете (1727). В ноябре 1727 г. опи-

сывал имущество А. Д. Меншикова и вел следствие по его делу. С 1731 г. в отставке 59—60

Позье Еремей (Иеремия) Петрович (1716—1779) — ювелир, родом из Швейцарии. С 1729 г. в России. Петр III назначил его придворным ювелиром и бригадиром. В 1764 г. вернулся в Женеву 322, 326, 328, 330

Полторацкий Константин Маркович (1782—1858) — генерал-лейтенант (1834). В 1801 г. поручик и полковой адъютант л.-гв. Семёновского полка. Впоследствии губернатор Ярославля (1830) 443, 477—478, 491, 498

Полянский Александр Иванович (1721—1818) — полковник (1765), статский советник, депутат комиссии по составлению нового Уложения (1767) 365—366

Помпадур маркиза де (1721—1764) — фаворитка французского короля Людовика XV 321

Понятовский Станислав-Август (1732—1798) — последний польский король (1764—1795). В 1757—1762 гг. посланник польско-саксонского двора в России. Фаворит вел. кн. Екатерины Алексеевны, будущей императрицы Екатерины II 307

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — светл. князь (1783), генерал-фельдмаршал (1784), президент военной коллегии (1784). Фаворит Екатерины II. В 1761 г. вахмистр Конной гвардии. За участие в перевороте пожалован в подпоручики и камер-юнкеры 313

Прасковья Ивановна (1694—1731) — царица, дочь Иоанна Алексеевича. С 1723 г. в мorganатическом браке с И. И. Дмитриевым-Мамоновым 95, 119, 127

Протопопов Александр — прапорщик 183, 186

Путилов — пельымский воевода 264

Пушкин Михаил Алексеевич (1740-е — 1790-е) — в 1761 г. подпоручик л.-гв. Преображенского полка. В 1763 г. коллежский советник, прокурор коммерц-коллегии, в 1765—1772 гг. член мануфактур-коллегии и опекун Московского воспитательного дома. В 1772 г. приговорен Сенатом к смерти за подделку ассигнаций, но по воле императрицы сослан в Сибирь 358

Разумовская Екатерина Ивановна, урожденная Нарышкина (1729—1771) — графиня, троюродная сестра Елизаветы, с 1746 г. жена К. Г. Разумовского, статс-дама (1746) 289, 321

Разумовский Алексей Григорьевич (1709—1771) — граф (1744), генерал-фельдмаршал (1756). В 1731 г. был взят певчим в украинскую капеллу при императорском дворе. После переворота 1741 г. камергер и генерал-поручик. Фаворит Елизаветы Алексеевны, по некоторым сведениям, ее муж с 1742 г. 252, 315

Разумовский Кирилл Григорьевич (1724—1803) — граф (1744), генерал-фельдмаршал (1764), президент Академии наук (1746—1765). Сенатор, генерал-адъютант (1762). Последний украинский гетман (1750—1764). Член Государственного совета в 1768—1771 гг. 252, 279—280, 287, 289, 292, 299—301, 308—310, 315, 321—322, 337—338, 349—350, 353, 367—368

Рейстер — флигель-адъютант 317, 344

Рекети 530

Репнин Аникита Иванович (1668—1726) — князь, генерал-фельдмаршал (1725), президент военной коллегии (1724). Стольник Петра I (с 1683 г.), поручик роты потешных. Участвовал в Азовских походах, штурме Шлиссельбурга и Ниеншанца, битвах при Лесной, Полтаве и в Прутском походе. Генерал-губернатор Лифляндии (1710). Сыграл важную роль в переходе престола к Екатерине I после смерти Петра I 29

Репнин Николай Васильевич (1734—1801) — князь, внук А. И. Репнина, генерал-фельдмаршал (1796). Посол в Берлине (1761—1763) и полномочный министр в Польше (1763—1769). Отличился в сражениях при Ларге и Кагуле, одержал победы под Бухарестом, на Салче и при Мачине. Посол в Константинополе (1774), Смоленский и Орловский генерал-губернатор (1776). Генерал-губернатор виленский и гродненский (1794), а также эстляндский и курляндский (1792). С 1798 г. в отставке 351—352

Репнина Наталья Александровна, урожденная княжна Куракина (1737—1798) — княгиня, статс-дама (1794), жена с 1754 г. Н. В. Репнина 351

Рибас де — см. Дерибас

Римский-Корсаков Александр Васильевич (1729—1781) — генерал-поручик. В 1764 г. — полковник, командир Смоленского пехотного полка 400, 406, 408, 418

Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753—1840) — генерал от инфантерии. Участвовал в войнах против турок, поляков, французов, в персидском походе 1796 г. В 1799 г. в Швейцарии потерпел тяжелое поражение от французов. Военный губернатор Вильно (1806—1808, 1812—1830), член государственного совета (с 1830 г.) 499

Роджерсон Джон Сэмьюэл (Иван Самойлович) (1741—1823) — тайный советник (1797). Родом из Шотландии, с 1769 по 1816 г. в России в качестве придворного медика 466

Романов 253

Ромодановский Иван Федорович (ок. 1678—1730) — князь, ближний стольник Петра I, князь-кесарь. При Екатерине I — действительный тайный советник. Московский генерал-губернатор (1727—1729), сенатор (1730) 55

Рославлев Николай Иванович (1724—1785) — генерал-поручик. В

1762 г. — премьер-майор л.-гв. Измайловского полка, активный сторонник Екатерины. За участие в заговоре Хитрово против Орловых сослан. В 1765 г. возвращен из ссылки и уволен 278, 356

Рославлевы — братья, офицеры л.-гв. Измайловского полка, об одном из которых см. подробно выше 348, 350, 352, 356

Ростопчин Федор Васильевич (1765—1826) — граф (1799), генерал-адъютант Павла I, первоприсутствующий в коллегии иностранных дел, доверенное лицо императора. В 1801—1810 гг. в отставке, затем обер-камергер (1810), генерал от инфантерии (1812), главнокомандующий Москвы (1812—1814) 370

Румор — голштинский тайный советник 321

Румянцев Николай Петрович (1754—1826) — граф, сенатор (1797), министр коммерции (1802—1814), министр иностранных дел и канцлер (1807—1814), председатель государственного совета (1810). Основатель Румянцевского музея 487

Румянцев (Румянцев-Задунайский) Петр Александрович (1725—1796) — граф, генерал-фельдмаршал (1770). С 1764 г. генерал-губернатор Малороссии. Одержал победы при Ларге и Калуге. Пользовался расположением Петра III и при воцарении Екатерины II подал в отставку, которую у него не приняли 276

Рутковский — камердинер вел. кн. Константина Павловича 502—504

Рыкачев Петр Степанович — офицер л.-гв. Преображенского полка 449

Саблуков Николай Александрович (1776—1848) — генерал-майор (1801). В марте 1801 г. полковник Конной гвардии и командир лейб-эскадрона. С сентября 1801 г. в отставке. Участвовал волонтером в войне 1812 года 499, 508

Салтыков Василий Федорович (ум. 1755) — граф, генерал-аншеф. При Анне Иоанновне сенатор, генерал-полицеймейстер в Петербурге, генерал-адъютант 230—231, 241, 248, 252

Салтыков Василий Федорович (1672—1730) — граф, родной брат царицы Прасковьи Федоровны и дядя Анны Иоанновны. Действительный тайный советник, московский генерал-губернатор (1730) 85—86, 107—109, 112

Салтыков Семен Андреевич (1672—1742) — граф, генерал-аншеф (1730), обер-гофмейстер, генерал-адъютант (1730). В 1727 г. участвовал в аресте А. Д. Меншикова, за что переведен из майоров в подполковники л.-гв. Преображенского полка. Сыграл важную роль при восшествии на престол Анны Иоанновны. Впоследствии заведовал Московской дворцовой канцелярией и был с 1732 г. московским главнокомандующим. 44, 49—50, 52—54, 175

Салтыкова Мария Алексеевна, урожденная княжна Голицына (1701—1752) — графиня, вторая жена В. Ф. Салтыкова 230

Салтыкова Прасковья Юрьевна, урожденная княжна Трубецкая — графиня, статс-дама (1730). Сыграла важную роль при восшествии Анны Иоанновны на престол. Жена фельдмаршала П. С. Салтыкова. 117

Санхец Рибейро Антоний (1699—1783) — действительный статский советник (1747). В 1731—1747 г. в России в качестве врача. С 1737 г. главный врач при сухопутном шляхетском корпусе. С 1740 г. гофмедик 192

Сарасухин Иван — солдат 413

Сафонов 454

Свалло — английский консул 322

Сверчков 238

Сенека Луций Анней (6 г. до н. э.— 65 г. н. э.) — древнеримский философ-стоик 271

Серафим (С. В. Глаголевский) (1763—1843) — митрополит с.-петербургский с 1821 г. 532

Сиверс Давид Райнгольд (1732—1814) — голштинец, в 1762 г. полковник, флигель-адъютант Петра III 331

Ситман Иван Иванович — в 1801 г. — полковник л.-гв. Семеновского полка 491

Скарятин Яков Федорович (1780—1849) — штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка (с октября 1800 г.) 443, 473, 476, 512

Скеллерт — гвардейский офицер 436

Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич (ум. после 1745 г.) — обер-прокурор Сената в 1718—1723 гг. Получил образование за границей, заведовал цифирными школами и был директором морской академии (1719). В 1717 г. вел следствие по делу царицы Евдокии Федоровны, участвовал также в суде над царевичем Алексеем. За участие в заговоре против Меншикова сослан в Сибирь и был начальником Охотского порта с 1731 по 1740 г. Возвращен в 1741 г. Автор сочинения по механике 41

Сновидов Иван — сержант л.-гв. Измайловского полка 261, 263

Соковнин Никита Федорович (ум. 1770) — генерал-аншеф, командир л.-гв. Семеновского полка в 1750—1755 гг. В 1740 г. арестован, подвергнут пыткам. В 1741 г. — секунд-майор гвардии 205

Соловой — князь 321

Соловьев 385

Софья — служанка Бирона 184

Степанов Василий 61, 131

Степанов Илья — слуга Бирона 184

Стрелков Степан — гантлангер (то есть, подносчик снарядов) 414

Стрешневы братья: **Николай Иванович** (1706—1745) — генерал-майор, **Василий Иванович** (1707—1782) — тайный советник, камергер,

Петр Иванович (1711—1771) — генерал-аншеф (в 1740 г. — генерал-майор) 233

Строганов Александр Сергеевич (1733—1811) — граф (1760), обер-камергер, сенатор. При Павле I — президент Академии художеств и директор публичной библиотеки. С 1784 г. Петербургский губернский предводитель дворянства. Член Государственного совета с 1810 г. 272, 349

Строганова Анна Михайловна, урожденная графиня Воронцова, (1743—1769) — графиня, жена А. С. Строганова 289, 321

Суворов Александр Васильевич (1729—1800) — граф Рымникский (1789), князь Итальянский, генералиссимус (1799) 349, 488, 499

Суворов Василий Иванович (1705—1776) — генерал-аншеф (1763), сенатор. Во время Семилетней войны генерал-губернатор Пруссии 305, 319—320, 334—335

Сумароков Петр Спиридонович (1709—1780) — действительный тайный советник, сенатор (1761), обер-штальмейстер (1752). В 1730 г. камер-паж. С 1764 г. в отставке 84—85, 102

Талызин Александр Федорович (1734—1787) — тайный советник (1779), сенатор. В 1762 г. — подпоручик в л.-гв. Семеновском полку 358

Талызин Иван Лукьянович (1700—1777) — вице-адмирал (1757), член адмиралтейств-коллегии (с 1748 г.). Участвовал в суде над Мировичем 287—288, 303—304, 309, 313, 316, 339, 341—342, 360

Талызин Петр Александрович (1767—1801) — генерал-лейтенант. В 1801 г. командовал л.-гв. Преображенским полком. 434, 442, 445, 450, 452, 454, 459, 461, 478—479, 523

де Тарант Луиза Эммануиловна принцесса де ла-Тремюль — герцогиня, статс-дама французского двора, приближенная Марии-Антуанетты. В начале революции эмигрировала в Россию. С 1797 г. статс-дама при русском дворе 482

Татаринов Алексей — полковник артиллерии. Исключен со службы в мае 1800 г., снова принят 17 марта 1801 г. 434, 436, 443, 451—452, 454, 461, 473, 476

Татаринов 434

Телешев Иван Яковлевич — курский вице-губернатор (1837), председатель курской казенной палаты (1838—1861). В 1825 г. чиновник министерства финансов 527

Темирязов (Тимирязов) Иван Назарьевич — действительный статский советник 242

Теплов Григорий Николаевич (1717—1779) — тайный советник (1767), сенатор (1768). Воспитанник Ф. Прокоповича. В качестве адъюнкта Академии наук занимался образованием К. Г. Разумовского и впоследствии оставался близким к нему лицом. При Петре III арестован, допрошен и уволен, хотя и оправдан. Участвовал в заго-

воре против императора, составлял первый манифест Екатерины. Личный секретарь Екатерины, выполнявший особо деликатные ее поручения. 299, 353, 359

Тиран Франц Иванович — адъютант П. Палена 523

Толстой Петр Андреевич (1645—1729) — граф (1724), сенатор (1714), посол в Константинополе (1702—1714). В 1717 г. добился возвращения царевича Алексея в Россию, а в 1718 г. возглавлял следствие по его делу. Президент коммерц-коллегии (1717—1721), возглавлял тайную канцелярию в 1718—1726 гг. Член Верховного Тайного Совета (1726). В 1727 г. из-за попыток противодействовать Меншикову арестован и сослан в Соловки 41, 119

Толстой 434

Тормасов Александр Петрович (1752—1819) — граф (1816), генерал от кавалерии (1801), член Государственного совета (1812). Главнокомандующий в Грузии (1808—1811). В 1812 г. командовал 3-й Западной армией. С 1814 г. генерал-губернатор Москвы. В начале 1801 г. генерал-лейтенант, командир л.-гв. Конного полка 506—509

Торопчин Михаил — рейтар л.-гв. Конного полка 395, 397—398

Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1754—1829) — тайный советник. Сначала секретарь у Н. В. Репнина (1773), затем докладчик у Екатерины и статс-секретарь (1793). При Павле I — сенатор. С 1801 г. главный директор почт. Министр уделов (1802—1806). В 1806—1814 гг. в отставке, предводитель дворянства Полтавской губернии. Министр юстиции (1814—1817). Член Государственного совета 434—435, 444

Трубецкая Анна Даниловна, урожденная княжна Друцкая (1710-е — 1770-е) — княгиня, жена Н. Ю. Трубецкого с 1735 г. В первом браке Хераскова, мать известного литератора 321

Трубецкой Иван Юрьевич (1667—1750) — князь, генерал-фельдмаршал (1728), сенатор (1731). Новгородский наместник (1698). В 1700—1718 гг. в шведском плену. Генерал-губернатор в Киеве, член военной коллегии (1722). Противник верховников. С 1739 г. в отставке 86, 109, 197, 201

Трубецкой Никита Юрьевич (1699—1763) — князь, генерал-фельдмаршал (1756), сенатор (1760). В 1715—1717 гг. обучался за границей, затем на придворной и военной службе. В 1730 г. на стороне Анны Иоанновны. Сибирский губернатор (1740), генерал-прокурор Сената (1740—1760). Президент военной коллегии (1760). Член особого собрания при Петре III. С 1763 г. в отставке 149, 157, 195, 197—199, 201, 235, 285—286, 309—311, 314, 321, 338—340

Турчанинов Александр — камер-лакей 261—263

Тьер Адольф (1797—1877) — французский государственный деятель и историк 442

Тюмлер — обер-камердинер Петра III 291—292, 305

Уваров Федор Петрович (1769—1824) — граф, генерал от кавалерии (1813), генерал-адъютант (1798). Участвовал в войнах с французами и турками, был в Аустерлицком и Бородинском сражениях. С 1821 г. командир гвардейского корпуса, с 1823 г.— член Государственного совета. В 1801 г. генерал-лейтенант, шеф кавалергардского корпуса. 11-го марта был дежурным генерал-адъютантом 434—435, 444, 452—454, 460, 473, 477, 504, 505, 508

Уитворд (Витворт) Чарльз — английский граф, посланник в Польше (1786—1788), России (1788—1800), Франции (1802—1803) 517

Ульянов Конон — солдат 416

Унгебауер — гофмедик 321

Усов Александр Николаевич — штабс-капитан л.-гв. Семеновского полка, в 1801 г.— подпоручик, либо **Петр Николаевич** (ум. 1806) — поручик, в 1801 г. — подпоручик того же полка 491, 493

Ушаков Андрей Иванович (1672—1747) — граф (1744), генерал-аншеф (1730), сенатор (1724 и 1730). Адъютант Петра I, его тайный фискал (1712). В 1727 г. арестован по делу Девьера. Подполковник и командир л.-гв. Семеновского полка в 1730—1734 гг. С 1731 г. начальник канцелярии тайных розыскных дел. При Елизавете — генерал-адъютант 41, 147, 149, 157, 177, 195, 197, 201—202, 216, 262

Ушаков Апполон (ум. 1764) — поручик Великолуцкого пехотного полка 385—386, 388—394, 396, 398—401, 422—423

Ушаков Василий — поручик 398

Ушаков Николай Васильевич — в 1801 г. ротмистр л.-гв. Конного полка, с 1802 г. уволен 501, 507—508

Ушаков Федор Иванович — генерал-аншеф, в 1762 г. подполковник л.-гв. Преображенского полка 277—278

Ушаковы — 510

Фаминицын Егор (Юрий) Иванович (ум. 1731 г.) — генерал-майор, участник Северной войны. С 1726 г. обер-комендант Санкт-петербургской крепости, участвовал в следственной комиссии по делу Девьера 58

Феофан Прокопович (1681—1736) — ректор Киево-Могилянской академии (1711), епископ Псковский (1718), архиепископ Новгородский (1725), вице-президент Синода (1721). Просветитель, историк, писатель 27, 30, 90, 118, 128, 189—190

Фермойлен — подполковник 281

Фигаро — персонаж комедий П. Бомарше 515

Филатьев Александр Иванович — полковник (1804) либо **Владимир Иванович** — полковник (1807). В 1801 г. оба — корнеты л.-гв. Конного полка 509

Финч (Финк) Эдуард — член Кембриджской академии, британский

посол в Польше (1725—1727), Швеции (1728—1739), России (1740—1742) 165—166, 175, 177, 180, 238, 254

Фишер Иоганн-Бернгард (1685—1772) — лейб-медик с 1735 г. В 1736 г. ему поручена вся медицинская часть в империи. Оставил службу в 1742 г. 192

Флеминг Якоб Герман (1667—1728) — граф, сначала адъютант саксонского курфюрста Августа II, затем его первый министр (1712) и генерал-фельдмаршал 31

Фонвизин Михаил Александрович (1788—1854) — генерал-майор (1820). С 1801 г. в гвардии, участвовал в войнах с Швецией и Францией. Член декабристских организаций. С 1822 г. в отставке. В 1826—1853 гг. на каторге и поселении. Автор воспоминаний и ряда статей 439

Фрейгольд Александр Яковлевич 521

Фридрих II (1712—1786) — король Пруссии с 1740 г. 275—276, 292, 336, 351—352, 354

Фридрих-Вильгельм I (1688—1740) — король Пруссии с 1713 г. 45, 47, 53, 55, 90, 94, 102—103

Фульферат 175—176

Хитрово — подполковник 510

Хитрово Федор Алексеевич — секунд-ротмистр л.-гв. Конного полка, участник переворота 1762 г. За интриги против Г. Орлова сослан в 1764 г. 313, 352

Хлопов — рейтар 397—398

Хомяков Емельян — солдат 416—417

Хрипунов — секретарь канцелярии 88

Цезарь Гай Юлий (100—44 гг. до н. э.) — древнеримский полководец, политический деятель и писатель 476

Чекин Лука Федорович — поручик. С 1747 г. в отставке «за глухоту». С 1756 г. снова на службе в карауле у Иоанна Антоновича. После «дела Мировича» отставлен с вознаграждением 377—384, 390, 405, 410—412, 415—417, 419, 421

Черкасов Александр Иванович (1728—1788) — барон, действительный тайный советник (1775). В 1747—1761 гг. служил в гвардии, в 1761 г. вышел в отставку. При Екатерине II пожалован в действительные камергеры и президенты медицинской коллегии (1763—1775). С 1775 г. в отставке 346

Черкасова Екатерина Ивановна (Елизавета-Гедвига), урожденная

Бирон (1727—1797) — баронесса, с 1759 г. жена А. И. Черкасова, 164, 174, 176, 346—347

Черкасская Мария Юрьевна, урожденная княжна Трубецкая (1696—1747) — княгиня, статс-дама, с 1710 г. жена А. М. Черкасского, сыграла существенную роль в восстановлении самодержавия Анны Иоанновны 108, 110, 117

Черкасский Алексей Михайлович (1680—1742) — князь, великий канцлер (1740), сенатор (1726). С 1702 г. помощник тобольского воеводы. Обер-комиссар Петербурга (1715—1719), губернатор Сибири (1719—1724). В 1730 г. возглавил движение дворян против Верховного Тайного Совета. При Анне Иоанновне — кабинет-министр 86, 106, 108, 110—111, 113, 125, 144—145, 147—148, 156, 165, 178—179, 186, 189, 192, 195, 197, 199, 201, 212, 235

Черногоротская — см. Шаргородская

Чернышев Григорий Петрович (1672—1745) — граф (1742), генерал-аншеф (1730), сенатор (1730), Московский генерал-губернатор (1731—1732) 110, 197, 201

Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784) — граф, генерал-фельдмаршал (1773). С 1744 г. камер-юнкер у вел. кн. Петра Федоровича. Во время Семилетней войны взял Берлин, отличился в сражении у Цорндорфа. С 1763 г. вице-президент, а с 1773—1784 гг. президент военной коллегии. Главнокомандующий Москвы в 1782—1784 гг. 275

Чернышева Авдотья (Евдокия) Ивановна, урожденная Ржевская (1693—1747) — графиня, с 1710 г. жена Г. П. Чернышева. Статс-дама (1730), пользовалась большим расположением Анны Иоанновны 117

Чертков Евграф Александрович (ум. 1797) — действительный тайный советник (1795), камергер (1777). В 1762 г. поручик л.-гв. Преображенского полка, участник заговора в пользу Екатерины 306, 356

Чефарицев (Чефаридзев) Семен — князь, подпоручик Смоленского пехотного полка 401—405

Чичерин — майор 177

Чичерин 434, 487

Шаргородская Екатерина Ивановна — камер-юнгфера Екатерины II 279—280, 314, 342

Шаховской 58

Шаховской Яков Петрович (1705—1777) — князь, действительный тайный советник (1760). Сенатор (1740). При Елизавете лишен сенаторского звания, но назначен обер-прокурором Синода (1742—1753). Генерал-кригс-комиссар (1753—1760), конференц-министр (1760). С 1762 г. сенатор. С 1766 г. в отставке. В 1740 г. управлял петербургской полицией 160, 228

Швановиц (Шванович, Шванвиц, Шванвич) Александр Михайлович — сын ректора немецкого класса академической гимназии Мартина Шванвица из Торна. Переведен в лейб-компанию в 1748 г. из кондукторов инженерного корпуса. При Екатерине был заключен в Шлиссельбург и в Петропавловскую крепость. Его сын стал помощником Пугачева 299

Шварц Христофор-Яков (ум. 1756) — саксонец, учитель музыки Елизаветы Алексеевны, активный участник заговора 1741 г. — шпионил за Анной Леопольдовной и Антоном-Ульрихом. После переворота стал армейским полковником и получил землю в Лифляндии 257

Шевалье — актриса, любовница Кутайсова, французская шпионка 515

Шелудяков — купец 401—402, 405

Шереметев Петр Борисович (1713—1788) — граф, генерал-аншеф, генерал-адъютант. При Петре III обер-камергер, при Екатерине II — сенатор 325—326

Шереметева — см. Долгорукая Наталья

Штарди Иоахим-Жак Тротти де ла (1705—1758) — маркиз, генерал-лейтенант (1749). Французский посол в Берлине (1731—1739), Петербурге (1739—1742, 1743—1744), Турине (1749—1752) 156—157, 163, 181, 203, 212, 214, 217—220, 225—228, 231, 237, 243, 245, 247, 250—254, 256—257, 259, 262

Шиллинг — адъютант Георга-Людвига 283

Шильд — голштинский генерал 288, 317

Шкот Джон — барон, англичанин на русской службе, подпоручик 178—179

Шкурин Василий Григорьевич (ум. 1782) — тайный советник, член Вольного Экономического общества (1774), действительный камергер (1773). В конце 40-х гг. — помощник камердинера вел. кн. Екатерины Алексеевны, с 1751 г. ее камердинер, с 1762 г. — обер-камердинер. Сразу после переворота назначен бригадиром и гардеробмейстером императрицы 278—280, 314, 342, 356

Шкурина — жена В. Г. Шкурина 356

Шмит — доктор 176

Штейнбок — граф, депутат эстляндского дворянства 321

Штелин Яков Яковлевич (1709—1785) — родом из Швабии, в 1735 г. приглашен адъюнктом в Петербургскую академию наук. В 1738 профессор и член академии. В 1742—1745 гг. наставник вел. кн. Петра Федоровича. С 1753 по 1762 г. заведовал библиотекой и кабинетом Петра III. Статский советник (1763), конференц-секретарь академии (1765—1769), член Вольного Экономического общества (1766). Автор записок и «Анекдотов о Петре Великом» 314, 316, 321

Штоф — полковой штаб-лекарь в л.-гв. Семеновском полку 496

Шувалов Александр Иванович (1710—1771) — граф (1746), генерал-фельдмаршал (1761), поручик лейб-компании, с 1756 г. член конференции,

начальник тайной канцелярии, сенатор. При Екатерине II — в отставке 252, 285—286, 309, 314, 321, 338

Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — обер-камергер (1777), генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Фаворит Елизаветы. Основатель Московского университета и Академии художеств, президентом которой являлся в 1757—1763 гг. При Петре III директор сухопутного кадетского корпуса. После переворота 1762 г. отстранен от всех дел 272—273, 313, 322

Шувалов Петр Иванович (1711—1762) — граф (1746), генерал-фельдмаршал (1761), генерал-адъютант (1751), конференц-министр и генерал-фельдцейхмейстер (1756), вице-президент военной коллегии (1758—1760), сенатор (1744). Фактически определял внутреннюю политику России в 50-е гг. 230, 252, 271

Шувалова Екатерина Ивановна, урожденная Кастюриня (ум. 1790) — графиня, жена А. И. Шувалова 321

Шуйский Василий Иванович (1552—1612) — русский царь в 1606—1610 гг. 136

Шумахер Андреас (1726—1790) — секретарь, а затем советник датского посольства в Петербурге в 1757—1764 гг. (с перерывами) 269

Щербачков (Щербачев?) — капитан 292

Эммануил (р. 1697) — португальский инфант, сын короля Педру II. В 1730 г. приезжал в Москву 188

Эмме — генерал 490

Эндтен — подполковник 287

Эстергази фон Галанта Николаус — граф, австрийский тайный советник, камергер. Австрийский посланник в Англии (1745), Польше (1745—1747), России (1753—1761) 271

Юсупов Григорий Дмитриевич (1676—1730) — князь, генерал-аншеф (1730), сенатор (1724), подполковник л.-гв. Преображенского полка, первый член военной коллегии (1727). Служил стольником при Петре I, участвовал в Азовских походах и Северной войне. В 1727 г. способствовал аресту Меншикова, в 1730 г. — возвращению самодержавной власти Анне Иоанновне 52, 54, 108, 110

Юсупов Николай Борисович (1750—1831) — князь, посланник в Турине (1783—1789), сенатор. При Павле I — министр уделов. При Александре I — член государственного совета 498

Юшкова Анна Федоровна — любимая камер-фрау Анны Иоанновны 197—198

Ягужинский Павел Иванович (1683—1736) — граф (1731), генерал-аншеф (1727). Родом из Польши. С 1701 г. в гвардии. Посланник в Австрии в 1720—1721 гг. С 1722 г.— генерал-прокурор Сената. Посол в Польше в 1726—1727 гг. и в Пруссии в 1731—1734 гг. В 1730 г. сначала примыкал к верховникам, потом встал на сторону Анны Иоанновны. С 1735 г.— кабинет-министр 26, 28, 34, 52, 55, 84—85, 88, 102—103, 106, 109—110, 113

Ягужинский Сергей Павлович (1731—1806) — граф, генерал-поручик (1764). В 1762 г.— камергер 321

Ягужинская Анна Гавриловна, урожденная графиня Головкина (ум. 1760 г.) — статс-дама (1730), жена П. И. Ягужинского с 1723 г. Во втором браке за М. П. Бестужевым-Рюминым (1743). Арестована и осуждена по делу Лопухиных в 1743 г., приговорена к урезанию языка и ссылке в Якутск 117, 199

Яковлев Андрей Яковлевич — действительный статский советник (1741), кабинет-секретарь Анны Иоанновны (1737). В 1727 г. описывал бумаги Меншикова. В 1739 г. был секретарем военной коллегии. Арестован Бироном по подозрению в заговоре, перенес пытки. После свержения регента освобожден. В 1741 г. снова арестован и предан суду как «конфидент Меншикова», лишен чинов и разжалован в писари астраханского гарнизона. 156, 180, 201, 205—206, 238

Якубович Александр Иванович (1796 или 1797—1845) — декабрист. Участник Заграничного похода и войны на Кавказе. В 1825 г.— капитан Нижегородского драгунского полка. На совещаниях заговорщиков предлагал убить Николая. 14 декабря должен был командовать гвардейским экипажем, но оставил ряды мятежников. Приговорен к вечной каторге. С 1839 г. на поселении 529—530

Ямыш — гвардейский капитан 205

Яшвиль Владимир Михайлович (1764—1815) — князь, генерал-майор артиллерии. В 1801 г. полковник. Активный участник заговора против Павла I в частности из-за того, что император побил его палкой 434, 436—437, 443, 461, 473, 476

Яшвиль Лев Михайлович (1768—1834) — князь, генерал от артиллерии (1819), член Военного совета (1832). В 1801 г. генерал-майор и цейхмейстер флота. Участник наполеоновских войн 434, 461

Оглавление

<i>М. А. Бойцов.</i> «...Клики страшный глас»	5
Пролог. «Отдайте все...»	21
Часть первая. «Чинов лишить и кавалерии взять»	35
Часть вторая. «Затейка верховных господ»	77
Часть третья. «Услуга от фельдмаршала»	139
Часть четвертая. «Ребята, вы знаете, чья я дочь!»	207
Часть пятая. «От правительства отрицаюсь»	265
Часть шестая. «Дешператный и безрассудный соур»	371
Часть седьмая. «Крепко умер!» :	427
Эпилог. «Что-то будет?!»	525
Комментарии	533
Именной указатель	550

СО ШПАГОЙ И ФАКЕЛОМ

Дворцовые перевороты

в России

1725—1825 гг.

**Составитель,
автор вступительной статьи
и комментариев**

БОЙЦОВ Михаил Анагольевич

Редактор **Е. А. Маркова**

Художник **С. С. Соколов**

Художественный редактор **А. Ю. Никулин**

Технический редактор **Л. Б. Демьянова**

Корректор **В. Н. Лыкова**

ИБ № 6166

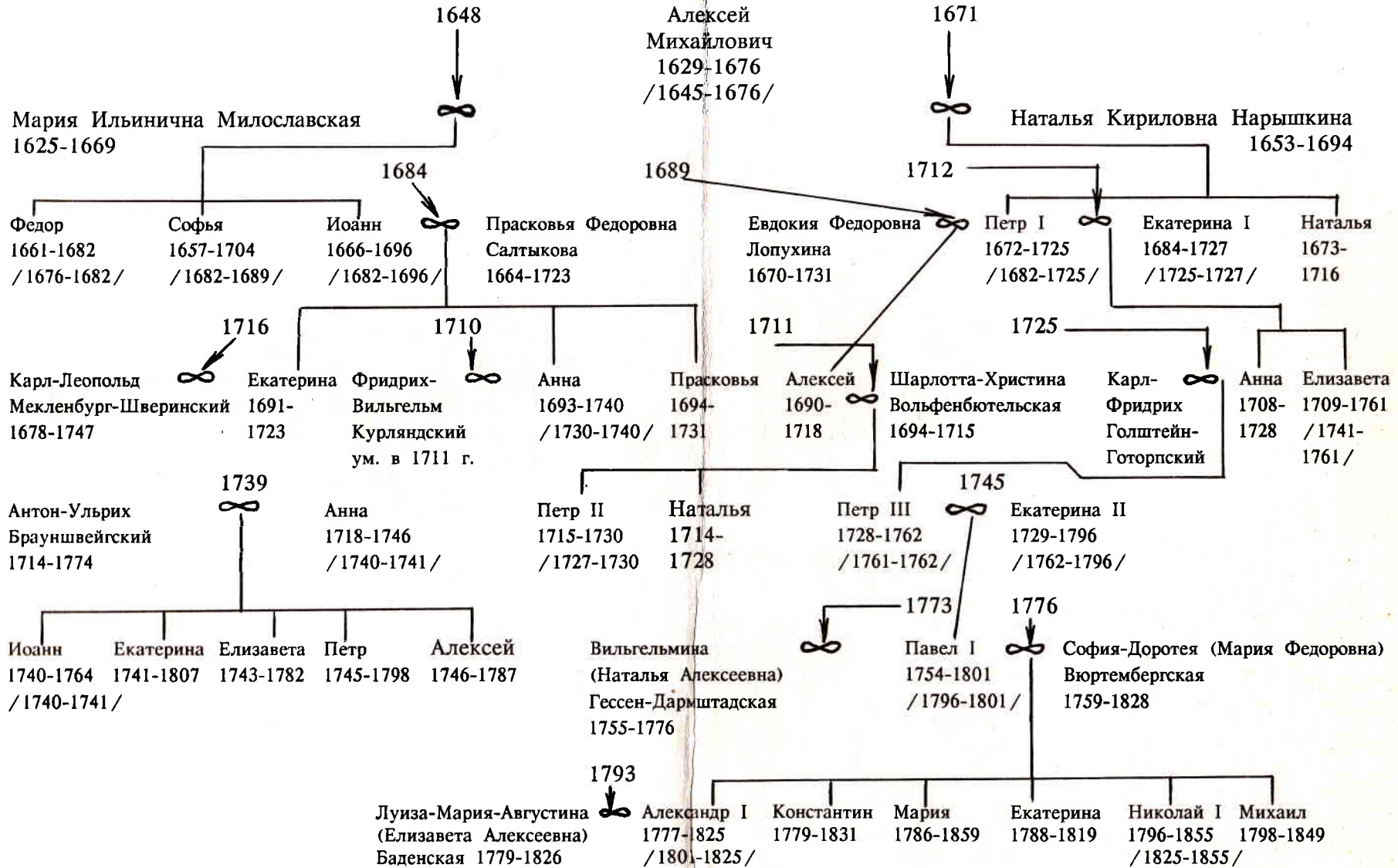
Сдано в набор 6.09.90. Подписано к печати 22.05.91. Формат 84x108¹/₃₂.
Гарнитура Тип. Таймс. Печать высокая. Бумага газетная. Усл. печ. л. 31,08.
Усл. краск.-отт. 31,5. Уч.-изд. л. 34,42. Тираж 100 000 экз. Заказ 362.
Цена 5 р. 90 к.

**Издательство «Современник» Министерства печати и массовой информации
РСФСР и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62**

**Полиграфическое предприятие «Современник» Министерства печати и мас-
совой информации РСФСР
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30**

ДОМ РОМАНОВЫХ В XVIII ВЕКЕ

(выборочная генеалогическая таблица)

Цифры в скобках обозначают годы правления или регенства

5000